

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

2 (241)

Апрель–Май–Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

Редакционный совет

академик РАН *М.Л. Гаспаров* (председатель),
д. филол. н. *В.И. Абаев*, член-корр. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*,
д.и.н. *В.К. Афанасьева*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*,
акад. РАН *Т.В. Гамкрелидзе*, д.и.н. *А.А. Губаев*,
акад. АН Грузии *Г.Г. Гиоргадзе*, акад. РАН *В.В. Иванов*,
д.и.н. *Ю.К. Колосовская*, д.и.н. *В.И. Кузицин* (зам. председателя),
член-корр. АН Украины *С.Д. Крыжицкий*,
д. филол. н. *В.А. Ливишц*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*,
д.и.н. *И.Л. Маяк*, акад. АН Грузии *Г.А. Меликишвили*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*,
акад. РАН *В.И. Молодин*, член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
член-корр. РАН *М.Б. Пиотровский*,
акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, д. филол. н. *А.А. Россиус*,
д.и.н. *И.С. Свенцицкая*, к.и.н. *В.М. Смирин*, д.и.н. *И.С. Чичуров*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор)

Е.В. Антонова, *А.Н. Бадер*, *Л.С. Баюн*, *А.А. Вигасин*,
В.А. Головина (зам. главного редактора),
М.А. Дандамаев (зам. главного редактора), *М.М. Дандамаева*, *А.И. Иванчик*,
С.Г. Карпюк (зам. главного редактора), *И.С. Клочкив*, *Г.А. Кошеленко*,
В.И. Кузицин, *Ю.Н. Литвиненко*, *Е.В. Ляпустина*, *Л.П. Маринович*, *А.Б. Никитин*,
А.И. Павловская, *А.В. Подосинов*, *Д.С. Раевский*,
С.Ю. Сапрыкин (ответственный секретарь), *А.В. Седов*, *А.Л. Смышляев*,
М.К. Трофимова, *В.И. Уколова*, *Э.Д. Фролов*, *С.В. Шкунаев*

Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

Ye. Antonova, *A. Bader*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*, *M. Dandamayeva*,
E. Frolov, *V. Golovina*, *A. Ivantchik*, *S. Karpuyuk*, *I. Klochkov*, *G. Koshelenko*,
V. Kuzishchin, *Ye. Lyapustina*, *Yu. Litvinenko*, *L. Marinovich*, *A. Nikitin*, *A. Pavlovskaya*,
A. Podosinov, *D. Raevsky*, *S. Saprykin*, *A. Sedov*, *S. Shkunayev*, *A. Smyshlyaev*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *A. Vigasin*

Head, Editorial Office *I. Malkova*

И.А. Ладынин

ОБОЗНАЧЕНИЕ *Stt* В «СТЕЛЕ САТРАПА» (Urk. II. 13.4): К ВОСПРИЯТИЮ МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ АРГЕАДОВ НА ВОСТОКЕ *

Основной текст «Стелы сатрапа» – египетского иероглифического источника, относящегося к событиям предпоследнего десятилетия IV в. до н.э.¹, – открывается датировкой годом царствования Александра IV (сына Александра Великого и Роксаны): *ḥꜣt-sp 7-t tpy ꜣḥt ḥr ḥm n...* [далее следует полный вариант египетской царской титулатуры Александра IV. – И.Л.] *sꜣ Rꜥ 'lrwksidrꜣ nḥ ḏt...* (Urk. II. 12. 12–13.2) – «Год царствования 7-й, 1-й [месяц сезона] *axet* при величестве..., сына Ра, Александра, да живет он вечно...²», т.е. ноябрь–декабрь 311 г. до н.э.. За датировочной формулой следует фраза, к которой хотелось бы привлечь внимание: *iwꜣ m nsw m tꜣwy ḥꜣswt iw ḥmꜣ m-ḥnt Stt iꜣw wn wr-ꜣꜣ m Bꜣꜣt Pṯrwmiꜣ rnꜣf.* (Urk. II. 13.3–5) – «[Когда был] он (Александр IV. – И.Л.) царем в Обих Землях (= Египте) [и] чужеземных странах, [когда было] Величество его в Азии, тогда был в Египте (*Bꜣꜣt*; см. Wb. I. 425. 18. – И.Л.) правитель великий по имени Птолемей» (Urk. II. 13.3–5). Особенностью этой фразы является употребление в ней слова *Stt*³, которое

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Историческая география и типы межрегиональных взаимодействий в древности» (№ 02-06-80163).

¹ Основные издания «Стелы сатрапа»: Urk. II. 11–22; *Bey Kamal A. Stèles ptolémaïques et romaines*. 2. Le Caire – Leipzig, 1905 (CG. 23001–23246). P. 168 ff. Pl. 61. Важнейшие переводы: *Roeder G. Die ägyptische Religion in Texten und Bildern*. I: Die ägyptische Götterwelt. Zürich, 1959. S. 100–106; *Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter zugunsten der Götter von Buto (Satrapenstele)*, 311 v. Chr. (Übersetzung und Kommentar von U. Kaplony-Heckel) // *Texte aus der Umwelt des Alten Testament*. I: Rechts- und Wirtschaftsurkunden. Historisch-chronologische Texte. Aachen, 1982. S. 613–619.

² 1-м годом формального царствования Александра IV в Египте был египетский год, продолжавшийся с 10 ноября 317 г. по 9 ноября 316 г. до н.э. и пришедший на время непосредственно после убийства Филиппа Арридея по приказу Олимпиады в октябре 317 г. до н.э. (*Diod. XIX. 17*; демотический Pap. Bibl. Nat. 219, относящийся к январю–февралю 316 г. все еще содержит датировку очередным 8-м годом царствования Арридея, однако в Pap. Loeb 27, относящимся к апрелю 316 г., появляется уже датировка 1-м годом Александра IV: *Pestman P.W. Chronologie égyptienne d'après les textes démotiques* (332 av. J.-C. – 453 ap. J.-C.). Leiden, 1967 (Papyrologia Lugduno – Batava, 15). P. 12). Таким образом, первый месяц Половодья, т.е. начало 7-го года Александра IV, должен был прийти на ноябрь–декабрь 311 г. до н.э. (см. данные о начале года в египетском летосчислении для интересующей нас эпохи: *Skeat T. C. The Reigns of Ptolemies*. München, 1969² (MBPAR, 39). P. 9 ff.). О невозможности отнесения 1-го года царствования в Египте Александра IV к 324–323 г. до н.э. (см. основанную на этом датировку Pap. BM 10188 от 12-го года Александра IV: *Spiegelberg W. // RT. 1913. 35. P. 35. Not. 1; Möller G. Hieratische Paläographie*. III. Lpz, 1936. S. 9–10) и соответственно датировки «Стелы сатрапа» началом 310-х годов (*Струве В.В. Манефон и его время // ЗКЗ. 1928. 3. С. 141–142: ошибочно 317/316 г., а не 318/317 г., в соответствии с правильным отсчетом от 324/323 г.; ср. Jouguet P. La politique intérieure du premier Ptolémée // BIFAO. 1930. 30. P. 523*), см. *Spiegelberg W. Die demotische Papyri* Loeb. München, 1931. S. X–XI. Anm. 15 (прим. В. Отто); *Ладынин И.А. К датировке «Стелы сатрапа» и интерпретации ее исторической части* (Urk. II. 12.12–15.16) // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Казань, 2000. С. 180–183.

³ Выписано следующим образом: в верхнем регистре строки знак *S*₂₂ (см. GG(SL); «оплечье», фонетическое значение *ḏ*) с тремя необычными поперечными вертикальными чертами; под ним, в нижнем

автор данной статьи, вслед за устоявшейся в египтологической литературе традицией, переводит как *Азия* (подробнее см. ниже). Между тем известно, что с тех пор, как Антипатр, ставший после совещания диадохов в Трипарадейсе регентом при царях-наследниках Александра Великого, перевез их в Македонию (в 320 г. до н.э.; Arr. Succ. Alex. 38; Diod. XVIII. 39. 7), Александр IV не покидал Балканского полуострова. В 311 г. до н.э., когда была составлена «Стела сатрапа», он находился в заточении у Кассандра в Амфиполе (ср. Diod. XVIII. 52. 4; Just. XIV. 6. 13)⁴. Таким образом если исходить из исторических реалий конца 310-х гг. до н.э., слово *Stt* должно обозначать в тексте *Македонию*. Подобное употребление слова представляется уникальным и, следовательно, требует объяснения.

Хорошо известно, что обозначение *Stt/Stt* и (и производные от него *Sftyw/Sttyw*) в египетских иероглифических текстах с начала III тыс. до н.э. неизменно относились к землям к востоку и северо-востоку от Египта (и соответственно их обитателям). Это отразилось в установившейся традиции их перевода как «Азия» и «азиаты»⁵.

регистре строки, два знака X_1 («хлеб», *t*); далее по направлению чтения два детерминатива A_{49} (?; «сидящий иноземец»), по-видимому, соответствующие детерминативам T_{14} («метательная дубинка») в других случаях написания *Stt* в «Стеле сатрапа» (Urk. II. 14.9–10, 16.14; см. ниже). При уточнении данных написаний, помимо автографии К. Зете («Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit»), автором настоящей статьи были использованы фотографии текста «Стелы сатрапа», любезно предоставленные проф. Э. Винтером (Трирский университет, Германия).

⁴ О событиях жизни Александра IV и его месте в политической борьбе времени диадохов см. Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 53–54, 65–67; Seibert J. Das Zeitalter der Diadochen. Darmstadt, 1983 (Erträge der Forschung, 185). S. 194–195 (сводка основных публикаций источников и исследований); Errington R.M. A History of Macedonia. Berkeley – Los Angeles – London, 1990. P. 117–129; о проблемах хронологии начала эпохи диадохов см. Bosworth A.B. Philip III Arrhidaeus and the Chronology of the Successors // Chiron. 1992. 22. S. 55–81 (с подробными отсылками к полемике в литературе).

⁵ Wb. IV. 348. 3, 6; Belegst. IV. S. 55; Gauthier H. Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques. VI. Le Caire, 1929. P. 95; Helck W. Fremdvölkerdarstellungen // LÄ. II. Sp. 319. Самые ранние случаи употребления данного термина относятся к I династии: Petrie W.M.F. The Royal Tombs of the First Dynasty. L., 1900. I. Pl. 12. № 12–13; Pl. 17. № 30; II. Pl. 22. № 181. Точную этимологию *Stt/Stt* и производных от него можно, как кажется, найти исходя из возведения их к глаголу *sti* – «стрелять из лука» (Wb. IV. 326–327). Последний представляет собой, на самом деле, один из вариантов глагола «бросать» с широким спектром значений (бросать предметы – *ibid.* 328.3–4; в том числе зерно, т.е. «сыпать», – *ibid.* 328.7–8; жидкость, т.е. «выливать, испускать», – *ibid.* 328.9–329.16; лучи, т.е. «светить», – *ibid.* 330.13–331.1). Подобная интерпретация терминов *Stt/Stt* кажется вероятной в свете несомненных этимологии таких египетских обозначений чужеземных народов, как *pdt/pdtyw* (Wb. I. 570.1–5), *iwntyw* (*ibid.* 55. 3–7: «[относящиеся к] луку-*iwnt*» применительно к населению неегипетских областей), *pdt*-9, (*ibid.* I. 570. 6–7: «Девять луков» как собирательное обозначение внешних врагов Египта с оттенком «множество варваров»; Sæve-Soderberg T. Bogenvölker // LÄ. I. Sp. 844–845; Виноградов А.К. Древнеегипетский фразеологизм «девять луков» // Мероэ. 3. М., 1985. С. 78–100), возможно, *Sty/T3*–*Sty* и *Styw* (Wb. III. 488. 7–10, 11–12: «Нубия» как «страна лука-*st*» и «нубийцы»; Виноградов. Ук. соч. С. 82; см., однако, GG(SL). Aa32. P. 527. Not. 1) и в особенности явно деривативное от глагола *sti* обозначение *styw* (Wb. IV. 328: «стреляющие из лука» применительно к народам Азии). Доводом против предлагаемой этимологии может показаться использование разных знаков для написания основ глагола *sti* и интересующих нас термина *Stt/Stt* и его производных. В первом случае это знак F_{29} («шкура леопарда, пронзенная стрелой»), являющийся здесь детерминативом и в иных ситуациях имеющий фонетическое значение *st*; во втором случае это знак S_{22} («оплечье») с основным фонетическим значением *st*. В то же время взаимпереходность звуков *t* и *l* и соответствующих им знаков в египетском языке общезвестна, а ряд примеров фиксирует взаимозаменяемость названных нами знаков (S_{22} в написании глагола *sti* в значении «лить воду» – стела BM1164, 8; Faulkner R.O. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxf., 1962. P. 252; F_{29} в написании имени богини *Sst* – BM 852, Urk. IV. 88. 14, ср. Pyr. 1116; Wb. IV. 333, GG(SL). F_{29} . P. 456, Faulkner. Op. cit. P. 256). Особенно показательно употребление в Питомской стеле знака F_{29} в написании собственно термина *Stt* (Urk. II.91.6. Anm. 'a'; Gauthier. Op. cit. VI. P. 63; Lorton D. The Supposed Expedition of Ptolemy II to Persia // JEA. 1971. 57. P. 161). Сам термин *Stt/Stt* можно рассматривать как инфинитив глагола *sti* (учитывая его принадлежность к классу *Zae inf.*) или как его причастие женского рода; при любом из этих вариантов данная глагольная форма должна была подвергнуться субстантивации и в ряде случаев (хотя далеко

Несомненно, что обозначение *Stt* в приведенной фразе не могло служить указанием на неегипетские земли вообще. В таком значении, на наш взгляд, с большей вероятностью можно было бы ожидать слова *h3swt* (ср. другие фрагменты «Стелы сатрапа»: Urk. II. 13.3, 14.6, 21.9). Вряд ли можно усмотреть в подобном использовании слова и ошибку составителей иероглифического текста «Стелы». Очевидно, что таковая могла быть допущена только в том случае, если реальное местонахождение Александра IV им было неизвестно или, к примеру, безразлично. Однако все это трудно представить, когда речь идет о подданных (тем более об образованной чиновной элите) любого монархического государства. В Египте мы к тому же имеем дело с специфической идеологической традицией, в рамках которой образ легитимного правителя сакрализуется, сам факт его наличия имеет совершенно исключительное значение для благополучия страны, а его отсутствие создает опасность космической катастрофы⁶. Кроме того, в условиях полной превратностей борьбы между диадохами именно участь представителей дома Аргеадов, в том числе их присутствие (добровольное или вынужденное) в том или ином лагере, в значительной мере определяли уровень притязаний участников этой борьбы, степень ее напряженности и ее возможные последствия для разных частей прежней державы Александра, включая Египет. Разумеется, не может быть сомнений в том, что его местная элита хорошо это осознала. По этой причине все доступные подробности о судьбе Александра IV заведомо не могли не быть в центре внимания представителей египетской элиты, включая и составителей «Стелы сатрапа». Между тем как раз сведения о его нахождении в плену у Кассандра в Македонии столь же заведомо не могли составлять никакой тайны. Нет сомнения, что казнь по наущению Кассандра Олимпиады и захват им Роксаны и Александра IV в 316 г. до н.э. (Diod. XIX. 51–52; Just. XIV. 6. 6–13) немедленно стали известны всей греко-македонской ойкумене: очень скоро обвинение Кассандра и требование об освобождении царственных узников было публично «озвучено» Антигоном (Diod. XIX. 61. 1–3). Напомним, что в близком по времени к составлению «Стелы сатрапа» договоре диахов 311 г. до н.э. пребыванию молодого царя под властью Кассандра неявно придается законный статус: Кассандр провозглашается «стратегом Европы» до совершеннолетия Александра IV (ibid. 105. 1). Следовательно, выяснить местонахождение легитимного фараона составителям «Стелы сатрапа» не составляло труда: служившие сатрапу Птолемею греко-македонские военные или чиновники несомненно обладали этими сведениями. При этом явная идеологическая направленность «Стелы», переносимая на Птолемея ряд общих традиционных царских восхвалений, убеждает, что ее составление предполагало выполнение «политического заказа» тогдашней греко-македонской элиты Египта⁷. Это подразумевает несомненные контакты составителей текста с «заказчиками». Учитывая все сказанное, возможность «неведения» составителей «Стелы сатрапа» относительно истинного местонахождения Александра IV представляется крайне незначительной.

Следовательно, кажется правомерным исходить из того, что, употребляя в данном фрагменте «Стелы сатрапа» обозначение *Stt*, ее составители вполне осознанно относили его к Македонии. Попробуем обосновать эту версию более подробно, обратившись к двум другим случаям его употребления в «Стеле сатрапа». Наиболее простой

не всегда) изменить свою вторую корневую согласную на *-t*. Заметим, что последнее фонетическое изменение достоверно зафиксировано в таких глаголах, явно представляющих собой варианты общего глагола *sti* («бросать»), как *sti* (Wb. IV. 346.13–347.7: «сеять, рассыпать») и *sti* (ibid. 347.10–348.2: «испускать семя, оплодотворять, зачинать»). Вероятным лексическим значением форм *Stt/Stt* должно быть «лук» или «стрельба из лука» (соответственно, *Sttyw/Sttyw* – нисбы от этого слова, по полной аналогии с *pdtw* и *iwtw*). Ср. с мнением о «смещении» фонетической структуры обозначения *Stt/Stt* и корня *sti* («стрелять из лука») с производным от него обозначением *Stiw*: Gauthier. Op. cit. V. Caire, 1928. P. 95.

⁶ См., например: Derchain Ph. Le rôle du roi d'Égypte dans le maintien de l'ordre cosmique // Le pouvoir et le sacré. Bruxelles, 1962 (Annales du Centre d'Études des religions, I).

⁷ Ладынин. К датировке «Стелы сатрапа»... С. 196–198.

представляется интерпретация термина *Sst* во фрагменте, описывающем посещение Хаббашем (правителем, признававшимся фараоном по всему Египту ок. 337–335 гг. до н.э.)⁸ района Буто: целью этого визита был осмотр «устья каждого, впадающего в Великую Зелень, дабы отразить [любое] судно-*kbnt* Азии от Египта» (Urk. II. 16.14: [wd] hm.f r P-Dp] ... hr m} } iw-r nb šm r W^cd-wr r hsf kbnt nt [ошиб. nty] *Sst* r Kmt). Употребление слова *Sst* в данном контексте было отнесено к Персии Э. Спэлинджером, считавшим, что речь идет об использовании последней финикийских наемных или союзных военных кораблей⁹. В противовес этому мнению Х. Гёдике предположил, что данное обозначение должно относиться собственно к Финикии, так как слово *kbnt* восходит к египетскому топониму *Kbn* (Wb.V. 118.3–5: «Библ») и обозначает таким образом библские, т.е. финикийские, корабли-триремы¹⁰. Подобный аргумент весьма уязвим: как показало исследование термина *kbnt* Дж. К. Дарнеллом, в позднее и греко-римское время, независимо от того, сохраняла ли тогда актуальность его этимологическая связь с египетским обозначением Библа, он мог употребляться по отношению к любым крупным морским кораблям, как военным, так и торговым, безотносительно к их конкретной принадлежности¹¹. В то же время само выражение *kbnt nt Sst* в данном фрагменте «Стелы» Дарнелл переводит как «корабли-*kbnt* Азии», не интерпретируя обозначение *Sst* более конкретно, но и не оспаривая при этом мнения Э. Спэлинджера и полагая, что эти корабли должны были иметь левантийское происхождение¹². Стоит, однако, задуматься, могли ли морские силы Ахеменидской державы в конце ее существования в принципе вызывать однозначную ассоциацию именно с Финикией и Левантом? В начале 340-х годов, при подавлении восстания Финикии и Кипра, Артаксеркс III, будучи, естественно, лишен возможности использовать их мощные морские силы, собрал тем не менее флот в 300 триер и 500 торговых и военных кораблей (Diod. XVI. 40. 6). При завоевании же этим правителем Египта в 343 г. до н.э. на десантных кораблях, участвовавших в высадке в устьях Нила (и, вполне возможно, действительно оснащенных в Финикии и отплывших из ее портов), находились прежде всего греческие наемники во главе с командующими греками и персами (ibid. XVI. 47. 1–4). Как известно, одним из главных инициаторов воссоздания персидского флота при Дарии III в канун войны с Александром, а затем его командующим был родосский грек Мемнон (ibid. XVII. 7). Переход же на сторону Александра после его победы при Иссе и продвижения в Восточное Средиземноморье финикийских и кипрских кораблей хотя и сильно ослабил персидский флот (Arr. Anab. II. 20.1–3), но не уничтожил его полностью (известия о пленении его командующего Фарнабаза и уничтожении опорных пунктов персов в Эгееде Александр получил только в Египте, т.е. в конце 332 – начале 331 гг. до н.э.; ibid. III. 2.3–7). Иными словами, очевидно «многонациональный» характер персидского флота в отразившееся в данном фрагменте «Стелы сатрапа» время, скорее всего, должен был исключить его идентификацию по какому-то одному из регионов, поставлявших его корабли и контингенты. Соответственно, слово *Sst*

⁸ Из наиболее важных работ о Хаббаше и датировке его правления см. Kienitz F.K. Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. B., 1953. S. 185–189 (Einzeluntersuchungen und Anlagen: 9: König-Chababasch); Spalinger A. The Reign of King Chababash: An Interpretation // ZÄS. 1978. 105. S. 147–152; Huß W. Der rätselhafte König Chababasch // Studi epigrafici e linguistici sul Vicino Oriente antico. 1994. 11. P. 97–117 (с особенно подробными отсылками к литературе).

⁹ Spalinger. The Reign of King Chababash... P. 149–150. Not. 42.

¹⁰ Goedicke H. Comments on the Satrap Stela // BES. 1985. 6. P. 38. Not. 22–23.

¹¹ Darnell J.C. The *kbn.wt* Vessels of the Late Period // Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyse to Constantine and Beyond / Ed. J.H. Johnson. Chicago, 1992 (SAOC 51). P. 67–89 (см. особ. 67–68, 87–89). Заметим, что в случае правильности предложенных Гёдике этимологии слова *kbnt* и трактовки обозначения *Sst* образуемое ими выражение в целом представляло бы собой маловероятный плеоназм: «библские корабли [из] Финикии».

¹² Darnell. Op. cit. P. 85.

в рассматриваемом фрагменте «Стелы сатрапа» должно обозначать либо в целом побережье Азии как территорию, откуда Египту в данное время в принципе могло бы угрожать нападение кораблей-*kbnt*, либо (что кажется нам более правдоподобным) ту внешнюю политическую силу, которая была заинтересована в их нападении и по воле которой оно могло быть осуществлено. Очевидно, что во время Хаббаша, т.е. в середине 30-х гг. IV в. до н.э., подобной силой могла быть только Ахеменидская держава, прямо заинтересованная в восстановлении своего утраченного при этом правителе владычества над Египтом¹³ и вполне соответствующая по своим границам термину *Stt* в его чисто географическом прочтении.

Другой фрагмент «Стелы сатрапа» сообщает, что Птолемей «принес (в Египет. – И.Л.) образы богов, найденные в Азии вместе с утварью всякой, «душами Ра» (священными книгами, см. Wb. I. 414. – И.Л.) всякими, принадлежащими храмам юга [и] севера» (Urk. II. 14.9–10; *in.n.f^c hmw n ntrw gm m-hnt Stt hnt dbhw nb[w] b3w R^c nb[w] nw gw-prw rs mhyt*). Историческая достоверность этого сообщения, как и ряда его аналогов III в. до н.э., приписывающих возвращение египетских культовых предметов из Азии царям династии Птолемеев, кажется вполне возможной, но, несомненно, заслуживает отдельного подробного обсуждения¹⁴. Очевидно, однако, что это деяние могло быть совершено сатрапом Птолемеем лишь в результате его войн в Азии¹⁵; соответ-

¹³ Обстоятельства изгнания персов из Египта не позднее 338–337 гг. до н.э. неизвестны, однако сам факт его не вызывает сомнений, так как без него было бы невозможно распространение власти Хаббаша практически на весь Египет. О последнем говорят находки памятников этого правителя в Фивах и Мемфисе (см. Kienitz. Op. cit. S. 232; *Huß*. Der rätselhafte König Chababasch... S. 98–99; *Schneider H.D.* The Memphite Tomb of Horemheb, Commander-in-Chief of Tutanchamun. II: A Catalogue of the Finds. Louvain, 1996. P. 37) и свидетельство «Стелы сатрапа» о его присутствии в Дельте. Terminus ante quem правления Хаббаша и соответственно самое позднее возможное время восстановления власти персов в Египте определяется датировкой III 3^h 2-го года Дария III (Pap. dem. Louvre 2430, A, l. 1; по Ф.К. Киницу – январь–февраль 335 г. до н.э.); terminus post quem прихода Хаббаша к власти определяется по самой поздней датировке его мемфисского саркофага Аписиса III 3^h 2-го года (*Gunn B.* Two Inscribed Sarcophagi of the Serapeum // *ASAE*. 1926. 26. P. 86–87; по Киницу – январь–февраль 336 г.) как конец 338 – начало 337 г.; Kienitz. Op. cit. S. 187–188.

¹⁴ Это деяние было приписано Птолемею II Филадельфу – в Питомском декрете (Urk. II. 91. 6–11 sq.), Птолемею III Эвергету – в греческом, иероглифическом и демотическом текстах Канопского декрета (OGIS 56. l. 10–11; Urk. II. 128. 11–129. 1–3; демотический текст см. по изданию: *Spiegelberg W.* Der demotische Text der Priesterdekrete von Kanopus und Memphis (Rosettana) mit den hieroglyphische und griechische Fassungen und deutscher Übersetzung nebst demotischen Glossar. Heidelberg, 1922) и надписи из Адулиса (OGIS 54. l. 20–22; ср. FGrH. № 260: Porphyrion von Tyros. F. 43), Птолемею IV Филопатору – в демотическом тексте «декрета Рафии» (сткк. 21–23: *Gauthier H., Sottas H.* Un decret trilingue en l'honneur de Ptolémée IVème. Le Caire, 1925. P. 36). См. *Lorton*. Op. cit. P. 160–164; *Winnicki J.K.* Bericht von einem Feldzug des Ptolemaios Philadelphus in der Pithom-Stele // *Journal of Juridical Papyrology*. 1990. 20. P. 157–167; *idem*. Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. in Syrien in den Jahren 312–311 v. Chr. (II) // *Anc. Soc.* 1991. 22. P. 168 (кроме того, Я.К. Винницкий указал – см. *ibid.* Anm. 61 – на подготовку им специальной статьи о топосе возвращения в Египет культовых предметов в птолемеевских текстах для «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik», которая, насколько нам известно, так и не увидела свет); *Huß W.* Der makedonische König und die ägyptischen Priester. Stuttgart, 1994 (Historia. Einzelschriften 85). S. 46. Anm. 77–79; *Ладынин И.А.* Сведения о возвращении из Азии египетских культовых предметов правителями династии Птолемеев // *Античность в современном измерении*. Тез. докл. Всероссийской научн. конф., посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань, 2001. С. 90–92.

¹⁵ О. Буше-Леклерк, в принципе сомневаясь в историчности данного сообщения, высказал мнение, что если оно все же соответствует действительности, то Птолемей должен доставить из Азии пресловутые культовые предметы при своем вступлении в Египет в качестве вновь назначенного сатрапа в конце 323 г. до н.э. (*Bouché-Leclercq A.* Histoire des Lagides. I. P., 1903. P. 11). Доводом против этого мнения может служить то соображение, что подобная акция заведомо имела бы смысл лишь в целях повышения Птолемеем своего статуса до уровня самостоятельного правителя Египта – продолжателя традиции фараонов. Однако в этом случае она вызвала бы немедленное (притом предвещающее появление Птолемея в Египте) сопротивление регента державы Аргадов Пердикки, опасавшегося устремлений сатрапа Египта (ср. с недовольством Пердикки захоронением в Египте спустя около года тела Александра: *Дройзен И.Г.* История

ственно, обозначение *Stt* в данном контексте должно относиться к тому региону, который был захвачен ходом их боевых действий. Скорее всего составители «Стелы сатрапа» имели в виду, что священные предметы были возвращены Птолемеем в результате описанной в этом тексте в традиционной стилистике египетских военных надписей кампании 312–311 гг. до н.э. (Urk. II. 15. 2–10)¹⁶. Согласно античным авторам, в ходе ее, после одержанной совместно с Селевком победы над Деметрием при Газе, Птолемею удалось занять Палестину, Финикию и Южную Сирию, но затем пришлось оставить их под ударами Антигона (Diod. XIX. 80–86; Plut. Dem. 4–5; Iust. XV. I. 6). Однако даже если допустить, что возвращение священных предметов произошло в результате какой-то другой военной кампании Птолемея в Азии, то таковой за весь период с 323 г. до н.э. и до времени составления «Стелы» мог быть только захват сатрапом Египта у Лаомедонта Митиленского вскоре после смерти Антипатра (т.е. ок. 319 г.), по сути дела, тех же территорий Восточного Средиземноморья (Diod. XVIII. 43; App. Syr. 52; FGrH. № 239: Marmor Parium. B12; отсюда примерно через год Птолемея вытеснил Эвмен: Diod. XVIII. 63.6; 73. 2)¹⁷. При описании в «Стеле сатрапа» азиатской кампании Птолемея 312–311 гг. до н.э. (Urk. II. 15. 2–10) эти территории были обозначены как «страна Хару» (Urk. II. 15. 4: *pꜣ tꜣ n Ḥꜣꜣr[w]*)¹⁸. Появление в «Стеле» относящегося явно к этой же территории другого обозначения – *Stt* – в принципе может быть обычным случаем употребления более широкого, но все равно корректного термина вместо более узкого, но в контексте возвращения Птолемеем египетских культовых предметов оно, как кажется, приобретает особую

эллинизма. Т. 2. М., 1893. С. 57. 65; Diod. XVIII. 28. 2–29. 1; FGrHist. 156: Arr. F. 9. 25, 10. 1; Paus. I. 6. 3; Strabo XVII. 1. 8).

¹⁶ Hölbl G. Geschichte des Ptolemäerreiches: Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander dem Grossen bis zur römischen Eroberung. Darmstadt, 1994. S. 73. Anm. 14. Большинство исследователей считает, что «Стела» описывает азиатскую кампанию сатрапа Птолемея именно 312 г. до н.э.: Bouché-Leclercq. Op. cit. I. P., 1903. P. 49. Not. 1; Griffith F.Ll. Catalogue of the Demotic Papyri in the John Rylands Library. Manchester, 1909. III. P. 318. Not. 1; Vandersleyen Cl. Les guerres d'Amosis, fondateur de la XVIIIe dynastie. Bruxelles, 1971 (Monographies Reine Élisabeth, I). P. 149; Winnicki. Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I... P. 169. В.В. Струве, ошибочно датируя «Стелу» 317/316 г. до н.э. (см. прим. 2), считал, что речь в ней идет о военных действиях в Восточном Средиземноморье в 320–318 гг. до н.э. (Манефон и его время... С. 142); аналогичное мнение высказывал П. Фрэзер, сначала солидаризовавшись со Струве (Fraser P.M. Two Studies on the Cult of Sarapis in the Hellenistic World // Opuscula Atheniensia. I. Lund, 1960. P. 2. Not. 1), а затем указав, что описание азиатской кампании 312 г. не может предшествовать описанию хронологически более раннего подавления киренского восстания 313–312 гг. до н.э. (Urk. II. 15. 12–16; Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Oxf., 1972. II. P. 12. О том, что в основе композиции «Стелы» лежит не хронологический принцип, см. Ладынин. К датировке «Стелы сатрапа»... С. 191–192). Дж.К. Дарнелл высказал маловероятное предположение, что начальные строки данного фрагмента «Стелы» описывают уход Птолемеем военных кораблей, конницы и войск из Финикии до вторжения туда Антигона (ср. Diod. XIX. 58; Darnell. Op. cit. P. 76).

¹⁷ О военных кампаниях сатрапа Птолемея в Азии см. Seibert J. Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. München, 1969 (MBPAR, 56). S. 129–137, 148–151; Winnicki. Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I... (I–II) // Anc. Soc. 1989. 20. P. 55–92; Anc. Soc. 1991. 22. P. 147–227; Hölbl. Geschichte des Ptolemäerreiches... S. 17.

¹⁸ *Ḥꜣꜣr[w]* (Wb. III. 232. 7–10) – обозначение, употреблявшееся в египетских иероглифических текстах с эпохи Нового царства. По мнению А.Г. Гардинера, относясь первоначально к примыкавшей к Египту территории южной Палестины, оно перешло затем на территорию Палестины, Финикии (по крайней мере, к югу от Библа) и Южной Сирии (Gardiner A.H. Ancient Egyptian Onomastica. Oxf., 1947. I. P. 181*–182*. № 567; ср. Ладынин. К датировке «Стелы сатрапа»... С. 183. Прим. 14). В то же время ряд фрагментов источников показывает, что обозначение *Ḥꜣꜣr[w]* должно относиться, по сути дела, ко всему Восточному Средиземноморью (Немировский А.А. Гиксосы: к вопросам именования и происхождения // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. М., 2001. С. 121–123). Очевидно, что подобное истолкование этого термина прекрасно соответствует сведениям античных источников о театре азиатских кампаний сатрапа Птолемея. Характерно, что в «Стелы сатрапа» термин *Ḥꜣꜣr[w]* обозначает не только территорию страны, но и ее жителей, о чем свидетельствует согласование с ним в Urk. II. 15. 5–6, 8–10 местоимения-суффикса 3 л. мн. ч. [*sn* (т.е. *pꜣ tꜣ n Ḥꜣꜣr[w]*) – собственно «страна [людей] Хару?»).

мотивировку. В посвященных этому же сюжету птолемеевских текстах III в. до н.э. (см. выше прим. 14) вина за похищение священных предметов вполне однозначно возлагается на Персию. Нет оснований думать, что те из них, которые, как считалось, вернул в Египет еще сатрап Птолемей, были утрачены при иных обстоятельствах, нежели те, часть возвращения которых принадлежала его царственным преемникам¹⁹. Соответственно, территория Восточного Средиземноморья, на которой священные предметы были или считались обнаружены сатрапом Птолемеем, могла быть названа *Stt* по ассоциации с обозначавшимся таким же образом государством, включавшим ее прежде и ответственным за похищение этих предметов. Показательно, что в Питомском декрете и в иероглифической версии Канопского декрета страны, откуда Птолемей II и Птолемей III вернули египетские «реликвии», также обозначены как *Stt*, причем в Питомском декрете это обозначение фактически параллельно иероглифической транскрипции хоронима «Персия» (Urk. II. 91. 6–7: *šm nsw r tšyt Stt ph.nf r P₃-r-s-tt*; ср. в Канопском декрете: *ibid.* 128. 11: *P-r-s₃-t-t*)²⁰. Как кажется, сказанное позволяет хотя и косвенным образом, но достаточно уверенно отнести обозначение *Stt* в сообщении «Стелы сатрапа» о возвращении Птолемеем похищенных культовых предметов к Ахеменидской державе.

Случаем употребления обозначения *Stt* вне «Стелы сатрапа», наиболее близким к ней хронологически и исторически, оказывается фрагмент так называемой «Неаполитанской стелы», составленной от имени правителя Гераклеополя Сема-таутефнахта (Urk. II. 1–6)²¹ и датируемой последними десятилетиями IV (может быть, началом III) в. до н.э. Обращаясь к богу Хершефи, этот правитель среди прочего говорит: «Ты (т.е. Хершефи. – *И.Л.*) открыл [мне] частый доступ в царский дворец, [причем] сердце благого бога [было] довольно [тем, что] я говорил. Ты отличил меня среди множества, когда обратил ты тыл свой к Египту. Ты вложил любовь ко мне в сердце властителя Азии... Ты защитил меня при наступлении *хау-небу*, после того как ниспроверг ты Азию» (*ibid.* 3. 11–16: *wšh.n.k nmt n pr-nsw ib n ntr nfr hr hr ḏd.i tn.n.k wi*

¹⁹ О наиболее вероятных этапах вывоза персами культовых предметов из египетских храмов см. Ладынин. Сведения о возвращении... С. 91. Диодор (XVI. 51. 2) сообщает о вывозе из Египта Артаксеркомом III, наряду с захваченным в храмах золотом и серебром (включавшим, вероятно, и культовую утварь), также и храмовых текстов, которые якобы были потом возвращены египтянам за деньги Багоем; это известие особенно для нас важно, так как коррелируется с упоминанием в «Стеле сатрапа» утраченных «душ Ра». О мотивах разрушения персами храмов и захвата религиозных святынь враждебных им стран см. Дадимаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 343.

²⁰ Обозначение *P₃-r-s-tt* в Питомском декрете интерпретировалось как «Персия» подавляющим большинством египтологов (см. переводы данного текста: Brugsch H., Erman A. // ZÄS. 1894. 32. S. 74–87; Naville E. The Store-City of Pithom and the Route of Exodus. L., 1903. P. 18–21. Pl. 8–10; Roeder. Op. cit. S. 114–128) прежде всего на основании сопоставления с его аналогом в Канопском декрете, значение которого не вызывало сомнений благодаря демотической и греческой параллелям. У. Тарн, а вслед за ним и ряд других исследователей, заключил, что оно является собирательным обозначением прежних земель Ахеменидской державы, в том числе тех территорий, которые реально могли быть захвачены описываемым в Питомском декрете походом Птолемея II (Tarn W.W. Ptolemy II and Arabia // JEA. 1929. 15. P. 9–25; Kortenbeutel H. Der ägyptische Süd- und Osthandel in der Politik der Ptolemäer und römischer Kaiser. Diss. B., 1931. P. 20–21; Preaux Cl. L'Économie royale des Lagides. Bruxelles, 1939. P. 356–357; Fraser. Ptolemaic Alexandria. I. P. 177. II. P. 301. № 350); иными словами, его употребление представляет полную аналогию постулируемому нами значению *Stt* во фрагменте «Стелы сатрапа» о возвращении культовых предметов. С 1970-х годов в ряде работ появляется мнение о возможности интерпретации *P₃-r-s-tt* в Питомском декрете как «Палестина» (Lorton. Op. cit. P. 161–162; Bresciani E. // EVO. 1983. 6. P. 22–23 – non *vidi*), приобретающее особенную четкость у Я.К. Винницкого (Bericht von einem Feldzug... S. 162–165; см. там же подробный обзор литературы); в то же время главная предпосылка вывода Винницкого – тезис о несовпадении данного обозначения с *P-r-s₃-t-t* Канопского декрета (*Ibid.* S. 161) не кажется нам бесспорным.

²¹ См. переводы и комментарии: Tresson P. La stèle de Naples // BIFAO. 1930. 30. P. 369–391; Lichtheim M. Ancient Egyptian Literature. III: The Late Period. Berkeley – Los Angeles – London, 1980. P. 41–44; Perdu O. Le monument de Samtoutefnakht à Naples // RdÉ. 1985. 36. P. 89–113; Тураев Б.А. История древнего Востока. Л., 1935. С. 164; Перепелкин Ю.Я. История древнего Египта. СПб., 2000. С. 462–464.

hnt hḥ m ir.n.k sꜣ.k r Bꜣkt di.k mrt.i m ib n hḳꜣ n Stt...; *ibid.* 4. 3–4: *mk.n.k wi m ḥꜣ n hꜣw-nbw[t] dr ḥsf.n.k Stt...*). По единодушному мнению исследователей, данный фрагмент «Неаполитанской стелы» указывает, что карьера Сематауитефнахта должна была начаться еще при ком-то из царей XXX династии («благом боге», дворец которого правитель Гераклеополя часто посещал)²². В дальнейшем, после завоевания Египта Артаксерксом III (когда бог «обратил тыл свой к Египту»), Сематауитефнахт оказался в благоприятном положении при дворе Великого царя («властителя Азии») ²³, однако не пострадал и затем, когда персы потерпели окончательное поражение от греко-македонян²⁴. Очевидно, что здесь в обеих фразах, содержащих обозначение *Stt*, оно также относится к державе Ахеменидов. При этом понятие *Stt* четко отделено от греко-македонских завоевателей, названных *хау-небу*²⁵ – словом, которое в птолемеевское время становится одним из наиболее употребительных обозначений греков²⁶. Последняя особенность «Неаполитанской стелы», на наш взгляд, подтверждает, что употребление в рассматриваемом фрагменте «Стелы сатрапа» термина, обозначающего Азию, применительно к исконным землям греко-македонян не случайно и, вероятнее всего, имеет особую мотивировку.

Как видно из рассмотренных фрагментов иероглифических текстов раннеэллинистического времени, восходящих по своему содержанию к предшествующему периоду, термин *Stt* в них остается обозначением азиатских территорий, однако *mutatis mutandis*, с учетом того, что в середине IV в. до н.э. все они находились под властью Ахеменидской державы, и фактически превращается в ее обозначение. Подобное употребление данного термина заведомо не является единственным способом

²² Tresson. Op. cit. P. 389 («Ce Pharaon est probablement Nectanébo II»); Lloyd A.B. The Inscription of Udjahorresnet: A Collaboratory Testament // JEA. 1982. 68. P. 178; Perdu. Op. cit. P. 104. Comm. 'd'.

²³ Tresson. Op. cit. P. 390; Lloyd. Op. cit. P. 178–179; Perdu. Op. cit. P. 105–106. Comm. 'i'. О пребывании Сематауитефнахта при дворе Великого царя за пределами Обеих Земель, в Персии, свидетельствует его дальний, включавший морское плавание обратный путь в Египет (Urk. II. 4. 11–12); ср. с аналогичными эпизодами в судьбах современника Камбиса и Дария I Уджохорреснета и жившего в то же время, что и Сематауитефнахт, старшего сына Нектанеба II: Posener G. La première domination perse en Égypte. Le Caire, 1936 (BdÉ, 11). P. 21–22; Clère J.-J. Une statuette du fils aîné du roi Nectanabô // RdÉ. 1951. 6. P. 148, 151–152; Menu B. Les carrières des Égyptiens à l'étranger sous les dominations perses: les critères de justification, leur évolution et leur limites // Trans. 1995. 9. P. 83–87.

²⁴ По мнению исследователей данного текста, о личном участии Сематауитефнахта в каком-то из крупных сражений персов с греко-македонянами (предположительно, о битве при Иссе или при Гавгамелах) свидетельствуют заключительная фраза нашего отрывка и ее продолжение: «Убивали они (*хау-небу*. – И.Л.) множество возле меня, [но] не поднялась ничья рука [букв. «рука его»] против меня» (Urk. II. 4. 5–6: *sm ꜣ sn hḥ m-gswy.i nf ꜣ fr.i*; Тупаев. Ук. соч. С. 164; Tresson. Op. cit. P. 390; Perdu. Op. cit. P. 108. Comm. 't'). На наш взгляд, учитывая, что О. Пердю убедительно интерпретировал словосочетание *ḥꜣ n hꜣw-nbw[t]* в Urk. II. 4. 3 как не «сражение с *хау-небу*», а «наступление, продвижение *хау-небу*» (Perdu. Op. cit. P. 103: «l'offensive des Grecs»; 106–107. Comm. 'n'), такое истолкование не обязательно соответствует действительности. Практически равновероятно, что Сематауитефнахт, находясь при царском дворе в Персиде, мог быть свидетелем ее занятия греко-македонскими войсками, осуществлявшегося с большой жестокостью (Шахермаір Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 173–175; см. сообщения источников о сожжении персепольского дворца – Curt. V. 7. 3–7; Diod. XVII. 72. 2–6; Plut. Alex. 38; Arr. III. 18. 11–12; жестокости греко-македонян в Персеполе – Curt. V. 6. 1–8; Diod. XVII. 70. 1–2; 6; об избиении там пленных – Curt. V. 6. 6; Plut. Alex. 37).

²⁵ Ср. с мнением Кл. Вандерслеена, считающего *ḥꜣw-nbw[t]* во всех случаях обозначением территорий Восточного Средиземноморья, которое в данном фрагменте указывает на локализацию описываемых боевых действий в Сирии: Vandersleyen. Op. cit. P. 148. Это предположение опровергается присутствующим в Urk. II. 4.5 местоимения *sn*, очевидным образом согласованного с *ḥꜣw-nbw[t]* и обозначающего истребителей окружения Великого царя, которыми могли быть только греки; см. Perdu. Op. cit. P. 108. Comm. 's'. См. также следующее прим. 26.

²⁶ Vercoutter J. Les Haou-Nebout // BIFAO. 1949. 48. P. 178 ff.; *idem*. Éssai sur les relations entre Égyptiens et Préhellènes. P., 1954. P. 44; Daumas F. Les moyens d'expression du Grec et de l'Égyptien comparés dans les decrets de Canope et de Memphis. Le Caire, 1952 (CASAÉ. 16). P. 187–188; Perdu. Op. cit. P. 107. Comm. 'o'.

обозначения Ахеменидской державы в египетских источниках²⁷ и скорее всего не исчерпывает все случаи его появления в иероглифических текстах IV в. до н.э. В то же время, учитывая, что подобное значение термина *Stt* проявилось в двух фрагментах «Стелы сатрапа», кажется вполне правомерным ориентироваться на него и при интерпретации третьего и последнего случая его употребления в том же источнике. Иными словами, стоит попытаться объяснить обозначение Македонии в интересующем нас фрагменте «Стелы» как *Stt* ее соотносением в восприятии составителей данного текста по каким-то причинам с Ахеменидской державой.

Основания, по которым правители мировой державы Аргеадов, и прежде всего Александр, воспринимаются рядом современных исследователей как «последние Ахемениды», достаточно хорошо известны: это следование Александра персидской политической традиции (не только принятие персидского царского антуража, но и укрепление системы сатрапий), возвращение Александром в состав «царства стран» индийских земель (входивших в него при Дарии I), его градостроительство, происходившее на территориях, освоение которых уже началось при Ахеменидах (например, район городища Ай-Ханум), и предполагавшее чисто «восточный», неполноценный статус новых поселений греко-македонских воинов²⁸. Вопрос состоит в том, способствовали ли эти основания восприятию государства Александра как

²⁷ Известно также прямое или косвенное употребление по отношению к Ахеменидскому государству VI–IV вв. до н.э., его правителям и подданным термина *ḥ 3swt* и конструкций с ним в надписи на наоформной статуе Уджахорреснета (стгк. 11, 18, 43, 44; см. публикацию: Posener. Op. cit. P. 1–26), в Демотической хронике (i.e. Pap. Bibl. Nat. 215. Vs. II. 25; Johnson J.H. The Demotic Chronicle as an Historical Source // Enchoria. 1974. 4. P. 5. Not. 20; см. публикацию: Spiegelberg W. Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris. Lpz., 1914 (Demotische Studien. 7)) и, как представляется, в египетских титулатурах Тахоса (G: *ḥwy-B 3kt w 3f-ḥ 3swt*), Нектанеба II (N3: *shrw-ib-ntrw tkn-ḥ 3swt*), Александра (H3: *ḥk 3 kni tkn-ḥ 3swt*) и Филиппа Арридея (N: *ḥk 3-ḥ 3swt*) (Beckerath J. von. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. München, 1984 (MÄS. 20). S. 116–117, 282–285; условные обозначения компонентов титулатур даны по системе этого автора). Помимо рассмотренных случаев, термин *Stt* употребляется, по-видимому, применительно к Ахеменидской державе еще и в биографической надписи в гробнице Уннефера (середина IV в. до н.э.; с точностью судить об этом невозможно из-за отсутствия удовлетворительной публикации соответствующего иероглифического текста: Kaenel F. von. Les mésaventures du conjurateur de Serket Onnophris et de son tombeau // Bulletin de la Société française d'Égyptologie. 1980. 97–98. P. 42, 44). Мы сознательно исключаем из нашего рассмотрения случаи употребления терминов *Stt* и *ḥ 3st* применительно к владевшей Египтом иноземной силе в надписях 59, 61, 62 и 81 раннеэллинистической гробницы Петосириса (Lefèvre G. Le tombeau de Petosiris. 1: Description. 2: Les textes. 3: Vocabulaire et planches. Le Caire, 1923–1924; см. Gauthier. Op. cit. VI. P. 95), поскольку вопрос о том, к какой именно исторической ситуации – второму персидскому владычеству (что кажется нам наиболее правдоподобным; ср. Lefèvre. Op. cit. I. P. 10–11; Meeks D. Les donations aux temples dans l'Égypte du Ier millénaire avant J.-C. // State and Temple Economy in the Ancient Near East. II. Leuven, 1979 (OLA 5). P. 655; Devauchelle D. Le sentiment anti-perses chez les anciens Égyptiens // Trans. 1995. T. 9. P. 78; Menu B. Le tombeau de Petosiris: Nouvel examen (I) // BIFAO. 1994. T. 94. P. 323–324; ср. idem. Le tombeau de Petosiris... (2–4) // BIFAO. 1995–1996. 1998. T. 95–96, 98) или началу периода диадохов (Bissing F.-W. von. Die Datierung des griechisch-ägyptischen Grabes von Mellaui // OLZ. 1923. 26 S. 1–3. Otto E. Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit. Leiden, 1954 (Probleme der Ägyptologie, 2). S. 181. Anm. 4; S. 182. Anm. 1) – относится содержание этих надписей, остается в историографии дискуссионным и требует отдельного аргументированного рассмотрения. Заметим, однако, что оба возможных варианта его решения, в рамках которых данные термины следует отнести либо к ахеменидской Персии, либо к державе Аргеадов, совместимы с предлагаемой нами интерпретацией употребления термина *Stt* в «Стеле сатрапа».

²⁸ Ghirshman R. L'Iran des origines à l'Islam. P., 1976. P. 207, 211; Briant P. Des Achéménides aux rois hellénistiques: continuités et ruptures // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. 1979. 9. P. 1412–1413; idem. Alexander the Great // Encyclopaedia Iranica. I. London–Boston–Melbourne–Henley, 1985. P. 830. О статусе и особенностях основывавшихся Александром на Востоке поселений см. Кошленко Г.А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 1. С. 73–76; он же. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 212–214. Об иранской традиции в антураже власти Александра см. Goukowsky P. Essai sur les origines du mythe d'Alexandre. I. Nancy, 1978. P. 31, 43–44, 58.

логического продолжения Ахеменидской монархии его восточными подданными. Ответить на него утвердительно, на наш взгляд, позволяет мощный пласт средневековых восточных реминисценций об Александре/Искандаре, представленных иранской и связанной с нею арабской историко-литературной и фольклорной традицией. В этом массиве источников прослеживаются две диаметрально противоположных оценки правления Александра. Одна из них; представленная средневековыми зороастрийскими текстами («Арта-Вираф намак», «Меног-и Храт», «Большой Бундахишн») и сложившаяся на волне отторжения в сасанидское время идущей от Александра традиции эллинистической государственности на иранских землях, является резко негативной. Она не только содержит обвинения македонского царя в избиениях персидской знати, зороастрийского духовенства и разрушения храмов огня, но и прямо объявляет его агентом злого начала мироздания²⁹. Другая оценка деятельности Александра (датировку которой нам еще предстоит установить), напротив, сугубо положительна. Так, в арабской классической исторической литературе I тыс. н.э. (хрониках Якуби, Динавари, ат-Табари, ал-Масуди и Талаби), восходящей в данной части к персидской традиции, Александр предстает благим законным шахом Ирана, оказывающимся побочным сыном шаха Дараба (Dârâb, или Dârâ al-Akbar; по-видимому, реминисценция образа Дария I) и сводным братом, благородным победителем и в конечном счете зятем Дары (Dârâ al-Aghar; без сомнения, Дарий III)³⁰. В эпоху «возрождения» иранского культурного самосознания в исламское время в X в. хронист Балами и знаменитый кодификатор «Шах-намэ» Фирдоуси сообщают те же, что и арабские хронисты, сведения об иранском царском происхождении Александра, царствование которого после победы над Дарой причисляется к ряду благих правлений шахов Кейянидов. В несколько переосмысленном виде эти сведения переходят и в последующую литературную традицию (произведения Низами, Амир Хосрова, Джами)³¹. Возникновение подобной подчеркнуто позитивной традиции об Александре в рамках сасанидской зороастрийской идеологии, по понятным причинам, совершенно исключается³², однако не более вероятно и ее формирование в ходе какой бы то ни было полемики с зороастризмом в сасанидское или исламское время. Трудно представить, чтобы подобная полемика на этом этапе неожиданно развернулась бы по столь незлободневному поводу, как деяния правителя более чем полутысячелетней давности, и привела бы к полному замещению представлений

²⁹ Abel A. La figure d'Alexandre en Iran // La Persia e il mondo Greco-Romano. Roma, 1966 (Accad. nazionale dei Lincei. Quaderno, 76). P. 120; Badian E. Alexander in Iran // CHIr. II: The Median and Achaemenian Period / Ed. I. Gershevitch. Cambr., 1985. P. 491. Not. 2; Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. СПб., 1994. С. 97–98. Нельзя исключить, что основой для обвинений Александра в насилиях над иранской элитой стали обстоятельства его вступления в Персиду (см. прим. 24). Подробные отсылки к средневековым арабским и иранским источникам см. в используемой нами литературе.

³⁰ Al-Iskandar, Alexander the Great // E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam, 1918–1936. Repr. Leiden–New York–Köbenhavn–Köln, 1987. III. P. 534–535; Abel. Op. cit. P. 121–124 (образ Александра в хронике ат-Табари).

³¹ Abel. Op. cit. P. 125–133 (образ Александра у Фирдоуси и Низами); Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.–Л., 1948. С. 19 сл.; Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972. С. 64–70; Брагинский И.С. Искандар // МНМ. Т. I. С. 570. О культурном развитии Ирана в IX–X вв. см. вкратце: Фрай Р.Н. Наследие Ирана. М., 1972. С. 337–344; История Востока. Т. 2. Восток в средние века. М., 1994. С. 257–261.

³² По мнению Е.Э. Бертельса, представление об Александре как законном шахе Ирана, долженствующее создать фикцию непрерывности передачи *фарра* (благодати царственности) от Ахеменидов к Сасанидам, могло возникнуть как раз в их официальной идеологии (Ук. соч. С. 12–13). На наш взгляд, это совершенно невозможно, так как легитимность самих Сасанидов зиждилась как раз на категорическом отрицании обладания *фарром* эллинистическими династиями и на идее его непосредственной передачи от Ахеменидов их прямым потомкам Сасанидам (см. Книга деяний Ардашира сына Папака / Пер. и коммент. О.М. Чунаковой. М., 1987). Совмещение же с этим обоснованием легитимности Сасанидов иной, прямо противоположной его версии, в рамках мировоззрения догматического зороастризма кажется весьма проблематичным.

о нем зороастрийской исторической концепции, при том что остальные вошедшие в нее компоненты (например, предание о Кейянидах, позитивное отношение к сасанидским шахам Варахрану V/Бахрам Гуру и Хосрову I Ануширвану и т.д.) были восприняты последующей традицией практически без изменений³³. Более вероятно, что позитивная традиция об Александре к началу средних веков носила в иранском мировоззрении общеизвестный, сравнимый по своей популярности с эпическими сюжетами характер (чем и объясняется ее подключение к циклу «Шах-намэ»). Соответственно, она должна была сложиться в иранской среде значительно раньше, когда могла иметь политическую и идеологическую актуальность в плане противопоставления Александра каким-то более поздним правителям, в отличие от него, явно не соответствующим стандарту идеального иранского царя. Исходя из этого следует признать невозможным сложение этой традиции в парфянское время, поскольку противопоставление Александра как идеального правителя Ирана Аршакидам, не только проводившим не менее «иранофильскую» политику, чем Александр³⁴, но и ставившим его в своих внешнеполитических лозунгах в один ряд с Киром, как создателя «мировой державы» под иранской эгидой (Тас. Апп. VI. 31)³⁵, заведомо не имело бы смысла. Подчеркнутая лояльность иранцев к Александру могла быть по-настоящему оправдана только в первые десятилетия после его смерти, когда стала очевидна разница между его курсом и политикой резкой эллинизации, которую стали проводить Селевкиды³⁶. Соответственно, именно к этому периоду и имеет смысл отнести возникновение позитивного образа Александра как благого правителя Ирана³⁷.

Очевидно, что аргументом в пользу предлагаемой нами датировки возникновения позитивного восприятия Александра в Иране, может служить наличие в средневековой восточной традиции о нем компонентов, появление которых может быть отнесено к раннеэллинистическому времени. В связи с этим оказывается необходимо ввести оговорку, связанную с общепризнанным влиянием на данную традицию «Романа об Александре» Псевдо-Каллисфена, хотя и сохранившего в модифицированном виде ряд реалий эпохи Александра, но сложившегося в окончательном виде

³³ А. Абель высказал мнение о возникновении позитивного образа Александра в иранской традиции лишь в исламское время, под влиянием содержащихся в мусульманском мировоззрении универсалистских тенденций, в контексте которых образ дошедшего до пределов мира македонского царя оказывался окружен совершенно особым, почти пророческим ореолом (Op. cit. P. 119, 134). На наш взгляд, это предположение совершенно не объясняет, каким образом внешняя по отношению к иранской традиции исламская концепция могла привести к полному вытеснению из нее (причем в эпоху весьма бережного к ней отношения в IX–X вв.) более раннего образа Александра, в случае если, как следует из построений Абеля, он был негативным, и почему Александр оказался включен в данную традицию не как «вселенский», а именно как иранский правитель.

³⁴ «Сбалансированный подход» к проблеме межкультурного взаимодействия и истоков политической традиции Парфянской державы (признание значимости в ее истории как иранской, в том числе восходящей к Ахеменидам, так и эллинской и плохо изученной семитской составляющих; см. Бадер А.Н. Проблема возникновения и политического устройства Парфянского царства в современной историографии // ВДИ. 1989. № 1. С. 216–231), конечно, не исключает ее признания более ориентализированной, нежели государство Селевкидов, в силу чисто иранских происхождения и религиозной принадлежности ее династии и сильного воздействия на ее политику со стороны парфянской родовой знати (Фрай. Ук. соч. С. 242–283; Гаилов В.Г., Кошеленко Г.А., Сердитых З.В. Эллинистический Восток. 2: Ранняя Парфия // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 37–59).

³⁵ Гаилов, Кошеленко, Сердитых. Ук. соч. С. 44, 46.

³⁶ Этот поворот в сторону эллинизации был хорошо прослежен Г.А. Кошеленко на примере деятельности Селевкидов по основанию полисов и предоставлению полисного статуса созданным Александром военным поселениям с целью их превращения в свою важнейшую опору: Кошеленко. Восстание греков... С. 76–78; он же. Греческий полис... С. 224–225; см. также Голубцова Е.С. Полис и монархия в эпоху Селевкидов. 3: Основание новых городов // Эллинизм... С. 75–79.

³⁷ Ср. с аналогичными выводами: Eddy S.K. The King is Dead: Study in the Near Eastern Resistance to Hellenism. 334–331 B.C. Lincoln (Nebraska), 1961. P. 73 ff.; Badian. Alexander in Iran. P. 492. Not. 1.

лишь в позднеантичное время (не ранее III в.)³⁸. Так, было бы весьма соблазнительно возвести свидетельства арабских и иранских авторов о великодушии Александра к умирающему Дарию, его торжественном погребении, отмщении за его смерть и женитьбе на его дочери к реминисценциям о соответствующих эпизодах царствования Александра (ср. *Agg. Anab.* III. 22. 1, 30. 1–5, VII. 4. 4; *Diod.* XVII. 83. 7–9, 107. 6; *Iust.* XII. 5. 10–11; *Plut. Alex.* 43, 70), прочно закрепившимся благодаря приданному им *publicity* в памяти иранцев. В то же время однозначный вывод об этом оказывается невозможен в силу очевидной близости этих свидетельств с соответствующими фрагментами «Романа об Александре» (в частности, в ошибочном именовании дочери Дария Роксаной; *Ps. Call. A.* II. 20–21), говорящей скорее об их заимствовании из него. Представление восточной средневековой традиции об Александре как о побочном сыне шаха Дараба также обнаруживает сходство с важнейшим компонентом «Романа» Псевдо-Каллисфена, в котором Александр, как известно, оказывается сыном последнего египетского царя Нектанеба, бежавшего в Македонию и обольстившего царицу Олимпиаду (*ibid.* I. 1–14). Очень показателен, однако, сам факт того, что в отличие от всех средневековых версий «Романа», где истинным отцом его главного героя остается фараон Нектанеб³⁹, у арабских и иранских средневековых авторов происходит его «замена» Дарабом. По мнению исследователей «Романа» прототип содержащихся в нем «египтизирующих» сюжетов должен был сложиться в Александрии, на основе египетской традиции, ок. середины III в. до н.э. При этом входящая в число этих сюжетов фикция происхождения Александра от Нектанеба служила исходно средством легитимации Александра и его преемников Птолемеев как правителей Египта в сознании его населения⁴⁰ (ср. с фикцией египетского происхождения Камбиса: *Herod.* III. 24¹). Очевидно, что перенесение данной фикции в иранский контекст, с заменой в ней фараона Нектанеба на шаха Дараба, могло быть вызвано только совершенно аналогичной потребностью в легитимации Александра как преемника Ахеменидов в иранской среде и, следовательно, должно было произойти еще в то время, когда первоначальное идеологическое значение этого сюжета не только не было утрачено, но, напротив, отчетливо осознавалось, по-видимому, еще сохраняя свою актуальность. Соответственно логично предположить, что заимствование и переосмысление иранской традицией фикции восточного происхождения Александра произошло очень рано, в период бытования, если не зарождения, вероятного египетского прототипа «Романа», и, возможно, имело место на уровне знакомства даже не с оформившимся его текстом, а лишь с легшей в его основу сюжетной конструкцией, которая приобрела широкую известность.

Стоит обратить внимание и на другую особенность средневековой восточной традиции об Александре, проявляющуюся в ее как литературно-исторических, так и фольклорных вариантах, – эпитет ее главного героя «Двуязыкий», сопрягающийся

³⁸ См., например: Кузнецова Т.И. Историческая тема в греческом романе: «Роман об Александре» // Античный роман. М., 1969. С. 186–229; Stoneman R. The Greek Alexander Romance. L., 1991; о влиянии «Романа» на средневековую восточную традицию об Александре: Бертельс. Ук. соч. С. 9 сл.; Abel. Op. cit. P. 121.

³⁹ См., например: Александрия // «Изборник»: Сборник произведений литературы древней Руси. М., 1969. С. 237 сл.; о традиции средневековых версий «Романа»: Ross D.J.A. Alexander Historiatus: A Guide to Medieval Illustrated Alexander Literature. L., 1963; Cary G. The Medieval Alexander. Cambr., 1967.

⁴⁰ О датировке вероятного александрийского прототипа «Романа»: Berg B. An Early Source of the Alexander Romance // GRBS. 1973. 14. P. 381–387; Samuel A.E. The Earliest Elements in the Alexander Romance // Historia. 1986. 35. S. 429; о его идеологической направленности: Струве В.В. У истоков романа об Александре // Восточные записки. Т. 1. Л., 1927. С. 131–146; Кинжалов П.В. Легенда о Нектанебе в повести «Жизнь и деяния Александра Македонского» // Древний мир. М., 1962. С. 537–544; Stoneman. Op. cit. P. 11–12; о возможном отражении в «египтизирующей» части «Романа» стилистики ее демотического прототипа: Jasnow R. The Greek Alexander Romance and Demotic Egyptian Literature // JNES. 1997. 56. P. 95–103 (с подробным обзором литературы по проблеме в целом).

⁴¹ Atkinson K.M.T. The Legitimacy of Cambyes and Darius as Kings of Egypt // JAOS. 1956. 76. P. 172 ff.; Hoffman I. Kambyes in Ägypten // SAK. 1981. 1. S. 185.

в ряде случаев с представлением о том, что у него были рога⁴². Несомненно, что употребление этого эпитета по отношению к Александру должно восходить к представлению о его рождении от бога Зевса-Аммона с бараньими рогами⁴³; именно на основе этого представления уже при жизни Александра возникает обычай его появления в торжественных ситуациях в обличье Аммона, в том числе с рогами на голове (FGr.H. Nr. 126: Ehippos von Olynth. F. 5. = Athen. XII. 537e: "Εφίππος δὲ φησιν ὡς Ἀλέξανδρος καὶ τὰς ἱερὰς ἐσθήτας ἐφόρει ἐν τοῖς δ' εἰπνοῖς, ὅτε μὲν τὴν τοῦ Ἀμμωνος πορφυρίδα καὶ περισχιδεῖς καὶ κέρατα καὶ θάπερ ὁ θεός...), а после его смерти складывается известная традиция его изображения с «рогами Аммона» на статуях и монетах эллинистического времени⁴⁴. Заметим, что в античных версиях «Романа об Александре» связь этого атрибута с богом – родителем и покровителем македонского царя осознается очень отчетливо (Ps. Call. A. I. 4, 6 – в образе Аммона с бараньими рогами собирается явиться Олимпиаде ее соблазнитель Нектанеб; *ibid.* 29 – бог Аммон является в подобном виде Александру во время инкубации в его храме в оазисе), но при этом употребление применительно к Александру эпитета «Двурогий», либо представление о том, что у него самого были рога, отсутствуют. Напротив, в средневековой восточной традиции лишь одно из толкований «двурогости» Александра – ссылка на благородство его происхождения со стороны обоих родителей – может быть с очень существенными натяжками возведено к реминисценциям идеи его рождения от божества. Это позволяет предположить, что топос средневековой восточной традиции о «двурогом» Александре не был воспринят из «Романа об Александре», а сложился в иранской среде в результате ее непосредственного соприкосновения с античной традицией «наделения» Александра «рогами Аммона». Само это соприкосновение должно было произойти либо вне какого-либо представления о «связи» Александра и Аммона, лежащей в основе данной традиции, либо на столь раннем этапе, что реминисценции об этой ее основе оказались утрачены по причине ее неактуальности для иранской среды в ходе дальнейшей передачи топоса о «двурогом» Александре. Было бы весьма заманчиво, хотя и недоказуемо, отнести его проникновение в иранскую традицию еще ко времени жизни Александра (заметим, что упомянутое нами сообщение Эфиппа о публичных появлениях Александра с атрибутами Аммона оказывается вписано как раз в контекст пребывания македонского царя на Востоке в 324–323 гг.; ср. Athen. XII. 538a); однако в любом случае оно должно было произойти не позднее раннеэллинистического времени, когда изображения Александра с «рогами Аммона» были явлением, привлекающим к себе внимание по причине своей новизны и политико-идеологической актуальности⁴⁵.

⁴² Dhu 'l-Karnain // E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam. 1918–1936. II. P. 962; Бертельс. Ук. соч. С. 14–16, 65; Костюхин. Ук. соч. С. 105–136 (сказочный сюжет о рогатом Искандере).

⁴³ См., например: The History of Alexander the Great. Being the Syriac Version of Pseudo-Callisthenes / Ed. E.A. Wallis Budge. Cambr., 1889. P. LI. Исследователи средневековой восточной традиции об Александре высказывали предположения о возможных иных истоках этого его эпитета (восприятии рогов как символа мощи правителя, переосмыслении применительно к Александру мифа о Мидасе и перенесении на него некоторых мотивов «Эпоса о Гильгемеше», сказывающихся не только в его «наделении» рогами, но и введении в рассказы о нем сюжета поиска бессмертия и др.; см. Бертельс. Ук. соч. С. 15–16. Костюхин. Ук. соч.; а также: Тураев. Ук. соч. С. 124). Не отрицая возможной роли этих представлений в возникновении данного эпитета Александра в средневековой традиции, мы полагаем, что их перенесение на Александра могло произойти только при наличии к тому некоего повода, которым была его связь с Аммоном и внесение наиболее заметного атрибута этого божества в его иконографию.

⁴⁴ Grimm G. Die Vergöttlichung Alexanders des Großen in Ägypten und ihre Bedeutung für den Ptolemäischen Königtum // Das Ptolemäische Ägypten: Akten des Internationalen Symposions 27. – 29. September 1976 in Berlin / Hrsg. von H. Maier, V. M. Stroeck. Mainz, 1978. S. 103–104. Abb. 70–73; Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander the Great to the Peace of Apamea (336–188 B.C.). Cambr., 1991. P. 63–65. Fig. 90, 92–95 (монеты Птолемея); P. 27, 81. Fig. 178–179, 181–182 (монеты Лисимаха).

⁴⁵ Монетный тип изображения Александра с «рогами Аммона» не получил распространения в чекане государства Селевкидов (как кажется, единственное исключение – ранний чекан Селевка I, представляющий имитацию монетного типа сатрапа Птолемея; Mørkholm. Op. cit. P. 27. Fig. 137), что, разумеется,

Таким образом, возникновение традиции, основанной на восприятии Александра как благого правителя Ирана, можно отнести к раннеэллинистическому времени (т.е. к ближайшим десятилетиям после его смерти), сделав вывод, что в ее основе должно было лежать восприятие его деятельности и созданной им державы как продолжения политической традиции Ахеменидов. Представляется, что подобным образом политическая деятельность и держава Александра должны были восприниматься не только иранцами, но и вообще всеми его подданными на покоренных территориях Востока. Известно, что для египтян Александр и его преемники Аргеады были легитимными фараонами, о чем свидетельствуют их титулатуры⁴⁶; соответственно, жители «Обеих Земель» исходили из идеи независимости своей страны под властью Аргеадов и даже, по-видимому, о некоем фиктивном господстве Египта в лице его новых македонских правителей над остальной Передней Азией (как показывают титулатуры Александра и их сопоставление с некоторыми фрагментами греческих версий «А» и «С» «Романа об Александре» – PsCall. A. I. 34. 2, С. II. 27. 3)⁴⁷. В то же время это во всяком случае не исключает возможности восприятия неегипетских владений Александра и его преемников как политического единства, воспроизводящего державу Ахеменидов, которое, как и эта держава ранее, могло быть обозначено термином *Stt*.

Остается выяснить, каким образом в это единство в представлениях египтян могла быть включена Македония. С наибольшей вероятностью, различия в статусе Александра по отношению к Македонии, греческим полисам и завоеванным им восточным странам были для его восточных подданных заведомо смутными и неактуальными. Скорее всего, все территории в рамках сферы влияния Александра мыслились ими как единая держава, а его власть по отношению ко всем этим землям – как аналог власти древневосточного монарха. Не говоря о том, что подобное восприятие вполне соответствовало бы личным устремлениям Александра, оно стало вполне корректным с формально-правовой точки зрения после слияния всех земель в его сфере влияния в единую автократическую структуру в конце его царствования. Прямые указания на принятие решения об этом содержатся, на наш взгляд, в описании античными авторами завершения мятежа македонских ветеранов Александра в Описе в начале 324 г. Согласно сообщению об этом Арриана, восходящему, по-видимому к произведению Птолемея и комментировавшемуся особенно часто, в знак примирения со своими воинами, Александр устроил торжественный пир с участием как македонян, так и варваров, на котором среди прочего «молились о разных благах и о согласии и общности государства у македонян и у персов» (*Arr. Anab. VII. 11. 9: εὐχέτο δὲ τὰ τε ἅλλα ἀγαθὰ καὶ ὁμόνοιαν τε καὶ κοινότητα τῆς ἀρχῆς Μακεδόσι καὶ Πέρσαις*). В первой половине – середине XX в. ряд авторов (в частности У. Тарн) высказали предположение о том, что эта молитва на пиру стала одним из проявлений искреннего и исключительно важного для Александра лично его стремления достигнуть слияния находившихся под его властью народов⁴⁸. Соглашаясь с мнениями

не исключает знакомства иранцев с иными вариантами данной изобразительной традиции. Не исключено, однако, что в сложении топоса «двурогого» Александра могли сыграть известные как раз в восточных сатрапиях в царствование Селевка I монеты с изображениями Александра в рогатом шлеме или в рогатом шлеме и на рогатом коне (Букефале); см., соответственно: *ibid.* P. 27. Fig. 139. P. 73. Fig. 142–143).

⁴⁶ См. титулатуры Александра и его преемников в свод египетских царских имен: *Beckerath. Op. cit.* S. 117, 285–286. См. также: *Ладынин И.А.* Египетская царская титулатура Александра Великого // *Вестник МГУ. Серия 8. История.* 1999. № 2. С. 85–97; *Hölbl G.* Königliche Legitimität und historische Umstände im Spiegel der pharaonischen Titulaturen der griechisch-römischen Zeit – einige Interpretationen und Diskussionsvorschläge // *Sesto congresso internazionale di egittologia. Atti. I. Torino, 1992.* P. 273–274.

⁴⁷ *Maspero G.* Comment Alexandre devint dieu en Égypte // *Annuaire de l'École pratique des Hautes Études.* 1897. P. 25; *Ладынин.* Египетская царская титулатура... С. 96.

⁴⁸ *Turn W.W.* Alexander the Great. Cambr., 1948. 2. P. 442–443. Подробнее о дискуссии по проблеме «единства человечества» в политике Александра см. *Seibert J.* Alexander der Große. Darmstadt, 1972 (Erträge der Forschung, 10). S. 186–191.

критиков данного предположения о натянутости привлекаемых в его пользу аргументов, следует все же отметить, что они не предложили какой-либо альтернативной интерпретации данного фрагмента Арриана, видя в нем лишь отражение вполне рядового эпизода⁴⁹. Как кажется, ошибочными являются попытки интерпретации данного сообщения в отрыве от коррелирующегося с ним фрагмента речи Александра перед его немакедонскими войнами в Описе в изложении Курция Руфа. Помимо общих фраз о равенстве персов и македонян в военной доблести и необходимости их взаимоуважительного отношения к культуре друг друга, Курций вкладывает в уста Александра некоторые четкие правовые дефиниции, которые, вероятно, предполагают «модернизированное» восприятие описываемого эпизода через призму римской развитой государственно-правовой терминологии, но, скорее всего, довольно точно передают суть дела: «В Азии и Европе существует одно и то же царство... Те, кто будет жить под властью одного и того же царя, должны быть одного и того же права» (Curt. X. 3. 13–14: *Asiae et Europae unum atque idem regnum est... Eiusdem iuris esse debent, qui sub eodem rege victuri sunt*). Иными словами, с точки зрения античных авторов в Описе Александром фактически было провозглашено слияние всех находящихся в рамках его сферы влияния в Европе и Азии областей в единую структуру, в основу которой легла оформившаяся на протяжении восточного похода автократия македонского царя⁵⁰. Как представляется, именно практическим воплощением этой декларации стало начавшееся в том же году распространение на греческие полисы и Македонию сложившейся в окружении Александра на востоке практики его культа (см. о требовании Александра к греческим полисам о его обожествлении: Ael. VH. II. 19; Plut. Apophth. lac. 219; о его обсуждении и принятии полисами: Hyper. C. Dem. Col. 31–32; Ael. VH. II. 19; V. 12; Athen. VI. 261b; Val. Max. VII. 2 ext. 13; Dinarch. C. Dem. 94; PsPlut. Vit. X Orat. Lyc. 27; Plut. Apophth. reg. et imp. 187e; Diog. Laert. VI. 63; Arr. Anab. VII. 23. 25¹; о реакции на это требование наместника Македонии Антипатра: Suidas, s. v. 'Αντίπατρος) и, на наш взгляд, в неразрывной связи с нею, его абсолютной власти (самым заметным проявлением этого стало решение о возвращении в греческие полисы всех изгнанников: Diod. XVII. 109.1; XVIII. 8.4; Plut. Apophth. lac. Eudamid. 9; Curt. X. 2.4–7; Iust. XIII. 5.2–5; Dinarch. ibid. 81–82; Hyper. ibid. 18; Tod II. Nos. 201–202; Michel 417)⁵²; одновременно Александр намеревался крепче

⁴⁹ Badian E. *Alexander the Great and the Unity of Mankind* // *Historia*. 1958. 7. S. 428–432; Bosworth A.B. *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambr., 1988. P. 160–161.

⁵⁰ Стоит обратить внимание на мнение А. Хейссерера, что посольство Александра во главе с Никанором из Стагиры, которое было уполномочено огласить основанное на новом политическом статусе Александра по отношению к греческим полисам его решение о возвращении в них всех изгнанников (см. ниже), могло достигнуть Греции к середине лета 324 г. до н.э. только в случае, если принципиальное решение об этом и отправка посольства состоялись не позднее начала марта, т.е. как раз накануне или во время событий в Описе: Heisserer A.J. *Alexander the Great and Greeks: The Epigraphic Evidence*. Norman (Oklahoma), 1980. P. 188. Ср. Bosworth. *Conquest and Empire*... P. 221. Not. 37.

⁵¹ Atkinson K.M.T. *Demosthenes, Alexander and Asebeia* // *Athenaeum*. 1973. 51. P. 310–335; Goukowsky. *Op. cit.* P. 60–61; Badian E. *The Deification of Alexander the Great* // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson*. Thessaloniki, 1981. P. 54–58; Bosworth. *Conquest and Empire*... P. 288–289; Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. С. 208–210; Ладьянин И.А. Обожествление Александра Македонского и греческое общественное сознание в 324–323 гг. до н.э. // *Общественное сознание в кризисные и переходные эпохи*. М., 1996. С. 21–25.

⁵² Возвращение Александром изгнанников в города-государства Балканской Греции в 324 г. до н.э. следует считать свидетельством абсолютизации его власти по отношению к ним, поскольку оно выходило за рамки системы отношений между греческими полисами и македонским царем как их стратегом-автократом, установленной Коринфским договором: Маринович. Ук. соч. С. 199–207 (с подробными отсылками к литературе; ср. особ. о работах В. Эренберга, Кл. Прео и Т. Райдера – с. 206–207). Этому не противоречит мнение Э. Бэдиана о преимущественном значении для Александра в его отношениях с греческими полисами соображений конъюнктуры, а не условий Коринфского договора (Badian E. *Alexander the Great and the Greeks of Asia* // *Ancient Society and Institutions: Studies Presented to Victor Ehrenberg*. N.Y., 1967. P. 60; ср. Маринович. Ук. соч. С. 207): последние соблюдались Александром (например, при четком отделении той фазы восточного похода, которая велась им в качестве союзного стратега-автократора, от его

привязать Македонию к автократической структуре своей державы, вызвав связанного со старомакедонской знатью Антипатра на Восток во главе свежих войск и назначив новым наместником Македонии преданного ему Кратера (Арг. Anab. VII. 12.4–5; Iust. XII. 12.9). Провозглашенное Александром единство его державы должно было стать правовой и исторической основой для создания после его смерти единой (по крайней мере теоретически) для всех македонских владений и в Европе и в Азии политической структуры во главе с формальными царями-наследниками и, в начале, с единоличным фактическим правителем: как известно, эта структура просуществовала в более или менее жизнеспособной форме до середины предпоследнего десятилетия IV в. до н.э. и окончательно, на формальном уровне, отмерла лишь в результате самопровозглашения диахов царями в 306–305 гг. до н.э.⁵³, то есть лишь спустя несколько лет после составления «Стелы сатрапа».

Таким образом у египетских составителей «Стелы» имелись веские основания воспринимать Македонию, как на формально-правовом уровне, так и на уровне «обыденного сознания» в качестве неотъемлемой части созданной Александром автократической мировой державы. Бывшее же, по-видимому, общим для Ближнего и Среднего Востока представление об этой державе как о новом качестве государства Ахеменидов закономерно должно было повлечь за собой перенесение на нее и ее составные части ранее соответствовавших этому государству обозначений. Соответственно, употребление в «Стеле сатрапа» по отношению к Македонии обозначения *Stt* оказывается мотивировано ее положением в составе политической структуры державы Аргеадов.

THE TOPONYM *STT* IN THE SATRAP STELA (URK. II. 13.4): ON THE PERCEPTION OF THE ARGEADAI EMPIRE IN THE ORIENT

I.A. Ladynin

The paper suggests an interpretation of a passage of the so-called Satrap Stela (an Egyptian hieroglyphic source from the time of Ptolemy's satrapy in Egypt in 310s BC) reading as follows: «[When] he (Alexander IV, son of Alexander the Great and Roxane and nominal Pharaoh of Egypt. – *I.L.*) was a King in Two Lands [and] in foreign countries, [when] His Majesty was in Asia, there was a great ruler

«личной войны» после окончательного поражения Персии, когда он распустил контингенты Коринфского союза и лишь предложил желающим из их числа присоединиться к нему в качестве наемников; см. *Bosworth. Conquest and Empire*... Р. 97 – с подробными отсылками к источникам), пока отношения с полисами были для него менее важны, чем продолжающийся восточный поход. По окончании последнего на первый план закономерно вышла задача унификации управления территориями в сфере влияния Александра: среди них особенно «выбивался» своей автономией и характером политической традиции именно полисный мир Балканской Греции. Можно согласиться с мнениями З. Яшинского и Л.П. Маринович о том, что импульсом к инкорпорированию полисов в единую структуру владений Александра стала опасность, проявившаяся в связи с бегством Гарпала в 325 г. (*Jaschinski S. Alexander und Griechenland unter dem Eindruck der Flucht des Harpalos. Bonn, 1981; Маринович. Ук. соч. С. 201*), – в плане даже не непосредственных последствий этого эпизода, а самой возможности сравнительно легкой дестабилизации державы Александра в столь уязвимой ее части, как автономный мир полисов.

⁵³ См. о политической истории последних десятилетий IV в. до н.э.: *Шофман. Ук. соч.* (см. также рец. Г.С. Самохиной // ВДИ. 1988. № 1. С. 215–221); *Will E. The Succession to Alexander* // *CAH*². VII. 1. 1984. Р. 23–61; о так называемом «годе царей»: *Müller O. Antigonos Monophthalmos und das 'Jahr der Könige'* // *Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. 1973. 11. S. 93–100; Samuel A.E. Ptolemaic Chronology. Munich, 1962. (MBPAR, 43). Р. 4–10* (о датировке принятия царского статуса Птолемеем). На наш взгляд, рубежом, после которого распад державы Аргеадов стал неотвратим, было перенесение после встречи диахов в Трипаредейсе местопребывания царей и регента Антипатра из ее естественного географического центра в Передней Азии в Европу. В результате этого центральная власть державы утратила контроль за большинством ее провинций и возможность справиться с внутренними проблемами, подобными тем, которые еще в конце 320-х годов решались вполне эффективно (например, восстание военных поселенцев в Средней Азии в 323 г., Ламийская война, мятеж Кратера и Неоптолема в начале 321 г. и т.п.).

in Egypt [whose] name was Ptolemy (*iw.f m nsu m t3wy h3swt iw hm.f m-hnt Stt iw wn wr- 3 m B3kt PtrwmIs rn.f*). The peculiarity of the passage is the apparent use of the word *Stt* to denote Macedonia (Alexander IV and Roxane had been staying there since early 310s BC and the text is dated 311 BC). This same toponym is applied to the Achaemenian empire in another passages of the Satrap Stela (ibid. 14.9–10, 16.14) and the Stela of Naples (ibid. 3.11–16, 4.3–4).

The toponym's use in the passage under consideration can be explained through the «inclusion» of Macedonia in the conception of the Achaemenian empire held by those compiling the Stela. The conception of Alexander / «the two-corned Iskandar» as a successor of the Achaemenids and a noble ruler of Iran is widely attested in the medieval oriental tradition. Such a conception seems to date from early Hellenistic period, when it must have been common in all the oriental countries conquered by Alexander, including Egypt. Inhabitants of these countries must have perceived all of Alexander's possessions, including Macedonia, as a unity reproducing in its greater part the former Achaemenian empire. In line with this, Macedonia and Greece were really formally adjoined by Alexander to his oriental possessions in early 324 BC (cf. Arr. Anab. VII. 11. 9, Curt. X. 3. 13–14). Hence the compilers of the Stela could extend the designation of the former Achaemenian empire to include Macedonia, the latter being looked upon as a component of its new form under Argeadai' rule.

К. Ренфрю

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И ОСВОЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Цель этой статьи – рассмотреть истоки идеи, согласно которой проблема возникновения степного кочевого пасторализма может играть ключевую роль в нашем представлении о распространении языков индоиранской группы индоевропейской семьи. Степной кочевой пасторализм, опирающийся на использование конных колесниц, зарождается, однако, лишь в начале II тыс. до н.э. – это явление слишком позднее, чтобы иметь отношение к проблеме собственно распада праиндоевропейского языка. Использование конного войска начинается спустя почти тысячу лет и относится в основном к железному веку.

Традиционная точка зрения о наличии связи вопроса доместикации лошади и возникновения верховой езды с проблемой индоевропейской прародины ошибочна, мнение о существовании такой связи, содержащееся в ранних работах Д. Энтони и Дж. Мэллори и восходящее ко взглядам М. Гимбутас и В. Чайлда, неверно. Позднее Д. Энтони¹ и Дж. Мэллори² справедливо отмечали, что существенные перемены в степи произошли около 2000 г. до н.э., до появления Андроновской культуры (это ранее уже признавали российские исследователи, в том числе Е.Е. Кузьмина), которая может дать нам некоторый материал для решения проблемы распространения индоиранской ветви языков. Наши знания о раннем освоении степи, предшествовавшем полному кочевому пасторализму, могут помочь нам понять феномен местонахождения носителей тохарских языков, существенная черта которых – отсутствие близких связей с индоиранскими.

Следует подчеркнуть, что индоевропейская проблема в целом не будет адекватно пониматься до тех пор, пока не будет признано, что речь идет как минимум о двух эпизодах или процессах распространения языков (первый – праиндоевропейского, более поздний – праиндоиранского, и возможно, третий – индоарийского), которые могут объясняться по-разному.

МИФ О НЕОЛИТИЧЕСКОМ / ХАЛКОЛИТИЧЕСКОМ КОННОМ ВОИНЕ

Обратимся к цитатам из работ последних десятилетий.

«В словаре индоевропейского хозяйственного уклада, который является укладом пастушеским...»³.

«В древней Европе быстро развивалась городская культура, но ее развитие было прервано и в конечном счете остановлено разрушительными силами с востока – постоянным проникновением полукочевых конных пастухов из понтийских степей»⁴.

«Пасторализм был основой экономики индоевропейских завоевателей Европы»⁵.

¹ *Anthony D.W.* The Opening of the Eurasian Steppe at 2000 BC // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Washington, 1998. P. 63–93.

² *Mallory J.P.* A European Perspective on Indo-Europeans in Asia // *The Bronze Age...* P. 175–201.

³ *Benveniste E.* Les valeurs économiques dans le vocabulaire indo-européen // *Indo-European and Indo-Europeans*. Philadelphia, 1970. P. 307.

⁴ *Gimbutas M.* Old Europe in the 5th Millennium BC: the European Situation on the Arrival of the Indo-Europeans // *The Indo-Europeans in the 4th and 3rd Millennia*. Ann Arbor, 1982. P. 18.

⁵ *Polomé E.* Indo-European Culture with Special Attention to Religion // *The Indo-Europeans...* P. 156.

«Подвижность и значительную долю военной силы индоевропейцам, без сомнения, обеспечивала лошадь»⁶. «Все эти факты, очевидно, свидетельствуют о том, что лошадь сначала использовалась для верховой езды и только потом в повозках...»⁷. «Без сомнения, кочевые индоевропейские пастухи осуществляли разнообразную сельскохозяйственную деятельность...»⁸.

«Одомашнив лошадь, жители степи стали первыми, кто свел воедино экономические и военные функции, и это сочетание стало ведущим в мире на следующие пять тысячелетий»⁹.

Авторы этих утверждений, в которых речь идет в первую очередь о Европе, следуют мифу о конном воине-всаднике как типичном носителе праиндоевропейского языка. Своим распространением этот миф в немалой степени обязан высказываниям Д. Энтони¹⁰, на которые, к примеру, опирался Дж. Даймонд в приведенной выше цитате: согласно Д. Энтони, на поселении Дереевка IV тыс. до н.э. преобладают не просто лошадиные кости (что действительно имеет место), но кости одомашненных лошадей, более того, domestикация лошадей повлекла за собой, по его мнению, появление здесь воинов-всадников.

Однако точно известно, что в Западной Европе первые колесные повозки – с четырьмя цельными колесами – известны в Баденской культуре, датируемой ок. 3000 г. до н.э. В эти повозки запрягались быки. Первое достоверное свидетельство использования лошади в упряжи в Западной Европе относится ко времени Шахтовой гробницы в Микенах – ок. 1600 г. до н.э., где изображена лошадь, запряженная в двухколесную колесницу со спицами. Подобные колесницы со спицами найдены также в Синташте, в центральной евразийской степи, и датируются четырьмя столетиями ранее¹¹ – это первое явное свидетельство использования лошади в транспортных целях. Верховая же езда впервые надежно зафиксирована в Западной Европе ок. 1100 г. до н.э., и Е.Е. Кузьмина¹² предполагает, что лошади использовались в степях для верховой езды с военными функциями уже на несколько столетий раньше. Но последовательность ясна везде¹³: повозка с цельными колесами, влекаемая быками – ок. 3000 до н.э.; затем колесница со спицами, запряженная лошадьми, – ок. 1600 г. до н.э.; затем конный всадник-воин – незадолго до 1000 г. до н.э.

Заявления об исключительно ранней domestикации лошадей и использовании их для верховой езды, основанные на данных раскопок в Дереевке на Украине¹⁴, подверг критике М. Левин¹⁵: вероятно, лошади, сначала дикие, а затем и одомашненные, служили здесь источником пропитания. В те времена пастухи, возможно, ездили верхом при пастьбе, но не в военных целях. Этот тезис был недавно хорошо сформулирован Е.Е. Кузьминой: «Вопреки мнению М. Гимбутас, Д. Телегина и Д. Энтони, пастухи, пасущие стада лошадей, ездили верхом, но они не были верховыми воинами, поскольку узда для строгого контроля за лошадью появилась только в конце II – начале I тыс. до н.э.»¹⁶.

⁶ Ibid. P. 158.

⁷ Ibid. P. 160.

⁸ Ibid. P. 163.

⁹ Diamond J. The Rise and Fall of the Third Chimpanzee. L., 1991. P. 244.

¹⁰ Anthony D.W. The «Kurgan Culture», Indo-European Origins and the Domestication of the Horse: a Reconsideration // CA. 1986. 27.

¹¹ Anthony D.W., Vinogradov N.B. Birth of the Chariot // Archaeology. 1995. March–April.

¹² Kuzmina E.E. Where Had the Indo-Arians Come from? The Material Culture of the Andronovo Tribes and the Origins of the Indo-Aryans. M., 1994.

¹³ Renfrew C. All the King's Horses: Assessing Cognitive Maps in Later Prehistoric Europe // Creativity in Human Evolution and Prehistory. L., 1998.

¹⁴ Anthony. The «Kurgan Culture»...

¹⁵ Levine M. Dereivka and the Problem of Horse Domestication // Antiquity. 1990. 64; *idem*. The Origins of Husbandry on the Eurasian Steppe // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Cambr., 1999.

¹⁶ Kuzmina E.E. Cultural Connections of the Tarim Basin People and Pastoralists of the Asian Steppes in the Bronze Age // The Bronze Age... P. 83. Not. 9.

У меня нет желания или намерения вступать в полемику с работами Д. Энтони и Дж. Мэллори, в частности потому, что в последнее время они приняли многие из приведенных выше тезисов¹⁷, и вскоре, возможно, появится обобщающая теория, которая завоеует всеобщее признание. В своей недавней весьма информативной работе Дж. Мэллори акцентирует внимание на трудностях, которые все еще сохраняются при попытках объяснения распространения индоиранских (пра)языков в Индии и Иране, даже если мы согласимся с предполагаемой ролью Андроновской культуры. Разумеется, речь степных кочевников евразийских степей (сарматов, скифов и т.д.) была индоиранской в античные времена, когда она была впервые зафиксирована, и вполне возможно, так же обстояло дело для большей части Центральной Азии. Распространение индоиранской ветви не ограничивалось Индийским субконтинентом и Иранским плато, но захватывало значительную часть западной и центральной части евразийских степей. Тумшукский и хотанский¹⁸ – примеры индоиранских языков в Центральной и Восточной Азии.

Следует подчеркнуть, что существуют как минимум три или четыре отдельных эпизода, требующих объяснения:

1. Распространение праиндоевропейского языка в Европе и затем в западных (т.е. европейских) степях. (Здесь я намереваюсь привести аргументы, связывающие этот процесс с распространением земледелия из Анатолии на Балканы).

2. Раннее освоение евразийской степи и распространение индоевропейских языков на большую часть этого региона, вплоть до Синьцзяна.

3. Развитие полного степного пасторализма во II тыс. до н.э., которое следует связать с возникновением отдельной индоиранской ветви индоевропейской семьи в евразийских степях.

4. Распространение индоиранских языков к югу, в направлении Иранского плато и Индийского субконтинента.

Фазы 1 и 2 можно рассматривать в рамках процесса распространения языка / земледелия, постулированного мною в 1973 г.¹⁹ (впоследствии этот сюжет был разработан подробнее²⁰). Что касается фаз 3–4, то они могут относиться к типу языкового замещения в соответствии с более поздней моделью «доминирования элиты» (гипотеза Б)²¹. Следует заметить, что после неоднозначных итогов II Всемирного археологического конгресса в Нью-Дели в 1994 г., где я был инициатором и одним из организаторов заседания по теме «Археология и язык»²², я больше не склонен выступать в поддержку гипотезы А²³. Однако я не считаю аксиомой мнение, согласно которому в Харалппской цивилизации отсутствовал индоевропейский элемент. Не следует автоматически связывать приход индоариев с падением Харалппы и Мохенджо-Даро по модели, впервые предложенной Р. Уилером²⁴.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ И ПРАТОХАРСКИЙ ЯЗЫК

Среди представителей исторической лингвистики широко распространено мнение, что тохарские языки не входят в индоиранскую ветвь индоевропейских языков. Учитывая их географическую близость, это составляет определенную проблему, которая может быть решена, если уделить достаточное внимание вопросам хронологии²⁵.

¹⁷ Anthony. The Opening...; Mallory. Op. cit.

¹⁸ Parpola A. Aryan Languages, Archaeological Cultures and Sinkiang: Where Did Proto-Iranian Come into Being? // The Bronze Age... P. 135.

¹⁹ Renfrew C. Problems in the General Correlation of Archaeological and Linguistic Strata in Prehistoric Greece: the Model of Autochthonous Origin // Prehistoric Migrations in the Aegean. L., 1973.

²⁰ Idem. Archaeology and Language, the Puzzle of Indo-European Origins. L., 1987.

²¹ Ibid. P. 197: Hypothesis B.

²² Spriggs M. Pacific Archaeologies: Contested Ground in the Construction of Pacific History // JPH. 1999. 34. P. 114.

²³ Renfrew. Archaeology and Language... P. 197: «Neolithic Aryas».

²⁴ Wheeler R.E.M. Harappan Chronology and the Rigveda // AI. 1947. 3.

²⁵ Renfrew C. Time Depth. Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European: «Old Europe», as a PIE Linguistic Area // JIES. in press.

Рис. 1. Хронология развития протоиндоевропейского языка: предполагаемые временное и пространственное распределение фаз протоиндоевропейского языка (препротоиндоевропейский, протоиндоевропейский, I, II, III и т.д.) в упрощенном табличном виде (по работе: *Renfrew C. Time Depth, Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European: «Old Europe», as a PIE Linguistic Area // JIES, in press*)

Далее, является общепризнанным, что индоиранские языки в большей степени родственны греческому и армянскому (и, возможно, фракийскому), чем другим индоевропейским языкам. Это дает некоторые основания для реконструкции процесса развития этих языков: похоже, между ними сохранялись контакты до достаточно позднего момента. Но этот момент вряд ли мог быть позднее времени возникновения Андроновской культуры, которую Е.Е. Кузьмина и другие датируют 2000 г. до н.э., или предшествующей ей культуры Аркаим-Синташта. Допустимо предположить, что в то время как язык носителей Андроновской культуры вполне мог быть индоиранским, более ранняя фаза развития приходится на период, когда носители прагреческого и праиндоиранского языков находились в контакте.

Для индоевропейской семьи я предложил последовательность развития²⁶, отраженную на рис. 1, которая должна заменить более раннюю версию²⁷.

Отметим, что эта реконструкция языковых взаимоотношений хорошо согласуется с той, которая была предложена Д. Ринджем и др.²⁸ на основе кластических подсчетов: согласно ей, анатолийский первым отделился от праиндоевропейского, следующим был тохарский, а прагреческий, прафракийский, праиндоиранский (и праармянский) оставались неразделенными вплоть до 3000 г. до н.э.

Принимая во внимание долгую историю и различные стадии развития праиндоевропейского языка, следует учитывать эпизоды не только дивергенции, но и конвер-

²⁶ Ibid.

²⁷ *Idem*. The Tarim Basin, Tocharian and Indo-European Origins, a View from the West // The Bronze Age... P. 209. Fig. 1.

²⁸ *Ringe D., Warnow T., Taylor A., Michailov A., Levison L.* Computational Cladistics and the Position of Tocharian // The Bronze Age...

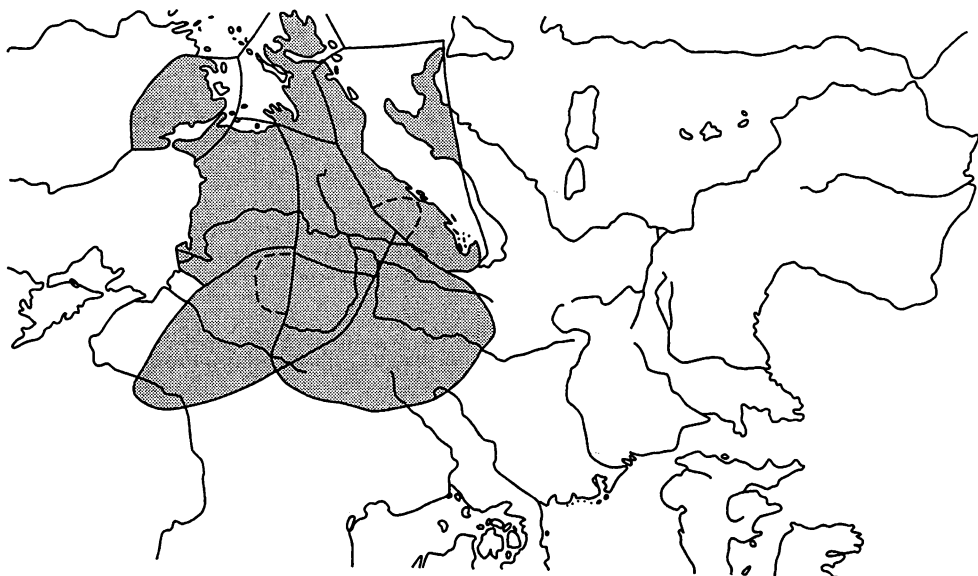

Рис. 2. Предполагаемая зона лингвистической конвергенции балканского протоиндоевропейского фазы 2, ок. 5000 – ок. 3000 гг. до н.э. (выделено темным), основанная на выделении регионов в рамках археологических культур халколитической древней Европы, предложенная М. Гимбутас. На севере и востоке архаическая протоиндоевропейская традиция фазы 1 сохранялась и распространялась, заложив фундамент для протокельтского, протобалтийского и протогерманского языков (по работе: *Renfrew. Time Depth...*)

генции²⁹. Из последних один из наиболее значительных имел место на Балканах, в том самом ареале, который М. Гимбутас называла древней Европой, и во время, которое было, по ее мнению, периодом процветания балканского халколита (5000–3000 гг. до н.э.). На шкале, приводимой здесь, это уже фаза 2 в развитии протоиндоевропейского языка: большой ареал конвергенции, в котором происходили различные виды языкового взаимодействия, наблюдается в рамках «общего», или «узкого», протоиндоевропейского (рис. 2).

В конце этой фазы зафиксированы колесные повозки внутри данного ареала, в Баденской культуре. Но следует также заметить, что, как показал Ф. Шпехт³⁰ и подчеркивали разные индоевропейцы, включая У. Леманна³¹, словарь, связанный с колесным транспортом, уже включает тематические основы существительных, которые в лингвистическом смысле представляют более позднюю стадию, чем атематические основы древнейшей праиндоевропейской лексики. Следовательно, появление колесных повозок в Баденской культуре – маркер не древнейшего, а уже достаточно развитого протоиндоевропейского. Этот факт упускается из вида многими исследователями³², и сам У. Леманн³³ четко не определил его хронологически.

То, что балканский ареал конвергенции достигал на востоке степных территорий к северу от Черного моря, подтверждается находками медных предметов в этом регионе, происходящих, как продемонстрировал Е.Н. Черных³⁴, из балканского металлургического ареала, генезис которого был автономным³⁵. Ю. Рассасакин пишет:

²⁹ Dixon R.W. *The Rise and Fall of Languages*. Cambr., 1997.

³⁰ Specht F. *Der Ursprung der indogermanischen Deklination*. Göttingen, 1944.

³¹ Lehmann W.P. *Theoretical Bases of Indo-European Linguistics*. L., 1993. P. 247.

³² К примеру, *Parpola*. Op. cit. P. 118.

³³ Lehmann. Op. cit. P. 272.

³⁴ Chernykh E.N. *Ancient Metallurgy in the USSR: the Early Metal Age*. Cambr., 1992.

³⁵ Renfrew C. *The Autonomy of the South-East European Copper Age* // PPS. 1969. 35.

«Итак, очевидно, что ведущей силой развития понтийских степей раннего энеолита была интеграция населения Скельи в систему престижного обмена в Юго-Восточной Европе, базой которого было развитие металлургии и распространение меди на большие расстояния. Значение и потенциальные социально-экономические последствия этого процесса хорошо документированы этнографически и нередко приводились в археологической литературе³⁶ (рис. 3).

Я всегда разделял точку зрения У. Гуденафа³⁷, согласно которой пасторализм представляет собой результат специализации оседлого смешанного хозяйства. Суть этого явления точно выразил Дж. Мэллори³⁸: «Евразийский степной пасторализм, включая сходные явления в Казахстане и восточных степях, которые формируют очаги миграций в индоиранском мире и Синьцзяне, восходит, видимо, к сдвигу в сторону пасторализма некоего компонента трипольского общества где-то в середине IV тыс. до н.э.» Дж. Мэллори, на мой взгляд, прав, проводя свою «линию разлома I» по региону Днестра-Днепра³⁹ (рис. 4).

Можно предположить, что носители праиндоевропейского языка впервые пришли в украинские степи с запада. Этот относительно ранний праиндоевропейский язык мог быть в частности предшественником тохарских языков, впервые зафиксированных более 4000 тысяч лет спустя в Синьцзяне.

Остается, однако, точно определить, какой способ ведения хозяйства практиковался в степях в начале IV тыс. до н.э. Следует ли его воспринимать как пасторализм? Или же это была просто разновидность смешанного хозяйства, адаптированного к условиям степи? Эти вопросы должны были рассматриваться на Челябинской конференции в августе 1999 г. и Кембриджской конференции в январе 2000 г.⁴⁰ Я склонен полагать, что распространение производящего хозяйства в западной части степи сопровождалось распространением праиндоевропейского языка. Это не обязательно был процесс смены населения: возможно, свою роль сыграло распространение языка в результате контактов под влиянием нового типа экономики. При этом нет никаких оснований считать, что лошадь играла особую роль в этом процессе, как и конные воины, которые появились лишь спустя 3000 лет.

Исходя из этой точки зрения, присутствие тохарских языков в Синьцзяне можно считать результатом очень раннего распространения праиндоевропейского языка в степях, вероятнее всего, до перехода к полному пасторализму. Вполне возможно, что, как уже предполагалось некоторыми учеными⁴¹, Афанасьевская культура составляет часть этого процесса, будучи связанной с языком-предком тохарских. Е.Е. Кузьмина, обращая внимание на древнейшие синьцзянские «мумии», отмечает: «Если гипотеза об участии афанасьевского населения в формировании Кэвругульской культуры будет доказана, это позволит нам решить наиболее важные проблемы этногенеза в Старом Свете»⁴².

Подчеркну, однако, что эта вполне допустимая идентификация находится за определенными выше логическими рамками. Праиндоевропейское присутствие в регионе необходимо для объяснения поздней локализации тохарских языков, которые с точки зрения развития внутри праиндоевропейского должны быть старше, чем праиндоиранский, относимый ко времени, предшествующему 2000 г. до н.э. Культура Афанасьево, похоже, хронологически подходит, но детали ее происхождения, ведущего к украинским степям (и, следовательно, к ранним балканским земледельцам и, наконец, к препротоиндоевропейской Анатолии), пока не ясны.

³⁶ *Rassamakin Y.* The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC. *Cambr.*, 1999. P. 103.

³⁷ *Goodenough W.* The Evolution of Pastoralism and Indo-European Origins // *Indo-European...*

³⁸ *Mallory.* Op. cit. P. 184.

³⁹ *Ibid.* P. 183. Fig. 3.

⁴⁰ *Rassamakin.* Op. cit.

⁴¹ *Mallory.* Op. cit. P. 184; *Parpola.* Op. cit. P. 118.

⁴² *Kuzmina.* Cultural Connections... P. 70.

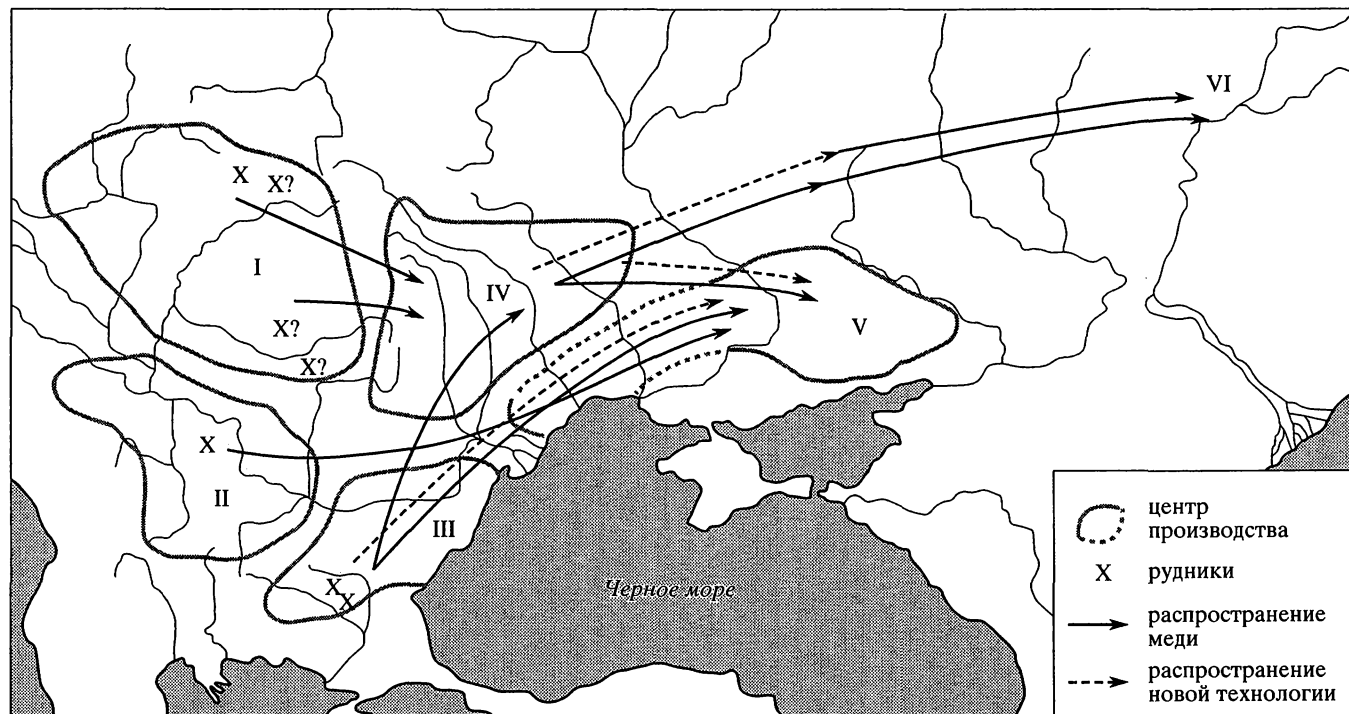

Рис. 3. Распространение балканской халколитической зоны конвергенции на восток, иллюстрируемое распространением меди и новой технологии в понтийские степи из различных центров производства на Балканах (по работе: Rassamakin. Op. cit.)

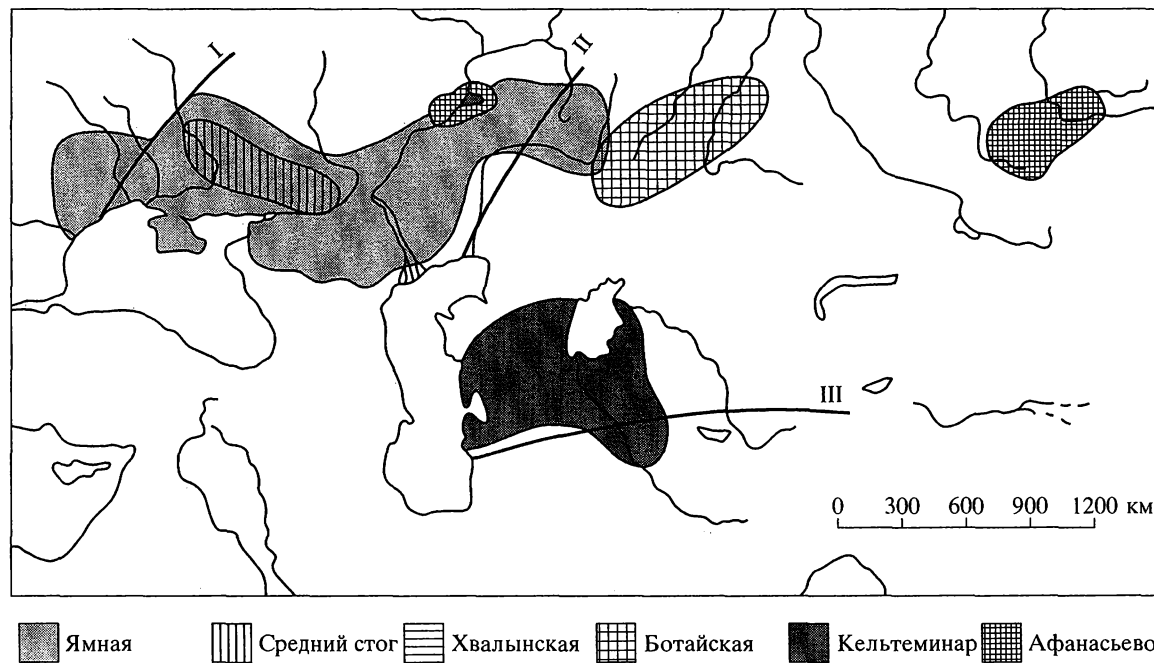

Рис. 4. Три географических «линии разлома» (I – Днестро-Днепровская, II – Уральская, III – Центральноазиатская) и распространение энеолитических срубной, андроновской культур и археологического комплекса Бактрия – Маргиана (по работе: Mallory. Op. cit.)

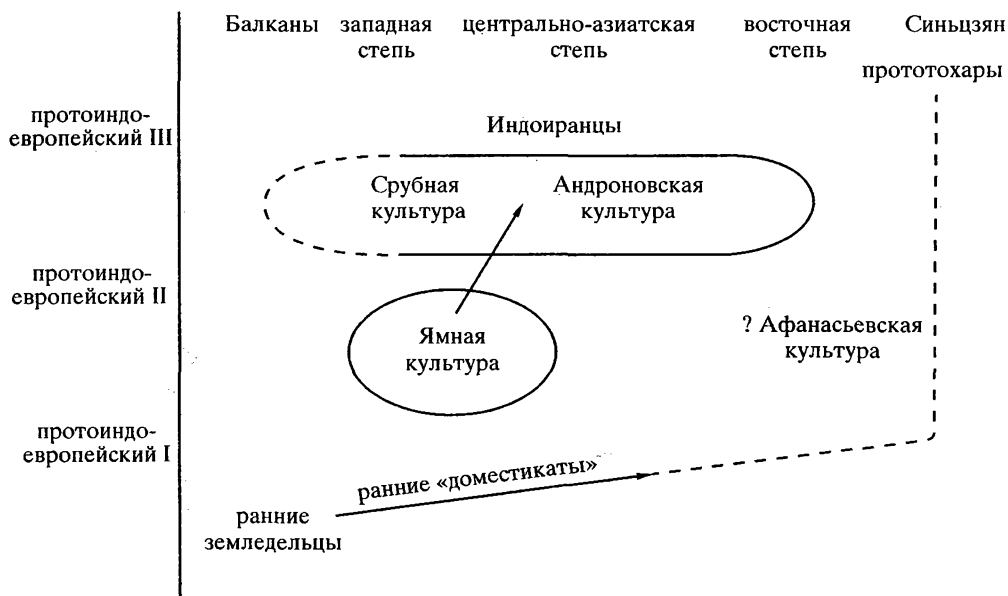

Рис. 5. Две постулируемые фазы освоения степи:

- А. Ранняя фаза: рогатый скот, пшеница, ячмень. Раннее земледелие, происходящее из Триполья (возможно, через Средний Стог). Протоиндоевропейская (I) речь, распространенная, вероятно, до Синьцзяна, предшествующая прототохарской общности.
- Б. Поздняя фаза: степной нomaдизм с использованием лошадей (для колесниц), Андроновская культура. В предшествующую фазу имели место тесные связи с балканскими культурами вслед за упадком халколитической зоны взаимодействия. Протоиндоевропейская речь (III): протоиндоиранский язык

Возможно, Хвалынская культура Средней Волги и культура Среднего Стога на Среднем Днепре, датируемые 4900–3500 гг. до н.э., сыграли здесь свою роль (рис. 5).

ПРАИНДОИРАНСКИЙ И ИНДОАРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ранняя фаза

«Древнеевропейская» балканская зона конвергенции (рис. 2) понимается как регион, в котором различные праиндоевропейские диалекты находились в контакте в течение праиндоевропейской фазы 2. Когда эта зона конвергенции пришла в упадок и утратила свое значение вместе с закатом древней Европы, это предположительно не было связано с общим рассеянием или крупными миграциями. Напротив, составляющие эту зону регионы стали несколько более изолированными, и рассматриваемые языки распались на прагреческий, праиллирийский, прафракийский и праиндоиранский. Процесс изоляции и отделения одного языка от другого начался, возможно, около 3000 г. до н.э. Именно с этого времени прагреческий можно рассматривать как отдельный язык, притом локализуемый, по всей видимости, в границах современной Греции. В тот же период праиндоиранский начал свое отдельное существование в европейских степях. Нет необходимости считать это миграцией или рассеянием, речь идет просто о большей и все возрастающей дифференциации. Связи между греческим, индоиранским, фракийским и армянским можно, таким образом, возвести к этому периоду конвергенции, окончившемуся около 3000 г. до н.э., т.е. достаточно поздно на шкале развития праиндоевропейского языка (рис. 1).

Из этого следует, что наиболее вероятные кандидаты на место носителей праиндоиранского языка должны быть найдены в европейских степях в конце IV – начале III тыс. до н.э. Поэтому речь должна идти о ямной культуре, датируемой,

по Дж. Мэллори⁴³, 3600–2200 гг. до н.э. Предстоит еще выяснить, насколько она может рассматриваться как «пасторалистская».

Фаза зрелости

Ключевая проблема в понимании индоиранского лингвистического феномена – это причины рассеяния индоиранцев. Кажется, многие специалисты согласны с мнением, выдвинутым Е.Е. Кузьминой⁴⁴ и поддержанным Д. Энтони⁴⁵, согласно которому около 2000 г. до н.э. произошли радикальные перемены. Д. Энтони замечает: «Давно установившаяся картина резко изменилась между 2000 и 1700 гг. до н.э., когда люди степей стали вести сходный образ жизни благодаря широкому распространению близких стратегий выживания... Этот комплекс широко распространенных черт характеризует ранний андроновский горизонт между Уралом и Тянь-Шанем и его родственника в степях к западу от Урала – срубную культуру. Металлургический аспект этого трансконтинентального горизонта определяется Е.Н. Черныхом как евразийская металлургическая провинция. С развитием срубной и андроновской культур степной мост был открыт, и возник значительный трансконтинентальный обмен. Одними из первых были технологии повозки, колесницы, металлургии бронзы и ряда разновидностей оружия»⁴⁶.

Е.Е. Кузьмина⁴⁷ привела доводы в пользу важности конной колесницы со спицами в это время. Тогда лошадь впервые стала использоваться в вооруженных столкновениях, хотя пока и без всадника. Без сомнения, пастухи также ездили верхом. Как показал Д. Энтони, лошадь вместе с крупным рогатым скотом и овцами составила основу экстенсивного хозяйства.

Что касается проблемы глоттогенеза, можно предполагать, если следовать гипотезе распространения языка/сельского хозяйства, что язык заимствовался вместе с domestikацией основных животных и окультуриванием растений, как крупного рогатого скота и овец, так и зерновых культур. Одним из источников культурного влияния мог быть Иран эпохи неолита, в первую очередь Джейтунская культура. Другим, как предполагает В.А. Шнирельман⁴⁸, был, вероятно, Кавказ. Но ни одна из этих гипотез не помогает разрешить проблему индоиранского глоттогенеза. Д. Энтони рассматривает следующие возможности: «Самые ранние скотоводческие хозяйства в степи появилась к западу от Каспийского моря, на территории современных Украины и Южной России. Одомашненные овцы и крупный рогатый скот и зерновые культуры заимствовались из двух источников: западного – неолитические культуры долины Нижнего Дуная и восточно-карпатские предгорья (культуры Крис, линейной керамики и Кукутени-Триполье), и южного – неолитические культуры Кавказа»⁴⁹. Автор приходит к следующему заключению: «Эти данные свидетельствуют о том, что основные виды одомашненных травоядных – овца и крупный рогатый скот – проникали в степное хозяйство из долины Днепра в восточном направлении, к Волге, около 5000 г. до н.э. Экономическая (и, возможно, культурная) граница установилась тогда между Волгой и реками Среднего Урала»⁵⁰.

Эта граница и есть 2-я, или уральская, «линия разлома» по Дж. Мэллори⁵¹. Очевидно, открытие евразийской степи ок. 2000 г. до н.э. позволило пересечь эту границу, и степная зона стала «мостом» через Евразию.

⁴³ Mallory. Op. cit. P. 187.

⁴⁴ Kuzmina. Where Had the Indo-Aryans...; eadem. Cultural Connections...

⁴⁵ Anthony. The Opening...

⁴⁶ Ibid. P. 94.

⁴⁷ Kuzmina. Where Had the Indo-Aryans...

⁴⁸ Shnirelman V.A. The Emergence of Food-Producing Economy in the Steppe and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe // IIES. 1992. 20.

⁴⁹ Anthony. The Opening... P. 96.

⁵⁰ Ibid. P. 99.

⁵¹ Mallory. Op. cit. P. 188.

Как ни привлекателен и ни убедителен обрисованный выше сценарий, он позволяет нам продвинуться всего лишь на один шаг вперед к объяснению феномена распространения индоиранских языков. Открытие степного «моста» предоставляет, как наглядно и убедительно показал Д. Энтони, определенное число элементов, относящихся к наиболее раннему документированному присутствию носителей индоевропейских языков в Иране и Индии. Так, гимны Ригведы изобилуют восхвалениями лошади, и лошадь фигурирует в этом произведении запряженной в колесницу со спицами. Как я уже отмечал⁵², ранние арии, согласно Ригведе, не ездили верхом, они использовали колесницы.

С археологической точки зрения, однако, имеется слишком мало следов прихода индоиранцев на Иранское плато и в Индию. Ф.Т. Хиберт⁵³ представил их полный обзор, подчеркивая посредническую роль археологического комплекса Бактрия–Маргиана в 1900–1750 гг. до н.э., после заката культуры Намазга V. Он пытается выделить центральноазиатские элементы на Иранском плато, однако полностью осознает масштаб возникающих при этом трудностей. Исследователь пишет: «Тогда как пустынные оазисы комплекса Бактрия–Маргиана демонстрируют явные свидетельства контактов со степными кочевниками севера, важно иметь в виду, что на Иранском плато не найдено ни одного степного кочевнического комплекса, нет также ни одного свидетельства косвенных контактов или взаимоотношений ни на плато, ни в степи. Единственное свидетельство взаимоотношений между северным миром и Иранским плато связано с оазисными культурами Центральной Азии. Таким образом, мнение, согласно которому иранцы происходят от кочевников севера, не подтверждается детальным изучением доступных археологических данных»⁵⁴.

Эта проблема связана с третьей из «линий разлома» Дж. Мэллори – центрально-азиатской⁵⁵. Но он не предлагает убедительного механизма ее пересечения. А. Парполе⁵⁶ также не удается решить эту проблему в своем обстоятельном обзоре. Ф. Хиберт и Дж. Мэллори справедливо отмечают это затруднение, которое остается одним из наиболее существенных в современной индоевропеистике.

Действительно, при том что, как ранее уже отмечалось, датировка проникновения индоарийских языков в Индию временем после конца Хараппской цивилизации не аксиоматична, совершенно не очевидно, что оно произошло в момент ее упадка, часто датируемого временем около 1800 г. до н.э. Должны ли мы вместо этого допускать возможность, по меньшей мере для Индии, связи между прибытием носителей индоарийских языков и приходом конных всадников? Это повлечет за собой установление значительно более поздней даты – около 1000 г. до н.э. Конечно, как и подчеркивалось выше, гимны Ригведы описывают конные колесницы, но не всадников. Но разве не очевидно, что эпическая традиция восходит к более раннему периоду, подобно тому как эпос Гомера, записанный в эпоху верховой езды, относится к эре военных колесниц?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Остается узнать еще очень многое об освоении степей. Тогда как смена культур становится ясной во многих регионах, способ освоения последних очевиден в меньшей степени. Различные значения слова «пасторализм» ведут к путанице, термин «кочевничество» также не определен с достаточной ясностью.

⁵² Renfrew. *Archaeology and Language...* P. 182.

⁵³ Hiebert F.T. *Central Asians on the Iranian Plateau: a Model for Indo-Iranian Expansion // The Bronze Age...*

⁵⁴ Ibid. P. 153.

⁵⁵ Mallory. *Op. cit.* P. 191.

⁵⁶ Parpola. *Op. cit.* P. 125.

В то же время, похоже, намечается согласие по ряду вопросов. Широкое признание получила точка зрения Е.Е. Кузьминой⁵⁷, согласно которой принципиальное значение имеет андроновская культура. Также очевидно, что вскоре после 2000 г. до н.э. степи стали мостом между западом и востоком, чего не было ранее, и что одной из тенденций в те времена было распространение конной колесницы со спицами. Нет никаких данных о появлении конных всадников до этого времени, хотя верховая езда могла использоваться при пастъбе.

Остаются существенные сомнения насчет процессов, которые привели к проникновению индоиранских языков на Иранское плато и в Индию, вопреки общему мнению, что андроновская культура может вполне отражать распространение этих языков в начале II тыс. до н.э.

Последствия этого согласия для понимания европейских аспектов индоевропейской проблемы должны ясно осознаваться. От мнения, что конные воины-всадники курганной культуры 3500–3000 гг. до н.э. перенесли индоевропейские языки из степей в западном направлении, в Центральную Европу, следует со всей определенностью отказаться. Ясно, что основные культурные растения и животные (овцы, крупный рогатый скот, пшеница, ячмень) попали в европейские степи с запада – с Балкан и в конечном счете из Анатолии. Никакого удовлетворительного механизма распространения индоевропейских языков из степей в остальную часть Европы (если считать степь прародиной индоевропейцев) предложить нельзя. Здесь не место обсуждать в деталях гипотезу анатолийской прародины препротоиндоевропейцев и балканского ареала конвергенции для общеиндоевропейского. Но в конечном итоге этой дискуссии избежать нельзя.

Есть еще один аспект, требующий дальнейшего исследования. Мы не должны думать, что нашли хорошее решение для индоевропейской проблемы до тех пор, пока у нас не сложится определенного представления о других языковых семьях и, насколько возможно, об их прародине. Какие языки были распространены на Иранском плато до прихода носителей индоевропейских языков? Должны ли мы считать, что они являются родственными эламскому, как некоторые предполагают для комплекса Намазга? Что касается Северной Индии, дравидский язык является общепризнанным решением, но, как я отмечал ранее, мы не можем признать, что индоевропейские языки впервые появились там после заката Харалппской цивилизации.

Что можно сказать о прародине так называемой алтайской семьи языков или хотя бы ее составляющих – монгольской, тюркской и тунгусо-маньчжурской? Это еще один сложный вопрос, и на него будет трудно дать ответ, поскольку какие-либо письменные источники отсутствуют. Но разве мы не должны предлагать модели распространения этих языковых общностей? Если мы будем рассматривать центральные и западные евразийские степи как ареал ранних индоиранских диалектов во времена андроновской и срубной культур, каковы были механизмы, которые привели к завершению этого периода? Мы не можем считать, что понимаем феномен распространения индоевропейских (или даже индоиранских) языков в этих регионах, пока не будем в состоянии сказать что-нибудь об их исчезновении. Эти задачи еще ждут своего решения.

THE INDO-EUROPEAN PROBLEM AND THE EXPLOITATION OF THE EURASIAN STEPPES: QUESTIONS OF TIME DEPTH

C. Renfrew

The intention in this brief paper is to examine the implications of the view that the development of full steppe nomad pastoralism may well be a theme crucial to our understanding of the dispersal of the Indo-Iranian branch of the Indo-European language family. Steppe nomad pastoralism, involving the use of the

⁵⁷ *Kuzmina*. Where had the Indo-Aryans...

horse-drawn chariot, is however a phenomenon originating at the beginning of the second millennium BC. It comes too late to be relevant to the question of the original dispersal of the Proto-Indo-European language. The use of horse-riding for military purposes came almost a millennium later, at the end of the second millennium BC: in general it is a phenomenon of the iron age.

The traditional linkage between the question of horse domestication and horse riding and the earliest Indo-European origins is a mistaken one, erroneously perpetuated in the earlier writings of Anthony and Mallory, following Gimbutas and the earlier Childe. In their later writings they have correctly emphasised the significant steppe adaptations round 2000 BC, prior to the emergence of the Andronovo culture (as earlier recognised by Russian scholars including Kuzmina), which seem to offer one key to the dispersal of the Indo-Iranian branch of Indo-European. The earlier exploitation of the steppe, prior to full nomad pastoralism, may well be basic to the understanding of the location of the Tocharian languages, whose lack of close relationship with the Indo-Iranian languages is so notable a feature.

It is stressed that the Indo-European problem as a whole will not adequately be understood until it is recognised that there are least two episodes or processes of expansion involved (i.e. first for early Proto-Indo-European, and later for Proto-Indo-Iranian, and perhaps a third for Indo-Aryan) which may require explanations of different types.

Н.Ю. Чехонадская

ГИЛЬДА ОБ УЗУРПАЦИИ МАГНА МАКСИМА

Произведение, известное под названием «О гибели Британии» (*De excidio Britanniae*) и приписываемое блаженному Гильде (*Gildas*) – бритту, писавшему на латинском языке, – является уникальным источником по истории Британии V–VI в. Время написания этого сочинения на данный момент является предметом оживленной дискуссии; наиболее вероятные из предлагаемых датировок колеблются в пределах 500–550 гг.¹

Памятник состоит из 110 глав². Наибольший интерес историков всегда вызывали собственно исторические его главы: 3–26, где автор дает общий очерк истории Британии в I–V в. н.э.³

Определение источников, которыми пользовался Гильда для написания исторических глав своей работы, представляет значительные трудности. В гл. 4 своего труда Гильда заявляет, что не намерен рассказывать о языческом прошлом своего отечества, а только о том зле, которое Британия сама претерпела и нанесла другим народам «во времена римских императоров», однако источниками должны служить не «документы отечества и указания писателей», «поскольку, даже если таковые и существовали, они или сожжены огнем врагов, или увезены далеко флотом изгнания граждан и недоступны» (имеется в виду бегство бриттов из Британии после англосаксонского завоевания), а «заморский рассказ» (*transmarina relatio*), «который, прерываемый частыми перерывами, недостаточно ясен».

Конкретно установить, что представлял собой этот «заморский рассказ», пытаются уже давно. Если знакомство автора с «Церковной историей» Евсевия в переводе Руфина неоспоримо (она прямо цитируется автором и упоминается как «Церковная история», *ecclesiastica historia*: 9), то каковы были собственно исторические сочинения, на которых основывался Гильда, неизвестно.

В своем предисловии к изданию Гильды в MGH T. Моммзен, бесспорно отличный знаток римской историографии, высказал мнение, что определить этот источник невозможно. К словам Моммзена следует прислушаться: «О событиях в Британии, как говорит автор, за недостатком местных сочинений, он рассказывает *ex transmarina relatione*, и книгу, по которой было составлено послание, мне обнаружить не удалось. Однако в начале книги длину и ширину острова Британии он дает ту же, что мы

¹ См. *Dumville D.N.* Gildas and Maelgwn: Problems of Dating // *Gildas: New Approaches* / Ed. M. Lapidge, D. Dumville. Woodbridge, 1984 (Studies in Celtic History, V) (далее – GNA). P. 51–59; *idem.* The Chronology of «*De Excidio Britanniae*». Book I // *Ibid.* P. 61–84; *Wood I.* The End of Roman Britain: Continental Evidence and Parallels // *Ibid.* P. 1–25; *Higham N.J.* The English Conquest. Gildas and Britain in the Fifth Century. Manchester, 1994. Н. Хайем предлагает, на наш взгляд, слишком раннюю дату – 475 г.

² Две первые главы представляют собой предисловие, гл. 3–26 – исторический очерк, гл. 27–65 – обличение современных Гильде правителей и подборка библейских цитат о дурных царях и наказании грешников, гл. 66–110 – обличение британских священнослужителей, также с подборкой подходящих по теме библейских цитат. Далее ссылки на главы «О гибели Британии» даются в скобках с указанием номера.

³ Бытовавшее в XIX – первой половине XX в. мнение, что эти главы являются интерполяцией, ныне полностью отвергнуто, и «О гибели Британии» признано произведением одного автора VI в. См. *O'Sullivan T.D.* The *De Excidio* of Gildas. Its Authenticity and Date. Leiden, 1978.

находим у Орозия. То же самое говорится и в хронике Иеронима, гл. 8, и отсюда же, как кажется, заимствована и продолжительность гонения Диоклетиана – девять лет (гл. 9; см. гл. 12: *bilustro non expleto*), ибо количество лет Иероним называет так же, и отсюда это мог извлечь и Гильда, поскольку Руфин (8. 18) называет преследование десятилетним. Гильда использует церковную историю Руфина, хотя и не называя ее по имени... В историческом повествовании он не следует ни Орозию, ни Иерониму, ни Руфину, ни, если я не ошибаюсь, какому-либо другому определенному автору (курсив мой. – Н. Ч.), но приводит по памяти то, что он запомнил из прочитанного»⁴.

Несмотря на авторитетное мнение Моммзена теория о том, что основным источником Гильды послужило сочинение Павла Орозия «История против язычников», получила широкое распространение в англоязычной литературе (К.Э. Стивенс⁵, Н. Райт⁶). Основным аргументом тех, кто считает, что Гильда пользовался сочинением Орозия, служит, как сказано выше, совпадение ошибочной цифры при указании размеров острова Британии у Гильды и Орозия; эта ошибка, как считает Стивенс, произошла «от поспешного копирования Плиния»⁷. У Плиния приводятся следующие размеры Британии: «Агриппа считает, что она 800 миль в длину и 300 миль в ширину» (NH. IV. 102)⁸. Орозий же сообщает: «Этот остров имеет в длину 800 миль, а в ширину – 200» (Oros. I. 2. 77). Такие же цифры приводит Гильда: «Она занимает в длину восемьсот миль, в ширину двести, не считая разнообразных мысов с протяженными косами, которые омываются изогнутыми изгибами океана» (3).

Не вдаваясь в подробный разбор проблемы возможности использования Гильдой сочинения Орозия (это сделано нами в другом месте)⁹, хотелось бы остановиться на одном весьма интересном пассаже у Гильды, который позволяет сделать определенные выводы о том, какого рода источники были или могли быть им использованы.

Речь идет о гл. 13 его сочинения, где рассказывается об узурпации Магна Максима (383–388 г.). Максим захватил власть в Британии, перебрался оттуда на континент, где устранил молодого императора Грациана, а через несколько лет, пытаясь захватить власть в Италии, вынудил его брата Валентиниана II бежать на Восток и обратиться за помощью к императору Феодосию Великому, который снарядил экспедицию в Италию, захватил и казнил узурпатора. Вот что сообщает Гильда: «Таким образом, росли тогда чащи тиранов, и почти что уже прорастали в огромный лес, остров (Британия. – Н. Ч.), сохранивший имя римское, но не кровь и закон, вместо того, чтобы отбросить семя своей горчайшей посадки, послал в Галлию Максима с сопровождавшим его огромным полчищем сообщников (*satellitum*), украсив его даже знаками императорского достоинства, которые он носил не прилично и не законным образом, но по тираническому обычаю, увенчанный (*initiatum*) бунтующим войском. Он, присоединив сначала не добродетелью, а хитростью, сетями клятвопреступления и лжи против римского закона к своему преступному царству некоторые сопредельные области или провинции, поставив одно крыло (*ala*) в Испании, другое в Италии и установив престол своей нечестивейшей империи в Треверах¹⁰, был охвачен такой маниакальной ненавистью к [своим] господам, что двух законных императоров лишил – одного Рима, а другого – и его благочестивейшей жизни»¹¹. И, оградившись не стеною, а смертельной наглостью, у города Аквилеи потерял свою злосчастную голову, которая лишила трона славных глав всего мира».

⁴ MGH AA. XIII. I (Chron. Min. III. 1). P. 7.

⁵ Stevens C.E. Gildas Sapiens // EHR. 1941. 56. № 223. P. 353–373.

⁶ Wright N. Did Gildas Read Orosius? // CMCS. 1985. 9. P. 31–42.

⁷ Stevens. Op. cit. P. 354.

⁸ Имеется в виду М. Випсаний Агриппа, зять Августа, составивший, по свидетельству того же Плиния, карту мира (NH. III. 17).

⁹ В первой части 5-й главы моей диссертации: см. Чехонадская Н.Ю. Гильда и падение римской Британии. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2001.

¹⁰ Треверы (Августа Треверов) – современный Трир.

¹¹ Валентиниана II и Грациана.

Итак, в рассказе Гильды можно отметить следующие основные моменты:

- 1) Максим был провозглашен императором в Британии;
- 2) императором его провозгласило «бунтующее войско»;
- 3) вслед за этим Максим отправился в Галлию
- 4) «с огромным полчищем сообщников»;
- 5) он присоединил «сопредельные области и провинции» «сетями лжи и клятвопреступления»;
- 6) одна часть его войска размещалась в Испании, другая – в Италии;
- 7) столица его империи находилась в Треверах (Трире);
- 8) он был охвачен «ненавистью к своим господам»;
- 9) одного императора (Валентиниана II) он лишил Рима,
- 10) а другого (Грациана) – его благочестивейшей жизни;
- 11) Максим лишился головы у Аквилеи.

Дает ли соответствующий рассказ Орозия основания для утверждения, что именно его «История против язычников» послужила Гильде источником?

Об узурпации Максима Орозий повествует так: «Между тем... Максим, муж вообще отважный и честный, и достойный звания Августа, если бы он не поднялся посредством тирании, нарушив клятву верности, и провозглашенный в Британии войском чуть ли не против воли императором (*in Britannia inuitus proremodum ab exercitu imperator creatus*), переправился в Галлию. Там он убил, прибегнув к хитрости и обману, Августа Грациана, который был напуган внезапным вторжением и намеревался переправиться в Италию, а брата его, Валентиниана Августа, изгнал из Италии (*Italia expulit*). Бежавшего на Восток Валентиниана Феодосий принял с отеческою любовью, а вскоре даже и восстановил на троне» (VII. 34. 9–10). О восстановлении на троне Валентиниана Орозий сообщает следующее: «Итак, Феодосий, ни на кого не обращая внимания (чтобы не сказать: "никого не опасаясь"), пересек пустые Альпы и, неожиданно подойдя к Аквилее, сего "великого" (*magnum*) врага – Максима, ужасного, который добивался у бесчеловечнейших германцев налога и дани одним страхом перед его именем, – без хитрости и без столкновения осадил, захватил, и убил» (VII. 35. 4).

Хотя в рассказе Орозия и Гильды несомненно имеются общие черты, есть и значительные расхождения. Совпадает информация общего характера: Максим был провозглашен императором в Британии по инициативе армии, переправился в Галлию; он убил Грациана и изгнал Валентиниана из Италии, а сам погиб в Аквилее. В то же время Орозий не сообщает о том, что ставка узурпатора находилась в Трире, что часть войска Максима располагалась в Испании, а также о том, что Максиму отрубили голову (а не казнили каким-либо другим способом). Не говорит Орозий и об изгнании Валентиниана из «Рима» (ему было хорошо известно, что двор Валентиниана располагался в Медиолане). Нет у него и оценочной характеристики личности Грациана (у Гильды – «благочестивейшая жизнь»): Орозий, в частности, не упоминает о действиях, предпринятых этим императором для распространения христианства; об отношении Грациана к религии историк говорит единственный раз (VII. 33. 8), рассказывая об успешном сражении императора с германцами: Грациан «полагался на силу Христа» (*fretus Christi potentia*).

Можно полагать, что похвальный отзыв о Грациане заимствован у Руфина, который пишет: «Он [Грациан] сделал много благочестивого и отважного (*multa religiose ac fortiter gessit*) и был погублен происходившим из Британии тираном Максимом, через посредство дукса Андрагатия в Лугудуне, скорее из-за предательства своих, нежели от вражеской мощи» (XI (II). 14)¹². Это может объяснить выражение Гильды «благочестивейшая жизнь» (*religiosissima vita*), хотя превосходная степень характеристикой Грациана у Руфина не оправдывается.

Дальнейший рассказ Руфина может показать, почему Гильда утверждает, что Максим изгнал Валентиниана II из Рима: «Феодосий... помня о доброте и благодеяниях

¹² Rufinus Tyrannius. Historia ecclesiastica // PL XXI. P., 1849. Col. 523.

Грациана, подняв для отмщения весь Восток, отмстил за праведную кровь (*ultus est sanguinem iustum*). Поскольку нечестивая мать Валентиниана [императрица Юстина] между тем умерла, он восстановил католическую веру, над которой та надругалась и была изгнана с царства тираном (*regnum tyranide depulsa*). И после этого тот, войдя в Рим с блестящим триумфом, вернулся на принадлежащее ему царство» (XI (II). 17)¹³. Можно предположить следующее: поскольку у Руфина написано, что Валентиниан вернулся на принадлежащее ему царство, «войдя в Рим», то Гильда мог подумать, что изначально его «царство» в Риме и находилось и именно оттуда его изгнал Максим. В то же время в XI (II). 15 содержится рассказ о конфликте вокруг собора в Медиолане, и такой внимательный читатель, как Гильда, мог бы заметить, что в этот момент Юстина и Валентиниан II также находились там. Отметим также, что Руфин не упоминает ни о пребывании Максима в Трире, ни о посылке им войск в Испанию, ни о том, что Максиму отрубили голову.

Глава, посвященная Максиму в «*De excidio Britanniae*», интересна еще и тем, что помимо Орозия и Руфина, использование «Церковной истории» которого Гильдой не вызывает сомнения, возможным источником данной главы, как полагают, явилось и «Житие святого Мартина» Сульпиция Севера. Еще Т. Моммзен обратил внимание на то, что выражение «двух законных императоров лишил – одного Рима, а другого – и его благочестивейшей жизни» (*unum Roma, alium religiosissima vita pelleret*) находит свою параллель в «Житии святого Мартина», где говорится, что святой Мартин, несмотря на частые приглашения, отказывался обедать с Максимом, «говоря, что не может быть участником в трапезе того»¹⁴, кто лишил одного императора державы, а другого жизни» (*qui imperatores unum regno alterum uita expulisset*)¹⁵.

«Житие святого Мартина» было окончено, вероятно, в 396 г. Сульпиций был лично знаком с Мартином, однако, по всей вероятности, его знакомство со святым относится самое раннее к 393 г.¹⁶ Поэтому непосредственным свидетелем встреч императора Максима с Мартином, которые должны были происходить до 387 г., т.е. до похода Максима в Италию, Сульпиций скорее всего не был.

С самого момента своего написания «Житие святого Мартина» пользовалось значительной популярностью¹⁷. Но следует ли из этого, что именно оно послужило источником для пассажа о Максиме у Гильды? Такое предположение вызывает ряд затруднений. Начать с того, что в самом приписывании этого высказывания Мартину имеется некая несообразность. Максим действительно стал виновником смерти Грациана при захвате власти в Галлии, но на момент его предполагаемой беседы с Мартином он ниоткуда не изгонял Валентиниана II.

¹³ Ibid. Col. 525.

¹⁴ Намек на слова апостола Павла: «не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовой» (I Кор 10:21). См. *Sulpice Sévère. Vie de Saint Martin*. Т. I–III. Introduction, texte et traduction par J. Fontaine. P., 1967–1969 (Sources chrétiennes. 133–135). Т. III. P. 926–927.

¹⁵ Vita S. Martini. XX. 2. Цит. по *Sulpicii Severi libri qui supersunt* / Rec. C. Halm. Vindobonae, 1866 (CSEL. 1). P. 129. Существует русский перевод сочинений Сульпиция. См. *Сульпиций Север. Сочинения* / Пер. с лат. А.И. Донченко. М., 1999. С. 109.

¹⁶ Донченко А.И. Сульпиций Север и его произведения // *Сульпиций Север. Сочинения*. С. 247–248.

¹⁷ Отметим, что копия «Жития святого Мартина», а также двух первых «Писем» Сульпиция содержится в «Книге Армы», одном из древнейших ирландских манускриптов, написанном в 807–808 гг. (f. 220 r – 221 r; f. 220 v – 222 v.). Помимо этого, в него включены жития св. Патрика и его «Исповедь». Э.-Ш. Бабю выдвинул гипотезу, согласно которой «Житие» Мартина в Галлии подверглось переработке в середине V в., а в «Книге Армы» содержится неиспорченный, первоначальный вариант «Жития», которым пользовался сам св. Патрик в первой половине V в. Как отмечает французский издатель и переводчик «Жития» Ж. Фонтэн, в настоящее время эта теория в основном отвергнута. «Книга Армы» ныне считается промежуточным звеном между двумя группами рукописей – веронской и мартинеллианской (*Sulpice Sévère. Vie de Saint Martin*. Т. I. P. 219, 223). По мнению Фонтэна, переработка «Жития» могла быть осуществлена самим Сульпицием (Ibid. P. 223). Таким образом, «Книга Армы» больше не может считаться доказательством раннего знакомства с «Житием» на Британских островах, как это предполагалось ранее.

Валентиниан II был провозглашен Августом в 375 г., в возрасте четырех лет, после смерти его отца – Валентиниана I¹⁸. Его брат Грациан был провозглашен Августом еще при жизни старого императора¹⁹. В ведении Грациана находились заальпийские провинции, а Валентиниан II из Медиолана (Милана) правил Италией, Африкой и Иллирией²⁰.

После гибели Грациана Галлия, Испания и Британия оказались в руках Магна Максима, но это никак не затронуло положения Валентиниана II: он продолжал оставаться в Медиолане, ведя различные переговоры с Максимом²¹, и править оттуда своими провинциями вплоть до 387 г., т.е. до того времени, когда Максим отправился в поход на Италию. Конечно, можно говорить о том, что после кончины Грациана Валентиниан II должен был унаследовать его власть, а этого не случилось, но опять-таки следует подчеркнуть, что в данном случае выражение «изгнать с царства» или «из Рима» (*expellere regno* у Сульпиция, *pellere Roma* у Гильды) совершенно неуместно, поскольку все же фактически изгнание Валентиниана на Восток произошло в 387 г.

Следует обратить внимание на то, что из контекста сочинения Сульпиция Гильде должно было быть достаточно ясно, в какой именно момент произошло изгнание второго императора. В той же главе «Жития» говорится: «И тому же Максиму он [Мартин] задолго до того предсказал будущее: если он отправится в Италию, куда он и желал идти, развязав войну с императором Валентинианом, то пусть он знает, что в первом наступлении будет победителем, но спустя недолгое время погибнет. Это мы и увидели. Ибо при первом его приближении Валентиниан обратился в бегство, но потом, почти через год, собравшись с силами, взятого в плен в стенах Аквилеи Максима убил»²². Из текста совершенно очевидно, что вложенная в уста Мартина фраза об отказе от обеда с Максимом была произнесена до того, как Максим изгнал Валентиниана из Италии. Сульпиций не обратил внимания на эту несообразность.

Вызывает ряд вопросов и некоторое несоответствие сведений, сообщаемых Гильдой, с информацией как Сульпиция, так и других рассмотренных нами авторов – Руфина и Орозия. Откуда, например, Гильда мог сделать вывод о благочестии Грациана? Как мы уже видели, сведений, содержащихся в сочинениях Руфина и Орозия, было не вполне достаточно для положительной характеристики Грациана. В «Житии святого Мартина» он вообще не упоминается. В других сочинениях Сульпиция о нем говорится лишь мимоходом²³.

Но главное несоответствие, наблюдаемое между рассказом о Максиме у Гильды, с одной стороны, и у континентальных авторов, с другой, кроется в их отношении к Максиму. Если у первого Максим обрисован исключительно черными красками, то вторые, напротив, не скрывают его положительных черт.

Восприятие Максима у Сульпиция Севера достаточно сложное, но баланс скорее в пользу узурпатора. Сначала Сульпиций называет его «муж нрава высокомерного (*ferocis ingenii*)»²⁴, вознесенный победой в гражданской войне»²⁵. Однако сразу после

¹⁸ *Amm. Marc.* XXX. 10. 5–6. Валентиниан II родился осенью 371 г. и был провозглашен Августом 22 ноября 375 г. См. *Kienast D. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie.* Darmstadt, 1990. S. 330. См. также PLRE. I. 934. № 8. Flavius Valentinianus; Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. III. СПб., 1998. С. 97–98.

¹⁹ *Amm. Marc.* XXVII. 6. 4–16. Это случилось 24 августа 367 г. См. *Kienast.* Op. cit. S. 328; PLRE. I. 401. № 2. Flavius Gratianus.

²⁰ Гиббон. Ук. соч. С. 97–98.

²¹ Об этих переговорах и участии в них епископа Медиоланского Амвросия см. Казаков М.М. Епископ и империя. Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV в. Смоленск, 1995. С. 123–130, 150–156 (с. 151–155: Epist. 24 – письмо Амвросия к Валентиниану II); Matthews J. Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364–425. Oxf., 1975. P. 173–182.

²² Vita S. Martini. XX. 8–9.

²³ Идаций обращается к Грациану с жалобой на Присциллиана (Chron. XLVII. 6); Нарсес и Левкадий – сторонники Грациана (Dial. II (III). 11. 8).

²⁴ Возможен перевод – «воинственного нрава».

²⁵ Vita S. Martini. XX. 1 (пер. А.И. Донченко).

высказывания Мартина о Максиме идет следующий пассаж: «Поскольку Максим утверждал, что он захватил власть не по собственной воле, но воины возложили на него по Божьему велению необходимость защищать царство оружием, и, как казалось, не чужда была Господня воля тому, на чьей стороне таким невероятным исходом оказалась победа, и что никто из его противников не погиб, кроме как в сражении, — наконец он [Мартин], побежденный то ли справедливостью этого рассуждения, то ли просьбами, пришел на пир»²⁶. В других сочинениях Сульпиция отзывы о Максиме практически положительные. В одном из диалогов Сульпиций пишет: «Император Максим тогда управлял государством — человек, вся жизнь которого заслуживала похвалы, если бы только ему можно было или отвергнуть венец, незаконно возложенный на него взбунтовавшимся войском (*tumultante milite*), или воздержаться от гражданских войн»²⁷. В другом диалоге, говоря о событиях, связанных с казнью сторонников еретика Присциллиана, Сульпиций выражается так: «Император Максим вообще достаточно добрый (*alias sane bonus*), испорченный советами священников...»²⁸.

Если предположение, что Гильда был знаком не только с «Житием», но и с «Диалогами», и можно допустить, принимая во внимание совпадающее выражение *tumultante milite*, то использование им «Хроники» Сульпиция следует признать маловероятным. Если бы Гильда действительно использовал «Хронику», он знал бы, что британские епископы были ожесточенными противниками арианства и не имел бы никаких оснований говорить о широкой популярности арианства в Британии в гл. 12.

Орозий, как мы видели, также находит в Максиме много положительного. Так же, как и Сульпиций, он утверждает, что Максим стал императором против своей воли. Орозий отмечает, что Максим победил Грациана с помощью хитрости, но также выделяет и позитивные черты его характера: отвагу, честность, авторитет среди варваров. Интересно также отметить позитивное отношение к Максиму у анонимного автора «Галльской хроники 452 г.», который сообщает немало сведений о Максиме, говоря, в частности, в одобрительном тоне о его победах над пиктами и скоттами в Британии²⁹. Хотя у Руфина отношение к Максиму отрицательное («тиран»), далее это никак не детализируется. Столь сильных выражений, как Гильда, не употребляют ни Руфин, ни Сульпиций, ни Орозий.

Анализ освещения узурпации Максима у этих авторов позволяет задаться вопросом, откуда у Гильды взялось: 1) столь отрицательное отношение к Максиму; 2) выражение «полчище сообщников» (*satellitum caterva*); 3) «ненависть к господам» (и почему у Гильды подразумевается низкое происхождение Максима, хотя и Орозий, и Сульпиций говорят, что он был достоин венца)? Наконец, откуда Гильде известно, что Максиму отрубили голову? И Орозий, и Сульпиций просто говорят о том, что он был убит.

Может быть, ответ следует поискать в других источниках, касающихся Максима?

Одним из самых ранних источников, повествующих о Максиме, является «Панегирик» галльского ритор Латина Паката Дрепаниа, обращенный к императору Феодосию (Pan. lat. XII)³⁰. Панегирик был произнесен перед императором во время его пребывания в Риме, которое относится к июню–сентябрю 389 г.³¹ Основной целью автора было принести Феодосию благодарность от имени Галлии за избавление

²⁶ Ibid. XX. 3. (пер. наш).

²⁷ Dial. I (II). 6. 2 (пер. наш).

²⁸ Dial. II (III). 11. 2.

²⁹ Chronica Gallica a. CCCCLII et DXI // MGH AA. IX. 1 (Chronica minora saec. IV, V, VI, VII). Berolini, 1892 [1961]. P. 646. О политической позиции автора «Галльской хроники» см. Muhlberger S. The Fifth-Century Chroniclers: Prosper, Hydatius, and the Gallic Chronicler of 452. Leeds, 1990.

³⁰ Latini Pacati Drepanii Panegyricus Theodosio Augusto dictus (XII (2)) // Panegyriques latins. T. III (XI–XII) / Ed. et trad. par. E. Galletier. P., 1955.

³¹ Galletier E. Le panégyrique de Théodose par Pacatus // Panégyriques latins. T. III. P. 51–52. См. также Шабазга И.Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. С. 37–38.

государства от тирании Максима³². Узурпация Максима подробно описывается в гл. 23–45³³.

В панегирике Паката наблюдается ряд интересных параллелей с рассказом Гильды. Прежде всего, Пакат недвусмысленно и подчеркнуто утверждает, что Максиму отрубили голову: «Если кто-нибудь замыслит увенчать свою голову диадемой, пусть посмотрит на снятую с плеч голову Максима и его безымянное тело»³⁴ (*auulsum humeris Maximī caput et sine nomine corpus adspiciat*)³⁵. Далее, Пакат неоднократно упоминает о «сообщниках» (*satellites*) Максима. Он сообщает, что полководец Меробавд был задушен «руками британских сообщников» (*manibus satellitum Britannorum*: XXVIII. 4). Затем ритор говорит, что брат Максима, Марцеллин был «наглее других сообщников» (*ceteris satellitibus audentior*: XXXV. 1).

Следует также отметить, что акцентирование низкого общественного положения Максима, осмелившегося бунтовать против своих «господ», – постоянная тема Паката. Максим должен быть наказан за смерть Грациана – «ничем не прикрытое убийство господина» (*aperto dominus patricidio*: XXX. 3). Феодосий должен был поступить, как некогда в древности господа, которые шли воевать с взбунтовавшимися рабами, вооружившись одними плетями (*olim domini aduersum rebelles seruos dimicaturi flagra in aciem detulerunt*: XXX. 5). Сам Максим – «ничтожнейший холоп твоего дома и бессменный поставщик (лиха) рабских столов» (*domus tuae neglegentissimus uernula mensularumque seruiliū statuariū lixa*: XXXI. 1). Когда Максим схвачен и приведен пред лицо Феодосия, «глазам твоим он представляется таким, каким и должен был представляться: победительно – пленник, господину – раб, императору – тиран» (*uictori captum, domino seruū, imperatori tyrannū*: XLIII. 3).

Та же тема звучит в речи святого Амвросия Медиоланского «На кончину императора Феодосия»³⁶: «Максим и Евгений в аду, как мы знаем, словно окутаны ночной тьмою; они учат своим жалким примером, как плохо обращаться оружие против своих начальников (*atque suis principibus irrogare*)».

Аналогичные утверждения мы встречаем у Клавдия Клавдиана, придворного поэта династии Феодосия. В панегирике на четвертое консульство Гонория (VIII)³⁷ Клавдиан говорит о предках Гонория – его деде Феодосии Старшем и отце-императоре. Стихи 69–97 посвящены борьбе императора Феодосия с двумя западными узурпаторами – Максимом и Арбогастом. Клавдиан говорит, что оба они «осмелились на нечестие, оба запятнали себя убийством невинного господина»³⁸ (*dominī respersus uterque / Insontis iugulo*: VIII. 75–76). Оба «обреченные, подставили шеи наводстренным мечам и молили о жизни и прощении» (*Oblati gladiis summittunt colla paratis / Et vitam veniamque rogant*: VIII. 85–86). Отметим, что Моммзен признавал возможным знакомство Гильды с произведениями Клавдиана на том основании, что Клавдиан часто метафорически именует море «Тефией», а у Гильды по отношению к морю применяется своеобразное выражение «долина Тефии» (*Tithicam vallem*: 19)³⁹.

Упоминание о том, что Максиму отрубили голову, встречается также во фр. 19 истории Олимпиодора. Рассказывая о казни узурпаторов Себастиана и Иовина, Олимпиодор сообщает: «Обе головы были выставлены за стенами Равенны, в том месте, где раньше были обезглавлены Константин и Юлиан, Максим и Евгений, которые, посягнув на власть при Феодосии Великом, таким же образом закончили свою

³² Шабига. Ук. соч. С. 37.

³³ Русский перевод этих глав см. в кн.: Шабига. Ук. соч. С. 121–138.

³⁴ Перевод И.Ю. Шабига (Ук. соч. С. 136).

³⁵ Скрытая цитата из «Энеиды» (II. 557–558). Там речь идет о Приаме.

³⁶ Цит. по *S. Ambrosius Mediolanensis. Opera*. T. 5. Parisiis, 1614. Col. 122.

³⁷ Цит. по *Claudii Claudiani carmina / Rec. Th. Brit // MGH AA. X. Berolini, 1892*.

³⁸ Во втором случае это Валентиниан II, то ли доведенный до самоубийства, то ли убитый Арбогастом.

³⁹ Пожалуй, это единственный могущий претендовать на «кельтскость» образ у Гильды: «море» как «долина» нередко встречается в древнеирландской литературе – *Mag Rén, gánmag* – «долина Океана», «море-долина». См. DIL v. mag, gán.

жизнь»⁴⁰. Собственно, в тексте Олимпиодора говорится, что головы были выставлены Καρθαγένης, однако оба русских переводчика памятника – Е.Ч. Скржинская и Г. Дестунис – полагали, что в тексте ошибка и должно быть Ραβέννης – в Равенне⁴¹.

Мы, конечно, не утверждаем, что панегирик Паката послужил Гильде непосредственным источником. Дело не столько в буквальных совпадениях (например, слов *dominus* и *satellites*), а в том, что резко отрицательное отношение к Максиму, подчеркивание его низменного происхождения и того, что он был казнен и лишился головы, являются, как мы видим у Паката и Клавдиана, отличительными чертами официальной придворной литературы дома Феодосия.

По нашему мнению, наиболее вероятным источником для этой главы Гильды могло послужить не дошедшее до нас британское сочинение официального характера, посвященное, как и панегирик Паката Дрепация, Феодосию по случаю его победы над Максимом.

Догадка о существовании в Британии традиции латинского панегирика впервые была высказана С. Льюисом⁴² и развита П. Симс-Уильямсом. Симс-Уильямс предположил, что такой панегирик мог лежать в основе не очень понятных слов Гильды о родителях бриттского вождя Амвросия Аврелиана, «облаченных в пурпур» (*purpura nimigum indutis*: 25). Он сближает это выражение с одним из стихотворных панегириков Сидония Аполлинария⁴³. Как нам кажется, гипотеза о наличии британского панегирика Феодосию, легшего в основу гл. 13 (и, возможно, 14) у Гильды, служит более весомым подтверждением этого предположения.

Если галлы могли считать себя пострадавшими (хотя некоторые из них и выступали на стороне Максима), то на Британии лежала часть ответственности за узурпацию. Пакат Дрепаний говорит о приверженцах Максима как о «горстке каких-то островитян» (*pauci homines et insulani*: XXIII. 3). Далее (XXIV. 4–6), он сообщает о страданиях Италии, Испании и прежде всего Галлии во время узурпации; о том, что Британия понесла ущерб во время правления Максима, ничего не сказано. В XXVIII. 4, как мы уже отмечали, упоминается об убийстве полководца Меробавда «руками британских сообщников» (*manibus satellitum Britannorum*). По словам Клавдиана, Максима «произвела свирепая Британия» (*saeva Britannia fudit*: VIII. 73).

Феодосий проявил милосердие по отношению к сообщникам Максима – были казнены, как сообщает Пакат, только мавры, составлявшие личную гвардию узурпатора, и два или три его телохранителя (XLV. 5); широких репрессий не последовало⁴⁴. Тем не менее, британцы имели основания опасаться расправы. Еще должны были быть живы в памяти карательные меры, следовавшие за 35 лет до того, зимой

⁴⁰ Олимпиодор Фиванский. История / Пер., вступ. статья, коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. под ред. П.В. Шувалова. СПб, 1999. С. 71.

⁴¹ Там же. С. 154–155. Ряд исследователей – например, С. Уильямс и Дж. Фрилл (см. ниже, примеч. 44) и М. Казаков – делают из этого упоминания вывод, что голова Максима была послана по провинциям для публичного показа и нашла место своего последнего упокоения в Карфагене. Однако рассказ Олимпиодора (фр. 16) о том, что Константин и Юлиан были казнены в 30 милях от Равенны, делает весьма вероятным, что их головы были выставлены именно в Равенне, а не в Карфагене.

⁴² «Панегирик был... древней латинской традицией. Он продолжал существовать у латинских поэтов V–VI в. Как мы знаем, франкские короли в Галлии заимствовали этот обычай у своих побежденных предшественников. На валлийском, как этого и следовало ожидать, это наша ранняя поэзия VI в.». Иными словами, Льюис полагает, что сочинения ранних валлийских бардов (Талиесина, Анейрина) продолжают традицию латинского панегирика. См. *Lewis S. The Tradition of Taliesin // Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion*. 1968. P. 293–298, 294. Данная работа была мне недоступна, и я цитирую ее по статье П. Симс-Уильямса (*Sims-Williams P. Gildas and Vernacular Poetry // GNA*. P. 169–192, 171).

⁴³ *Sims-Williams*. Op. cit. P. 170–171.

⁴⁴ «Феодосий был вынужден признать, что Максим был во многих отношениях сильным и популярным правителем... Феодосий... был милосерден из необходимости, политики и личной склонности. Он не мог позволить себе вызвать отчуждение со стороны галло-испанской аристократии, из которой происходил как Максим, так и он сам» (*Williams S., Friell G. Theodosius: the Empire at Bay*. New Haven – London, 1994. P. 63–64).

353/354 г. вслед за участием некоторых британцев в узурпации Магненция⁴⁵. Поэтому со стороны британцев было естественно обратиться к императору с панегириком, который должен был заключать в себе как осуждение Максима (возможно, еще более резкое, чем у Паката), так и благодарность за избавление от него⁴⁶.

Следует обратить внимание и на утверждение Гильды о «двух крыльях», которые узурпатор расположил в Италии и Испании (*unam alarum ad Hispaniam, alteram ad Italiam extendens*: 13). В одном из диалогов Сульпиция упоминается о посылке Максимом трибунов в Испанию (II (III). 11. 4). Пакат говорит следующее: «Хотя и глубокие раны, следует признать, показывает близкий к нам италиец и сосед-испанец, однако каждый из них имеет в высшей скорби свое утешение: один не видел тирании, другой видел тираноубийство» (XXIV. 5).

Наконец, чем вызвана такая враждебность Гильды к Максиму? В более поздней бриттской традиции Максим – безусловно положительный персонаж, бриттский герой, завоевавший Римскую империю. Нам представляется, что именно такое, уже начавшееся прославление Максима как героя и вызвало столь резкую реакцию Гильды.

Следует обратить внимание, что к Максиму возводили свое происхождение ряд бриттских (позднее валлийских) династий. В надписи на так называемом «Обелиске Эльшега», памятнике IX в., обнаруженном на территории валлийского королевства Повис⁴⁷, говорится, что короли Повиса происходят от «Бритту, сына Вортигерны, которого благословил Герман⁴⁸, и которого родила ему Севира, дочь Максима короля, который убил короля римлян» (*Britu filius Guarthigirn quem benedixit Germanus quemque repercit ei Seura filia Maximi regis qui occidit regem Romanorum*)⁴⁹. Очевидно, что убийство короля римлян было для династии фактом, которым можно гордиться. Династия Повиса не упоминается среди обличаемых у Гильды королей⁵⁰. Не исключено, что подчеркивание низкого положения Максима и незаконность занятия им престола – урок его современным потомкам⁵¹. Такое предположение вызывает другой вопрос: реально ли было происхождение данной династии от Максима? Ведь если утверждения генеалогий IX в. могут быть полностью легендарны, то Гильду от Максима отделяют лишь четыре-пять поколений. О том, что у Максима были дочери, известно из письма святого Амвросия к императору Феодосию: «Дочерей врага твоего ты пригласил и отдал на воспитание родственникам⁵², матери недруга твоего послал

⁴⁵ *Amm. Marc.* XIV. 5. 6–9. За заговорщиками в Британии охотился нотариус Павел, по прозвищу Кандалы (Катена). Из рассказа Аммиана ясно, что хотя непосредственной задачей Павла было расследовать участие военных в мятеже, его следствие затронуло и состоятельных землевладельцев провинции.

⁴⁶ Не слишком ли смело будет предположить следующее: может быть, утверждения Гильды о том, что на континент за Максимом последовало «полчище сообщников» (*satellitum caterva*: 13) и что с Максимом остров лишился всего юношества (*ingenti iuventute spoliata*: 14) связаны со стараниями панегириста доказать, что все сообщники Максима ушли вместе с ним на континент, и в Британии в любом случае разыскивать и наказывать уже некого?

⁴⁷ Название «Повис» производят от латинского «pagenses».

⁴⁸ Св. Герман Оксеррский, посетивший, как сообщает «Хроника» Проспера, Британию в 429 г.

⁴⁹ Цит. по Trioedd Ynys Prydein. *The Welsh Triads* / Ed. R. Bromwich. Cardiff, 1961. P. 452.

⁵⁰ Мы не считаем возможным отнести к ней Аврелия Канина, как это делает Д. Дамвиль (*Dumville. Gildas and Maelgwn*. P. 54–56, родословная на с. 55). Из текста Гильды достаточно ясно, что Аврелий Канин был потомком Аврелия Амвросия, который не имел никакого отношения к Вортигерну, от коего в конечном счете производила себя династия Повиса.

⁵¹ Отметим, что, как пишет Р. Бромвич, в более поздней традиции имя Максима смешивается с более ранним узурпатором Максенцием. Валлийская форма Максен (*Maxen*, позднее *Massen*) должна происходить от «Максенций», а не от «Максим». Однако как на обелиске, так и в наиболее ранних генеалогиях (*The Annales Cambriae and Old-Welsh Genealogies from Harleian MS 3859* (London, British library, Ms Harley 3859) / Ed. E. Phillimore // *Y Cymmrodor*. 9. 1888. P. 141–183, в переиздании: *Morris J. Arthurian sources*. V. 5. *Genealogies and Texts*. Chichester, 1995. P. 13–55, генеалогии II, IV) стоит «Максим».

⁵² Чьим – Максима или самого Феодосия? Уильямс и Фрилл считают, что речь идет о родственниках Феодосия. См. *Williams, Friell*. Op. cit. P. 64. Nt. 17, 207.

содержание из своей казны» (*inimici tui filias reuocasti, nutriendas apud affinem dedisti, matri hostis tui misisti de aerario tuo sumptus*)⁵³. Сын Максима Виктор был казнен вскоре после отца по распоряжению Феодосия⁵⁴; он был еще подростком. Дочери тоже, судя по всему, были еще детьми, коль скоро их отдали «на воспитание»⁵⁵. Какая-то из них, незамужних и несовершеннолетних в 388 г., могла оказаться замужем за «Вортигерном» после 410 г.

GILDAS ON MAGNUS MAXIMUS' USURPATION

N.Yu. Chekhonadskaya

The article examines the sources used by Gildas, the 6th century British author, in recounting Magnus Maximus' (335–338) usurpation of the throne in Chapter 13 of his work, «On the Ruin of Britain». As possible sources of this chapter, the article considers Orose's «History against the Pagans», Eusebe's «Church History» in Rufin's translation, and Sulpicius Severus' «The Life of Martin». The author concludes that Gildas' use of these sources, and above all Orose, is improbable, both with regard to the facts (the absence in these authors' works of references to Magnus Maximus' beheading), and to the personality and activity of Maximus. In the works of Orose, Sulpicius, and in the Gallic Chronicle of the year 452 Maximus is represented in a wholly positive light as a ruler, at a time when the point of view of Gildas was closer to the official point of view of Theodosius and his heirs (this is revealed, for example, in his emphasis on Maximus' lowly origins). According to the author, a lost British work of official character (a panegyric?) served as a source to Gildas, whose negative attitude to Maximus can be generally explained by his hostility to the contemporary (i.e., of the first half of the 6th century) ruling dynasties descended from Maximus.

⁵³ *S. Ambrosius Mediolanensis. Opera*. T. 5. Parisiis, 1614. Col. 216. Обычно это письмо обозначается как 40, но в данном издании нумерация писем отличается от общепринятой, и здесь оно фигурирует, как II. XVII (Т. XVI PL, содержащий переписку Амвросия, оказался мне недоступен).

⁵⁴ *Kienast. Op. cit.* P. 337–338; PLRE. I. 961. № 14. Flavius Victor.

⁵⁵ Жена Максима, о которой упоминает Сульпиций (*Dial. I (II). 6*), к тому времени, видимо, уже умерла. См. PLRE. I. 1038. № 4. Анонима.

ТРИ СЕРЕБРЯНЫЕ ЧАШИ ИЗ ИСАКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА № 1*

В 1989 г. археологическая экспедиция Омского государственного университета вела раскопки Первого Исаковского могильника, расположенного неподалеку от Омска. Раскопками руководил заведующий кафедрой первобытной истории В.И. Матющенко. Результаты этих работ до сих пор, насколько мне известно, не опубликованы. Сведения о находках сообщил мне Матющенко в письме, присланном в ноябре 1989 г.; сотрудник Государственного Эрмитажа В.Ю. Зуев, познакомившийся с материалами могильника в Омске в мае 2001 г., предоставил дополнительные данные о находках.

При раскопках погребения 6 (курган 3) сотрудник экспедиции Л.И. Погодин нашел три серебряные чаши с надписями. Судя по письму Матющенко, кроме трех серебряных чаш в погребении 6 Первого Исаковского могильника найдены золотые поясные пластины со сценами борьбы змея с верблюдами, пластинчатый железный доспех, железное кованое копье, остатки лука и колчана и ряд других предметов. По мнению Матющенко, по археологическим данным погребение датируется III–II вв. до н.э., «возможно, чуть моложе, но не старше»¹.

1. Исаковская надпись на ложчатой чаше № 1 – круговая, вырезанная очень неглубоко на бортике сосуда (рис. 1, 2, 3а–л – см. вклейку, 4). Бортик изогнут, что затрудняет фотографирование. Вес чаши – 612, 2 г. Надпись фиксирует наиболее ранний этап истории хорезмийской письменности, возникшей на основе арамейского алфавита ахеменидской эпохи (имперский арамейский). Формы почти всех букв этой надписи, как и надписи на чаше № 2, сходны по начертаниям с имперским арамейским. Исключение составляет лишь буква *s* (арам. *самех*). О том, что надписи на исаковских чашах не арамейские по языку, а хорезмийские, можно судить по нескольким апеллятивам. В то же время число арамейских идеограмм в исаковских надписях весьма значительно, как этого и следовало ожидать для среднеиранской письменности арамейского происхождения².

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 99-01-00321а.

¹ Письмо В.И. Матющенко от 9.11.1989 г. О датировке Первого Исаковского могильника III–I вв. до н.э. см. Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. С. 61.

² Ср. арамейские идеограммы в более поздних хорезмийских текстах: монетных легендах, известных с I в. н.э.; документах на дереве и коже и отпечатках кож на глине из дворца Топрак-калы (конец II–III в.); надписях на серебряных сосудах VI–VIII вв.; надписях на оссуариях из некрополя Ток-калы VII – середины VIII в. См. Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1967 (о дате – с. 52); Топрак-кала. Дворец. М., 1984. С. 251–286 (о дате – с. 253); Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. 1964. № 3. С. 166; Толстов С.П., Лившиц В.А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала // СЭ. 1964. № 2. С. 50–69 (о дате – с. 68); Livshits V.A. The Khwarezmian Calendar and the Eras of Ancient Chorasmia // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XVI. Budapest, 1968. P. 433–446; Гудкова А.В., Лившиц В.А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема «хорезмийской эры» // Вестник Каракалпакского филиала АН Узб. СССР. Нукус. 1967. № 1. С. 3–19; Henning W.B. The Choresmian Documents // Asia Major. N.S. V. XI. Pt 2. L., 1965. P. 166–179 (о дате – р. 168–170).

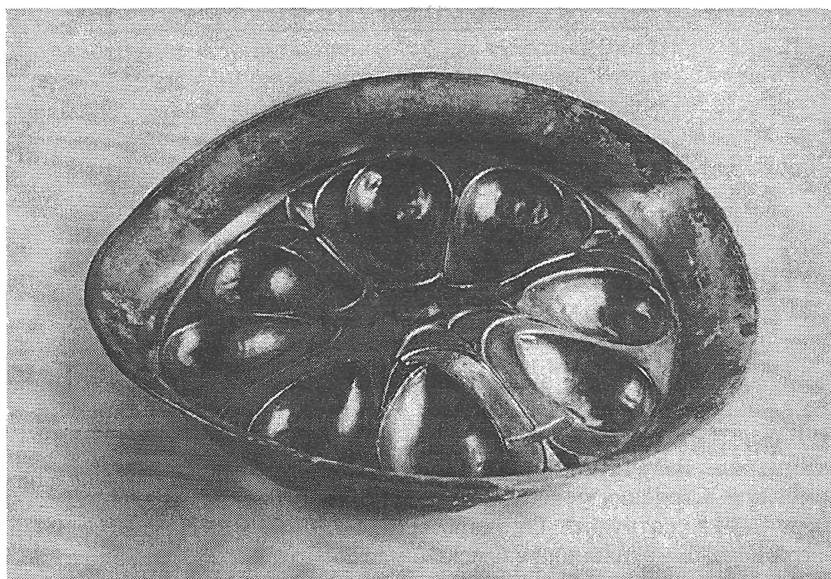

Рис. 1. Исаковка 1. Курган 3. Погребение 6. Серебряный фиал № 1. Общий вид сосуда. Фото Л.И. Погодина

ТЕКСТ ИСАКОВСКОЙ НАДПИСИ № 1

tšt ZNH wtykny MN βrzʷwny tḥwmkn (или tswmkn) W KN ʾHRY MRʷY MLKʷ ʾmwrzmn BR MLKʷ wrdn mzdʰy ʿBDw QPD (или QPR) GYN III³ prwrtyn «Эта пиршественная чаша от Барзавана, (сына) Тахумака (или Тасумака). И вот затем: государь царь Амуржам, сын царя Вардана, (в) дар ему (сосуд) сделан ... 3-го (месяца) *фравартин*».

Комментарий: tšt /tašt/ «чаша». Слово засвидетельствовано также в парфянской надписи на серебряной чаше (фиале), найденной в 1911 г. при раскопках курганного погребения у деревни Прохоровка Оренбургской губернии. Эта надпись, содержащая всего два слова – tšty ʾtrwmtr «чаша Атармитра», была издана акад. П.К. Коковцовым⁴.

В.Б. Хеннинг, опубликовавший среднеперсидскую надпись на серебряной чаше III в. н.э., которая была найдена в одном из погребений некрополя Мцхета-Армази, древней столицы Грузии, предполагал, что в начале надписи, перед именем владельца сосуда и его родословной, имеются, возможно, следы слова tʾšty «чаша». Он писал, что только дальнейшее исследование оригинала надписи может решить этот вопрос⁵. Хеннинг мог пользоваться только фотографией, опубликованной в 1958 г.⁶

Я имел возможность в 1977 г. проверить чтение надписи по оригиналу и следов tʾšty не обнаружил. Ф. Жинью, исследовавший оригинал, также отмечает, что tʾšty в мцхетской надписи нет⁷.

³ Горизонтальный штрих над знаками единиц.

⁴ Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. С приложением академика П.К. Коковцова и С.И. Руденко. Пг., 1918 (МАР. № 37). С. 16, 82–83. Табл. I. Ср. также Ливищ В.А. О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана 1 у деревни Прохоровка // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научн. конф. Ч. 2. СПб., 2001. С. 161–162.

⁵ Henning W.B. A Sasanian Silver Bowl from Georgia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1961. V. 24. Pt 2. P. 355. Not. 6.

⁶ Мцхета. I. Тбилиси, 1958. Табл. 49, 3.

⁷ Gignoux Ph. Noms d'ustensiles (argenterie et poterie) en moyen-iranien // Documents et archives provenant de l'Asie Centrale. Kyoto, 1990. P. 78. Пользуюсь случаем, чтобы исправить свою ошибку. В надписи на сереб-

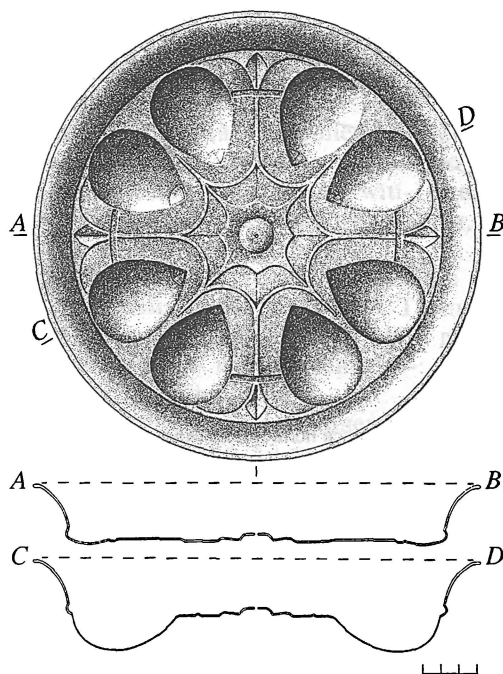

Рис. 2. Внешняя поверхность фиала № 1

Среднеиранское и новоперсидское *tašt* восходит к древнеиранскому *tašta-*, засвидетельствованному в текстах Младшей Авесты в значениях «чашка, чаша»⁸. Этимологически слово связано с авестийским *tašta-* «вырезанное», пассивным совершенным причастием от *taš-* «вырезать, кроить», древнеиндийским *taštá* (от *takṣ-* «обтесывать, отрубать; обрабатывать»), латинским *testa-* «терракота, черепок; (глиняная) миска, горшок, сосуд», русским *тесать* – все из протоиндоевропейского **teḱr-*, **teḱrta*⁹.

Среднеперсидское *tašt* обозначало «чаша, кубок»¹⁰, но также «лохань, таз»¹¹. Из среднеперсидского *tašt*, *taštak* «чаша, чашка» заимствовано в армянский¹²; грузинское

ряной чаше из коллекции Мохсена Форуги, опубликованной Ф. Жинью и именуемой в его публикации «второй парфянской» (*Gignoux Ph. Coupes inscrites de la collection Mohsen Foroughi // Monumentum H.S. Nyberg. T. I. Leiden, 1975 = Acta Iranica, 4. P. 271. Fig. 3–4*), я по фотографии читал первое слово надписи, плохо сохранившейся, как *tšt* (Ливишц. О датировке надписей ... С. 164–166). Более детальное изучение надписи показало, что чтение *tšt* следует отвергнуть. Жинью (*Coupes inscrites...* P. 271) видел в начале надписи *lwmt(r)u(n)*; наиболее вероятным мне сейчас кажется чтение (...) *t mtrdt* «сосуд (?) Михрдата». Название сосуда остается неясным. Отмечу попутно, что в другой парфянской надписи на серебряной чаше из той же коллекции Форуги (*Gignoux. Coupes inscrites ... P. 276. Fig. 28–31*) обозначение сосуда – арамейская идеограмма *ŠRQT*⁷, ср. араб. *šrq* «скользить, течь». Я вижу в этой надписи: *ŠRQT ZNH NPŠH LY šmtrmly dnywškn* «Эта чаша принадлежит мне, Чаматфарну (?), сыну Денвача» (Ливишц В.А. Новые парфянские надписи из Туркмении и Ирака // Эпиграфика Востока. XXII. Л., 1984. С. 23. Прим. 19). С чтением *ŠRQT* согласился как будто и Жинью (*Noms d'ustensiles...* P. 77–78). Странное чтение предложил недавно П.О. Шёрвэ, который вместо *ŠRQT* видит *š't hny* – «счастливым да буду», см. *Skjærvø P.O. The Joy of the Cup: a Pre-sassanian Middle Persian Inscription on a Silver Bowl // Bulletin of the Asia Institute. N.S. V. 11. Bloomfield Hill, 1997 (2000). P. 93*.

⁸ Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. 2. unveränderte Auflage. B., 1961. Sp. 628, 646.

⁹ Pokorny J. Indogermanisches etymologischen Wörterbuch Bd I. Bern – München, 1959. S. 396, 1058.

¹⁰ MacKenzie D.N. A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971. P. 82; Nyberg H.S. A Manual of Pahlavi. II. Wiesbaden, 1974. P. 192.

¹¹ Gignoux. Noms d'ustensiles ... P. 78.

¹² Hübschmann H. Armenische Grammatik. I. Theil: Armenische Etymologie. Lpz, 1897. S. 251–252.

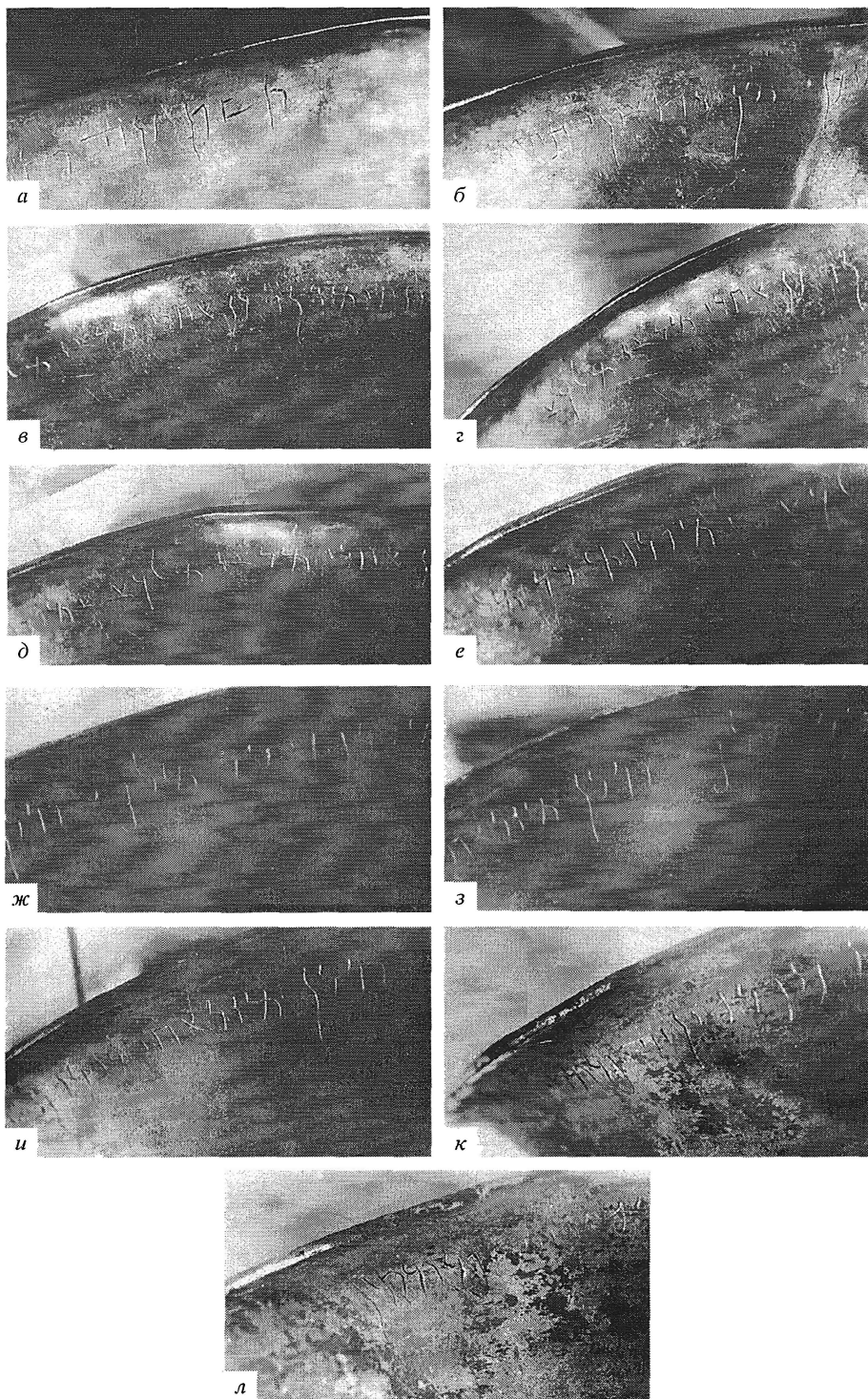

Рис. 3 а–л. Серебряный фиал № 1. Хорезмийская надпись. Фото Л.И. Погодина

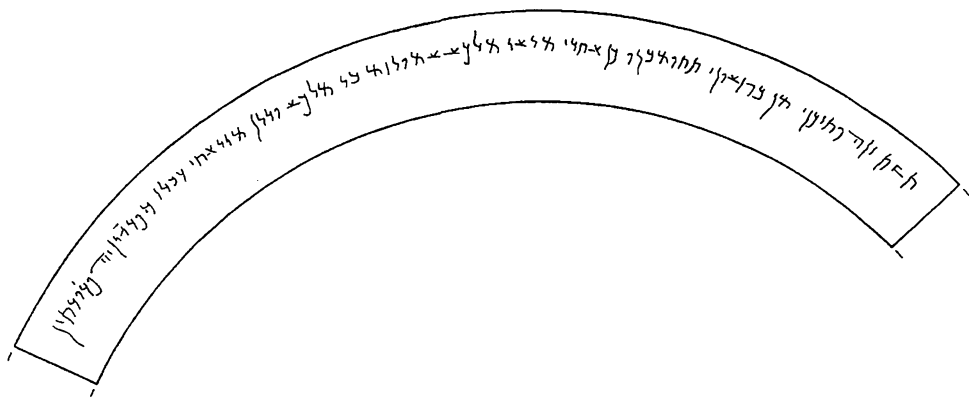

Рис. 4. Прорисовка надписи полностью, сделанная Я.В. Смеркиной

t'ast'i в тех же значениях пришло либо из армянского, либо непосредственно из среднеперсидского. В парфянских манихейских текстах представлены tāst, tāstak «чаш(к)а, кубок»¹³, с неожиданным для парфянского -st- из -št-.

В современном персидском tāšt – «большой таз (металлический), корыто»¹⁴, в сходном значении слово заимствовано в арабский: ṭašt, ṭašt, ṭišt «таз для умывания»¹⁵. В семитские языки слово проникло уже весьма рано, на что указывают сирийское ṭšq' «чаша, блюдо» и ṭšq' «глубокое блюдо, лохань» в арамейском диалекте Вавилонской Гемары¹⁶. Из арабского ṭast было заимствовано в турецкий и далее во многие европейские языки¹⁷.

Следующее слово в исаковской надписи № 1 – идеограмма ZNH, имперско-арамейское указательное местоимение муж. р. ед. ч. (zēnā) «этот». Соответствие ему в хорезмийском второй половины III–II в. до н.э. (время, к которому можно отнести надписи на исаковских чашах № 1 и 2) может быть лишь предположительным. В хорезмийских текстах на арабо-персидской графике, относящихся к XII–XIV вв.¹⁸, наиболее вероятным претендентом для нашей надписи кажется предок указательного местоимения pīn, pī «этот», выступавший в атрибутивной функции в постпозиции к определяемому¹⁹. Д.Н. МакКензи возводит pī(n) к сложению указательной префиксальной частицы p- с местоименной основой *aina- (среднеперсидское ēn, новоперсидское īn)²⁰. Если p- родственно согдийским постпозитивным аффиксам -пах, -пē,

¹³ Boyce M. A Word-List of Manichaean Middle Persian and Parthian. Téhéran – Liège, 1977 (Acta Iranica, 4a). P. 86.

¹⁴ Персидско-русский словарь. Т. 1. М., 1970. С. 373.

¹⁵ Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1976. С. 474.

¹⁶ Telegi S. Essai sur la phonétique des emprunts iraniens en araméen talmudique // JA. T. 226. Fasc. 2. P., 1935. P. 245.

¹⁷ В итальянском – tazza, французском – tasse, немецком – Tasse «чаша», русском таз (древнерусское тазъ), см. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого с дополнениями О.В. Трубачева. Т. IV. М., 1973. С. 10; Nyberg. A Manual ... S. 192. К персидскому tašt, арабскому ṭast восходит в конечном счете и русское стакан, старорусское достаканъ из чагатайского tostakan «деревянная мисочка», см. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1905. С. 1211; Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 743.

¹⁸ Хорезмийские календарные, обрядовые, ботанические и минералогические термины приведены в арабской графике в трудах ал-Бируни (конец X–XI в.).

¹⁹ Боголюбов М.Н. Местоимения в хорезмийском языке // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. 1963. 67. С. 99; Henning W.B. A Fragment of a Khwarezmian Dictionary / Ed. D.N. MacKenzie. L., 1971. P. 44.

²⁰ MacKenzie D.N. The Khwarezmian Element in the *Qunyat al-Munya*. L., 1990. P. 118.

сочетающимся с местоименными основами (например, согд. хѳах, хѳнѳ «тот, он», где хѳ < *hau-), и ягнобским препозитивным пах-, паһ- при указательных местоимениях (так, ягноб. паһах «тот самый, тот, он») ²¹, то раннехорезмийским соответствием для пї(п) могло быть *pahēn или *paēn.

wtykny «пиршественный, относящийся к трапезе, пиру» – относительное прилагательное с суффиксом -kāna-/kāñ от раннехорезмийского *witi-, значение которого объясняется сопоставлением с древнеиндийским witi- «жертвенная, торжественная еда» ²². Суффикс -kny или скорее -kny-/kāñ (?) / образовывал, очевидно, как и в согдийском -k'ny, -q'ny ²³, относительные прилагательные.

Идеограмма MN (араб. min) для предлога со значением «из, от» употребляется во всех текстах, написанных хорезмийским письмом ²⁴. Трудно определить, как звучал этот предлог в хорезмийском второй половины III–II в. до н.э., поскольку нам неизвестно время падения начального h- и озвончения -č-: древнеиранское *hača могло в этот период развиться в *hač, *ač, *has, *as.

В brz'wny, имени лица, подарившего чашу, конечное -y, очевидно, флексия одного из косвенных падежей (возможно, р-хор. *-i из древнеиранского *-u(ā), флексии локатива). Следует заметить, что в документах из дворца Топрак-калы (конец II–III в. н.э.) в сочетаниях с MN личные имена не осложнены флексией в отличие от сочетаний с предлогом направления 'L, для которых характерно чередование -y/-Ø ²⁵.

В brz'wn первый компонент восходит к *barz- «высокий, возвышенный» ²⁶ – основе, запечатленной во многих древнеиранских и среднеиранских антропонимах ²⁷. Значение второй части имени мне неясно. Обозначение -ā- *алефом* заслуживает внимания, ибо в раннехорезмийских памятниках это явление редкое ²⁸.

ṭwṃkṇw (tswmkṇw?), поссесив с формантом -nw /-ānu/, выступающий в качестве патронима: Тахимаkānu «сын Тахумака». Такие поссесивы известны по хорезмийским надписям VII–VIII вв. на оссуариях из некрополя Ток-калы, например, srwywk tyšy'n'nw «Srawyōk, сын Tišyān'a» ²⁹. Поссесивы с -ānu продолжают, вероятно, в п.-хор. -ān – падежной флексии генитива мужского рода единственного числа.

Существует, однако, и другая возможность толкования ṭwṃkṇw, и она кажется мне предпочтительней. Конечный -w может быть арамейским союзом W «и», который

²¹ Henning W.B. Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch. B., 1936 (Abhandlungen der Preußischen Akad. der Wiss. 1936, № 10). S. 70; Gershevich I. A Grammar of Manichean Sogdian. Oxf., 1954. P. 208; Андреев М.С., Пецерева Е.М. Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, сост. М.С. Андреевым, В.А. Лившицем и А.К. Писарчик. С. 289–290.

²² Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd III. Heidelberg, 1968. S. 236–237.

²³ Gershevitch. A Grammar... P. 162.

²⁴ В дальнейшем язык этих текстов мы будем именовать раннехорезмийским (р.-хор.) в отличие от позднехорезмийского (п.-хор.) языка XII–XIV вв., пользовавшегося арабо-персидской графикой.

²⁵ Топрак-кала. Дворец. С. 258: MN 'wrštk, MN 'βy'wprn, MN nrsw, но 'L m'xky, 'L wxšwβrky, 'L srtk, 'L wrms'k.

²⁶ В п.-хор. βž (<*barz-) – «длинный».

²⁷ Так, в Авесте: *Bərəziaršti-* (Bṛzāršti-), букв. «с высоко (поднятым) копьем», *Bərəzišnu-* (Bṛzišnu-) «имеющий высокие колени», *Bərəzišanti-* (Bṛzvant-) «возвышенный, высокий»; в древнеперсидском – Bṛdiya-, гипокористик от усеченного двусоставного имени. Об именах с *barz-, *brz- в древнеиранских и среднеиранских языках см. Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. S. 63, 65–66, 73–74; Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 210, 239; Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973. S. 145, 219, 314; idem. Iranisches Personennamenbuch. Bd I. Fasz. 1: Das avestischen Namen. Wien, 1977. S. 31–32; Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975. S. 67–68; Gignoux Ph. Iranisches Personennamenbuch. Bd II. Fasz. 2: Noms propres sassanides en moyen-perse épigraphique. Wien, 1986. P. 55, 61–65, 93; Sims-Williams N. Sogdian and other Iranian Inscriptions of the Upper Indus. II. L., 1992 (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt II. V. III). P. 46.

²⁸ Так, в еще не опубликованном острате, найденном на городище Кюлалы-гыр 2 (левобережный Хорезм) и относящемся, вероятно, к II–I вв. до н.э., личные имена Rašn(u)ḍatak, Waxš(u)ḍatak, пишутся ḡšnwdk, wḡšwdk. Ко II–III вв. н.э. *алеф* для -ā-, как показывают документы из дворца Топрак-калы, стал употребляться регулярно.

²⁹ Henning. The Choresmian Documents. P. 178–179.

писался, как правило, слитно с предыдущим словом. В этом случае *ṭḥwmkn* (Тахумакан) является патронимом с суффиксом *-ān* от Тахумак, либо с суффиксом *-akān* от Тахум. Оба эти типа патронимов известны в других среднеиранских языках (среднеперсидском, парфянском, согдийском). Этимологию имени *Ṭḥwm* (или *Ṭḥwmk*, *Tswm*, *Tswmk*) мне установить не удалось.

WKN ʾHRY «и вот затем»; сочетание, предшествующее акту дарения чаши и напоминающее переход от формулы адресования к сути сообщения в арамейских письмах. Арам. *W(wa)* «и» соответствует р.-хор. *ut*, п.-хор. *ud*; для арам. *KN (ken)* «вот, так» я раннехорезмийское соответствие определить не мог; арамейскому *ʾHRY* (*ʾaḥaṭī*) «конец, наконец, затем»³⁰ в п.-хор. соответствует как будто по значению *rcʾbyṭ*, *f-rcʾbyṭ*³¹, однако раннехорезмийский эквивалент остается неизвестным.

MRʾY MLKʾ «государь царь». Это сочетание идеограмм (букв. «мой господин царь», арам. *māḡimalkā*) могло быть официальным титулом царей Хорезма – оно присутствует в монетных легендах, что заметил уже С.П. Толстов, первым начавший изучение хорезмийской письменности³². *MRʾY MLKʾ* появляется на сравнительно поздних эмиссиях (по расчетам Б.И. Вайнберг, не старше IV в. н.э.)³³, ранее на хорезмийских монетах представлено только имя царя и *MLKʾ*. Однако не исключено, что в нашей надписи *MRʾY MLKʾ* выступает как торжественное обращение донатора к царю.

Хорезмийское соответствие для *MLKʾ* неизвестно³⁴; *MRʾY* в раннехорезмийском, как и в согдийском и парфянском, служило идеограммой для *xwātāw*. Об этом можно судить по монетам – на одной из эмиссий, кроме *MRʾY MLKʾ* и имени царя Хорезма, помещено слово *ḥwṛʾw*³⁵.

**mwrzm /Āmuržam/*, имя царя, букв. «сострадающий, жалостливый, сочувствующий», *āmurž-* от иранского корня **mržd-*, авест. (гат.) *mərəž-dā-* «прощать, сострадать» (*mərəždātā* «сострадай!», Y. 33.11), *mərəždika-*, *marždika-* «сострадающий, сострадание, жалость»³⁶, др.-инд. *mṛdáyati* «он сострадает»³⁷, среднеперсидское, новоперсидское *āmuržidan* «прощать, жалеть, миловать», парфянско-манихейское *huātužd* «жалостливый, сочувствующий, благотворительный», *ātužd* «милосердие, сострадание, прощение»³⁸, хотано-сакское *mulysdi* «благосклонность; милосердие, сострадание»³⁹. Суффикс *-am* в *Āmuržam* восходит к др.-ир. **-ma-* или **-man-* (например, др.-перс. *Ura-dar-ma-*)⁴⁰, ср. согд. *-m* (*snʾm* «купание» и др.)⁴¹.

Идеограмма *BR* (арам. *bar*) «сын» в хорезмийском впервые представлена в нашей надписи. Патроним, в отличие от обозначения отца донатора, для царской фамилии был бы, конечно, оскорблением. Сопоставление *BR* со среднеперсидской идеограммой *BRH*, букв. «его сын», парфянской и согдийской *BRY* («мой сын») показывает, что отбор арамейских форм для идеограмм в канцеляриях каждой из стран, где вводились иранские письменности на арамейской основе, происходил самостоятельно⁴². *BR* соответствует р.-хор. *puhr* (**puḥra-*), п.-хор. *pur(pr)*.

³⁰ Jean Ch.-F., Hoftijzer J. Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest. Leiden, 1965. P. 10; Beyer K. Die aramäischen Texte vom Toten Meer. Göttingen, 1984. S. 508.

³¹ Benzing J. Chwaresmischer Wortindex. Wiesbaden, 1983. S. 521.

³² Толстов С.П. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит // ВДИ. 1938. № 4 (5). С. 131–145.

³³ Вайнберг. Ук. соч. С. 58, 82–84.

³⁴ П.-хор. *šāh* – «царь» заимствовано из персидского.

³⁵ Вайнберг. Ук. соч. С. 60, 84.

³⁶ Bartholomae. Op. cit. Sp. 1175.

³⁷ Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoiranischen. Bd 2. Heidelberg, 1994. S. 326–327.

³⁸ MacKenzie. A Concise... P. 8; Boyce. Op. cit. P. 11.

³⁹ Bailey H.W. Dictionary of Khotan Saka. Cambr., 1979. P. 338.

⁴⁰ Kent R.G. Old Persian. 2nd ed. New Haven, 1953. P. 51.

⁴¹ Gershevitch. A Grammar... P. 166.

⁴² На это указывают и различия в идеограммах для календарных терминов, см. Толстов, Ливищ. Ук. соч. С. 57.

Отец Амуржама, также царь Хорезма (титул MLK³ применительно к нему может указывать, что MR³Y MLK³ не было официальным титулом), носил имя, хорошо известное в западноиранских языках уже по крайней мере с ахеменидской эпохи – Wardān (откуда и армянское Vardan)⁴³, ср. согд. Wrδn, Wrδ³n⁴⁴, в хорезмийском Wardān. Происхождение имени точно не установлено; предполагалось видеть в нем патроним с -ān от *Ward, букв. «роза», или производное от корня *ward-«возрастать», авест. varad-⁴⁵.

mǝd³hу (miǝdā-hē) «дар ему» или «награда ему». Раннехорезмийское miǝdā связано с авест. mǝdā «наемная плата; выгода; польза; выигрыш; подарок»⁴⁶, древнеиндийским mīdhā- (mīlhā-) «состояние, спор; заработанная плата; награда»⁴⁷, среднеперсидским mizd «награда, вознаграждение, наемная плата, плата»⁴⁸, новоперсидским muzd «плата за труд, вознаграждение»⁴⁹. С авест. mǝdā связаны также осетинское иронское muzd, дигорское mizd «заработанная плата; плата наемному работнику, вознаграждение за труд, за услугу»⁵⁰, согдийское muzδ/miǝd/ «вознаграждение»⁵¹, хотаносакское māšdāna «щедрый, дарующий награды, устанавливающий заработную плату»⁵².

Значение «дар, награда» в христианских и манихейских текстах связывается с «добрым посланием, добрыми новостями», а затем и с «евангелием». Отсюда среднеперсидские-манихейские mizdag («хорошие» новости; послание), mizdagtāz «послани-ник», mizdagtāzih «евангелие», парфянско-манихейские muǝdag («хорошие» новости, послание), muǝdagdāg «посланник»⁵³. К этому гнезду примыкают также согдийско-христианские mǝdwc³q /muǝdučāk/ «евангелие» (адаптация парфянского), mwztybrqy³ /muǝdē-varakyā/ «евангелие», согдийско-манихейское mwzi³k /muǝdāk или muǝdē/ «приносящий евангелие» (из парфянского muǝdag)⁵⁴.

В хорезмийском сочетании mǝd³hу заслуживает внимания *alef*; он обозначает либо долгий, либо краткий исходный гласный. В раннехорезмийском miǝdā принадлежало, возможно, к существительным женского рода (авест. mīdhā-, др.-инд. mīdhā- – среднего рода). Предположение о сходстве орфографических приемов в раннехорезмийском и позднехорезмийском, вопреки различию письменностей, может показаться

⁴³ Justi. Op. cit. S. 351–353.

⁴⁴ Sims-Williams. Op. cit. P. 76.

⁴⁵ Hübschmann. Op. cit. S. 82; Sims-Williams. Op. cit. P. 76.

⁴⁶ Bartholomae. Op. cit. Sp. 1187–1188. Значение «Geschenk, подарок» для авестийского слова приводится у Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd II. S. 643. О религиозном и философском значении авест. mǝdā см. Kellens J. Essay of Zarathushtra and Zoroastrianism. Costa Mesa, 2000. P. 6.

⁴⁷ Mayrhofer. Kurzgefaßtes... Bd II. S. 642–643; idem. Etymologisches Wörterbuch des Altindoiranischen. S. 357–358.

⁴⁸ MacKenzie. A Concise... P. 56.

⁴⁹ Производным от muzd является новоперс. muzdūr (< muzdwar) «наемный работник, батрак» (среднеперс. mizdwar). От этого слова происходят названия современного селения Mozdūrān в Иранском Хорасане (около 100 км к востоку от Туса), а также горной цепи Kūh-i Mozdūrān. Эти топонимы, построенные по обычной в персидской модели названий, данных по профессиям или социальным группам (ср., например, Gulāmān – селение в Хорасане), вызвали недоразумение в современной иранистике. Х. Хумбах предложил возводить Mozdūrān к древнеиранскому *Mazdā-Ahura- (Humbach H. The Gāthās of Zarathushtra and the Other Old Avestan Texts. Bd I. Heidelberg, 1991. S. 40), эта гипотеза была названа «блестящей» И. Гершевичем (Gershevich I. Approaches to Zoroaster's Gāthās // Iran. 1995. 33. P. 26). Ссылки Хумбаха на племя масдораниан и горы Масдоран, упоминаемые у Клавдия Птолемея (VI. 5. 1), ничего не меняет: современные названия селения Mozdūrān и горной цепи Kūh-i Mozdūrān – новообразования, никакого отношения к *Mazdā-Ahura- не имеющие, и соответственно привлекать их в исследованиях по истории зороастризма – бесполезно.

⁵⁰ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973. С. 145–146.

⁵¹ Reichelt H. Die sogdischen Handschriftenreste des Britischen Museums. II. Teil. Heidelberg, 1931. S. 16–17.

⁵² Bailey H.W. Prolexis to the Book of Zambasta. Cambr., 1967 (Indo-Scythian Studies being Khotanese Texts, VI). P. 279–280; idem. Dictionary of Khotan Saka. P. 333.

⁵³ Boyce. Op. cit. P. 58–60.

⁵⁴ Bailey. Prolexis... P. 280; Gershevitch. A Grammar... P. 172.

фантастической гипотезой, однако внешнее сходство налицо: ср., например, в текстах XII–XIV вв. *δyδ/δyūda/* «дочь», *δyδ'hy/δyḏā-hi/* «его дочь».

Энклитическое местоимение р.-хор. *hē*, п.-хор *hi* продолжает др.-ир. **hai*, авест. *hē* (генетив–датив). Примечательно написание в нашей надписи *hy*, с *h* – (*xem*), хотя *h* и *h* в хорезмийском письме различаются во все периоды его истории, обозначая соответственно фонемы /h/ и /x/.

‘BDW – «сделали» или «сделано», по форме эта идеограмма может быть либо арам. 3 л. мн. ч. муж. р. перфекта /‘ebādū/ «они сделали», либо основой идеограммы – ‘BD в сочетании с комплементом (иранской флексией) -w, который может указывать на соответствие хорезмийскому перфектному пассивному причастию – «сделано». Ранне-хорезмийская система глагольных идеограмм до сих пор не исследована из-за скудости материалов⁵⁵, поэтому для исследования ее структуры приходится обращаться к парфянской системе, довольно полно представленной в памятниках II в. до н.э. – II в. н.э.

В.Б. Хеннинг, анализируя глагольные идеограммы в парфянском тексте документа Авроман III (53 г. н.э.), считал конечный -w комплементом – показатели презенса: ZBNw «он покупает» ʾKLw «он ест, пользуется», MZBNw «он продает». Комплемент -t – показатель претерита (образовавшегося из пассивного перфектного причастия): ZBNt «он купил»⁵⁶.

Однако документы на остраках из Нисы (II–I вв. до н.э., старейший из найденных до сих пор – 151 г. до н.э.), фиксирующие уже осуществленные хозяйственные операции, показывают, что идеограммы с комплементами -w и -t обозначают прошедшее время, причем чередуются в документах в одних и тех же контекстах, без видимых различий грамматических значений: HNʾLw и HNʾLt «внесено», QʾYLw и QʾYLt «засчитано», YNTNw и YNTNt «отдано», YTKYNw и YTKYNt «предназначено». Ясно, что формы, скрываемые за идеограммами с -t, являются 3 л. ед. ч. претерита (HNʾLt соответствует, вероятно, парф. *apespart*, YNTNt = *dāt*, YTKYNT = *patsaxt* или *passaxt*). Как звучали идентичные по значению идеограммы с -w, остается неясным. На то, что идеограммы с -w обозначают формы прошедшего времени, указывает и парфянско-греческая билингва, вырезанная на статуе Геракла из Селевкии (II в. н.э.): MRDPw «он преследовал», ʾHDw «захватил»⁵⁷.

Ф. Альтгейм, считавший, что иранские тексты появляются лишь в III в. н.э., с приходом Сасанидов, а до тех пор писали только по-арамейски, не мог объяснить -w в формах ZBNw, MZBNw и т.п. на материалах «имперско-арамейского». Он призвал на помощь энклитическое местоимение 3 л. ед. ч. муж. р. *hw/hū*, выступающее в роли глагольной связки в восточноарамейских диалектах – сирийском и еврейско-арамейском (вспомним, что «имперско-арамейский» относился к западным диалектам). При этом *hū* теряло начальный согласный и в таком виде присоединялось к формам перфекта: *‘ebad-ū «он сделал», что позволяет, согласно Альтгейму, считать арамейской парфянскую (и добавим мы – также хорезмийскую) идеограмму ‘BDW, или к причастию: *‘ābed-ū «делающий есть > сделал», как «объясняет» Альтгейм возникновение среднеперсидской идеограммы ‘BYDWN⁵⁸.

Рассуждения Альтгейма о сочетаниях с энклитикой -hū > -ū несостоятельны: такие сочетания редки и в восточноарамейских диалектах, а в раннем «имперско-арамей-

⁵⁵ Так, в документах из дворца Топрак-калы сохранилась только одна глагольная форма – идеограмма YHYB «он дал» или «выдано» (см. Топрак-кала. Дворец. С. 257).

⁵⁶ Henning W.B. *Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik. Bd IV: Iranistik, Abschnitt 1: Linguistik.* Leiden – Köln, 1958. S. 30. Ср. также Gignoux Ph. *Glossaire des Inscriptions Pehlevies et Parthes.* L., 1972 (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Supplementary Series, I). P. 45: ʾKLW – vxarēt; P. 59: MZBNW – fravaxšēt; P. 68: ZBNW – xrinēt, ZBNt – xrit.

⁵⁷ Morano E. *Contributi all’interpretazione della bilingue greco-partica dell’Eracle di Seleucia // Proceedings of the First European Conference of Iranian Studies. Pt I. Rome, 1990. P. 236–237.*

⁵⁸ Altheim F., Stiehl R. *Supplementum Aramaicum. Aramäisches aus Iran.* Baden-Baden, 1957. S. 65; *idem.* *Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden. Lief. I.* Frankfurt am Main, 1963. S. 38.

ском» их нет вовсе. Ошибочны и выводы Альтгейма о поздней фиксации в письменности иранских языков⁵⁹.

После этого долгого, но необходимого экскурса, вернемся к раннехорезмийскому 'BDw. Точное фонетическое раскрытие этой идеограммы установить трудно: в п.-хор. основа презенса 'k- /ikk-, akk-/ (<*kup-), в сложных словах выступает вариант с сохранением -п-: -knp⁶⁰. Возможно, что в раннехорезмийском основа презенса звучала еще /*kup-/; но восстановить форму 3 л. мн. ч. имперфекта (от основы презенса) я не отваживаюсь⁶¹. Претерит, из перфектного пассивного причастия («сделан»), мог иметь форму /*kart/ или /*kirt/, в п.-хор. 'ktk /aktek?/, из *kartaka- или *krtaka-. Идеограмма для р.-хор. претерита – 'BDt – представлена в краткой курсивной надписи на одной из серебряных чаш (VII в.?) собрания Государственного Эрмитажа⁶²: рх(?) n'k žyg'pw hy'n 'BDt «Пах(?)нак, сын Ши́ра, (для?) них сделано».

Следующий сегмент текста надписи остался для меня неясным. Кажется наиболее вероятным, что это сочетание двух идеограмм – QPD (или QPR) и GYN. В позднем арамейском таргумов, талмудов и мидрашской литературы qpd /qāpad/ в породе *na'эль* имел значения «сжимать, свертывать», а также «гневаться, быть восприимчивым, быть особенным; заботиться»⁶³; *gyn* в этой породе – «покрывать, окружать, защищать»⁶⁴. В контекст надписи эти значения не вписываются.

Надпись заканчивается датой – 3-го дня месяца *фравартин*. Этот – 1-й – месяц «зороастрийского» календаря, авест. *frauušingm*, в р.-хор. имел еще, очевидно, форму *frawartīn*, ср. *βrwrtn*, *βrwrtn* в надписях на токкалинских оссуариях, в п.-хор. – *gwīspn* /*rawarcina*, *gewercina*/ в календарном списке ал-Бируни⁶⁵.

Примечательно, что в отличие от известных до сих пор среднеиранских надписей на предметах торевтики – среднеперсидских, парфянских, согдийских, хорезмийских, бактрийских, только в некоторых хорезмийских надписях указывается, что сосуд подарен определенным лицом. Эта особенность формуляра наблюдается и в надписях на некоторых хорезмийских серебряных чашах VI–VIII вв.⁶⁶

2. Исаковская надпись № 2 глубоко врезана на стенке чаши (рис. 5, 6). На внутренней стороне чаши в центре круга – изображения трех дельфинов, перемежающиеся тремя цветками. Ближе к краю чаши выгравированы по кругу изображения чередующихся трех дельфинов и трех уток.

⁵⁹ О парфянском языке документов из Нисы и контракта Авроман III см., например: *Haruta S. Formation of Verbal Logograms (Aramaicograms) in Parthian* // Orient. Tokyo, 1992. 28. P. 17–36; *Schmitt R. Parthische Sprach- und Namenüberlieferung aus Arsakidischer Zeit* // Das Partherreich und seine Zeugnisse / Hrsg. von J. Wieshöfer. Stuttgart, 1998. S. 163–204. Позволительно будет упомянуть и многочисленные публикации и исследования парфянских идеографических текстов, изданных покойным И.М. Дьяконовым и автором настоящей статьи. Станным образом П.О. Шёрвз, один из выдающихся современных иранистов, разделяет мнение Ф. Альтгейма (*Skjervø P.O. Verbs in Parthian and Middle Persian Inscriptions* // Studia Grammatica Iranica. Festschrift für H. Humbach. München, 1986. S. 433–434; *idem. Aramaic in Iran* // *Aram. L.*, 1995. T. 7. P. 289). Примечательно замечание Шёрвз относительно функций и происхождения конструкции с (h)ū в сирийском: «It is not clear from the handbooks to what extent this was a "genuine" Aramaic practice; it may be (if my interpretation is correct) just an Iranian practice» (*Aramaic in Iran*. P. 289. Not. 7).

⁶⁰ *Henning. A Fragment...* P. 22–23.

⁶¹ В п.-хор. 3 л. мн. ч. имперфекта – *mk'g*, с аугментом *m-* и флексией *-āg*.

⁶² *Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения*. СПб., 1909. Табл. XX, 46.

⁶³ *Yastrow M. A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature*. V. II. L. – N. Y., 1903. P. 1402.

⁶⁴ *Yastrow. A Dictionary...* V. I. P. 239.

⁶⁵ *gwījn* в Стамбульской рукописи «Хронологин». Ср. *Henning. Mitteliranisch*. S. 82–83; *Livshits. Op. cit.* P. 444.

⁶⁶ *Смирнов. Ук. соч.* Табл. XIX, 42, 43, 45, 47; Табл. CXIV, 286; *Бадер О.Н., Смирнов А.П. «Серебро замаскованных первых веков нашей эры»*. М., 1954. Рис. 9, 10 (прорисовка надписи); *Бадер О.Н. Камская археологическая экспедиция в 1957 году* // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 1960. 78. С. 97. Рис. 34 (общий вид чаши); *Azarpay G. Nine Inscribed Chorasmanian Bowls* // *Artibus Asiae*. Ascono, 1969. T. 31. Fasc. 2/3. P. 190. Pl. 4, a (фотография надписи).

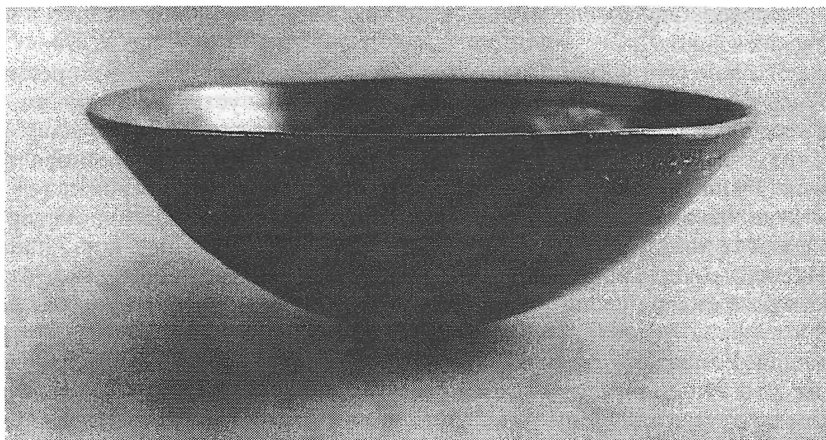

Рис. 5. Серебряный фиал № 2. Общий вид сосуда. Фото Л.И. Погодина

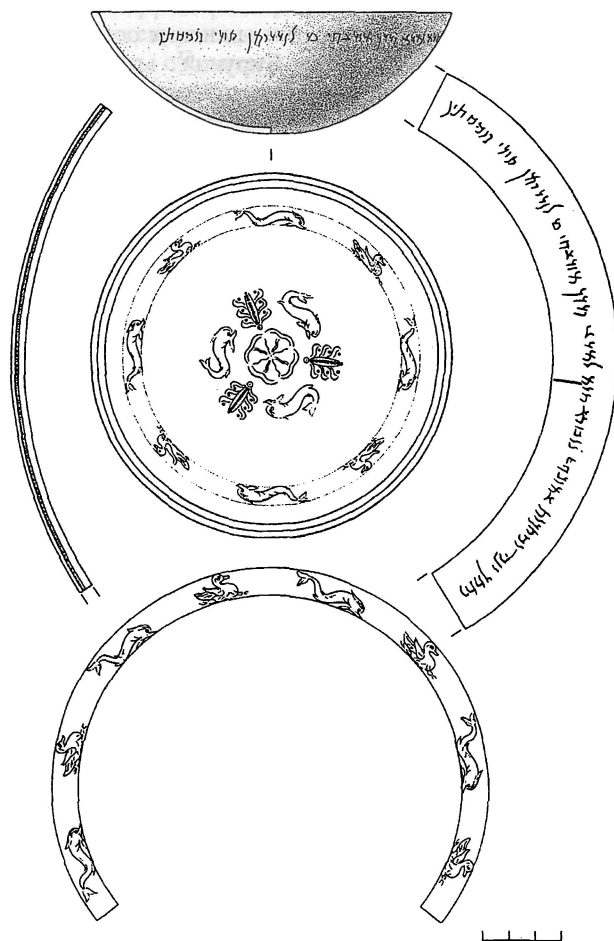

Рис. 6. Внутренняя поверхность. Прорисовка Я.В. Смеркиной

wtsk ZNH 'QT (или RQT, DQT) KZT 'mwβxš ZZ B 1×100(+)20 SRM (S'M, SDM) LMR'Y wrδk mzd'hy WR (или WD) LYD rwmn (δwmn?) tyгу PZQQ(?)TYN «Эта чаша ... весом (?) в 120 статеров ... государю Вардаку – дар ему ... Через Руман(?) Тира...».

Комментарий: В этой надписи, в отличие от № 1, мне удалось понять лишь несколько слов.

wtsk /wātsak/ – обозначение сосуда, восходящее к древнеиранскому *wātsaka- и родственное латинскому vās (<*vāts-), vāsis «ваза, сосуд» и хотано-сакскому vasi «сосуд»⁶⁷.

Следующие слова: 'QT (или RQT, DQT) и KZT, по-видимому, идеограммы, значение которых мне не удалось установить.

'mwβxš – судя по контексту, это слово должно иметь значение «вес»; -βxš – «часть», но для 'mw- этимона я найти не смог.

ZZ B 1×100(+)20 «(весом) в 120 драхм». В хорезмийском драхма (идеограмма ZZ /zuz/, п.-хор. *δrhм) имела значение статер, п.-хор. 'stryk, stryk, мн. ч. 'stryc; /ester/ из satēr «статер»⁶⁸. В драхмах (идеограммы ZWZN и другие варианты) обозначается вес и на хорезмийских чашах VI–VIII вв., причем веса чаш подтверждают, что драхмы имеют значение статера – около 16 г. Вес исаковской чаши № 2, если принять статер за 16 г, должен составлять 1920 г.

SRM (S'M, SDM) – вероятно, очередная идеограмма, значение которой мне неизвестно.

LMR'Y «государю, господину», социальный его ранг достаточно неопределен, ясно лишь, что он принадлежит к хорезмийской знати. О раннехорезмийских соответствиях для арамейских предлогов L и B (в сочетании ZZ B 120) можно строить лишь предположения. Для L возможно *pat (из др.-ир. *patī), п.-хор. p-.

wrδk (Warδak), личное имя, подобно Warδān в надписи № 1, может быть суффиксальным вариантом к *Warδ «цветок» или производным от *ward- «возрастать».

После известного уже по надписи № 1 сочетанию mzd'hy/miždā-hē/ «дар ему», с тем же h- в hy вместо h-, вновь следует, очевидно, идеограмма BD (или WD, но в других словах этой надписи начертания бета и вава иные!), также ждущая еще идентификации.

В заключительном сегменте надписи также многое остается непонятным. Сочетание LYD rwmn (или δwmn) тугу должно, вероятно, означать «через (лицо), вручившее сосуд». Это лицо либо имело сложное имя rwmn тугу, в котором ясно лишь тугу – Tīr, либо rwmn (или δwmn?) – обозначение какой-то должности или социального ранга.

Идеограмма LYD имеет скорее всего значение «через посредство». В арамейском lyd чаще всего употреблялось в качестве предлога «рядом, около, вдоль»⁶⁹, однако в деловых иранских документах идеограмма LYD выступала в значении «под ответственность кого-либо, под власть кого-либо» и, как производное, «через кого-либо». Так, в парфяньских документах из Нисы сочетание LYD dyzpty или ḥštr ... ḤMR ... HN'Lt «через начальника крепости (или сатрапа) ... вино ... внесено» означает, что начальник крепости ответственен за доставку вина⁷⁰.

⁶⁷ Bailey. Op. cit. P. 380.

⁶⁸ Henning W.B. The Khwarezmian Language // Z.W. Togan'a Armağan. Istanbul, 1956. P. 429; *idem*. Mittelliranisch. S. 53; Schwartz M. On the Vocabulary of the Khwarezmian *Muqaddimat l-Adab*, as edited by J. Benzing // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden, 1971. Bd 120. Ht 2. P. 294–295.

⁶⁹ Beyer. Op. cit. S. 593.

⁷⁰ Интерпретация LYD как «находящийся в распоряжении, пользовании», которой И.М. Дьяконов и автор настоящей статьи оперировали в первых изданиях документов из Нисы, неверна. При таком толковании в распоряжении и начальника крепости, и сатрапа оказывались чуть ли не все имения и виноградники в окрестностях аршакидской столицы – Нисы. Отметим попутно, что в арамейских надписях V в. до н.э. на ритуальных каменных предметах (ступках, пестиках, блюдах, столиках), предназначенных, очевидно, для приготовления сока хаумы и доставленных из укрепленных поселений Арахосии в Персеполь, lyd имеет два значения: а) «находящийся в распоряжении, под властью», например, в prkn byrē lyd 'ry'wḥwš sgn'

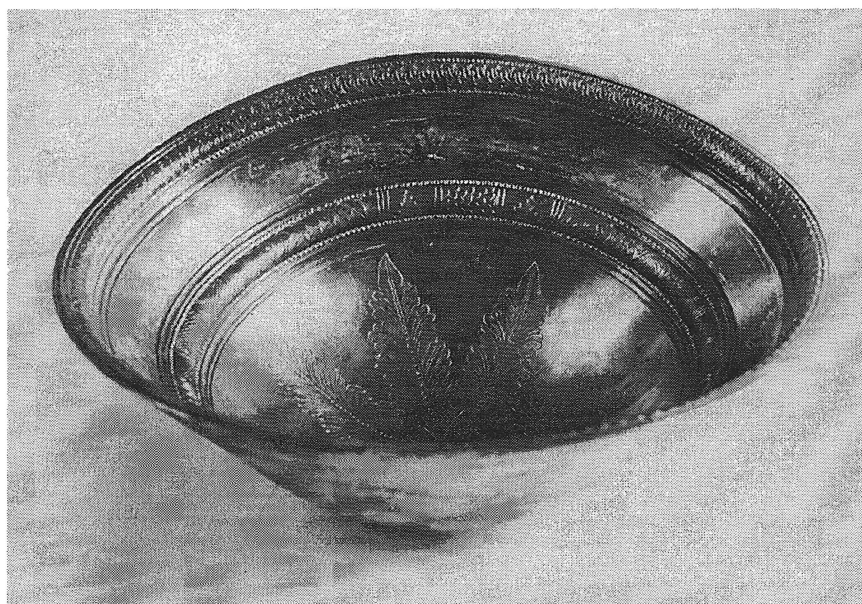
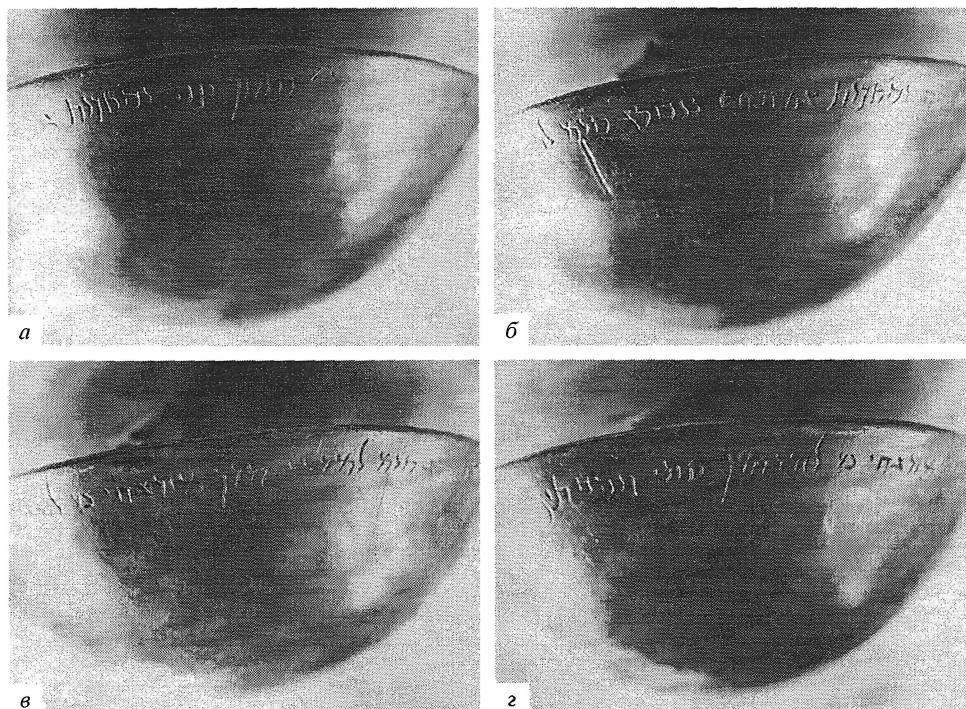

Рис. 7 а–г. Серебряный фиал № 2. Хорезмийская надпись. Фото Л.И. Погодина

Рис. 8. Серебряный фиал № 3. Общий вид сосуда Фото Л.И. Погодина

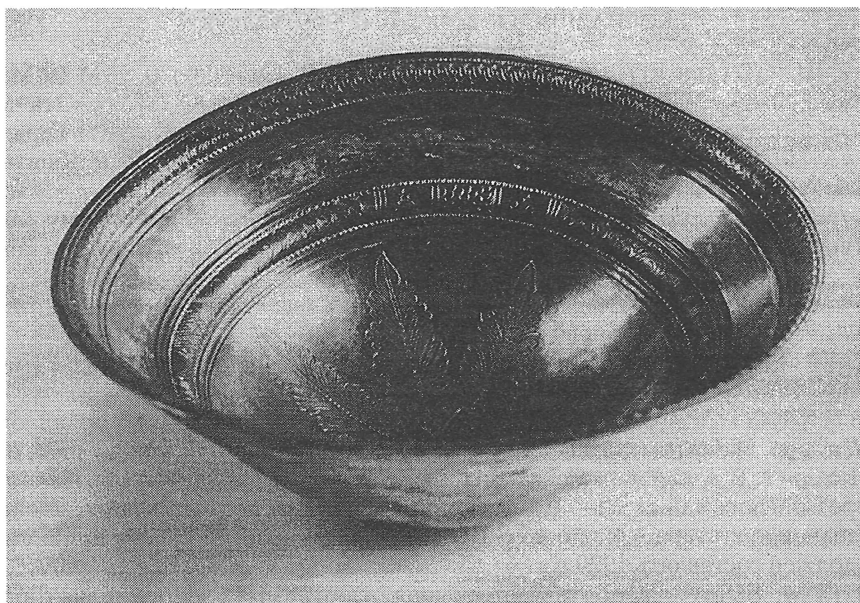

Рис. 8. Серебряный фиал № 3. Общий вид сосуда. Фото Л.И. Погодина

В надписях на хорезмийских чашах VI–VIII вв. название сосуда – стандартное: ʾrβntn (вариант ʾruβntn), букв. «сосуд для воды». В этом термине βntn соответствует, очевидно, древнеиндийскому bāndhana, имеющему среди многих других значения «оболочка, покров, чехол, футляр». Возможно, что к /ārvandan/ восходит п.-хор. ʾbβnk «сосуд для воды». В.Б. Хеннинг возводил это слово к *āp-barana⁷¹.

ТЕКСТ ИСАКОВСКОЙ НАДПИСИ № 3

3. Исаковская надпись № 3 (рис. 8, 9 – см. вклейку) – парфянская, она нанесена точечным пунктиром (pointillé) на внешней стенке чаши у самого ее края. Вес 1290,0 г. На внешней стороне сосуда – два кольцевых утолщения, имеющих спиралевидную структуру. В центре выгравировано изображение крупного цветка, состоящего из восьми лепестков; на некотором расстоянии от цветка – два орнаментальных круга, второй из них – у края сосуда.

Краткая надпись (рис. 10 а, б – см. вклейку) содержит обозначение веса сосуда: k 10 + 5 s 1 ZWZʾ 1 «15 к(аршей), 1 с(татер), 1 драхма». Диагностирующий признак парфянского письма надписи – форма *алефа* в слове ZWZʾ. В этом слове – идеограмме для парфянского drahm – все знаки написаны отдельно, лигатур нет⁷². Древнеперсидская мера веса karša- (или kṛša-), аббревиатурой которой служит буква k в надписи,

«в крепости Паракан, находящейся в распоряжении начальника (префекта, аккадское šaknu) Арийавахуша»; б) «через», например, ʾrtyn ʾbd šhrʾ znh lyd bgpt gnzbrʾ «Артайан сделал это блюдо. Через казначея Багапата (оно учтено или отправлено)». Ср. Bowman R.A. Aramaic Ritual Texts from Persepolis. Chicago, 1970. P. 120–122 и др.

⁷¹ Henning. A Fragment... P. 6.

⁷² В отличие от лигатуры Zʾ в парфянской надписи на чаше, найденной в кургане 1 у деревни Прохоровки (так называемая прохоровская надпись № 2). См. Ростовцев. Ук. соч. С. 16. Табл. I.

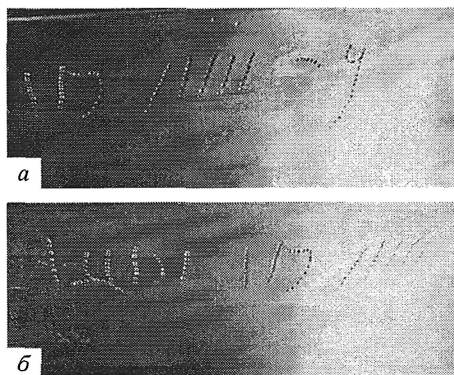
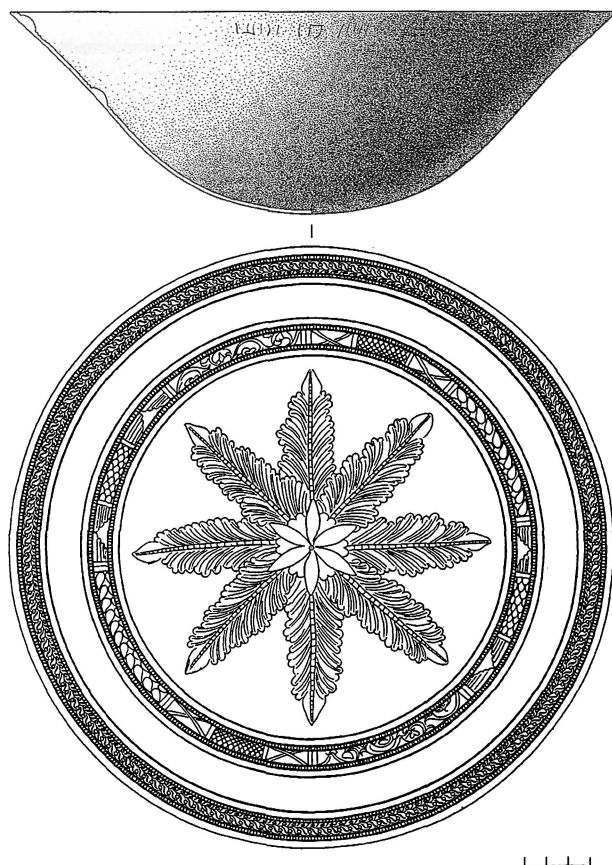

Рис. 9. Надпись и внутренняя поверхность. Прорисовка Я.В. Смеркиной

Рис. 10 а, б. Парфянская надпись на серебряном фиале № 3. Фото
Л.И. Погодина вкл. III

равнялась 83,3 г. (= 10 сиклей). Вес статера, обозначаемого аббревиатурой *s* (парфянское *stērak*), варьировал весьма значительно, наиболее распространенными для II в. до н.э., насколько я могу судить, были 16 и 16,5 г. Вес драхмы колебался чаще всего в пределах 4–4,5 г. Если исходить из этих данных, то вес исаковской чаши № 3 должен был составить 1249,5 г. Реальный вес сосуда – 1290 г. следует полагать, что величины карша (и статера?) в Хорезме второй половины III–II в. были несколько большими, чем соответственно 83,3 и 16–16,5 г.

Парфянская надпись на чаше из деревни Прохоровки, очень близкая по технике исполнения (*pointillé*) и структуре к исаковской № 3 (хотя, очевидно, более поздняя), содержит те же весовые единицы: *k 5 s 2 ZWZ² 1* – «к(аршей) 5, статов 2, драм 1»⁷³. К сожалению, вес прохоровской чаши (она хранится в Оренбургском краеведческом музее) неизвестен; по нашим расчетам он должен составить около 450 г.

В той же технике, что и исаковская надпись № 3 и прохоровская № 2, выполнена парфянская надпись на золотой (так называемой «двойной») чаше из собрания Государственного Эрмитажа. Эта чаша публиковалась неоднократно, последний раз и наиболее детально К.В. Тревер⁷⁴. Надпись на эрмитажной чаше гласит: *k 9 s 1 ZWZ³ 3 MN kryhw* – «9 к(аршей) 1 с(татов) 3 драхмы. Из (имущества) Кари(а)хва (Karīahw?)». Согласно принятым нами величинам мер, вес этого сосуда должен составить 778 г. Реальный его вес, приводимый К.В. Тревер, равен 677,5 г. Разница в 100 грамм объясняется, очевидно, утратами «инкрустации холодной эмалью и вставных кусков цветного камня или стекла»⁷⁵.

Таковы параллели к парфянской надписи из Исаковского могильника. Несомненно, что основное значение для эпиграфического комплекса из этого памятника имеют хорезмийские надписи, несмотря на насыщенность их текстов идеограммами и связанными с ними трудностями интерпретации (особенно надписи № 2).

С исаковскими хорезмийскими надписями сближается по палеографическим признакам надпись на верблюжьей челюсти, найденной Ю.П. Маныловым при раскопках крепости Бурлы-калы, расположенной на южной оконечности одного из отрогов хребта Султануиздаг⁷⁶. Надпись опубликована – это список хорезмийских имен собственных, как правило, надежно этимологизируемых и свидетельствующих в частности, что сами хорезмийцы возводили себя к племенной конфедерации дахов и что в конце III–II в. до н.э. (к этому времени я склонен относить надпись) хорезмийцы носили «младоавестийские» имена⁷⁷.

Исаковские чаши с хорезмийскими надписями, старейшими памятниками письменности древнего и раннесредневекового Хорезма, содержат важные данные по политической истории и искусству этой страны. Можно надеяться, что они привлекут внимание исследователей древностей Средней Азии.

⁷³ Ошибочное чтение приведено мною: *Лившиц В.А.* О датировке надписей... С. 169, где *k 9 s 2 ZWZ² 1*. Следует учитывать, что фотография прохоровской надписи № 2 в работе М.И. Ростовцева (Ук. соч. С. 16. Табл. I) очень нечеткая, а П.И. Коковцов в приложении к работе Ростовцева (Ук. соч. С. 82–83) чтения прохоровской надписи № 2 вообще не дал.

⁷⁴ *Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.–Л., 1940. С. 68.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Манылов Ю.П., Ходжаниязов Г.* Городища Аязкала I и Бурлыккала (к изучению фортификации древнего Хорезма) // *Археологические исследования в Каракалпакии*. Ташкент, 1981. С. 38. Рис. 3, 2.

⁷⁷ *Лившиц В.А., Мамбетуллаев М.М.* Острак из Хумбуз-тепе // *Памятники истории и литературы Востока*. М., 1986. С. 39–41, 240. Ил. 4. К роли дахов в этногенезе хорезмийцев – имя *daḥakīnak* (ḍḥ'kynk) «меч дахов», к типично зороастрийским именам – *Aspīwariṃk* (?snywrmuk) «верящий в Аспийа», авестийское *Aspua-* («относящийся к дню») – пятерка гениев, охраняющих пять частей суток (*Bartholomae*. Op. cit. Sp. 220). Имя *ḥtmtk* в этом списке отражает, очевидно, /*haḍuamak*/, от *haḍua-* «праведный, правдивый, сущный»; имя *ṛuxu* /*ṛayḥau*/ «имеющий часть от божества»?

In 1989, when an expedition from Omsk State University was excavating the First burial ground of Isakovka (near Omsk), the archeologist L.I. Pogodin found three inscribed silver bowls in one of the graves. Two of the bowls bore Khwarezmian inscriptions, and the third, a Parthian inscription. The Khwarezmian inscriptions are the earliest of all known relics bearing the Khwarezmian language (they may date from the second half of the 3rd-2nd century BC) and the largest of all Iranian inscriptions on toreutic. The shapes of the letters of these inscriptions are still highly similar to Aramaic letters of the Achaemenide period («imperial Aramaic»), and there are many Aramaic ideograms in the text of the inscriptions, making difficult their decipherment.

Almost a whole of the first inscription has been read. Its translation reads as follows: «This feast bowl is from Barzawan, Takhumak's son. And now then: His Majesty, king Amurzham, son of the king Wardan, (this bowl) is made for his reward ... on the 3rd (of the month) *frawartin*». However, only a part of the text of the second inscription has been deciphered. It reads as follows: «This bowl... of the weight (?) 120 staters... to the sovereign Wardak – the reward to him ... Through Ruman Tir ...» In the first inscription, the word for bowl is *tasht*, a word known in many Iranian languages and borrowed into European languages (Russian *taz*). In the second inscription, the bowl is called *wātsak* – a word related to the Latin *vās* (<**vāts*) "vase, vessel"».

The Parthian inscription on the third bowl contains only the weight: «5 karshes, 2 staters, 1 drachma». It is closely analogous to the inscriptions on a bowl from the village of Prokhorovka published by M.I. Rostovtzeff and P.K. Kokovtsov, and on the gold bowl kept in the State Hermitage (none of these inscriptions has yet been read).

В.П. Алексеев

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОЙ И СКИФСКОЙ КУЛЬТУР ИЗ ТИРЫ И НИКОНИЯ

Знакомясь с частными коллекциями в г. Одессе, мы обнаружили ряд памятников древних культур Северного Причерноморья, которые, по нашему мнению, должны быть включены в научный оборот. В данной статье мы публикуем наиболее интересные экземпляры из Тиры, Никония и их окрестностей.

В ходе подготовки данной статьи мне посчастливилось встречаться в Одессе с Юрием Германовичем Виноградовым и обсуждать с ним ряд вопросов, связанных с публикуемыми объектами. Посвящаю свою работу светлой памяти нашего выдающегося антиковеда.

ПАМЯТНИКИ ИЗ ТИРЫ (ТАБЛ. I)

№ 1. Женская головка в стефане. Терракота. Глина светло-коричневого цвета. Высота – 5,3 см. В центре головного убора – розетка, от которой симметрично расходится к концам стефаны ряд уменьшающихся в размерах выпуклых кружков. Детали лица и прически тщательно моделированы. Разделенные пробормом пряди волос заканчиваются на затылке небольшим узлом. Пухлые, чувственные губы позволяют предполагать в этой богине изображение скорее Афродиты, нежели Деметры или Керы. Аналогичные изображения из Ольвии (первая половина IV в. до н.э.), Мирмикия (конец III в. до н.э.) и Кеп (I в. до н.э. – I в. н.э.)¹ дают возможность датировать наш фрагмент эллинистическим временем или началом римской эпохи.

№ 2. Монета Тиры. На аверсе – голова речного бога Тираса с маленькими рождками на лбу, влево; на реверсе – голова взнузданного коня с поводьями, вправо, внизу под обрезом шеи коня надпись – ΤΥΡΑ. Медь. Диаметр – 17 мм, вес – 3,76 г. Монета представляет собой младший номинал серии Тирас – конь и датируется второй половиной IV в. до н.э.² В свое время А.Н. Зографу отсутствие сведения о весе известной ему только в одном экземпляре монеты этого младшего номинала не позволило определить, какой частью старшего номинала она является³. После находок двух таких монет в Никонии и Бутученах (2,28 г. и 4,4 г) С.А. Булатович пришла к выводу, что в них допустимо видеть фракцию в 1/3 старшего номинала (при среднем весе последнего – 11,14 г.)⁴. Сравнивая штемпеля публикуемой монеты с известными, можно констатировать, что штемпеля ее сторон новые.

№ 3. Монета Одрисского царства. На истертом аверсе просматриваются силуэт мужской головы вправо (вероятно Августа) и часть надписи слева – ΚΑΙΣΑ... На реверсе очень четко видны две надчеканки в виде безбородых мужских голов

¹ Терракоты Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г 1-11. 1970. Ч. I-II. Табл. 32, 2; Ч. II. Табл. 41, 1; САИ. Вып. Г 1-11. 1974. Ч. IV. Табл. 10, 2.

² Зограф А.Н. Монеты Тиры. М., 1957. С. 24.

³ Там же. С. 25.

⁴ Булатович С.А. Тира и Нижнее Поднестровье в IV-III вв. до н.э. по данным монетных находок // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 224.

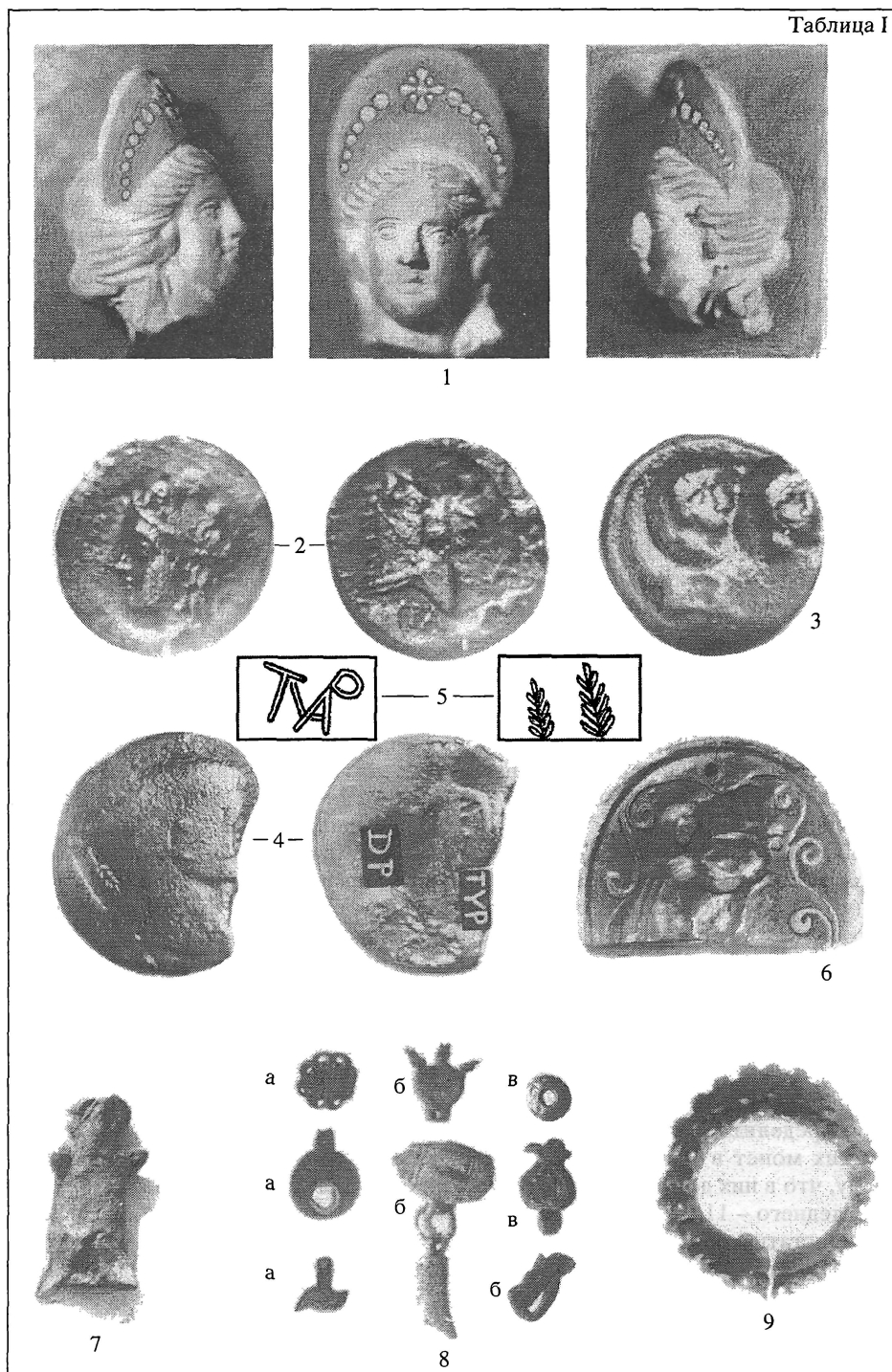

Табл. I. Памятники материальной культуры из Тира (масштабы разные)

вправо, под ними видна шея от изображения прежнего типа. Медь. Диаметр – 23 мм, вес – 6,17 г. Монета является старшим номиналом медных эмиссий фракийского царя Реметалка II и датируется временем его правления – 19–36 гг. н.э.⁵ Одна из надчеканок, обнаруженная на изношенных тираских монетах, дала основание рассматривать подобные фракийские монеты с контрамарками как выпуски, принадлежащие Тире⁶. О времени нанесения этих тираских клейм на упомянутые фракийские монеты мнения исследователей несколько разнятся. П.О. Карышевский и И.Б. Клейман указывают на промежуток времени от 54 до 59 г., В.А. Анохин – на 47 г. н.э.⁷

№ 4. Сестерций римского императора Клавдия. На аверсе – портрет императора и надчеканка в виде колоса, на реверсе – женская фигура (вероятно, богиня Надежды⁸), по обе стороны которой два прямоугольных клейма: в одном буквы ТΥΡ, в другом – DP. Примерно четверть монеты обломана. Медь, Диаметр – 30 мм, вес – 8,89 г. Если надчеканки с надписью ТΥΡ и изображения колоса (последняя известна на тираских монетах с портретом Домициана) нанесены на монетном дворе Тиры, то клеймо с буквами DP – римское. Предположение А.Н. Зограф, что это – сокращение слова «дупондий»⁹ на тираских монетах¹⁰, нам кажется сомнительным. Ведь он сам же и указывал, с ссылкой на Х. Маттингли, что на сестерциях Клавдия имеется близкая упомянутой надчеканка DVP¹¹. С другой стороны, в литературе отмечалось, что римские монетные клейма эпохи Юлиев-Клавдиев свидетельствовали не только об изменении курса истертых в обращении монет, но и указывали на название государственных учреждений, имена принцев или легатов¹². Поэтому вопрос о конкретном содержании надчеканки в виде латинских букв DP на тираских монетах остается пока открытым.

В отличие от изданного ранее сестерция Клавдия с тремя рассматриваемыми надчеканками¹³, на публикуемой монете эти надчеканки нанесены на разные ее стороны – колос на лицевую, DP и ТΥΡ – на оборотную, что и является особенностью данной монеты. Следует также отметить, что две последние надчеканки на известных нам по репродукциям ассах и сестерциях Клавдия помещены только на аверсах.

№ 5. Гирька прямоугольной формы из свинца. Ее размеры: длина – 9 мм, ширина – 5 мм, толщина – 4 мм. Вес – 2,2 г. На одной стороне рельефная надпись – ΤΥΡΑ, в которой три последние буквы даны в лигатуре, на другой две ветки («елочки») разной величины с небольшим наклоном влево. Сохранность хорошая. Гирька принадлежит благодаря выписанному на ней названию города к контрольным, или эталонным, гирям, количество которых невелико. Так, например, в Ольвии число простых гирь составляет 41 экземпляр, а контрольных – всего 10¹⁴. Учитывая незначительный вес публикуемой гирьки из Тиры – 2,2 г – ее можно отнести к группе гирь, примыкавшей к так называемой херсонесской весовой системе, вес гирь которой от 2,2 г. до 2,5 г соответствовал нормативному весу одной драхмы¹⁵. Она использовалась в Херсонесе в VI–V вв. до н.э. и в первые века нашей эры¹⁶. Изучению весовой

⁵ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 86. Рис. 28, 2, 4, 5.

⁶ Там же. С. 86.

⁷ Там же. С. 89; Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 97.

⁸ Зограф. Ук. соч. С. 31.

⁹ Там же. С. 32. Прим. 50.

¹⁰ См. Карышковский П.О., Коцневский А.С. Античные монеты из раскопок Тиры // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979. С. 92.

¹¹ Зограф. Ук. соч. С. 32.

¹² Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 90. Прим. 1.

¹³ Там же. С. 87. Рис. 29, 1.

¹⁴ Крапивина В.В. Весовые гири Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев. 1980. С. 84.

¹⁵ Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь, 1962. С. 68, 70. № 10–14.

¹⁶ Там же. С. 70 сл.

метрологии Тире не уделялось должного внимания из-за чрезвычайно скудного материала, накопленного археологическими раскопками, – за все годы работы экспедиций в этом городе найдено всего шесть гирь¹⁷. Поэтому представляемая гирька из Тире не только дополняет их количество, но и своими уникальными данными (она единственная из гирь Тире содержит название города и неизвестную науке эмблему¹⁸) привлечет, как мы надеемся, внимание специалистов.

№ 6. Керамическая плакетка с рельефным изображением эротической сцены – Леда и лебедь. Высота – 5 см, ширина – 7 см. Представленный на ней сюжет был широко распространен в античном мире и с наибольшим художественным совершенством получал воплощение на геммах. На них сюжет варьируется и видоизменяется: Зевс предстает не только в виде лебедя (с Ледой), но и в образе орла (с Афродитой и Венерой). Эти произведения искусства датируются I в. до н.э.¹⁹, а автором многих подобных сюжетов, в частности, «Леды и лебедя», считается александрийский мастер глиптики Сострат, который вдохновлялся картинами современных ему живописцев. Его произведения дошли во множестве реплик²⁰. Учитывая торговые контакты Северо-Западного Причерноморья с Египтом и Александрией еще с III в. до н.э., существование в Тире во II в. до н.э. греко-египетского культа Сераписа и Изиды, засвидетельствованного эпиграфическим документом²¹, находки граффито с именем Исиды и различных предметов египетского прикладного искусства, александрийской монеты I в. н.э.²², можно предположить, что и произведения мастера Сострата из Александрии были известны какой-то части населения Тире. Исходя из этого допустимо видеть в изображении на публикуемой плакетке отголосок произведений этого мастера или подражание его работам. Орнамент на плакетке близок формам растительных узоров на ольвийских вазах из некрополя Ольвии, в которых, как полагают, в трансформированном виде отражено влияние росписей александрийских гидрий, так называемых ваз Гадра²³. Поэтому изображение на керамической плакетке отражает, вероятнее всего, в опосредованном виде влияние художественных приемов мастеров александрийской школы.

№ 7. Лепной антропоморфный идол. Глина серая. Высота – 3,9 см, толщина – 1,5 см. В Тире подобный идол был найден в слое II в. до н.э. в еще более обобщенной трактовке – в форме пятиконечной звезды²⁴. В соседнем Никонии обнаружена лепная статуэтка божка, у которого, как и на нашем глиняном идоле, нос обозначен в виде зашела, а глаза переданы углубленными вмятинами²⁵. Подобные антропоморфные фигурки находят в различных районах Северного Причерноморья в разных культурных слоях. Связывают их с культом плодородия и относят к производственной деятельности варварских слоев населения²⁶. Массовые находки этих статуэток на Бельском городище подтверждают это мнение²⁷.

№ 8. Набор металлических украшений. В таблице I в *первом ряду* (по горизонтали): а) бляшка-розетка с ажурными петлями по краям; б) подвеска, с нижнего края

¹⁷ Клейман И.Б. К изучению весовой метрологии Тире // Археологические памятники степей Поднепровья и Подунавья. Киев, 1989. С. 23.

¹⁸ См. Чуистова. Ук. соч. С. 145. Табл. XXII.

¹⁹ Неверов О. Античные камеи в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1971. № 38, 39, 43.

²⁰ Он же. Геммы античного мира. М., 1983. С. 104.

²¹ Шургая И.Г. О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху // ВДИ. 1972. № 3. С. 25 сл.

²² Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 78, 117 сл.

²³ См. Шургая. Ук. соч. С. 18–22, 20. Рис. 1.

²⁴ Самойлова Т.Л. Тира в VI–I вв. до н.э. Киев, 1988. С. 83. рис. 34.

²⁵ Клейман И.Б. Терракоты // МАСП. 1966. 5. Роксоланское городище. С. 98. Рис. 3, 20. С. 99.

²⁶ Самойлова. Ук. соч. С. 83; Буйских С.Б. Эсхары Глубокой Пристани // Древнее Причерноморье. Одесса, 1993. С. 81. Рис. 19, 3. С. 82; Вязьмитина М.И. Терракотовые статуэтки из с. Золотая Балка // САИ. Вып. Г1–11. 1970. Ч. 1. Табл. 39, 3. С. 57.

²⁷ Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С. 130. Рис. 62.

которой выступают три птичьи головки, крайние из них направлены в противоположные стороны; в) пронизь; во *втором ряду* – подвески: а) с петлей и круглым отверстием, б) с трехчастной конструкцией, на кольцо которой подвешен листик (или стручок); в) изделие, представляющее стилизованное изображение птицы; в *третьем ряду*: а–б – бусы геометрической формы. Принадлежность всех этих предметов негреческому населению Тире – гетам и скифам – не вызывает сомнений²⁸.

№ 9. Бронзовое кольцо с шишечками по всей окружности. Диаметр – 4,2 см, толщина – 0,5 см. По диаметру кольцо не соответствует ни перстням, ни браслетам такого рода и в отличие от многих подобных изделий имеют разомкнутый вид. В погребениях, как правило, кольца, подобные нашему, обнаруживают на груди, животе, у кистей рук, в ногах. Поэтому их считают оберегами, амулетами и связывают с культом плодородия. Изредка их находят, в частности, в Неаполе Скифском, в кожаных сумочках²⁹. Шишковатые кольца различного диаметра и с различным количеством рядов шишечек присущи скифской, черняховской, сарматской, кельтской культурам и встречаются как в ранних погребениях, так и в погребениях I–II вв. н.э.³⁰

ПАМЯТНИКИ ИЗ НИКОНИЯ (ТАБЛ. II)

№ 1–2. Монеты, отлитые в Никонии. На аверсе корпус совы в профиль, голова с выпуклыми глазами – анфас, на реверсе – буквы ΣΚ³¹. Медь. Диаметр первой монеты – 13 мм, вес – 1,9 г, диаметр второй – 11 мм, вес – 1 г. Обе представляют собой мелкие фракции серии, выпущенной скифским царем Скилом во второй половине 70-х годов V в. до н.э.³², имя которого дано в сокращенном виде на реверсах монет.

№ 3. Изделия округлой формы из глины с немного выпуклыми сторонами. На одной стороне налеплена фигурка птицы с распластанными крыльями, диаметр – 2,4 см. Публикуемый предмет можно отнести к категории так называемых глиняных «хлебцев». Публикуемый экземпляр, возможно, является вариантом, совмещающим их круглую основу с лепным крестообразным предметом, символизирующим, как полагают, птицу с расправленными в противоположные стороны крыльями, который был найден на одном из поселений Нижнего Поднестровья³³. Глиняные «хлебцы» связывают с культом плодородия и почитанием хтонических божеств³⁴.

№ 4. Предмет из свинца, по форме напоминающий наконечник копья или стрелы, представляет собой разное. Каждая из его выпуклых сторон разделена посередине тремя рельефными параллельными линиями, сверху и снизу имеются рельефные надписи. На одной стороне под этими линиями четко видна надпись ΑΤΩΝ, сверху просматриваются отдельные буквы ..ΩΝ, повернутые на 180°. На другой стороне – снизу остатки слова ...ΝΩΣ сверху – ΜΕΩ. В основании этого «наконечника» имеется отверстие. Размеры данного предмета: длина – 3,7 см, ширина центральной части – 1,9 см, основания – 1,6 см. Вес – 27,5 г. Палеографические особенности в воспроизведении отдельных букв – *мю* и *сигмы* – указывают на V–IV вв. до н.э., лунарный *эпсилон* в лапидарных надписях Ольвии и Боспора появляется в III в. до н.э., а на монетах – в IV в. до н.э. Ю. Г. Виноградов в устной беседе высказывал

²⁸ См. Самойлова. Ук. соч. С. 69–74.

²⁹ Махнева О.А. Склеп с египетскими изделиями на восточном участке некрополя Неаполя Скифского // ЗОАО. 1967. Т. II. С. 193. Рис. 2, 8; Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1-7. 1991. С. 39. Табл. 72, 18, 21.

³⁰ Махнева. Ук. соч. С.; Дашевская. Ук. соч. С. 39.

³¹ Для лучшего восприятия буквы на этих монетах, как и на других публикуемых предметах из Никонии, отретушированы.

³² Загинайло А.Г., Карышковский П.О. Монеты скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 5. Рис. 1, 1–8. С. 10.

³³ См. Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. Кишинев, 1990. С. 34. Рис. 17, 1–3. С. 37.

³⁴ Там же. С. 61.

Табл. II. Памятники материальной культуры из Никония (масштабы разные)

предположение, что надпись на этом разноречии скорее всего представляет слово *ἀγυρανοῦντων* и имя.

№ 5. Изделие из свинца, имеющее форму однолезвийного топорика. На одной стороне рельефные буквы – *βε*, на другой – знаки *Ξ*. Размер топорика – 1 см. Найден в лимане. Среди находок в Северном Причерноморье встречаются миниатюрные топоровидные подвески из стекла, янтаря, агата, кости и бронзы, но, насколько нам известно, на этих изделиях не было букв. Топорики в виде подвесок в Северном Причерноморье известны с IV в. до н.э., но массовые их находки относятся к первым векам нашей эры³⁵. Топор с глубокой древности был связан с солнечным божеством и рассматривался как предмет, дарующий плодородие. Нередко его использовали в свадебных ритуалах, а также считали, что он обладал магической исцеляющей силой. Топор служил и апотропеем³⁶. В устной беседе Ю.Г. Виноградов высказал мнение, что подобные предметы являются гирьками и известны в Западном Причерноморье и Малой Азии.

№ 6. Двусторонняя секира из кости – лабрис. На каждом из лезвий по пять насечек, к ним перпендикулярно подведены две прямые линии, в центре изделия проделано отверстие, рядом с которым на одной из сторон помещена еще одна прямая линия. Размер секиры – 2 см. Украшения в виде лабрисов, сделанные из кости, агата и минерала, являющегося смолистой разновидностью бурого угля, известны во многих античных городах Северного Причерноморья. Датируются они I–II вв. н.э.³⁷ Наиболее близкой, если не тождественной, по материалу, размеру и орнаментации двойной секиры из Никонии является ольвийская секира – лабрис из кости конца VI в. до н.э.³⁸ Публикуемый лабрис, впервые найденный в Никонии, можно датировать примерно VI веком до н.э. Некоторые исследователи рассматривают двойные секиры как ритуальные предметы в культе плодородия и как амулеты, защищающие от злых духов³⁹. А.Ф. Лосев, проследивая истоки сакрального значения лабриса, видел в нем олицетворение Зевса, который «полнее воплотил в себе периодическое возвращение жизни вместо поглощения ее в мифе о Кроносе»⁴⁰. Хотя двойная секира присуща и культу Диониса, в Никонии ее в большей мере следует понимать как символ Зевса, так как памятники, связанные в этом городе с Дионисом, малочисленны, а посвященные граффити Зевсу преобладают над таковыми другим богам⁴¹. К тому же одно из таких посвящений свидетельствует о существовании храма Зевса в Никонии⁴².

№ 7. Терракотовая статуэтка богини, сидящей на троне, голова и руки которой отбиты почти до локтей. Высота – 5 см, ширина 2,5 см. Глина серая. Сохранность посредственная. Это третий случай находки статуэтки богини на троне в Никонии⁴³. Ближайшие аналогии из Ольвии и Нимфея, датируемые VI в. до н.э. либо второй его половиной⁴⁴, позволяют отнести к этому же времени и наш экземпляр. Если первая

³⁵ Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982. С. 102 сл.

³⁶ Там же. С. 103.

³⁷ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. 1975. С. 15. Табл. 1, 7, 15; С. 16. Табл. 3, 1, 2; 2, 2; она же. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. Табл. 21, 45, 53; 22, 28.

³⁸ См. Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 31, 90.

³⁹ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. С. 11. № 1313, 1750.

⁴⁰ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 137. См. изображение лабриса с многочисленными насечками на лезвиях на рельефе фронтона храма Артемиды в Керкире начала VI в. до н.э. с фигурами Зевса и Кроноса (Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. М., 1989. Рис. 48).

⁴¹ Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. Киев, 1989. С. 109 сл.

⁴² Секерская Н.М., Секерский П.М. Граффити с посвящением Зевсу из Никонии // Никоний... Одесса, 1997. С. 46.

⁴³ См. Алексеев В.П. Новые памятники из античного Никонии // Древнее Причерноморье. Одесса, 1994. С. 132–123. Рис. № 1; Клейман И.Б. Несколько терракот из Никонии // Никоний... Одесса, 1997. С. 48, 49. Рис. 1, 3.

⁴⁴ См. Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Ольвия. Николаев, 1997 (между с. 140–141 на последней цветной вклейке рис. 3); Терракоты Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-11. 1970. Ч. II. Табл. 28, 7.

из найденных в Никонии богинь на троне представляла Афродиту с голубем, то две другие скорее Деметру или Персефону.

№ 8. Перстень из бронзы. На щитке овальной формы имеется изображение коленопреклоненной мужской фигуры. От дужки остались незначительные части. Размер перстня около 2 см. Найден в лимане. Композиция фигуры и ее одежда, напоминающая скифский короткий кафтан, туго перехваченный в поясе ремнем, близки изображениям лучников на ольвийских монетах, чеканенных во второй половине IV – второй половине III в. до н.э.⁴⁵ Однако овальная форма щитка данного перстня типична для V в. до н.э.⁴⁶, что заставляет датировать его этим же веком. Предполагаемая трактовка мужской фигуры на щитке перстня как скифа нам кажется возможной. Как известно, в V в. до н.э. над Никонием был установлен протекторат скифского царя Скила, здесь найдено и немалое количество скифской керамики⁴⁷. О продолжительном присутствии скифов в Никонии или ощутимом влиянии их на жизнь жителей этого города могут свидетельствовать найденный там фрагмент скифской бронзовой гривны с львиноголовым грифоном, датируемый IV в. до н.э.⁴⁸, и приметы типично скифского вооружения – лавролистный наконечник копья, обломок втулки копья с рифлением на ободке, фрагмент наборного пластинчатого доспеха, датируемые V–VI вв. до н.э.⁴⁹

№ 9. Фрагмент свинцовой пластинки с греческой надписью из четырех строк. Его размер – 2,5 × 2,2 см, величина букв колеблется от 3,5 мм до 1,5 мм. На оборотной стороне сверху можно различить три буквы – ΛΑΤ. Надписи прочерчены острым предметом и уверенной рукой. Палеографические особенности начертания *дзеты*, *сигмы* и *мю* указывают на V–IV вв. до н.э. Не являясь специалистом в этой области, не рискую предложить чтение и перевод столь специфического документа, который требует изучения специалистами по лингвистике и эпиграфике.

№ 10. Обломок мраморной плиты с греческой надписью из четырех строк. Его размеры – 8 × 7 см, толщина – 6,5 см, высота букв – от 1,5 см до 1,7 см, расстояние между строками – 0,8 см, между буквами – от 0,2 см до 0,7 см. Значение отдельных слов понимается нами так: [Σ]ΕΒΑΣΤΟ[Υ, Ν] – Август(а), ΑΓΙΣΘΕΝ – греческое имя Агисфен, ΕΚ – «из». Присутствие слова «Август» позволяет с уверенностью отнести надпись к римской эпохе. Появление в ближайшем к Никонии крупном центре Тире римских войск и интенсивность римского влияния в последней отмечается временем правления Траяна⁵⁰. Надпись на греческом языке в честь его преемника, нового императора Адриана, найденную в Тире, относят к 117 г. н.э.⁵¹ Палеографические особенности публикуемой надписи свидетельствуют о принадлежности ее ко II в. н.э.⁵² Непостоянство в начертании *альфы* (с прямой и переломанной поперечной гостой) указывает скорее на первую половину этого века⁵³. Римскими императорами, в титулатуре которых имелось слово «Август», в первой половине II в. н.э. были Траян, Адриан и Антонин Пий. Вследствие того, что в Тире посвятельные надписи на греческом языке в честь Траяна отсутствуют, а имеется только одна на латинском⁵⁴,

⁴⁵ См. Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 83, 88, 90.

⁴⁶ Неверов О.Я. Металлические перстни и печати // АГСП. С. 240.

⁴⁷ Охотников. Нижнее Поднестровье... С. 59.

⁴⁸ Кокоржицкая Т.Н. Фрагмент бронзовой гривны из Никония // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985. С. 50.

⁴⁹ Бруйко И.В. Предметы вооружения из Никония // Археологические памятники... Киев, 1989. С. 67–69.

⁵⁰ Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 98.

⁵¹ Карышковский П.О. Из истории Тире I–II вв. н.э. // МАСП. 1971. VII. С. 152.

⁵² См. Книпович Т.Н. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии // НЭ. 1966. VI. С. 10. Табл. X, графы 3 и 4; Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. III. Табл. IV, графа I.

⁵³ См. Белецкий А.А. Греческие надписи Ольвии из раскопок 1950–1967 гг., хранящиеся в Киеве // Ольвия. Киев, 1975. С. 116. № 17.

⁵⁴ Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 98.

трудно представить, чтобы подобная надпись на греческом языке в честь этого императора появилась в Никонии. Декрет же в честь Адриана на греческом языке от народа тирян и своеобразная форма почитания Антонина Пия на их монетах известны⁵⁵. Следовательно, представляемый фрагмент надписи первой половины II в. н.э. из Никония, в котором упоминается один из Августов, следует отнести к Адриану или Антонину Пию.

Слово в третьей строке – ΑΓΙΣΘΕΝ, т.е. греческое имя Агисфен, в списках личных имен из городов Северного Причерноморья не прослеживается. Близкое имя – Αγς – засвидетельствовано на плите в списке имен победителей агонов из Горгиипии, который датируется III в. до н.э.⁵⁶ В четвертой строке сочетание некоторых букв может подаваться смысловой интерпретации. Так, соединение букв ΕΚ понимается нами как предлог «из». Следующие за ним буквы *tau* и часть, по-видимому, *omegi* можно дополнить буквой *nu* – τῷ[v] и по аналогии с часто встречающимся в лапидарных строительных и посвященных надписях словом ἰδῶν (букв. «частная собственность»). Все выражение ἐκ τῷ[v] ἰδῶν можно перевести как «из собственных средств» («на собственные средства») или «за свой счет»⁵⁷.

Исходя из сказанного и используя в качестве образца общий смысл надписи из Пантикапея, поставленной Эвбием, сыном Эвбиа, в честь императора Адриана, благодетеля города боспорян⁵⁸, и отчасти надпись, посвященную этому императору из Тиры⁵⁹, мы предлагаем следующий перевод публикуемого фрагмента, который отражает его общий смысл: «(В добрый час. Императора (т.е. его изображение), владыку вселенной, Адриана) Августа, (благодетеля никонийцев, поставил) Агисфен, (сын такого-то), из (собственных средств) (или за свой счет)».

Опираясь на появившуюся в последнее время гипотезу, о том, что Тира и Никоний составляли единый полис в III в. до н.э.⁶⁰, некоторые исследователи полагают, что это образование – Тираский полис – и в римское время, во II–III вв. н.э., сохранило свою целостность⁶¹. Предполагаемый нами смысл публикуемого фрагмента надписи из Никония (если он в действительности соответствует или близок к истинному его содержанию), может служить в определенной мере подтверждением этой мысли. Причиной появления данной надписи, как и декрета в честь Адриана от имени Совета и Народа Тиры, послужило либо восшествие его на престол, либо получение от него городом каких-то льгот, подобных, например, разрешению чеканить собственную монету, данному Адрианом Тире. Не исключено, что стимулом к этому стало посещение Адрианом, отличавшемся страстью к путешествиям, Тиры, как полагают, в 117/188 г. либо в 123/124 г.⁶² Такое событие, возможно, и вдохновило Агисфена, предполагаемого жителя Никония или гражданина Тираского полиса, на постановку благодарственной надписи в честь этого императора. Поэтому в рассматриваемой надписи следует подразумевать скорее имя Адриана, нежели Антонина Пия.

№ 11. Набор скифских золотых украшений из окрестностей Никония: а) погрудное изображение человека (1,5 см), судя по условно переданной прическе, вероятно, женщины; глаза и нос выпуклые, рост – вдавленный; б) крестовидная бляха (3,6 см),

⁵⁵ Карышковский. Из истории Тиры... С. 150–152; Зограф. Ук. соч. С. 15.

⁵⁶ КБН. С. 671–676, 847.

⁵⁷ См. Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 55. Рис. 5, стк. 12. С. 64; декреты из Танаиса (КБН. С. 730, № 1244; 738, № 1247; 740, № 1249; 744, № 1252; 747, № 1257).

⁵⁸ См. КБН. С. 56, № 48.

⁵⁹ См. Карышковский. Из истории Тиры... С. 151.

⁶⁰ Охотников С.Б. Пространственное развитие и контакты полисов Нижнего Поднестровья (IV–III вв. до н.э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1996. С. 123; он же. Феномен Никония // Никоний... Одесса, 1997. С. 30; Виноградов Ю.Г. Синойклизм Никония // Там же. С. 45 сл.

⁶¹ Бруйко И.В., Островерхов А.С. Геммы из некрополя Никония римского времени // Там же. С. 79.

⁶² Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 122.

орнаментированная геометрическими фигурами – круги и полушария симметрично расположены по ее сторонам, при этом отверстия по краям этих двух предметов позволяют отнести их к группе нашивных бляшек; в) розетка (1 см); г) пластина (3,8 см), может быть, колодочка от кожаного пояса, в середине которой ряд нешироких, слегка выпуклых полос, перехваченных двумя такими же полосами, а концы состоят из двух одинаковых завитков, разделенных выступающим отростком; д) наконечник ритона (5,5 см) с едва различимым изображением какого-то копытного животного; е) бляшка с тремя овальными углами (4 см), на которой в стилизованной манере представлен растительный орнамент (одна из сторон бляшки повреждена – отсутствует ряд шариков и связывающих их декоративных побегов).

Набор перечисленных украшений типичен для инвентаря захоронений скифской знати. На наш взгляд, наиболее близкую аналогию отдельным предметам из приведенного набора (а, в, е) представляют некоторые украшения из мавзолея Неаполя Скифского, которые датируются II–I вв. до н.э.⁶³ К этому периоду можно отнести и наши украшения. Однако некоторые из них (а, г, д) имеют немало сходства по фактуре и стилю с предметами из скифских курганов более раннего времени⁶⁴.

Исходя из этих предварительных сообщений о представленных выше памятниках из Тире, Никонии и его окрестностей, а также наших комментариев к ним, можно сделать некоторые обобщения, не претендующие на значение окончательных выводов. Во-первых, возросло количество свидетельств о присутствии скифов в этих городах и в округе Никонии в разные периоды времени. Во-вторых, впервые найденный в Никонии лапидарный фрагмент, возможно, косвенно подтверждает гипотезу о синойкизме Тире и Никонии, если предложенный нами перевод текста близок истинному содержанию надписи. В-третьих, наши представления об экономике, культуре и религии жителей этих городов дополнились новыми сведениями. Оставшийся без перевода фрагмент греческой надписи на свинцовой пластинке требует дополнительного изучения. На данном этапе мы можем с уверенностью констатировать только одно – значение этих памятников как первых сравнительно развернутых эпиграфических свидетельств из Никонии определяет их историческую ценность.

MONUMENTS OF CLASSICAL AND SCYTHIAN CULTURE FROM TYRA AND NIKONIUM

V.P. Alekseev

Published in the article are various monuments arising in the Hellenic and Scythian cultures of Tyra (table I, 1–9) and Nikonium (table II, 1–11) between the second half of the 6th century BC and the 2nd century AD. Several of these stand out as unique (table I, 5; table II, 4, 5). But of particular interest are the fragments of inscriptions on a lead plate and on a piece of a marble slab from Nikonium (table II, 9, 10). The specific complexity of the first document did not allow interpretation of its contents. Hypothetically defining the second inscription as a dedication in honor of the Roman emperor Adrian, however, we tried to interpret its contents. Occasioning the creation of such a dedication by Agisphen, a citizen of Nikonium might be either Adrian's ascension to the throne (which also brought forth a decree in Adrian's honor from the people and council of Tyra) or his later bestowal upon the city of some form of privilege (for example, permission to begin coining its own money). In the proposed interpretation of the reconstructed inscription, we see indirect corroboration of a new hypothesis about the synoikism of Tyra and Nikonium, which turns out to have been effective apparently, in the first half of the 2nd century AD as well. Published monuments from these cities support our conceptions of the economic system, culture, and religion of their citizens, and also evidence the perceptible presence of Scythians during different periods on the territories of their *poleis*.

⁶³ См. Дашевская. Ук. соч. С. 37. Табл. 6, 18, 19, 26, 37.

⁶⁴ См. Древнее золото / Сост. альбома И.В. Бондарь. М., 1975. Раздел 1. «Скифское золото» – пронизи и бляшки с человеческими лицами из курганов у сел Лазурцы (табл. 42), Волковы и Будки (табл. 48) – IV в. до н.э.; колодочки от пояса (место находки неизвестно, табл. 102) – III в. до н.э.; Манцевич А.П. Ритон Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. Рис. 20–14 (ритоны из различных курганов).

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный «круглый стол» «Проблемы истории и археологии Херсонеса Таврического»

От редакции. С настоящего номера ВДИ мы открываем новую рубрику, посвященную истории и археологии Херсонеса Таврического – крупнейшего центра античной культуры в Северном Причерноморье. Мы предполагаем опубликовать новые материалы, открытые за годы многолетних археологических раскопок, и обобщающие статьи.

Редколлегия и редакция журнала обращаются ко всем специалистам, занимающимся этой темой и смежными с Херсонесом регионами, с просьбой откликнуться и прислать публикации и статьи для новой рубрики.

© 2002 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Продолжающееся более полутора столетий археологическое исследование Херсонеса Таврического значительно пополнило арсенал науки фундаментальными знаниями об этом очаге древней цивилизации на северных берегах Черного моря. Достигнуты определенные результаты в изучении различных аспектов развития Херсонеса на протяжении его двухтысячелетней истории, носящих как общеисторический, так и сугубо археологический характер. Последнее направление наиболее ярко проявляется в области прикладных и методических штудий. Однако именно здесь заметно определенное отставание результатов по сравнению с основной массой решаемых задач и исследуемых проблем херсонесской археологии. Остановимся лишь на одной из них – проблеме «всеобщей» или «сквозной» хронологии.

Составление всеобщей хронологии является одним из элементов изучения общей стратиграфии херсонесского городища. Нельзя сказать, что исследователи Херсонеса не уделяли внимания глобальным стратиграфическим проблемам. Более тридцати лет назад С.Ф. Стржелецкий предложил грандиозный проект изучения херсонесской стратиграфии. С этой целью им была создана так называемая «Объединенная экспедиция», в которой под научным руководством Херсонесского музея и его самого были сконцентрированы материальные средства и научный потенциал Харьковского и Уральского университетов, а позднее и отдела археологии Крыма Института археологии АН Украины. Долговременная научная программа работы экспедиции была продумана так, что основной задачей являлось археологическое изучение по возможности как можно более широкими площадями памятников, расположенных в одном

городском районе (так называемом Портовом районе)¹. При этом предполагалось, что будут раскопаны сохранившиеся здесь памятники весьма продолжительного периода – времени всего существования Херсонеса от античности до позднего средневековья. Планировалось провести углубленные исследования различных категорий археологических источников и на этой основе создать эталонную хронологическо-стратиграфическую схему Херсонесского городища, опираясь на которую как на базовую, продолжать в дальнейшем полевые исследования в Херсонесе.

Однако выполнению столь значимой задачи в силу ряда причин не суждено было сбыться. Правда, некоторые довольно интересные результаты были достигнуты. В частности, была разработана принципиально новая хронология херсонесской средневековой амфорной тары, вполне отвечающая требованиям времени ее создания². В остальном были получены только начальные результаты, которые не получили дальнейшего развития, особенно в области изучения стратиграфических проблем общего порядка. Исследователи ограничивали свои действия в лучшем случае лишь фиксацией локальной стратиграфии для каждого отдельно раскапываемого памятника. Что же касается общей, генеральной стратиграфической колонки Херсонеса, то она по сей день остается на уровне предложенной более шести десятилетий тому назад Г.Д. Беловым схемы, полностью совпадающей с самой общей исторической периодизацией развития Херсонеса, включающей классический, эллинистический, римский и средневековый периоды.

Сформулированная и поставленная С.Ф. Стржелецким еще в начале 1960-х годов общестратиграфическая задача для полевой археологии Херсонеса не потеряла своей актуальности и сегодня. Более того, с изменением в настоящее время применяемых при раскопках некоторых новых методических приемов и расширением исследуемых площадей памятников, разбросанных к тому же в разных районах Херсонесского городища, создание такой стратиграфической схемы стало настоящей необходимостью, способной дать возможность объективно сравнить синхронные памятники Херсонеса. Но самая главная причина, заставившая вплотную заняться конкретными вопросами разработки всеобщей хронологии, связана с началом применения персонального компьютера при полевой и камеральной обработке и анализе археологических находок. При формулировании задач для разработки специальных компьютерных программ мы столкнулись с таким положением, когда практически полностью отсутствуют жестко связанные между собой, но разнесенные по времени существования Херсонеса сквозные хронологические реперы. Без создания такой опорной хронологической схемы, пусть и весьма несовершенной, применение компьютерных технологий в самой трудоемкой области полевой археологии Херсонеса – обработке массового археологического материала – становится более чем проблематичным.

Готовясь к полевому сезону 1994 г. и проведению совместных археологических исследований в Херсонесе с учеными США, мы разработали специальную программу использования персональных компьютеров в работе над херсонесскими материалами. В рамках этой программы нами создана хронологическая схема – своего рода археологическая периодизация памятников Херсонеса. Основой для такой периодизации послужили более чем двадцатипятилетние наблюдения за стратиграфией памятников в процессе наших раскопок в северо-восточном районе Херсонеса и сравнение их с памятниками остальных районов города. Кроме того, широко использовались существующие в современной науке хронологические классификации различных групп археологических материалов (прежде всего керамики), встречающихся как в херсонесских раскопках, так и на других памятниках. Поскольку основой для создания археологической схемы послужили археологические источники, то она является

¹ Стржелецкий С.Ф. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедицией в 1963–1964 гг. Введение // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 7–8.

² Антонова И.А., Даниленко В.Н., Иващута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // Там же. С. 81–101.

самой общей схемой археологической периодизации Херсонеса. Специальные буквенные обозначения хронологических периодов были заимствованы нами из подобных схем, применяемых американскими археологами при исследовании памятников различных культур Восточного Средиземноморья и удобны при работе с компьютером.

Предлагаемая схема археологической периодизации Херсонеса выглядит следующим образом:

[I] – позднеархаический:

(AC – 528 г. до н.э. – последняя четверть V в. до н.э.):

[II] – классический период:

(C – последняя четверть V в. до н.э. – 330-е гг. до н.э.)

C-1 – последняя четверть V в. до н.э. – 380-е гг. до н.э.

C-2 – 380–350 гг. до н.э. (начало 380-х годов – середина IV в. до н.э.)

C-3 – 350–330 гг. до н.э. (середина IV – начало последней трети IV в. до н.э.)

[III] – эллинистический период:

(H – начало последней трети IV в. – середина I в. до н.э.):

H-1 – 330–300 гг. до н.э. (последняя треть IV в. до н.э.)

H-2 – 300–200 гг. до н.э. (III в. до н.э.)

H-3 – 200–150 гг. до н.э. (первая половина II в. до н.э.)

H-4 – 150–50 гг. до н.э. (середина II – середина I в. до н.э.)

[IV] – римский период:

(R – середина I в. до н.э. – начало V в. н.э.):

ER – середина I в. до н.э. – конец I в. н.э.

MR – начало II – конец III в. (переходный между ER и LR)

LR – конец III – конец IV в. н.э.

[V] – византийский период:

(B – начало V – конец XIII в.):

B-1 – начало V – середина VII в.

B-2 – середина VII – середина IX в.

B-3 – середина IX – последняя четверть X в.

B-4 – XI в.

B-5 – XII–XIII вв.

[VI] – поствизантийский период:

(PB – с начала XIV в.)

В рамках настоящей статьи мы не имеем возможности детально обосновать выбранные хронологические пределы каждого периода и дать, пусть даже и самую общую, всестороннюю характеристику основных групп археологических источников, характерных для каждого периода. В качестве примера приведем по возможности полную характеристику одного периода – классического, обозначенного в нашей классификации латинской литерой «C».

Общие границы периода охватывают почти столетие. Беря начало с последней четверти V в. до н.э., когда стала активно функционировать гераклейская колония в Таврике, он завершается в начале последней трети IV в. до н.э., когда наступил экономический, политический и культурный расцвет Херсонеса Таврического. В свою очередь весь классический период предлагается разделить на три самостоятельных отрезка примерно по 25–30 лет каждый. Современное состояние археоло-

гических источников, в первую очередь керамики, точнее ее хронологии, предоставляет возможность для такого достаточно дробного деления.

Важнейшим источником по хронологии археологических слоев времени херсонесской классики являются находки в них аттической столовой чернолаковой посуды. Благодаря блестяще изученным находкам из древних Афин, где этот массовый археологический материал удалось датировать в ряде случаев в пределах 10–15 лет³, мы можем перенести столь точные даты и на находки из херсонесских слоев. При этом полученные по массовым находкам простой чернолаковой керамики даты хорошо уточняются и коррелируются находками в слоях образцами художественной расписной краснофигурной посуды. Это касается всех трех хронологических периодов – С-1, С-2 и С-3.

Следующая категория материалов – древнегреческая керамическая тара. Говоря об этой группе находок, следует учитывать, что существующие сегодня датировки амфор различных центров (как, впрочем, и различных типов амфор одного центра) достаточно широки, но все же позволяют пользоваться ими как общими точками отсчета в определении хронологии слоев. Например, в слоях периода С-1 присутствуют хиосские позднепухлогорлые амфоры, амфоры с так называемой «колпачковой» ножкой и ранние типы фасосской и гераклейской тары. В слоях этого периода (С-1) отсутствуют массовые находки большинства типов остроносовых амфор иных центров, которые составляют основное содержание слоев периода С-2 (например продукция синопских мастерских). Кроме того, важным показателем для всего классического периода является почти полное отсутствие в его слоях херсонесских амфор, даже ранних, еще не клейменовых типов, производство которых, видимо, только начинается ближе к концу периода С-3⁴.

Одной из наиболее информативных категорий археологических источников по хронологии слоев классического времени в Херсонесе являются памятники керамической эпиграфики. В последние годы созданы достаточно дробные, но вместе с тем вполне надежно обоснованные хронологические классификации древнегреческих клейм различных центров. И хотя совершенствование существующих классификаций клейм ведется постоянно, использование их для определения хронологии даже в современном состоянии дает хорошие результаты и весьма перспективно.

Важный показатель для определения верхней даты всего классического периода – это отсутствие во всех слоях этого периода керамических клейм Родоса, Книда и Херсонеса, начавших клеймить свою продукцию лишь в раннем эллинизме⁵. В слоях периода С-1 присутствуют керамические клейма Фасоса первой хронологической группы⁶ и самые ранние клейма Гераклеи Понтийской⁷, тогда как клейма других хронологических групп отсутствуют. В следующем периоде (С-2) встречаются те же клейма Гераклеи и Фасоса, но вместе с ранними клеймами присутствуют клейма последующих более поздних групп этих центров. Полностью отсутствуют клейма Синопы, которая, судя по последним специальным работам о хронологии синопских клейм, начала клеймить свою продукцию в 360–320 гг. до н.э.⁸ Синопские клейма обнаружены только в слоях периода С-3, что также является надежным критерием для определения хронологии этого стратиграфического периода.

³ Sparkes B., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6-th, 5-th and 4-th Centuries // The Athenian Agora. V. XII. New Jersey – Princeton, 1970. P. 3 f.

⁴ Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов, 1989. Табл. I, II, XVII.

⁵ Бадальянц Ю.С. Опыт хронологической классификации родосских фабрикантских клейм // НЭ. 1980. XIII. С. 286; Брашинский И.Б. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской // НЭ. 1984. XIV. С. 3–12; Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. С. 87–112.

⁶ Виноградов Ю.Г. Керамические клейма острова Фасос // НЭ. 1972. X. С. 20–22.

⁷ Брашинский. Ук. соч. С. 20.

⁸ Федосеев Н.Ф. Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм // Греческие амфоры. Саратов, 1991. Табл. 1.

Сопоставив данные всех источников, мы имеем возможность определить хронологические рамки классического периода в археологической периодизации Херсонеса с последней четверти V в. до н.э. до 330-х годов до н.э. Базируясь на тех же источниках, весь период «С» делится на три более дробных хронологических этапа – С-1, С-2 и С-3.

Для предлагаемой хронологии возможно использование и нумизматических находок, но этот источник имеет свою специфику. Она заключается в том, что монетные находки фиксируют лишь нижнюю дату слоя, которая сопоставима только со временем начала чекана (или литья) того или иного монетного выпуска. Долговременное, как правило, обращение ранних монетных выпусков в последующее время лишает их возможности быть надежным универсальным индикатором при определении хронологии археологического слоя.

Аналогичный анализ источников лежит в основе всей предлагаемой археолого-стратиграфической периодизации Херсонеса и каждого отдельного этапа этой периодизации.

Предлагаемая хронологическая схема археологической периодизации Херсонеса является первой попыткой создания подобной схемы и, естественно, таит в себе множество недочетов и недоработок. Совершенствование ее – это задача будущего. Но даже в таком виде она вполне пригодна для сравнительного анализа херсонесских материалов путем применения для этой цели персонального компьютера.

Существует еще одна область применения новой классификации. Она связана с музейным делом, точнее с построением музейных археологических экспозиций. Создавая экспозицию, крайне важно не только верно атрибутировать экспонируемые объекты, но и точно их датировать. И здесь на помощь приходит предлагаемая новая археологическая периодизация. Приведем пример из херсонесской практики последних лет.

В экспозиции средневековой истории Херсонеса экспонируются фресковая живопись и мозаика из раскопок здания, предшествовавшего так называемой «Базилике 1935 года». Эти памятники были помещены в экспозицию средневекового отдела на основании того, что они (как считалось до недавнего времени) относятся к первой базилике, датируемой не ранее второй половины V в.⁹

В процессе работы в Херсонесе с 1994 г. совместной Украинско-американской экспедиции (BSP) в районе «Базилики 1935 года» в практике полевой и камеральной работы с найденными материалами была применена изложенная выше хронологическая классификация. В результате оказалось, что материалы, найденные в слоях, относящихся к позднеантичному времени, аналогичны находкам, обнаруженным нашими предшественниками в слоях с остатками фресок и под мозаикой. Проверка старых находок по новой классификации показала, что их датировка не выходит за пределы середины – второй половины IV в. до н.э., а значит фрески и мозаика должны датироваться тем же временем.

Обнаружение в фундаменте «Базилики 1935 года» известнякового блока с вырезанным изображением семисвечника, надписей-граффити на фресках по-гречески и на иврите позволяет утверждать, что «Базилика 1935 года» возведена над разрушенным зданием не христианской базилики, а иудейской синагоги, которой принадлежали фрески и мозаика¹⁰. Таким образом, применение новой хронологической классификации позволило не только уточнить хронологию памятника, но и по-новому его атрибутировать. Надеемся, что предложенная археологическая периодизация памятников Херсонеса будет с успехом применяться не только в конкретной археологической практике, но и найдет своих последователей среди музейных работников.

М.И. Золотарев

⁹ Домбровский О.И. Фрески южного нефа херсонесской базилики 1935 года // ХСб. 1959. Вып. V. С. 255.

¹⁰ Макленнан Р., Оверман Э., Золотарев М.И. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археологія. 1997. № 1. С. 67.

The author proposes a new periodization of the history of Chersonesus Taurica, based on stratigraphical investigations made in the course of recent archaeological research in Chersonesus. The main excavations took place in the northeastern district of the city, in cooperation with American scholars. The suggested periodization subdivides the history of Chersonesus into six periods: 1) Late Archaic (528 to the last quarter of the 5th century BC); 2) Classical (last quarter of the 5th century BC to 330 BC); 3) Hellenistic (last third of the 4th century to the mid 1st century BC); 4) Roman (mid 1st century BC to the early 5th century AD); 5) Byzantine (early 5th century to the late 13th century AD); 6) Post-Byzantine (since the 14th century AD). All periods are subdivided into smaller, more precisely dated ones.

© 2002 г.

ИЗ МУЗЫКАЛЬНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В РИМСКУЮ ЭПОХУ

(*К надписи IOSPE. I². 365*)

В мае 1880 г. во время раскопок в Херсонесе, проводимых при участии Одесского Общества истории и древностей, был найден большой фрагмент мраморной плиты с остатками греческого текста, от которого сохранилась лишь правая верхняя часть в количестве 15 строк. Надпись представляла собой декрет о предоставлении проксенических привилегий. Она впервые была опубликована В. Юргевичем, с прорисовкой. По его мнению, это был херсонесский декрет в честь Диофанта, сына Асклепиодора, полководца царя Митридата Евпатора, постамент с текстом декрета о предоставлении почестей которому был незадолго до этого открыт при раскопках древнего акрополя Херсонеса. Он полагал, что это древнейшая псефизма, составленная еще до первой войны Диофанта со скифами за различные услуги, оказанные им херсонесцам. Поэтому в стк. 2 он читал слово 'Α(σ)κλαπ(οῦ) и связал всю надпись с постройкой или ремонтом Диофантом храма бога Асклепия. Правильно восстанавливая в стк. 4 слово ὑποῦργησεν, Юргевич считал, что полководец оказывал гражданам содействие и помощь. Из слов δέκβοισεν πρὸς в стк. 8 он заключил, что митридатовский стратег мог якобы быть послом херсонеситов, ходатайствовавших с его помощью перед царем Митридатом VI. Вся надпись В. Юргевич датировал концом II в. до н.э.¹

В 1883 г. плиту в Херсонесском монастыре осмотрел В.В. Латышев. Он дал подробное техническое ее описание (всех интересующихся этим отсылаю к его комментарию в IOSPE. I². 365. Р. 333, 334) и очень удачно связал с ней фрагмент надписи из 11 строк с традиционным перечислением привилегий от херсонесской общины чествуемому, обнаруженный еще в 1877–1878 гг. (рис. 1). Первый фрагмент камня, опубликованный В. Юргевичем, вошел в первое издание корпуса IOSPE. I под номером 187, к этому времени В.В. Латышев уже имел ее фотографию. Дополнения были им сделаны также в ИАК. 23. С. 49–50. Как и первоиздатель, он отметил, что надпись была вырезана с ошибками, в частности, резчик без всякого основания вставлял кое-где букву Ο, что вызывало определенные трудности при восстановлении. Забегая вперед, следует заметить, что таких ошибок на камне не так уж много и они не вызывают особых затруднений при реконструкции текста. В отличие от В. Юргевича,

¹ Юргевич В. Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов // ЗООИД. 1880. XII. С. 45–48.

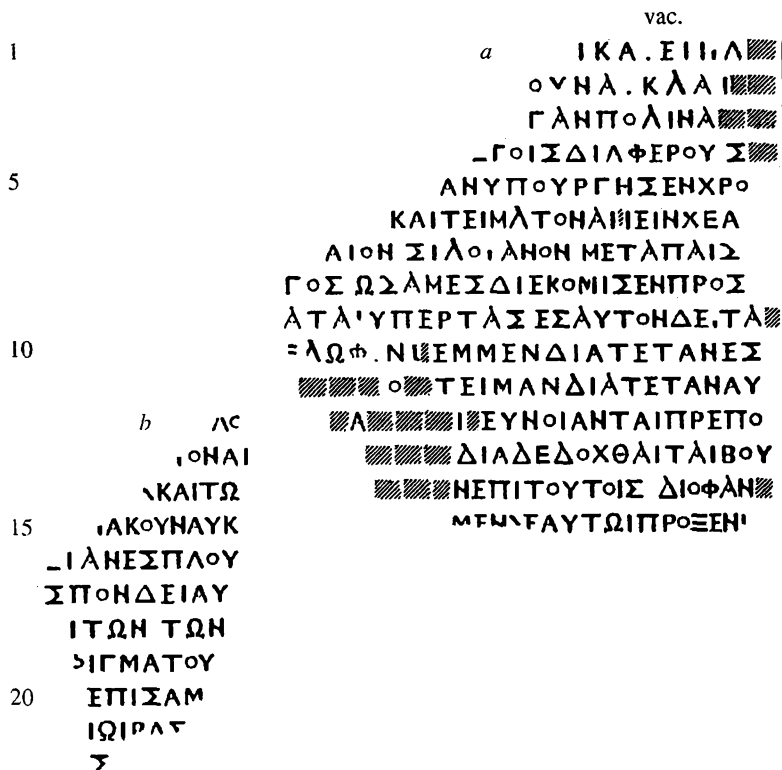

Рис. 1. Прорисовка декрета в честь навклера Диофанта, сына Герака. Фрагменты 1 и 2 по В.В. Латышеву

акад. В.В. Латышев правильно определил текст как проксенический декрет в честь навклера Диофанта, сына Герака. Он справедливо отверг его датировку временем Митридата Евпатора, отнеся текст к римскому времени, а невозможность восставления в нем имени и отчества полководца обосновал тем, что в тексте упомянут некий римлянин, что было совершенно исключено в эпоху понтийского царя².

Однако В.В. Латышев не установил, откуда происходил родом почтенный херсонесцами навклер, почему он получил проксению в их городе и, главное, что за римлянин по имени Гай Сильван упоминается в стк. 7 этого декрета. Более того, после тщательного осмотра камня в лапидарии Херсонесского музея в 2000 г. и получения фотографии основного фрагмента (рис. 2, вклейка) автор настоящей статьи выяснил, что Латышев неточно, а главное, не совсем правильно дал реконструкцию отдельных строк, что привело к неверному и ошибочному восстановлению всего документа, а также к его не во всем и не всегда точной трактовке. Ряд незамеченных исследователями букв позволяет уточнить не только общий характер памятника, но и с некоторой долей убедительности раскрывает происхождение чествуемого, а самое главное – за что он был почтен проксенией и получением херсонесского гражданства. Однако самое важное – это то, что теперь можно установить личность Гая Сильвана, чем он занимался вообще и в Херсонесе в частности. Надпись проливает свет на взаимоотношения города с Римской империей, окрестными эллинскими полисами, открывая новый неожиданный подход к культурной жизни греческой общины Херсонеса в римское время.

² Latyshev V.V. Comm. ad IOSPE. I². 365. P. 334, 335.

Рис. 2. Верхняя часть плиты с текстом декрета в честь навклера из Тиры Диофанта, сына Геракла.
Фото Херсонесского музея

Прежде чем привести полный текст декрета, считаем необходимым дать его прорисовку в том виде, в каком ее сделали В. Юргевич и В.В. Латышев, в основном последний (рис. 1). Это важно для понимания предлагаемых нами конъектур текста.

ЗООИД. XII = IOSPE. I². 365

1 [Πρόεδροι Χερσωνασειτᾶν τῶν ποτὶ ταῖ Ταυρ]ικαῖ εἰ[παν]
2 [Ἐπειδὴ Διόφαντος Ἡράκου, ὁ ἐκ τοῦ Τύ]ρα ναύκλαρο[ς],
3 [ἀνὴρ ἀγαθός, εὖνους ὢν διατελεῖ περὶ] τὰν πόλιν ἀμ[ῶν]
4 [.....] τοῖς διαφέρουσιν
5 [.....] ἐπὶ θάλασσαν ὑπουργήσεν χρυ-
6 [σῶν.....] καὶ τειματὸν ἀμεῖν χελύ-
7 [κλονον εὐδοκίμοῦντα? Γ]άιον Σιλουανὸν μετὰ πασῶ-
8 [λου.....] αὐ]τὸς ὡς ἀμὲς διεκόμισεν προσω-
9 [δῶι.....] πεπό]αται ὑπὲρ τᾶς ἐς αὐτὸν διατά-
10 [ξέως.....] θωά[μ]εργ[ι] ἔμμεν, διὰ τε τὰν ἐς
11 [.....] τειμάν, διὰ τε τὰν αὐ-
12 [τοῦ.....] φι]λο[τιμίαν κ]α[ι] εὖνοϊαν ταῖ τρεπο-
13 [ύσαι.....] οναι[.....] *δι' ἃ δεδόχθαι ταῖ βου-
14 [λ]ᾷ καὶ τῶ [δάμωι ἐπαινέσαι μὲ]ν ἐπὶ τούτοις Διόφαν-
15 [τον Ἡ]ράκου ναύκ[λαρον, δό]μεν δὲ αὐτῶι προξενί[ας],
16 [πολιτ]εῖαν, ἔσπλου[ν καὶ ἔκπλου]ν ἐν εἰράναι καὶ πολέμωι
17 [καὶ ἃ] σπονδεῖ αὐ]τῶι, ἐκγόνοις καὶ χράμασιν αὐτοῦ, μετοχάν]
18 [τε πά]ντων τῶν [ἐν ταῖ πόλει, ὢν καὶ τοῖς ἀστοῖς μέτεστιν]*
19 [τὸ ψά]φισμα τοῦ[το ἀναγραφάμεν λευκολίθου στάλαι καὶ θέ-]
20 [μεν ἐν τῶι] ἐπισαμ[οτάτῳ τᾶς ἀκροπόλιος τόπῳ. Ταῦτ' ἔδοξε]
21 [βουλᾷ δά]μωι, βασιλευούσας Παρθένου.....]
22 [.....] σ [.....]

Перевод: «(Проедры херсонесцев, что) в Таврике, предложили! (Поскольку Диофант, сын Герака) навклер (из Тиры, муж прекрасный, будучи дружески расположенным, совершает) в нашем городе ... тем, которых перевозят ... (по морю), оказал эти услуги за ... золотых монет ... и почитаемого у нас (известного) исполнителя игры на лире из черепашьяго панциря Гая Сильвана на легком корабле ... сам к нам доставил для пения песен под аккомпанемент музыки ... и сделал это исходя из распоряжения относительно того, (когда нам) быть его слушателями, и согласно (его) к ... расположению, а также и благодаря его (любобчестию и) благосклонности к видящему (все это...). Да постановит Совет и Народ (восхвалить) за это Диофанта, сына Герака, навклера, дать ему проксению, гражданство, право входа и (выхода) из гавани (во время мира и войны), без (разграбления) и договора самому, (потомкам и имуществу его, участие) во всем том (в городе, в чем участвуют и граждане). Это решение (написать на белокаменной плите и выставить) в самом видном (месте акрополя. Так постановлено Советом и) Народом, в царствование (богини Девы)....».

Стк. 1. Латышев – ... Ταυρ]ικᾷ[ι] εἰ[παν]. Это традиционное начало всех херсонесских декретов римского времени, исключжающее датировку надписи позднеэллинистической эпохой, когда декреты вносились по предложению номофилаков и стоящего во главе управления. На камне отчетливо заметны остатки I и Π.

Стк. 2. Юргевич – 'Α(σ)κλαπ(οῦ) или 'Α(σ)κλαπ(οδώρου); Латышев – [ἐπειδὴ ... Διόφαντος Ἡράκου ναύκ]λα[ρος]. В тексте после скола ясно заметна Α, а перед ней остатки вертикальной гасты, но ни в коем случае не Ο. Это не может быть патронимиком, как полагает Латышев, поскольку все без исключения декреты о проксениях в Херсонесе имеют личное имя и отчество чествуемого сразу после ἐπειδή, после

чего следует обязательный в таких случаях этникон. В данном случае мы имеем дело скорее всего с указанием места, откуда был родом чествуемый. Поскольку этникон должен соответствовать по падежу имени чествуемого, а ... А в конкретном случае никак не согласуется с именительным падежом, то мы вряд ли будем неправы, восстановив здесь родительный падеж с обязательным $\epsilon\kappa$... Теперь весь вопрос в том, какой город мог иметься здесь в виду. Конечно, можно допустить, что навклер происходил из одного из полисов Восточного Средиземноморья, что кажется нам все же маловероятным. Ведь все без исключения херсонесские проксении римского времени давались исключительно выходцам из припонтийского региона³. В таком случае полис с окончанием в gen. $\delta\omicron\iota\varsigma$. на А должен иметь в номинативе окончание $-\eta\varsigma$, $-\alpha\varsigma$. В Причерноморье это Βορυσθένης и Τύρας. Первый надо отбросить сразу, поскольку в римское время этот город официально назывался Ольвией и в херсонесских декретах встречается только под этим названием (см. IOSPE. I². 345; НЭПХ. II. 109). А как Борисфен он фигурировал лишь в обиходе у иностранцев, приезжавших в Ольвию и посещавших первым делом ее гавань на Березани, известную под именем Борисфенида. Поэтому Дион Хрисостом, посетивший Нижнее Побужье после гетского разгрома Ольвии, именует ее «Борисфеном», а жителей – «борисфенитами» (Dio Chrys. XXXVI. 5. 2. 48–50). К тому же в родительном падеже его окончанием было $-\omicron\upsilon\varsigma$. Что касается Тиры, то ее официальным названием было $\eta\ \pi\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ Τύρας от наименования реки $\delta\ \pi\omicron\tau\alpha\mu\acute{o}\varsigma$ Τύρας⁴, поэтому город имел артикль мужского и женского рода. Родительный падеж от этого названия будет τῆς или τοῦ Τύρα (ср. Strabo. VII. 3. 16: ἐπὶ δὲ τῷ στόματι τοῦ Τύρα; Steph. Byz. s.v. Τύρας* ἔδει παρὰ τὸν Τύραν Τυράτην εἶναι τὸ ἐθνικόν). Вертикальная гаста перед отчетливой *альфой* в данном месте декрета вполне может относиться к Р, поэтому мы, не колеблясь, восстанавливаем в этой строке название города Тиры как место рождения и проживания навклера Диофанта, сына Герака.

Стк. 3. Юргевич – (τὰ)μ (π)όλιν ἀ(μῶν); Латышев – ...τ]ὰν πόλιν ἀ[μῶν].

Стк. 4. Юргевич – διαφέρουσι или διαφερούσα; Латышев – ...τ]οῖς διαφερούσι[...]

Стк. 5. Юргевич – ὑπούργησεν (ἀμῖν); Латышев – ...]αν ὑπούργησεν χρῶνον πολύν?]; однако после ХР на камне заметны следы Υ, что делает вполне обоснованным реконструкцию gen. pretii χρυσῶν...) и объясняет, почему херсонеситы дали Диофанту проксению. Одной из причин могла быть перевозка частных лиц и посольств по морю. В этой связи мы не исключаем возможное ...τῆν или ἐπὶ θάλασσαν – «морем» (ср. πλὴ καὶ τῇ θάλασσᾳ)⁵. За это навклер брал плату золотом, очевидно, умеренную. Если это восстановление верно, то оно дает примерную дату декрета. По палеографии он датируется 130–140-ми годами н.э.⁶ С 48 по 134 г. н.э. Херсонес чеканил полновесные золотые статеры (ауреусы)⁷, коими, вероятно, и расплачивался с навклерами за услуги. Тогда надпись могла появиться либо незадолго до 134 г. н.э., либо вскоре после этой даты, когда золотые статеры еще находились в обращении. Вполне возможно, что город мог выплатить деньги и римскими монетами, но это маловероятно, учитывая их крайнюю редкость в Северном Причерноморье и наличие в Херсонесе своего золота.

Стк. 6. Юргевич – καὶ τεῖμαῖ τὸν ἀ(μ)εῖν; Латышев – καὶ τεῖματὸν ἀ[μ]εῖν [...]; оба оставили без восстановления четыре сохранившиеся в конце строки буквы ΧΕΛΥ, отметив их как ΧΕΛ, причем Юргевич считал это за прилагательное с ошибками ANEINXEΛ. Между тем это остатки ключевого слова для понимания всего текста

³ Тюменев А.И. Херсонесские этюды. V. Херсонесские проксении // ВДИ. 1950. № 4. С. 11–25; Сапрыкин С.Ю. Херсонесские проксении и пути плавания по Понту // ПИФК. 1999. VIII. С. 217–229.

⁴ Ps.-Scymn. 798; 803; 804; Ptol. X. 8; Аноним. Пер. 88; Steph. Byz. s. v. Τύρας.

⁵ Die Inschriften von Ephesos V. № 1487, 1488.

⁶ НЭПХ. II. С. 275.

⁷ Zograph A.N. Ancient Coins. BAR Suppl. Ser. 33 (II). Oxf., 1977. P. 245–248; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 149–152. № 215–249.

декрета. Речь идет о том, почему Гай Сильван был доставлен в Херсонес Таврический и кем он был на самом деле. Здесь, по нашему убеждению, следует реконструировать слово χελύ[κλονος], ов, что значит «играющий на черепашьем панцире», т.е. на лире, сделанной из панциря черепахи. В основе этого слова лежит греч. χέλυς, -υος – «лира, кифара» (Eurip. Alc. 449: ἐπτάτονον ὀρεῖαν χέλυιν; у эллинов она называлась еще χελώνη = λύρα, см. Hesych. s.v. χελώνη; Suid. s.v. χελώνη ἢ οστράκωνωτος > κιθάρα). У римлян лира также носила название chēlys, о чем сохранились свидетельства Овидия, Сенеки, Статиана, и была атрибутом Феба-Аполлона⁸. Однако означенный тип музыкального инструмента из черепашьяго панциря чаще встречался в культе бога Гермеса, поскольку ему мифы приписывают изобретение этой лиры и первое исполнение игры на ней (Hom. hymn. Herm. 25–33. 153)⁹. Это название вошло в обиход потому, что по-гречески черепаший панцирь – τὸ χελώνειον = χελώνιον = κυκλάμινος (Aelian. NA. VII. 16), отчего появилось и другое название лиры – ἡ χελωνίς, -ίδος = χέλυς (Posidon. 10J). Χέλυς > chēlys у греков и римлян – это лира, с которой часто изображали Аполлона, она считалась примитивнее кифары, а ее корпус был в виде панциря черепахи либо напоминал по форме узкую деревянную чашу, закрепленную по краям и покрытую куском кожи. Ручки делались в виде двух рогов животного или из дерева, а струны были протянуты вдоль, как у кифары, и их количество колебалось от трех до двенадцати. Во время исполнения лиру держали горизонтально или наискосок¹⁰.

От названия лиры – χέλυς, χελώνη, χέλυνα, χελωνίς, тесно связанной с культом Гермеса¹¹, происходят и два других термина, обозначающих игру на ней: χελуοσσός, ов – «вызывающий звучание лиры» и χελύκλονος, ов – «играющий на лире из черепашьяго панциря». Первый из них встречается у автора II в. н.э. Александра Эфесского в передаче Теона Смирнейского тоже в связи с Гермесом: Ἀλέξανδρος. Ὑψοῦ δ' ἄλλοθεν ἄλλος ὑπέρτερον ἔλλαχε κύκλον. Ἀγχοτάτῃ μὲν διὰ σελήνια περὶ γαῖαν, δεύτερος αὖ σίλβων χελуοσσόου Ἑρμεία¹². Второй находим у орфиков, и тоже как результат представления об этом боге – изобретателе означенной лиры и игры на ней (Orph. Arg. 381; ср. 383 codd.: χελуκλόνου Ἑρμῶνιος). Поэтому в стк. 6 херсонесского декрета возможно восстановление слова, так или иначе связанного с исполнением музыки на лире, сделанной из панциря черепахи. Скорее всего это должно относиться к Гаю Сильвану и может быть реконструировано либо как χελύ[κλονος], либо как χελυ[οσσός], что буквально должно означать «и известного у нас звучанием лиры» или «...игрой на лире... Гая Сильвана...». Любопытен дифтонг τειματόν > τιματόν в стк. 6, как и τειμάν > τιμάν в стк. 11: αι > α, αι > η, ει > ε нередко встречаются в надписях римского времени, в том числе и в дорийском диалекте, включая киренский и ферский варианты, причем как в окончаниях, так и в середине слов¹³.

Стк. 7. Юргевич – [...ῥωμ]αῖον Σιλουανὸν [μ]ετὰ παισ[ι..., Латышев – ...Γάιον Σιλο[υ]ανὸν μετ' ἀπα[ύ]σ/[του...]. В реконструкции имени Латышев более прав, нежели Юргевич, однако оба не обратили внимание на то, что после ΜΕΤΑΠΑ на камне сохранились отчетливые черты Σ и далее Ω. Это заставляет пересмотреть пред-

⁸ Stephani H. Thesaurus linguae graecae. V. 7. L., 1816–1828. S.v. χέλυς.

⁹ West M.L. Ancient Greek Music. Oxf., 1992. P. 50, 51; см. также Herwerden H. van. Lexicon graecum suppletorium et dialecticum. Pt II. Lugduni, 1910. P. 1595: χέλους = χέλυς. μουσικὸν ὄργανον; χέλυνα = χελώνη, см. Sappho. Fr. 169 ap. Orionem, An. Ox. II. 101. 5; χέλυννα – ap. Babrium 115. 5; Herodian. I. P. 265. 31 sq. – usus voc. χελώνη = λύρα.

¹⁰ Sachs C. The History of Musical Instruments. L., 1968. P. 131, 261, 262; Anderson W.D. Ethos and Education in Greek Music. Cambr., 1968. P. 7.

¹¹ Excerpta ex Nicomacho. C. 1. 2. P. 29. 30 M = Carolus Janus. Musici scriptores graeci. Hildesheim, 1962. P. 266, 418, par. 23: τὴν λύραν τὴν ἐκ τῆς χελώνης φασὶ τὸν Ἑρμῆν εὐρηκέναι...

¹² Theonis Smyrnaei liber de Astronomia / Ed. Th. H. Martin. Groningen, 1971. P. 182. Fol. 7b. Cp. Catalogus Codicum Astrologorum. I. 173; LSJ, s.v. χελуοσσός, ов. См. также Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Bd II. Heidelberg, 1970. S. 1086: χελуοσσός – die Leier/saiten in Bewegung setzend.

¹³ Meister R. Die griechischen Dialekte. Bd I. Göttingen, 1882. S. 87, 88; Buck C.B. The Greek Dialects. Chicago, 1928. P. 67 Hofmann J.B. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. Darmstadt, 1971. S. 254.

ложенные ими варианты и читать ΜΕΤΑΠΑΣΩ, раскрывая это как μετὰ πασῶ/[λου...], т.е. «на легком судне», «при помощи легкого судна». Крайне интересен сам термин πάσωλος. Это греческая огласовка латинского phaseolus = phaselus(os) = греч. φάσηλος = πασίολος = πάσωλος, изначально означающего «бобы, горох, стручок бобов или гороха». Другое его значение: «легкое судно, предназначенное для перевозки пассажиров», «каное», «ялик», как правило, бобовидной формы или с вытянутым длинным корпусом, напоминающим стручок гороха или фасоли¹⁴. Это было исключительно римское судно, не встречающееся в морском и навигационном деле древних греков. Об этом сохранились свидетельства римских авторов: *Cic. Att. 370 (XIV. 16. 1)* – non conscendens ab hortis Cluvianis in phaselum epicorū has dedi litteras – «я отправляю это письмо в то время, как плыву на корабле с рядами гребцов из поместья Клувия»; *Hor. Carm. III. 2. 29* – fragilemque mecum solvat phaselon (хрупкий баркас); *Ovid. Am. II. 10. 9* – ut ventis discordibus acta phaselos (яхта или баркас, управляемые ветром); *Verg. Georg. IV. 289* – et circum pictis vehitur sua rura phaselis (плыви вокруг своих полей на раскрашенных лодках или яликах); *Lucan. V. 518* – sed sterili iunco cannaque intexta palustri et latus inversa nudum munita phaselo (судно, опрокинутое вверх дном); *Seneca. Her. Otr. 695* – nec magna meas aura phaselos iubeat medium scindere pontum (пусть сильный ветер не заставит мой баркас (или корабль) затонуть); *Mart. X. 30. 13* – viva sed quies ponti pictam phaselon adiuvante fert aura (спокойное море несет раскрашенный корабль и попутный бриз помогает); *Juvenal. Sat. 15. 127* – vela phaselis (челноки из глины с маленькими парусами). Однако наиболее обстоятельные сведения об этом типе судов дают Катулл и Саллюстий: *Catul. IV. 1* – phaselus, один из самых быстроходных кораблей с гребцами и ходивших под парусами, бороздивших воды Адриатики, Эгейды, особенно в районе Киклад и Родоса, Пропонтиды и Понта Эвксинского. Его корпус делали из древесины, произраставшей в окрестностях южнопонтийских городов Амастрия и Китор, а само судно было посвящено братьям-близнецам Кастору и Полидевку. Паруса на нем можно было использовать и для перекрестных ветров. *Sall. Hist. III.8* (Maurenbrecher) – et forte in navigando cohors una grandi phaselo vecta (большой военный корабль для перевозки войск). Таким образом, из перечисленных свидетельств следует, что phaselos = φάσηλος = πάσωλος – это корабль, который предназначался для перевозки грузов, в частности воинского снаряжения, и пассажиров, занимал промежуточное место между грузовыми и военными римскими судами, был весьма быстроходен, на нем были гребцы и ряды весел, он мог идти под парусами, имел вытянутый стручкообразный корпус из самшитового дерева, который нередко раскрашивали, выдерживал штормы и использовался в Средиземноморье и Понте. Суды такого типа были разной величины – от небольших яликов и баркасов до пассажирских средних размеров и военных транспортов большого тоннажа. В римское время существовали и речные варианты этих судов. Мы вряд ли будем далеки от истины, если выскажем предположение, что Диофант, сын Геракла, плавал на римском корабле означенного типа средней величины, ходившем под парусами и с помощью весел. Л. Кассон указывает, что подобные корабли использовались в основном на рубеже нашей эры¹⁵, однако херсонесский декрет показывает, что и в первой половине II в. н.э., по крайней мере в Черном море, эти суда еще бороздили тамошние воды и с их помощью доставляли грузы и пассажиров.

Стк. 8. Юргевич – ὡς ἀμές δι(η)κόνισεν πρὸς; Латышев – ...]ος ὡς ἀμές διεκόμ[μ]ισεν πρὸς[...]. После Σ в слове διεκόμ[μ]ισεν резчик по ошибке поставил Υ – διεκόμισ(υ)εν; ὡς ἀμές, ср. καθ' ἀμέ τόπους (IOSPE. I². 352. 1. 11), ποθ' ἀμές (IOSPE. I². 357), ὑπὲρ ἀμές (IOSPE. I². 362), παρ' ἀμές (IOSPE. I². 364). После ΠΡΟΣ на камне

¹⁴ LSJ. s.v. πάσωλος; Oxford Latin Dictionary. Pt II. Oxf., 1968. P. 1372; Corpus Glossationum Latinarum / Ed. G. Loewe, F. Schoell. Lpz., 1888–1924. S. 399. 167 r. 1. 39: πάσωλος – pisa.

¹⁵ Miltner Fr. Phaselus // RE. 1937. Bd 37. S. 1883; Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World. Princeton, 1971. P. 167–169.

отчетливо читается Ω, что исключает напрашивающееся πρὸς [τὴν πόλιν] или πρὸς[οδοί] vel. πρὸς[οδοί] – «общественные доходы с гавани за ее пользование торговыми судами, взимаемые специальными чиновниками» (πρὸσοδοί λιμένος). Учитывая, что римлянин Гай Сильван, как говорилось, был исполнителем музыки на лире, то в этом месте декрета вполне возможно восстановить слово προσω[δία], что означает «пение под музыку» или в такт музыки. В основе слова – προσωδία, т.е. «песня, исполняемая под инструментальную музыку». Можно, видимо, восстановить и наречие πρὸσω[θεν] – «издалека», но это кажется нам менее предпочтительным. Предлагаемая реконструкция имеет процессиональный оттенок, поскольку родственный термин προσόδιος = πρῶσόδιον означает пение гимнов богам во время шествия процессий, отчего слово τὸ προσόδιον = πρῶσόδιον переводится как «процессиональная ода» (IG. VII. 1773 – Феспии, II в. н.э.; Athen. VI. 253b; Syll³. 698 C 1 – Дельфы, II в. до н.э.: παῖδιν καὶ προσόδιον εἰς τὸν θεόν; Plut. Aem. 33; Paus. IV. 4. 1.). Наиболее красочными из таких процессий были священная процессия к алтарю Афины в Короне, празднование Панафиней, однако они редко сопровождались игрой на лире, чаще всего это были аuloi¹⁶. Поэтому, хотя и с некоторой долей вероятности, можно допустить, что Гай Сильван прибыл в Херсонес для участия в священной процессии в честь какого-нибудь из местных богов, нам все же представляется более верным предположение, что этот исполнитель музыки на лире приехал в город просто для выступления в театре перед гражданами полиса, во время которого он играл на лире и под ее аккомпанемент декламировал свои стихи. Поэтому мы предлагаем в данном месте Dat. finalis προσω[δία...], так как πρῶσόδιον... невозможно ввиду наличия Ω не перед Σ, а после нее. Означенный термин встречается у Платона – он определенно переводится как «натурально-экспрессивное декламирование текстов исполнителем музыки» (Rep. III. 399A), и у Дионисия Галикарнасского, который его связывает с силлабикой речи (De comp. verb. XI. 64: καὶ τὸ ἀποπρόβετε οὐ λαμβάνει τὴν τῆς μέσης συλλαβῆς προσωδίαν ὀξεῖαν, ἀλλ' ἐπὶ τὴν τετάρτην συλλαβὴν μεταβέβηκεν ἡ τᾶσις ἢ τῆς τρίτης)¹⁷.

Сткк. 9–10. Юргевич – (Μιθραδ)άτα ὑπὲρ τᾶσδε, σαυτὸν δὲ τᾶ...; Латышев – ...λατα ὑπὲρ τᾶς εἰς αὐτὸν δε. τα [...]. На камне после Δ стоят ΙΑ, хотя резчик и в этом месте допустил ошибку, начертав вначале Ι, а затем переправив ее на Δ. Создается впечатление, что первоначально в данном месте стояло другое слово, а затем его исправили на ΔΙΑΤΑ. Поэтому мы предлагаем читать в этой строке ὑπὲρ τᾶς εἰς αὐτὸν διατά[ξεως]. Мы исходим при этом из того, что в следующей стк. 10 на камне читается инфинитив ἔμμεν = εἶναι (Юргевич – ἔμμεν διὰ τε τὰν; Латышев – ἔμμεν διὰ τε τὰν ἐς), а перед ним не замеченное ими ΘΑΩΜ..Ι, которое мы без колебаний реконструируем в θαώμ[ε]ν[ο]ι ἔμμεν – «быть слушателями». Διάταξις означает «распоряжение, команду, условие договоренности», что доказывается, например, эпизодом о лакедемонянах в годы Союзнической войны в Элладe: Λακεδαιμόνιοι δὲ τὸ μὲν πέμπειν τὰς βοηθείας κατὰ τὴν διάταξιν ἐνεκάκησαν – Polyb. IV. 19.10). Здесь κατὰ τὴν διάταξιν означает предшествующую событию (т.е. отказу в помощи посылкой вспомогательных отрядов) договоренность или распоряжение об условленном количестве воинов. В нашем случае выражение ὑπὲρ τᾶς διατάξεως свидетельствует о том, что чествуемый доставил в Херсонес кифареда, так как там заранее известили зрителей о его выступлении в театре. В таком случае вся фраза приобретает такой вид: он, т.е. Диофант, доставил в город Гая Сильвана и сделал это (...τεπό)αται, ср. IOSPE. I². 357. Стк. 5) согласно принятому ранее в отношении этого дела (εἰς αὐτόν) постановлению, чтобы граждане Херсонеса могли стать слушателями известного

¹⁶ Wegner M. Das Musikleben den Griechen. B., 1949. S. 79.

¹⁷ Poehlmann E. Griechische Musikfragmente. Ein Weg zur altgriechischen Musik. Nürnberg, 1960. S. 24. См. также Critias. 57: ὥδῃ πρὸς κιβάρους (V в. до н.э.), Choerobosk. in Scholia ad Dionys. Trax. P. 124 H: Ἰστέον ὅτι τριχῶς λέγεται ἡ προσωδία. Καὶ (γὰρ) ἡ παρὰ τοῖς μουσικοῖς, τούτεστι τὸ στόμα καὶ ἡ ἐκφώνησις τῶν αὐλῶν, λέγεται προσωδία (V–VI вв. н.э.).

исполнителя музыки на лире и песен. Иначе говоря, Совет и Народное собрание приняли решение пригласить в Херсонес Гая Сильвана для выступления в театре и обратились к известному в их городе тирасскому навклеру Диофанту, сыну Герака, заплатив ему за доставку именитого исполнителя соответствующую сумму денег.

Стк. 11. Юргевич – εἶπαν διὰ τε τὰν; Латышев – τειμάν, διὰ τε τὰν αὐ/τοῦ...].

Стк. 12. Юргевич – εὐ(ν)οιαν τᾷ πρε(πούσαι τειμαῖ); Латышев – εὐνοиαν τᾷ πρεπο(ύσαι...). На камне ПРЕПО, что предполагает отступление от правил силлабического переноса.

Сткк. 13–15. Юргевич – δι' ἃ δεδόχθαι τᾷ βου(λᾷ καὶ τῷ δάμω) .../... (ἐπαίνεσαι μὲν ἐπὶ τοῦτοῖς Διόφαν(τον Ἀσκληπιοδώρου. / (Σινωπέα...δός)εν δὲ αὐτῷ προ(ξ)ενί(αν...); Латышев – ...[οναί...] δι' ἃ δεδόχθαι τᾷ βου(λᾷ) καὶ τῷ[ι δάμω] ἐπαίνεσαι μὲν ἐπὶ τοῦτοῖς Διόφαν/τον Ἡράκου ναύκ[ларон, δό]μεν [δ]ε αὐτῷ προξενί[ας...].

Сткк. 16–21. Стандартные формулировки постановляющей части декрета; любопытно, правда, отсутствие в ней упоминания асиии (ἀσυλεί) в сткк. 16–17, хотя Латышев и пытался ее восстановить. Однако это слово явно не вписывается в размер строки, поэтому мы считаем, что резчик пропустил его по ошибке.

Декрет в честь навклера из Тиры Диофанта, сына Герака, – не единственный из проксений, данных во II в. н.э. в Херсонесе навклерам из различных городов Причерноморья. В нашем распоряжении имеются декреты в честь синопского навклера Гая Кая Евтихиана (IOSPE. I². 364), некоего ...[νος Θί... ν]αύκλ[η]ρος... (IOSPE. I². 398) и Сатира, сына Герака, навклера (IOSPE. I². 366). Еще В.В. Латышев высказал предположение, что последний мог быть братом Диофанта, сына Герака, о котором идет речь. Если так, то семья граждан Тиры, откуда происходили оба брата-навклера, имела тесные и длительные деловые связи с общиной Херсонеса Таврического, содействуя в различных организуемых ею мероприятиях. Среди них на первом месте в почетном декрете Диофанта значится помощь в перевозке по морю неких лиц из Херсонеса и в Херсонес. В 130–140-е годы н.э., когда был издан декрет, город вел активную дипломатическую деятельность. Мы знаем о неоднократных посольских поездках херсонесцев в конце I – первой половине II в. н.э. к царям Боспора и наместникам Мезии, в частности, из почетной надписи в честь неизвестного по имени гражданина Херсонеса Таврического (IOSPE. I². 420) и из надписи на пьедестале статуи знатного херсонесита Аристона, сына Аттина, который ездил послом к императору в Рим и дважды к боспорскому царю Реметалку договариваться об условиях союза-симмахии с Боспорским царством (IOSPE I². 423). Неоднократно бывал в Риме с посольской миссией и херсонесский проэдр Демократ, сын Аристогена (IOSPE I². 425). Посольства были связаны с урегулированием боспоро-херсонесских отношений после вероятного вывода из Херсонеса в начале 130-х годов н.э. римского гарнизона и перевода города по указанию императора под защиту Боспорского царства в связи с обострившейся угрозой варварских вторжений. Другой причиной означенных поездок было желание Херсонеса добиться освобождения от слишком жесткой опеки боспорских царей, что в конце концов и было ему предоставлено Антонином Пием при непосредственном участии Гераклея Понтийской (IOSPE. I². 362; 363)¹⁸. Естественно, это требовало неоднократных и продолжительных посольств не только в Рим и к римским легатам в Нижнюю Мезию, но и на Боспор, а также в города римской провинции Вифиния-Понт – Синопу и Гераклею Понтийскую. Как мы старались показать в другом месте, в первой – второй четвертях II в. н.э. херсонеситы активно использовали два морских маршрута – к Южному Причерноморью по кратчайшему пути и к Западному – напрямик до устья Дуная или вдоль берега мимо Керкинитиды, Калос Лимена, Ольвии, Тиры, Истрии. Для организации посольств

¹⁸ Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. С. 23–27; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 40–44; он же. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 78, 87, 88.

к гераклеотам и синопейцам, а также к наместникам провинции Вифиния-Понт, Херсонес наверняка пользовался услугами навклеров и кибернетов, уроженцев Южного Понта, в частности синопского хозяина судна Гая Кая Евтихиана¹⁹. На западном пути им могли помогать выходцы из греческих городов Северо-Западного и Западного Понта, включая граждан Тиры Диофанта и его брата Сатира, сыновей Герака, хорошо знавших тамошние воды. Не исключено, что большинство херсонесских посольств в Рим направлялось через Нижнюю Мезию и их также перевозили на кораблях местные навклеры. Мы можем предположить в данной связи, что Диофант входил в союз или гильдию (*oikos*, *στέλος*) навклеров Западного Понта, базировавшуюся в Томи, тогда как гераклеийские, синопские и амастрийские судовладельцы объединялись в аналогичный союз, располагавшийся в Амастрии²⁰. Подобная гильдия (или союз) засвидетельствована в надписи римской эпохи из храма в Медамуде: *Αἰλία Ἰουδώρα καὶ Αἰλία [α] Ὀυμπιάς ματρώσαι στολάται ναύκληροι καὶ [εἰ]μποροί...*²¹.

После экспедиции Плавтия Сильвана, освободившего город от угрозы нападения сарматов и тавро-скифов, Херсонес оказался еще теснее связан с Нижней Мезией, откуда римляне присылали гарнизоны, а местная провинциальная администрация отдавала распоряжения гражданской общине. Поэтому услуги навклеров из Тиры – города, напрямую зависевшего от администрации Нижней Мезии²², могли поощряться херсонесскими властями. Как следует из рассматриваемого декрета, они платили им за помощь золотыми статерами. В числе основных причин предоставления Диофанту проксении значится доставка в Херсонес Гая Сильвана, очевидно, поэта или драматурга, исполнявшего свои произведения под музыку на лире из панциря черепахи. Судя по имени, это был римлянин, поэтому учитывая, что тирасский навклер осуществлял плавания к западному побережью Черного моря, можно думать, что Гай Сильван прибыл в Херсонес Таврический на судне Диофанта именно из Нижней Мезии, а его визит к херсонесцам мог быть санкционирован администрацией этой римской провинции.

В настоящее время имеются данные для того, чтобы попытаться определить, кем являлся этот римлянин и почему он прибыл в Херсонес. Носителей римского когномена Сильван > *Silvanus* в Римской империи было достаточно много, но нас в первую очередь интересуют лица с личным именем Гай. Это *C. Caecilius Silvanus* – вице-префект Египта и *iuridicus Alexandriae* в 176 г. н.э. (CIL. VI. 1638 = RE. III. 1899. S. 1232 = PIR III. P. 247); *C. Ce(ionius) Silvanus* – консул 156 г. н.э. (CIL VI. 222 = ILS. 2161 = PIR. III. P. 247); *C. Gavius Silvanus* – патрон *coloniae Augusta Taurinorum*, принцепс VIII Августова легиона, в 43 г. н.э. центурион этого легиона, трибун *cohors vigilum*, *coh. XIII urbana*, *coh. XII praetoriae* в Риме (CIL. V. 7003 = Dessau I. 2701; Tac. Ann. XV. 50, 60, 61, 71; RE. VII. 1912. S. 870 = PIR. III. P. 247); *C. Julius Silvanus Melanio omnibus equestribus militiis functus*, *proc(urator) Aug(usti) Gallia Lugdunensis*, *procurator arg(entariarum) Dalmatiarum*, занимал общественные должности в муниципии *Domavianum*, был городским управляющим в *Domavia* и Лионе (CIL. III. 6575 = 7127 = Dessau. I. 1421; CIL. III. 12732, 12733 = Dessau. II. 5587; CIL. III. 12736; CIL. XIII. 1729; RE. X. 1919. S. 823; PIR. III. P. 247) в III в. н.э.²³ Еще один Сильван – сын Галлиена – упоминается у Зосима и в хронике Зонара (Zosim. I. 38; Zonar. XII. 24 – PIR III. 520). Как видим, никто из них не может быть отождествлен с Гаем Сильваном херсонесского декрета не только по роду деятельности, но и по причине хронологического

¹⁹ Сапрыкин. Херсонесские проксении... С. 221; он же. Херсонесская проксения синопейцу // ВДИ. 1998. № 4. С. 43 сл.

²⁰ Velissaropoulos J. Les nauleres grecs. P., 1980. P. 104.

²¹ Ibid. P. 115–117.

²² Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 93; Зубарь В.М., Сон Н.А. Греки и римляне в Нижнем Поднестровье. Киев, 1996. С. 38.

²³ Hirschfeld O. Römische Verwaltungsgeschichte. B., 1877. S. 309; Rostowzew M.I. Geschichte der Staatspacht in der Römischen Kaiserzeit bis Diokletian. Lpz., 1902. S. 121; Pflaum H.G. Les procureurs équestres sous le Haut-empire romain. P., 1950. P. 190 со ссылкой на CIL. VI. 1648.

порядка, ибо они не занимали должностей в 130-х – 140-х годах н.э. и не имели никакого отношения к культурной жизни. Поскольку прибывший к херсонеситам Сильван был музыкантом, круг поиска надо сузить до римских деятелей культуры. Среди них известны трое по имени «Сильван»: ритор Сильван, епископ (episcopus) в Филиппополе и Троаде в позднеримскую эпоху уже после официального принятия христианства (Socrat. H.E. VII. 37); философ Сильван, названный в лексиконе Суды во всем прилежным, святым, очень простым и открытым (Suid. s.v. Σιλβανός, φιλόσοφος. ὅς ἐπιεικής μὲν ἦν τὰ ἄλλα καὶ ἱερός. ἀπλούστερος δὲ τὰ ἥθη καὶ ἐπιπόλαιος, см. PIR. III. 519), – не исключено, что это одно и то же лицо; некий Сильван, упоминаемый Марком Аврелием, – «когда вы видите Сатириона, Евтиха и Гимена – представляйте последователя Сократа, или Евфрата, когда видите Евтихиона или Сильвана; Алкифрона, когда вы видите Тропеофора; и Критона и Ксенофонта, когда видите Севера» (Marc. Aurel. Med. X. 31). Кем был упомянутый Сильван, достоверно неизвестно²⁴. В отрывке Марка Аврелия он фигурирует среди в основном неизвестных лиц, среди коих лишь трое более или менее знамениты – историк Ксенофонт, Критон, друг Сократа, и Евфрат – софист, учитель и наставник Плиния Младшего (см. Epist. I. 10)²⁵. Наиболее обстоятельный комментарий этого пассажа Марка Аврелия сделан К. Гиллом, согласно которому данная фраза означает следующее: «Когда вы видите живущего человека, подумайте об одинаковом с ним уже умершем деятеле и напомните себе о человеческой смертности. Три первых имени – неизвестные и должны являться членами современной Академии – последователями Сократа и Платона; Евтихион, Сильван должны быть современными (Марку Аврелию. – С.С.) стоиками, как и Евфрат – учитель Плиния Младшего (I в. н.э.). Тропеофор и современный ему Алкифрон не могут быть идентифицированы; Север, вероятно, друг философов, как и друзья Сократа – Критон и Ксенофонт»²⁶. Сочинение Марка Аврелия написано в 170-х – 180-х годах н.э., поэтому Сильван, названный среди философов и историков как его современник, творил во II в. н.э. – по времени это совпадает с датой херсонесского декрета. К. Гилл считает его стоиком, что возможно, однако уверенно говорить о нем как о философе только исходя из контекста означенной фразы было бы преждевременно. Ведь среди перечисленных лиц были историк Ксенофонт, почитатель Сократа Критон, Север, консул 146 г. н.э., префект Рима, уроженец Пафлагонии²⁷. Поименованный Сильван мог примкнуть к философам-стоикам и воспринять их мировоззрение, вообще быть их другом – любителем модной в то время поздней Стои, занимаясь при этом совсем другими вещами. Поэтому с некоторой долей осторожности мы готовы выдвинуть предположение: Гай Сильван, доставленный в Херсонес Таврический приблизительно во второй четверти II в. н.э., и Сильван, упоминаемый как современник Марка Аврелия (120–180 гг. н.э.), – это один и тот же человек.

Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что он был известен и почитаем херсонеситами, и то, что для его доставки был выбран специальный навклер, которому доверяли власти города, а для того, чтобы привлечь его в Таврику, херсонесский Совет вынес даже специальное постановление. А поскольку навклер Диофант получил за его сопровождение и доставку проксенические привилегии, то посещение Сильваном Херсонеса расценивалось как выдающееся для города событие. Это означает, что Гай Сильван был широко известен не только херсонесцам, но и популярен во всей Римской империи. Поэтому он и был упомянут его современником Марком Аврелием среди выдающихся деятелей культуры эпохи античности.

Согласно надписи, если наши конъектуры, разумеется, справедливы, Гай Сильван играл на лире-chelys в виде панциря черепахи и под музыку декламировал стихи, оды

²⁴ Stein. Silvanus (2) // RE. 1929. Bd. III. Ht 2. S. 125; PIR III. 519.

²⁵ Rutherford R.B. Commentaries, in the Meditations of Marcus Aurelius Antoninus. Oxf. – N.Y., 1989. P. 176.

²⁶ Gill K. Notes, in Marcus Aurelius. Meditations. Ware, 1997. P. 147.

²⁷ О нем подробно см. Hadot P., Luna C. Marc Aurele. Écrits pour lui-même. T. I. P., 1998. P. CXIV.

или исполнял песни. Это было широко распространено среди поэтов-лириков и драматургов в древней Греции и Риме. В эллинских драмах, особенно в сценах с сатирами, часто использовались музыкальные инструменты – флейты и лиры. Под лиру пели хоральные оды в комедиях Аристофана, трагедиях Эсхила и Еврипида, которые сами составляли и музыкальное сопровождение, но чаще всего лира звучала при исполнении радостных песен в обычной повседневной жизни²⁸. В лирической поэзии лиру *chēlys* стали применять со времен Архилоха наряду с кифарой и формингой. Поэты классической Греции часто пользовались струнными инструментами: Симонид (556–468 гг. до н.э.), например, имел восьмиструнную лиру, Фринис (V в. до н.э.) – девятиструнную, а Тимофей – даже десяти-одиннадцатиструнную. Древнегреческая музыка и ее исполнение очень сильно зависели от поэзии (Plato. Rep. III. 400), стихи и мелодия у эллинских поэтов были столь близки, что исполнители знали размеры партий из размера слов текстов, которые они пели²⁹, так же как и в Риме, особенно если исполнители пели греческие песни или исполняли стихи на греческом языке. Коль скоро Сильван был приглашен в эллинскую общину Херсонеса как популярный среди ее членов исполнитель, то он скорее всего мог сочинять музыку, понятную дорийским грекам, а оды и песни петь по-гречески. Трудно сказать, был ли он сам исполнителем собственных сочинений или являлся прекрасным аккомпаниатором песен и хоральных од известных эллинских поэтов и драматургов, но то обстоятельство, что граждане Херсонеса, как следует из надписи, были его внимательными слушателями, заставляет предположить, что Гай Сильван пел и исполнял музыку, по всей видимости, к своим собственным произведениям. Не исключено, что он был приглашен для выступления на каком-нибудь священном празднике, возможно, даже в честь бога Гермеса, весьма популярного среди херсонеситов. Но это предположение основывается пока только на одном факте: Сильван играл на лире из черепашого панциря, которую изобрел этот бог.

Визит Сильвана в Херсонес свидетельствует о том, что даже в римскую эпоху греки – граждане этого полиса – не забывали классические традиции своих предков, жили активной культурной и общественной жизнью, приглашали известных музыкантов, драматургов, ваятелей, поэтов. Новым стало лишь то, что теперь это были не только чистокровные эллины, но и римляне, воспринявшие богатую греческую культуру.

Приглашение известных артистов для выступления всегда было составной частью образа жизни древних греков в античных городах Северного Причерноморья. Из стратегем Полиена мы знаем, что еще при боспорском тиране Левконе I в Пантикапее прибыл известный олинфский кифаред Аристоник, который должен был выступать в театре при большом скоплении жителей (Polyaen. V. 44). Чуть позже при Перисаде I столицу Боспора посетил знаменитый афинский кифаред Стратоник, встречавшийся лично с боспорским владыкой (Athen. VIII. 349d). В обоих случаях, как и визит в Херсонес Гая Сильвана, это было выдающимся событием для местных жителей, поэтому даже сами боспорские тираны не гнушались лично принимать и приглашать к себе артистов. А Диофант, сын Герака, удостоился даже проксении за то, что доставил на своем корабле известного кифареда. В этой связи интересно, что в морской практике древних греков и римлян специальных кораблей для перевозки пассажиров обычно никогда не выделялось, люди сами искали и находили подходящие суда, отбывавшие в нужном им направлении³⁰. В случае с Гаем Сильваном можно предполагать исключение, – очевидно, за ним был специально послан корабль, и навклер Диофант лично ([αὐ]τός в стк. 8) перевез его в Херсонес. Если так, то мы можем даже попытаться определить, какое место в морской табели о рангах того времени занимал тирасский навклер. Как известно, основными членами команды

²⁸ Pickard-Cambridge A. The Dramatic Festivals of Athens. Oxf., 1988. P. 165, 182, 183; Anderson. Op. cit. P. 58, 59.

²⁹ Sachs C. Rhythm and Tempo. A Study in Music History. N.Y., 1953. P. 116, 117; West. Op. cit. P. 64.

³⁰ Casson L. Travel in the Ancient World. L., 1974. P. 153.

на торговых и пассажирских судах являлись навклер, кибернет и прорей. В обязанности навклера входило размещение пассажиров, обеспечение для них надлежащего комфорта во время плавания. Навклер при этом мог быть собственником судна, а кибернету мог поручать командование кораблем. Нередко бывало, что навклер выступал и как капитан-кибернет, поэтому в обиход вошел даже термин *навκληροκυβερνήτης* (Par. Flot. 75)³¹. Навклер подчинялся собственнику корабля, остававшемуся на берегу только тогда, когда не имел навыков управления судном³².

Поскольку в проксеническом декрете в честь Диофанта, сына Герака, сказано, что он лично доставил в город Гая Сильвана, то, видимо, можно предполагать: тирасский навклер был и капитаном и судовладельцем в одном лице, т.е. он понимал в навигации и выступал в качестве кибернета в исключительных и наиболее важных плаваниях, будь то отправка посольств или сопровождение такой важной персоны, как Гай Сильван.

Дарование почестей морякам за доставку морем и благополучное прибытие к месту назначения важных особ – не редкость в Римской империи. Известны два письма-обращения императора Адриана к властям Эфеса от 128–129 гг. н.э., в которых он рекомендует принять в число членов Совета Луция Эраста и Филокурия, очевидно навклеров или кибернетов, за то, что они благополучно доставили императора сначала на остров Родос из Эфеса, а впоследствии из Элевсина в Эфес, а также за то, что они оба регулярно доставляли по морю проконсулов провинции Азия. Адриан говорит, что будет проведена проверка-докимасия о включении названных лиц в состав буле со всеми вытекающими привилегиями, но если сразу это сделать не удастся, то он готов дать необходимое количество денег для избрания их во власть, если будет принято решение о размере суммы, которую должны внести члены Совета для этой процедуры³³. Поэтому дарование проксении в Херсонесе судоводителю за услуги городу по доставке важных персон вполне укладывается в общераспространенную практику вознаграждений морякам, принятых в греческих общинах восточных римских провинций.

Таким образом, рассматриваемый декрет является важнейшим источником для изучения культурной жизни Херсонеса Таврического в римское время. Он свидетельствует о пребывании в этом городе известного исполнителя музыки на лире Гая Сильвана, римлянина, о котором мог говорить в своем сочинении император-философ Марк Аврелий Антонин. По всей вероятности, он был близок к кругу философско-стоиков, хотя мог быть поэтом или драматургом, исполнителем собственных произведений – стихов, гимнов, од, пьес и т.п., сопровождавшихся игрой на музыкальных инструментах. Выступление его стало чрезвычайным событием в истории Херсонеса, поэтому за его доставку в город навклер из Тиры Диофант, сын Герака, получил особые почести от херсонесцев в виде предоставления ему прав гражданства.

С.Ю. Сапрыкин

MUSIC AND PUBLIC LIFE IN TAURIC CHERSONESUS IN THE IMPERIAL PERIOD: A NEW LOOK AT INSCRIPTION IOSPE. I². 365.

S.Yu. Saprykin

The article is concerned with a new reading of – and commentary upon – an inscription from Tauric Chersonesus (IOSPE I². 365), a proxenic decree issued in AD 130–40 to Diophantos, son of Herakes, a captain from Tyras. The first publisher, Jurgeвич, interpreted the inscription as a decree in honor of the Pontic general Diophantos, son of Asklepiodorus, known from the famous inscription under his statue,

³¹ Velissaropoulos. Op. cit. P. 75–81.

³² Rouge J. Ships and Fleet of the Eastern Mediterranean. Middletown, 1981. P. 184.

³³ Die Inschriften von Ephesos. V: Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd 15. Bonn, 1980. № 1487, 1488.

discovered in Chersonesus earlier. V. Latyshev linked it instead, correctly, to a series of proxenic decrees from Chersonesus during the Roman period. Both missed some very important letters on stone, however, which provide new information about Chersonesus in the first half of the 2nd century AD.

The decree was adopted in honor of the naucleros from Tyras, Diophantos, son of Herakes, who was engaged in transporting ambassadors from Chersonesus by sea. The main point for which he was honored, however, seems to have been his bringing to Chersonesus a Roman lyra-player (*chelyklonon*) named Gaius Silvanus – probably an actor, musician, or poet, who sang songs in Greek to musical accompaniment. This Roman was invited to Tauric Chersonesus, the decree indicates, and adopted by the Council and Assembly of the polis-state, as a well-known performer. This Gaius Silvanus might be identified with a certain Silvanus, mentioned by the emperor Marcus Aurelius Antoninus in his *Meditations*, along with a number of distinguished philosophers, statesmen, and historians of the Greco-Roman world (some of them his contemporaries). Gaius Silvanus' visit to Chersonesus Taurica was a great event for the city, so its government honored Diophantos of Tyras for his assistance in following this famous Roman from Lower Moesia to the Crimea.

ПО ПОВОДУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДАТИРОВКИ НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ, СВЯЗАННЫХ С РИМСКИМ ВОЕННЫМ ПРИСУТСТВИЕМ В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

Херсонес Таврический среди всех античных центров Северного Причерноморья, пожалуй, наиболее тесно был связан с Римской империей, а с середины II в. н.э. стал главным центром римского военного присутствия в Таврике. Несмотря на то что изучение римских древностей Херсонеса ведется уже давно и плодотворно, до настоящего времени остается еще много белых пятен, которые требуют дальнейшего изучения, а также дискуссионных вопросов, на которые исследователи смотрят по-разному. Поэтому здесь хотелось бы остановиться на проблеме локализации на территории Херсонеса района проживания гражданских лиц, связанных с римскими войсками, а также высказать свою точку зрения относительно датировки и интерпретации одного недавно опубликованного эпиграфического памятника.

Общеизвестно, что на протяжении второй половины II – первой половины III в. в Юго-Западной Таврике дислоцировались римские войска со штаб-квартирой в Херсонесе. Помимо Херсонеса следы присутствия римских гарнизонов и военных постов зафиксированы на Гераклеюском полуострове, на территории современной Балаклавы, на городище Алма-Кермен в среднем течении р. Альмы и на мысе Ай-Тодор. Не исключено, что римские военнослужащие могли дислоцироваться и в других пунктах Юго-Западного Крыма, но пока об этом можно говорить лишь на основании косвенных данных¹.

Наряду с римскими военнослужащими в Херсонесе и, возможно, на территории Харакса проживали гражданские лица – выходцы из римских провинций, члены семей римских солдат, а также ветераны римской армии, о чем свидетельствуют памятники латинской эпиграфики и некоторые весьма специфические предметы материальной культуры². Об этом, помимо уже известных, свидетельствует одно латинское надгробие, которое недавно по-новому восстановил и интерпретировал Т. Сарновский.

Памятник обнаружен в 1952 г. и впервые опубликован Э.И. Соломоник³. Т. Сарновский, на основании сравнения этого надгробия с посвящением Вулкану на алтаре, обнаруженном в 1996 г. при раскопках римского опорного пункта на территории Балаклавы⁴, предложил новое прочтение этой эпитафии. По его мнению, надгробие поставлено центурионом XI Клавдиева легиона Антонием Прокулом и его женой Антонией Прокулой их дочери⁵. На основании этого памятника, как и ранее известных надгробий членов семей рядовых солдат⁶, можно заключить, что хотя местом службы центуриона Антония Прокула было древнее поселение в районе совр. Балаклавы, его семья, по всей видимости, постоянно жила в Херсонесе⁷.

¹ Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 44–78; Сарновски Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская база и святилище Юпитера Долихена. Warschau, 2000. С. 27–112.

² Подробнее: Зубарь. Херсонес Таврический... С. 90–92.

³ Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 144 сл. № 65; она же. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 53. № 24.

⁴ Зубар В.М., Сарновский Т., Савеля О.Я. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. 1997. № 4. С. 74 сл.; Зубарь В.М., Сарновский Т., Савеля О.Я. Новые эпиграфические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1999. № 2. С. 206 сл.

⁵ Савеля О.Я., Сарновский Т. Две латинские надписи из Балаклавы и Херсонеса // ВДИ. 1999. № 1. С. 42–44; Сарновски, Савеля. Балаклава... С. 198–200.

⁶ См. Зубарь. Херсонес Таврический... С. 90–92.

⁷ Савеля, Сарновский. Две латинские надписи... С. 43; Сарновски, Савеля. Балаклава... С. 200.

В местах постоянной дислокации римских воинских частей гражданское население, связанное с определенными подразделениями, и члены семей солдат жили в *сапабае* или *vicus* – специальных поселках, располагавшихся неподалеку от военных лагерей. Как правило, такие гражданские поселения рядом с римскими постоянными лагерями зафиксированы в основном в неурбанизированных западных провинциях империи. В восточных провинциях роль таких гражданских поселений выполняли города, где дислоцировались римские воинские части⁸. В Таврике рядом с пунктами дислокации римских частей пока не открыто следов таких *сапабае* или *vicus*. А это, в свою очередь, позволяет предполагать, что гражданское население, связанное с римскими войсками, концентрировалось главным образом в Херсонесе⁹.

В свое время было высказано предположение, что таким своеобразным *сапабае* могли быть кварталы в так называемом Портовом районе Херсонеса, ограниченные 16, 18 и 22 куртинами и связанные с римской цитаделью калиткой в 18 куртине¹⁰. Косвенно это подтверждается находками культовых рельефов фракийского круга в жилых кварталах Портового района. Здесь могли селиться и ветераны римской армии, которые после окончания службы оставались в Херсонесе¹¹, где привилегии, полученные после отставки¹², открывали перед ними достаточно широкие перспективы в гражданской жизни. Не исключено, что одновременно с размещением римского гарнизона в Херсонесе был выделен специальный район в пределах городской черты и для его *сапабае*, как в других местах¹³. В этом отношении весьма показательны крайне фрагментарные эпиграфические памятники, которые вполне могли быть частями эдиктов или распоряжений достаточно высоких лиц римской администрации¹⁴. Судя по сохранившимся фрагментам, речь в них шла о выделении каких-то границ, в пределах которых мог размещаться римский гарнизон и связанное с ним гражданское население¹⁵, хотя плохая сохранность надписей не позволяет настаивать на этом безоговорочно.

Вместе с тем хорошо известно, что территория, где проживало гражданское население, связанное с римскими войсками, подпадало под юрисдикцию, действовавшую в местах расположения легиона или римского гарнизона¹⁶, и для него должен был быть выделен специальный район¹⁷. Поэтому не исключено, что в этих памятниках речь шла не только о выделении места для размещения римского гарнизона, но и для связанного с ним гражданского населения, ибо вряд ли императорские рескрипты или письма наместников провинции Нижняя Мезия могли касаться выделения мест

⁸ Vittinghoff F. Die rechtliche Stellung der canabae legionis und die Herkunftsangabe castris // Chiron. 1971. Bd 1. S. 299–318; Sarnovski T. Das römische Heer im Norden des Schwarzen Meeres // Archeologia. 1988. T. 38. S. 81; Junkelmann M. Die Legionen des Augustus. Mainz am Rhein, 1991. P. 143–146.

⁹ Ср. Савеля, Сарновский, Две латинские надписи... С. 44 сл.; Сарновски, Савеля. Балаклава... С. 199 сл.

¹⁰ Зубарь. Херсонес Таврический... С. 93 сл.

¹¹ Там же. С. 93–95.

¹² Подробнее см. Fijala E. Die Veteranenversorgung im römischen Heer vom Tod des Augustus bis zum Ausgang der Severerdynastie. Wien, 1955; Renz R. The Legal Position of the Soldier and Veteran in the Roman Empire. N.Y., 1972; Link S. Konzepte der Privilegierung römischer Veteranen. Stuttgart, 1989.

¹³ Ср. MacMullen R. Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambr. Mass., 1963. P. 78–80.

¹⁴ IOSPE. I². № 405, 695, 705.

¹⁵ Соломоник Э.И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3. С. 129; ср. Зубарь. Херсонес Таврический... С. 93.

¹⁶ См. Mócsy A. Das Territorium Legionis und die Canabae in Pannonien // AA. 1953. 3. Fasc. 1/4. P. 199; Oliva P. Pannonia and the Onset of Crisis in the Roman Empire. Prague, 1962. P. 340; Колосовская Ю.К. Паннония в I–III веках н.э. М., 1973. С. 112–113; Kandler M. Zur Territorium Legionis von Carnuntum // Limes. Akten des 11. Internationalen Limes Kongresses. Budapest, 1977. Sp. 145–154; Donevski P. Zur Topographie von Durostorum // Germania. 1990. Bd 68. Ht 1. S. 242.

¹⁷ MacMullen. Op. cit. P. 78–80.

проживания проституток на территории «свободного» города, которым Херсонес в то время являлся¹⁸.

Все это и позволило в сугубо предположительном плане сделать вывод о том, что территория, располагавшаяся в непосредственной близости от римской цитадели и ограниченная 16, 18 и 22 куртинами, была своеобразной канабой. Причем в данном случае имелся в виду именно район города, где проживало гражданское население, связанное с римским гарнизоном, а не классическая канаба римского военного лагеря¹⁹. Однако такое заключение вызвало критику как по поводу использованной терминологии²⁰, так и по существу, в частности по поводу наличия «специальных римских кварталов для штатского населения» в Херсонесе, «хотя факт наличия в городе не только семей римских военных, но и других категорий римского гражданского населения несомненен»²¹.

Действительно, настаивать сейчас на том, что Портовый район Херсонеса во второй половине II – первой половине III в. был местом размещения гражданского населения, связанного с римской вексильацией, нельзя, поскольку в пользу этого, как указывалось, имеются лишь косвенные данные. Но среди них особое внимание следует обратить на один пассаж в «Житиях святых епископов херсонских» – источнике, создание которого относится ко времени не ранее VI–VII вв.²² В нем, в частности, говорится, что для размещения солдат во главе с Феонией, сопровождавших епископа Капитона, был выделен район в восточной части города²³. Причем, судя по текстам «Житий», горожане были оттуда выселены, чтобы освободить место для солдат и епископа²⁴. Не абсолютизируя достоверность этого во многом тенденциозного источника, хотелось бы только отметить, что он безусловно написан людьми, хорошо знакомыми с местными условиями Херсонеса²⁵, и, вероятно, может отражать практику, сложившуюся в отношениях между римским гарнизоном и гражданской общиной херсонеситов в более раннее время.

Следовательно, несмотря на отсутствие прямых источников, есть основания предполагать, что если римские посты или гарнизоны дислоцировались в ряде пунктов Таврики, то гражданское население, связанное с римскими военнослужащими, проживало главным образом в Херсонесе, где располагалось командование римских вооруженных сил. Для его размещения был скорее всего выделен специальный район в непосредственной близости от цитадели на территории, которая находилась под юрисдикцией римского военного командования, что было зафиксировано в соответствующих документах римской администрации. Как представляется, в пользу этого косвенно свидетельствует не только наличие калитки в 18 куртине, которая связывала Портовый район с римской цитаделью, но и ряд весьма специфических памятников материальной и духовной культуры, обнаруженных здесь в процессе раскопок²⁶.

В 1995 г. в ходе работ в Портовом районе Херсонесе во время разборки кладок средневекового времени был обнаружен массивный алтарь с остатками фрагментарной латинской надписи. На фронтальной поверхности алтаря частично сохрани-

¹⁸ *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев, 1998. С. 118–126.

¹⁹ *Он же.* Херсонес Таврический... С. 94.

²⁰ *Сапрыкин С.Ю., Дьячков С.В.* Новый римский алтарь из Херсонеса // ВДИ. 1999. № 4. С. 77.

²¹ *Савеля, Сарновский.* Две латинские надписи... С. 44.

²² *Латышев В.В.* Жития святых епископов херсонских. Исследование и тексты // Записки Императорской Академии наук. 1906. Серия VIII по историко-филологическому отделению. Т. 8. № 3. С. 13–18.

²³ *Он же.* Страдания святых священномучеников и епископов херсонских Василия, Капитона и иных с ними // ИАК. 1907. 23. С. 112; *Латышев В.В., Кекелидзе К.* Житие святых епископов херсонских в грузинской минее // ИАК. 1913. 49. С. 88.

²⁴ *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. 1994–1995. IV. С. 549.

²⁵ *Латышев.* Жития святых епископов... С. 34–57.

²⁶ *Зубарь.* Херсонес Таврический... С. 93–98; ср. *Сапрыкин, Дьячков.* Ук. соч. С. 77.

Рис. 1. Прорисовка надписи на алтаре 1995 г. по С.Ю. Сапрыкину и С.В. Дьячкову

лись три нижние строки посвящения. Буквы вырезаны ровно, по предварительной разметке, слова разделены интерпункцией. Сохранившаяся часть надписи С.Ю. Сапрыкиным и С.В. Дьячковым прочитана следующим образом:

- 1 VIR CLA[RET]
- 2 L IVL MVC[AZ]
- 3 ENVS TRIB [MI]

Реконструкция текста представлена издателями так:

- 1 vir cla[rissimus et]
- 2 L(ucius) Iul(ius) Muc[az]-
- 3 enus trib(unus) [mi(litum)]

Перевод: «...муж прекраснейший, и Луций Юлий Муказенус, военный трибун».

На основании латинской надписи, обнаруженной в Монтане, имя военного трибуна издателями восстановлено как Луций Юлий Муказенус²⁷. По мнению С.Ю. Сапрыкина и С.В. Дьяčkова, Луций Юлий Муказенус на территории Мезии, в Монтане, служил в должности бенефициария консулара I Итальянского легиона²⁸, а затем, повышенный

²⁷ Сапрыкин, Дьячков. Ук. соч. С. 71–78; ср. Saprykin S., Dyatchkov S. Un autel portant une inscription latine // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut moyen-âge. Leiden–Boston–Köln, 2000. P. 115–122.

²⁸ О бенефициариях подробнее см. Ott J. Die Mechanismen bei der Beförderung von Beneficiariern

Рис. 2. Прорисовка по электронной фотографии сохранившегося фрагмента надписи на алтаре 1995 г.

в чине до военного трибуна этого же легиона, командовал римскими войсками в Таврике. Хотя вплоть до военных реформ третьей четверти III в. это вряд ли могло иметь место, поскольку в римской императорской армии военные трибуны, как правило, были выходцами из сословия всадников, что и предопределяло их должностной статус в римской армии²⁹. Лишь после проведения указанных реформ стало возможным выдвижение особенно отличившихся центурионов на более высокие армейские должности³⁰.

Правда, авторы публикации не исключают и того, что Луций Юлий Муказенус мог быть и сыном Юлия Муказенуса, упомянутого в надписи из Монтаны. На основании датировки этого памятника и данных о присутствии римского гарнизона в Херсонесе в 250 г. они полагают, что алтарь может быть датирован первой половиной – серединой III в. Причем почетный титул лица, несохранившееся имя которого стояло перед именем военного трибуна, с точки зрения издателей, позволяет считать, что он был легатом I Итальянского легиона, под началом которого служил Луций Юлий Муказенус³¹. На основании известной сейчас организационной структуры римских войск в Таврике во II в. С.Ю. Сапрыкин и С.В. Дьячков делают вывод о том, что военный трибун Луций Юлий Муказенус осуществлял командование всеми римскими военными отрядами, расквартированными в Крыму в период около середины III в.³²

Однако предложенное восстановление надписи на алтаре, ее интерпретация и датировка вызывают определенные сомнения. В первую очередь это касается несоответствия опубликованных в статье фото и прорисовки текста восстановления надписи. В прорисовке нет CLA и букв VC после M, т.е. в начале имени Mucapenus, и буквы E перед NUS (рис. 1). Это, вне всякого сомнения, снижает степень достоверности

der Statthalter // *Le Hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le haut-empire. Actes du Congrès de Lyon.* Paris, 1995. S. 285–290; *idem.* Die Beneficiarier. Stuttgart, 1995.

²⁹ Подробнее см. *Devijver H.* Les milices équestres et la hiérarchie militaire // *Le Hiérarchie...* P. 175–191; *Wesch-Klein G.* Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit. Stuttgart, 1998. S. 13–21.

³⁰ Подробнее см. *Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. B., 1920. S. 1–23; *Nagy T.* Commanders of the Age of Gallienus // *AAN.* 1965. 17. P. 289–307; *Southern P., Dixon K.R.* The Late Roman Army. L., 1996. P. 4–38.

³¹ Сапрыкин, Дьячков Ук. соч. С. 74–77.

³² Там же. С. 71–78; Сапрыкин, Дьячков. Op. cit. P. 115–122.

восстановления имени на основании параллели с надписью из Монтаны. Помимо этого восстановление *vir clarissimus* в первой сохранившейся строке весьма проблематично, так как состояние памятника не позволяет говорить об этом более или менее уверенно.

Осмотр памятника в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический» и компьютерная обработка электронной фотографии надписи показали, что первая из сохранившихся строк не читается и не может быть более или менее убедительно восстановлена. Во второй строке достаточно четко читаются только буквы IVL и M, а в последней – NUS TRIB (рис. 2). Исходя из этого, надпись может быть реконструирована как IVL(ius) M(- -)NUS TRIB(unus). При этом сохранившаяся ее часть не позволяет убедительно восстанавливать имя трибуна как Муказенус. Вследствие того, что правая сторона алтаря сбита, трудно сказать, сколько здесь первоначально могло быть букв. Более того, имен, которые начинаются на M и заканчиваются на NUS, в латинской просопографии известно, по меньшей мере, несколько сотен³³, и это в свою очередь дает возможность предложить значительное количество вариантов восстановления имени этого военного трибуна.

Фрагментарный характер надписи на алтаре, к сожалению, не позволяет убедительно датировать памятник первой половиной – серединой III в., как это делают авторы публикации. Следует обратить внимание на то, что алтарь вытесан из известняка, а это в целом не характерно для материала, из которого изготовлялись памятники с латинскими надписями в Херсонесе во второй половине II – первой половине III в., а тем более, если принять восстановление *vir clarissimus*, титул, который принадлежал командиру I Италийского легиона сенатского ранга. Например, надпись 250 г. о восстановлении *scholae principalium* была вырезана достаточно небрежно не профессиональным резчиком, но на мраморной плите³⁴. По характеру материала и исполнению этот алтарь достаточно близок группе памятников с латинскими надписями рубежа III–IV вв., на что косвенно указывает форма написания букв M, S и V в последней строке надписи³⁵.

Исходя из этого сейчас вряд ли можно безоговорочно включать Юлия M(- -)нуса в число военных трибунов I Италийского легиона, на которых были возложены обязанности командования римскими войсками в Херсонесе в первой половине или середине III в.³⁶ Более того, сейчас установлено, что в 250 г. *scholae principalium* на территории, видимо, цитадели Херсонеса на свои средства восстановил Марк Ратин Сатурнин – центурион I Италийского легиона, которого, с высокой степенью вероятности, можно считать командиром римского гарнизона города³⁷. Ведь военные трибуны, командовавшие всеми римскими войсками в Таврике, известны только по источникам второй половины II в.³⁸ К тому же сейчас нет никаких оснований говорить, что где-то в Таврике, помимо Херсонеса, в середине III в. могли дислоцироваться римские войска³⁹. К этому следует добавить, что в эпиграфике Херсонеса

³³ Mócsy A., Feldmann R., Marton E., Szilágyi M. *Nomenclator provinciarum Europae Latinarum et Galliae Cisalpinæ cum indice inverso*. Budapestini, 1983. (Dissertationes Pannonicae. Ser. III, I). P. 370–398.

³⁴ Vinogradov Ju.G., Zubar V.M. *Die Schola Principalium in Chersonesos* // II Mar Nero. 1995/1996. II. S. 129–141; Виноградов Ю.Г., Зубарь В.М., Антонова И.А. *Schola principalium в Херсонесе* // НЭ. 1999. XVI. С. 71–80.

³⁵ Ср. Соломоник. Латинские надписи... С. 27 сл. № 2; с. 41 сл. № 12; С. 74 сл. № 53; Alföldy G. *Rez.: Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического*. М., 1983 // *Gnomon*. 1984. S. 784–786; Цукерман. Ук. соч. С. 553–556; Зубар В.М. Ще раз про римську військову присутність у Херсонесі в другій половині III – на зламі III–IV ст. // *Археологія*. 2000. № 3. С. 84–86.

³⁶ Сапрыкин, Дьячков. Ук. соч. С. 77.

³⁷ Vinogradov, Zubar. *Op. cit.* S. 139–141; Виноградов, Зубарь, Антонова. Ук. соч. С. 78–80.

³⁸ Зубарь В.М. О римской вексилляции Херсонеса в середине – второй половине II в. // *Старожитності Північного Причорномор'я і Криму*. 1999. 7. С. 97–98; Сарновски Т. К вопросу о римской оккупации Южного Крыма в свете новых данных // *Сарновски, Савеля. Балаклава...* С. 270.

³⁹ Подробнее см. Зубарь В.М. Крапивина В.В. О римском гарнизоне Ольвии в середине III в. // *Vita Antiqua*. 1999. № 2. С. 81.

известен трибун Флавий Вит, который руководил строительством во второй половине IV в.⁴⁰, а это является еще одним дополнительным, хотя и косвенным, аргументом в пользу предположения о достаточно позднем сооружении рассматриваемого алтаря.

Суммируя сказанное, следует отметить, что на основании имеющихся сейчас данных нельзя признать в достаточной степени обоснованными предложенные С.Ю. Сапрыкиным и С.В. Дьячковым как восстановление надписи, так и ее интерпретацию⁴¹. К сожалению, многие эпиграфические памятники дошли до нашего времени с разрушительными следами вторичного использования (алтарь, найденный в 1995 г., не является исключением), что снижает степень их информативности, а иногда, как и в данном случае, не позволяет убедительно реконструировать, датировать и интерпретировать надпись.

Итак, рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные только с двумя разными аспектами римского военного присутствия в Херсонесе, и становится ясно, сколько тайн и загадок хранит еще херсонесская земля. И остается ждать и надеяться, когда судьба или археологическая удача принесут новую находку или находки, которые позволят вернуться к анализу уже известных памятников и, казалось бы, решенных проблем, рассмотреть их в новом контексте и использовать для реконструкции истории этого уголка далекой северной периферии огромного античного мира.

В.М. Зубарь

ON THE INTERPRETATION AND DATING OF SOME MONUMENTS,
CONNECTED TO THE PRESENCE OF ROMAN MILITARY FORCES IN
CHERSONESUS TAURICA

V.M. Zubar

The article examines the question concerning the localisation of a part of Chersonesus inhabited by civilian citizens attached to Roman troops, and the interpretation of a recently published Latin epigraphic monument, discovered during the excavation of the Port district of the above area.

Analysis of archaeological data and written sources allows us to assume that the civilians connected with Roman troops were settled in a special area near the citadel and under the jurisdiction of the Roman military command. This is evidenced not only by the presence of a gate in the 18th curtain, connecting the Port district with the Roman citadel, and by a number of highly specific texts, but also by the data of the «Lives of the Saintly Bishops of Chersonesus».

At present it is impossible to fully accept the proposals of S.Yu. Saprykin and S.V. Diachkov with regard to the restoration and interpretation of a Latin inscription on an altar excavated in the Port district in 1995. The first of the inscription's lines is unreadable. In the second, only the letters IVL and M are clearly visible, and in the last line, only NUS TRIB. With this in mind, the inscription can be reconstructed as IVL(ius) M(- - -) NUS TRIB(unus). Moreover, the text may be dated not from the first half – middle of the 3rd century, but from the end of the 3rd to the beginning of the 4th century, although it would be premature to insist upon this, in view of the text's poor preservation.

⁴⁰ IOSPE. I². № 450; Латышев В.В. Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. 1901. 1. С. 56–59; Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. 23. С. 15.

⁴¹ Ср. Сарновски. Ук. соч. С. 270.

© 2002 г.

«ХРАМЫ» СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ В ЭПОХУ ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА

Целенаправленные археологические исследования древнейших неолитических памятников в различных районах Ближнего Востока проводятся начиная с 50-х, а особенно активно с 70-х годов XX в. К настоящему времени в Израиле, Иордании, Ливане, Сирии, Ираке и Турции охвачено раскопками более 450 поселений неолитического периода¹. Общей задачей этой воистину интернациональной работы является фиксация материальных свидетельств процесса неолитизации; определение и изучение узловых моментов становления производящих форм хозяйства; реконструкция различных сфер жизни древнейших земледельцев региона. В рамках отмеченного проекта многие памятники Восточного Средиземноморья эпохи докерамического неолита получили широкую известность. Помимо прочего они продемонстрировали исключительного богатый, яркий материал, характеризующий ритуальную практику того времени. Самыми информативными в данном контексте являются поселения Иерихон, Хаджилар, Телль-Рамад, Ашиклы-Гуюк, Айн-Газаль, Бейда, Бейсамун и Чатал-Гуюк. Свидетельства монументального строительства в слоях докерамического неолита представлены архитектурными остатками Иерихона в Палестине, Рас-Шамры в Сирии, Бейды в Иордании, Телль-Магзалии в Северо-Восточном Ираке и др. В большинстве своем массивные сооружения возводились в качестве укреплений.

Вместе с тем, открытие в последние два десятилетия монументальных общественных зданий особого назначения и выдающихся скульптурных изображений периода докерамического неолита на поселениях Чейеню Тепеси и Невали Чори в Северной Месопотамии (территория современной Юго-Восточной Турции) явились настоящей сенсацией в области изучения столь раннего этапа формирования ближневосточной цивилизации. Результаты исследований этих памятников нашли свое отражение как в зарубежных, так и в некоторых отечественных публикациях².

Начатые недавно, в 1995 г., раскопки Гебекли-тепе представили новые интереснейшие артефакты монументального строительства и удивительного скульптурного мастерства эпохи докерамического неолита. Обнаруженные свидетельства значительно расширили наши знания о мировоззрении древнейших земледельцев региона, а также явились еще одним подтверждением функционирования специальных общественных построек религиозного назначения на ранненеолитических поселениях Северной Месопотамии.

Цель настоящей работы – сопоставить полученные на Гебекли-тепе данные с материалами Чейеню Тепеси и Невали Чори. Сравнительный анализ архитектурных остатков и сопутствующих им свидетельств позволяет в какой-то мере выявить общие

¹ Ozdogan M. Preface // *Neolithic in Turkey*. Istanbul, 1999. P. 10.

² См., например: Брейвуд Р., Чембел Х. У истоков производящего общества в Юго-Восточной Анатолии // *Наука и человечество*. М., 1984. С. 67–77; Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989; Антонова Е.В., Литвинский Б.А. К вопросу об истоках древней культуры Переднего Востока // *ВДИ*. 1998. № 1. С. 37–47.

и локальные особенности строительства общественных зданий специального назначения в столь раннюю эпоху на севере Двуречья, что в свою очередь предоставит возможность более полного понимания истоков формирования монументальной храмовой архитектуры древней Месопотамии.

Хотя Чейеню Тепеси и Невали Чори находятся на расстоянии 160 км друг от друга, а Невали Чори удалено от Гебекли-тепе на 70 км, эти памятники расположены в единой эколого-географической зоне – регионе Урфа – Диярбакыр. Кроме того, на основе изучения орудийного репертуара, используемых приемов и техники строительства, а также других свидетельств было определено хронологическое и культурное соответствие поселений. В частности, главные фазы их функционирования в докерамическую эпоху относят к VIII тыс. до н.э. (период EPPNB – Early Prepottery Neolithic B / ранний докерамический неолит Б)³.

Климатические и ландшафтные особенности северной «холмистой стороны» Плодородного полумесяца, т.е. региона Урфа – Диярбакыр, расположенного у подножия гор Тавра и окаймляемого Евфратом и Тигром, представляли естественную среду обитания не только для мезолитических охотников и собирателей, стоянки которых здесь известны, но также и для людей неолитического периода. Флора и фауна переходной зоны – на границе между девственными лесами и степями – в XIII–VIII тыс. до н.э. была представлена множеством видов диких растений и животных. Некоторые из них идеально подходили для аккультурации и domestikации. В рассматриваемом регионе среднегодовое количество осадков составляет 480 мм. Зимние дожди, приносящие 92% годовых осадков, создавали условия для развития здесь неполивного земледелия. Ключи и пруды на известняковых участках до сих пор являются важной характеристикой региона. Именно рядом с ними основывались первые долговременные поселения. Следующим преимуществом этой территории являлось изобилие источников материала, необходимого для изготовления орудий труда. В этом отношении следует отметить богатые ресурсы горной цепи Тавра, в том числе источники обсидиана, обнаруженные рядом с ущельями, и залежи кремня, располагающиеся в районе известняковых подножий горной гряды. Кроме того, далеко не последнюю роль в обмене сырьем, технологиями и идеями сыграли географические характеристики региона, расположенного на пересечении главных сиро-месопотамско-анатолийских торговых путей⁴.

Первым широко известным поселением докерамического неолита Юго-Восточной Анатолии стал Чейеню Тепеси, который до сих пор сохраняет статус ключевого памятника для изучения процесса неолитизации на территории Ближнего Востока. Чейеню находится в холмистых предгорьях Тавра на высоте 830 м над уровнем моря в одной из широких долин у подножия низкой известняковой гряды, на берегу небольшой непересыхающей речки – одного из притоков Тигра. Раскопки были начаты в 1964 г. под руководством Х. Чембел и Р. Брейвуда совместно Стамбульским и Чикагским университетами. С 1978 по 1988 г. в работах на Чейеню активное участие принимал проф. Ширмер, директор германского Института истории строительства при университете в Карлсруэ вместе со своими сотрудниками и студентами. В 1990 г. к экспедиции присоединились ученые из Римского университета «La Sapienza». Всего, таким образом, было проведено 16 полевых сезонов в период 1964 – 1991 гг.⁵

Чейеню Тепеси представляет собой холм площадью около трех гектаров с высотой на разных участках от 4,5 до 6 м. Раннеземледельческие этапы существования телля относятся к периодам PPNA и PPNB, затрагивая начало PPNC. Приблизительно 22% общей площади поселения этой эпохи исследовано. Территория поселка имела размеры 100 × 200 м. В настоящий момент археологи выделяют четыре основных

³ Schmidt K. Frühneolithische Tempel // MDOG. 1998. 130. S. 22–23; Ozdogan M. Preface. P. 11; Hauptmann H. The Urfa Region // Neolithic in Turkey. Istanbul, 1999. P. 65, 70.

⁴ Hauptmann. The Urfa Region. P. 66–68.

⁵ Брейвуд, Чембел. Ук. соч. С. 68–72; Ozdogan A. Cayonu // Neolithic in Turkey. Istanbul, 1999. P. 35–36.

стадии развития раннеолитического поселения, которые в свою очередь на основании изменения планов строений и их фундаментов делят на шесть субфаз. Несмотря на то что базовые планы построек из разных слоев весьма несхожи друг с другом, отмечено последовательное развитие приемов и техники строительства, которые, очевидно, эволюционировали в рамках единой архитектурной традиции начиная со времени появления первых построек⁶.

В основании холма обнаружены остатки овальных в плане домов (Round Building). Их стены опирались на каменный фундамент, вкопанный в землю, и были сделаны из обмазанного глиной плетня. Углубленный по отношению к уровню почвы пол покрывался штукатуркой. В одном из раскопанных помещений он был красного цвета. Группы хижин древнейшего поселения располагались вокруг открытых пространств.

Ранние прямоугольные постройки, названные «решетчатыми» (Grill Building) за форму плана их наземного фундамента, постепенно сменяют круглоплановые жилища. Размеры домов в среднем составляли 10 × 3,5 м. Фундамент делался из грубо обтесанных камней, которые были уложены в несколько параллельных рядов с пустотами, оставленными между ними. Жилые полы, возводившиеся на каменных основаниях, были, таким образом, приподняты над землей. Стены и полы помещений тщательно обмазывались глиной и гипсом. Среди «решетчатых» построек также обнаружен дом, пол которого выделяется красным цветом. В отличие от предыдущих строений, внутреннее пространство рассматриваемых зданий делилось на несколько секций, в одной из которых помещали очаг. Как правило, остатки «решетчатых» домов фиксируют 5–6 последовательных перестроек, не придерживающихся единой ориентации. Со временем техника и планировка таких зданий заметно совершенствовались⁷.

На поздней стадии существования «решетчатых» построек их основания трансформируются в фундаменты с планировкой в виде каналов. Такие строения стали известны под названием «домов с каналами» (Channelled Building). Открытым дворам уже в этот период отводилась особая роль в жизни поселения. В частности, западный сектор представлял собой производственный участок с многочисленными мастерскими, построенными из непрочных материалов. Каждая мастерская специализировалась на определенном виде продукции.

В восточной части поселения огромное открытое пространство (приблизительно 1000 м²), свободное от жилых строений, судя по всему, служило общественным целям. На этой территории в земле было выкопано около 46 очажных ям различных размеров. Единственными постройками, расположенными с юго-восточной стороны от площади, являлись сооружения, сильно отличавшиеся от ординарных, – «Здание с плитами» и «Дом черепов». Еще одно большое строение (18 × 6,5 м), разрушенное во время возведения на его месте более позднего «Здания с мозаичным полом», возможно, также относилось к сооружениям особого назначения раннего периода.

Исследователи памятника указывают на воспроизведение некоторых древнейших строительных традиций в облике «особых» зданий Чейенно. Их полы не были приподняты с помощью фундаментов над поверхностью земли, как это делалось уже долгое время при строительстве жилищ «решетчатого» плана и «домов с каналами», а специально углублялись в почву. Кроме того, «Здание с плитами» в плане представляло прямоугольник с закругленными углами, а «Дом черепов» оставался овальным в течение по крайней мере трех его перестроек⁸. Выше было отмечено, что дома нижнего уровня Чейенно Тепеси представляли полуподземные конструкции и имели овальную планировку. Таким образом, есть основания полагать, что прототипом первых общественных построек на Чейенно стали древние жилища.

⁶ Ozdogan A. Cayonu. P. 41–42.

⁷ Ibid. P. 42–45.

⁸ Ibid. P. 46.

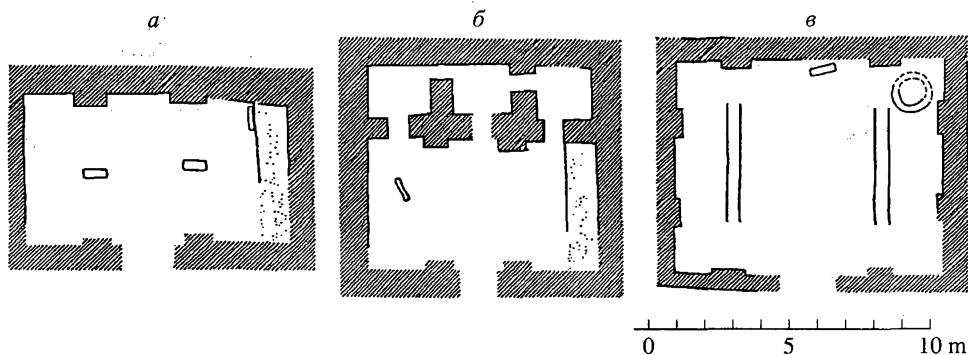

Рис. 1 а–в. а – Чейеню Тепеси. План «Здания с плитами»; б – Чейеню Тепеси. План «Дома черепов»; в – Чейеню Тепеси. План «Здания с мозаичным полом» (по: Hauptmann H. Ein Kultgebäude in Nevalı Cori // Between the Rivers and Over the Mountains. Roma, 1993. P. 67. Add. 28)

Первое из названных строений – «Здание с плитами» (рис. 1 а), располагалось на краю поселения, «в нескольких шагах» севернее от ручья, и на момент раскопок в результате эрозии южная его часть оказалась полностью разрушена. Соответственно зафиксировать длину постройки не удалось. Ширина достигала приблизительно 10,7 м. «Здание с плитами», не имея внутренних перегородок, состояло из одного большого помещения. Брейвуд и Х. Чембел назвали этот тип планирования ширококомнатным⁹. Исследователи отмечают, что из сохранившихся северная, тыльная стена строения была существенно толще, чем боковые. Из нее выступали на 0,50 м две пилястры, которым соответствовали удаленные от них на расстояние приблизительно 2 м две каменные стелы, установленные в центральной части помещения. С внутренней стороны постройки к восточной стене примыкала мощная, из двух рядов камней сооруженная конструкция в виде скамьи. Перед скамьей в северо-восточном углу помещения обнаружена еще одна вертикально установленная крупная каменная плита. Несколько углубленный пол постройки был вымощен аккуратно подогнанными друг к другу большими плоскими известняковыми плитами, длина самых крупных достигала 1,70 м. Вход, судя по всему, находился на юге.

А. Оздоган, один из авторов раскопок, считает, что в этот период практиковался обычай намеренного разрушения зданий перед их ритуальным «захоронением». До совершения «погребальной» церемонии все вещи из постройки выносились, оставались лишь некоторые объекты в качестве специальных даров, затем строение рушили и засыпали чистой землей. Подобной процедуре, очевидно, подверглось и «Здание с плитами»¹⁰.

Нижние уровни овального «Дома черепов» оказались сильно поврежденными последующими его перестройками. Тем не менее, там, под земляным полом, были выявлены две ямы, содержавшие множественные остатки первичных и вторичных захоронений. Погребенные в большой яме, точное количество которых не называется, сопровождалась рогами и черепами зубров. Маленькая яма включала вторичные захоронения 15 человек. Кроме того, на полу помещения было обнаружено много человеческих костей, среди которых встречены бусы, кремневый нож и другие предметы.

Помимо совершения погребений в пределах «Дома черепов» в этот период на поселении широко применялась практика захоронения мертвых во дворах, под полами

⁹ Брейвуд, Чембел. Ук. соч. С. 74.

¹⁰ Ozdogan A. Cayonu. P. 47; Schirmer W. Drei Bauten des Cayonu Tepesi // Festschrift für Kurt Bittel. Mainz, 1983. S. 473–475. Add. 8–10.

и стенами жилых построек. Отдельные фрагменты черепа и челюсти человека были найдены также внутри некоторых мастерских¹¹. Данные свидетельства еще раз подтверждают важность сохранения прямых (осязаемых) связей между ушедшими и живущими поколениями для людей ранненеолитического времени. По определению Е.В. Антоновой и Б.А. Литвинского, «эта черта представлений оседлых земледельцев – следствие их постоянного пребывания на одном месте, которое утверждалось и "освящалось" через их отношения с жившими здесь и здесь же погребенными умершими и выделявшимися среди них предками...»¹².

Представляется закономерным также строительство специального «Дома мертвых» на определенной стадии развития Чейеню. Культ предков, получив архитектурное оформление, был теперь сконцентрирован в одном месте и являлся наглядным выражением идей сознания общинного единства жителями поселка.

На следующем этапе развития Чейеню Тепеси фиксируются важные инновации как в архитектуре, так и в структуре поселения. В строительстве жилых помещений последовательно сменяются стадии «зданий с полами из булыжников» (Cobble-Paved Building), «клеточных строений» (Cell Building) и «домов с большой комнатой» (Large Room Building). Постройки теперь располагаются вдоль террас, специально укрепленных массивными стенами от ливней и наводнений.

Особенностью западного района в это время является тенденция огораживать открытые пространства, которые, таким образом, превращались в закрытые дворы. На их территории обнаружены многочисленные фрагменты инструментов, части поломанных браслетов, а также кости домашних животных, оленей и коз. Предполагается, что эти места служили для разделки туш животных, изготовления костяных и каменных орудий, обработки малахита¹³.

В восточном секторе поселения значительная территория вышеотмеченного открытого участка была сначала покрыта неровными булыжниками и утрамбована. Позже большая ее часть послужила основанием для так называемой «Площади» («Plaza») размером 60 × 20 м, аккуратно вымощенной обожженными кирпичами. Красноватая поверхность обновлялась, по меньшей мере, трижды. На самом раннем уровне там были установлены два ряда стел и две большие плиты. Вертикально стоящие каменные объекты сильно различались по своим размерам и форме. Самая высокая стела достигала 2 м в высоту. Высота самой маленькой – около метра. Как сообщают авторы раскопок, по крайней мере на одной из них сохранились следы красной краски, другие также имеют признаки моделирования. Во время второй перестройки стелы преднамеренно сломали и похоронили вместе с плитами под следующим слоем обожженных кирпичей. Все эти обстоятельства указывают на то, что по своим функциям «Площадь», очевидно, являлась «открытым» эквивалентом «уникальных зданий»¹⁴.

Новый прямоугольный «Дом с черепами» был возведен на месте старого овального и примыкал к «Площади» (рис. 1б). Здание несколько раз перестраивалось с небольшими изменениями и функционировало в течение всей субфазы «домов с полами из булыжника». Внешние размеры конструкции – 9,7 м с запада на восток и минимум 8 м с севера на юг. Она состояла из двух главных секторов, представленных тремя соединенными комнатами на севере (в первом варианте их было четыре) и большим, покрытым известняковой обмазкой огороженным двором на юге, который сообщался тремя дверными проемами с указанными помещениями. Пол маленьких комнат аккуратно вымощен камнями и тщательно отшлифован. Во время перестроек сооружения две каменные стелы, а также фрагменты известняковой плиты из предшествовавшего овального здания оказались замурованными в различных частях прямоугольного

¹¹ Ozdogan A. Cayonu. P. 46–47.

¹² Антонова, Литвинский. Ук. соч. С. 45.

¹³ Ozdogan A. Cayonu. P. 48–50.

¹⁴ Ozdogan M., Ozdogan A. Cayonu. A Conspectus of Recent Work // *Paleorient*. 1990. 15/1. P. 74; Ozdogan A. Cayonu. P. 50.

«Дома черепов»¹⁵. Внутренняя поверхность стен этого сооружения сохранила следы расписной штукатурки¹⁶. Одна из огораживающих двор стен была украшена черепом зубра с рогами. Вход в постройку находился на юге и оформлялся с двух сторон пилястрами. Рядом с западной стеной во дворе обнаружена отполированная каменная плита («altar») размером 2,60 × 1,65 м. Символическое и культовое назначение этой плиты, по мнению Х. Чембел, подтверждает тот факт, что розоватый камень, из которого она сделана, не встречается в окрестностях Чейеню. Более того, в результате проведенных лабораторных исследований на данной плите выявлены следы человеческой крови и крови животных¹⁷.

Здесь же был обнаружен еще один уникальный объект – древнейший глиняный сосуд в слоях рассматриваемого памятника. Раскрашенная красной охрой тарелка с невысоким краем и круглым основанием лежала на полу перевернутой¹⁸. Вероятно, ее можно рассматривать как специально оставленный дар перед «погребением» здания.

В северных комнатах сооружения не было выявлено каких-либо предметов, кроме фрагментов многочисленных человеческих захоронений. В целом в этом здании обнаружены останки не менее 400 человек. В рассматриваемый период в пределах «Дома мертвых» все захоронения, кроме одного, являлись вторичными и не содержали черепов. Тела мертвых помещали в ямы и специально приготовленные склепы. Однако покой могил постоянно нарушался. Более древние останки выносились из здания, а на их место помещали новые. В погребениях найдены клыки вепря, каменные бусины и другие объекты. Единственное первичное захоронение обнаружено под вымосткой в западной комнате.

В развалинах самого позднего строительного уровня «Дома мертвых» были собраны фрагменты 49 черепов. Большинство из них находилось в восточной комнате вместе с костями различных животных. Все черепа, первоначально выставившиеся на возвышениях, обнаружены в раздавленном состоянии на полу под слоем обломков стен здания. Помимо этого на территории, примыкающей к «Дому мертвых», выявлены ямы, наполненные человеческими костями, и единичные захоронения. Среди погребенных на данном участке было много детей и подростков¹⁹. Подводя итог вышесказанному, отметим, что применявшаяся практика проведения различных обрядов захоронения наглядно свидетельствует о дифференцированном подходе к «статусу» погребаемых. Такое положение в свою очередь указывает на существование определенных социальных групп, при формировании и функционировании которых, вероятно, особо учитывался возрастной критерий.

В течение субфазы «построек с полами из булыжников» захоронения в жилых кварталах не осуществлялись, по крайней мере мы можем утверждать, что они не были типичны. Поэтому в указанный период «Дом черепов» / «Дом мертвых» играл исключительно важную роль в социальной жизни поселения, и прежде всего как место «обитания» умерших общинников. Разделение внутреннего пространства комплекса на отдельные, различающиеся своими размерами и оформлением помещения, наличие «алтаря» в границах сооружения, череп зубра с рогами и следы росписи на стенах и, наконец, явные свидетельства повторных действий, осуществлявшихся с останками умерших, дают основания предполагать более широкое культовое назначение здания, а именно осуществление здесь жителями поселка определенных церемоний и ритуалов, связанных с представлениями о смерти и, судя по всему, направленных на сохранение связей коллектива живущих родственников с умершими предками. Такие взаимоотношения способствовали единению человеческого коллектива и устойчивости его существования в мире.

¹⁵ Ozdogan A. Cayonu. P. 50.

¹⁶ Брейвуд, Чембел. Ук. соч. С. 74; Schirmer. Op. cit. S. 469. Add. 1, 5–7, 11b.

¹⁷ Cambel H. Cayonu // Anatolian Studies. 1985. V. 35. P. 187; Cauvin J. Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. P., 1994. P. 120.

¹⁸ Mellink M.J. Archaeology in Anatolia // AJA. 1990. 94/1. P. 127; Ozdogan A. Cayonu. P. 50.

¹⁹ Ozdogan A. Cayonu. P. 51.

Авторы раскопок отмечают, что в круг представлений о смерти на Чейеню был, очевидно, включен «культ быка» («bull cult»), о чем свидетельствуют обнаруженные в «Доме мертвых» артефакты почитания зубра²⁰. Традиция размещения рогатых черепов или отдельно рогов крупных рогатых животных в особых постройках на поселениях докерамического неолита, помимо Чейеню, была зафиксирована в Телль-Асваде, Мурейбите, Телль-Халуле, Халлан Чеми (Северная Месопотамия)²¹, Загхе и Гандж Даре (Северо-Западный Иран)²², а также в широко известных более поздних «святылицах» Чатал-Гуока (Центральная Анатолия).

Финальный уровень существования постройки несет следы намеренного разрушения и пожара. Мощным слоем камней были завалены остатки здания. Исследователи памятника сообщают, что после совершения подобным образом церемонии «захоронения» самого «Дома мертвых» фундаменты «клеточных» построек стали использоваться жителями поселения в качестве погребальных помещений, а на краю площади возникло новое неординарное строение²³.

«Здание с мозаичным полом» (рис. 16) – еще одно монументальное ширококомнатное сооружение Чейеню Тепеси (внешние размеры 11,75 × 9 м). Оно, очевидно, два-три раза перестраивалось, сохраняя при этом основные свои параметры. С трех сторон стены сооружения имели ширину от 0,80 до 1,20 м. Однако юго-восточная, открытая к ручью длинная стена была заметно тоньше и имела ширину около 0,40 м. В ней находился вход. Все четыре стены данной постройки с внутренней стороны содержали по две пилястры. Ширина выступов составляла 1 м, глубина – 0,25 м. В связи с этим проф. Ширмер авторитетно заключает, что пилястры не являлись конструктивными по своим функциям, а имели «образный характер».

Кроме того, трудоемкое декоративное оформление пола показывает, что создатели придавали ему важное символическое значение. Пол представлял собой красно-оранжево-белую мозаику, сделанную из мелких камней, скрепленных гипсом. Два ряда каменной кладки находились в основании мозаики. Внизу лежали белые известковые плиты, тщательно подогнанные друг к другу, предварительно оббитые и скрепленные гипсовым раствором. Верхний слой был выложен мелкой цветной галькой на гипсовом растворе. Центр помещения пересекали две пары параллельных полос из белой гальки. Каждая полоса имела 5 см ширины и более 4 м длины. Белые линии как будто соединяли пилястры противоположных длинных стен постройки. В то же время протяженность линий точно совпадает с внешними сторонами пилястровых выступов коротких стен постройки. После того как цементирующий раствор мозаики затвердел, поверхность пола была залощена.

В северо-восточном углу здания выявлена прочная округлая конструкция (внешний диаметр приблизительно 1,25 м), представлявшая большую хорошо обработанную выемку в террасе. Ее кайма сделана из светлого известнякового материала, а поверхность внутренней части была окрашена в темный цвет. Данная конструкция, по мнению исследователей, могла служить очагом или печью. Севернее и несколько глубже обнаружены следы канала, сохранившего каменное покрытие, который, вероятно, принадлежал раннему варианту строения. В. Ширмер сообщает также о глиняной скамье, остатки которой зафиксированы с внутренней стороны перед северной стеной сооружения.

²⁰ Ibid.

²¹ Akkermans P.M.M.G. The Neolithic of the Balikh Valley, Northern Syria: a First Assessment // *Paleorient*. 1989. 15/1. P. 123; Loon M. van. The Oriental Institute Excavations at Mureibit, Syria: Preliminary Report on the 1965 Campaign // *JNES*. 1968. 27/4. P. 275; Molist M. Le Néolithique du IXème et VIIIème millenaire BP du Nord de la Syrie: Apports du site de Tell Halula (vallée de L'Euphrate, Syrie) // *Les Annales Archéologiques Arabes Syriennes*. Damascus, 1999. V. XLIII. P. 74; Rosenberg M. Hallan Cemi Tepesi: Some Further Observations Concerning Stratigraphy and Material Culture // *Anatolica*. 1994. 20. P. 121–140. Fig. 10.

²² Mellaart J. Western Asia during the Neolithic and Chalcolithic (about 12,000–5,000 Years Ago) // *History of Humanity*. V. I: Prehistory and the Beginnings of Civilization. L. – N.Y., 1994. P. 433.

²³ Ozdogan A. Cayonu. P. 52.

Неожиданными находками в «Здании с мозаичным полом» явились большая известняковая глыба, скульптурно обработанная в виде головы антропоморфного существа, а также каменная плита (сохранившаяся длина – 70 см) с рельефным, схематично исполненным изображением человеческого лица («размером с тарелку») на одной из ее узких сторон. Объекты обнаружены в переотложенном состоянии в северо-западном углу помещения²⁴. Долгое время они считались уникальными. Однако впоследствии подобные скульптурные произведения были в большом количестве встречены в других раннеолитических памятниках Северной Месопотамии – в Невали Чори и на Гебекли-тепе.

Для последней стадии функционирования Чейеню Тепеси в период PPNB отмечается общий упадок в жизни поселения, регулярная структура планировки которого нарушается. «Площадь» теряет свое значение и постепенно начинает застраиваться. В это же время прекращают свое существование здания специального назначения.

Суммируя наши сведения об особых постройках Чейеню Тепеси, в первую очередь отметим, что вышеописанные особенности их конструкции, оформления и сопутствующих материалов с несомненностью указывают на определенное различие узко-специального назначения данных строений, которые функционировали в различные периоды в восточной части поселения. Вместе с тем можно выделить существенные общие черты данных сооружений, отличающие их от остальных построек, исследованных на памятнике (рис. 1 а – в). В частности такими характеристиками являются наземное расположение стен неординарных строений (без фундамента) и ширококомнатный план их помещений. Широкий двор (или зал) «Дома мертвых» при наличии в северной части данной конструкции маленьких комнат проявляет определенное в этом отношении единство с остальными выдающимися сооружениями. Перед возведением наиболее древних из этих построек со стороны склона выкапывались котлованы, служившие им основанием. Особое внимание строители уделяли своеобразной отделке полов неординарных строений. Существование широкой каменной скамьи, прилегающей к северной или восточной стене, зафиксировано археологами для каждого здания. На длинных или на всех четырех стенах в этих постройках находились парные пилястры, имевшие символическое значение, возможно, совпадающее со значением стел, обнаруженных в «Здании с плитами» и в еще большем количестве – на «Площади». По мнению В. Ширмера, «роскошь» данных сооружений, большие затраты, которые потребовались для их строительства, определенно указывают на то, что они имели высокий статус, функционируя, вероятно, в качестве репрезентативных и/или культовых зданий.

На первый взгляд кажется непонятным, почему «уникальные общественные строения» располагались на самом краю поселения, на откосе, спускающемся к ручью. Фасады всех реконструированных выдающихся построек широкой стороной, своим входом открываются на юг, т.е. к ручью, в противоположную сторону от поселения. В то же время северная, тыльная стена «Здания с плитами» была заметно массивнее, чем остальные. Соответственно у здания «Террасо» в два-три раза тоньше других оказалась южная стена. А в случае с прямоугольным «Домом черепов», именно с северной стороны от широкого огражденного двора/зала располагались внутренние помещения, дополнительно укрепляя и без того самую массивную в этом строении стену. Очевидно, здесь мы наблюдаем ритуальное укрепление границы между освоенным людьми миром и чужим, непонятным и населенным сверхъестественными силами пространством, сопровождающееся ориентацией ритуальных зданий фасадом вовне, «лицом» в этот мир.

В общем странное расположение, ориентировка и другие названные выше архитектурные приемы семантически выделяли территорию, занимаемую рассмотрен-

²⁴ Schirmer. Op. cit. S. 464–469. Add. 1–4, 11a; Брейвуд, Чембел. Ук. соч. С. 74–75; Braidwood R.J. The Origin and Growth of a Research Focus – Agricultural Beginnings // Expeditions. Philadelphia, 1986. 28/2. P. 5; Бадер. Ук. соч. С. 221; Антонова, Литвинский. Ук. соч. С. 43 и др.

ными строениями из поселенческой среды, формируя, таким образом, особый участок, на котором функционировали значимые для всей общины сооружения.

По многим причинам поселение Неваля Чори называют двойником Чейеню Тепеси. Раскопки этого памятника, проводившиеся в 1983, 1985–1987 и 1989–1991 гг. совместной немецко-турецкой археологической экспедицией, дали новую информацию о неординарных строениях докерамического неолита. В 1992 г. Неваля Чори было затоплено при сооружении плотины имени Ататюрка.

Поселение находилось в трех километрах южнее Евфрата, располагаясь на террасе – площадке размером 90 × 40 м, под вершиной известняковой горы, на высоте 490 м над уровнем моря. Остатки жизнедеятельности поселения периода PPNB образовали здесь двухметровый культурный слой, в котором археологами было выделено пять уровней²⁵. Из них наиболее полно исследован третий.

Характерный тип жилого дома Неваля Чори – прямоугольная наземная постройка с несколькими помещениями, расположенными над каменным фундаментом. Подпольное пространство в основании домов делилось перегородками на поперечные каналы. При анализе строительных остатков памятника неоднократно отмечалось, что указанный тип построек относится к тому же виду, что и дома, встреченные в Чейеню Тепеси²⁶. Под полами многих жилых строений в Неваля Чори были обнаружены захоронения, в том числе множественные²⁷.

Раскопки третьего слоя представили выразительные свидетельства определенным образом организованной структуры поселения. Длинные прямоугольные дома, расположенные двумя рядами в основной части поселка, своей узкой стороной, с которой находился вход, смотрели на юго-запад – в направлении долины. На открытых пространствах между ними были выявлены очажные сооружения и другие хозяйственные приспособления. Подобно известной строительной традиции в Чейеню, при возведении нового дома основа предыдущего, как правило, опять использовалась после его разрушения или сноса. Ориентация построек (северо-северо-запад – юго-юго-восток) сохранялась на протяжении долгого времени.

Реконструкция остатков строений и сопутствующие им находки позволили сделать вывод о различном функциональном назначении помещений. В частности, авторами раскопок были идентифицированы, помимо жилых домов, хранилища и помещения, где делали кремневые орудия и изготавливали скульптуры²⁸.

Совсем иначе выглядела западная окраина поселка, сухим протоком отделенная от основной территории. На краю откоса выявлены выразительные остатки трех последовательно функционировавших, специфически оформленных монументальных сооружений, приемы строительства которых, планировка и интерьер во многом соотносимы с подобными характеристиками общественных зданий Чейеню. С северо-востока к постройкам примыкала массивная стена. Не выполняя никакого практического назначения, она, судя по всему, играла важную роль условной защиты сакрального участка и выделения его из общего поселенческого пространства (рис. 2).

По оценке исследователей памятника, древнейшее из указанных монументальных сооружений появилось одновременно с основанием поселения (слой 5). Последующие строения II и III, очевидно, относятся к 4-му и 3-му слою²⁹.

Перед сооружением старейшего строения I со стороны долины был выкопан котлован около 3 м глубины. На такой заранее спланированной и подготовленной площадке возведено здание. Тыльной стороной оно повернуто к склону, а со стороны долины было открыто. Автор раскопок отмечает, что его вид резко контрастировал

²⁵ Hauptmann. The Urfa Region. P. 70.

²⁶ Aurenche O. L'architecture de l'Anatolie du Sud-Est au néolithique aceramique // *Anatolica*. 1988. P. 9; Hauptmann H. Ein Kultgebäude in Nevali Cori // *Between the Rivers and Over the Mountains*. P. 39; Антонова, Литвинский. Ук. соч. С. 42.

²⁷ Hauptmann. The Urfa Region. P. 70–73.

²⁸ Hauptmann. Ein Kultgebäude... S. 39; *idem*. The Urfa region. P. 70.

²⁹ *Idem*. Ein Kultgebäude... S. 55.

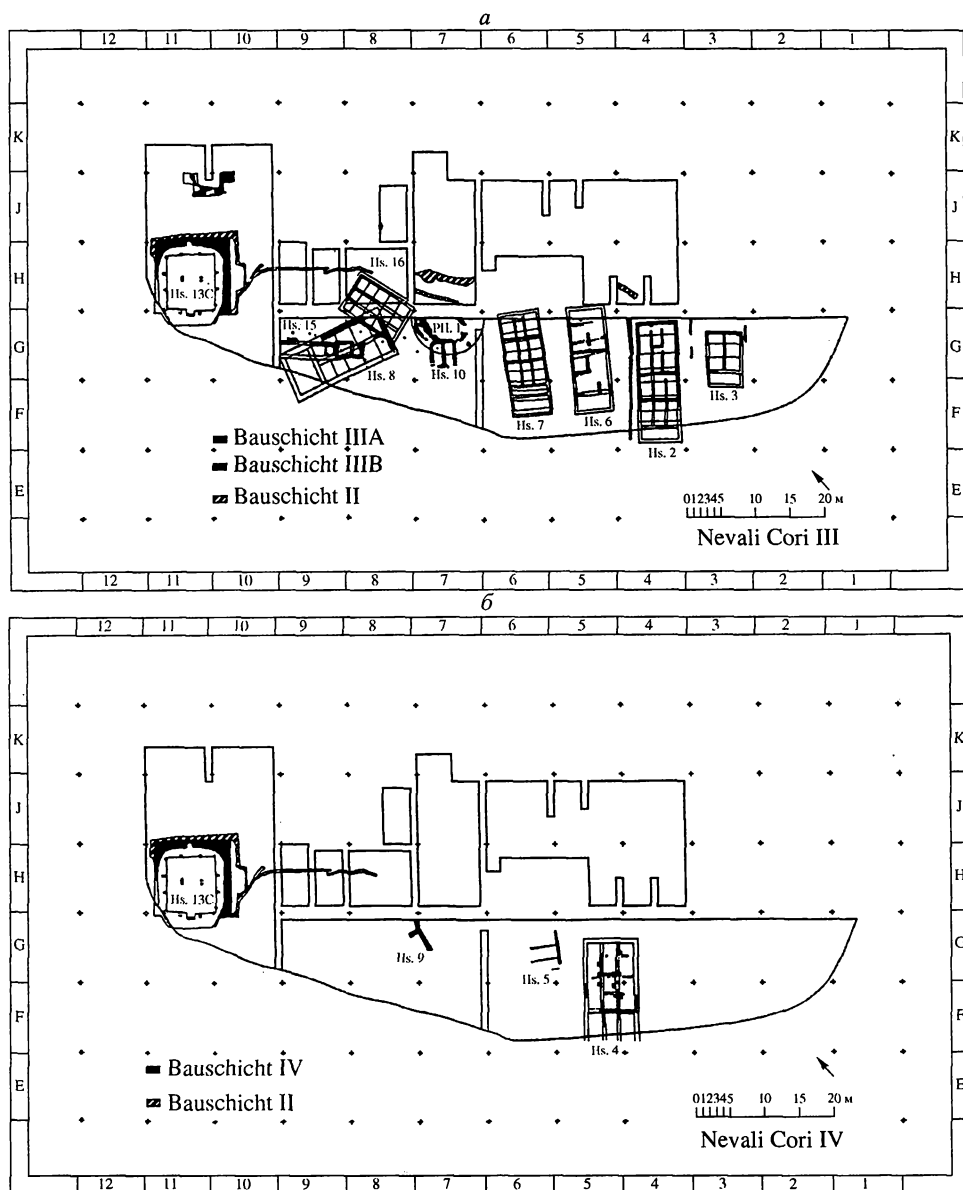

Рис. 2 а, б. Невали Чори. План поселения. Строительный горизонт III и IV (по: Neolithic in Turkey. Plates. Istanbul, 1999. P. 40. Fig. 3, 4)

с видом свободно расположенных стоящих рядами прямоугольных построек поселения, откуда оно производило впечатление скрытого, почти пещерного здания, в то время как со стороны долины оно должно было выглядеть величественно³⁰.

От строения I уцелела только часть юго-восточной стены. Обломки каменных стел и скульптур из этого здания были использованы при возведении более поздних сооружений.

³⁰ Ibid. S. 41–42.

Строение II сохранилось значительно лучше (рис. 3а). Почти квадратное здание (внешние размеры – $13,90 \times 13,50$ м), занимающее площадь около 188 м^2 , углами ориентировано по сторонам света. Окружавшая его стена сложена из бута и достигала 90 см ширины. Рядом с восточной частью этой стены выявлены канал и яма, которые на каком-то этапе существования постройки были засыпаны.

Внутри помещения с трех сторон перед стенами находилась высокая скамья шириной 1 м. Она была сооружена из бута и глины и покрыта большими каменными плитами. В эту скамью на расстоянии 2,30–2,40 м первоначально были вделаны основания 13 монолитных вертикально установленных скульптурных плит. В находящуюся напротив входа северо-восточную скамью было вмуровано пять из них, остальные располагались симметрично. Стелы в поперечном срезе прямоугольные ($0,50 \times 0,40$ м). От них сохранились главным образом нижние части. Однако найден фрагмент и верхней половины одной из этих плит, который выглядит Т-образно.

Ширина входа в постройку достигала 1,15 м. Две ступеньки вели в глубь помещения. В результате обнаружения некоторых артефактов, в частности сохранившихся у входа больших обломков каменных плит и вымостки из булыжников, автор раскопок Г. Хауптман предположил, что входом в постройку с внешней стороны здания служил укрепленный двумя вертикально стоящими плитами открытый вестибюль³¹.

Пол помещения был сделан с особой тщательностью из точно подогнанных друг к другу известняковых плиток, которые составили сверкающую серо-белую мозаику. Стены и скамейки внутри сооружения покрыты белой штукатуркой. В нескольких местах на штукатурке зафиксированы следы красного и черного цвета³².

В юго-восточной стене строения находилась специальная ниша шириной 1,85 м и глубиной 2,50 м, незаметная входящему. Г. Хауптман считает, что в ее дальней, самой сокровенной части находился постамент, основа которого состояла из обнаруженных здесь частей скульптурных стел более старого сооружения.

Несколько фрагментов известняковой скульптуры, украшавшей предшествующее здание, найдены замурованными в скамье и стенах строения II. Кроме того, при обновлении здания был установлен прямоугольный подиум на каменной скамье восточного угла также с использованием двух древнейших столбов Т- и Г-образной формы. В подиуме найдена спрятанная скульптура³³.

Строение III, включавшее в свое основание остатки строения II, немного меньше своего предшественника. Оно занимало площадь 155 м^2 и в плане представляло прямоугольник со сторонами $12,10 \times 12,80$ м (рис. 3б). Старый пол и окружающая стена были реконструированы. Юго-восточная стена здания полностью перестроена, за счет чего сократилась ширина помещения. Как и в строении II, с трех сторон по контуру комнаты располагалась каменная скамья. Только теперь она в углах плавно закруглялась. Ширина скамьи – 1,30 м. В скамью вделано 12 стел с промежутком в 2,50 м. Одна из них, выломанная из своего места, была найдена лежащей на полу. Она Т-образной формы, капитель полностью сохранилась, срез – $0,44 \times 0,33$ м, общая высота стелы – 2,35 м. В плоском рельефе хорошо видны слегка согнутые руки, которые с узкой стороны изображены полосами с тщательно выполненными пятипалыми кистями. Подобный вид имели и остальные сохранившиеся лишь фрагментарно опоры³⁴ (рис. 4). Для этого уровня Хауптман снова указывает на большую долю вероятности существования вестибюля перед постройкой. Вход, по его мнению, оформлялся двумя вертикально стоящими плитами.

Ниша теперь располагалась в противоположной от входа стене. В центре помещения находились две крупные стелы, расстояние между которыми давало возможность видеть нишу входящему. От этих монолитных плит, когда-то вмурованных в пол,

³¹ Ibid. S. 50.

³² Ibid. S. 46; Hauptmann. The Urfa Region. P. 74.

³³ Ibid.

³⁴ Hauptmann. Ein Kultgebäude... S. 50.

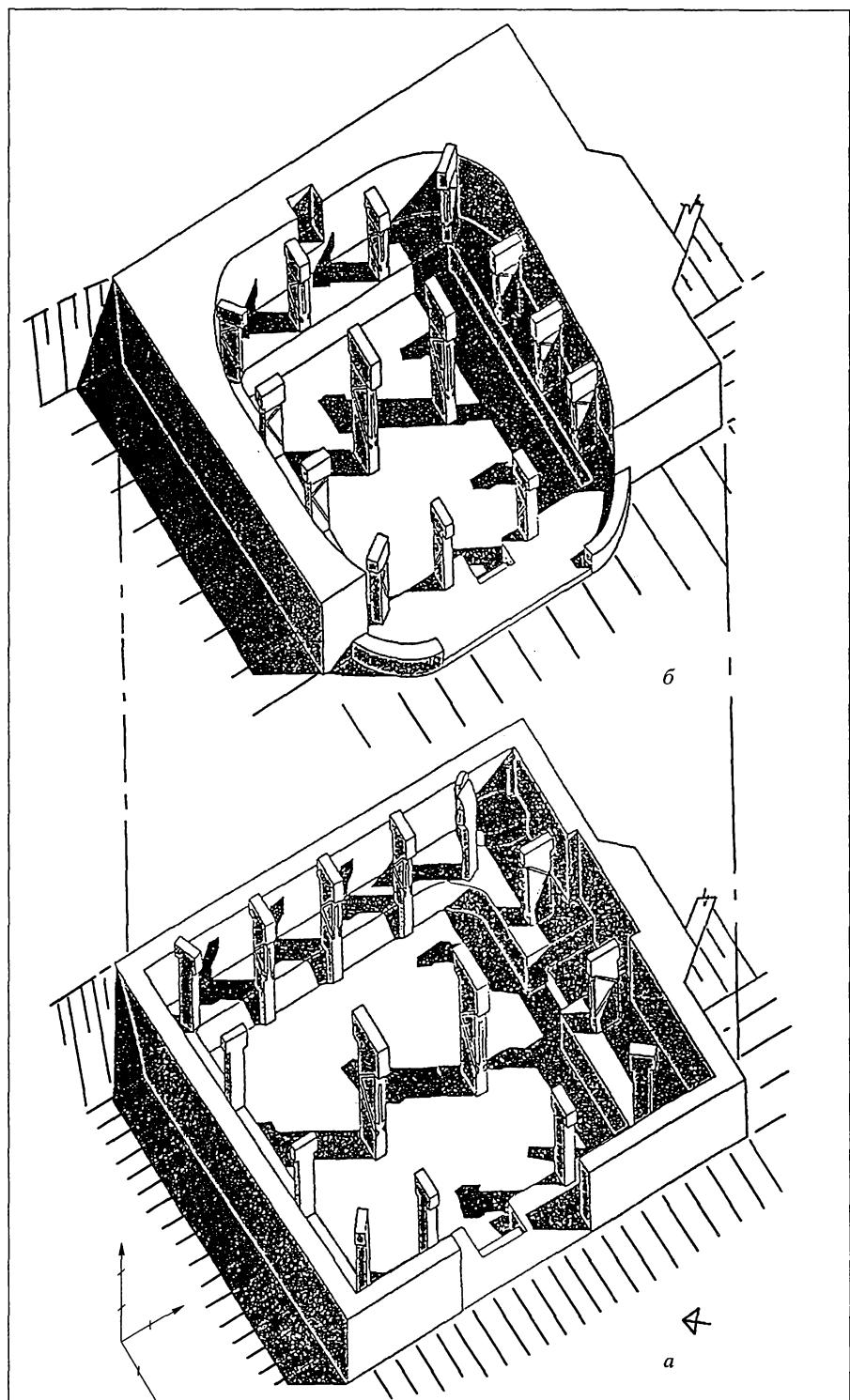

Рис. 3 а, б. Невали Чори. Реконструкция строения II и III (Ibid. Р. 43. Fig. 9)

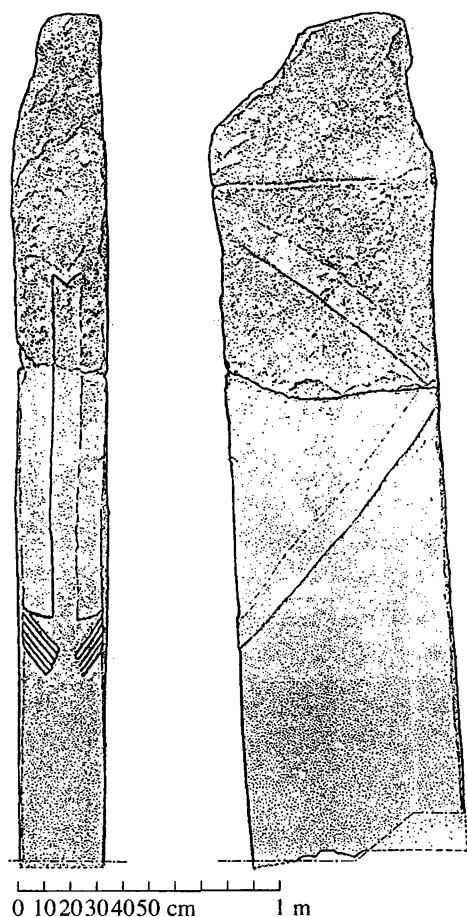

Рис. 4. Невали Чори. Фрагмент каменной антропоморфной стелы из строения III
(по: Hauptmann H. Ein Kultgebaude... P. 56. Add. 16)

in situ обнаружена только нижняя половина западной. Верхняя же ее часть найдена отдельно. Прямоугольный срез этой стелы – $0,80 \times 0,33$ м, первоначальная высота – 3 м. На плоском рельефе ее широких сторон снова узнаваемы очертания двух слегка согнутых рук, которые на передней стороне изображены полосами с пятипалыми кистями³⁵. Судя по всему, Т-образная капитель столба обозначала голову, а сама стела изображала фигуру человекоподобного существа в сильно стилизованном виде. Вторая плита была в древности извлечена из своего гнезда. В углублении от ее основания, ниже уровня пола обнаружена еще одна Т-образная капитель.

В строении III ниша располагалась на 50 см выше уровня скамейки. В основании скамейки под нишей была замурована большая известняковая голова высотой 37 см. Черты лица плохо сохранились. Однако на затылке отчетливо видна спускающаяся с макушки коса-змея. Отбитое горло говорит о возможности того, что голова являлась частью какой-то фигуры, которая изначально, вероятно, хранилась в строении II. Помимо этого в скамье под нишей обнаружена фигурка птичеловека высотой 23 см.

³⁵ Ibid. S. 51.

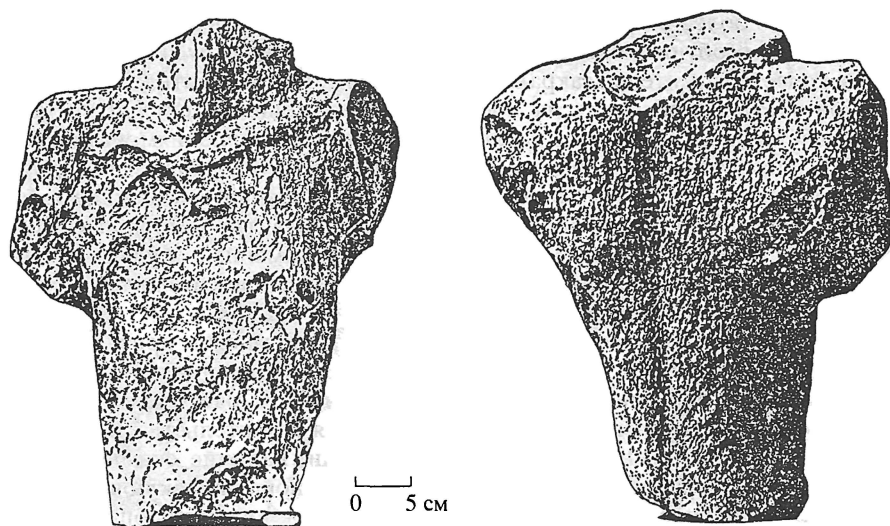

Рис. 5. Невали Чори. Фрагмент каменной скульптуры, изображающей человеческий торс (высота – 37 см). Найден перед нишей в строении III (Ibid. P. 62. Add. 22)

Сама ниша, находившаяся в стене напротив входа, на центральной оси помещения, выразительно оформленная с двух сторон симметричными монументальными рельефными стелами, безусловно, являлась главным архитектурно-смысловым элементом здания. Есть все основания полагать, что по замыслу создателей она предназначалась для хранения наиболее важного сакрального объекта. Г. Хауптман пишет, что его могла представлять скульптура из известняка, большой фрагмент которой был найден воткнутой перед нишей. Он изображал человеческий торс с частично сохранившейся головой и достигал в высоту 37 см³⁶ (рис. 5).

Крыша этого строения, по мнению исследователей Невали Чори, достигая в длину 8,60 м (максимально – 9,20 м), была плоской и делалась из дерева и тростника, скрепленных глиной³⁷.

При исследовании сооружений специального назначения в западной части поселка, помимо монументальных, вертикально установленных рельефных плит, обнаружено 11 скульптурных объектов, сохранившихся полностью и фрагментарно. Кроме того, на стенке одного из каменных сосудов выявлен рельеф, на котором представлены два человека, стоящие с поднятыми руками и расставленными ногами по бокам от черепахообразного существа. Найден также рисунок, вырезанный на известняковой пластине, изображающий трех быстро бегущих с широко открытыми ртами людей. Эти сцены исследователями интерпретируются как обрядовые. По мнению Г. Хауптмана, первая из них связана с символикой плодородия, вторая, вероятно, демонстрирует эпизод охоты³⁸.

Среди скульптурных объектов преобладают антропоморфные и зооморфные изображения, нередко смешанного типа. Многие фигуры крупных размеров. Наиболее часто встречаются изображения птиц, змей, черепах и человеческих голов³⁹. Все скульптуры, кроме одной, найдены в переотложенном состоянии, как правило,

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. S. 57.

³⁸ Hauptmann. The Urfa Region. P. 76. Fig. 16–17. Более полный обзор этой группы находок представлен в: Антонова, Литвинский. Ук. соч. С. 44–46.

³⁹ Hauptmann. Ein Kultgebaude... S. 55–67. Abb. 19–26; *idem*. The Urfa Region. P. 75–76. Fig. 10–15.

замурованными в более поздних строениях II и III⁴⁰. Такое вторичное их использование указывает на особую значимость этих объектов, которые, судя по всему, воспринимались в качестве носителей сакральной силы божеств-покровителей Невали Чори, гаранта присутствия последних на поселении. Перемещение скульптур из более древних общественных построек в последующие, по представлениям жителей поселка, очевидно, способствовало передаче священной энергии от одного здания другому.

Весьма наглядным является тот факт, что все найденные небольшие глиняные статуэтки Невали Чори (всего около 700, из них 670 – антропоморфные, 30 – зооморфные) были выполнены менее «качественно», чем каменные скульптуры, и обнаружены за пределами «сакрального» района. Их назначение связывают с участием в обрядах повседневной жизни на поселении⁴¹.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что по многим признакам общественные здания Невали Чори сопоставимы с постройками специального назначения Чейеню Тепеси. Их общими характеристиками являются: расположение в особом районе поселения, преимущество в выборе места для строительства, полуподземная конструкция и ширококомнатная планировка зданий, наличие скамьи, возможно, использовавшейся для размещения на ней вотивных приношений, включение архитектурных и скульптурных элементов древнейших построек в последующие, мозаичная или плиточная отделка полов, сохранность следов цветной штукатурки на внутренней поверхности стен построек, а также установление монолитных прямоугольных в срезе стел и скульптурных объектов внутри помещений. В древнейших уровнях «Здания с мозаичным полом» Чейеню и строения II Невали Чори сохранились следы канала и специально оформленного углубления в полу, назначение которых пока не совсем ясно.

И если Х. Чембел и Р. Брейвуд, исследуя Чейеню Тепеси, подчеркивали, что постройки особого вида имели необычное значение для жителей поселения, однако еще не считали возможным определять их как культовые или светские, то артефакты монументальных сооружений Невали Чори, по мнению Г. Хауптмана, уже дают полное основание для однозначного определения их культовых функций, о чем наиболее выразительно свидетельствуют фрагменты больших скульптур, а также наличие специальных ниш в строениях II и III⁴².

Раскопки Гебекли-тепе, предпринятые во второй половине 90-х годов XX в., продолжают историю поразительных открытий монументальных культовых сооружений периода раннего докерамического неолита Б в Северной Месопотамии. Поселение расположено в горах, на высоте 800 м над уровнем соседней долины Харран, в 15 км к северо-востоку от современного турецкого города Урфа. Тель достигает в диаметре 300 м, окружен плосковершинными известняковыми хребтами и с южной стороны имеет доступ к родникам. Широкомасштабные исследования памятника начаты в 1995 г. совместной немецко-турецкой археологической экспедицией⁴³.

Сезоны 1995–1996 гг. были посвящены изучению поверхности Гебекли-тепе и прилегающей территории. Уже первые находки дали исключительно богатый, в значительной степени неожиданный материал ранненеолитического времени. В частности, обнаружено множество обломков монументальных культовых объектов: фрагменты скульптур и части стел, наиболее крупные из них достигали 3-х – 6-ти метровой высоты. Самая огромная Т-образная 9-ти метровая стела весила более 50 т! Среди крупномасштабных скульптурных находок встречены фрагменты, изображающие: голову волкоподобного существа, голову человека, голову человека, на которой сидит животное, рептилию с зубастой пастью, расположившуюся на Т-образном навершии стелы, черепахоподобное существо, лежащее на обломке плиты, человека-фаллоса,

⁴⁰ *Idem.* The Urfa Region. P. 75.

⁴¹ *Ibid.* P. 77.

⁴² Брейвуд, Чембел. Ук. соч. С. 74; Hauptmann. Ein Kultgebaude... S. 57.

⁴³ Hauptmann. The Urfa Region. P. 78.

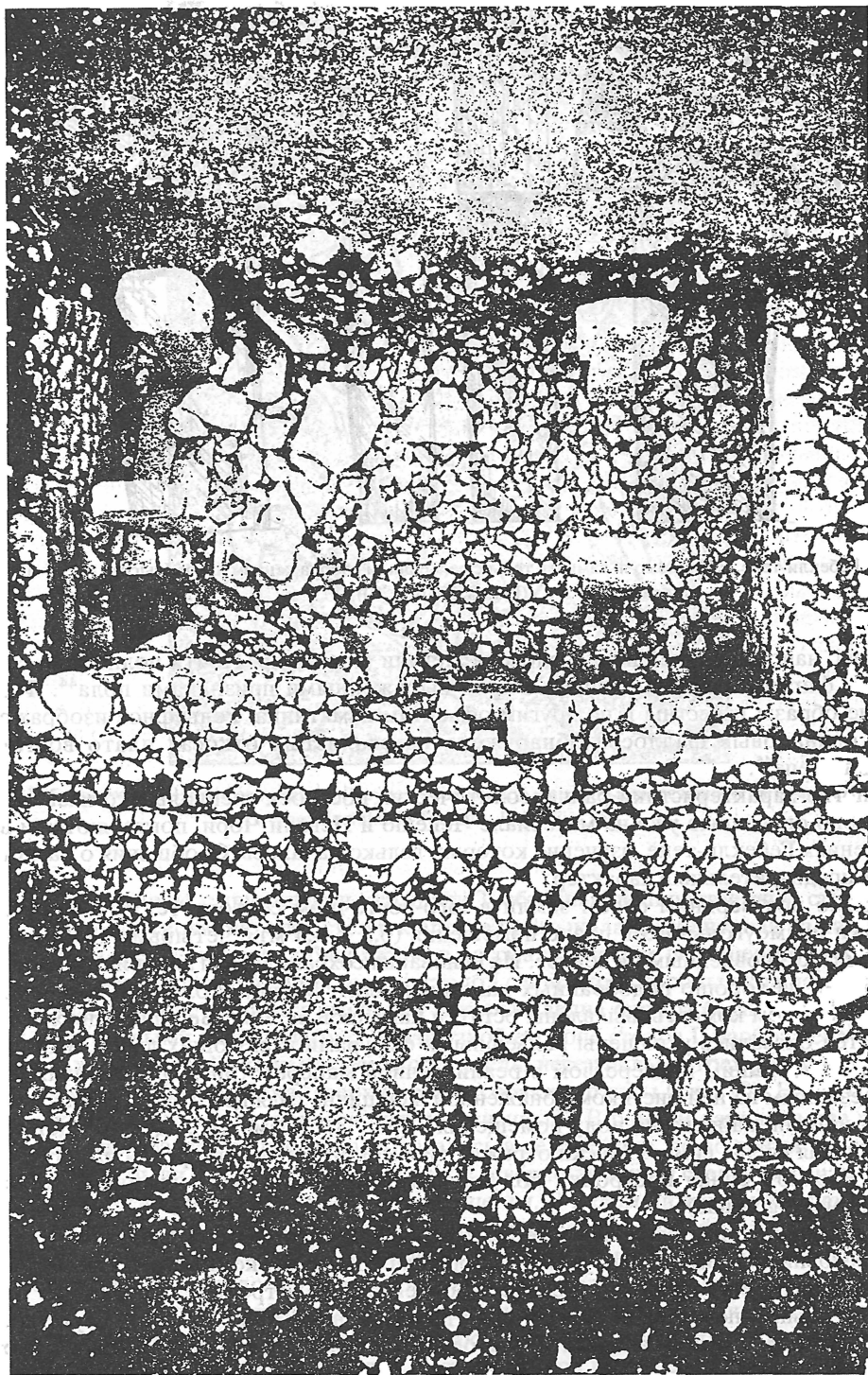

Рис. 6. Гебекли-тепе. Фотография раскопок «Здания со львами» (по: *Schmidt K.* Frühneolithische Tempel. Ein Forschungsbericht zum prakeramischen Neolithikum Obermesopotamiens // MDOG. 130. 1998. S. 31. Add. 8)

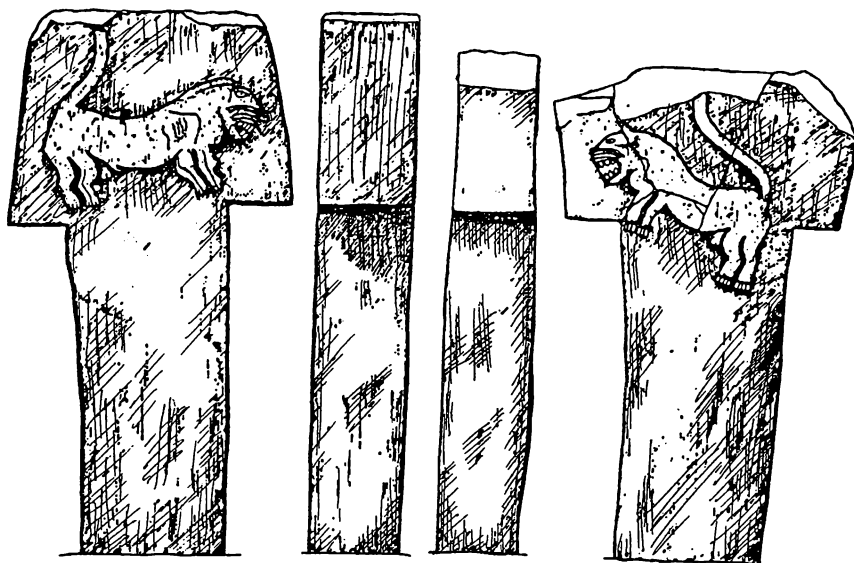

Рис. 7. Гебекли-тепе. «Здание со львами». Стелы с рельефным изображением львов (высота – 1,45 м)
(Ibid. S. 33. Add. 10)

фигуры, напоминающей птичеловека Невали Чори и пр. Почти полностью сохранились фигуры льва и мужчины с ярко выраженными признаками пола⁴⁴. Фаллические образы известны и по другим объектам памятника. Рельефное изображение трех одинаковых фаллосов обнаружено на скалистых откосах плато восточнее Гебекли-тепе⁴⁵.

Многие характеристики ранненеолитических построек специального назначения, подробно описанные уже на материале Чейеню и Невали Чори, повторяются и в сооружениях Гебекли-тепе, изучение которых только началось. Сообщения о раскопках носят предварительный характер.

Прямо под верхним слоем земли в юго-восточном секторе телля обнаружены остатки прямоугольного в плане помещения (6,5 × 4,4 м) с четырьмя Т-образными стелами, установленными в центре. Их основания сохранились *in situ* (рис. 6). Пол был составлен из хорошо подобранных каменных плит. Между столбом II и северо-восточным углом комнаты выявлены остатки каменной скамьи. Вершины двух восточных стел оказались украшены рельефными фигурами атакующих львов, выполненными с блестящим мастерством в реалистичной манере⁴⁶ (рис. 7). Каменная плита с вырезанным на ней рисунком обнаженной женщины, сидящей с широко расставленными ногами, найдена на полу помещения⁴⁷ (рис. 8). Возможно, здесь представлена ритуальная сцена, символически отражающая момент оплодотворения и/или инициацию. Рассмотренная постройка получила название «Здания с львиным стелами» (Lowenpfeilergebaude).

В районе низины, располагавшейся к югу от вершины холма, выявлены остатки двух основных строительных уровней неординарного многокомнатного здания, размеры которого не уточняются. Верхнее (более позднее) строение состояло из шести прямоугольных помещений с мозаичным полом. В некоторых из них присутствовали пары столбов. Северо-западная стена одной из комнат включала апсиду в форме

⁴⁴ Schmidt. Op. cit. S. 29. Add. 7; Hauptmann. The Urfa Region. P. 80. Fig. 13. 26, 33.

⁴⁵ Schmidt. Op. cit. S. 29. Abb. 7.

⁴⁶ Hauptmann. The Urfa Region. P. 77. Fig. 24; Schmidt. Op. cit. S. 32. Add. 9–10.

⁴⁷ Hauptmann. The Urfa Region. P. 80. Fig. 35.

Рис. 8. Гебекли-тепе. «Здание со львами». Рисунок обнаженной женщины, вырезанный на каменной плите (по: Neolithic in Turkey... P. 55 Fig. 35)

полукруга, которую с двух сторон украшали Т-образные величественные стелы (высота 3,15 м). К основанию этих стел и к апсиде примыкала выполненная из каменных плит скамья. Пять стел уже обнаружено в рассматриваемом помещении, три из них имели рельефные рисунки. В частности, столб I с широкой стороны украшен «гобеленом» в виде переплетающихся змей, под которым видна фигура барана; с узкой стороны – единичными змейками (рис. 9). На узкой стороне столба II изображена голова рогатого животного. Широкая поверхность стелы несет рельеф трех расположенных друг над другом фигур: быка (сверху), волка/собаки и птицы (рис. 10). На столбе III, еще до конца не изъятom, нанесен рисунок лисицы⁴⁸. В раннем варианте две стелы, примыкавшие позднее к апсиде, располагались в центре зала, но во время перестройки здания они были включены в состав новой северно-западной стены, которая, таким образом, заметно уменьшила размеры помещения. В целом нижнее строение превосходило по площади и, очевидно, по сложности планировки позднейшее⁴⁹.

Исследования окрестностей Гебекли-тепе показали, что окружающее памятник скалистое плато служило не только районом, поставляющим материал для строительства, но и местом расположения специальных сооружений. Так, в скалах с юго-западной стороны от телля обнаружены остатки круглого в плане строения, пол которого был тщательно отполирован. К стене внутри помещения по всему диаметру примыкала низкая скамейка, в центре находились два подиума с отверстиями для

⁴⁸ Ibid. P. 77. Fig. 22, 30, 34. Schmidt. Op. cit. S. 32–42. Add. 11–17.

⁴⁹ Schmidt. Op. cit.

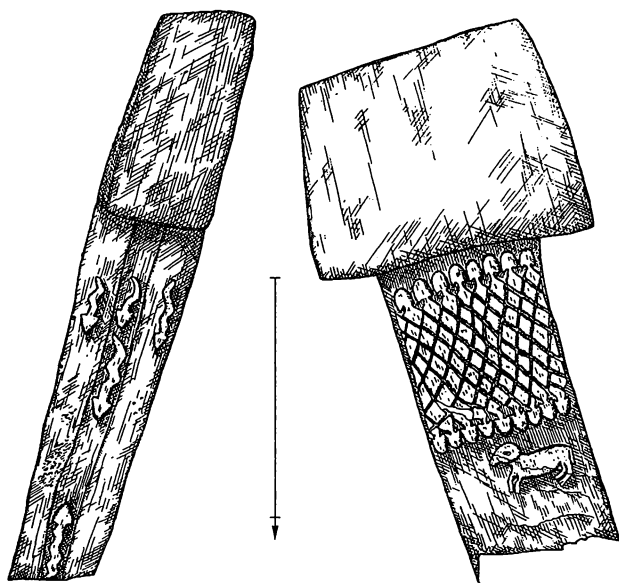

Рис. 9. Гебекли-тепе. «Здание со змеями». Столб I (высота 3,15 м) (по: Schmidt. Op. cit. S. 36, 37. Add. 13, 14)

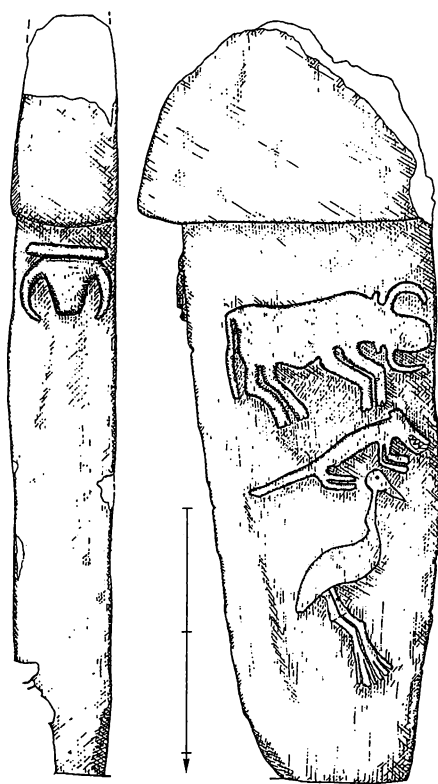

Рис. 10. Гебекли-тепе. «Здание со змеями». Столб II (высота 3,15 м) (Ibid. S. 38. Add. 15)

стел⁵⁰. Автор раскопок К. Шмидт отмечает, что размеры и элементы оформления данной постройки вполне соотносимы с характеристиками культовых зданий Невали Чори. Это обстоятельство дает основание предполагать похожие функции сооружений⁵¹. С северо-западной стороны от круглопланового строения были исследованы два примыкающих к нему цистернообразных овальных помещения, вырубленных на глубину 2 м в скалистой породе. В одно из них ведет пятиступенчатая лестница, в другом найдена большая обработанная каменная глыба, которая, по свидетельству исследователей, производит впечатление алтаря⁵². Рассмотренные находки в целом составляли единый архитектурный комплекс и, судя по всему, служили местом для проведения особых церемоний вне поселения.

Открытие в скалах в районе Гебекли-тепе особых сооружений и рельефов представляет новую яркую страницу в истории изучения культового строительства периода PPNB. Вместе с тем материалы этого памятника дают основания и для некоторых предварительных заключений относительно особенностей архитектурного и скульптурного оформления сакрального пространства на самом поселении. Во-первых, раскопанные на Гебекли-тепе неординарные постройки, в отличие от большинства известных по другим докерамическим памятникам, оказались многокомнатными. Далее, огромная высота отдельных обнаруженных здесь стел и их обломков указывает на то, что, очевидно, не все из этих объектов находились в закрытых помещениях. И наконец, в отличие от Чейеню и Невали Чори, где преобладают антропоморфные изображения, на Гебекли-тепе, помимо них, выявлено большое разнообразие зооморфных символов и фигур.

Авторы раскопок сообщают, что многочисленные выдающиеся впадины на поверхности телля, судя по всему, отмечают важнейшие зоны поселения, так как исследованные в таких районах здания располагались на территории, представлявшей табу для любой другой строительной деятельности. Отчасти для проверки этого предположения в районе северо-восточной низины холма был заложен разведочный шурф. Результаты оказались весьма впечатляющими. На четырехметровой глубине археологи достигли скалистой поверхности, которая была специально выровнена и покрыта каменными плитами, заключавшими в себе основания больших стел. Причем в предшествовавшем верхнем слое зондажа отсутствовали какие-либо свидетельства строительства. В целом, по мнению К. Шмидта, остатки величественных общественных сооружений, обнаруженные на Гебекли-тепе и в прилегающих скалах, а также большое количество сопутствующих им монументальных художественно оформленных находок, потребовавших для своего исполнения значительных затрат и усилия многих людей, вероятно, указывают на особый статус рассматриваемого поселения среди окружающих⁵³.

Отметим, что жилые постройки на самом памятнике и культурные слои периода PPNB соседних теллей пока не исследованы. Таким образом, правильность гипотезы К. Шмидта предстоит проверять в будущем. Вместе с тем, при изучении уже известных материалов действительно поражает широта объема работ, предпринятых без использования силы тягловых животных людьми докерамического времени для создания объектов, не имеющих «практического назначения».

Весьма разнообразен необычный мир скульптур и рельефных рисунков Гебекли-тепе, но и он отчасти повторяет, отчасти дополняет картину, известную по данным Невали Чори и Чейеню. Среди наиболее популярных изображений, а следовательно, и объектов поклонения, встреченных на этих памятниках, фигуры антропоморфных существ и существ смешанного типа, женские и мужские фигуры и символы, человеческие головы, букрании, образы птиц, змей и черепашек. Все названные мотивы характерны для памятников PPNB вообще, однако для области Урфа – Диярбакыр

⁵⁰ Hauptmann. The Urfa Region. P. 79.

⁵¹ Schmidt. Op. cit. S. 44.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid. S. 44–45.

можно отметить их концентрированную локализацию в специальных постройках, определенное стилистическое и смысловое единообразие, схожесть в приемах и технике исполнения.

К особой группе находок, обнаруженных в культовых зданиях рассматриваемых поселений Северной Месопотамии, следует отнести прямоугольные в срезе, вертикально установленные каменные плиты. По аналогии с европейскими менгирами и мессебами семитов К. Шмидт считает правильным рассматривать их в качестве вместилищ божеств или тотемных духов⁵⁴. Стилизованно оформленные столбы Невали Чори явственно представляют собой монолитные фигуры антропоморфных существ, выполненные в полный рост, в то время как плиты Чейеню и Гебекли-тепе более условно отображали присутствие божеств в помещении. При этом определенную смысловую нагрузку, несомненно, несли рельефные зооморфные изображения на верхней части стел Гебекли-тепе, а также раскраска и другие признаки моделирования данных объектов, зафиксированные на Чейеню. Напомним, что для Невали Чори и Гебекли-тепе характерны Т-образные навершия стел, что само по себе символизирует главу/голову, т.е. одухотворяет каменную глыбу.

Интерпретация вертикально установленных плит, являвшихся центральными объектами в неординарных общественных сооружениях докерамического неолита, вероятно, станет более доступной при расширенном понимании значения самих зданий. Некоторые исследователи готовы уже сейчас рассматривать их в качестве «настоящих храмов» (К. Шмидт, Н. Базгелен⁵⁵), другие категорически с этим не согласны (Ж.-Д. Форест⁵⁶, В. Ширмер), третьи же полагают, что преждевременные заключения могут оказаться ошибочными, соответственно следует ждать новых открытий (Е.В. Антонова, Б.А. Литвинский⁵⁷). На наш взгляд, сама постановка вопроса о возможности существования храмов в эпоху PPNB не вполне уместна. В ней проявляются попытки исследователей модернизировать, приблизить к современному терминологическому аппарату реалии далекого прошлого. Даже в намного более поздних по отношению к периоду PPNB, первых на территории Месопотамии письменных цивилизациях – шумерской и аккадской – не существовало специального термина равнозначного современному понятию «храм». Слова е (шум.) и bitum (акк.), обозначающие прежде всего «дом», использовались и для определения культовых зданий Двуречья. При изучении письменных источников, отмечают специалисты, только контекст повествования позволяет сделать различие между двумя возможными значениями: дом – жилище человека, дом – обиталище божества⁵⁸.

Подобное определение культовых построек, учитывая особенности мифологического мышления («метафорическое» сопоставление природных и культурных объектов, диффузность, слабое развитие абстрактных понятий, медлительность разработки таких понятий и выражающих их слов), очевидно, имеет свое начало в более ранних культурах и, судя по археологическим данным, соответствует толкованию некоторых общественных зданий эпохи PPNB. Восприятие таких построек как «домов божеств» их создателями, на наш взгляд, вполне соотносится с рассмотренными материалами Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебекли-тепе. Величественные стелы и большие скульптуры, обнаруженные на названных памятниках в пределах остатков особых сооружений, очевидно, должны были наглядно демонстрировать присутствие в помещении «хозяев» – богов-покровителей общины.

Представляется, что некоторые отличия в строительстве и оформлении культовых зданий на Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебекли-тепе были связаны с естественным проявлением местной специфики как в сакральной, так и в архитектурной сферах.

⁵⁴ Ibid. S. 41.

⁵⁵ Ibid. S. 17–49; *Basgelen N. Foreword // Neolithic in Turkey*. Istanbul, 1999. P. 8

⁵⁶ *Forest J.-D. Les premiers temples de Mésopotamie (BAR International Series 765)*. 1999. P. 2.

⁵⁷ Антонова, Литвинский. Ук. соч. С. 47.

⁵⁸ *Tunca O. L'architecture religieuse protodynastique en Mésopotamie // OIP. Leuven, 1984. P. XI; Якобсен Т. Сокровища тьмы: История месопотамской религии. М., 1995. С. 27.*

Однако в целом артефакты Гебекли-тепе, несомненно, продолжают иллюстрировать уже известный по Чейеню Тепеси и Невали Чори способ возведения монументальных культовых сооружений. К нему относятся такие характеристики, как:

- расположение неординарных зданий в отдельных районах на специально подготовленных участках;
- особая планировка строений;
- включение остатков древнейших сооружений в последующие;
- трудоемкое плиточное покрытие пола;
- каменная скамья, окаймляющая пространство со стенами;
- наличие самих стел и других художественно оформленных объектов в помещении;
- присутствие ниш и/или «подиумов»/«алтарей».

Представленную ситуацию нельзя объяснить только лишь похожими условиями существования Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебекли-тепе в период PPNB. В данном случае проявились как общая для ранненеолитических культур тенденция к усложнению социальной структуры коллективов, связанная с крупнейшими изменениями в материальной и духовной сфере, так и один из важнейших аспектов установления постоянных связей между поселками Северной Месопотамии в докерамическую эпоху. Определено, что в то время они функционировали на разных экономических основах в густонаселенном районе Южного Тавра⁵⁹.

Взаимодействие и взаимовлияние жителей различных поселений докерамического периода в рамках указанного региона обусловило существование определенной культурной общности с выделением местных центров, которые, как выявляется, играли ведущую роль не только в производстве и обмене различными товарами, но и в сфере идеологических представлений.

На сегодняшний день археологи далеки от понимания неолитического периода на Ближнем Востоке как времени функционирования простых деревень, борющихся за свое выживание, о которых писал когда-то В.Г. Чайлд⁶⁰. Напротив, на основе полученных за последние десятилетия данных сейчас широко обсуждаются особенности существования стратифицированного общества, развитой системы обмена на обширных территориях, социально-экономических институтов учета и контроля, монументальной архитектуры и весьма сложной картины верований даже для ранненеолитической эпохи⁶¹. Материалы рассмотренных памятников проявляют некоторые из этих вопросов.

Кроме того, последовательные открытия общественных зданий религиозного назначения, построенных с учетом определенных архитектурных канонов на поселениях Северной Месопотамии периода PPNB, подтверждают гипотезу о том, что возведение величественных храмовых комплексов в городах-государствах Шумера и Аккада имеет глубокую предысторию в дописьменных культурах Ближнего Востока, в частности, Двуречья. Четкое выделение сакральных участков из поселенческого контекста, преемственность в выборе места для культовых строений, включение элементов предыдущих зданий в последующие, специфичное оформление их внутреннего пространства (наличие скульптур и рельефов, стел или колонн, ниш, «подиумов», «алтарей»), отмеченное для рассмотренной группы построек периода PPNB, присутствует и в культовой архитектуре древнейших городов «письменной» Месопотамии, оформившейся несколькими тысячелетиями позже. В этом смысле мы поддерживаем заключение ряда исследователей о том, что в «особых» постройках эпохи PPNB с чертами монументальности надо видеть исходный этап развития культовых сооружений Ближнего Востока⁶².

Т.В. Корниенко

⁵⁹ Hauptmann. The Urfa Region. P. 81.

⁶⁰ Childe G. Man Makes Himself. N.Y., 1951. P. 83.

⁶¹ См., например: Neolithic in Turkey. Istanbul, 1999.

⁶² Hauptmann. Ein Kultgebäude... S. 68; Антонова, Литвинский. Ук. соч. С. 47 и др.

Recent discoveries of monumental public buildings for special purposes and of outstanding sculptural figures of the pre-ceramic Neolithic B age in the settlements of Cheyenu Tepesi, Nevali Chori and Gebekli Tepe in Northern Mesopotamia (in modern-day South-East Turkey) have created a genuine sensation among scholars studying this early period of the formation of Near Eastern civilization. Comparative analysis of materials obtained from these finds through archaeological methods have to some degree allowed the discernment of general and local characteristics in the construction of public buildings serving special purposes in the pre-ceramic epoch in the north of Mesopotamia.

There are some visible differences in the construction and design of socially significant buildings in Cheyenu Tepesi, Nevali Chori and Gebekli Tepe, obviously connected to the natural appearance of local features in both the sacral and architectural spheres. On the whole, however, the artifacts of the given settlements present a similar picture of the erection of monumental religious buildings. The article distinguishes concrete and highly essential characteristics with regard to the raising of the given buildings, many of which, in the author's opinion, represented «homes» for tutelary deities of the corresponding early agricultural communities.

The interaction and mutual influence taking place between the inhabitants of these various pre-ceramic period settlements, all located within the ecologically and geographically unified zone of Urfa-Diyarbakir, gave rise to a definite cultural community with separate local centres. As is being revealed, these latter played a leading role in not only the production and exchange of various goods, but in the sphere of ideological concepts as well.

The successive discovery of public buildings of a religious nature, created in accordance with specific architectural canons in the area of Northern Mesopotamia during the PPNB period, corroborates the hypothesis that the erection of great temple complexes in the city-states of Sumer and Akkad has an extensive prehistory in the protoliterate cultures of the Near East and, particularly, in those of Mesopotamia.

© 2002 г.

МИКСАМОРФНЫЕ СУЩЕСТВА В ШУМЕРСКОЙ ГЛИПТИКЕ: ОПЫТ СЕМИОТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Изображениям животных и сценам «защиты стада от хищников» в месопотамской глиптике посвящена обширная литература¹. Уже в эпоху Урук был сформирован образный репертуар хищников и травоядных, ставший иконографической основой многочисленных сцен охоты, терзания животных, защиты стад в глиптике эпохи Джемдет-Наср и начала Раннединастического периода. Во второй четверти III тыс. до н.э. на печатях «образно-линейного» стиля подобные сюжеты стали основным объектом изображения. Однако сцены «защиты стада от хищников» приобрели более условный и менее динамичный характер и вылились в схему, получившую название «фриз сражающихся». Достаточно разнообразный репертуар зооморфных, растительных и геометрических мотивов оказался сведенным к нескольким персонажам, присутствующим в том или ином сочетании почти во всех композициях и выполняющим строго определенную функцию.

Одним из участвующих в сражении антагонистов всегда является лев или другой кошачий хищник, нападающий на копытных – быка или козла (рис. 1–3, 5–6). Защитником последних, т.е. противником льва, должен был бы оказаться человек; однако он изображается в этих сценах далеко не всегда и никогда не борется с врагом без посторонней помощи, а основная тяжесть битвы возлагается на мифические миксаморфные существа, которые и выступают как противники хищников².

¹ См. *Афанасьева В.К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979. Библиография; *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. С. 174 – библиография.

² См. *Frankfort H.* Stratified Cylinder Seals from the Dijala Region // OIP. 1955. 72. P. 46.

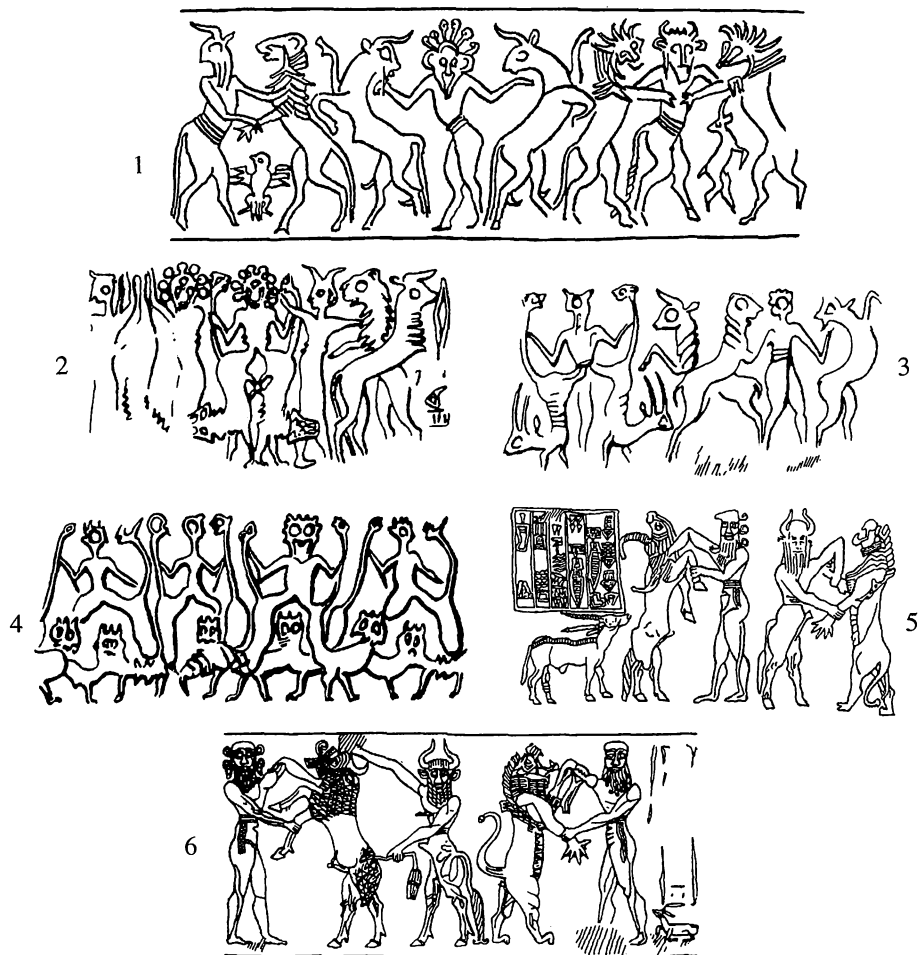

Рис. 1–6. Миксаморфные существа на шумерских печатях. По П. Амье и В. Уорду

Появление фантастических миксаморфных образов, соединяющих черты различных существ (человекобыков, двухголовых козлов, фигур, сочетающих тела львов и змей), было одной из характерных особенностей иконографии глиптики этого периода. Некоторые из этих образов, прежде всего человекобык, неоднократно оказывались предметом изучения, однако не только об их значении, но даже о времени появления того или иного миксаморфного персонажа единого мнения так и не сложилось³. Но наряду с хронологией и семантикой не менее важен и интересен вопрос о причинах появления подобных образов и о механизме их создания. Одни из них встречаются всего несколько раз и только в локальных группах глиптики, другие – тот же человекобык – занимают прочное место в иконографии «фриза сражающихся» вплоть до аккадских печатей. И хотя В.К. Афанасьева говорит о существовании в глиптике «образно-линейного стиля» «случайных образов,

³ Например, В.К. Афанасьева отмечала, что бык-андрокефал засвидетельствован в самом начале Раннединастического периода (ук. соч. С. 50), а Г. Франкфорт считал, что этот образ возник впервые только на рубеже РД II и РД III (*Frankfort H. Cylinder Seals: A Documentary Essay on the Art and Religion of the Ancient Near East. L., 1939. P. 51*).

исчезающих так же быстро, как и возникших»⁴, сам тот факт, что они оказались на предметах, имевших сакральный статус и использовавшихся в качестве магического инструмента⁵, требует объяснения.

Первую попытку объяснить существование миксаморфов сделал Г. Франкфорт в 1939 г. По его гипотезе, оно было результатом нарастания декоративности изображений и создания их сокращенных вариантов в условиях тесных сложных композиций, где крупные фигуры занимали много места. Для «разгрузки» сцен приходилось либо объединять образы (например, два направленных навстречу льва сливаются в верхней части и имеют одну общую голову, или туловище козла получает две симметричные разнонаправленные головы; ср. рис. 2, 4), либо «купировать» их (когда оставленное место не позволяет разместить «развернутую» фигуру, она может быть изображена, например, с одной рукой или лапой). Описаний таких монстров в мифологических текстах нет и не может быть, так как они якобы родились не в результате эволюции изображений, а непосредственно в процессе работы резчика, а затем начали самостоятельное существование в вариантах композиции и стали общим достоянием⁶. Опубликовав позднее несколько печатей из поселений бассейна р. Диялы, на которых изображен полиморфный персонаж с человеческим телом и головой, чьи ноги переходят в две стоящие на передних лапах фигуры львов, хвосты которых, удерживаемые руками персонажей, заканчиваются змеиными головами (рис. 4), Г. Франкфорт назвал этого монстра «лигатурой»⁷, «концентратом фриза» и приписал его появление провинциальному варианту «образно-линейного стиля»⁸. Хотя сам процесс создания образов был, вероятно, представлен Г. Франкфортом верно, невозможно согласиться с его неоднократным утверждением, будто фантастические животные были лишь причудой резчиков, «продуктом необузданного воображения», вызванным необходимостью компенсировать скудость образного репертуара⁹.

Иное объяснение предлагала Э. Порада, считавшая, что фантастические существа придумывались для законченности композиции: «Весьма возможно, что формы, объединяющие человека и животное, развились из стремления художника достичь необходимой симметрии и компактности композиции в целом»¹⁰.

Обе эти гипотезы безусловно интересны тем, что дают возможность объяснить феномен изображения исходя из особенностей самого памятника. Однако, даже если эти образы действительно были результатом своего рода экономии (или, наоборот, развития) художественных средств (что не исключено), они все равно должны были подвергнуться интерпретации и получить мифологическое объяснение. По мнению Е.В. Антоновой, «в древнем искусстве нарастание декоративности может быть связано не с утратой прежнего значения, но лишь с некоторым смещением акцентов, с поисками выразительных форм, оптимальных для вещей определенного назначения»¹¹. Следует учесть, что новые персонажи в изображениях на таких полисемантических предметах, как печати-амулеты, не могли появиться «случайно», в результате исключительно «причуды резчика», тем более попав в одно время на цилиндры различных мастерских. Изображение на сакральном предмете также сакрально и не может зависеть от индивидуальности ремесленника.

⁴ Афанасьева. Ук. соч. С. 46.

⁵ См. Кононенко Е.И. К вопросу о магической функции месопотамских печатей // Древний Восток и античный мир. Тр. кафедры истории древнего мира исторического ф-та МГУ. М., 1998. С. 18–31.

⁶ Frankfort. Cylinder Seals... P. 48–49.

⁷ Лигатура – литера или фонетический знак, образованный соединением элементов двух букв или фонетических знаков.

⁸ Frankfort. Stratified Cylinder Seals... P. 25–26. № 254, 330, 498.

⁹ Idem. Cylinder Seals... P. 45; idem. Art and Architecture of the Ancient Orient. Harmondsworth, 1970. P. 37–38.

¹⁰ Porada E. Corpus of Near Eastern Seals in North American Collections. I. The Collection of Pierpont Morgan Library. N.Y., 1948. P. 9.

¹¹ Антонова. Ук. соч. С. 170.

Объяснение образов-лигатур следует искать вне самих изображений, и здесь из-за отсутствия аутентичных текстов приходится обратиться к методам и выводам других научных дисциплин. Для культурно-исторической антропологии характерно использование памятников материальной культуры для реконструкции мировосприятия носителей данной культуры¹², однако возможен и противоположный подход – от анализа процессов восприятия и мышления к интерпретации вещественных памятников.

Уже неоднократно указывалось на тот факт, что традиционные культуры могут и должны рассматриваться как наборы семиотических систем. Как правило, вещи, а тем более произведения искусства, имели не только (а часто и не столько) утилитарное или мифологическое значение, но обладали семиотическим статусом¹³. Известно, что любая упорядоченная система выступает как средство коммуникации¹⁴, и в первую очередь такой коммуникативной системой являются памятники изобразительного искусства, не только указывающие на некую информацию, уже известную адресату – носителю данной культуры (и в этом особенность этой информационной системы¹⁵), но оперирующие визуальными образами, узнаваемыми, наглядными и выразительными (естественно, в пределах конкретной культурной традиции).

В основе всякого коммуникативного акта лежит код – «модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений»¹⁶. Его задача – ограничить число задействованных элементов и вариативность их комбинации, обеспечивая возможность коммуникации¹⁷. Нет необходимости доказывать, что любое изображение, и уж тем более включенное в архаическую коммуникационную систему, будет, во-первых, использовать для передачи информации некий код, принятый в данной системе (без него это изображение просто не может быть адекватно прочитано, что и происходит с современными исследователями¹⁸), а во-вторых, само строится на основе определенного изобразительного (иконического) кода.

Умберто Эко определил код как систему, устанавливающую: «1) репертуар противопоставленных друг другу символов; 2) правила их сочетания; 3) окказионально однозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому». Однако возможно выполнение лишь одного или двух из этих условий¹⁹ (сразу отмечу, что в рассматриваемом случае важны только первые два). Для формирования кода необходим в первую очередь репертуар символов, из которых код воздвигает систему различий и оппозиций и закрепляет правила их сочетания²⁰. Образуется основа кода, представляемая в виде двух осей – парадигмы (оси выбора символов и правил их сочетания) и синтагмы (оси комбинации символов в цепочки)²¹. Основные образы,

¹² Подробнее см. Антонова Е.В., Раевский Д.С. О знаковой сущности вещественных памятников и о способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 207–209.

¹³ Байбури А.К., Левингтон Г.А. К проблеме «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 230–236; Антонова, Раевский. Ук. соч. С. 210.

¹⁴ Антонова, Раевский. Ук. соч. С. 213.

¹⁵ Подробнее см. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973. С. 16–21; Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1977. С. 50–53; Ротенберг Е. От канона к стилю // Вопросы искусствознания. 1994. 2–3. С. 175–176; Антонова. Ук. соч. С. 32 сл.

¹⁶ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998. С. 66 сл.

¹⁷ Подробнее см. там же, с. 44.

¹⁸ Ср. определения древней вещи как «знак для нас» и «знак для них»: Антонова, Раевский. Ук. соч. С. 209–211.

¹⁹ Эко. Ук. соч. С. 45.

²⁰ Там же. С. 67.

²¹ См. там же. С. 66–67.

сцены и сюжеты шумерской глиптики III тыс. до н.э. встречаются еще на додинастических цилиндрических печатях, а в отдельных случаях происхождение изобразительного мотива можно проследить до печатей-штампов²². Таким образом, можно утверждать, что парадигма кода, используемого «фризом сражающихся», была сформирована за несколько столетий до оформления этой сюжетно-композиционной схемы²³, и в течение этого времени шли поиски и изменения синтагмы, соответствующей передаваемой посредством изобразительного кода информации. Вероятно, и сам процесс эволюции месопотамской глиптики, отражавшей все неизбежные изменения в мировосприятии, но сохранявшей свою семантику, прошедшую через последовательность «стилей», но оперировавшей уже сформировавшимся и апробированным образным репертуаром, можно представить как адаптацию кода к изменениям контекста и, как следствие, коммуникативной ситуации²⁴. При этом следует учесть, что «иконическая синтагма зависит от столь сложных контекстуальных отношений, что в ней трудно отделить смыслоразличительные признаки от факультативных вариантов»²⁵. Возможно, что появление миксаморфных образов в глиптике «образно-линейного стиля» следует рассматривать именно как «факультативный вариант» иконической синтагмы.

Образы-лигатуры сочетают в себе черты различных представителей животного мира, которые принадлежат к разным зоологическим отрядам и классам. Но архаическим мышлением все эти животные воспринимались в первую очередь как представители иного мира, непознанного, неподвластного, а часто и враждебного человеку. Процесс мировосприятия человека неотделим от последовательной систематизации впечатлений: «Предметы внешнего мира никогда не воспринимаются нами изолированно, но всегда – объединенными в определенные системы (...) Воспринимать мир – это значит систематизировать входящие в него предметы, кодировать поступающую информацию»²⁶. Однако способность к систематизации и понятийный аппарат развиваются постепенно и проходят несколько этапов эволюции, а поскольку это характерно как для индивидуума, так и для человека в целом, то для понимания процесса мировосприятия правомерно обратиться к возрастной психологии.

Исследовавший развитие мышления и языка Л.С. Выготский установил, что современному «взрослому» понятийному мышлению стадияльно предшествуют, во-первых, образование неоформленных множеств и, во-вторых, комплексное мышление. На первой стадии систематизация приводит к формированию слитного образа, причем такой образ складывается в результате синкретического сцеления отдельных элементов как представителей группы предметов на основе их связей при непосредственном восприятии²⁷. На стадии комплексного мышления обобщение производится уже на основе не субъективных впечатлений, а реальных объективных связей, и именно наличие конкретной связи между отдельными элементами и является самым существенным для построения комплекса²⁸. Из выделенных Л.С. Выготским пяти основных форм комплексной системы для данного случая наиболее подходит так называемый «комплекс-коллекция», характеризующийся разнородностью состава

²² Существует большое количество специальных исследований, посвященных конкретным образам и мотивам. Кроме указанных работ В.К. Афанасьевой и Е.В. Антоновой см. наиболее общие: *Amiet P. La glyptique mésopotamienne archaïque*. P., 1961; *idem. Problèmes d'iconographie mésopotamienne* // RA. 1954. 48. 1; *Goff B.L. Symbols of Prehistoric Mesopotamia*. New Haven – London, 1963; *Van Buren E.D. How Representations of Battles of the Gods Developed* // *Orientalia*. 1955. 24.

²³ Подробнее см. *Кононенко Е.И. Сюжетно-композиционные схемы в глиптике Двуречья III тыс. до н.э.* // ВДИ. 2000. № 3. С. 126–136.

²⁴ О роли коммуникативной ситуации в дешифровке кодированного сообщения см. *Эко*. Ук. соч. С. 70.

²⁵ Там же. С. 137.

²⁶ *Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов*. М., 1974. С. 58.

²⁷ *Выготский Л.С. Мышление и речь* // *Выготский Л.С. Избранные психологические исследования*. М., 1956. С. 166–167.

²⁸ Там же. С. 168–169.

и взаимным дополнением элементов. Обобщение элементов происходит на основе их соучастия в единой практической операции, на основе функционального сотрудничества, причем ассоциации могут группироваться по контрасту²⁹.

Слияние черт различных животных и создание образов-лигатур могло происходить в изобразительном искусстве как в результате синкретического сцепления, так и комплексного обобщения, в зависимости от того, происходило ли это в процессе непосредственного субъективного восприятия отношений животных в природе или осознания объективных связей между ними. Более вероятно второе – объединение различных животных на основании принадлежности каждого из них к дикой природе. Образы животных, составляющих лигатуры, уже заняли к моменту появления последних прочное место в иконографическом репертуаре шумерской глиптики; следовательно, миксаморфные существа правомерно рассматривать как обобщенные или «сокращенные варианты» компоновки отдельных элементов парадигмы «фриза сражающихся»³⁰. В этом случае изображения миксаморфов должны были выражать в представлении своих создателей ту объективную связь, на основании которой произведено комплексное обобщение, т.е. служить указателями на мир животных, дикой природы, точнее, на те характеристики, которыми этот мир наделяется. Тогда, сочетая избранные визуальные характеристики представляемых объектов, образно воплощая, репрезентуя обобщающие их представления и обладая некоторыми (пусть предполагаемыми) свойствами обозначаемого понятия (или комплекса), существа-лигатуры выступают в процессе коммуникации в качестве иконического знака³¹.

В отличие от отдельных образов конкретных животных, представляющих группу себе подобных (знак-индекс), лигатуры – иконические знаки – отсылают к целостному представлению, *обозначают* его (не являясь символами в силу своей изоморфности). Их значение – указание на условия существования (дикая природа, мир вне человека, ирреальность) или функцию (охота, жертва, защита). Согласно определению У. Эко, «иконические знаки воспроизводят некоторые условия восприятия объекта, но после отбора (...) и согласования их с имеющимся репертуаром графических конвенций»³². Особенность в том, что миксаморфы не просто выражают то общее понятие, которое объединяет различных животных, но соединяют их изображения воедино в новом образе. Выражаясь терминологически, в данном случае иконические знаки не только обозначают совокупность денотатов, но и изоморфны им.

Создание миксаморфных образов в шумерской глиптике полностью соответствует представлению об образовании иконического знака. Он может обладать следующими качествами объекта: оптическими (видимыми), онтологическими (предполагаемыми) и конвенциональными, смоделированными³³. Очевидно, что здесь речь может идти только о видимых качествах, причем формирование иконического эквивалента восприятия, выделение отличительных и наиболее выразительных черт изображения (способствующих идентификации изображения с изображаемым объектом – рога быков, гривы львов, тела змей) было произведено не в «образно-линейном стиле», когда появляются миксаморфы, а еще при разработке иконографического репертуара месопотамской глиптики, когда животных начали изображать на печатях. Вполне естественно, что при сочетании этих образов воедино мог быть снова произведен отбор наиболее выразительных деталей, добавлены новые элементы изображения, учтены художественные требования, однако при создании образов-лигатур не понадобились ни новые признаки узнавания, ни новый иконический код³⁴, и иконические

²⁹ Там же. С. 171–173.

³⁰ Понятно, что такой вариант рассчитан исключительно на адресата, знакомого с сообщаемой информацией и владеющего кодом ее сообщения; ср. Антонова. Ук. соч. С. 177.

³¹ Подробнее см. Эко. Ук. соч. С. 123–144, там же библиография; см. также Фойт В. Иконичность ранних форм искусства // От мифа к литературе. М., 1993. С. 79–80 – библиография.

³² Эко. Ук. соч. С. 128.

³³ Там же. С. 131.

³⁴ Подробнее см. там же, с. 129.

знаки были созданы простым механическим совмещением наиболее характерных элементов уже существовавших образов-индексов (что соответствует формированию упомянутого выше комплекса-коллекции).

Уже обращалось внимание на тот факт, что развитие изображений в месопотамской глиптике сопоставимо с процессом формирования фольклорных произведений вокруг одного сюжета или центрального персонажа: отдельные сложившиеся мотивы (сцены) могли дополняться новыми персонажами и подробностями либо соединяться с другими устойчивыми мотивами³⁵. Такое дополнение эпизодами и участниками и совмещение эпизодов особенно характерно для «образно-линейного стиля»: вокруг центрального сюжета создаются композиции, включающие другие группы и сюжеты, также представляющие образные клише. Вероятно, характеристики комплекса-коллекции применимы не только к образованию отдельных образов, но и к развитию изображений в целом на данном этапе развития образного мышления. По замечанию Е.В. Антоновой, «не только сохранение, но и увеличение состава и усложнение "бестиария" в различных древнеземледельческих текстах, как и появление позднее разнообразных фантастических существ, являются свидетельствами не архаизма, а дальнейшего развития мировосприятия»³⁶.

Следовательно, создание фантастических миксаморфных существ не было случайностью, результатом «причуды резчика», как полагал Г. Франкфорт, и не может быть объяснено только решением декоративных задач, как считала Э. Порада. Эти образы-лигатуры появились закономерно в процессе эволюции понятийного аппарата в ответ на необходимость лаконичных указателей – иконических знаков, частично заменивших отдельные образы-индексы и изоморфных им, и могут рассматриваться как часть семиозиса.

Понятно, что все те термины, в которых здесь дано объяснение появления миксаморфных образов в месопотамском искусстве, должны быть глубоко чужды носителям этой, да и любой другой традиционной культуры. Шумеры, разумеется, не размышляли об иконичности знаков, изоморфности, кодах узнавания, комплексном мышлении и т.д. Но опыт исследования с применением психологических и семиотических категорий для интерпретации памятников может дать представление о механизмах миропонимания, общности процессов познания, осознания и выражения, и оказаться результативным при постановке вопросов и решении проблем при изучении архаической духовной культуры.

Е.И. Кононенко

MIXAMORPHOUS CREATURES IN SUMERIAN GLYPTICS: AN EXPERIMENT IN SEMIOTIC RESEARCH

E.L. Kononenko

The fantastic mixamorphous images in which the features of people and various animals are mechanically connected, commonly found in Mesopotamian seals with scenes of «fighting warriors' frieze», also appear as characteristic features in the glyptic iconography of the «figurative-linear style» of the middle part of the Early dynastic period. G. Frankfort and E. Porada explained the appearance of those «ligature-images» as the result of individual solutions to compositional and decorative problems. However, examination of glyptic iconography as a visual code, using the categories of both semiotics and age psychology, permits the assertion that mixamorphous forms arose naturally, their formation accompanying the evolution of thought and the semiosis of ancient art, and that they themselves functioned in the capacity of iconic signs.

³⁵ Подробнее см. Антонова. Ук. соч. С. 172 сл.

³⁶ Там же. С. 67.

«ФИНИКИЙСКАЯ ИСТОРИЯ» САНХУНЬАТОНА

Письменные источники по истории Финикии и ее цивилизации чрезвычайно скудны. Если не говорить об археологии и эпиграфике, то в остальном мы черпаем сведения об этой стране, ее народе, ее культуре из иностранных источников – египетских, месопотамских, еврейских, античных. Произведения финикийских историков, к сожалению, до нас не дошли. Между тем они несомненно существовали. И одним из таких историков был Санхунйатон.

Санхунйатона упоминает Афиней (Ш. 37. 126а), называя его вместе с Мохом, земляком тирийца Ульпиана, одним из тех, кто писал о Финикии. Дважды о Санхунйатоне говорится у Свиды, где он один раз называется тирийцем (v. Σαῦχωνιάθων), а другой раз (v. Σαῦχωνιάθης) – сидонянином. Впрочем, учитывая, что в греческой и латинской литературе порой всех финикийцев называли сидонянами, может быть, между этими сокращениями и нет противоречия. Но они резко противоречат более подробному рассказу Порфирия (Euseb. Praep. ev. I. 9. 21), который не только утверждает, что Санхунйатон был жителем Берита, но и говорит о посвящении Санхунйатоном своего труда беритскому царю Абибаалу и о том, что этот писатель заимствовал свои сведения у жреца бога Йево Йеромбаала. Йево или Йеуд считался одним из сыновей Эла (fr. I, 42, 44)¹. В одном из угаритских текстов (KTU 1.1) упоминается бог Йаву, который явно был тем же богом, что и Йево². Йаву – либо второе имя бога угаритского бога моря Йамму (финикийского Йама), либо имя самостоятельного морского божества. Среди финикийских городов морские боги, в том числе Йево, особенно почитались в Берите³.

Надо иметь в виду, что Тир был очень важным городом Финикии, в отличие от Берита, так что в приписывании столь известного в свое время писателя этому городу нет ничего удивительного. К тому же Порфирий был тирийцем, а настоящее имя его было Малх⁴, и то, что он не принимал тирской версии происхождения Санхунйатона и настаивал на его беритских корнях, еще более укрепляет доверие к его данным. Поэтому версии о беритском происхождении Санхунйатона надо решительно отдать предпочтение⁵. Хотя Санхунйатон был в свое время писателем известным и разносторонним, ни одно из его произведений до нас не дошло. Его «Финикийская история», о которой пойдет речь позже, была использована грекоязычным писателем I–II вв. н.э. Филоном Библским, но и сочинение последнего тоже утеряно, и только отрывки из первой книги этого сочинения сохранились в произведении Евсевия Кесарийского, который цитирует также Порфирия, тоже обращавшегося к Филону и через него к Санхунйатону. Это обстоятельство привело к тому, что в течение долгого времени в науке вообще господствовало мнение о неисторичности Санхунйатона: полагали, что эту фигуру Филон (а некоторые даже думали, что сам Евсевий) выдумал ради придания своему сочинению большего авторитета и славы собственной родины⁶. Открытие угаритских текстов радикально изменило это положение и заставило поверить не только в возможность существования Санхунйатона, но и в действительную древность его труда⁷.

¹ Фрагменты произведения Филона взяты преимущественно из X главы первой книги труда Евсевия, и в этом случае номер главы не оговаривается. Также не оговаривается принадлежность Филону упоминаемых фрагментов его произведения.

² Шифман И.Ш. Культура древнего Угарита. М., 1987. С. 91.

³ Lipinski E. Dieux et déesses de l'univers phénicien et punique. Leuven, 1995. P. 116–122.

⁴ Potscher. Porphyrios // Kleine Pauly. 1979. Bd IV. Sp. 1064.

⁵ Шифман И.Ш. Финикийская мифология и античная историческая традиция // Финикийская мифология. СПб., 1999. С. 197.

⁶ Gudeman. Herennios, 2 // RE. 1912. Hlbd 15. Sp. 660.

⁷ Eissfeldt O. Taautos und Sanchuniaton. B., 1952. S. 52–56.

Само имя писателя несомненно финикийское — «Сакун дал». Сакун был одним из древнейших западносемитских богов, почитание которого отмечено еще в III тыс. до н.э. и много позже⁸. Очень вероятно, что именно этот бог выступает под именем Гермеса Трисмегиста⁹. В Пирее мраморный алтарь этого западносемитского бога соседствовал с алтарями Зевса и Гермеса. И хотя этот факт не является доказательством ассимиляции Сакуна и Гермеса¹⁰, соседство этих богов еще в IV в. до н.э. весьма показательно. Санхунйатон изображает этого бога в качестве писца, ближайшего помощника и советчика верховного бога Эла-Крона в его борьбе с другими богами (fr. I, 17–18). Такое подчеркивание роли своего божественного покровителя вполне естественно для писателя¹¹, так что теперь нет оснований сомневаться в историчности этой фигуры¹².

Признавая историчность Санхунйатона, исследователи расходятся в определении времени его жизни и творчества. Порфирий, говоря о посвящении Санхунйатоном своего труда царю Абибаалу и заимствовании сведений у жреца Йеромбаала, относит эти персонажи ко времени до Троянской войны и ко времени Моисея, а самого Санхунйатона — к периоду правления ассирийской царицы Семирамиды, которая жила или во время этой войны или до нее. При упоминании об Абибаале этот автор ссылается на последовательность финикийских царей, т.е. явно на царские списки. Это увеличивает доверие к сообщению Порфирия, но, к сожалению, не помогает точному датированию, так как из всех беритских царей известен только Амунира, автор трех писем, сохранившихся в амарнском архиве (EA 141–143). Само существование этих писем показывает, однако, что в то время, т.е. в середине XIV в. до н.э., Берит не только существовал, но и играл определенную роль в политической жизни Финикии. Начавшиеся раскопки показали, что этот город был также ремесленным и торговым центром, поддерживавшим связи с Кипром и Эгейдой¹³. Поэтому в отношении царствования Абибаала ко времени до XII в. до н.э. нет ничего экстраординарного. Как уже говорилось, Порфирий (Малх) был тирийцем, так что он мог знать если не детали, то общий ход финикийской истории и время царствования отдельных правителей. К какому времени относил Порфирий жизнь Моисея, сказать трудно. Порфирий, как известно, активно участвовал в антихристианской полемике, и поэтому он вполне мог знать христианскую литературу, включая Библию, которая во второй половине III в. н.э., когда жил и работал этот философ, уже явно существовала на греческом языке и включала в себя не только Ветхий, но и Новый Завет. Если Порфирий даты жизни Моисея взял именно оттуда, а это очень вероятно, то он мог отнести их приблизительно к XIII в. до н.э. Это не значит, что и Санхунйатона он относил к этому же времени. Недаром жизнь писателя он датировал не по правлению беритского царя, что было бы совершенно естественно, а по царствованию ассирийской царицы.

Обычно считается, что в образе Семирамиды отразились воспоминания о царице Шуммарамат, правившей в IX в. до н.э.¹⁴ Но из этого не вытекает, что и труд Санхунйатона надо датировать этим же временем. Семирамида давно превратилась в чисто легендарную фигуру, став персонажем греческой литературы. Ее супруг Нин считался греками вообще первым царем Азии, о котором повествует история (Diod. II. 1). Повествование о Нине и Семирамиде наполнено рассказами о разнообразных военных и мирных деяниях, которые или вовсе были мифическими или совершались совершенно другими персонажами и много позже. По Диодору (II. 22), двадцать первый

⁸ Lipinski. Op. cit. P. 176–179.

⁹ Шифман. Финикийская мифология... С. 240.

¹⁰ Lipinski. Op. cit. P. 177.

¹¹ Разумеется, отождествление с Гермесом Трисмегистом, культ которого широко распространился в эллинистическую эпоху, было делом именно Филона и свидетельствует о его редакторской работе.

¹² Moscati S. I Fenici e Cartagine. Torino, 1972. P. 515; Шифман. Финикийская мифология... С. 194–197.

¹³ Saidah R. Beirut in the Bronze Age // Berytos. 1997–1998. 41. P. 143–205.

¹⁴ Садаев Д. Ч. История древней Ассирии. М., 1979. С. 91–93.

потомок Семирамиды правил во времена Троянской войны. Поэтому определить время правления порфириевской Семирамиды невозможно, да и сам философ колебался, поместить ли эту царицу до Троянской войны или во время ее. Легенда о Семирамиде пришла в Грецию не через Финикию, а через Малую Азию¹⁵, и в самой Финикии следов этой легенды практически нет. Поэтому не совсем понятно, что заставило Порфирия относить годы жизни Санхунйатона к царствованию Семирамиды. Вероятно, он не смог найти в тех финикийских царских или храмовых хрониках никаких указаний на этого писателя и предпочел использовать уже широко известное грекам и римлянам имя Семирамиды, ставшее фактически синонимом очень давнего времени. По Евсевию (Pгаер. ev. I. 9. 20), Санхунйатон жил до Троянской войны, но это, как и датировка Порфирия по правлению Семирамиды, может означать только очень древние времена. Интересно в этой связи наблюдение, что у Санхунйатона имеется уже упоминание железа и способов его обработки, и это позволяет отнести жизнь писателя к концу II или к началу I тыс. до н.э.¹⁶ К этому же ведет и еще одно соображение. Как об этом будет сказано ниже, Санхунйатон, по-видимому, говорил о царствовании одного из финикийских богов над Африкой, Сицилией и западными землями. А это было возможно только после первого этапа финикийской колонизации.

По словам Филона (Euseb. Pгаер. ev. I. 9. 24), Санхунйатон был весьма образованным и любознательным человеком и стремился в первую очередь исследовать все существующее с самого начала. Это означает, что он был в первую очередь историком¹⁷.

То, что историческая традиция у финикийцев существовала, нет никаких сомнений. Вообще-то нет народа, который в той или иной форме не излагал бы свою историю или по крайней мере какие-либо наиболее значимые ее события. Не были исключением и финикийцы. У них в частности существовало предание о происхождении народа и его приходе на побережье Средиземного моря от берегов моря Эритрейского¹⁸. Филон в этом же фрагменте утверждает, что Санхунйатон в своем намерении исследовать самые начала прежде всего обратился к труду Таавта, который не только изобрел буквы, но и стал первым писать хроники (ἱστορικὰ μᾶλλον γραφή). Что касается Таавта, то толкование этой фигуры довольно сложно. Филон отождествляет его с египетским Тотом и греческим Гермесом. Поэтому часто полагают, что Таавт и был тем же египетским богом, принятым финикийцами¹⁹, тем более что у египтян Тот является богом мудрости и покровителем счета, письма и всех наук²⁰. Да к тому же и Филон (fr. I, 38) говорит, что верховный бог дал Таавту власть над Египтом. И все же такое мнение противоречит общей тенденции филоновского произведения, который обычно не чужих богов отождествляет с финикийскими, а наоборот, финикийских с греческими, а в данном случае еще и с известным грекам египетским Тотом. Поэтому более правильным представляется мнение, что Таавт – фигура финикийской словесности, и его имя связано с корнем t'w > t'h –«знак», «налагать знак»²¹. То, что Таавт – единственная фигура филоновской мифологии, отождествленная не только с греческим, но и с египетским богом, позволяет думать, что такое отождествление имело

¹⁵ Дандамаева М.М. Ассирия и Вавилония в мифологии греков // ВДИ. 1997. № 3. С. 20.

¹⁶ Шифман. Финикийская мифология... С. 197.

¹⁷ Существует точка зрения, согласно которой произведение Санхунйатона не было собственно историей ни Финикии в целом, ни отдельных ее городов, а греческое ἱστορία надо понимать как нечто вроде немецкого Kunde и интерпретировать название произведения Санхунйатона-Филона приблизительно как «Финикиеведение» (Eissfeldt O. Art und Aufbau der phönizischen Geschichte des Philo von Byblos // Syria. 1956. 33. P. 90). Как нам кажется, настоящая статья в значительной степени является опровержением этого мнения.

¹⁸ Шифман И.Ш. Финикийская историческая традиция в греческой и римской историографии // Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 103–107.

¹⁹ Тураев Б.А. Остатки финикийской литературы. СПб., 1903. С. 47; Loevenstamm S.E. Sanchuniat(h)on // RE. 1974. Sp̄tbd 14. Sp. 593–594.

²⁰ Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. М., 1976. С. 82–84.

²¹ Eissfeldt. Taautos... S. 12–24.

уже у Санхунйатона, произведение которого Филон переработал. Этому же Таавту Санхунйатон-Филон приписывает создание финикийской космогонии и других знаний финикийцев о мире, что позволяет считать его автором (реальным или мифологическим) финикийского предания²².

Все фрагменты Филона, повествующие о Таавте, делятся на две группы, в одной из которых Таавт предстает исключительно как человек, а в другой – как бог, и единственной его функция, совпадающая в обеих группах, – это изобретение им письма²³. Поэтому, хотя нигде более, кроме как у Филона, Таавт не засвидетельствован (*ibid.*, 12), его можно считать богом письма, которому финикийцы приписывали и создание своего священного предания²⁴. Но не исключено и другое предположение. Сейчас в науке принята точка зрения, что создание системы письма не было и не могло быть плодом коллективного творчества, но это результат творческого акта конкретного создателя, хотя в процессе эволюции письма в эту систему и могли вноситься те или иные изменения²⁵. Поэтому можно думать, что и Таавт был в действительности древним мудрецом, одним из создателей западносемитской письменности, позже обожествленным. Известно, что египтяне обожествили древнего везира Имхотепа, бывшего врачом и строителем пирамиды фараона Джосера, обожествлялись в Египте и другие представители египетской знати²⁶. Сакрализация письменности на Востоке не вызывает сомнения. Поэтому в памяти народа ее создатель (или один из создателей) вполне мог приобрести черты бога, которому затем уже придумали генеалогию (Таавт – сын бога Мисора – *fr.* I, 13) и приписали ему создание своего священного предания, подобно тому как реальный Имхотеп стал египетским богом врачевания. Полностью поддержать одну из этих гипотез невозможно, но если Таавт был в действительности богом письма, то, следовательно, он выступал и как покровитель историописания (вроде греческой Клио). Если же в основе представлений о Таавте лежали воспоминания о смертном человеке, который позже был обожествлен, то его финикийцы воспринимали и как первого историка, приписывая ему создание первых письменных хроник. В какой-то степени аналогией такому положению являются греческие представления о Гомере, которому потомки приписывали не только «Илиаду» и «Одиссею», но и другие поэмы Троянского цикла, а также гомеровские гимны, многие из которых были созданы гораздо позже времени Гомера. В любом случае, приписывание создания первых хроник изобретателю письменности Таавту говорит о древности этих историографических памятников. В такой древности письменной историографии нет ничего удивительного.

Финикия входила в тот регион, где появилась наиболее простая из всех существовавших в древности систем письма, которая и стала родоначальницей большинства и ныне существующих письменностей. Несмотря на все еще продолжающиеся споры, большинство специалистов считают, что западносемитские знаки были заимствованы из египетской письменности на основе акрофонического принципа²⁷. И это ставит вопрос о возможном месте возникновения такой письменности. Местом возникновения должен быть район, в котором египетские и семитские (может быть, точнее – ханаанские) элементы контактировали относительно тесно. Таким местом были Палестина и Синайский полуостров²⁸.

²² Шифман. Финикийская мифология... С. 198–201.

²³ Eissfeldt. *Taautos*... S. 18–19.

²⁴ Шифман. Финикийская мифология... С. 203.

²⁵ Гамкрелидзе Т.В. Типология письма как знаковой системы // Поэтика. История литературы. Лингвистика. М., 1999. С. 677–678.

²⁶ Коростовцев. Ук. соч. С. 155.

²⁷ Röllig W. Das phönizische Alphabet und die frühen europäischen Schriften // Die Phönizier im Zeitalter Homers. Mainz, 1990. S. 87–90; Guzzo Amadasi M.G. Origini e sviluppo della scrittura fenicia: stato degli studi // Atti del II congresso intern. di studi fenici e punici. Roma, 1991. P. 441–442.

²⁸ Милитарев А.Ю. Современное сравнительно-историческое афразийское языкознание // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984. С. 17; Isserlin B.S. J. The Earliest Alphabetic Writing // C.A.H. V. III, 1. Cambr., 1991. P. 801.

Может быть, не случайно, что самые древние надписи, явно того же типа, что и более позднее известное нам финикийское письмо, датируемые приблизительно серединой II тыс. до н.э. или несколько раньше, были найдены именно в Палестине и на Синае²⁹. Не исключено, что именно здесь и произошел отбор и дальнейшее упрощение ряда знаков египетского письма, которым ханаанеи придали значение конкретных согласных звуков, существовавших в их языке. Первые так называемые протосинайские надписи уже того типа, о котором идет речь, были найдены в районе бирюзового рудника, но ясно, что сама письменность появилась в городской среде. Учитывая высказанное ранее мнение о Палестине как зоне тесных египетско-ханаанских контактов, можно говорить, что в ханаанских городах этой страны и возникла та система письма, которую затем заимствовали и, может быть, еще более упростили ханаанеи побережья, т.е. Финикии. Письменность – плод городской цивилизации. Поэтому когда в конце II тыс. до н.э. городская цивилизация сиро-палестинского региона сохранилась только в Финикии³⁰, то и эта система письма продолжала существовать только там и уже позже от финикийцев была заимствована другими народами.

Сравнительная простота этой письменности привела к ее довольно широкому распространению, в том числе и для написания различных документов, хранившихся в царских архивах. В числе этих документов были и письма, которыми обменивались финикийские цари со своими «коллегами», как, например, письма Хирама и Соломона (Jos. Contra Ap. I. 17). Несомненно, существовали и храмовые архивы, где могли храниться не только документы, но и различные священные тексты, включая храмовые предания. Недаром о древности Тира и храма Мелькарта Геродот (II. 44) узнал от жрецов этого храма. Видимо, параллельно существовала и светская историография. Вероятно, можно говорить о наличии двух направлений в финикийской историографии – храмовой и светской, или городской. Это, как кажется, хорошо видно на примере сообщений о первом этапе финикийской колонизации³¹.

Эти два направления финикийской исторической традиции в значительной степени соперничали друг с другом. Интересно замечание Филона (Euseb. Praep. ev. I. 9. 26), что жрецы более позднего времени захотели скрыть произведение Санхунйатона, вернув ему мистический характер (τὸ μυστικὸν ἀποκρυφίσαντες). Это замечание говорит, во-первых, о том, что эти два направления историографии отличались друг от друга не только расхождениями в хронологии, например, в датах основания городов и претензиях на большую древность храмов по сравнению с городами (хотя и не всегда, как в случае с Тиром, когда жрецы настаивали на одновременности основания города и храма), но и идеологическим содержанием сказаний, во-вторых, что жрецы препятствовали распространению светской традиции, и в-третьих, что само сочинение Санхунйатона в принципе относилось именно к светскому направлению. Это не означает, что Санхунйатон вовсе отказался от мифов. Более того, большая часть финикийской мифологии нам известна именно из повествования Санхунйатона, изложенного Филоном и сохранившегося в отрывках Евсевием. Но возможно, что он, подобно Гекатею, пытался рационалистически толковать многие мифы. К сожалению, говорить о содержании чисто исторической части произведения Санхунйатона невозможно, ибо она не сохранилась даже в отрывках. Поэтому судить, в какой степени мифы были вставлены в исторические рассказы или насколько автор определял ход событий волей богов, мы не можем. Но если исходить из рационалистичности мифологической части его сочинения, то не исключено, что та обработка предания в духе евгемеризма, которая обычно приписывается Филону, могла частично содержаться уже у самого Санхунйатона, и в таком случае можно

²⁹ Isserlin. Op. cit. P. 800–802; Guzzo Amadasi. Op. cit. P. 442–443.

³⁰ Мы оставляем в стороне филистимские и, может быть, чекерские города, возникшие по существу заново. Особое положение, как кажется, возникло в неохеттских «княжествах» Внутренней Сирии и Анатолии, и это положение тоже не входит в наше рассмотрение.

³¹ Tsirkina Yu.B. Primera etapa de la colonización fenicia // Espacio, tiempo y forma. 1995. T. 8. P. 66–76.

(очень осторожно) предположить, что изложение исторических событий было тоже рационалистичным и не предполагало прямого вмешательства богов. Может быть, именно этим было вызвано стремление жрецов скрыть произведение Санхунйатона и использование именно его ученым грамматиком Филоном. Татиан (Adv. Graec. 37) считает древнейшим знатоком и авторитетом в области финикийской истории Лаита, переводчика Моха и других финикийских историков, значение которого для знакомства с финикийской историей было таким же, как Бероса для вавилонской³². В то время, когда свои произведения создавал Иосиф Флавий, наиболее авторитетными историками, писавшими о Финикии, были явно Менандр и Дий³³. Филон же, младший современник Иосифа, избрал Санхунйатона, что может объясняться тем, что в его произведении он нашел нечто созвучное своим философским воззрениям, т.е. евгемеризму.

Филон, возводя сведения Санхунйатона в конечном итоге к Таавту, дает два варианта дальнейшего развития предания. По одному варианту (fr. I, 39), по повелению Таавта, который в данном случае недвусмысленно называется богом, предание записали Кабиры и Эшмун, т.е. тоже божества, затем это предание Фабион передал жрецам и пророкам, а те – своим преемникам и каким-то чужестранцам, причем в течение всех этих передач рассказы становились все более туманными (вероятнее всего, мистическими). По второму варианту (fr. I, 43), через много поколений после Таавта бог Сурмубел и Фуро, переименованная в Хусартис, освободили предание от многих затемнений и аллегорий. Хотя оба варианта включают непосредственное вмешательство богов в процесс трансформации традиции, они, тем не менее, противоположны по направленности этой трансформации: один вел ко все большему затемнению первоначального предания, а другой, наоборот, к его просветлению. Не означает ли это перенос в мифологическую сферу развития тех двух направлений исторической мысли, о которых говорилось выше? К какому из этих направлений принадлежал Йеромбаал, чьи писания непосредственно использовал Санхунйатон, сказать трудно. Учитывая жреческое достоинство Йеромбаала, можно предполагать, что он все же относился к храмовому направлению исторической традиции, в то время как сам Санхунйатон, судя по реакции жречества на его произведение, – к светскому. Может быть, его даже можно считать первым светским историком Финикии.

О сочинении Санхунйатона можно судить по кратким упоминаниям античных авторов и сохранившимся фрагментам сочинения Филона Библского. Филон был ученым грамматиком I–II вв. н.э. Он родился во времена императора Нерона или, может быть, еще в конце правления Клавдия и жил еще при Адриане (Suda v. Φιλῶν Βυβλίος). Поскольку Филон написал биографию Адриана, то полагают, что он пережил этого императора и умер, следовательно, уже после 138 г.³⁴ Иногда считают, что годы его жизни – это 64–141³⁵. В какое время он написал свою «Финикийскую историю» – неизвестно. Косвенным указанием, может быть, является то, что Иосиф (Ant. Iud. I. 3. 9) не называет ни Филона, ни Санхунйатона среди историков Финикии. В качестве очень осторожной гипотезы можно предположить, что ко времени написания Иосифом своего труда Филон свое сочинение еще не опубликовал. Публикация «Иудейских древностей» Иосифа даже могла подтолкнуть Филона на создание подобной «Финикийской истории». Это произведение было лишь одной из многих работ Филона. В свое время этот грамматик был довольно известен, имел учеников (Suda v. Ἐρμίππος Βηρύτιος), из одного из его произведений – «О городах и знаменитых людях, которые в каждом из них были» в тридцати книгах – было сделано в свое время сокращение, что говорит о его популярности, и то ли само сочинение Филона, то ли это сокращение позже послужило важным источником Стефана Византийского.

³² Laqueur R. Laitos // RE. 1924. Hlbd 23. Sp. 517.

³³ Шифман. Финикийская мифология... С. 288–291.

³⁴ Gudeman. Op. cit. Sp. 650–651; Gärtner H. Herennius Philon // Kleine Pauly. 1979. Bd 2. Sp. 1059.

³⁵ Cors i Meia J. Filón de Biblos // Olmo Lete G. del. El continuum cultural canaaneo. Barcelona, 1996. P. 143.

Всего же Филон написал не менее десяти весьма объемных произведений³⁶. Но несмотря на несомненную популярность в свое время произведения Филона практически не сохранились. Только о первой книге его «Финикийской истории» мы еще можем говорить более или менее подробно, так как значительные отрывки из нее привел Евсевий Кесарийский в своем произведении «Евангельское предуготовление», разоблачая языческие мерзости.

Не известно, был ли Филон греком, хорошо знавшим финикийский язык и финикийскую культуру, или финикийцем, полностью включенным в эллинистическо-римскую культурную среду. Его имя – греческое, но это никак не говорит о его происхождении. Выше уже говорилось о финикийце Малхе – Порфирии, ставшем знаменитым философом именно под греческим именем. Учеником Филона был Гермипп, происходивший из финикийского Берита, так что в любом случае Филон был очень тесно связан с финикийской средой. И его целью, как он сам говорил (fr. I, 27), было узнать историю финикийцев не из греческих источников, которые противоречивы и далеки от правды, а непосредственно из финикийских. Постоянно встречающиеся в его произведении отождествления финикийских божеств с греческими говорят о том, что он не только вставлял финикийский мифологический материал в общепринятые эллинистические (т.е. в конечном итоге греческие) религиозно-мифологические рамки, но и стремился показать грекам подлинную картину космогонии и антропогонии, а также истории, какую он считал гораздо более верной, чем греческая.

Такое стремление ввести историческую и мифологическую (которую, впрочем, считали вполне исторической) традицию восточных народов в общеэллинистическую картину истории и эллинскую культурную среду не было ни уникальным, ни самым ранним. Этим объясняется появление на греческом языке трудов Бероса об истории Месопотамии и Манефона об истории Египта, а также создание греческого перевода Библии – Септуагинты³⁷. Даже евреи, несмотря на господствующую тенденцию отделяться от язычников, настаивали на своем родстве со спартамцами (I Mac. 12. 6–7; 21). Да и произведения финикийских историков, в частности Моха, уже переводились на греческий язык³⁸.

Основой своего труда Филон избрал произведение Санхунйатона. Утверждалось даже, что он просто перевел это произведение с финикийского языка на греческий (Euseb. Praer. ev. I. 9.21). Современные исследователи отвергают это заявление Порфирия и Евсевия, основанное явно на словах самого Филона, и считают, что Филон переработал сочинение Санхунйатона в евгемеритском духе³⁹. Но, как говорилось выше, возможно, в самом сочинении древнего беритского автора уже имелись какие-то элементы, позволившие библскому грамматiku использовать его труд, истолковав материал в духе своих философских пристрастий. Произведение Филона можно сравнить с «Иудейскими древностями» его старшего современника Иосифа Флавия, задачей которого тоже было познакомить грекоязычных читателей с подлинной историей своего народа. Свой основной материал Иосиф брал из Библии, порой прибавляя к ним сведения, взятые из других источников, в том числе из трудов Менандра и Дия. Этот писатель связывал историю еврейского народа с историей Востока и Греции и по возможности подчеркивал его вклад в мировую культуру⁴⁰. Может быть, подобный характер носила и «Финикийская история» Филона Библского, который основным материалом, почерпнутый им из труда Санхунйатона, мог соединять с какой-то информацией из других источников.

Содержание сохранившейся части произведения Филона – Санхунйатона и тех мифов, которые в ней имеются, уже неоднократно исследовались с самых разных

³⁶ Gudeman. Op. cit. Sp. 651–659; Gärtner. Op. cit. Sp. 1059–1060.

³⁷ Шифман И.Ш. Ветхий Завет и его мир. М., 1987. С. 14.

³⁸ Laqueur. Laitos. Sp. 517–518.

³⁹ Eissfeldt. Art... S. 98; idem. Taautos... S. 44.

⁴⁰ История греческой литературы. Т. III. М., 1960. С. 188.

точек зрения⁴¹. Попробуем посмотреть на это произведение несколько с иной точки зрения.

Филон написал «Финикийскую историю» то ли в девяти, то ли в восьми книгах. Но фрагменты, которые донес до нас Евсевий, относятся только к первой книге. В ней дается мифологическая предыстория Финикии – от возникновения мира до окончательного утверждения власти Эла (Крона, как его на греческий манер называет Филон) над миром и распределения им власти над конкретными финикийскими городами (и еще почему-то над Атикой, что явно заимствовано не у Санхунйатона) среди других божеств. Раздробленность Финикии и общий недогматический характер политеистической религии привели к существованию в стране нескольких версий мифологии, зачастую противоречащих друг другу⁴². Существование этих версий отмечается и в произведении Санхунйатона. Исследование показало, что больше всего в этом произведении представлены библская и тирская традиции⁴³. Можно найти в его сочинении и следы беритской традиции. Учитывая его беритское происхождение, это неудивительно. Более удивительно то скромное место, какое эти следы в сохранившемся тексте занимают. Видимо, это можно объяснить тем, что Евсевий, используя в своих целях труд Филона, почему-то считал достаточным для своих целей подробно эту традицию не излагать. В имеющихся фрагментах Филона также ничего не говорится о Сидоне. Только однажды упоминается дочь Понта Сидон, которая обладала чрезвычайно красивым голосом и стала первой сказительницей песен. В какой степени это упоминание может относиться к сидонской мифологической традиции, неясно. Само же существование такой традиции несомненно. Об этом ясно свидетельствует миф об Эшмуне, переданный Дамаскием (*Vita Isid. fr. 348*).

Этим непонятные, на первый взгляд, упущения Санхунйатона не ограничиваются. В сохранившемся тексте упоминается бог Эшмун (*fr. I, 38*). Он назван восьмым братом Кабиров, рожденных одной из дочерей Астарты от Цидика, т.е. Праведного, культ которого также был распространен в Сидоне⁴⁴. Дети Кабиров были те, кто открыл, по словам Филона (*fr. I, 14*), целебные растения, средства от ядовитых укусов и заговоры, т.е. профессиональные врачеватели. Видимо, и в этом случае Эшмун (хотя он и не назван) включается в число Кабиров⁴⁵. В этом же месте Филон приписывает Кабирам изобретение судна. На стене одной гробницы в Африке изображен корабль, перевозящий душу умершего через небесный океан. На самом корабле изображены восемь воинов, в которых признают Кабиров, включая, следовательно, и Эшмуна, а на корме стоит солнечное божество⁴⁶. Так что корабль Кабиров – это корабль мертвецов. И снова Эшмун связан с миром смерти и воскресения. Он излечивает от смерти, а если это уже невозможно сделать, то помогает душе умершего обрести блаженство по ту сторону мира, где душа излечивается от страданий жизни. Как показывают материалы самых разных религий, такой бог, соединяющий посюсторонний и потусторонний миры, должен быть умирающим и воскресающим. И действительно, сохранился миф об Эшмуне, которого преследовала полюбившая его мать богов Астроноя (явно Астарта)⁴⁷ и который, спасаясь от нее, отрубил себе половой орган и погиб, но богиня вернула его к жизни и сделала его богом (*Damasc. Vita Isid. fr. 348*). Миф об умирающем и воскресающем божестве играл очень важную роль в мифологии разных народов. Но Санхунйатон, казалось, его абсолютно игнорирует. Между тем культ Эшмуна был широко распространен в финикийском мире.

⁴¹ Например: *Ribichini S. Questions de mythologie phénicienne d'après Philon Byblos // Religio Phoenicia. Namur, 1986. P. 41–52; Loevenstamm. Op. cit. Sp. 593–598; Шифман. Финикийская мифология... С. 191–274.*

⁴² Ср. *Xella P. Le polythéisme phénicien // Religio Phoenicia. Namur, 1986. P. 31–32.*

⁴³ *Loevenstamm. Op. cit. Sp. 594.*

⁴⁴ *Teixidor J. Un nouveau papyrus araméen du règne de Darius II // Syria. 1964. 41. P. 289.*

⁴⁵ *Baudissin W.W. Adonis und Esmun. Lpz, 1911. S. 246.*

⁴⁶ *Ferron J. Le mythe solaire de la résurrection des âmes d'après la peinture funéraire de Kef-al-Beida // Archeologia. 1968. № 20. P. 54.*

⁴⁷ *Seyrig H. Les grands dieux de Tyre à l'époque grecque et romaine // Syria. 1963. 40. P. 19–23.*

Следы его культа можно найти в III тыс. до н.э. в Эбле и во II тыс. в Угарите⁴⁸. В договоре Баала с Асархаддоном Эшмун вместе с Мелькартом выступает одним из гарантов этого договора (ANET. Suppl., p. 534). Одно из самых знаменитых святилищ Эшмуна находилось около Сидона⁴⁹. И вообще в Сидоне Эшмун играл роль бога-покровителя города, выступая, по-видимому, паредром Астарты. Приведенный выше миф о гибели и воскресении Эшмуна локализуется около Берита. Практически вся Финикия дает следы почитания этого бога. Активно почитали Эшмуна и колонисты. Храм Эшмуна существовал в Карфагене (CIS 252), и этот храм был самым богатым в городе (App. Lib. 130). Греки отождествляли Эшмуна с Асклепием, а римляне с Эскулапом, как об этом выразительно свидетельствует трехязычная финикийско-греко-латинская надпись из Сардинии (IFPCO Sard. 9). По Страбону (XVII. 3. 14) и Аппиану (Lib. 130), в самом сердце Карфагена, в Бирсе, откуда город начинался, находился храм Асклепия, т.е. Эшмуна. Через много лет, когда на месте разрушенного финикийского города находилась римская колония, твердыню римского Карфагена, по словам Апулея (Flor. 18), охранял Эскулап. И когда карфагенский полководец Гасдрубал основал в Испании Новый Карфаген, в этом городе тоже был создан храм Эшмуна-Асклепия (Polyb. X. 10.8), и храм этот тоже поднимался на холме, господствующем над городом. Все это свидетельствует о том, что в Карфагене Эшмун занимал центральное место.

В сохранившихся фрагментах труда Филона лишь мельком упоминается рождение Мелькарта (Геракла) от Демарунта (fr. I, 27). Этот бог особо значительную роль играл в Тире, где он являлся покровителем этого города. Само его имя означает «царь города», и сейчас никто не сомневается, что под «городом» подразумевается Тир (Preisendanz. 1935. S. 293). В двуязычной финикийско-греческой надписи, найденной на Мальте, он именуется Владыкой Тира – Баал Цор (KAI 47). В греческой части этой надписи ему соответствует Геракл. Будучи «царем города», Мелькарт принадлежал к тем городским владыкам, в образе которых жители данного города олицетворяли все самое для них ценное⁵⁰. Поэтому естественно, что тирийцы сконцентрировали в образе Мелькарта ряд черт, свойственных нескольким другим богам. С тирской колонизацией культ Мелькарта широко распространился по всему Средиземноморью.

Такую же роль, как Мелькарт в Тире, в Библие играл Адонис. Страбон (XVI. 2. 18) говорит, что Библ посвящен Адонису. А недалеко от Библа показывали и могилу Адониса⁵¹. В трактате «О сирийской богине» (6–8), приписываемом Лукиану, говорится о празднике этого бога в Библи. Само имя бога – чисто семитское и означает «Господь» или «Мой господь». Так обращались порой финикийцы к своим богам, не желая или боясь называть их по имени. Порой это слово предвляло обращение к тому или иному божеству. Имеются некоторые финикийские имена с элементом «Адони»⁵². И никакого даже намека на этого бога в имеющемся тексте Санхунйатона нет.

Все эти боги имели общие черты. Прежде всего, они были умирающими и воскресающими. Уже говорилось об Эшмуне, воскрешенном Астартой-Астроной; погиб от рук Тифона, т.е., вероятнее всего, бога моря Йама⁵³, а затем был воскрешен Мелькарт⁵⁴. Различные мифы об Адонисе, переданные греко-римскими авторами, рассказывают о гибели и последующем воскресении Адониса⁵⁵. Своей гибелью и воскресением все они связывали два мира – земной и загробный. Второй общей чертой было то, что они выступали как покровители, «владыки» (баалы) отдельных городов,

⁴⁸ Lipinski. Op. cit. P. 155.

⁴⁹ Parrot A., Chehab M., Moscati S. Les Phéniciens. P., 1975. P. 104–107.

⁵⁰ Leslie E. Old Testament Religion in its Canaanite Background. New York – Chicago, 1936. P. 24.

⁵¹ Soyez B. Byblos et la fête des Adonies. Leiden, 1977. P. 21–23.

⁵² Lipinski. Op. cit. P. 90–105.

⁵³ Шифман. Культура... С. 156.

⁵⁴ Циркин Ю.Б. Мифология Мелькарта // Античный мир и археология. Саратов, 1977. С. 75–77.

⁵⁵ Шифман. Финикийская мифология. С. 274–280.

хотя весьма почитаться могли и в других местах. Мелькарт был покровителем Тира, Адонис – Библа.

Даже Эшмун, чей культ был широко распространен по всему финикийскому миру, особо почитался именно в Сидоне⁵⁶. К этим богам можно прибавить бога, которого Филон (fr. I, 35) называет только греческим именем – Посейдон, сообщая лишь, что Эл-Крон дал ему во власть город Берит. Исследования действительно показали, что этот бог играл в Берите практически ту же роль, что Мелькарт в Тире или Адонис в Библе⁵⁷. Третья общая черта – их связь с женским божеством, с которым он разделял владычество над данным городом. Мелькарт был сыном Астарты, Эшмун – возлюбленным той же Астарты, Адонис – возлюбленным Баалат-Гебал. Из поэмы позднего поэта Нонна «Дионисиака» (XLII–XLIII) известен миф о любви Посейдона к нимфе Берое, олицетворению Берита. И, наконец, надо отметить, что все эти боги относятся к последнему поколению богов. Эшмун с отцовской стороны практически завершает линию, идущую от Гипсурания (далее говорится лишь о безымянных открывателях целебных трав и прочих снадобий), а с материнской является внуком Астарты и Эла (fr. I, 11–14; 39). Также завершает свою линию Мелькарт (fr. I, 27). О генеалогии Адониса судить трудно, так как в сохранившемся тексте Санхунйатона-Филона о нем вообще ничего нет, а мифы, рассказывающие о нем, дошли только в греко-римской передаче в большом искажении, но и в них ничего не говорится о божественных потомках Адониса. «Посейдон», вопреки греческой мифологии, у финикийцев выступает в самом конце генеалогии морских богов (fr. I, 27). Поэтому все эти божественные фигуры можно назвать «молодыми богами». Обо всех этих богах в сохранившихся фрагментах произведения Санхунйатона либо не говорится ничего, либо лишь вскользь упоминается факт их рождения. Разумеется, возникает вопрос о причине этого явления.

Ответ на этот вопрос прост: все мифы, относившиеся к «молодым богам», содержались в тех частях произведения Санхунйатона-Филона, которые Евсевий не считал нужным для своих целей цитировать. Сам же Евсевий (Праер. ev. IV. 16. 6), ссылаясь на Порфирия, пишет, что Филон, переведя на греческий язык труд Санхунйатона, опубликовал его в восьми книгах, а в другом месте (I. 9. 23) говорит даже о девяти книгах, на которые разделен этот труд⁵⁸. Между тем сам он ссылается только на первую книгу. И кажется, что об остальной части сочинения Санхунйатона ничего сказать невозможно⁵⁹.

Однако Иоанн Лидийский (De mens. IV. 154) упоминает о второй книге Филона. В этой книге вновь говорится о Кроне, т.е.эле. По словам этого уже довольно позднего писателя, бог Крон царствовал над Ливией, Сицилией и западными землями. Представление о Кроне-Сатурне, правившем Западом после своего свержения сыном, было довольно широко распространено в античном мире и особенно воспринято римлянами. Об этом в частности писали Вергилий (Aen. VIII. 319–325) и Овидий (Fast. I. 235–240). Особенно широко культ Сатурна распространился в римской Африке, где он слился с местным богом⁶⁰. Этим местным богом был карфагенский Баал-Хаммон⁶¹, на которого были перенесены некоторые черты Эла. Но в целом представления о верховном боге, правившем только определенной частью мира, были чужды финикийской да и вообще западносемитской религии. Верховный бог, как это можно видеть из различных угаритских текстов, осуществляет верховное владычество, в то время как конкретным богам он поручает властвовать над отдельными территориями, народами или явлениями. Поэтому, по-видимому, и в данном случае

⁵⁶ Lipinski. Op. cit. P. 154–168.

⁵⁷ Ibid. P. 116–118; Шифман. Финикийская мифология... С. 256.

⁵⁸ Предполагают, что такое различие в определении числа книг объясняется тем, что Евсевий считал предисловие отдельной книгой: Cors i Meyu. Op. cit. P. 149. Not. 16.

⁵⁹ Gärtner. Op. cit. Sp. 1060.

⁶⁰ Le Glay M. La religion romaine. P., 1997. P. 59–60.

⁶¹ Lipinski. Op. cit. P. 256–258.

речь идет не о самом верховном боге. Филон (fr. I, 25–26) среди сыновей Эла-Крона называет Крона, соименного своему отцу. Видимо, именно этот Эл младший и подразумевался под именем Баал-Хаммона (что явно не является собственным именем). Если это так, то, вероятно, и Эла младшего можно причислить к «молодым богам».

Таким образом, можно, по-видимому, говорить, что в первой книге, единственной, использованной Евсевием, говорилось о происхождении мира и богов, о борьбе различных поколений богов и их борьбе за власть, об установлении верховной власти Эла и учреждении основных обычаев, как, например, жертвоприношений, в том числе человеческих, и обрезания как знака единения с богом, т.е. то, что, вероятно, христианский автор и понимал под теологией. Во второй (а может быть, и в какой-то последующей) книге речь шла уже о деяниях «молодых богов», связанных с конкретными человеческими общностями и их занятиями, о чьем рождении (кроме Адониса) в первой книге лишь упоминалось. Связь между этими двумя частями мифологического повествования Санхунйатона-Филона могла содержаться в рассказе о распределении Элом-Кроном власти между подчиненными божествами над отдельными странами и городами (fr. I, 31–32, 35).

В таком случае становится возможным определить общую композицию произведения Санхунйатона, которой Филон явно следовал. Ученый грамматик римского времени, по обычной эллинистическо-римской традиции, разделил сочинение своего финикийского предшественника на отдельные книги, о чем ясно писал Евсевий (Праер. ev. I. 9. 23). Свое произведение, как свидетельствует Евсевий (Праер. ev. I. 9. 20; IV. 16. 6), Филон назвал «Финикийской историей» (τὰ Φοινικικὰ или Φοινικὴ ἱστορία). Мы не можем сказать, как называлось сочинение самого Санхунйатона. В западно-семитском мире сосуществовали две традиции наименования книг: по начальным словам произведения, по его сюжету или по важнейшим особенностям⁶². Какой традиции следовал Санхунйатон, неизвестно, да и подлинное начало даже первой книги мы не знаем. Но греческое название, данное Филоном, говорит о том, что содержанием его труда, как и труда Санхунйатона, являлась история всей Финикии, а не одного какого-либо ее города. Да и использование самим Санхунйатоном различных городских мифологических традиций свидетельствует о том, что автор имел в виду всю страну.

Представление о существовании собственной этнической общности у финикийцев было всегда. Они говорили на одном языке, хотя и имелись отдельные диалекты. Свое происхождение они вели от одного предка, по имени которого называлась и страна, и народ – Ханаан. Все они знали о своем приходе на берега Средиземного моря с берегов южного Эритрейского моря (как бы мы сейчас не относились к реальности этого предания). Наконец, они почитали одних и тех же богов, хотя в разных городах могли существовать различные рассказы о них. И соперничество отдельных городов, каким бы острым оно порой ни было, не мешало ощущению своего этнического единства. Поэтому появление истории всей Финикии совершенно закономерно.

Существовали ли в Передней Азии вне Финикии собственно исторические сочинения, мы не знаем. Известно лишь, что в языке народов этого региона не было даже слова, аналогичного греческому «история»⁶³. И только Библия дает нам пример исторического или, точнее, историко-религиозного повествования. И это повествование развивается довольно логично: творение мира, первые люди до потопа и после него, распад единого человечества на отдельные народы, предки евреев и затем уже история еврейского народа. В совершенно другом мире, античном, и в другое время (I в. до н.э.). Диодор Сицилийский по существу строит свою «Историческую библиотеку» по тому же принципу, стремясь, однако, объединить и мифологические,

⁶² Шифман И.Ш. Учение. М., 1993. С. 3.

⁶³ Он же. Ветхий Завет... С. 137. Ср. Фролов Э.Д. Факел Прометея. Л., 1991. С. 84–86.

и исторические события различных народов. Он сам (I. 4) говорит о плане своего труда: в первых шести книгах излагаются мифы варваров и греков (по три для эллинов и варваров), следующие одиннадцать посвящены всеобщей истории от Троянской войны до смерти Александра, а остальные – последующей истории. Такое построение вполне логично. Представляется, что и Санхунйатон следовал ему. С достаточной долей вероятности можно говорить, что после повествования о «молодых богах» он переходил к изложению уже земной истории. В этом плане его труд мог быть похожим на произведения греческих логографов, соединяющих описание мифической древности с конкретной земной историей вплоть до их современности⁶⁴.

Кроме Санхунйатона нам известен только один финикийский автор доэллинистического времени – Мох, настоящим именем которого было, вероятно, Малх⁶⁵. Античные писатели считали его в основном философом, видя в нем даже предшественника греческой атомистики⁶⁶, но Иосиф Флавий (Ant. Iud. I. 3. 9) и Татиан (Adv. Graec. 37) полагали, что Мох – один из наиболее авторитетных историков Финикии. Известен отрывок из космогонии Моха, переданный Дамаскием (De princ. III, p. 166, Combes)⁶⁷. Дамаский рассказывает уже упоминавшийся миф об Эшмуне, который, по-видимому, тоже восходит к Моху. Возможно, к Моху же восходит и упоминание выдачи тирским царем Хирамом своей дочери замуж за Соломона (Clem. Alex. Strom. I, p. 140, 8). Не рассматривая подробно все имеющиеся сведения о Мохе, надо отметить, что, вероятнее всего, он тоже написал историю, в начале которой излагалась сидонская версия возникновения мира, затем шла мифологическая предыстория, заполненная рассказами о богах, и, наконец, земная история. По-видимому, к мифологической части сочинения Моха относится замечание Иосифа Флавия (Ant. Iud. I. 3. 9), доказывающего ссылкой на Моха необыкновенную продолжительность жизни древних людей. По Страбону, Мох, как и Санхунйатон, тоже жил до Троянской войны, но и в этом случае речь идет лишь о глубокой древности этого автора.

Оба финикийских автора явно следуют одному плану, который отражен и в историко-мифологической части Библии. Мы не знаем, были ли в Финикии до эпохи эллинизма другие историки, но и существования Санхунйатона и Моха достаточно, чтобы говорить о наличии в Финикии своей историографии.

Каково было в произведении Санхунйатона соотношение мифологии и истории, нельзя сказать даже предположительно. Совершенно неизвестно также, в какой степени это историописание было рационалистическим, но какие-то элементы рационализма, как говорилось выше, в нем, по-видимому, присутствовали. В любом случае это произведение было бы великолепным источником по истории Финикии, но надежд обнаружить еще хоть какой-то его фрагмент нет абсолютно. Единственное, что мы можем сказать на основании всего изложенного, так это то, что в лице Санхунйатона в Финикии уже появилась собственная историография, которая, конечно же, не достигла высот античной, но уже превзошла границы простой анналистики.

Ю.Б. Циркин

THE "PHOENICIAN HISTORY" OF SANCHUNIATON

Yu.B. Tzirkin

The work of the Pre-Hellenistic Phoenician historian Sanchuniaton was worked upon and translated into Greek by Philo of Biblos. As far as it is possible to judge from the preserved fragments of *Philo's* work, Sanchuniaton's composition was historical, and moreover, involved the history of all of Phoenicia.

⁶⁴ Фролов. Ук. соч. С. 98–99.

⁶⁵ Тураев Б.А. Финикийские отрывки у Дамаския // Финикийская мифология. СПб., 1999. С. 121.

⁶⁶ Diog. Laert. I. 1; Strabo. XVI. 2. 24; Sext. Empir. IX. 363.

⁶⁷ Laquer R. Mochos // RE. 1932. Hlbd 30. Sp. 2314; Шифман. Финикийская мифология... С. 212–214.

In creating his work, Sanchuniaton apparently followed the same principle that lay at the base of the historical works of the Bible (and those of such Greek historians as Diodore). In the beginning, he told of the origin or creation of the world, and then went on to recount the history of several generations of «old gods», this material constituted the first volume of Philo used by Eusebe. The second volume must have discussed the history of the «young gods», and further on, it seems likely to us, Sanchuniaton wrote about the Phoenicians' own history. His efforts do not represent the heights of ancient historiography, of course, but his work is obviously an improvement upon simple annals.

© 2002 г.

ОЛЬВИОПОЛИТЫ И БОСПОРЯНЕ В АФИНАХ

В V–III вв. до н.э. между греческими государствами в Северном Причерноморье и Афинами существовали интенсивные политические, экономические и культурные связи, о чем писали многие исследователи. Они в основном занимались общими вопросами, мало касаясь деятельности отдельных людей. До сих пор рассматривалась, главным образом, роль Афин в жизни северопричерноморских полисов, привлекались сведения об афинянах, посещавших северные берега Понта, но почти ничего не говорилось о присутствии северопричерноморских греков в Афинах¹.

Мы попытались собрать и исследовать все сравнительно немногочисленные известия о жителях Ольвии и Боспора, посещавших Афины в роли официальных представителей этих государств и в качестве частных лиц. Выбор этих двух государств объясняется тем, что преимущественно о них имеются сведения по интересующей нас теме, и почти все они относятся к V–III вв.²

В последней трети V в. Ольвия, Нимфей и, возможно, некоторые другие северопричерноморские города входили в состав Афинского морского союза³. В то время в нем состояло около 400 больших и малых греческих полисов⁴. Они ежегодно вносили форос – определенный денежный взнос, размер которого утверждался в Афинах особым судом раз в четыре года. Представители союзных городов могли выступать в этом суде со своими жалобами и пожеланиями, поэтому на таких заседаниях, вероятно, бывали посланцы из северопричерноморских полисов. Эпиграфические документы свидетельствуют, что взносы Нимфея и Ольвии в 1–2 таланта были одними из самых скромных.

Посольства союзных городов ежегодно доставляли в Афины форос к празднику Великих Дионисий. Его отмечали в марте, когда открывался сезон судоходства. Наряду с Панафинейми, этот длившийся несколько дней праздник считался главным и справлялся с большой пышностью. Три дня посвящались состязаниям драматургов. В театре собирались почти все граждане и множество гостей, среди которых были

¹ Укажем лишь основные работы, в которых содержится библиография по основным аспектам этой темы: *Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959; *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 90–114, 136–137; *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса в VI–I вв. до н.э. М., 1989. С. 126–134, 145; *Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье.* Киев, 1999. С. 138–141, 154–155.

² Здесь и далее все даты относятся к периоду до нашей эры.

³ *Карышковский П.О.* Ольвия и Афинский союз // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Т. 3. Одесса, 1960. С. 73–85; *Шелов-Коведяев.* Ук. соч. С. 90–105; *Виноградов.* Ук. соч. С. 126–134.

⁴ *Кондратьев М.В.* Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 338.

послы из Северного Причерноморья. Во второй половине V в. на оркестру театра выносили огромное количество денег, полученных в качестве форося (Isocr. VIII. 82). Так афиняне прославляли свою державу и внушали присутствующим на этой церемонии союзникам уверенность в силе и прочности власти Афин. Вероятно, посольства Ольвии и Нимфея отправлялись в Афины не ежегодно. снаряжение посольства требовало много затрат, поэтому небольшие города, расположенные недалеко друг от друга, образывали объединения-синтелии и поочередно брали на себя расходы по доставке денег в союзную казну⁵.

Пользуясь огромным стечением народа, в афинском театре возглашали почетные декреты об увенчании золотыми венками граждан и иностранцев, оказавших государству большие услуги. В 288 г. такой почести на Великих Дионисиях удостоился боспорский царь Спарток III. Декрет в его честь гласил, что царь награждается венком и постановкой двух статуй на агоре и Акрополе «за добродетель и благорасположение к афинскому народу»⁶. Из этого декрета ясно, что Спарток выгодно для афинян продавал им хлеб, а иногда доставлял зерно в дар, за что он, подобно своим предкам, получил права афинского гражданства. Постановление о награде афиняне приняли в феврале и отправили послов на Боспор, чтобы царь успел, если захочет, прибыть на празднество. Не известно, получал ли Спарток сам эту награду или доверил это кому-то из своих подданных.

Церемония награждения золотыми венками проходила и в заключительный день Великих Панафиней, проводившихся раз в четыре года. Сатир I первым из боспорских царей удостоился этой почести. Он передал свой венок в храм покровительницы города Афины Полиады, в честь которой справлялись Панафины. Надпись на венке гласила, что это дар Сатира. За ним и следующие боспорские цари стали посвящать такие венки Афине. Есть сведения о том, что и в других случаях золотые венки от имени боспорян приносились в дар этой богине⁷. На протяжении всего IV века на каждых Панафинях провозглашалось об увенчании боспорских царей золотыми венками «за доблесть и благорасположение к афинскому народу». Так афиняне выражали свою признательность за бесперебойную доставку хлеба с Боспора на выгодных условиях. Изготавливая для Спартока II и Перисада I роскошные венки ценой в тысячу драхм, афиняне заранее начертали на них ставший уже традиционным текст надписи, в котором менялись лишь имена царей⁸.

После смерти Сатира I в 389 г. его сын Левкон I, а позже внуки Спарток II и Перисад I, приходя к власти, сразу же отправляли послов с подтверждением, что новые цари будут продолжать прежнюю дружественную политику в отношении Афин. Сохранились имена боспорских послов Сосия и Феодосия. Им выразили благодарность и пригласили на трапезу в пританей за то, что в апреле 346 г. они доставили афинянам благою весть от вззошедших на престол Спартока II и Перисада I, и за то, что они заботились об афинянах на Боспоре⁹. Последнее говорит о том, что Сосий и Феодосий были хорошо знакомы со многими афинянами и, возможно, уже не первый раз находились в Афинах с царскими поручениями.

Трудно сказать, ездили ли боспорские цари на каждые Панафины получать венок и совершать церемонию жертвоприношения его в храм Афины. Возможно, в какие-то годы это поручалось их послам или доверенным лицам, жившим в Афинах. О последних упоминается в «Трапедзитике» Исократ (XVII. 538). Но, наверное, по крайней мере, сразу после прихода к власти цари пользовались этой возможностью побывать в Афинах в качестве почетных гостей, услышать, что им даруют права афинского гражданства и освобождение от обложения налогами (Dem. XX. 30. 34–36), доставить себе

⁵ Каллистов Д.П. Афинский морской союз // Древняя Греция. М., 1956. С. 205.

⁶ IG II². № 653; МИС. № 4.

⁷ Ср. надписи на двух венках конца IV в. из акта передачи имущества жрецам Афины: «Спарток с Понта увенчал народ афинян» (IG II². № 731, 732; МИС № 1).

⁸ IG II². № 212; МИС № 3.

⁹ Там же.

удовольствие лицезреть великолепный праздник, потешить свое самолюбие, получая награду и глядя на рельефы и статуи с изображениями своих предков и самих себя.

Из речей ораторов и надписей мы знаем, что на афинской агоре и на Акрополе находились бронзовые статуи царей Сатира I, Перисада I, Спартока III, члена династии Спартокидов Горгиппа¹⁰. В Пирее выставлялись мраморные стелы с декретами в честь боспорских царей (Dem. XX. 36). Сохранилась одна из них, украшенная рельефом, изображающим Спартока II, Перисада I и их брата Аполлония¹¹. На Панафиней прибывали официальные представители из других городов Северного Причерноморья. Во время существования Афинского морского союза на праздник приглашали послов союзных государств, среди которых могли быть посланцы Ольвии и Нимфея. Как и прочим, им вменялось в обязанность доставить животных для жертвоприношения¹².

Многие жители Северного Причерноморья видели, как праздновались Великие Дионисии и Панафиней. Одни, как будет показано ниже, жили в Афинах продолжительное время, другие прибывали с торговыми целями в сезон судоходства, на который приходились оба названных праздника. Приезжие приобретали на память о Панафинейях панафинейские амфориски, недорогие сосудики для благовонного масла. Их расписывали довольно небрежно, но по той же схеме, что и наградные панафинейские амфоры. Как правило, художники изображали Афины и атлетов, участвовавших в состязаниях на празднике. Несколько целых амфорисков IV в. и много их фрагментов найдено на Боспоре¹³. С особым интересом северопричерноморские греки наблюдали проходившие во второй и третий день Панафиней состязания атлетов, среди которых иногда выступали и их соотечественники. Ведь помериться силами с соперниками на этом празднике имели право граждане любого греческого города. В гимнасиях Ольвии и Боспора молодые граждане получали прекрасную атлетическую тренировку, и лучшие из них принимали участие в панэллинских состязаниях¹⁴. О полученных ими на Панафинейях призах свидетельствуют находки наградных панафинейских амфор. Часть амфор привозили в Северное Причерноморье на продажу, ибо первые призы получали по несколько десятков наполненных оливковым маслом чернофигурных амфор и имели право их продать¹⁵, но некоторые по праву принадлежали победителям, – например, амфора последней четверти IV в. с изображением трех бегунов¹⁶, которую поставили в погребение знатного пантикапейского воина на память об одном из самых счастливых моментов его жизни.

Наиболее многочисленную группу жителей Северного Причерноморья, посещавших Афины, составляли люди, причастные к торговле: купцы, хозяева грузовых кораблей, капитаны, матросы, торговые агенты, следившие за продажей товаров и выплатой денег. Нам лучше всего известно о жизни в Афинах некоего сына Сопея, богатого боспорянина, приближенного царя Сатира I. Об этом говорится в XVII речи Исократ, которую он написал между 394 и 391 гг., и сын Сопея произнес ее в суде во время тяжбы с самым богатым афинским трапедзитом Пасионом, отчего она и называется «Трапедзитикон» или «Банкирская речь». Излагая в речи события от имени сына Сопея, Исократ не называл его имени, поэтому боспорянин известен лишь по отчеству. Путем логических умозаключений можно было бы думать, что молодые люди из античных городов Северного Причерноморья стремились увидеть

¹⁰ Dein. I. 43; IG II². № 653, 1008; МИС № 4, 42.

¹¹ IG II². № 212; МИС № 3; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. Г. 69. Рис. 5.

¹² Об этой обязанности союзников см. Shapiro H. Democracy and Imperialism // Worshipping Athena: Panathenian and Parthenaia. Madison, 1996. P. 222.

¹³ Вдовиченко И. И. Panathenaika. Pantikapaion // Археология и история Боспора. Т. 3. Керчь, 1999. С. 249–250.

¹⁴ Скржинская М. В. Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н.э. СПб., 2000. С. 61–62, 71–77.

¹⁵ Kyle D. Gifts and Glory // Goddesses and Polis. The Panathenaic Festival in Athens / Ed. J. Heils. New Jersey, 1992. P. 118.

¹⁶ Вдовиченко. Ук. соч. С. 242.

разные области Греции и в первую очередь Афины, с середины V в. считавшиеся «школой всей Эллады» (Thuc. II. 41. 1) и «пританеом мудрости» (Plat. Prot. 24. P. 337). В одном уцелевшем фрагменте из комедии Лисиппа утверждалось:

«Коль не видал Афин, ты просто пень;
Коль не пленился, увидав, — осел;
А коль бежишь, довольный, ты — скотина»

(Перевод С.И. Радцига).

Боспорянин Сопейд прямо сказал о своем желании попасть в Элладу и прежде всего в Афины, подчеркнув, что его интерес подогревался рассказами видевших собственными глазами разные греческие города (Isocr. XVII. 4). Однако в те времена путешествия с чисто познавательной целью предпринимались редко, и, насколько нам известно, их совершали лишь ученые мужи, как, например, Демокрит¹⁷. В подавляющем большинстве случаев познавательная цель совмещалась с практической. Сопей желал, чтобы его сын не только «людей посмотрел», но и усовершенствовался в умении вести торговые дела в крупных масштабах. Поэтому он снабдил сына большой суммой денег и снарядил два корабля с хлебом, с которыми тот направился в Афины (XVII. 4. 41). Здесь молодой человек сразу же нашел поддержку у соотечественников и торговых партнеров отца. Один из них, Филипп, был связан с Сопеем узами гостеприимства (ξένος πατρικός) (XVII. 43) — распространенным в античности способом взаимной поддержки и помощи между отдельными людьми из разных государств. Из круга этих знакомых отца некий Пифодор взялся представить впервые прибывшего в Афины купца Пасиону. Этот самый крупный афинский трапедзит прошел путь от раба в трапедзе Архестрата и Антисфена до владельца огромного состояния (Dem. XXXVI. 5. 43); за важные услуги государству он получил афинское гражданство для себя и своих потомков (Dem. XIV. 85; XIX. 46). В трапедзе Пасиона отец Демосфена держал большой вклад: 2400 драхм (Dem. XXVII. 11). Надо думать, что сын боспорянина Сопея проводил крупные денежные операции, если ему понадобилось содействие столь богатого трапедзита. Сначала он отдал Пасиону взятые с собой деньги, о которых упоминается в начале речи. Ведь приезжие жили обычно у друзей или в наемном доме, поэтому большие суммы надежнее всего было хранить в трапедзе. Затем сын Сопея стал совершать различные финансовые и торговые операции, требовавшие содействия трапедзита. Первые его сделки с Пасионом были вполне удачными для обеих сторон, поэтому именно Пасион выручил боспорянина в спорном деле с грузовым кораблем, когда деловой партнер Сопея Филипп отказался помочь сыну своего друга (Isocr. XVII. 42–43).

Войдя таким образом в круг купцов и трапедзитов, Сопейд стал приобретать в Афинах собственных друзей, которых мог бы попросить об услугах. По его поручению денежные дела с Пасионом решали Филомел, Менексен (XVII. 10, 14, 45) и Гипполайд (XVII. 38), в то время как он сам скрывался от находившихся в Афинах доверенных лиц Сатира. С Гипполайдом боспорянина связывали не только дружба, но и узы гостеприимства.

Кроме денежных операций с трапедзой Пасиона, сын Сопея упомянул еще об одной. Когда ему понадобилось получить деньги с родины, он прибег к частому в те времена способу. Чтобы не подвергать опасности свои средства во время плавания, так как крушения кораблей в античности были достаточно частыми, он попросил отбывавшего на Боспор Стратокла оставить ему нужную сумму из собственных средств, а на Боспоре его отец должен был вернуть Стратоклу эти деньги (XVII. 35).

После первых успешных самостоятельных шагов Сопейда в Греции перед ним вскоре встала нелегкая задача: быть законопослушным боспорским гражданином и потерять крупную сумму денег или спасти свое достоинство. Ведь боспорский царь

¹⁷ Лурье С.Я. Демокрит. Л., 1970. С. 192.

Сатир получил донос о том, что Сопей покушается на его власть, а его сын водит дружбу с изгнанниками (XVII. 5). Поэтому Сатир взял под стражу Сопея, а его сыну послал распоряжение возвратиться на родину, передав предварительно имеющиеся у него деньги доверенным лицам царя в Афинах (это свидетельствует о том, что между Боспором и Афинами могло существовать соглашение о выдаче преступников). Однако тот не подчинился приказу царя вернуться и скрылся в городе Византии. Перед этим он отдал доверенным лицам Сатира свои наличные деньги, но утаил те, которые сумел вложить в трапедзу Пасиона. Чтобы не закралось сомнения, что он ничего себе не оставил, сын Сопея, с согласия Пасиона, объявил себя его должником. Когда же, находясь в Византии, он пожелал через друзей получить свои деньги у Пасиона, тот отказался их выдать, пользуясь затруднительным положением клиента и невозможностью с его стороны обратиться к властям. Через некоторое время с Сопея были сняты все подозрения, и он снова стал приближенным царя. Тогда его сын возвратился в Афины, где тщетно стремился получить обратно свой вклад у Пасиона. Поэтому он подал иск в суд. Выступать в суде против могущественного трапедзита было делом нелегким, и Сопей обратился к Исократу, который славился как блестящий логограф-составитель судебных речей. Не известно, чем закончился судебный процесс, потому что сохранилась лишь речь истца, написанная Исократом и включенная в собрание его произведений. Можно лишь сказать, что даже если Пасиону пришлось выплатить сыну Сопея крупную сумму денег, это не нанесло ему заметного ущерба, и дела его продолжали бы процветать (Dem. XXXVI. 5. 43).

Дионисий Галикарнасский в трактате об Исократе упомянул, что сын Сопея учился в риторской школе оратора (Dionys. Halic. Isocr. XVIII). Если вспомнить, что Сопей был видным политическим деятелем, приближенным Сатира и крупным торговцем хлебом, то вполне понятно, что он хотел, чтобы его сын не только усовершенствовал познания в коммерции, но и получил хорошее образование, необходимое для занятий государственными делами. В то же время, сочетание государственной деятельности и коммерции было обычным для греков. Достаточно напомнить, что выдающийся оратор и политический деятель Демосфен вел крупные торгово-ростовщические операции, давая ссуды под залог кораблей или грузов (Hyperid. C. Dem. 17; Plut. Com. Dem. et Cic. III. 6).

Когда Сопей пребывал в Афинах, лучшая ораторская школа принадлежала Исократу¹⁸. Цицерон в «Бруте» (8. 32) писал, что дом оратора был открыт для всей Эллады как некая школа и мастерская, где выковывалось искусство красноречия. Сам Исократ говорил, что ученики стекались к нему из разных мест, среди которых он первыми называл Сицилию и Понт (XV. 224). Надо полагать, что сын Сопея был не единственным уроженцем Северного Причерноморья в школе Исократа. Плата за обучение, полный курс которого длился 3–4 года, составляла 10 мин (Plut. Dem. 5). Однако такая крупная сумма оказалась вполне доступной сыну Сопея. Зато в этой школе он мог получить блестящее образование и общаться с самыми способными молодыми людьми из всей Греции, которые затем прославились на разных поприщах. Ведь учениками Исократа были выдающиеся ораторы Исей, Ликург, Гиперид, известные историки Андрион, Эфор, Феопомп, крупные политические деятели Тимофей и Лаодамант, тиран Гераклея Клеарх, правитель Саламина на Кипре Никокл и другие. Судя по времени пребывания Сопея в Афинах, он принадлежал к старшему поколению учеников Исократа, о чем есть также косвенное указание в «Трапедзитике». Когда Сопею пришлось послать друзей за деньгами к Пасиону, он попросил об этом Филомела и Менексена (XVII. 45). С первым из них он мог познакомиться в школе своего учителя. Из речи Исократа «Об обмене имуществом» (XV. 93) известно, что Филомел принадлежал к одному из первых поколений учеников Исократа: на склоне лет оратор назвал Филомела в числе своих учеников-афинян, которых впоследствии государство за их заслуги наградило золотыми венками.

¹⁸ Blass F. Die Attische Beredsamkeit. Bd 2. Lpz, 1874. S. 12–21, 61–62.

Сохранилась еще одна речь, касающаяся деятельности боспорян в Афинах. Это речь, произнесенная в 327/26 г. обвинителем боспорского купца Формиона, которая включена под № 34 в корпус сочинений Демосфена, но, по общему признанию ученых, может принадлежать какому-то его современнику. Согласно ей, боспорский гражданин¹⁹ Формион торговал парфюмерией, приносящей, судя по античным источникам, хорошие доходы²⁰. Формион постоянно приезжал в Афины и имел там торговых партнеров и друзей. Среди последних был уважаемый метек Теодот, ставший третейским судьей в тяжбе Формиона с богатым афинским метеком Хрисиппом, у которого Формион взял заем для своих торговых операций. Стороны оформили условия выдачи и возврата денег в письменном контракте и сдали его на хранение трапедзиту Китту. По уверению Хрисиппа, Формион не отдал ему положенной суммы, а боспорянин полагал, что он ничего не должен займодавцу. Как утверждал Хрисипп, Теодот не вынес обвинения Формиону из-за дружеских чувств к нему, но, видя, что купца трудно оправдать, передал дело в афинский суд. Формион же считал, что на основании афинских законов он сумеет отклонить иск, подав протест против незаконного возбуждения дела. Вероятно, он хорошо знал афинские законы и, возможно, как многие греки, неоднократно участвовал в судебных разбирательствах. Может быть, он также надеялся на опытного логографа, который поможет убедить суд в невиновности обвиняемого. К сожалению, ответная речь Формиона не сохранилась, и не известно, кто выиграл дело.

Формион перевозил товар из Афин на Боспор на корабле своего соотечественника Лампида, выступавшего на суде свидетелем. Навклер Лампид не владел судном, но распоряжался им по доверенности своего хозяина боспорянина Диона. Последнему принадлежали также рабы, составлявшие экипаж судна²¹. Лампид постоянно жил в Афинах вместе с женой и детьми. Он был из тех доверенных слуг своего господина, о которых упоминается в проксенических декретах. На них распространялись торговые привилегии, данные государством иноземному гражданину, если слуга действовал от имени хозяина²².

Речи Исократ и Псевдо-Демосфена свидетельствуют о том, что купцы и навклеры из Северного Причерноморья хорошо знали афинское законодательство и в случае нужды обращались в афинский суд, как сделал это сын Сопея при Сатире I. Чаще всего они присутствовали в том отделении суда, которое занималось делами о морской торговле. Здесь жители Северного Причерноморья и, в частности, боспорцы выступали не только истцами, но также ответчиками, подобно Формиону, и свидетелями, как в случае с Лампидом.

До сих пор рассматривались в основном письменные источники. Однако и в материальных находках можно выделить вещи, свидетельствующие о том, что жители Северного Причерноморья бывали в Афинах, а именно – неординарные произведения прикладного и монументального искусства, исполненные по заказу. Боспоряне и ольвиополиты посещали мастерские афинских скульпторов, короoplastов, керамистов и ювелиров, покупали там приглянувшиеся готовые произведения искусства, а также заказывали вещи с определенным сюжетом, формой, раскраской. Некоторые крупные заказы, вероятно, финансировались из общественной казны, например, изображения богов для установки в святилищах, статуи граждан, оказавших особые услуги государству, или архитектурные детали для украшения общественных зданий. Большинство изделий этих мастеров исполнялось на деньги частных лиц.

Граждане античных государств Северного Причерноморья хотели видеть свои города украшенными произведениями лучших греческих скульпторов. Часто они обра-

¹⁹ Это понятно из слов о том, что Формион получил на Боспоре деньги, отдав в залог землю (*Dem.* XXXIV. 23): ведь правом владения землей обладали только местные граждане и в редчайших случаях иностранцы, особо отмеченные государством.

²⁰ Глушкина Л.М. Проблемы социально-экономической истории Афин в IV в. до н.э. Л., 1975. С. 113.

²¹ Казакевич Э.Л. О рабах-агентах в Афинах // ВДИ. 1961. № 3. С. 19.

²² Ср. подобные декреты, изданные на Боспоре и в Ольвии: КБН. I; НО. 5, 6, 8, 15, 18.

щались к афинянам. Об этом свидетельствуют найденные в Ольвии фрагменты мраморной статуи какого-то бога, исполненной скульптором школы Фидия во второй половине V в., а также постаменты бронзовых статуй с именами Праксителя и Стратонида, знаменитых ваятелей IV в.²³ Статуя, созданная Стратонидом, вероятно, стояла на Центральном теменосе Ольвии и представляла Аполлона с чашей в одной руке и лавровой ветвью в другой²⁴.

Находки в Пантикапее также указывают на знакомство боспорян с незаурядными аттическими скульпторами. В V в. они исполнили для столицы Боспора мраморный алтарь или базу статуи с вереницей шествующих женщин, а в IV в. изваяли из мрамора юного Диониса и огромную портретную статую кого-то из царской семьи Спартокидов²⁵. В приведенном далеко не полном перечне аттических скульптур в Пантикапее и Ольвии, возможно, не все выполнены на заказ, так как некоторые могли быть дарами афинян. Богатые ольвиополиты и боспоряне заказывали в Афинах прекрасные мраморные надгробные памятники. Древнейшее из уцелевших подобных надгробий V в. найдено в Пантикапее: стела украшена рельефом с изображением юноши, печально склонившего голову²⁶. На другой стеле из Пантикапея того же времени изображена женщина с ребенком на коленях²⁷. В Ольвии обнаружены фрагменты двух мраморных надгробий с изображением женщин: один рельеф изваял выдающийся скульптор круга Фидия, другой – незаурядный мастер IV в.²⁸

Из Аттики в Северное Причерноморье поступало множество терракот, в большинстве своем массового производства, попадавших на берега Понта путем торгового обмена. Однако некоторые, исполненные с особой тщательностью выдающимися коропластами, определенно выполнены по желаниям заказчиков. Таковы статуэтки из Фанагории, изображающие Сфинкса, Афродиту и Сирену²⁹. Вместе с ними в погребении находилось еще несколько фрагментированных терракот высокого качества. Это заставляет думать, что статуэтки специально подобраны по определенной тематике и уровню исполнения³⁰. Такое было возможно лишь по индивидуальному заказу, а не путем извлечения из общей массы рядовых терракот, привозившихся купцами на продажу. Надо думать, что боспорянин из Фанагории подробно обсуждал с афинскими коропластами свои пожелания и, возможно, указывал на понравившиеся ему образцы терракот, а также изображения в скульптуре или на картинах. Ведь коропласты зачастую воспроизводили предметы монументального искусства.

То же можно сказать относительно аттических расписных ваз и ювелирных изделий. Явно по индивидуальному заказу в конце IV в. выполнены найденные в Феодосии золотые серьги, украшенные мельчайшей зернью и крошечными фигурками богини Ники, правящей колесницей, с которой соскакивает воин-апобат. Серьги такого типа с диском и подвешенной к нему лунницей носили в разных греческих городах, но по мастерству микротехники ни одни из них не могут сравниться с феодосийскими. Можно представить, как этот дорогой подарок для жены или дочери боспорянин заказывал у афинского ювелира³¹.

²³ Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973. № 19; ИРЕ I². 271; НО. 66.

²⁴ Леви Е.И. Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу // ВДИ. 1965. № 2. С. 86.

²⁵ Соколов. Ук. соч. № 16, 18; Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 89. Рис. 27.

²⁶ Грач Н.Л. Фрагмент стелы V в. до н.э. из Пантикапея // ТГЭ. 1972. № 3. С. 56–61.

²⁷ Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961. С. 98.

²⁸ Лесницкая М.М. Античная стела из Одесского археологического музея // КСИА. 1976. 145. С. 23–27.

²⁹ Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // Записки РАИМК. Вып. 1. Пг., 1921. С. 1–42; Соколов. Ук. соч. № 43, 45, 47.

³⁰ Фармаковский. Ук. соч. С. 40.

³¹ Место производства ювелирных украшений, как правило, трудно определить точно. Я присоединяюсь к аргументации М.И. Максимовой об изготовлении этих серег в Афинах (Миниатюрная группа на феодосийских серьгах // ТГЭ. 1958. Т. 2. С. 66). Существует предположение о производстве подобного типа серег в Северной Греции и Малой Азии. См.: Греческое золото. СПб., 1995. С. 264.

Также по индивидуальным заказам, отражающим запросы состоятельных боспорян, были изготовлены такие выдающиеся произведения аттических керамистов, как украшенная полихромными рельефами и краснофигурной росписью гидрия со сценой спора Афины и Посейдона³², свадебный лебет мастера Марсия³³ и др. Одна из таких изумительных ваз имеет надпись «Ксенофант афинянин сделал», поэтому можно уверенно утверждать, что в 80-е годы IV в. какой-то житель Пантикапея заказал Ксенофанту большой краснофигурный лекиф с раскрашенными и золочеными фигурами, изображающими сказочную охоту персов и греков на фантастических грифонов, кабанов и ланей. Боспорский обладатель лекифа не только имел хороший вкус, но и знал литературное произведение, на сюжет которого исполнен декор лекифа с именами участников охоты³⁴.

Со всей греческой ойкумены в Афинах собирались люди, желавшие учиться у философов разных школ и направлений. Одни посещали лекции, стремясь пополнить свое образование, другие стремились научиться жить наилучшим образом, как обещали многие философы, и лишь немногие хотели полностью посвятить себя науке. Среди них встречались не только граждане, но и представители неполноправного населения, например, выкупленные из рабства ученик Сократа Федон и киник, уроженец Ольвии, Бион Борисфенит (Diog. Laert. II. 105; IV. 46). Ученики философов часто одновременно или поочередно посещали несколько школ. Это хорошо видно по жизнеописаниям многих философов; в их числе подобное образование получил выходец из Ольвии Бион Борисфенит. Многие философы вносили плату за обучение, да и сама жизнь чужестранца в Афинах требовала немалых расходов. Однако не следует думать, что все приезжие были состоятельными людьми. Страстное стремление к знаниям, характерное для древних эллинов, заставляло их преодолевать любые трудности. Это можно иллюстрировать рассказом Диогена Лаэртского (VI. 5. 168) о главе школы стоиков Клеанфе. Уроженец маленького малоазийского города Асса, он приехал в Афины всего с четырьмя драхмами. Чтобы учиться днем, он по ночам работал поденщиком: таскал воду для поливки садов и пек хлеб. Клеанфу не хватало денег на папирус, поэтому он записывал уроки Зенона на черепках и бычьих лопатках.

Античная литературная традиция сохранила имена лишь тех философов, которые оставили более или менее заметный след в науке. Среди них четверо из Северного Причерноморья: ольвиополиты Бион и Посидоний, боспорянин Дифил, а также Сфер, по одним источникам боспорянин, по другим – ольвиополит. Но, конечно, в Афинах обучалось значительно больше приезжих из Северного Причерноморья.

Деятельность старшего из них, Дифила приходится на вторую половину IV – начало III в. Он начинал свое образование в Афинах. Сюда часто приходили философы из расположенных неподалеку Мегар, где существовала собственная философская школа. Ее основатель Евклид учился у Сократа. Блестящий представитель мегарской школы Стильпон умел привлечь на свою сторону философов разных направлений: из Афин к нему у Феофраста перешел Метродор, прозванный теоретиком, от Аристотеля Киренского – Клитарх и др. Дифил Боспорский в процессе спора со Стильпоном из оппонента превратился в его страстного приверженца. Об этом рассказывает Диоген Лаэртский (II. 113), цитируя утраченное сочинение Филиппа Мегарского.

Наиболее подробные сведения сохранились о Бионе Борисфените, жившем в первой половине III в.³⁵ Диоген Лаэртский посвятил ему главу в разделе о киниках (IV. 46–47), его упомянули Страбон (I. 2. 2. С. 15; X. 5. С. 486), Горацій (Epist. II. 2. 60)

³² Соколов, Ук. соч. № 37.

³³ Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // МАР. № 35. 1915. С. 19–24; Greek and Roman Antiquities in the Hermitage. Leningrad, 1975. № 66.

³⁴ Скржинская М.В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3. С. 129–130.

³⁵ Время жизни Биона определяется по рассказу Диогена Лаэртского о том, что этот философ был поклонником учения Феодора Безбожника (330–270 гг.) и кончил свои дни при Антигоне Гонате, царе Македонии с 283 по 240 г.

и Афиней (XIII. 61). Бион родился в Ольвии. Его мать была гетерой, а отец вольноотпущенником, торговавшим на рынке соленой рыбой. За уклонение от налогов отца вместе со всей семьей продали в рабство. Юному Биону повезло, потому что его купил местный ритор. Заметив в подростковом возрасте большие способности, он стал обучать его своему искусству, отпустил на волю и сделал своим наследником. Видимо, от хозяина Бион впервые узнал о философских школах в Афинах и в первую очередь об Академии. Ведь именно туда сначала направился Бион, когда попал в Афины.

После смерти ритора неблагодарный ученик сжег все сочинения учителя, продал его имущество и на эти деньги поехал в Афины. Там он сначала стал слушателем Кратета Афинского в Академии, какое-то время посещал лекции перипатетика Феофраста. Но ближе всего ему оказалась школа киников и беседы ее выдающегося представителя Кратета Фиванского и близкого ему по духу Феодора Безбожника (Diog. Laert. IV. 22. 51). Киники привлекали Биона тем, что многие из них, подобно ему самому, принадлежали к низшим слоям общества. Начиная с основателя кинизма Диогена, приверженцы его учения вели себя вызывающе и не признавали общепринятых норм морали. Это также отвечало характеру Биона, который в молодости так неблагодарно отнесся к памяти своего учителя и благодетеля. Несомненно, Бион был талантливым человеком, с прекрасной памятью и умением привлекать к себе многочисленную аудиторию, но в области философии он не открыл ничего существенно нового³⁶.

Достигнув известности, Бион много путешествовал, пропагандируя кинические идеи о предпочтении бедности богатству, о безразличии к смерти, о космополитизме. По словам Диогена Лаэртского, Бион «был искусным софистом и оказал немалую помощь тем, кто хотел ниспровергать философские учения... он умел производить впечатление на зрителей и поднять на смех что угодно, не жалея грубых слов»³⁷. Как большинство бедняков, увидевших, что можно достигнуть богатства, он любил роскошный образ жизни, в отличие от своего учителя Кратета Фиванского, отказавшегося от имущества и денег. В философских беседах Дион смягчал ригоризм киников по отношению к деньгам и владению имуществом, заявляя, что мудрец, независимо от своего материального положения, может оставаться верен идеям кинизма. В расцвете лет Бион проповедовал безбожие, но отказался от него, когда заболел и каялся во всем, в чем согрешил перед богами. Был он крайне эгоистичен, и поэтому к концу жизни возле него не оказалось ни учеников, ни преданных друзей.

Главное достижение творчества Биона состояло в том, что он окончательно оформил жанр диатрибы³⁸. В ней заключалась проповедь на философско-моральную тему, изложение велось в увлекательной и доступной форме, было насыщено юмором, пословицами, поговорками, необычными сравнениями, метафорами, не чуждалось грубых простонародных словечек и выражений. Знаменитый ученый александрийской школы Эратосфен сказал о Бионе, что тот первым нарядил философию в пестрое платье гетеры (Diog. Laert. IV. 52; Strabo. I. 2. 22). Бионовские диатрибы имели огромный успех во всех слоях общества. Философа ценили и знатоки литературы и философии, и македонский царь Антигон Гонат, и простой люд, слышавший в его доходчивых словах обороты живой народной речи, рискованные шутки и остроты. После Биона диатрибу широко использовали в популярных беседах не только киники, но также стойки, представители «второй софистики», позже от греков этот жанр восприняли римляне. Бион мастерски умел излагать свои мысли не только в прозе, но и в стихах. Он славился остроумными и меткими пародиями, нередко переходил на стихи в прозаической речи, и это шокировало образованную аудиторию.

³⁶ Нахов И.М. Философия киников. М., 1982. С. 195.

³⁷ Перевод М.Л. Гаспарова в кн.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 198. В ряде случаев этот перевод по смыслу значительно отличается от перевода И.М. Нахова в кн.: Антология кинизма. М., 1984. С. 92–96. Я отдаю предпочтение пониманию текста М.Л. Гаспаровым.

³⁸ Нахов И.М. Киническая литература. М., 1981. С. 49–67; он же. Философия киников. С. 195.

не допускавшую смешения жанров. Произведения Биона надолго пережили их автора. Гораций в одном из своих «Посланий» писал о «едкой черной соли» произведений Биона, которые послужили поэту образцом для его сатир (II. 2. 60).

Младший современник Биона Сфер прибыл из Северного Причерноморья в Афины в середине III в. Плутарх назвал его Борисфенитом, а Диоген Лаэртский – боспорянином³⁹. Сфер вошел в число многочисленных учеников Зенона (333–264 гг.) и, по словам Плутарха, стал одним из лучших, познакомился со слушателями, приехавшими в Афины из разных городов Эллады, Македонии, Малой Азии и Египта. Среди них Зенон особенно отличал Клеанфа из Асса, который возглавил школу стоиков после смерти учителя. Вероятно, Сфер приехал в Афины уже на закате деятельности Зенона, потому что он продолжил свое образование у Клеанфа и достиг, как сказано у Диогена Лаэртского, больших успехов в науках. Подобно многим философам, Сфер хотел воплотить в жизнь свои идеи; он стал учителем и советником спартанского царя Клеомена III, правившего с 235 по 221 г. Философ помогал ему проводить реформы, направленные на уравнивание благосостояния граждан, и занимался воспитанием юношества. После поражения Клеомена и упразднения его реформ Сфер, вероятно, снова жил в Афинах. Когда царь Птолемей IV Филопатор (222–205 гг.) обратился к Клеанфу с просьбой приехать в Александрию или прислать кого-нибудь, философ избрал среди своих учеников и последователей Сфера, и тот отправился в Египет. Многочисленные сочинения Сфера известны лишь по названиям. Они свидетельствуют, что он занимался толкованием учений Гераклита и Сократа, высказывал суждения о славе, богатстве, любви, страстях и смерти, писал трактаты о царской власти и спартанском государственном устройстве, труды по грамматике и др.

Последний из четырех северопричерноморских философов, софист и историк Посидоний Ольвиополит жил во II в. Скучные сведения о нем имеются только в словаре Суды (Suid. s.v. Ποσιδώνιος). Там названы несколько его трудов, в том числе «Аттическая история». Это позволяет думать, что он, как и упомянутые его соотечественники, учился и жил в Афинах. Одно из его произведений посвящено Северному Причерноморью. Название в рукописи испорчено и нуждается в исправлении. Некоторые ученые полагают, что в сочинении Посидония говорилось о Тире и ее окрестностях. Более убедительным представляется чтение, предложенное В.П. Яйленко: «О стране, называемой Таврика»⁴⁰. Судя по названию, это произведение Посидония было не философским, а историко-географическим.

Большинство боспорян и ольвиополитов приезжали в Афины на короткое время по разным, преимущественно торговым делам. Продолжительное время в Аттике проживали торговые агенты, представители боспорских царей, молодые люди, желавшие получить образование в риторской или философской школах. На примере Лампида, доверенного слуги боспорянина Диона, известно, что они привозили с собой свои семьи (Dem. XXXIV. 37). Об этом же свидетельствуют надгробия дочерей боспорян, найденные на афинском некрополе⁴¹. Вероятно, вместе с семьями в Афинах находили приют упомянутые Исократом политические изгнанники с Боспора.

Родственные узы связывали некоторые афинские и боспорские семьи, и, возможно, в конце V – начале IV в. между двумя государствами существовало соглашение об эпитафии⁴². На родине мужа такое соглашение обеспечивало женщине, вышедшей замуж за гражданина другого государства, положение законной супруги, а детям предоставлялись гражданские и фамильные права. Это иллюстрируется на примере семьи Демосфена. Его дед афинянин Гилон долго жил на Боспоре, где женился на богатой местной девушке. Гилон отправил двух дочерей в Афины и выдал замуж

³⁹ Сведения о Сфере сохранились у Диогена Лаэртского (VII. 37, 177–178; 185) и Плутарха в биографиях Клеомена (Cleom. 2, 11) и Ликурга (Licurg. 5).

⁴⁰ Яйленко В.П. Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции // Тез. докл. Крымской научной конф. «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. С. 276.

⁴¹ МИС. № 60, 61, 64.

⁴² Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М. – Л., 1953. С. 192.

за афинских граждан (Aeschin. III. 71). Одна из них, жена состоятельного владельца оружейной мастерской, стала матерью знаменитого оратора Демосфена⁴³.

Итак, литературные, эпиграфические и археологические источники смогли немало рассказать о боспорянах и ольвиополитах в Афинах. Здесь они имели друзей и знакомых, с некоторыми их связывали узы гостеприимства и родства. Приезжие из Северного Причерноморья постоянно бывали в торговой гавани Афин Пирее, посещали лавки на агоре и в ремесленных кварталах города, присутствовали в театре, были участниками и зрителями на праздниках Великих Панафиней и Дионисий, заключали денежные сделки у трапедзитов, учились в школах философов и риториков, выступали в суде. Боспоряне и ольвиополиты появлялись в Афинах как в качестве официальных лиц – боспорские цари и различные посольства, так и частных – купцы, навклеры, матросы, а также молодые люди, желавшие получить хорошее образование. Некоторые приезжие с северных берегов Понта надолго задерживались в Афинах и жили там с семьями.

М.В. Скржинская

OLBIOPOLITAI AND BOSPORANIANS IN ATHENS

М.В. Skrzhinskaya

The author of this article collects and analyzes written and epigraphical sources – as well as several relics of material culture – giving evidence that Olbiopolitai and Bosporanians regularly visited Athens from the fifth to the third centuries BC. These visitors arrived in Athens both as officials and private persons – the former as members of embassies, the latter for the most part to trade or acquire better education. Inhabitants of the Northern Black Sea area regularly came to the trading port of Piraeus, visited the shops of the Athenian Agora and the trading districts of the city, and attended the theatre, taking part as spectators and participants in the festivals of the Great *Panathenciai* and *Dionyseiai*. They also concluded monetary deals with the trapezites, studied in schools of philosophy and rhetoric, and appeared in court as plaintiffs, defendants, and witnesses. Olbiopolitai and Bosporanians had many friends and acquaintances in Athens, to whom they were connected by ties of blood and simple hospitality.

© 2002 г.

РОЛЬ ЦЕНТУРИАТНЫХ КОМИЦИЙ В РАЗВИТИИ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РИМА РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Учреждение в Риме в эпоху Ранней республики центуриатных комиций было тесно связано с формированием ценовой военной организации, а эволюция последней в свою очередь оказала огромное влияние на развитие политической структуры раннеримской цивитас в целом¹. Поэтому определение военной роли центуриатных комиций и их места в политической системе Ранней республики поможет лучше понять характер римской армии, механизм ее взаимосвязи с гражданской общиной, а следовательно, уточнить степень демократичности цивитас и особенности эволюции политических институтов.

⁴³ Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 147–150.

¹ См. D'Agostino B. Military Organization and Social Structure in Archaic Etruria // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1990. P. 80. Однако существует и противоположная точка зрения. См., например: Fascione L. Bellum indicere e tribù // Legge e società nella repubblica romana. Napoli, 1981. V. I. P. 225–254; Mitchell R.E. Patricians and Plebeians: The Origins of the Roman State. Ithaca–London, 1990. P. 175 ff.

В науке прочно утвердилось мнение о том, что основой центуриатных комиций было созданное по реформе Сервия Туллия в середине VI в. до н.э. цензовое центуриатное войско². В отечественной историографии, не отличавшейся чрезмерным вниманием к складыванию политической структуры Рима, также доминирует точка зрения о том, что народное собрание Рима напоминало скорее сходку воинов, чем регулярное собрание греческого демократического типа³. Наиболее полно эту точку зрения выразила А.В. Игнатенко: «... в представлении римлянина эпохи военной демократии войско и комиции – сходки граждан-воинов – столь привычно слились, что новая войсковая организация, едва родившись, приобрела право на решение важнейших политических вопросов, превратившись в нового вида народные собрания»⁴.

Впрочем, если некоторые авторы рассматривали комиции как непосредственно разделенный на военные отряды *populus*⁵, то ряд других видят в сервианском войске лишь основу, базис, из которого в результате длительного развития сформировались центуриатные комиции как политический институт⁶. Поэтому вначале вкратце уточним принципы и особенности функционирования и организации центуриатных комиций после установления республиканского строя.

Геллий дает определение типа народного собрания по принципу его созыва: «Если голосование проводится по родам людей, то это куриатные комиции, если по цензу и возрасту – это центуриатные, если по регионам и местностям – это трибутные»⁷. Но тот же Геллий и Варрон, подчеркивая обязанность проведения комиций вне городского померия, на Марсовом поле, характеризуют центуриатные комиции и как *exercitus urbanus*, а созыв собрания передают формулой *centuriatus convocare* или *impeare*⁸. Последний термин явно относится к военным приказам и подтверждает известное мнение о подчинении комиций магистрату, обладавшему военным империумом. Как мы знаем, правом созыва комиций источники наделяют того, кто имел

² Altheim F. *Italien und Rom*. Bd II. Leipzig–Amsterdam, 1941. S. 170; Magdelain A. *Remarques sur la société romaine archaïque* // REL. 1971. V. 49. P. 103–127; Staveley E.S. *Greek and Roman Voting and Elections*. Ithaca (N. Y.), 1972. P. 150; Gjerstad E. *Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit* // ANRW. B. – N. Y., 1972. Bd I. T. 1. S. 173; Fugmann J. *Königszeit und Frühe Republik in der Schrift «De viris illustribus urbis Romae»*. I. Frankfurt a. Main, 1990. (Studien zur klassischen Philologie. Bd 46). S. 273; Bojarski W. *Prawo rzymskie*. Torun, 1999. S. 24–25; Schwieger A. *Römische Geschichte*. 2. Aufl. Freiburg–Tübingen, 1884. Bd I. S. 754. См. также Scullard H.H. *A History of the Roman World from 753 to 146 B. C. L.*, 1976. P. 53.

³ См. Немировский А.И. *История раннего Рима и Италии: Возникновение классового общества и государства*. Воронеж, 1962. С. 261.

⁴ Игнатенко А.В. *Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики: историко-правовое исследование*. Свердловск, 1976. С. 63 сл.

⁵ Ihne W. *Early Rome from the Foundation of the City to first Destruction by the Gauls*. L., 1970. P. 85, 128–129; Gschnitzer F. *Exercitus*. Innsbruck, 1968. S. 183 u. folg.; Kienast D. *Die politische Emanzipation der Plebs und die Entwicklung des Heerwesens im frühen Rom* // RhM. 1975. Bd 175. S. 91–93; Ussani V.S. *Appunti di Storia del diritto romano: le origini, la monarchia, la repubblica*. Torino, 1996. P. 76.

⁶ См., например: Abbot F.F. *A History and Description of Roman Political Institutions*. Boston–London, 1901. P. 21–28; Botsford G.W. *The Roman Assemblies from the Origin to the End of the Republic*. N. Y., 1909. P. 203 ff.; Bleicken J. *Die Verfassung der römischen Republik: Grundlagen und Entwicklung*. Paderborn, 1975. S. 61; *idem*. *Geschichte des römischen Republik*. 3. Aufl. München, 1988. S. 122; Guarino A. *Riflessioni conclusive* // *Società e diritto nell'epoca decemvirale*. Napoli, 1988. P. 297–299. О значении и эволюции понятия *populus* см. подробнее: Peppe L. *La nozione di populus e le sue valenze* // *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik: Akten eines Symposium* / Hrsg. W. Eder. Stuttgart, 1990. S. 317, 324.

⁷ Gell. XV. 27. 4: Cum ex generibus hominum suffragium feratur, curiata comitia esse, cum ex censu et aetate centuriata, cum ex regionibus et locis tributa...

⁸ Gell. XV. 27. 4: ... centuriata autem comitia intra pomerium fieri nefas esse, quia exercitum extra urbem imperari oporteat, intra urbem imperari ius non sit. Propterea centuriata in campo Martio haberi exercitumque imperari praesidium causa solitum, quoniam populus eset in suffragiis ferendis occupatus; Varro. LL. VI. 93; ...ad comitia tum vocatur populus ideo quod alia de causa hic magistratus non potest exercitum urbanum convocare; censor, consul, dictator, interrex potest, quod censor exercitum centuriato constituit quinquennalem, cum lustrare et in urbem ad vexillum ducere debet; dictator et consul in singulis annos, quod hic exercitui imperare potest, quo erat, id quod propter centuriata comitia imperare (курсив мой. – B.T.) solent. Cp. Liv. XXXIX. 15. 11.

право командовать войском (Varro. LL. VI. 93–95; Cic. Leg. III. 4. 10), т.е. прежде всего консула и диктатора. Правда, кроме них называют еще интеррекса и цензора (Gell. V. 81: *sensor ad cuius censionem, id est arbitrium, censeretur populus*). Упомянутый Варроном интеррекс обладал правом созыва комиций для выбора магистратов, что и было его прямой обязанностью⁹, и мог обращаться к народу с речью. Это позволяет разделить интересное мнение В.В. Дементьевой о наличии у интеррекссов империя, даже в военной сфере¹⁰. Цензор же, по Варрону, созывал народ раз в пять лет, что было первоначальным сроком его полномочий, который в 434 г. до н.э. был ограничен полутора годами (Liv. IV. 24. 3–6). Заметим, что у Варрона (LL. VI. 93) цензор прежде всего распределяет войско по цензовым классам и центуриям (ср. Cic. Leg. III. 3. 7), которые затем получают свои значки (*vexilla*), хранившиеся в эрарии и выносимые квесторами только при выходе войска в поход или на комиции.

Важной функцией цензоров Варрон называет люстрацию войска, которая проводилась после каждого ценза начиная со времени правления Сервия Туллия (Liv. I. 44. 2; III. 3. 9; Dionys. IV. 22. 2; V. 20; 75. 3–4; 96. 4). Ливий упоминает, что в 435 г. до н.э. цензоры осмотрели и одобрили общественное здание (*Villa publica*) на Марсовом поле, в котором впервые ими был проведен ценз населения (IV. 22. 7), а употребление им слова *populus* подтверждает, что полноправное гражданство, подлежащее цензу (а следовательно, и участники комиций) назывались именно так¹¹. Можно согласиться с мнением Дж. Лобрано, что у римских авторов термин *populus* употреблялся в двух смыслах: как синоним «государства» и как «комиции»¹², добавим – прежде всего центуриатные¹³. Учтем, что закон об ограничении срока цензорства был принят *consensu populi* (Liv. IV. 24. 6), а цензоров, как известно, избирало и принимало *lex centuriata* именно центуриатное собрание¹⁴. Именно единогласие *populus* утвердило военачальником Камилла (Liv. VI. 22. 7). Исходя из этого, можно принять точку зрения, что термин *populus* наравне с *exercitus* обозначал центуриатные комиции¹⁵. Недаром только постановление *populus* становилось законом (*lex*)¹⁶.

Кстати, и место проведения центуриатных комиций на Марсовом поле, вне священного померия, подчеркивает их военный характер¹⁷. Тацит называет их просто *campus comitia* (Ann. I. 15), а Дионисий Галикарнасский нередко ограничивается указанием на созыв собрания «на поле» (*εἰς τὸν πεδῖον*)¹⁸. Он сообщает, что первых консулов избрали, создав народ (*δῆμος*) «на поле, где ранее царей избирали» (V. 12. 3). Объясняется это тем известным обстоятельством, что вооруженное войско не имело права вступать в город и подчинялось присяге¹⁹. С этим связана и традиция, согласно которой фламмин Юпитера не мог наблюдать вне померия *classis procincta*, т.е. *exercitus*

⁹ Liv. III. 8. 2; 55. 1; IV. 7. 10; VI. 5. 6; VII. 22. 1–3; VIII. 23. 17; X. 11. 10; XXII. 35. 2; Dionys. III. 1. 1; IX. 69. 1. См. также Ussani. Op. cit. P. 74.

¹⁰ См. Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 88–90.

¹¹ См. подробнее: Маяк И.Л. Римляне Ранней республики. М., 1993. С. 65 сл.

¹² См. Lobrano G. Il potere dei tribuni della plebe. Milano, 1982. P. 28 ff.

¹³ Обоснование этого см. в нашей ст.: Токимаков В.Н. Методика изучения эволюции понятия *populus* в раннем Риме (V–IV вв. до н.э.) // Методология и методика изучения античного мира. Докл. конф. М., 1994. С. 48–54.

¹⁴ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd II, 1. Lpz, 1876. S. 341–345; Palmer R.A. The Archaic Community of the Romans. Camb., 1970. P. 223.

¹⁵ См., например: Liv. II. 56.2; IV. 58.8; V. 36. 10; VI. 42. 3; IX. 46. 7; X. 24. 26; 37. 10–12 etc. См. также Ampolo C. La città riformata e l'organizzazione centuriata // Storia di Roma. 1988. V. I. P. 225.

¹⁶ См. Маяк. Ук. соч. С. 80. Ср. Grziwotz H. Das Verfassungsverständnis der römischen Republik: Ein methodischer Versuch. Frankfurt a. Main, 1985. S. 50–61.

¹⁷ См. Staveley E.S. Greek and Roman Voting... P. 150; Coarelli F. La Roma del V secolo A.C. // Società e diritto... P. 33 f.; Нетушила И.В. Очерк римских государственных древностей. Вып. 1. Харьков, 1894. С. 341.

¹⁸ Dionys. VI. 30. 2; 43. 1; VII. 59; VIII. 82. 5; IX. 14. 1; 46. 1.

¹⁹ См., например: Gell. XV. 27. 4. Ср. Plaut. Pers. 754.; Bacch. 1071; Liv. VI. 20. 10; Cic. Pro Rabirio. 11.

armatus (Gell. X. 15. 3; Fest. P. 295L). Так как фламин Юпитера считался жрецом, который своим присутствием должен был гарантировать благополучие Города, то ему запрещалось покидать его даже на день и видеть мертвых или вооруженных людей²⁰, в том числе и сошедшихся на центуриатные комиции.

Рассмотрим вкратце некоторые особенности процедуры проведения комиций в Ранней республике по данным традиции, так как она достаточно исследована в науке. За месяц до комиций над крепостью Капитолия (агх) вывешивали красный флаг²¹, что означало извещение о времени начала собрания²². Но накануне собрания флаг переносили на Яникул, где он оставался под охраной (praesidium) все время комиций²³. Выбор Яникула объясняется не только удобным расположением холма на правом берегу Тибра как самого высокого после Капитолия и прекрасно видного с Марсова поля, но и той ролью, которую Яникул играл в Риме Ранней республики. Он являлся форпостом Рима со стороны Этрурии (Dionys. V. 22. 1). В случае нападения врагов войско с Марсова поля было готово сразу же занять этот стратегически важный пункт (Dio Cass. XXXVII. 27). Именно это имел в виду Геллий, говоря о praesidii causa (XV. 27. 4).

Перед началом комиций авгурами совершались ауспиции, как перед выходом в поход, и жертвоприношения (Varro. LL. VI. 95; Gell. XII. 15; Dionys. VII. 59; X. 32. 4; 57. 6; Liv. XXXI. 7. 15; Cic. Leg. III. 4. 11). Сакрализация деятельности центуриатного собрания несомненно восходит к глубокой древности, когда собрания войска проходили по куриям. После реформы Сервия Туллия войсковые ауспиции были закономерно перенесены на центуриатное собрание.

Соедшиеся по зову трубы (classicum – Varro. LL. V. 91), звучавшей со стен²⁴, на Марсово поле граждане группировались вокруг своих центурионов и значков центурий²⁵. Долгое время они являлись туда вооруженными²⁶. Это объяснялось тем, что Город покидали все военнообязанные. Вероятно, в эпоху Республики постепенно утвердился обычай приходить на собрание без оружия²⁷. Обращает на себя внимание замечание Варрона об обращении магистрата перед голосованием: consul eloquitur ad exercitum: impero qua convenit ad comitia centuriata (VI. 88). В нем вновь войско отождествляется с народным собранием.

Характерно, что выражение exercitus urbanus встречается у сравнительно поздних авторов (не считая Варрона), но практически отсутствует у Ливия. Он знает только формы ad populum (для обозначения комиций вообще), contio и suffragium. Причем давно подмечено, что Ливий различает два последних термина. Первым этапом центуриатных комиций служила, как известно, contio («сходка»), где обсуждались законопроекты и кандидатуры²⁸, причем между нею и голосованием мог иметься временный промежуток²⁹.

²⁰ Tac. Ann. III. 58. 7; Plut. Rom. Quaest. 40 C. См. также Кнабе Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима // Культура древнего Рима. Т. II. М., 1985. С. 110.

²¹ Macrob. Sat. I. 16. 15: iusti continui triginta dies, quibus exercitu imperato vexillum russi coloris in arce positum est.

²² Liv. XXXIX. 15. 11: cum vexilli in arce posito comitorum causa exercitus eductus esset.

²³ Gjerstad. Innenpolitische... S. 173; Rosenberg A. Untersuchungen zur römischen Zenturienverfassung. B., 1911. S. 19.

²⁴ Dio Cass. XXXVII. 27; Varro. LL. VI. 92; Macrob. I. 16. 5. См. также Staveley. Greek and Roman Voting... P. 150 ff.; Gjerstad. Innenpolitische... S. 173.

²⁵ См. Dionys. VII. 59: ...ὅπό τε λοχαγοῖς καὶ σημείος τεταγμένον ὥσπερ ἐν πολέμῳ (по центуриям и знаменам, как на войне).

²⁶ Ср. Liv. XXXIX. 15. 11: «... когда знамя, водруженное на вершине крепости, созывало граждан с оружием в руках для проведения за городом центуриатных собраний». Дионисий (IV. 84) также говорит, что граждане для выборов первых консулов явились «при оружии» (ἐχούτες τὰ ὅπλα).

²⁷ См. мнение Н.Н. Трухиной, что привычка являться в собрание без оружия укоренилась лишь к II в. до н.э. (Политика и политики «золотого века» римской Республики. М., 1986. С. 27).

²⁸ Gell. XIII. 16. 3: contionem autem habere est verba facere ad populum sine ulla rogatione. Ср. XV. 27.

²⁹ См., например: Staveley. Greek and Roman Voting... P. 153; Петушил. Ук. соч. С. 367 сл.

Второй частью собрания являлось непосредственно голосование (*suffragium*), которое обычно авторы и называют комициями. Процедуру голосования весьма подробно описывает Дионисий (VII. 59): «Население было создано на собрание на Марсовом поле около города, выстроившись вокруг центурионов и значков, как на войне. Они не голосовали все одновременно, но каждый в соответствующих центуриях, когда они вызывались консулом» (ср. X. 17. 3; 57. 6; Cic. Leg. III. 17. 38). Само название *suffragium* обычно производится от *fragor* («шум, восклицание», хотя, возможно, и стук мечами о щиты), что может отражать первоначальный способ выкликать свое мнение. Давно отмечено, что число центурий всадников и первого класса (классис — гоплитская фаланга) 98 превышало количество центурий во всех остальных разрядах, что обеспечивало зажиточной части общества, прежде всего патрициям, превосходство в политической системе (см. ниже).

Необходимо подчеркнуть еще раз особенность римской избирательной системы, в которой в отличие от греческой существовало только коллективное голосование, а индивидуальные голоса суммировались в едином голосе избирательной единицы³⁰. Тем самым голоса, поданные «против», в каждой центурии нивелировались, хотя вкупе во всех классах они могли набрать большинство. Этот принцип, сложившийся еще в военных куриатных комициях царского времени и в наиболее полном виде воплотившийся в центуриатных комициях, впоследствии был воспринят и трибутными. Но при всей схожести способов голосования отсутствие в трибутных комициях цензовой структуры позволяло более адекватно отражать в каждой трибе социальную стратификацию Рима.

Однако было бы некорректно усматривать в этом всего лишь меньшую демократичность римского полиса³¹ по сравнению с греческим. Скорее коллективный принцип отражал более высокую степень военизированной римской общины. Ее члены представляли не отдельными гражданами-индивидами, а бойцами, спаянными в воинские контингенты, где просто невозможны были разномыслие и расчлененность мнений, которые гасились на уровне первичной военно-политической единицы. Такое положение сохранялось до времени реформы центуриатных комиций в середине III в. до н.э. Не случайно также, что с резким усилением роли трибунного собрания в IV в. до н.э. римское войско синхронно (если не сказать автоматически) перешло на трибунную систему комплектования и соответствующую ей манипулярную тактику³² — и здесь сказалось единство воина и гражданина.

Применительно к Ранней республике мы имеем множество данных традиции об избрании патрициями вкупе со своими клиентами магистратов или о проведении нужных «отцам» решений в центуриатных комициях, невзирая на сопротивление плебеев или даже на их коллективный уход с Марсова поля (Liv. II. 33. 3; 64. 2; Dionys. XI. 43. 1 etc). Так, Ливий под 354 г. передает (VII. 18. 9–10), что по поводу стремления «отцов» избрать двух патрицианских консулов (дело было после законов Лициния–Секстия) народ «несколько раз без толку собирался на Марсовом поле, и потом много дней собрания проходили в раздорах; наконец, победила непоколебимая твердость консулов, а негодование плебса вылилось в том, что он мрачной толпой ушел следом за трибунами, которые кричали ... что пора уже покинуть не только поле, но и самый Рим, плененный и порабощенный самовластием патрициев. *Консулы, хоть и покинутые частью народа, с прежней твердостью, несмотря на сильно поредевшее собрание, довели выборы до конца*» (курсив мой, пер. Н.В. Брагинской. — В.Т.)³³. Иными словами, архаический военизированный характер центуриатных комиций,

³⁰ См. Немировский. Ук. соч. С. 261. Подробнее о групповом голосовании по центуриям см. Staveley. Greek and Roman Voting... P. 121–128; ср. P. 157.

³¹ Моммзен Т. История Рима. Т. I. М., 1936. С. 242.

³² См. обоснование этого и различные точки зрения в работе: Токмаков В.Н. Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н.э.). М., 1998. С. 176; ср. с. 170–175, а также с. 137; Staveley. Greek and Roman Voting... P. 126 ff.

³³ Liv. VII. 18. 10: Consules relictі a parte populi per infrequentiam comitia nihilo segnus perficiunt.

где к тому же отсутствовало понятие кворума и центурии заполнялись произвольным числом участников³⁴, позволял патрициям даже при их уменьшающемся удельном весе в IV в. до н.э. поддерживать свое доминирующее положение в политической системе³⁵.

Возникает закономерный вопрос, когда же собрание центуриатного войска превратилось в стержень раннереспубликанской *civitas*? Известно, что впервые оно зафиксировано в данной ипостаси в законах XII таблиц под названием *comitatus maximus* (Tab. IX; Cic. Leg. III. 4. 11; ср. Resp. II. 36. 61). М.А. Леви вслед за Э. Габбой рассматривает этот термин как обозначение наиболее многочисленного собрания народа, объединяющего патрициев и плебеев³⁶. Вместе с целым комплексом преобразований середины V в. до н.э. данное обстоятельство дает многим исследователям основание относить к этому периоду либо собственно реформу Сервия Туллия, либо конституирование центуриатных комиций как органа власти всего римского народа³⁷. Общее мнение выразил Ж. Эргон. Он подчеркивал, что центуриатные комиции прошли длительный путь развития, прежде чем превратились в общегражданское собрание³⁸.

С этой точкой зрения можно было бы согласиться, но с существенной оговоркой о том, что присущее римскому менталитету совпадение военной службы с членством в общине³⁹ автоматически вело к конституированию реформированного войска в качестве субъекта управления общиной. Другое дело, что на ранних стадиях правового развития центуриатной организации, когда существовал пожизненно правивший царь, данные политические функции центуриатного войска были латентны, завуалированы и не могли проявиться в достаточной мере. В традиции нет конкретных сведений о том, спрашивал ли царь согласия центуриатного (как и ранее куриатного) войска на объявление войны или назначение военных командиров, или же это входило в компетенцию царя. Правомерно мнение Т. Моммзена, что царь обязан был испрашивать согласия центурий на наступательную войну⁴⁰, в чем проявились первые притязания центурий на участие в собственных делах. В любом случае данная процедура, если она действительно имела место, носила, по всей вероятности, консультационный или даже информативный характер объявления приказа. Пожизненность правления царей лишала центуриатные комиции объекта политического воздействия и контроля, но не отменяла их суверенных прав в качестве олицетворения военной мощи общины.

³⁴ Н.Н. Трухина, например, справедливо считает, что голосующие центурии, как и трибы, заполнялись произвольным числом граждан данного «класса» и данной возрастной категории. См. Трухина. Ук. соч. С. 28.

³⁵ Подтверждает это и известный пассаж Ливия о том, что плебеям удалось в 366 г. до н.э. избрать плебейского консула лишь благодаря закону Лициния-Секстия о таком обязательном избрании, а *patres* получили претуру и курульный эдилитет для представителей своего сословия «благодаря своему влиянию на Марсовом поле» (*gratia campestri*) (VII. 1. 2).

³⁶ См. Levy M.A. *Plebei e patrizi nella Roma arcaica*. Como, 1992. P. 90. Cp. Ferenczy E. *From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State*. Budapest, 1976. P. 18.

³⁷ См., например: Nillson M.P. *The Introduction of Hoplite Tactics of Rome* // JRS. 1929. 19. P. 2–11; Soltan W. *Entstehung und Zusammensetzung der altrömischen Volksversammlungen*. B., 1880. S. 343–344; Gjerstad. *Innenpolitische...* S. 182; De Martino F. *Storia della costituzione romana*. V. 1. Napoli, 1958. P. 238; Schönbauer E. *Die römische Centuriereverfassung in neuen Quellenschau* // Historia. 1953. Bd II. Ht. I. S. 21. Cp. мнение Ф. Коарелли о 438 г. как *terminus ante quem* в определении времени конституирования центуриатного собрания (Coarelli. *Op. cit.* P. 34). Cp. также Serrao F. // *Società e diritto...* P. 40; Guarino A. // *Ibid.* P. 298 sq.; De Martino F. *Origine della repubblica romana* // ANRW. 1972. Bd I. T. 1. P. 245.

³⁸ Heurgon J. *The Rise of Rome to 264 B.C. L.*, 1973. P. 149 ff.; cp. Saulnier Chr. *L'armée et la guerre dans le monde Etrusco-Romain (VIIIe–IVe s.)*. P., 1980. P. 104; De Francisci P. *Per la storia dei comitia centuriata* // Studi in onore di V. Arangio-Ruiz. V. 1. Napoli, 1953. P. 31.

³⁹ См. Momigliano A. *The Rise of the Plebs in the Archaic Age of Rome* // *Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders*. Berkeley–London, 1986. P. 183; Bleicken. *Op. cit.* S. 20.

⁴⁰ Моммзен. Ук. соч. С. 91.

Можно предположить, что первоначально чисто военное центуриатное собрание постепенно приняло на себя значительную часть прежних политических функций, выполняемых при царях куриатными комициями⁴¹. Очевидно, что произошло это главным образом под влиянием требований плебеев, для которых было абсурдным служить под началом вождя, ими не выбранного, или участвовать в войне, начатой без их согласия. Но можно ли относить начало подобной трансформации лишь к середине V в. до н.э.⁴²? Конкретные данные традиции свидетельствуют о достаточной активности центуриатных комиций в первой половине столетия. К их числу относятся, к примеру, сообщения о принятии именно ими *leges sacrae* в 494 г. (Dionys. X. 32. 1; Gell. XVII. 21. 11; Cic. Tull. 49), закона о штрафах и денежной пене в 50-е годы V в. (*de multa et sacramento* – Cic. Resp. II. 35. 60), т.е. еще до правления децемвиров. Там же проводятся законы о разделе земли на Авентине (Dionys. X. 31–32; Liv. III. 31. 1 (*lex lata est*); 32. 7), о переносе выборов плебейских трибунов из центуриатного в трибутное собрание (Dionys. IX. 41. 2)⁴³, закон Валерия и Горация о плебисцитах (Liv. III. 55. 3; Dionys. XI. 45)⁴⁴. Любопытно, что законом о плебисцитах центуриатное собрание (вопреки эпитету «величайшее») сразу же принижало свое положение в политико-правовой системе формирующейся *civitas*. Обратим также внимание, что закон о провокации (см. ниже) был принят в начале Республики при Валерии Попликоле (Cic. Resp. II. 31. 53; 36. 61; Val. Max. IV. I. 1; ср. Liv. II. 8. 2). А это говорит в пользу активного функционирования этого типа собрания задолго до законов XII таблиц.

Впервые политическая роль центуриатного войска ярко проявилась в ходе свержения в Риме царской власти. Именно войско-классис, организованное в комиции, стало главной социально-политической опорой патрицианских вождей военного мятежа и правовой основой легитимации нового строя⁴⁵. Таким образом, с установлением Республики центуриатное войско, в царское время не имевшее возможности проявлять себя как субъект власти и права, впервые реализовало эти функции путем выбора не просто военных командиров, но предводителей всей общины, причем ежегодно, что проявилось и в вынужденных уступках плебеям в законах Валерия Попликолы.

Перейдем к рассмотрению военных prerogativ центуриатных комиций в эпоху Ранней республики, которые позволяют выявить их роль в правовой деятельности военной организации. В литературе доминирует точка зрения на центуриатные комиции как на верховный орган власти в *civitas*, осуществлявший выборы всех высших магистратов⁴⁶: консулов, цензоров и преторов с 366 г. до н.э. Относительно же консулярных трибунов существуют разногласия. Некоторые исследователи приписывают эту процедуру трибутному собранию, основываясь главным образом на соблазни-

⁴¹ Abbot. Op. cit. P. 21–28. Ср. Palmer. Op. cit. P. 214, 278.

⁴² Подробное обзор и анализ законодательства центуриатных комиций, в том числе гражданского (что выходит за рамки данной статьи), см. в интересной, хотя и дискуссионной ст. У. Паанена (Paanen U. Legislation in the *comitia centuriata* // *Senatus populusque Romanus: Studies in Roman Republican Legislation* Helsinki, 1993. P. 9–96).

⁴³ См. Last H. The Servian Reform // JRS. 1945. 35. P. 44. Однако У. Паанен придерживается мнения о выборах плебейских трибунов куриями. См. Paanen. Op. cit. P. 19.

⁴⁴ Подробный разбор этих законов выходит за рамки данной статьи. Поэтому см. подробный анализ в статье У. Паанена, который, однако, склонен гиперкритически относиться к данным традиции и всячески преуменьшать роль центуриатных комиций. См. Paanen. Op. cit. P. 12–26. В отечественной историографии аналогичное мнение отстаивает Л.Л. Кофанов (Обязательственное право в архаическом Риме (VI–IV вв. до н.э.) М., 1994. С. 30 сл.).

⁴⁵ Подробнее см. Токмаков В.Н. «Тирания» Тарквиния Гордого и установление Республики в Риме // Власть, человек, общество в античном мире: Докл. конф. 1997 г. М., 1997. С. 231 сл.

⁴⁶ См. Утченко С.Л. Древний Рим: события, люди, идеи. М., 1969. С. 18; Игнатенко А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988. С. 18; Staveley. Greek and Roman Voting... P. 128.

тельной ассоциации трибунов с трибами и на допущении к этой должности плебеев⁴⁷, и даже куриатному⁴⁸. Другие отдают предпочтение центуриатным комициям⁴⁹. Характерно, что при обосновании первой гипотезы ее сторонники игнорируют красноречивые данные Ливия об избрании консулярных трибунов именно центуриями⁵⁰. Убедительное доказательство этого в работе В.В. Дементьевой позволяет не повторять здесь всю систему аргументации⁵¹. Более того, центуриатные комиции с 311 г. выбирали и обычных военных трибунов числом 16 (Liv. IX. 30. 3), в то время как ранее избиралось только несколько трибунов, а остальные назначались консулом (Liv. VII. 5. 9).

Интересно, что избрание цензоров (Liv. IV. 8. 7; D. 1. 2. 2. 17) не требовало одобрения их куриатным законом. Напротив, сами центурии принимали *lex de potestate censoribus*. Как метко подметил Р. Палмер, выборы центуриями консулов и цензоров представляют собой явления разного порядка, ибо первых избирали как предводителей всей общины, а не только войска, и потому квириты давали им империй по куриям, в то время как цензоры требовались прежде всего центуриям для проведения ценза⁵². Однако уточним, что почетный и патрицианский характер этой должности (Plut. Cam. 2. 2) свидетельствует о важной роли, которую цензура играла в развитии политической стратификации раннеримского общества.

Как уже отмечалось, в компетенцию центуриатных комиций до 471 г. до н.э. входили также выборы плебейских трибунов, а с 447 г. — и квесторов (Cic. Pro Plancio. XI. 28; Tac. Ann. XI. 22). Плутарх даже сдвигает начало таких выборов к правлению Валерия Попликолы (Popl. 12. 2). Последняя магистратура вызывает разногласия. Так, Э.С. Стэвли доказывает, что их с самого начала избирало трибутное собрание. Его аргументация сводится к тому, что во время Поздней республики младших командиров и магистратов выбирали трибы, а квесторы были именно таковыми⁵³. Однако источники не говорят о типе собрания. Ливий в пассаже о борьбе за удвоение должности квесторов в 421 г. замечает, что «в те времена в квесторы избирались только патриции»⁵⁴. Но в трибутном собрании в отличие от центуриатного такого ограничения не было. Ливий обычно обозначает выборы квесторов просто *comitia quaestorum*. Согласно тому же Ливию, в 421 г. до н.э. было решено, чтобы назначали четырех квесторов из патрициев и плебеев на основании свободного голосования *populus*⁵⁵, где термин *populus* явно указывает на центуриатное собрание. Заметим, что при осуществлении этого замысла в 420 г. плебейским претендентам, включая отпрысков уважаемых плебейских трибунов, имевшим поддержку при голосовании, ничего не помогло при избрании квесторов (Liv. IV. 44. 2). Лишь открытое трети-рование сенатом интересов воинов-плебеев привело к неожиданному избранию в 409 г. квесторами плебеев (IV. 54. 3). А ликование плебеев по поводу того, что победа их представителей на квесторских выборах откроет им дорогу к консульству

⁴⁷ *Staveley E.S. Tribal Legislation before Lex Hortensia // Athenaeum. N.S. Pavia, 1955. V. 33. T. 1. P. 8; idem. The Significance of the Consular Tribune // JRS. 1953. 43. P. 30–34; Meyer Ernst. Römische Staat und Staatsgedanke. Zürich, 1948. S. 81; Grieve L.R. The Reform of the Comitia Centuriata // Historia. 1985. Bd 34. Ht 3. P. 287.*

⁴⁸ *Bernardi A. Dagli ausiliari del «rex» ai magistrati della «respublica» // Athenaeum. N.S. Pavia, 1952. V. 30. P. 41; Palmer. Op. cit. P. 224 ff.*

⁴⁹ *Niebuhr B.G. Vorträge über römische Geschichte. B., 1846. Bd 1. Abt. 1. S. 333 f.; Mommsen. Op. cit. S. 189.*

⁵⁰ *Liv. IV. 6. 11 (populus); V. 13. 3 (omnes fere centuriae dixere); 52. 16; X. 22. 1*

⁵¹ *Дементьева В.В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000. С. 71–74.*

⁵² *Palmer. Op. cit. P. 223.*

⁵³ *Staveley. Greek and Roman Voting... P. 128. Аналогичное мнение см. Gjerstad E. The Origins of the Roman Republic // Les origines de la République romaine. Vandoeuvres–Genève, 1966. P. 27.*

⁵⁴ *Liv. IV. 43. 3–4: ...ad id tempus patricii creati erant.*

⁵⁵ *Liv. IV. 43. 12: ...quo minus quattuor quaestores promisce de plebe ac patribus libero suffragio populi fierent. Тацит (Ann. XI. 22) также не называет тип собрания, в ведение которого перешло от консулов избрание квесторов, но ограничивается указанием на то, что «на эту почетную должность (их) стал избирать народ (populus)».*

и триумфам, может, хотя и косвенно, наметать на однотипность квесторских комиций с центуриатными. Наконец, сам характер должности квесторов, которые распоряжались в войске военной добычей (Liv. V. 19. 8; 26. 8; XXVI. 47. 8; Polyb. XI. 19. 1) и выполняли функции судебного расследования, выявляет их непосредственную связь с войском и военной организацией. Как видим, все выборные магистратуры, подлежащие ведению центуриатных комиций, выросли из военных командных должностей (даже в определенной мере цензура, чьи функции первоначально принадлежали консулам).

В то же время бросается в глаза, что конкретных сроков созыва центуриатных комиций, очевидно, не существовало. Для проведения выборов магистратов они созывались осенью, но лишь по решению консула, который издавал специальный эдикт⁵⁶. Однако этому предшествовало обсуждение сената⁵⁷. Для остальных вопросов существовали *dies comitiales* (Macrob. Sat. I. 16. 14, 30; Fest. P. 34L, s.v. Comitiales dies), впрочем, они предполагали лишь возможность созыва собрания в эти дни. Как известно, выборы проводил магистрат рангом не ниже избираемых (Cic. Att. IX. 9. 3; 15. 2). Для этого сенат мог отозвать с театра боевых действий консула или оставить его в Городе *ad comitia habenda* (Liv. III. 4. 10; 9. 13). Упоминание Ливия о настоянии сената лишить полномочий консулярных трибунов, якобы избранных с огрешными ауспациями, и назначить интеррекса для новых выборов (V. 17. 3) обнаруживает право сената на вмешательство в результаты голосования. Итак, центуриатные комиции не выступали самостоятельным постоянным институтом. Напротив, они целиком зависели от воли магистрата, ограниченной только обычным правом и сакральной традицией.

Не менее пассивной предстает в традиции и роль комиций в выдвижении и даже отборе кандидатов на высшие должности. Лишь со второй половины V в. до н.э. и с учреждением консулярного трибуната появляются некоторые намеки на выдвижение нескольких кандидатов и конкурентную политическую борьбу⁵⁸, которая велась все же вне Марсова поля. При этом ведущая роль в подборе кандидатов оставалась за сенатом, который обладал правом выдвигать кандидатуры до голосования (Liv. III. 21. 3; 8; V. 14. 2) и стремился блокировать неугодных, опираясь на свою *patrum auctoritas* (Liv. X. 24. 8). Именно поэтому, несмотря на выдвижение даже достойнейших плебеев, консулярными трибунами становились патриции (Liv. IV. 25. 10; 56. 2–3). Любопытно, что Ливий в рассказе о выборах комициями в 450 г. под председательством Аппия Клавдия децемвиров на второй срок употребляет в отношении его действий глагол в действительном залоге *creat* («избирает» — Liv. III. 35. 8–9). Такую же оговорку об избрании себе коллеги Валерием Попликолой допускает Дионисий (Dionys. V. 19. 2; ср. Plut. Popl. 12. 3; ср. Liv. III. 8. 2). Поэтому можно согласиться с мнением Моммзена⁵⁹, что консул, как ранее и царь, имел право назначать себе преемника (добавим, по согласованию с сенатом), хотя и должен был испрашивать на то согласия у общины в лице комиций. Таким образом, хотя центуриатные комиции с установлением Республики и получили больше прав в утверждении или отклонении предложенных кандидатур, одновременно возобладал принцип *magistratus creat magistratus*.

Однако было бы несправедливо усматривать в таком положении дел исключительно засилье сенатской аристократии или недемократичность цензового центуриатного устройства. Поелику само это устройство выросло, как известно, из военных структур, то оно неизбежно определялось очевидными принципами военной организации, где беспрекословное повиновение воинских контингентов своим военачальникам

⁵⁶ Liv. III. 35. 1; IV. 57. 9; V. 29. 2; XXIII. 31. 8; XXVI. 18. 4; Gell. XIII. 15. 1 (in edicto consulum); Dionys. VI. 40. 1; 43. 2; VII. 16.4; 17. 1.

⁵⁷ Dionys. VII. 38. 3–4. См. подробнее: Токмаков В.Н. Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней республики (V–IV вв. до н.э.) // ВДИ. 1994. № 3. С. 45 сл.

⁵⁸ См. Staveley. Greek and Roman Voting... P. 128.

⁵⁹ Моммзен. Ук. соч. С. 253.

органично сочетается с поддержанием преемственности компетентного командования. С переходом большинства законодательных прерогатив к трибунному собранию (где господствовал, казалось бы, аналогичный принцип коллективного голосования по трибам, воспринятый от центурий, но проводившийся в отличие от них одновременно всеми трибами) данные военные принципы претерпели коренные изменения, что выразилось в частности в большей открытости трибунных и реформированных в III в. до н.э. центуриатных комиций для избрания магистратами «новых людей».

Отсюда кажущееся недемократичным, но тем не менее нерушимое повиновение общины, включая и плебеев, магистрату с империем, носителем которого мыслился в Ранней республике исключительно патриций. Не случайно интеррекс Л. Папирий Мугиллан восклицает в изложении Ливия по поводу затяжки с избранием консулярных трибунов: «Может, они (плебеи) хотят, чтобы государство, не обеспеченное властью патрициев, чуть грянет первая гроза, было уничтожено? Может, не надо набирать войско, а набранному войску не нужен полководец?» (Liv. IV. 43. 10). Поэтому источники фиксируют столь пристальное внимание римлян не только к знатности полководца, но и к его личным воинским заслугам (Liv. IV. 56. 2; VIII. 29. 9–10; 33. 12–13; X. 24. 9; Dionys. VI. 49. 1), а также к наличию у него в роду предков – курульных магистратов, что предполагало передачу из поколения в поколение военного опыта и божественного покровительства. Именно этим объясняется неожиданное для самих плебеев избрание консулом ненавидимого ими Цинцинната (Liv. III. 19. 2–3) или Аппия Клавдия (Dionys. XI. 43. 1). Красноречиво и получение Валерием и Горацием консульства в 449 г. не только за личные заслуги, но и как бы по наследству, ибо их предки были консулами (Dionys. XI. 45. 1). А Ливий даже оправдывает прегрешения Спурия Кассия и децемвира Аппия Клавдия тем, что их предки занимали высшее положение и сами они отправляли курульные магистратуры (IV. 15. 5). Становится понятным успешное сохранение патрициями высших магистратур в своих руках вплоть до законов Лициния–Секстия (Liv. VI. 42. 9–11). Ведь их наследственное отправление предками накладывало на потомков ауру удачливости и компетентности. Да и сами плебеи предпочитали сражаться под началом полководца не только опытного в военном деле, но и обладающего правом на совершение священных ауспий (см. Liv. VII. 6. 10–11)⁶⁰. Отметим характерный эпизод. Лишь в 400 г. консулярным трибуном впервые был избран плебей П. Лициний Кальв, заметим, сенатор, к тому же оказавшийся братом (возможно, сводным) патриция Гнея Корнелия, консулярного трибуна 401 г. (Liv. V. 12. 12). Иными словами, и здесь выявляется преимущество родственных связей кандидата с магистратской фамилией. Не менее красноречиво и следующее упоминание Ливия о повторном избрании Лициния Кальва трибуном в 396 г., хотя он и не домогался этого и был очень стар, но выказал достоинства при первом прохождении им этой должности. В ответ Кальв предложил народу вместо себя своего сына, не меньших достоинств, который и был утвержден (Liv. V. 18. 1–6).

Итак, мы видим, что на протяжении Ранней республики, в том числе и после серьезных уступок плебеем в середине V в. до н.э. и повышении роли центуриатных комиций, они остаются в целом пассивным политическим органом, подконтрольным *auctoritas patrum senata*⁶¹, который узурпировал к тому же право предварительных постановлений и утверждения результатов голосования (Cic. Pro Sest. LI. 109; Resp. II. 32. 56; Liv. VI. 42. 10; Plut. Marc. 29). Комиции не имели рычагов воздействия на власть, не могли сами определять время выборов, а исход голосования в очень малой степени зависел от позиции рядовых плебеев. Тем не менее сам факт испрашивания согласия народа на назначение магистрата знаменовал акт проявления высшего

⁶⁰ Подробнее см. *Токмаков В.Н.* Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики // ВДИ. 1997. № 1. С. 55; *он же.* Право и воинская дисциплина в республиканском Риме // *Ius antiquum*. 2000. № 1(6). С. 141; *он же.* Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской Республики // *Религия и община в древнем Риме*. М., 1994. С. 137 сл.

⁶¹ *Ussani*. Op. cit. P. 74.

суверенитета полноправного гражданского коллектива (практически совпадавшего с военной организацией) и ставил магистрата под его контроль – низводил, как верно подметил Моммзен⁶², до уровня исполнительной власти и вынуждал принаравливаться к меняющимся позициям различных политических сил, особенно в условиях достаточно высокой политической активности самого войска⁶³. Обычай склонять консульские фаски перед центуриатными комициями, введенный Попликолой на заре Республики (Liv. II. 7. 7; Cic. Resp. II. 31. 55), отразил качественное изменение их роли как суверена.

Второй важнейшей функцией центуриатных комиций было право объявления войны (lex de bello indicendo – Liv. VI. 21. 3; Dionys. X. 16. 1). Всего известно 29 случаев принятия этого закона однозначно центуриатными комициями⁶⁴. Так, Ливий сообщает под 427 г.: «...возник спор, объявлять ли войну от имени народа или достаточно будет сенатского постановления. Верх взяли трибуны (плебейские. – В.Т.), угрожавшие воспротивиться набору, и консул Квинкий внес предложение о войне в народное собрание. Все центурии высказались за войну»⁶⁵. Данный пассаж позволяет выявить различные правовые механизмы объявления войны: постановлением сената или решением центуриатного собрания.

Однако разноречивые сведения источников относительно участия в объявлении войны комиций провоцируют разногласия в литературе. Р. Девелен допускает участие в этом акте concilium plebis и трибунных комиций⁶⁶. Так, у того же Ливия встречаем фразу о том, что в 383 г. «все трибы объявляют войну» (VI. 21. 5), при том что перед этим решение передавалось на рассмотрение народа (ad populum ferretur de bello indicendo). Но напомним, что patrum auctoritas распространялась только на куриатные и центуриатные комиции, но не на трибунные (Cic. De Domo. 14. 38; Resp. II. 32. 56; Dionys. IX. 41. 3–4). Кроме того, бросается в глаза идентичность юридической формулы с изложенной выше, что наводит на мысль о текстовой ошибке Ливия или о мнении плебейских трибунов, роль которых в процедурах, связанных с формированием войск, была весьма значительна⁶⁷. Кстати, даже Э.С. Стэвли, отстаивающий мнение о ранней активности трибунных комиций, в данном случае предполагает анахронизм Ливия или перенесение на раннюю эпоху реалий реформы центуриатных комиций в тесной привязке к трибам⁶⁸. Также уязвима версия Л. Фашионе, который вообще отрицает возможность участия центурий в объявлении войны, так как к моменту объявления они уже бывали сформированы в войско, а трибы представляли гражданский орган. Но это утверждение исходит из ошибочного убеждения, что трибы служили базой комплектования воинских сил⁶⁹.

Иную версию выдвигал Р. Палмер. Обращая внимание на употребление в традиции при рассказе о заключении мира или о начале кампании имен куриатных богов Юпитера Феретрия и Марса Градива, он делает вывод, что первоначально эти ритуалы контролировали курии, причем сохранили контроль и во время Республики, голосуя за те войны, которые центурии вести не хотели⁷⁰. И здесь пищу для теорий дает

⁶² См. Моммзен. Ук. соч. С. 241 сл.

⁶³ См. Токмаков В.Н. Некоторые аспекты консульской власти в конституции Рима V в. до н.э. // *Ius antiquum*. 1996. № 1. С. 37 сл.

⁶⁴ См. Rich J.W. Declaring War in the Roman Republic in the Period of the Transmarine Expansion. Brussels, 1976. P. 14; Paanen. Op. cit. P. 27.

⁶⁵ Liv. IV. 30. 15: ...controversa inde fuit, utrum populi iussu indiceretur bellum, an satis esset senatus consultum? Pervicere tribuni denunciando impedituros se dilectum, ut Quinctius consul de bello ad populum ferret. Omnes centuriae iussere.

⁶⁶ Develin R. Comititia tributa plebis // *Athaeneum*. 1975. V. 53. P. 323–324.

⁶⁷ См. Токмаков В.Н. Tribunicia potestas в Ранней республике: военно-правовой аспект // *Ius antiquum*. 1998. № 1(3). С. 67–70.

⁶⁸ Staveley. Tribal Legislation... P. 9 ff. Cp. Paanen. Op. cit. P. 32.

⁶⁹ См. Fascione L. Op. cit. P. 242–246. О политических центуриях как базовых единицах для набора войска см. Токмаков. Военная организация... С. 170–177.

⁷⁰ Palmer. Op. cit. P. 214. См. также Paanen. Op. cit. P. 71.

Ливий. Он приводит слова Камилла по поводу переноса столицы в Вейи, что «куриатные комиции решают вопросы войны» (*comitia curiata, quae rem militarem continent.* – Liv. V. 52. 16). Но возможно ли это для того времени? Во-первых, здесь не говорится именно об объявлении войны. С таким же успехом можно понимать это заявление как намек на куриатный закон об империи полководцу⁷¹. Во-вторых, в традиции более нет ни одного упоминания о подобном прецеденте. Таким образом, мнения о возможности объявления войны в период Ранней республики не центуриатными, а иными видами комиций неосновательны. Остается добавить, что и в более поздние времена прерогатива объявления войны оставалась у центуриатных комиций (Liv. XL. 6. 3; XLII. 30. 10 etc).

Представляют интерес варианты правовых формул объявления войны. Например, Ливий передает (VI. 21. 3–5): «...отцы постановили в скорейшем времени предложить народу объявить войну (*patres ... decreverunt, ut primo quoque tempore ad populum ferretur de bello eius indicendo*) ... Затем уж было предложено народу принять решение о войне (*tum ut bellum iuberent latum ad populum est*)». Так же в 362 г. с проведением всех положенных ритуалов – отправки к герникам фециалов, заседания сената – «решено было... предложить народу объявить войну герникам, и многолюдное собрание приказало быть войне (*ad populum de bello indicendo... censuit, populusque id bellum frequens iussit*)» (VII. 6. 7). Заметим, сенатское постановление Ливий не называет сенатско-консултом, а употребляет слова *censere, discernere* (ср. IV. 58. 8; VI. 25. 5; 27. 9), а Дионисий – *προβούλευμα* (VII. 38. 3). Это отражает не приказ, а предложение, рекомендацию, ибо сенат, как известно, не обладал правом приказывать народному собранию, которое в свою очередь *iussit*, т.е. превращает рекомендацию в правовой акт, а его решения обретают силу закона. Дионисий в этих случаях употребляет термин *κυροῦν* или *ἐπικυροῦν* («постановили», «утвердили» – IV. 20. 2; V 37. 3; VIII. 15. 3; 91. 2–4; IX. 69. 2; XV. 10. 2). Однако обратим внимание, что у Ливия *populus Romanus bellum fieri iussit* (Liv. IX. 45. 8), т.е. не сам объявляет, а только приказывает объявить – практически, как мы знаем, эдикт о войне издавал консул или диктатор, а сакральные ритуалы исполняли фециалы.

Регулярно формулировка войны *iussu populi* начинает встречаться у Ливия со второй половины V в. до н.э.⁷², когда после реформ Валерия–Горация роль центуриатных комиций неизмеримо возросла и они окончательно вошли в римскую политическую систему. К тому же времени правомерно отнести окончательное оформление 2–5-го цензовых разрядов из состава прежде единого *infra classem*⁷³. Это знаменовало включение основной массы плебса кроме пролетариев в военную организацию, что делало вопрос о войне затрагивающим его коренные интересы и в то же время позволяло хотя бы в минимальной степени влиять на принятие соответствующих решений⁷⁴. Как видим, с развитием в Риме центуриатной политической системы и правовых норм государственного регулирования, идущих на смену обычному праву, центуриатные комиции превращаются в выразителя воли всей гражданской общины, вручая магистрату право действовать от ее лица. А объявление войны становится неотъемлемой частью *ius*, законодательным актом волеизъявления гражданского коллектива.

⁷¹ Это мнение И.В. Нетушила (Ук. соч. С. 63. Прим. 3).

⁷² См. Liv. IV. 58. 8 (405 г.); VI. 21. 5 (383 г.); 22. 4 (381 г.); VII. 6. 7 (362 г.); 11. 2; 12. 6 (358 г.); 32. 1–2 (343 г.); VIII. 22. 8 (327 г.); 29. 6 (325 г.); IX. 43. 2 (306 г.); 45. 8 (300 г.); X. 12. 3 (298 г.); 45. 7 (293 г.); XXI. 17. 4 (218 г.); XXXVI. 1. 4–5 (191 г.). Ср. Dionys. X. 16. 1; Diod. XII. 80. 7.

⁷³ Подробнее обоснование процесса разделения *infra classem* на имущественные разряды в ходе борьбы плебеев за вхождение в центуриатную организацию см. нашу работу: Токмаков. Военная организация... С. 154–161. См. также Momigliano A. Osservazioni sulla distinzione fra patrizi e plebei // Les origines de la République romaine: neuf exposés suivis de discussions. Genève, 1967. P. 216–218.

⁷⁴ Проявления этого можно усмотреть в присуждении триумфа Валерию и Горацию решением народа. См. Liv. III. 63. 11; Dionys. XI. 50.

Правда, нередко сенат обходил обязанность получения санкции центуриатных комиций путем перевода этой процедуры из сферы публично-правовой в административную (особенно часто в начале Республики). Согласно данным традиции, сенат мог напрямую поручать консулам, а тем более диктаторам, провести набор войска и вывести его из города, поскольку при избрании консулов им приносилась воинами на Марсовом поле присяга (Liv. II. 32. 1–2; III. 20. 2–3; Dionys. X. 18. 2–3)⁷⁵. Еще Моммзен сформулировал точку зрения, что согласие собрания требовалось только для ведения наступательной войны, война же оборонительная не нуждалась в подобной санкции и входила в компетенцию сената и магистратов⁷⁶. С этим можно согласиться с оговоркой, что оборонительные войны вспыхивали, как правило, уже после вступления консулов в должность и проведения ими весной ежегодного набора войск с принесением присяги.

К военным прерогативам центуриатных комиций непосредственное отношение имеет и право провокации общинника, которой посвящена обширная литература. Традиция относит принятие *lex Valeria de provocatione* к 509 г.⁷⁷ и приписывает консулу Валерию Попликоле (Liv. II. 8. 1; Pompon. D. 1. 2. 2. 4, 16; Dionys. V. 19. 4; 70. 2; Plut. Popl. 11; Val. Max. IV. 1. 1). Цицерон⁷⁸ прямо указывает на его принятие именно центуриатными комициями. Действие закона распространялось только на полноправных граждан, иными словами, на членов центуриатного собрания и войска. Должники из плебеев (Liv. II. 23. 1–8) (а ими становились прежде всего плебеи из категории *infra classem*) не подлежали его юрисдикции, что вызвало недееспособность этого закона и привело к созданию должности плебейских трибунов. В 449 г. после 2-й сецессии плебеев закон был принят вновь (Liv. III. 55. 4–5; Cic. Resp. II. 31. 54)⁷⁹. Теперь он распространялся на всех военнообязанных граждан всех пяти цензовых разрядов (см. выше, прим. 73). Тем самым право провокации стало краеугольным камнем правового суверенитета римского народа. Отнесение вопроса о провокации в компетенции именно центуриатных комиций свидетельствует о том, что он затрагивал жизненные интересы *цивitas*, прежде всего ее сплоченность и обороноспособность, поскольку большинство преступлений, предусматривавших возникновение провокации, лежали в военно-политической сфере (измена, уклонение от исполнения воинского долга и т.д.). Сомнения, что комиции едва ли могли действовать как суд провокации, некорректны, ведь он, безусловно, по форме отличался от собственно комиций и проходил в форме *contio*, где стороны излагали свои аргументы, а последующее *suffragium* определяло приговор всего коллектива граждан своему члену. Право выносить решения по провокации превратило центуриатные комиции в высшую судебную инстанцию, обеспечивавшую гарантии прав гражданина и ставящую магистратов под формальный контроль народа⁸⁰.

Источники сообщают, что центуриатные комиции в ряде случаев решали вопрос о предоставлении триумфа военачальникам. Но за два века Ранней республики такой факт отмечен только четыре раза: триумф Валерию Попликоле в 509 г. (Dionys. VI. 43. 1), консулам Валерию и Горацию в 449 г. (Liv. III. 63. 8–11: *per populum*), первому плебейскому диктатору Гаю Марцию Рутилу в 356 г. (Liv. VII. 17. 9: *sine auctoritate*

⁷⁵ См. о присяге: Токмаков. Сакральные аспекты воинской дисциплины... С. 55–57.

⁷⁶ См. Моммзен. Ук. соч. С. 73, 91. И.В. Нетушил полагал, что решение о войне принималось комициями в том случае, если сенат не мог или не желал принять ответственность на себя (Ук. соч. С. 341). Однако конкретные данные традиции являют противоположную картину – сенат вынужден был обращаться к комициям, если ему не удавалось объявить войну самочинно. Ср. *Paanen*. Op. cit. P. 28.

⁷⁷ См. о достоверности ранней датировки: *Ducos M.* Les Romains et la loi. P., 1984. P. 72; *Paanen*. Op. cit. P. 11.

⁷⁸ Cic. Resp. II. 31. 53: *Legem ad populum tulit eam quae centurias comitiis prima lata est ne quis magistratus civem Romanorum adversus provocationem necaret*. Ср. *Val. Max.* IV. 1.1: *legem comitiis centuriatis tulit...*

⁷⁹ См. *Flach D.* Die Gesetze der frühen römischen Republik: Text und Kommentar. Darmstadt, 1994. S. 216–218; *De Martino*. Origine... P. 245 sg.

⁸⁰ См. *Ussani*. Op. cit. P. 76, 78.

patrum populi iussu) и консулу Постумию в 295 г. (Liv. X. 37. 10–12: *iactata res ad populum est*). Причем все они принимались в пику сенату, в ведении которого находилось присуждение триумфа⁸¹. В этом проявляется тенденция к несовпадению интересов сената и все большей части полноправного *populus* по мере включения в него (в том числе в первый цензовый разряд) основной массы плебеев с середины V в. до н.э. Наконец, именно центуриатные комиции приняли законы XII таблиц (Liv. III. 34. 6; 37. 4), ставшие, по выражению Ливия, «истокom публичного и частного права».

Подводя итоги, отметим, что военный характер центуриатных комиций в эпоху Ранней республики оказался идеально приспособлен для доминирования патрициев и сосредоточения власти в руках выражавшего их интересы сената. Их военизированная структура объективно обеспечивала перевес патрициев, полностью инкорпорированных в сервианскую военную организацию (благодаря исключительному праву своей куриатной организации распоряжаться *ager publicus*) и составлявших центурии всадников и первого цензового разряда. Истоком комиций служили войсковые сходки, а принципы коллективного голосования и подчинения воинов командирам и дисциплине превращали центуриатные комиции в орудие господства патрициев, что позволяло сенатской аристократии проводить нужные ей решения и избирать, как правило, успешно угодных ей магистратов-военаачальников из своей среды.

Военный характер комиций неизбежно определял отсутствие у них законодательной инициативы, каких-либо механизмов контроля за исполнением уже принятых решений. Замечу, что учреждение коллегии плебейских трибунов таковым институтом считаться не может, так как их права и функции проявлялись вне центуриатных комиций, а сами они с 471 г. избирались плебейским собранием. Поэтому в самом центуриатном собрании практически отсутствовала политическая борьба (по крайней мере до эпохи Поздней республики), а принцип, согласно которому законным считалось любое решение, принятое народом последним, позволял сенату длительное время навязывать комициям решения, выгодные патрициям из *classis* и *equites*.

Анализ традиции позволяет еще раз подтвердить мнение, что центуриатные комиции с самого начала Республики объединяли население Рима лишь в военном отношении как военнообязанных и представляли гражданство только в зависимости от способности нести воинскую службу⁸². Именно это, на мой взгляд, определяло, с одной стороны, стремление плебеев быть включенными в военную организацию, а с другой – их неполноправие в экономическом, социально-сословном и правовом отношениях. В рамках центуриатной организации плебеи не имели возможности исправить данное ущемленное положение, ибо она была органически не приспособлена для решения возникавших в *цивitas* противоречий и по своей природе не отражала меняющийся расклад политических сил в процессе генезиса государства. Все это обусловило длительность и остроту «борьбы сословий» в V–IV вв. до н.э., а также поиски выхода из нее вне рамок центуриатной системы.

Тем не менее, по сравнению с патрицианским куриатным собранием центуриатные комиции были более демократическим институтом, так как объединяли в одном войске, в общем политическом собрании, в одних цензовых разрядах и центуриях граждан независимо от сословной принадлежности. Они воплощали основной принцип раннеримской *цивitas* – участие воинов в решении дел общины в зависимости от своего вклада в военную мощь Рима. Тем самым они впервые открыли эту возможность плебеям, так как все другие формы организации людей в условиях формирования гражданской общины и государства оказывались недостаточными и не гарантировали сплочения населения в единый и мощный военно-политический организм, положивший начало как институтам власти, так и утверждению права и закона над родовыми нормами. В центуриатном войске и комициях плебеи стали частью нового гражданства (*in parte civem censere* – Liv. VII. 18. 5)⁸³. Благодаря этому они

⁸¹ О военных прерогативах сената см. подробнее: *Токмаков. Римский сенат...* С. 38 сл.

⁸² См. об этом: *Токмаков. Военная организация...* С. 74–82.

⁸³ См. подробнее: *Маяк. Ук. соч.* С. 85 сл.; 91 сл. Ср. *Репре. Op. cit.* P. 325 sg.

получили правовые основания для борьбы за свое равноправное положение в *civitas*, а также образец, ориентируясь на который складывались новые политические институты, включая трибутные комиции.

Но сохранение в сервианской центуриатной конституции куриатной организации породило объективное противоречие, которое являлось источником и побудительным мотивом развертывания «борьбы сословий» – между правовым равенством патрициев и плебеев в военной организации и пропастью в социально-политических и культовом отношениях. В этой связи приходится подвергнуть сомнению доминирующий в историографии взгляд на центуриатную систему как на аналог греческой тимократии⁸⁴. Тимократия обычно трактуется как обладание гражданином суммой политических прав пропорционально его состоянию. Действительно, в Архаическом Риме больший ценз давал преимущество при голосовании в центуриатных комициях. Но, во-первых, как было показано, это преимущество проистекало из чисто военной необходимости комплектования тяжеловооруженной боеспособной фаланги, во-вторых, оно проявлялось главным образом в праве активно участвовать в голосовании, практически не влияя на его результат и не определяя предмет голосования. Последнее оставалось прерогативой сената и магистратов. Главное же отличие состояло в том, что в центуриатной системе, игнорирующей сословный принцип в военной сфере, в политической области доминировал именно сословный, а не тимократический принцип. Иначе говоря, ни один даже самый богатый плебей (из состава *classis*) не мог быть избран центуриатным собранием (без специального закона) на высшую должность в отличие от самого скромного патриция.

Итак, центуриатные комиции в период Ранней республики уже с первой половины V в. до н.э. стали основой формирования гражданского общества и правовых принципов политической и военной организации. Подчеркнем, что они были порождением реформы Сервия Туллия и периода существования патрицианско-плебейского государства. Получив политические функции, именно они сплачивали все население Рима в единое целое и превратились в выразителя суверенитета гражданского коллектива над магистратами. Не случайно, негодую на засилье патрициев на Марсовом поле и узурпацию ими высших магистратур, плебеи никогда не посягали на права центуриатных комиций и изменение их структуры. Лишь в середине III в. с завершением «борьбы сословий» и усилением роли трибутного собрания центуриатные комиции были безболезненно и автоматически реформированы, и каждая из 35 триб стала выставять равное число центурий (всего 375).

В.Н. Токмаков

THE ROLE OF *COMITIA CENTURIATA* IN THE DEVELOPMENT OF MILITARY ORGANIZATION IN THE EARLY ROMAN REPUBLIC

V.N. Tokmakov

The article defines the place in the political system and military role of the *comitia centuriata* in Rome's early republican period, which allows us to better trace the mechanism of interconnections between the military organization and the civilian community, and hence to more precisely distinguish the level of democratization in the early Roman *civitas* as well as special features in the evolution of political institutions.

Gellius and Varro characterize *comitia curiata* as *exercitus urbanus*, and convey the calling of a meeting with the formula *centuriatus convocare* or *imperare*. The term *populus* along with *exercitus* referred to *comitia centuriata*. Brought to light in this is a peculiarity of the Roman electoral system

⁸⁴ См., например: Botsford. Op. cit. P. 33; Staveley. Greek and Roman Voting... P. 128 ff.; Gjerstad. The Origins... P. 28; Bleicken. Op. cit. S. 43; Saulnier. Op. cit. P. 107; D'Agostino. Op. cit. P. 80; Fugmann. Op. cit. S. 273. Подробнее см. Токмаков. Военная организация... С. 130 сл.

which, unlike that of the Greeks, had only collective voting, where individual votes were combined to form an electoral unit. Members of the *civitas* were seen not as individual citizens, but as warriors joined together into military contingents, within which differences of opinion were simply unthinkable; the latter were suppressed at the level of the primary military-political unit. The political role of the centuriate army was first vividly displayed in the overthrow of the Roman monarchy. With the establishment of the republic the centuriate army, which under the monarchy had lacked any opportunity to show itself as a possessor of power and law, succeeded for the first time in realizing this role, annually electing not only commanding officers, but also leaders of the entire community.

Before the middle of the 5th century BC, the *comitia centuriata* did not emerge as a regular and independent institution, in so far as they grew from military structures, in which the unquestioning obedience of military contingents to their leaders was organically combined with the maintenance of the continuity of competent command. Examination of the military prerogatives of the *comitia centuriata* in the days of the early republic bears out their role as the supreme organ of power in the *civitas*, which elected all the higher magistrates.

The article also reveals in detail the procedures for the declaration of war and the «right of provocation» of community members, which became a cornerstone of the sovereign rights of the Roman people. Analysis of the written tradition allows us to conclude that the military character of the *comitia centuriata* in the period of the early republic turned out to be ideally suited to ensure the political superiority of the patricians and the concentration of power in the hands of the senate. Their structure provided for the dominance of the patricians, who were fully incorporated into the Servian military organization (due to their exclusive right to manage the *ager publicus*), making up the *centuriae* of the cavalry and those of the first census rank.

Nevertheless, in comparison with the patrician curiate assembly, *comitia centuriata* were a more democratic institution, since they brought together – within one army, one political assembly, one census rank and *centuria* – citizens independent of their social level. In the centuriate army and in *comitia* plebeians became part of a new citizenry. Owing to this they acquired a legal basis to fight for an equal position in the *civitas*, as well as a pattern for the development of new political institutions, including *comitia tributa*. Thus, *comitia centuriata* in the period of the early republic in the first half of the 5th century had already become a basis for the formation of civil society and of legal principles of political and military organization.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Международный «круглый стол» «Древняя Южная Аравия. Новые открытия»

© 2002 г.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮГЕ АРАВИИ

*(К 20-летию работ Российской комплексной экспедиции в Республике Йемен)**

Одним из наименее изученных регионов древних цивилизаций Востока и по сей день остается Аравийский полуостров, хотя уже первые историко-археологические исследования выявили существование здесь древнейших очагов человеческой культуры, достижения которых явились значительным вкладом в историю мировой цивилизации. Археологические исследования последних десятилетий не только заставили считать Аравию той территорией, через которую происходило расселение предков человека в Старом Свете из района их первоначального обитания в Восточной Африке, но и начать реконструкцию характерных черт древней материальной и духовной культуры этого интереснейшего очага древневосточной цивилизации. Обнаруженные на территории Хадрамаута и в Махре памятники неолитических и постнеолитических культур, а также впервые открытые в Йемене древнеземледельческие поселения, относящиеся к бронзовому веку, позволяют по-новому взглянуть на процесс формирования и развития так называемой «классической» цивилизации юга Аравийского полуострова, известной также как «культура Сайхад», с принципиально новых позиций рассматривать гипотезы о расселении на Ближнем Востоке и в Восточной Африке семитских и кушитских племен, предков современного населения Йемена, Омана, Эритреи, Эфиопии, Джибути.

Письменные свидетельства о доисламской Южной Аравии, содержащиеся в древнеегипетских и ассирийских анналах, Библии и античных источниках были очень краткими, а археологические исследования на этой территории практически не производились вплоть до 30-х годов. Только со второй половины 70-х годов начались регулярные археологические изыскания в Йемене, однако до сих пор археология этой второй по величине страны Аравийского полуострова находится в начальной стадии развития. Фактически это чуть ли не единственная из областей Старого Света, все еще из-за своей труднодоступности остающаяся малоизученной. С 1983 г. в эти исследования активно включились российские ученые – археологи, востоковеды-сабаисты, арабисты, этнологи и историки.

В соответствии с межправительственным соглашением и постановлением Президиума АН СССР осенью 1982 г. была организована комплексная экспедиция для

* Статья написана в рамках проекта РФФИ № 00-06-80450 «Палеоэкология, первобытность и начало цивилизации на юге Аравии».

работы на территории Народной Демократической Республики Йемен. Базовым учреждением экспедиции был выбран Институт востоковедения и его Санкт-Петербургский филиал (в то время – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР), однако к работе были привлечены и специалисты из Института археологии и Института географии АН СССР, Государственного Эрмитажа, Академии художеств (Института им. И.Е. Репина), Кунсткамеры (ЛО Института этнографии АН СССР), Московского государственного университета. Как по объему финансирования, так и по количеству специалистов, участвовавших в ее работе, это была одна из крупнейших гуманитарных научных миссий за рубежом за всю историю существования АН СССР. Основной ее задачей было комплексное (археологическое, лингвистическое, антропологическое, культурно-историческое, этнографическое) изучение Хадрамаута и исторически связанных с ним регионов Махры и о-ва Сокотры. Экспедиция успешно проработала девять полевых сезонов, с февраля 1983 по декабрь 1991 г. (три – пять месяцев ежегодно), а в 1993 г. была преобразована в Российскую комплексную экспедицию Института востоковедения РАН в Республике Йемен. С 1993 г. по настоящее время экспедиция проводит одно-двухмесячные полевые исследования в южных регионах Йемена, преимущественно на побережье в районе г. Аден и в Хадрамауте. Научным руководителем экспедиции в 1983–1990 гг. был академик Б.Б. Пиотровский. В 1983–1989 гг. начальником экспедиции являлся П.А. Грязневич, в 1990–1991 гг. – М.Б. Пиотровский, а с конца 1991 г. ее руководителем становится А.В. Седов. В 1989 г. в составе экспедиции проводил свои полевые исследования академик В.П. Алексеев. М.Б. Пиотровский, А.В. Седов, Х.А. Амирханов, В.В. Наумкин, М.А. Родионов, И.И. Гохман возглавляли в различные годы ее археологический, историко-культурный, этно-лингвистический отряды и антропологическую группу. Финансирование работ экспедиции в 1983–1991 гг. осуществлялось из целевых средств АН СССР, а с 1993 г. производится в форме грантов Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Международной ассоциации развития научного сотрудничества между странами Западной Европы и государствами бывшего СССР (ИНТАС). В последние годы существенное место стала занимать международная кооперация. Так, в составе экспедиции в 1996–1998 гг. на городище Бир 'Али (древняя Кана) работал отряд французских археологов под руководством М. Мутона (Maison de l'Orient Méditerranéen-Jean Pilloux, Lyon) и группа итальянских подводных археологов во главе с Б. Давидд и Р. Петриаги¹. С 1994 г. российские археологи участвуют в реализации совместного российско-германского проекта по раскопкам городища Сабир и других памятников прибрежного неолита и бронзового века. В последние три года этот проект финансировался за счет средств ИНТАС (проект № 97-20237 «Побережье Йемена в древности: окружающая среда, человеческая адаптация и жизнедеятельность, культурные контакты», научный координатор проекта – проф. Ж.-Ф. Салль).

Общим итогом этих почти двадцатилетних исследований является осуществленный впервые в исторической науке опыт воссоздания во всей полноте истории большого региона, давшего одну из наиболее значимых мировых цивилизаций древности. Значение древнеюжноаравийской цивилизации подчеркивает уже одно то, что отчетливые отголоски о ней сохранили священные книги иудаизма, христианства и ислама. Однако до последнего времени знания об этом историческом и культурном феномене, отмеченном романтическими эпитетами «Счастливая Аравия», «Страна ароматов», «Земля царицы Савской», основывались больше на легендарных преданиях и отрывочных сведениях древних авторов, чем на сколько-нибудь систематизированных научных данных. Что же касается целых эпох, предшествующих "письменной истории", то, несмотря на свой огромный потенциал, Южная Аравия оставалась практически неисследованной территорией.

¹ Краткая заметка о подводных археологических исследованиях опубликована ниже.

С первых дней работы экспедиция ставила своей задачей комплексное изучение истории человеческого общества на юге Аравийского полуострова, прежде всего в областях Хадрамаут, Махра и на о-ве Сокотра. Комплексность находила свое воплощение в параллельной и совместной работе археологов, историков, эпиграфистов, палеогеографов, этнографов, лингвистов, социологов. За время работы экспедиции были проведены и продолжают проводиться историко-культурные обследования долин и нагорий Внутреннего Хадрамаута и Махры. Обнаружены и нанесены на археологическую карту региона уникальные памятники эпохи нижнего и верхнего палеолита, неолита и постнеолита, многочисленные памятники древнейшей цивилизации: города, селения, храмы, ирригационные сооружения, стоянки паломников. Найдено множество древних наскальных надписей, изучены средневековые городища и некрополи, древние торговые пути.

Параллельно с археологическими исследованиями проводится сплошное этнографическое обследование долин западной части Внутреннего Хадрамаута, Западного нагорья и побережья, этно-лингвистические исследования на о-ве Сокотра и в Махре. Во Внутреннем и Прибрежном Хадрамауте проводились палеогеографические и палеоботанические исследования. Осуществлено общее физико-антропологическое обследование современного населения южных районов Йемена. Собран громадный материал по языку сокотрийцев и арабским диалектам Хадрамаута.

Первые итоги работ экспедиции легли в основу ряда книг² и серии статей, появившихся в отечественной и зарубежной научной периодике и сборниках³. Ежегодные краткие отчеты о работе экспедиции публиковались на арабском языке в Сайуне (Республика Йемен, пров. Хадрамаут)⁴. Вышли из печати два тома трудов экспедиции⁵, готовятся к публикации следующие два⁶, опубликован первый том «Корпуса райбунских надписей»⁷.

Как уже говорилось, экспедиция стремится создать по возможности полное описание истории человека в Хадрамауте, Махре и на о-ве Сокотра. В последнее время ее деятельность сосредотачивается вокруг нескольких ключевых проблем йеменской истории, в решении которых именно работы российских ученых внесли важный

² См. *Пиотровский М.Б.* Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества. М., 1985 (на арабск. яз. – Бейрут, 1987); *Наумкин В.В.* Сокотрийцы. Историко-этнографический очерк. М., 1988 (см. также расширенное издание этой книги на англ. яз. – *Naumkin V.V.* Island of the Phoenix. An Ethnographic Study of the People of Socotra. Reading: Ithaca Press, 1993); *Амирханов Х.А.* Палеолит юга Аравии. М., 1991; *он же.* Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М., 1997; *Родионов М.А.* Этнография Западного Хадрамаута. Общее и особенное в традиционной культуре. М., 1994; *Седов А.В.* Монеты древнего Хадрамаута. М., 1998; *Чистов Ю.К.* Антропология древнего и современного населения Южного Йемена. Ч. 1. Палеоантропология, антропометрия, антропоскопия. СПб., 1998.

³ См., например, подборку статей в сборниках: *Ancient and Mediaeval Monuments of Civilization of Southern Arabia. Investigation and Conservation Problems.* М., 1988; *Mare Erythraeum. I* (1997). München, Museum für Völkerkunde, 1997; раздел «Древние цивилизации: новые открытия. Новое о древней Южной Аравии» (ВДИ. 1989. № 2. 3); серию статей А.В. Седова «Notes on Archaeological Map of Hadramawt» в журнале «Arabian Archaeology and Epigraphy».

⁴ См. *At-tankib an al-athâr madinat Raybûn*, 1983. *Dalil al-mâ'rad. Say'ûn*, 1983; *Nataidj 'amâl al-baatha li am* 1984. *Dalil al-mâ'arad. Say'ûn*, 1984; *Nataidj 'amâl al-baatha li am* 1985. *Dalil al-mâ'arad. Say'ûn*, 1985; *Nataidj 'amâl al-baatha li am* 1986. *Dalil al-mâ'arad. Say'ûn*, 1986; *Hadramaut al-kadima wa-l-muasava al-abhath al-meidaniya* 1987. *Say'ûn*, 1987; *Nataidj 'amâl al-baatha li am* 1988. *Dalil al-mâ'arad. Sayûn*, 1988; *Nataidj 'amâl al-baatha li am* 1989. *Dalil al-mâ'arad. Say'ûn*, 1990.

⁵ См. Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции. Т. I. М., 1995; Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции. Т. II. М., 1996.

⁶ *Qâni'. La porte antique entre Méditerranée, l'Arabie et l'Inde. Fouilles russe 1985–1994 / Sous la redaction J.-F. Salles et A.V. Sedov. Brepols (in print); Храмы Райбуна (раскопки 1988–1991 гг.). Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции. Т. IV / Отв. редактор А.В. Седов (в печати).*

⁷ См. *Frantsouzoff S.A.* Raybûn. Pt. 1. Hairan, temple de la déesse 'Athtarum / 'Ahtarum. Avec une contribution archéologique par Aleksandr Sedov // Inventaire des inscriptions sudarabiques. T. V. Paris – Rome, 2001.

вклад. В сочетании с последними исследованиями зарубежных коллег, ведущих полевые работы в Южной Аравии (американская, германская, итальянская, канадская, французская археологические миссии), эти открытия подняли на качественно новую высоту уровень научных знаний об этой важнейшей области древнего мира, знаменитой «страны царицы Савской», «Счастливой Аравии», страны циклопических ирригационных сооружений, обширных городов, монументальных храмов и дворцов, тысяч изящных надписей.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ИСТОКИ ДРЕВНЕЙЕМЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Впервые были выполнены монографические исследования, посвященные древнекаменному и новокаменному векам Йемена, одной из крупных областей Аравийского полуострова⁸. Основой для анализа и обобщений послужили материалы памятников, открытых в ходе работ в экспедиции в 1983–1988, 1991 и 1994–1999 гг. Районы исследований включали вадии Хадрамаут и Хадрамаутское плато, *джоль*, районы предгорий и среднегорий в западной и центральной частях южного побережья Йемена, а также прибрежные и горные районы провинции Махра. В результате открыто и изучено 66 памятников каменного века, включающих 91 комплекс и коллекцию. Восемнадцать пунктов из общего числа изученных объектов относятся к неолиту, все остальные – к различным эпохам палеолита.

Наиболее важной стороной методических обобщений проведенных исследований является установление связи определенных разновидностей (хронологических, тафологических, типологических) памятников с конкретными формами ландшафтов. Особенно интересна приуроченность доашельских стоянок к разрушенным ныне пещерам. Последние являются одними из самых древних на археологической карте мира. Представляется, что выявленные закономерности расположения памятников и методика их поиска приложимы не только к территории самой Аравии, но и к аридным областям за пределами полуострова.

Обобщения собственно археологического материала и сопутствующих данных, включающие разнообразие аспекты – технико-типологический, эволюционный, культуроведческий, палеогеографический, позволили установить основные подразделения палеолита Аравии и их последовательность на шкале «культурной стратификации» каменного века, разработать основу для геохронологии южноаравийского каменного века, выявить основную направленность и некоторые конкретные проявления изменений природной среды на протяжении плейстоцена. В рамках исторических интерпретаций сделана успешная попытка рассмотрения связей культуры каменного века Южной Аравии с синхронными пластами палеолитической культуры смежных областей, а также решен важный вопрос о времени первоначального заселения Аравийского полуострова, что в свою очередь проливает свет на проблему расселения человека из своей прародины в Восточной Африке на Азиатский континент.

Наиболее общие исторические выводы, вытекающие из рассмотрения материалов, таковы. Южная Аравия была заселена древнейшими людьми на протяжении всего каменного века. В настоящее время из исследуемого района не выделены лишь мезолитические материалы, что объясняется невозможностью дифференциации позднего палеолита и мезолита Аравии или, что более вероятно, отсутствием здесь мезолитической стадии культуры. Наиболее ранние палеолитические памятники Южной Аравии относятся к доашельскому времени, и Аравийский полуостров является одним из районов, где обнаружены наиболее ранние для Азиатского материка следы человеческой деятельности. Рассмотрение палеолитических памятников Хадрамаута приводит к заключению, что культура каменного века на этой территории обладает чертами, свойственными как Африке, так и Ближнему Востоку, причем признаки

⁸ См. Амирханов. Палеолит юга Аравии; он же. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры; Amirhanov H. Research on the Palaeolithic and Neolithic of Hadramaut and Mahra // ААЕ. 1994. 5 / 4. Р. 217–228.

отдельных хронологических этапов и общие тенденции каменного века Африки выступают здесь все заметнее по мере развития культуры от ранних эпох к поздним. В географическом отношении африканские параллели ограничиваются районами северо-востока континента, т.е. территориями, памятники которых на протяжении почти всего каменного века достаточно четко отличаются от культур остальной части Африки. В масштабах всей Аравии в целом эта картина постепенно усложняется в неолите, когда здесь начинают образовываться историко-культурные области. Одна из них, занимавшая основную часть полуострова, унаследовала традиционное направление культурных связей, а вторая, восточноаравийская, формировалась под прямым воздействием месопотамских культурных импульсов.

Обобщение вновь полученных данных по неолиту Аравии подводит к заключению, что при периодизации целесообразно пользоваться двучленной схемой, состоящей из понятий «ранний» (VIII–VI тыс. до н.э.) и «поздний» (V–III тыс. до н.э.) неолит. Эти этапы дополняются самостоятельной стадией, характеризующей своеобразную «параллельную культуру», уже получившую в литературе название «постнеолит» (II – начало I тыс. до н.э.). Последнее понятие употребляется для памятников, которые синхронны стоянкам бронзового века или культуре раннегородской цивилизации, но характеризуются решающим господством традиций каменного века. При этом индустрия в типологическом смысле не является собственно неолитической.

Глубокий анализ материала позволил дать всестороннюю характеристику выделенным этапам неолита и постнеолита, достаточно точно определить временной интервал их существования. Очень важно заключение о том, что культура южно-аравийской городской цивилизации унаследовала в производстве и использовании орудий труда существенные черты каменного века и наследование это не связано с переживанием традиций местного, аравийского неолита или бронзового века. Данное обстоятельство имеет прямое отношение к проблеме происхождения раннегородской цивилизации Йемена.

ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕЙЕМЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Древнейеменская цивилизация, возникшая во второй половине II тыс. до н.э. в юго-западной части Аравийского полуострова, являлась совокупностью высокоразвитых земледельческих обществ, для которых были характерны многочисленные города, разветвленные ирригационные системы со сложными гидротехническими сооружениями, ремесла, развитая архитектура и искусство, письменность. Исследования российских ученых позволили установить, что семитские племена, ее создавшие, проникли в Южную Аравию с севера, из районов современной Южной Палестины и Юго-Западной Иордании, причем они уже имели высокий уровень развития: знали земледелие, имели навыки в ирригации и строительном деле, металлургии и гончарном ремесле. Они были уже знакомы с письменностью и обладали достаточно стройной системой религиозных представлений.

Раскопки в древнем оазисе Райбун в низовьях вади Дау'ан, где удалось проследить историю крупного земледельческого центра на протяжении более чем тысячелетия, показали, что самые ранние слои поселения следует датировать, вероятно, концом II тыс. до н.э. Столь ранняя дата устанавливается как с помощью радиоуглеродного метода датирования (имеется серия из семи образцов), так и на основании сравнительного анализа образцов расписной керамической посуды (близкие аналогии этой керамики можно найти в материалах из Южной Палестины и Северо-Западной Аравии XIII–IX вв. до н.э.)⁹. Выводы о ранней датировке земледельческих поселений

⁹ См. Sedov A.V. On the Origin of the Agricultural Settlements in Hadramawrt // *Arabia Antiqua. Early Origins of South Arabian States. Proceedings of the First Intern. Conference on the Conservation and Exploitation of the Archaeological Heritage of the Arabian Peninsula Held in the Palazzo Brancaccio, Rome, by ISMEO on 28th–30th May 1991* / Ed. Chr. J. Robin with collaboration of I. Gajda. Roma, 1996. P. 67–86; *idem. Die archäologischen Denkmäler von Raybūn im unteren Wādī Dau'an (Ḥaḍramawt) // Mare Erythraeum. V. I. München, 1997. S. 31–106.*

в Хадрамауте хорошо согласуются с результатами работ итальянских археологов на городище Йала/ад-Дурайб в Хаулане¹⁰ и американских – на поселениях в вади ал-Джуба¹¹ и дают надежные аргументы в пользу так называемой «длинной» хронологии южноаравийской цивилизации¹².

Исследования на городище Райбун дали богатый керамический материал, позволивший создать «керамическую колонку» – инструмент, с помощью которого можно датировать не только слои исследуемого нами городища, но и многие другие археологические памятники Хадрамаута¹³.

Итак, исследования в древнем оазисе Райбун позволили сделать вывод о том, что первые земледельческие поселения во Внутреннем Хадрамауте появляются не позднее последней четверти II тыс. до н.э.¹⁴ Племена, основавшие эти поселения, пришли на юг Аравии видимо откуда-то из северо-западных районов Аравийского полуострова и Южной Палестины. Они обладали уже навыками устройства достаточно разветвленных и совершенных ирригационных систем, основывавшихся на использовании сезонных паводковых вод. Говорили эти племена, вероятно, на хадрамаутском диалекте древнеюжноаравийских (эпиграфических) языков¹⁵ и знали монументальное южноаравийское письмо, причем в написании использовали очень архаичные формы ряда знаков (например, для «алиф» = ʾ и для «х» = ḫ). В материальной культуре этих первых земледельческих обитателей вади Хадрамаут надо отметить постройки из сырцового кирпича, крашеную и расписную керамику с зооморфными и геометрическими мотивами.

Изучение материальной культуры первых земледельцев Хадрамаута показало, что на каком-то очень раннем ее этапе, вероятно в конце VII–VI в. до н.э., прослеживаются существенные инновации, позволяющие говорить о сильном инокультурном воздействии. Так, именно в это время появляются новые строительные приемы при возведении жилых и культовых зданий (сырцовые постройки с внутренним деревянным каркасом, возведенные на мощных каменных цоколях; широкое использование полированных каменных плит для облицовки внутренней и внешней поверхности стен зданий, а также в интерьере построек – вымостка полов), новые формы в репертуаре глиняной посуды (сероглиняные тарные амфоровидные сосуды, столовые чаши с перегибом тулова, на высоком поддоне, покрытые красным ангобом и лощением высокого качества). Впервые фиксируется и традиция изготовления монументальных каменных стел с посвящениями богам хадрамаутского пантеона, устанавливавшихся в храмах.

Указанные инновации в материальной культуре хронологически совпадают с выявляемыми в ранних хадрамаутских посвячительных надписях сабейскими диалектными

¹⁰ Maigret A. de. Archaeological Survey on the Wādī Yalā Antiquities // The Sabaeen Archaeological Complex in the Wādī Yalā (Eastern hawlān at-Tiyāl, Yemen Arab Republic). A Preliminary Report / Ed. A. de Maigret. Rome, 1988. P. 1–20.

¹¹ Blakely J.A. The Stratigraphic Probe of Hajar at-Tamrah // The Wādī al-Jubah Archaeological Project. V. 2. Site Reconnaissance in North Yemen, 1983. Washington, 1985. P. 55–127; Glanzman W.D., Ghaleb A.O. The Stratigraphic Probe at Hajar ar-Rayhani // The Wādī al-Jubah Archaeological Project. V. 3. Site Reconnaissance in the Yemen Arab Republic, 1984; The Stratigraphic Probe at Hajar ar-Rayhani / Ed. W. Glanzman, A.O. Ghaleb. Washington, 1987. P. 5–64.

¹² О проблеме хронологии древних памятников Йемена см. Pirenne J. The Chronology of Ancient South Arabia – Diversity of Opinion // Yemen. 3000 Years of Art and Civilisation in Arabia Felix / Ed. W. Daum. Innsbruck-Frankfurt am Main, 1987. P. 116–122; Avanzini A. La chronologie «courte». Un réexamen // Arabia Antiqua... Roma, 1996. P. 7–14; Garbini G. La chronologie «longue». Une mise au point // Ibid. P. 15–22.

¹³ Sedov A.V. Notes on the Pottery Sequence at Raybūn Settlement (Western Wādī Ḥaḍramawt) (in print).

¹⁴ Ср. с датировкой нижних слоев городища Шабва, древней столицы Хадрамаута, предлагаемой французскими исследователями: XV в. до н.э. (Breton J.-F. Quelques dates pour l'archéologie sud-arabe // Arabia Antiqua... Roma, 1996. P. 87–110.

¹⁵ О них см. Базур Г.М. Древний южноаравийский язык (эпиграфический) // Языки Азии и Африки. IV. Афразийские языки. Кн. I. Семитские языки. М., 1991. С. 168–193; Kogan L.E., Korotaev A.V. Sayhadic (Epigraphic South Arabian) // The Semitic Languages / Ed. R. Hetzron. Routledge, 1997. S. 220–241.

формами¹⁶ Да и находки, например в Райбунском оазисе, votивных надписей с посвящением Алмакаху, «федеральному» божеству сабейцев, также относятся к раннему этапу древнехадрамаутской земледельческой культуры. Все это позволяет, видимо, говорить если не о прямых сабейских переселенцах в Хадрамауте, то о сильном сабейском культурном воздействии на население соседнего региона. Вероятно, Хадрамаут также может быть включен в число областей, испытавших на себе сабейскую гегемонию, установившуюся в Южной Аравии после завоевательных походов Кариб'-ила Ватара, сына Замар 'алая, *мукарриба Саба*' (конец VII – начало VI в. до н.э.)¹⁷.

Сабейское влияние в языке надписей и в такой традиционной области материальной культуры, каким является гончарство, просуществовало, вероятно, довольно не-продолжительное время. Постепенно в надписях начинают преобладать хадрамаутские суффиксы, префиксы и союзы, в репертуаре керамических форм инновации исчезают, замещаясь формами традиционно хадрамаутскими. Правда, традиция строительства многоэтажных сырцово-каркасных зданий на каменных цоколях не только не прекращается, но и изрядно совершенствуется, превращаясь в традицию типично хадрамаутскую.

Таким образом, данные, полученные при раскопках памятников в древнем оазисе Райбун, позволили существенно упорядочить наши представления о хронологии и периодизации начальных этапов истории Древнехадрамаутского царства, которая до сих пор неясна и противоречива.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ДРЕВНЕХАДРАМАУТСКОЙ ГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Хадрамаут, впервые упоминаемый, возможно, в Библии под именем Хацармавефа, сына Иоктана (Быт. 10, 26), всегда занимал особое положение среди других областей юго-запада Аравийского полуострова. Пожалуй, это единственный из регионов Йемена, в течение многих веков существовавший как автономный историко-географический и этнокультурный регион. Он и в наше время составляет отдельную административную единицу в составе Республики Йемен, сохраняющую свое культурно-историческое своеобразие.

Древний Хадрамаут, «Ладаноносная страна» классических источников, занимал громадную (по сравнению с другими древнейеменскими царствами) территорию от пустыни Рамлат ас-Сабатейн на севере и северо-востоке до побережья Аденского залива на юге и юго-западе. Его ядром являлось обширное вادي Хадрамаут с многочисленными боковыми притоками, до сих пор остающееся главной земледельческой житницей южной части Йемена. В пору своего могущества Хадрамаутское царство включало на востоке и громадные пространства нагорий Махры и Дофара, основных территорий произрастания благовонных деревьев. В первые века нашей эры власть хадрамаутских правителей распространялась и на о-в Сокотру, крупнейший остров в этой части Индийского океана, родину «драконового дерева», из смолы которого получали превосходный краситель – алуию киноварь. На Сокотре также произрастают шесть видов ладана (*Boswellia sacra*), несколько видов мирры (*Commiphora myrrha*), а на склонах гор – алоэ (*Aloe vaccillans*). Столицу Хадрамаута, древнюю Шабву классические источники описывали как сильно укрепленный город с многочисленными храмами (Plin NH. VI, XXXII, 155). Она располагалась у выхода вادي Хадрамаут в пустыню Рамлат ас-Сабатейн, в начале одной из главных караванных дорог древнего Йемена.

¹⁶ Avanzini A. H-Forms in Qatabanian Inscriptions // Yemen. Studi archeologici, storici e filologici sull'Arabia meridionale. V. 1 / Ed. A. de Maigret. Roma, 1992. P. 13–18; Pirenne J. Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire. P., 1990 (Fouilles de Shabwa. I). P. 35–42.

¹⁷ Robin Chr. J. Sheba dans les inscriptions d'Arabie du Sud // Supplément au dictionnaire de la Bible. P., 1996. Col. 1118–1121.

История и культура древнего Хадрамаута в отличие от, скажем, древних Саба', Катабана, Майна и Химйара, изучена несравненно слабее. Исключение составляет древняя Шабва, столица Хадрамаута, издавна привлекавшая внимание ученых и путешественников. Особенно большой вклад в ее изучение внесла Французская археологическая миссия, проводившая многолетние раскопки на древнем городище¹⁸. Именно слабая изученность послужила причиной того, что местом основных исследований экспедиции российских ученых был выбран Хадрамаут.

Открытия последних полутора десятилетий в этом обширном регионе и в первую очередь – исследования Российской экспедиции дали лавинообразное приращение качественно новых источников, археологических и нумизматических, позволяющих с гораздо большей полнотой, чем прежде, дать общую характеристику культуры древнего населения этой части Йемена, предложить периодизацию, абсолютную и относительную хронологию различных этапов его материальной культуры, исследовать многие области хозяйственной деятельности (торговля, денежное обращение), проследить основные направления внешних торговых и культурных связей. Непреходящее значение имеет обнаружение впервые при планомерных археологических раскопках на городище Райбун, городском центре древнеземледельческого оазиса в низовьях вади Дау'ан, хозяйственных документов, записанных так называемым «курсивным» письмом на черенках пальмовых листьев. По-видимому, эти документы – остатки храмового архива, относящегося к V–IV вв. до н.э.¹⁹

Исследования в низовьях вади Дау'ан позволили впервые представить относительно цельную картину возникновения и развития земледельческого оазиса древнего Йемена. Поселения, составлявшие оазис и возникшие в разные периоды его истории, были расположены в центральной части долины и окружены разветвленной оросительной системой, «разводившей» по обширным полям паводковые воды. Были изучены многочисленные остатки ирригационных сооружений – отводные дамбы и каналы, распределительные узлы, резервуары для сбора воды, шлюзы. Основная система дополнялась еще одной, служившей для сбора дождевой воды со склонов долины. Общая площадь возделывавшихся в древности земель в оазисе составляла свыше 1500 га²⁰. Как общий принцип функционирования ирригационной системы оазиса Райбун, так и детали конструкции ее основных водораспределительных сооружений совпадают с аналогичными сооружениями, изученными в других регионах Йемена – в Марибском оазисе²¹, вади Байхан²², районе Шабвы²³. Многие сходные черты роднят ее и с современными оросительными системами Хадрамаута, изученными этнографами²⁴.

¹⁸ См. *Pirenne J.* Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire; *Fouilles de Shabwa. II. Rapports préliminaires* / Ed. J.-F. Breton. P., 1992; *Fouilles de Shabwa. III. Architecture et techniques de construction* / Ed. J.-F. Breton. Beyrouth, 1998.

¹⁹ См. Бауэр Г.М., Аюбян А.М., Лундин А.Г. Новые эпиграфические памятники из Хадрамаута // ВДИ. 1990. № 2. С. 168–173; *Frantsouzoff S.A.* Hadramitic Documents Written on Palm-Leaf Stalks // *PSAS*. V. 29 (1999). 2000. P. 55–66.

²⁰ См. Седов А.В. Древняя ирригация Райбуна // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции. Т. I. М., 1995. С. 89–102.

²¹ *Brunner U.* Die Erforschung der Antiken Oase von Marib mit Hilfe Geomorphologischer Untersuchungsmethoden // *ABADY*. Bd II. Mainz am Rhein, 1982.

²² *LeBaron Bowen R.* Irrigation in Ancient Qataban (Beihan) // *LeBaron Bowen R., Albright F.P.* Archaeological Discoveries in South Arabia. Publications of the AFSM. V. II. Baltimore, 1958. P. 43–132; *Gentelle P.* La nature et l'irrigation // *Breton J.-F. et al.* Une vallée aride du Yémen antique. Le wādī Bayhān. P., 1998. P. 75–125.

²³ *Gentelle P.* Les irrigations antiques à Shabwa // *Fouilles de Shabwa. II. Rapports préliminaires* / Ed. J.-F. Breton. P., 1992. P. 5–54.

²⁴ *Serjeant R.B.* Some Irrigation Systems in Ḥadramaut // *BSOAS*. 1964. XXVII. Pt 1. P. 33–76; Родионов. Ук. соч. С. 73.

Как явствует из надписей, наиболее крупное поселение оазиса и в древности носило название Райбун (*rybn*)²⁵. Не исключено, что это было название всего оазиса, а не только его центрального поселения, *хагара*. Существовала община *шарк* (*s²rk*), которую возглавлял старейшина *кабир* (*kbr*) и правитель *кайн* (*qyn*). Характерной особенностью Райбуна было необычно большое количество различных храмов. Возможно, что здесь располагался один из крупных культовых центров Внутреннего Хадрамаута. Главенствующее положение занимал храм Сайина (*s¹yn*), «федерального» божества Хадрамаута, носивший название Майфа'ан (*myf'an*). Он в свою очередь, судя по надписям, подчинялся главному храму этого божества, располагавшемуся в столице Хадрамаута Шабве. Храмовый комплекс был выстроен на склоне *вади* примерно в 1,5 км к югу от центрального поселения оазиса. На самом поселении доминировал храм Рахбан (*rhbn*), посвященный богине Зат Химйам (*dt hmym*). Еще один храмовый комплекс этой богини, носивший название Кафас/На'ман (*kfs¹/n'mn*) располагался вне центрального поселения, посреди сельскохозяйственных угодий, по-видимому, принадлежавших храму. На окраине центрального поселения Райбун был раскопан храм Хадран (*hḏrn*), посвященный богине городского пантеона Астарам (*'thtrm/'strm*). Храмовые постройки были выявлены и на всех остальных поселениях оазиса. Помимо этого, храмы и небольшие святилища, посвященные преимущественно Сайину, располагались отдельно на склонах или среди полей, либо входили в состав пещерных некрополей в изобилии обнаруженных в склонах долины.

Раскопки храмов Майфа'ан, Рахбан, Хадран и Кафас/На'ман позволили впервые представить всю структуру древнехадрамаутского культового комплекса, его основное здание (святилище), здание для ритуальных трапез, хозяйственные и жилые постройки. Удалось проследить постепенный рост храмов от небольших глинобитных построек до монументальных сырцово-каркасных громад, возвышавшихся поверх мощных каменных платформ. Изучено убранство храмов, характер вторичного использования храмовых надписей при ремонтах и перестройках, найдены многочисленные типы курильниц, светильников, жертвенников, остатки посвящений в храмы²⁶.

Систематизация и анализ впервые введенного в научный оборот материала позволили охарактеризовать специфику одной из самых малоизученных цивилизаций Переднего Востока – древнейеменской цивилизации, существенно дополнили наши представления о ее общих чертах. Вместе с тем удалось выявить специфические черты одного из крупнейших регионов этой общности, древнего Хадрамаута. Важнейшим представляется заключение о единстве материальной и духовной культуры данного региона на протяжении весьма длительного периода времени – от появления здесь первых земледельческих поселений до включения территории древнего государства в состав Химйаритской империи и последовавшего затем сасанидского завоевания. Это единство проявилось, помимо безусловной языковой общности, в достаточно устойчивой архитектурной традиции, сходных строительных приемах и приемах организации поселений и земледельческого оазисов, единой традиции в изготовлении керамической посуды, неизменных специфических чертах погребальной обрядности, единстве официального пантеона и монетной системы. Отмеченные

²⁵ Lundin A.G. Die Inschriften des antiken Raybūn // *Mare Erythraeum*. V. I. München, 1997. S. 19–26 (надписи Р6 XIV/87, № 65; Р6 XIV/87, № 42; Р6 XIV/91, № 47; Р6I/88, № 132а–б).

²⁶ См. Кошеченко Г.А., Кропоткин А.В. Исследования храма 'Астарам Зат Хадран на городище Райбун I // Городище Райбун I (раскопки 1983–1987 гг.). Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции. Т. II. М., 1996. С. 35–53; Петерс Б.Г. Археологические исследования храмового комплекса богини Зат Химйам на городище Райбун I (раскопки 1984 года) // Городище Райбун I (раскопки 1983–1987 гг.). Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции. Т. II. М., 1996. С. 54–67; Akopyan A.M. The Temple Complex Dhat Ḥimyam on the Site of Raybūn I in the Wadi Dau'an (Southern Yemen) // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1994. V. I. № 2. September. P. 235–248; Sedov A.V. The Temple of Syn ḡ-Myf'n (Wadi Dau'an, Inner Hadramaut) // *Ibid*. P. 249–260; *idem*. Temples of Ancient Raybun // *Adumatu. A Semi-Annual Archaeological Refereed Journal on the Arab World*. Riyadh, July 2000. P. 15–26.

выше специфические особенности основных черт древней культуры Хадрамаута позволяют отличать ее от синхронных культур соседних регионов Йемена – Саба', Катабана, Химйара, городов-государств в оазисах ал-Джоуфа и Йеменского нагорья.

ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА МОРСКОЙ ТОРГОВЛИ ДРЕВНЕГО ХАДРАМАУТА

Утверждение о том, что торговля южноаравийскими благовониями, включавшими и хадрамаутский ладан, как морская, так и сухопутная, долгое время оставалась исключительно в руках южноаравийских купцов стало уже общим местом в работах о Южной Аравии. Не менее часто встречается и утверждение о том, что история морских торговых путей вдоль побережья Южной Аравии насчитывает в своем развитии ничуть не менее столетий, чем история путей трансаравийских, караванных. Однако для подобных утверждений, особенно последнего, необходимы, помимо общих рассуждений, по крайней мере несколько бесспорных и археологически засвидетельствованных фактов: 1) существование древних городов-портов на южно-аравийском морском побережье, причем в разные периоды развития южноаравийских государств; 2) археологические и/или письменные свидетельства использования жителями Южной Аравии судов, пригодных как для каботажного плавания, так и для плавания в открытом море; 3) материальные свидетельства того, что часть товаров попадала в Южную Аравию морским путем (свидетельства, которые могут быть найдены при археологических раскопках, т.е. остатки той тары, в которой эти товары перевозились). Однако у нас на данном уровне наших знаний имеются отнюдь не все перечисленные выше свидетельства.

Несмотря на неоднократные попытки локализации на южноаравийском побережье тех или иных городов и поселений, упомянутых в монументальных надписях из Южной Аравии, ни одна из них не может быть признана удачной. Не принесли пока ощутимой удачи и археологические обследования прибрежных районов. Чуть ли не единственное поселение, как будто бы существовавшее на южном побережье Йемена в «классическое» время, – это обширное городище ал-Карав (al-Qaraw) на окраине современного города Зинджибар в дельте Абйана (вади Бана), отмеченное еще Б. Доу и Г. Ланкастер-Хардингом²⁷. Даже существование древнего поселения на месте современного Адена стало находить свое подтверждение лишь в самое последнее время. Так, в стратиграфическом шурфе в Кратере, старом арабском районе Адена, заложеном экспедицией Германского археологического института в 1996 г., были найдены фрагменты амфоровидных сосудов, идентичные известным по находкам на городище Бир 'Али (древняя Кана'). Несколько лет назад в материковой части Адена, в районе, известном как Бир Фадл, при строительных работах был обнаружен могильник с захоронениями в грунтовых ямах. Среди предметов погребального инвентаря отметим красноглиняный керамический сосуд, массивный бронзовый кубок с ручкой (ныне утерян), серебряные браслеты и две катабанские серебряные монеты, датирующиеся как будто бы I в. до н.э. Само наличие могильника однозначно указывает на то, что где-то неподалеку должно было располагаться и древнее приморское поселение, та самая *Счастливая Аравия* древних авторов (*Eudaemon Arabia* «Перипла Эритрейского моря», *Athēna* Плиния, *Arabia euporeia* Птолемея), которая практически всеми исследователями бесспорно локализуется на месте современного Адена.

Упоминание о судах, использовавшихся в морской торговле, практически, за редким исключением, не встречается в южноаравийских надписях. Правда, в письменных источниках, например в «Перипле Эритрейского моря», есть прямые указания на морскую торговлю южноаравийских городов-портов, таких, как Муза, Окелис и Кана', со странами, расположенными по другую сторону моря – на африканском побережье,

²⁷ Doe B. Southern Arabia. Thames and Hadson, 1971. P. 145; Harding Lancaster G. Archaeology in Aden Protectorates. L., 1964. P. 17–19.

в районе Персидского залива, в Северо-Западной Индии, и с о-вом Сокотра. Однако это свидетельство достаточно позднее (середина I в. н.э.) и не совсем ясно, насколько глубоко в древность мы можем его экстраполировать. Практически до сих пор на памятниках древней Южной Аравии не встречались находки ни изображений, ни моделей судов, которые можно было бы трактовать как торговые транспортные средства (в отличие, например, от многочисленных фигурок верблюдов – основного транспортного средства при караванных перевозках).

Импортные предметы не составляют массового материала среди находок с южно-аравийских памятников. Для комплексов второй и третьей четверти I тыс. до н.э. это, как правило, единичные украшения или косметические сосуды, весьма редкие находки фрагментов импортной керамики или предметов искусства. Правда, в последнее время на нелегальном рынке древностей в Йемене появляется все больше и больше явно привозных предметов высокой художественной ценности, изготовленных, вероятно, за пределами Южной Аравии. Как правило, это изделия эллинистического Египта, в основном бронзовая и каменная скульптура, происходящая, насколько можно судить, из сокровищниц храмов южноаравийских божеств (большинство из этих находок происходит как будто бы с территории древнего царства Катабан). Однако практически все эти предметы могли быть доставлены в юго-западную оконечность Аравийского полуострова сухопутными караванными торговыми путями.

Для Хадрамаута мы имеем одну из тех редких возможностей для восстановления основных направлений морских торговых связей, когда весьма удачно комбинируются археологические данные и сведения письменных источников (материалы раскопок на городище Бир 'Али, древней Кана', и сведения «Перипла Эритрейского моря»). Как можно заключить из данных раскопок, само основание Кана' на берегу Аденского залива было вызвано в основном потребностями в промежуточных стоянках для кораблей из римского Египта на их пути в Индию, стоянках, на которых они могли бы пополнить свои запасы питьевой воды и продовольствия, а также приобрести товары местного производства – мирру, ладан, алоэ. Именно эта потребность и способствовала вовлечению южноаравийских царств, в том числе и Хадрамаута, в морскую международную торговлю, когда большинство товаров стало доставляться на территорию древнего Йемена (и вывозиться с его территории) морским, а не сухопутным путем.

Как мы знаем из «Перипла», в середине I в. н.э. через Кана' из Средиземноморья, Индии и стран Персидского залива в Аравию ввозились различные виды одежды, золото, медь и свинец, коралл и жемчуг, такие продукты, как пшеница, рис, вино, финики, кунжутное масло, а также рабы, лошади и различные предметы роскоши (статуи, серебряная посуда и монеты для царя и царского двора). Вывозились же ладан и алоэ. Практически весь приведенный выше список товаров находит полное соответствие в археологических находках с городища Бир 'Али, из слоев «нижнего» (БА-I) периода.

Амфоры типа Dressel 1B, Dressel 2–4, родосские амфоры использовались преимущественно для транспортировки различных видов средиземноморских вин, таких, как фалернское и родосское, вина из Кампании и Лаодикеи. Отметим, что в «Перипле» прямо говорится о том, что Адулис, порт на африканском побережье, и Баригаза, порт на побережье Северо-Западной Индии, т.е. два пункта, как бы окружавшие Кана', были рынками для «вина из Лаодикеи и Италии» (6:2.32–33; 49:16.21). Не исключено, что в этой же амфорной таре поставлялись масло и пшеница. Другие типы амфор, такие, как Dressel 7–11, производившиеся на юге Испании, служили для транспортировки специфического рыбного соуса. Посуда типа *terra sigillata* и превосходные набатейские чаши вполне могли рассматриваться как предметы роскоши. Отметим также находки обломков римских стеклянных сосудов.

Таким образом, торговые связи Кана' времени «Перипла Эритрейского моря» охватывали весьма обширный регион Западного и Восточного Средиземноморья, от Испании, Сицилии и Италии до Египта, Палестины и Малой Азии. На восток торговые связи Кана' простирались до Южной Месопотамии, стран Персидского

залива и Северо-Западной Индии. Это направление обеспечивалось, видимо, местными торговцами, чему есть прямое указание в источнике («Перипл». 27.9.11; 32.11.2). Специально отметим весьма малое количество предметов, которые можно было бы рассматривать как индийский импорт. Возможно, одно из объяснений таково: из «Перипла» мы знаем, что Кана' была промежуточным пунктом на пути судов в Индию, но неизвестно, бросали ли они здесь якорь на обратном пути домой, когда и могли быть завезены индийские товары.

Согласно сабейским надписям (Ir13, Ry533), в начале III в. н.э. во время рейда войск Ша'ира Аутара, царя Саба' и зу-Райдана, в бухте Кана' было сожжено несколько десятков кораблей, а сам город подвергся разграблению. Насколько позволяют судить археологические данные, хадрамаутская гавань быстро оправилась от этого нашествия. После 270 г. н.э. вместе со всем Хадрамаутом она переходит под власть химйаритских правителей, принимающих титул «царь Саба' и зу-Райдана, и Хадрамаута, и Йаманата». Отметим, что около 50% находок монет из слоев «среднего» (БА-II) периода на городище Бир 'Али составляют позднихимйаритские медные series with «Vustranium», что явно свидетельствует о включении древнего порта в хозяйственную систему Химйаритской империи.

Находки амфорной тары и других категорий керамики в слоях «среднего» (БА-II) периода позволяют проследить основные изменения в направлении торговых связей сначала хадрамаутской, а потом и химйаритской гавани на южном побережье Аравии. Считается, что североафриканские амфоры, находимые в соответствующих слоях на Кана', служили для транспортировки оливкового масла и, менее часто, рыбы и рыбных продуктов. Основными же потребителями оливкового масла в древности были греки, и находки амфорной тары для его транспортировки косвенно свидетельствуют о существовании в данной местности греческой общины. Это нашло подтверждение и в найденной многострочной греческой надписи на Кана' – наиболее южной греческой надписи из всех известных к настоящему моменту²⁸. Продолжало импортироваться и вино, хотя, возможно, и в меньших количествах, чем в предыдущий период. Теперь, вероятно, это было преимущественно вино из Египта и римской провинции Палестина Третья. Различные виды парадной посуды привозились из Египта и Восточного Средиземноморья, с островов Эгейского моря. Археологический материал свидетельствует об увеличении импорта из стран Персидского залива, Южного Ирана и Южной Месопотамии и впервые среди него можно выделить бесспорный индийский импорт.

Все вышеприведенное позволяет прийти к заключению, что в III–V вв. н.э. происходит определенная переориентация направления торговых связей хадрамаутского порта. Связи со средиземноморским миром продолжают оставаться основными, хотя и ограничиваются теперь, вероятно, регионом Египта и Северной Африки и Восточным Средиземноморьем. Значительно увеличивается приток товаров из района Персидского залива, Месопотамии и Индийского субконтинента. Именно на «средний» (БА-II) период приходится бурное развитие древнего города, когда он достигает своих максимальных размеров. Теперь это явно не промежуточный пункт для стоянки судов, следующих далее в Индию, но крупный торговый центр юга Аравии. Возможно, что и морская торговля теперь концентрировалась в руках хадрамаутских купцов и их зарубежных партнеров, имевших постоянное место жительства в хадрамаутском городе. Похоже, что именно местные купцы старались соблюсти баланс между «западными» и «восточными» товарами, что хорошо прослеживается на археологическом материале.

Позднее, в IV – начале V в. н.э. происходит еще одна переориентация торговых связей Кана'. Судя по амфорной таре, связи с районом Южной Палестины остаются и даже укрепляются, но почти полностью пропадают предметы месопотамского и индийского происхождения. Большое количество аксумского импорта, да и наличие

²⁸ Виноградов Ю.Г. Греческая надпись из Южной Аравии // ВДИ. 1989. № 2. С. 162–169; Bowersock G.W. The New Greek Inscription from South Yemen // TO ELLYNIKON. Studies in Honor of Speros Vrynos, Jr. V. I. Hellenic Antiquity and Byzantium. Athens, 1993. P. 4–6.

аксумских медных монет свидетельствует, вероятно, о переходе порта на побережье Хадрамаута под контроль вторгнувшихся в Южную Аравию эфиопов. Возможно, что не только мореплавание между аравийским и африканским берегами Аденоского залива было весьма интенсивным после 525 г. н.э., но и определенное число населения Аксумского царства нашло свое прибежище в хадрамаутском городе, и торговля теперь находилась в руках аксумских купцов, чему свидетельство – интенсивные морские связи с Палестиной, т.е. районом Византийской империи, естественной союзницы христианского Аксума.

РОЛЬ ДОИСЛАМСКОГО НАСЛЕДИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ЙЕМЕНА

Четырнадцать веков мусульманской истории Южной Аравии до сих пор известны только по пересказам средневековых хроник, принадлежащих йеменским историкам-краеоведам. Первые в Йемене археологические раскопки средневекового городища были проведены экспедицией в вади Хадрамаут. Во время сплошного обследования Западного Хадрамаута было выявлено еще около 20 крупных городищ средневекового периода, в том числе и раннего средневековья (V–VII вв.), ирригационные сооружения, кладбища. Среди обнаруженных памятников имеется каменное надгробие 366/976–367/977 гг. – самый ранний известный пока образец мусульманской эпиграфики из Хадрамаута.

Йемен занимает значительное место в истории Ближнего Востока в средние века. Здесь существовали важные центры торговли, связывавшие Средиземноморье с Индийским океаном. Здесь развивалась ближайшая к месту зарождения ислама оседлая культура, оказавшая немалое влияние на процесс его возникновения. Йемен – одна из первых частей Аравии и одновременно первая чужеземная территория, вошедшая в состав мусульманского государства. Йеменской по происхождению была значительная часть арабского населения мусульманских Сирии, Ирака, Египта, Испании. Йемен стал оплотом религиозно-политических движений мусульманского средневековья – ибадитского, зайдитского, исмаилитского.

В общетипологическом плане история средневекового Йемена (и это исследовано на материалах, собранных экспедицией) интересна как пример сочетания феодального развития из «внутренних ресурсов» древнего оседлого общества с аналогичным по направлению развитием из родо-племенного строя кочевников и полукочевников. Удалось выявить характер изменений, происходивших в йеменском обществе, их фундаментальное содержание и их конкретные черты, взаимоотношение общего и особенного в процессе складывания феодального общества, наконец, степень преемственности между доисламским и мусульманским периодами йеменского средневековья.

Многие характерные черты средневековой эпохи дожили в Йемене до XX в. Именно в средние века, точнее еще на так называемой раннесредневековой стадии, экономическая самостоятельность общин земледельцев закрепилась благодаря наложению на нее родо-племенной системы *каба'ул*, что дало нынешним *каба'ул* Йемена их политическую и военную силу. В раннем средневековье сложились характерные черты разных групп феодальной знати, существовавшей еще в середине XX в. в виде зайдитских имамов, племенных шейхов севера и султанов юга. Тогда же были заложены основы йеменской системы социальной иерархии. Йеменский ислам в его зайдитской и исмаилитской формах сохранил многие элементы и черты ранних этапов развития мусульманского богословия. В средние века сложилось и своеобразное самосознание йеменцев, «йеменский патриотизм», сочетающий арабизм и «химйаритство», ислам и гордость языческим прошлым. Традиционная специфика современной Южной Аравии во многом обусловлена сохранением в жизни страны следов и элементов раннесредневекового хозяйственного, социального и культурного наследия.

У историков, этнографов, археологов, социологов, психологов часто вызывают особый интерес малые этносы, особенно те, которые находятся на периферии мира, в затерянных уголках Земли. Весьма продуктивным в научном отношении этот интерес оказывается тогда, когда территория, на которой проживает та или иная группа людей, в прошлом была включена в то или иное древнее государство, а предки этих людей были свидетелями ушедших цивилизаций. Изучению именно такого этноса были посвящены полевые исследования экспедиции на о-ве Сокотра и в провинции Махра.

В результате многовековой изоляции сокотрийцы удержали многие реликтовые элементы традиционной социальной организации и социальных отношений. Благодаря этому описания и исследования родо-племенной организации, сделанные в результате этнографического обследования острова, как и другой этнографический материал с Сокотры, приобретают особую ценность. В них скрыты ключи ко многим проблемам древней и средневековой социальной истории Аравии. Система родства сокотрийцев, сохранившаяся с древности, своеобразные семейно-брачные отношения с их необычной для аравийского ареала ролью женщины, священные с ними обряды и обычаи, дают ценнейший материал для культурно-исторических сопоставлений. Здесь выявлены следы существования патриархальной и пережитки фратеральной семьи. Разработана методика расшифровки сакральных, ритуальных, обрядовых текстов и их использования для реконструкции уже не сохранившихся пластов культуры. Уникальные материалы по бесписьменному сокотрийскому языку, сохранившему в неприкосновенности архаичные черты в своем строе и лексике, позволяют выявить степени родства сокотрийцев с другими семитскими этническими группами.

Материалы с Сокотры содержат также данные о районировании хозяйственной деятельности, характеризующей симбиоз двух хозяйственно-культурных типов, о традиционных ремеслах и промыслах, описания типов жилища, домашней утвари, особенностей повседневного быта, питания и связанных с ним обычаев, запретов и т.д. На Сокотре был собран также ценный археологический материал, в частности по доисламским погребениям. Было обнаружено поселение, являвшееся древней столицей острова.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в результате почти двадцатилетних работ Российской (бывшей Советско-Йеменской) комплексной экспедиции был получен, систематизирован и опубликован, огромный научный материал. Значимость его оценена специалистами как важная не только для локальной и региональной, но и всеобщей истории. За годы работ экспедиции открыто и в разной степени исследовано свыше 200 археологических памятников, относящихся ко всем историческим эпохам начиная от первого появления человека на территории Аравии и вплоть до настоящего времени. Сюда входят одни из наиболее древних в мире пещерные стоянки палеолитического времени, руины городов с величественными развалинами храмовых комплексов, погребальные памятники, остатки масштабных оросительных сооружений и портовый город, через который Южная Аравия была связана в древности морскими путями с внешним миром. Археологические находки помимо массового материала включают в себя не менее двух тысяч надписей исторического, сакрального, ономастического, топонимического, строительного, владельческого и бытового содержания, печати, предметы искусства, украшения из золота, серебра, кости, камня, а также древние монеты как разрозненные, так и в составе богатых кладов. Собраны и расшифрованы сотни надписей-граффити, выявлены памятники наскального искусства, записаны многие десятки образцов устного фольклора преимущественно на малоизученных сокотрийском и махрийском языках. На основе материалов раскопок силами экспедиции создан археологический музей в провинции Хадрамаут, в г. Сайун²⁹. Материалы экспедиции выставлены в музеях провинций Шабва, Махра и Лахедж, а также в Национальных музеях обеих столиц

²⁹ Mathaf athār Ḥāḍramaut, taarīfāt. Say'ūn, 1985.

Республики Йемен. Адене и Сана'. Некоторые из находок экспонировались на международных тематических выставках в Париже, Вене, Мюнхене, Риме и Турине³⁰.

Параллельно с исследовательской и научно-просветительской деятельностью в рамках экспедиции осуществлялась учебно-педагогическая работа. В аспирантуре и полевых экспедициях подготовлены и готовятся кадры высшей квалификации в области истории, археологии и этнографии из числа российских граждан и граждан Республики Йемен. Они работают в Аденском и Санском государственных университетах, в центральных и провинциальных учреждениях науки и культуры Йемена, в Институтах востоковедения и археологии РАН, успешно реализуя полученные ими навыки методологии и методики российской школы исторической наук.

* * *

Более десяти лет прошло с тех пор, как в «Вестнике древней истории» была опубликована подборка статей о первых сезонах работ экспедиции, а также суммированы основные результаты работ итальянской и французской археологических миссий в Йемене³¹. Настоящий «круглый стол» является продолжением этой традиции и состоит из серии статей наших зарубежных коллег, в которых рассматриваются многие важные вопросы древней истории и археологии Южной Аравии, публикуются первые результаты новейших археологических исследований. Географически статьи затрагивают несколько более широкий регион, нежели современный Йемен: статья А. Аванцини посвящена первым результатам работ Итальянской миссии в Дофаре (Султанат Оман), статья А. де Мегре – результатам работ французской миссии в Йеха (Эфиопия), заметка Д.Т. Поттса и Л.Р. Уикса – результатам радиоуглеродной датировки образцов из слоев Тель-Абрака (ОАЭ), одного из ключевых памятников региона Персидского залива эпохи бронзы. Однако все эти указанные работы так или иначе, напрямую или косвенно связаны с проблемами археологии Юго-Западной Аравии и служат прекрасной иллюстрацией к тезису о том, что памятники того или иного региона древнего Ближнего Востока не могут рассматриваться изолированно, вне более широкого, и географически и хронологически, культурного контекста.

Х.А. Амирханов, В.В. Наумкин, М.Б. Пиотровский, А.В. Седов

RESEARCHES IN SOUTH ARABIA

(20 Years of Work of the Russian Interdisciplinary Mission in the Republic of Yemen)

H.A. Amirkhanov, V.V. Naumkin, M.B. Piotrovskij, A.V. Sedov

The primary task of the Russian Interdisciplinary Mission to the Republic of Yemen created in 1983 is to carry out all kind of investigations connected with the history and culture of Yemen, the land of unique and exceptional heritage, of which only a small part has been explored so far by modern science. During almost twenty years the Mission conducted interdisciplinary studies of the history of human society in Southern Arabia, first of all in the regions of Hadramawt and Mahra and on Socotra Island. The complex character of its studies is embodied in the joint efforts of archaeologists, historians, epigraphists, palaeogeographers, ethologists, linguists and sociologists. Unique Lower Palaeolithic, Upper Palaeolithic,

³⁰ Yémen au pays de la reine de Saba'. Exposition présentée à l'Institut du monde arabe du 25 octobre 1997 au 28 février 1998. P., 1997; Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba' / Hrsg. von W. Seipel. Wien, 1998; Im Land der Königin von Saba. Kunstschnitzte aus dem antiken Jemen / Hrsg. von Staatlichen Museum für Völkerkunde München. München, 1999; Yemen. Nel paese della Regina di Saba. Roma, 2000.

³¹ См. ВДИ. 1989. № 2. С. 128–169; № 3. С. 148–166.

Neolithic and Post-Neolithic sites, numerous monuments of the ancient Yemeni civilisation: cities, settlements, temples and irrigation systems have been discovered, surveyed and marked on the archaeological map. Many ancient rock inscriptions have been found many mediaeval cities and caravan routes investigated. Along with archaeological investigations the Mission is conducting a systematic ethnological survey in the valleys of the western part of Inner Hadramawt, in the Western Highlands and on the coast. It has continued its ethnographic studies on Socotra Island, and has undertaken ethno-linguistic investigations in Mahra. The first results of these investigations served as foundations for a series of monographs and articles in periodic. The Mission strives to make the description of man's history in Hadramawt as complete as possible, as well as in Mahra and on Socotra Island. Along with the latest works of other scholars who carry out field research in Southern Arabia (French, German, Italian, American missions) its discoveries have considerably increased our scientific knowledge about this one of the most important region of the Ancient World, the famous land of the Queen of Sheda, «Arabia Felix», the land of ingenious irrigation systems, monumental temples and palaces and thousands of exquisite inscriptions.

© 2002 г.

МА'ЛЕЙБА И СИСТЕМЫ ИРРИГАЦИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЛАХДЖЕ

Йеменское побережье Аденского залива в районе дельты вади Тубан подвергалось интенсивному антропогенному воздействию уже начиная с периода каменного века. Плодородный Лахджский оазис, центром которого является район современного Адена, занимает площадь ок. 100 км². Его максимальная протяженность с севера на юг составляет ок. 30 км, по форме он представляет собой треугольник, совпадающий с аллювиальной долиной вади Тубан, которая в дельте распадается на два крупных протока – вади Кабир на западе и вади Сагир на востоке. Климатически оазис находится в зоне сухих тропиков со среднегодовой температурой около +25° по Цельсию и среднегодовой нормой осадков около 56 мм¹, что делает невозможным здесь богарное, без искусственного полива, земледелие.

Основным источником воды для орошения земель оазиса являются сезонные паводки, приносимые с южных отрогов Йеменского нагорья, с площади более 5000 км² (рис. 1). Метеорологические наблюдения за последние восемь лет показывают, что в период муссонных дождей, выпадающих на нагорье, объем воды, приносимый ежегодными паводками, достигает 100 миллионов кубических метров². Однако в отдельные годы он бывает и несравненно больше. Так, в 1982 г. катастрофический паводок, зарегистрированный в районе Дукайма, в низовьях вади Тубан, приносил свыше 2640 м³ воды в секунду³, что почти в три раза превышает, например, мощность паводка, отмечаемого обычно в вади Зана в Марибе, одном из самых плодородных оазисов Йемена⁴.

Прибрежная равнина Лахджского оазиса сформирована четвертичными отложениями, имеющими общий наклон с севера на юг. Глубина залегания грунтовых вод колеблется в настоящее время от 5 м в подгорной зоне до более чем 100 м в районе

¹ Grolimund S. Entwicklung der Bewässerungslandwirtschaft von Lahağ, Republik Jemen. Diplomarbeit. Zürich, 1988. S. 20 ff.

² The Water Resources of Yemen, a Summary and Digest of Available Information // Report – WRAY 35, Ministry of Oil and Mineral Resources, and TNO Institute of Applied Geosciences. Sanaa, 1995. P. 50.

³ Grolimund. Op. cit. S. 27.

⁴ Brunner U. Die Erforschung der antiken Oase von Marib mit Hilfe geomorphologischer Untersuchungsmethoden // ABADY II, Mainz, 1983. S. 12. Необходимо отметить в этой связи, что площадь водного бассейна района Мариб – вади Зана составляет ок. 10000 км², а среднегодовая мощность сезонных паводков – ок. 200 млн м³ (Brunner. Op. cit. S. 12).

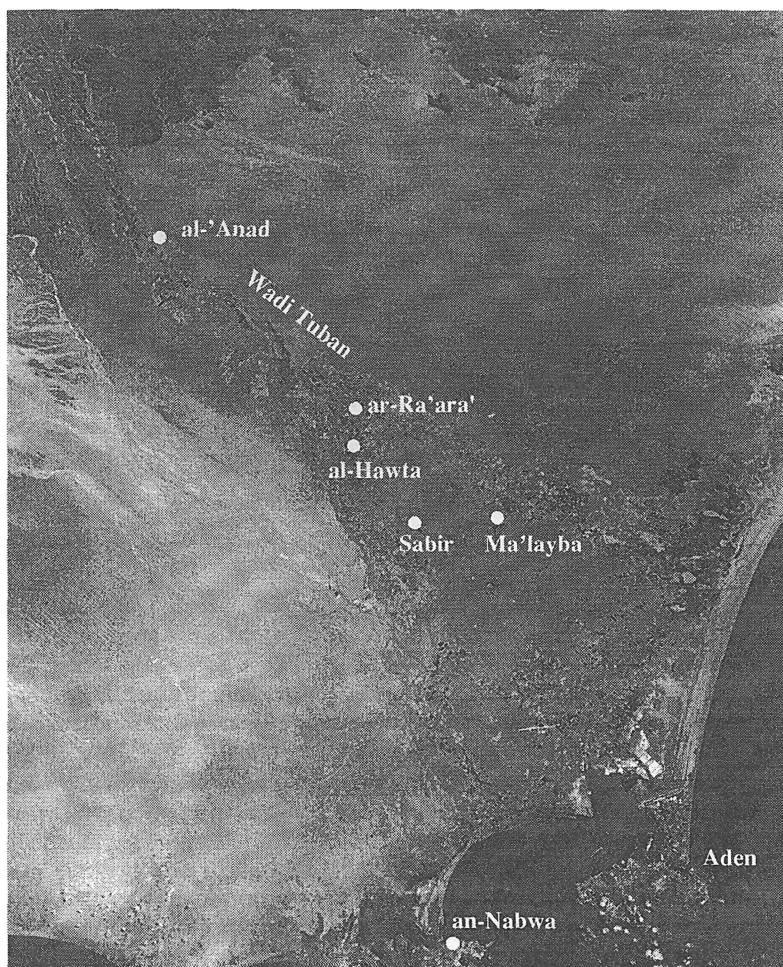

Рис. 1. Вади Тубан в районе Лахджа – Адена. Космическая фотосъемка (масштаб 1 : 250000). • – археологические памятники

селения Сабир на юге равнины⁵. Такое аномально глубокое залегание грунтовых вод в южной части долины является скорее всего результатом широкого использования в последние пятьдесят лет механических и электрических насосов, с помощью которых грунтовые воды поднимают на поверхность для орошения земель оазиса⁶.

Современный ландшафт Лахджа сформировался в результате длительного и непрерывного процесса антропогенного вмешательства. Благодаря этому постоянно действующему фактору, к сожалению, удастся проследить весьма незначительные остатки ирригационных систем доисламского периода. Одними из них являются руины в верховьях вади Тубан, на его западном берегу, в районе ал-'Анад к северу от современного селения ал-Хоута, административного центра Лахджа. Еще Б. Доу

⁵ Grolimund. Op. cit. S. 27, 76. Abb 19.

⁶ Отметим, что Дж.Р. Уэллстед сообщает о пятиметровой глубине колодцев в Лахдже и отмечает, что питьевая вода в них исключительно высокого качества (Wellsted J.R. Travels in Arabia. V. II. L., 1838. P. 409; reprint Graz, 1978).

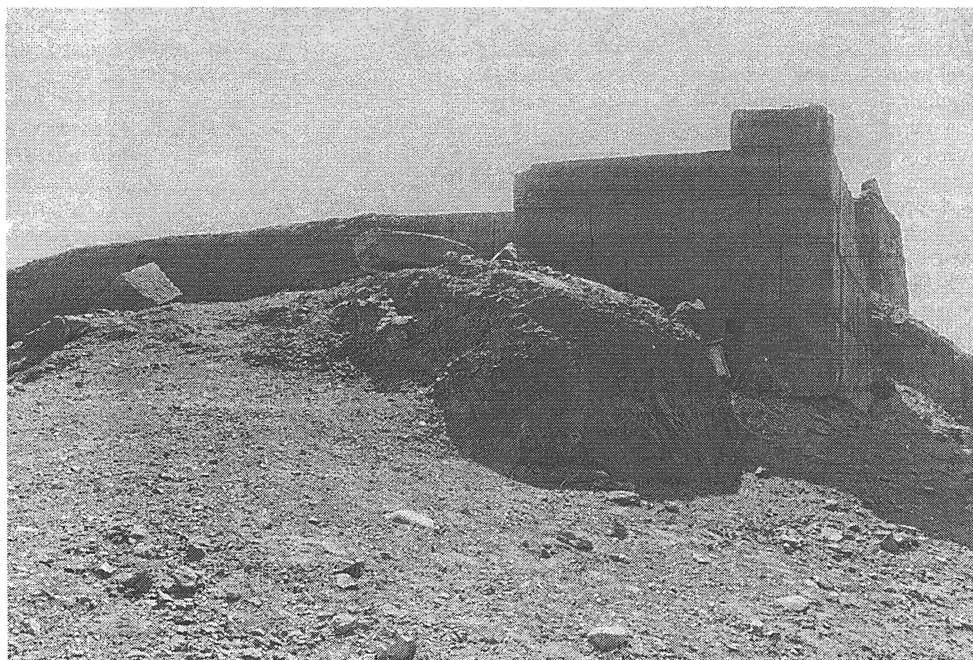

Рис. 2. Ал-'Анад, руины доисламской постройки

идентифицировал данный памятник с доисламской «плотиной Ураш», упоминаемой ал-Хамдани, знаменитым йеменским ученым X в.⁷ Это остатки сооружения бастионного типа из крупных каменных блоков, на одном из которых сохранились фрагменты монументальной катанской надписи. Как предположил Б. Доу, сооружение представляет собой остатки шлюза, конструктивно связанного с несохранившейся земляной плотиной, когда-то перегородившей русло вади (рис. 2). Весьма возможно, что массивные ирригационные отложения, зафиксированные в верховьях вади Тубан, связаны со временем функционирования этой плотины. Антропогенное происхождение этих ирригационных наносов четко прослеживается к северу от ал-Хоуты, где в обрывах русла вади можно видеть остатки русел древних ирригационных каналов.

Сведения средневековых авторов и отчеты британских путешественников первой половины XIX в. предоставляют в наше распоряжение бесценные свидетельства о состоянии растительности, гидрологическом режиме и климате оазиса до интенсивного развития здесь поливного земледелия в последние десятилетия XX в., приведшего к существенным, подчас необратимым изменениям. Так, по описаниям, составленным в 1839 г., долина между селением ал-Хоута и устьем вади Кабир предстает как область, напоминающая тропические джунгли⁸, что совпадает, например, с описанием йеменской Тихамы (район побережья Красного моря), сделанного около 1800 г., как области с большим количеством лесов⁹.

Район Лахджа являлся ранее и является до сих пор основным источником водоснабжения для города Аден. Вплоть до конца XIX в. он снабжался пресной

⁷ Doe B. *Monuments of South Arabia*. Camb., 1983. P. 184–189.

⁸ Doe B. *Southern Arabia*. L., 1971. P. 137.

⁹ Environmental Protection Council. *Environmental Profile Tihama – Yemen Arab Republic*. Amersfoort, 1990. P. 32 ff.

водой из источника Бир Ахмад в устье вади Кабир, которая подавалась по акведуку, сооруженному, по-видимому, в XV в.¹⁰ Правда, британской колониальной администрации понадобилось всего несколько десятилетий для того, чтобы ситуация в корне изменилась: громадные массивы мангровых зарослей и акациевых лесов Лахджа, Тихамы и красноморских островов были уничтожены при строительстве быстро развивавшегося города Аден¹¹. Уже в конце XIX в. британский путешественник У. Харрис описывает участок долины между Шейх Отманом (один из районов современного Адена) и Лахджом как песчаную равнину¹². Однако при путешествии по северным районам Лахджского оазиса британский исследователь был поражен имевшей здесь буйной растительностью. Он отмечает развитую ирригационную систему с разветвленной сетью мелких каналов, которые снабжает посевы «нелимитированным количеством воды»¹³, что позволяет снимать три урожая в течение года. По его описанию вади Лахдж (= вади Тубан/вади Кабир) «это настоящая река, в сухой период являющаяся небольшим ручьем, но после дождей превращающаяся в бурный поток, наполняющий водой для орошения многочисленные каналы, однако часто смывающий участки плодородных полей, а также приносящей другие разрушения. Иногда стволы больших деревьев, приносящиеся этим бурным потоком издалека, проносятся через пустынную часть долины (где в обычные времена паводковые воды иссыкают в песках и никогда не достигают моря) и выбрасываются в Аденский залив»¹⁴.

Надо сказать, что вади Тубан до сих пор весьма напоминает постоянно текущую реку, как она была описана в работе У. Харриса – один из редчайших подобных случаев в Йемене¹⁵. В северной части оазиса ее основными источниками являются периодические дождевые потоки, постоянные водные источники (родники) и грунтовые воды¹⁶. До повсеместного внедрения механических насосов в 50-х годах XX в. весьма незначительную роль играло колодезное орошение. Вода из колодцев доставалась либо вручную, либо с помощью простейших насосов, работавших на верблюжьей тяге, и использовалась в основном для домашних нужд, а не для орошения¹⁷. В настоящее время ситуация полностью изменилась: орошение грунтовыми водами, поднимаемыми на поверхность с помощью электрических насосов, является весьма важным обстоятельством, гарантирующим «независимость» от природных факторов и позволяющих собирать от двух до четырех урожаев в год.

Одной из задач совместного Российско-германского археологического проекта в провинции Лахдж является исследование здесь памятников эпохи бронзы и связанных с ними остатков древних оросительных систем. В ряде случаев поставленную задачу оказалось возможным успешно решить.

СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ САБИР

Самое крупное из доисламских поселений, открытых в оазисе Лахдж, расположено на окраине современного селения Сабир. Оно является наиболее типичным памят-

¹⁰ Harris W. A Journey through Yemen and Some General Remarks on the Country. L., 1983 (reprint 1985). P. 147. Датировка водных резервуаров, открытых в Кратере, одном из районов современного Адена, временем, предшествующим эпохе средневековья, все еще остается недоказанной.

¹¹ Отметим, что небольшие участки акациевых лесов до сих пор сохранились в пустынных районах к востоку от Сабира.

¹² Harris. Op. cit. P. 163.

¹³ Ibid. P. 163, 166.

¹⁴ Ibid. P. 176.

¹⁵ Cp. Grolmund. Op. cit. S. 108.

¹⁶ Ibid. S. 36 ff.

¹⁷ Ibid. S. 48 ff. Как отмечает У. Харрис, «по словам арабов, нет более нездоровой воды, чем та, которая приносится паводком в Лахдж с гор». Оба его попутчика получили сильнейшее желудочно-кишечное отравление, когда использовали ее для питья (Harris. Op. cit. P. 177, 178). Плохое качество этой воды нашло, вероятно, свое отражение в топониме «Сабир», что означает «горький».

ником древней культуры Сабир, выделенной на юге Йемена благодаря совместным работам российских и немецких археологов. Эти исследования позволили не только дать общую характеристику материальной культуры открытого памятника, но и проследить динамику ее развития, построить на основе комбинации наблюдений над последовательностью культурных напластований, данных радиоуглеродного датирования и анализа изменений в керамическом материале так называемую «стратиграфическую колонку» памятника¹⁸.

Уже в первый полевой сезон работ на поселении в 1994 г., на объекте в его юго-восточной части (Сабир 8А), был заложен стратиграфический раскоп. На площади раскопа, непосредственно под современной поверхностью поселения, были расчищены остатки изолированной постройки со стенами из сырцового кирпича, сохранившимися на высоту около 1,2 м. Культурные слои, открытые под руинами этой постройки, не содержали каких-либо архитектурных остатков, но позволили получить прекрасно стратифицированную коллекцию керамики. Материк, представляющий собой стерильные, т.е. не содержащие никаких следов человеческой деятельности, песчанистые отложения серого цвета, был достигнут в раскопе на глубине около 5 м от современной поверхности поселения.

Комплекс керамики, полученный из руин сырцовой постройки и верхних слоев шурфа, типологически сопоставим с материалом, характерным для верхних слоев памятника, вскрытых на объектах Сабир 5 (мультифункциональный комплекс) и Сабир 25 (крупный жилой дом)¹⁹. Радиоуглеродное датирование образцов позволило определить время существования указанного комплекса керамики из верхних слоев памятника (комплекс «Верхний Сабир») в пределах между XIII и IX вв. до н.э. Керамика из более нижних слоев памятника, обнаруженная в стратиграфическом раскопе Сабир 8А (комплекс «Нижний Сабир»), существенно отлична от упомянутого выше комплекса и типологически (иные детали форм сосудов), и технологически (иной состав теста, иное оформление поверхности сосудов). Наиболее ярко эти отличия выражены, например, в различных формах венчика у близких типов сосудов, в наличии у сосудов из более нижних слоев налепного орнамента и/или высококачественного лощения внешней и внутренней поверхности.

Однако есть определенные основания полагать, что на поселении Сабир следует выделять не два, а три крупных стратиграфических периода: поверх верхнего слоя, относящегося к IX в. до н.э., зафиксирован еще один культурный горизонт, представленный остатками каких-то несохранившихся построек (участки полов и стен из сырцового кирпича, хозяйственные ямы) и весьма большим количеством крупных тарных сосудов, врытых в руины уже не функционировавших зданий. По всей видимости, это остатки самого верхнего культурного горизонта, практически полностью уничтоженного дефляцией. Его возможная датировка может быть установлена в пределах IX–VI вв. до н.э.

Таким образом, стратиграфически на поселении Сабир выявлены три крупных культурных горизонта или периода, хотя анализ материала позволяет говорить, как будто бы, только о двух последовательных керамических комплексах – раннем и позднем. Подобное членение подтверждается и материалами еще одного, второго стратиграфического шурфа, вскрытого в 1996 г. на объекте Сабир 2. Кроме того, в данном шурфе были сделаны наблюдения, представляющие значительный интерес с геоморфологической точки зрения: в его нижней части удалось проследить последовательность относительно малых по мощности культурных напластований, перемежающихся стерильными аллювиальными наносами, состоящими из песка и мелкого галечника. Выявленная стратиграфия позволяет сделать заключение о том, что

¹⁸ Buffa V. The Emergence of a Bronze Age Cultural Sequence in Lahj. Paper delivered at the Fourth International Conference of the Civilizations of Ancient Yemen, Sanaa, 10th–13th March 1998.

¹⁹ Vogt B., Sedov A. Die Sabir-Kultur und die jemenitische Küstenebene in der 2. Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. // Jemen – Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba. Exhibition Catalogue, Kunsthistorisches Museum, Wien. Wien, 1998. Cat. № 77–116.

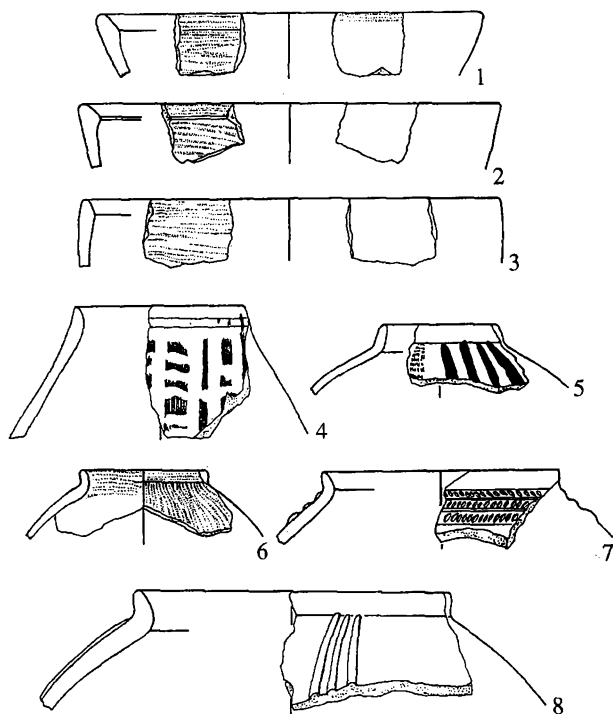

Рис. 3. Керамика с поверхности поселения Ма'лейба, нижний период, типы орнамента. 1–3, 6 – лощение; 4 – роспись; 5 – резной и расписной орнамент; 7 – штампованный орнамент на горизонтальных «ребрах»; 8 – штампованный орнамент на вертикальных «ребрах»

в древности какая-то часть поселения периодически затапливалась паводковыми водами из русла близлежащего вади и некоторое время оставалась необитаемой.

СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ МА'ЛЕЙБА

Поселение Ма'лейба (название переводится как «место, где растут деревья 'ильб») было открыто в 1996 г. во время рекогносцировочных работ в 6 км к югу от Сабира. Так же, как Сабир, Ма'лейба расположена между двух основных рукавов вади Тубан. Поселение было расположено на двух небольших холмах, возвышающихся над окружающими их современными полями, занятыми посевами хлопчатника, примерно на три метра.

Керамика, разбросанная по поверхности поселения, находит прямые аналогии как в раннем, так и позднем керамических комплексах, выявленных на поселении Сабир (рис. 3, 4)²⁰. Именно это, на первый взгляд нелогичное сочетание материала, и послужило причиной того, что Российско-германской экспедицией в полевом сезоне 1997 г. были заложены здесь стратиграфические раскопы.

Для основной разведочной траншеи был выбран северо-западный склон одного из холмов. Общая площадь раскопа составила около 140 м². Траншея прорезала все культурные напластования холма от его вершины до основания. Общая глубина раскопа составила около 7,5 м, причем верхние 4,5 м пришлись на напластования, связанные с человеческой деятельностью (рис. 5).

²⁰ Vogt B. Jahresbericht 1997: Außenstelle Sanaa – Ausgrabungen und Forschungen // Archäologischer Anzeiger 1998/4. B., 1997. S. 595–599.

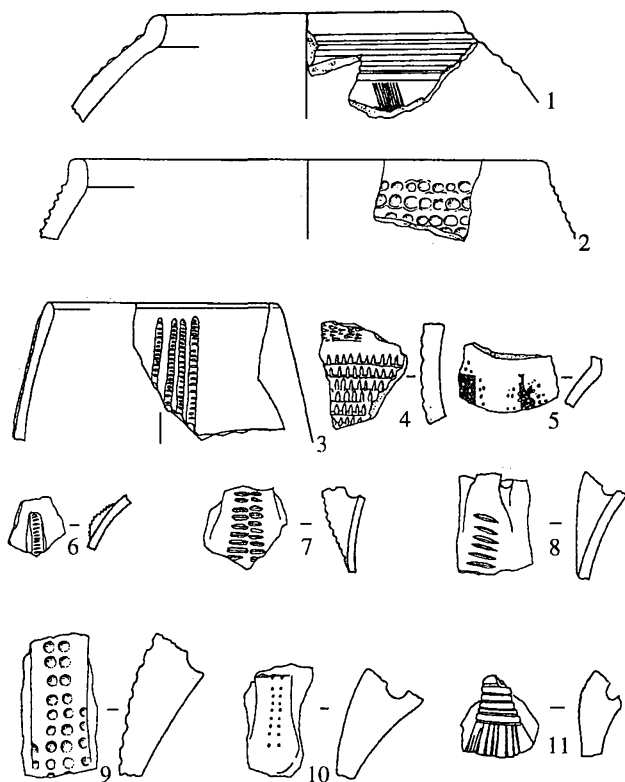

Рис. 4. Керамика с поверхности поселения Ма'лейба, нижний период, типы орнамента. 1 – горизонтальные «ребра» и резной орнамент; 2, 3 – штампованный орнамент на горизонтальных «ребрах»; 4, 7–10 – штампованный орнамент; 5 – штампованный орнамент и роспись; 6 – штампованный орнамент на вертикальных «ребрах»; 11 – резной орнамент

По результатам раскопок оказалось возможным выделить два основных периода жизни на поселении, верхний и нижний, причем ни для одного из них не отмечено существование сколько-нибудь ярко выраженных остатков монументальных построек. Обломки глиняных сосудов устилают поверхность холма в несколько слоев (среди находок с поверхности встречаются и целые керамические сосуды), что безусловно является доказательством сильнейшей дефляции, которой подверглись слои верхнего периода. Верхний и нижний период отделены друг от друга мощной, толщиной до 2 м, прослойкой из почти стерильного гомогенного песка, прослеженной практически по всему раскопу. По всей вероятности, наличие этой прослойки свидетельствует об определенном временном перерыве в жизни в этой части поселения. Нижний период характеризуется последовательностью горизонтальных слоев, дающих достаточно четкую стратиграфию: выявлены по крайней мере четыре горизонтальные утрамбованные поверхности, с каждой из которых, судя по имеющимся углублениям от деревянных столбов, связаны остатки округлых в плане легких тростниковых (?) хижин. В некоторых случаях указанные утрамбованные поверхности разделены слоями стерильного сероватого песка. Находки терочных камней, костяных орудий, керамики, большого количества костей животных, а также остатки примитивных очагов открытого типа свидетельствуют о весьма интенсивной жизни и хозяйственной деятельности в этой части поселения.

В нижней части траншеи, обозначенной как Agea F, вскрытая стратиграфия культурных напластований отличается большой сложностью (рис. 6, 7). На поверхности

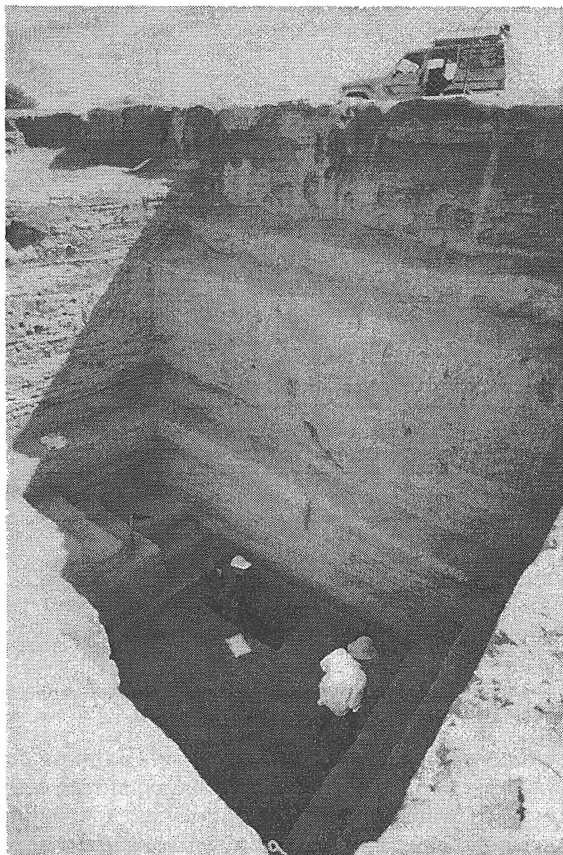

Рис. 5. Поселение Ма'лейба, общий вид стратиграфического раскопа

самой нижней утрамбованной горизонтальной площадки (локус 70) прослежены остатки русла V-образного в плане канала, шириной около 1,5 м (локус 64). Заполнение канала состоит из чередующихся слоев аллювиальных наносов из песка и гравия. Остатки русла еще одного, более позднего канала (локус 65), с аналогичным заполнением, выявлены в слоях, перекрывавших прежнее русло. На более верхних утрамбованных поверхностях расчищены остатки русел еще трех каналов (локусы 60, 43 и 41), в основном следующие направлению более ранних. Русло самого верхнего, пятого по счету канала (локус 41), незначительно смещенное к югу, было покрыто глиняной обмазкой. У этого же канала было выявлено небольшое ответвление, шириной 0,35 м и глубиной 0,2 м, в русле которого сохранились остатки небольшой глиняной дамбы, блокировавшей когда-то доступ в него воды. Данное устройство весьма напоминает современную практику временного ограничения доступа воды в канал, когда есть необходимость, например, направить более интенсивный поток для орошения соседнего поля. Остатки еще одного, самого крупного канала (ширина русла около 2 м, его глубина ок. 0,6 м), шедшего, так же как и описанные выше, в направлении северо-запад – юго-восток, были частично расчищены в западной части траншеи.

Общая глубина стратиграфической траншеи на поселении Ма'лейба достигает 7,3 м, и изучение слоев в ее нижней части дало весьма интересные результаты. Так, ниже последнего из зафиксированных горизонтов с остатками человеческой деятельности (фрагменты керамики, гумусные слои, зольные линзы) раскоп выявил примерно 1,9 м стерильных аллювиальных наносов, состоящих из песка и гравия. Под этими наносами зафиксированы две темные палеопочвы, отделенные друг от друга слоем

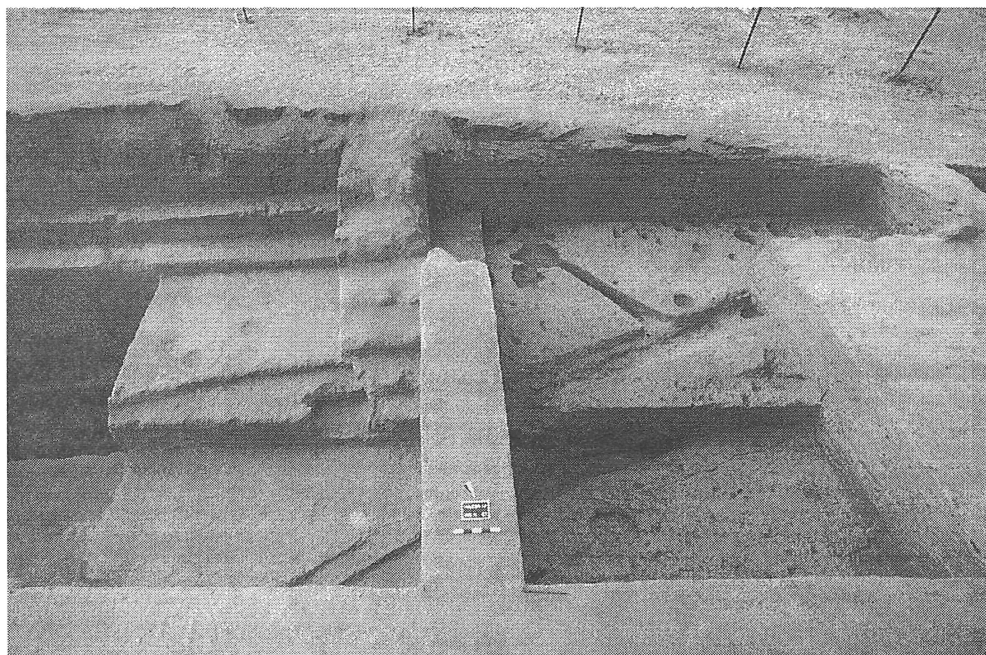

Рис. 6. Поселение Ма'лейба. Русло основного (локус 41) и малого (локус 66) каналов

стерильного аллювиального песка, мощностью 0,2 м. Толщина верхней палеопочвы составляет 0,15 м, нижней – 0,9 м. Обе палеопочвы являются свидетельством более влажного климата, когда-то существовавшего в этой части Аравийского полуострова, и их выявление весьма важно для датировки полученного нами материала (см. ниже).

К сожалению, по ряду объективных обстоятельств радиоуглеродные даты образцов из слоев стратиграфического шурфа на поселении Ма'лейба все еще недоступны, однако анализ керамического материала позволяет сделать некоторые заключения о возможном периоде существования поселения. Так, коллекция керамики из слоев верхнего периода находит прямые аналогии в керамике поселения Сабир, относящейся к основному периоду его существования («Верхний Сабир»). Следовательно, верхний период Ма'лейбы также может быть датирован временным промежутком между XIII и IX вв. до н.э. Керамика из нижних слоев стратиграфического шурфа, в которых зафиксированы остатки тростниковых хижин и ирригационных каналов, сопоставима с керамикой «Нижнего Сабир», что позволяет относить дату этих слоев к первой половине II тыс. до н.э. Однако, учитывая мощность нижних слоев Ма'лейбы, дата возникновения поселения, вероятно, может быть «углублена» на несколько столетий и приходиться на конец III тыс. до н.э. Отметим, что палеопочвы, зафиксированные в стратиграфическом раскопе на Ма'лейбе, обычно, по аналогии с материалами из других районов Йемена, датируют концом неолита.

Близкие по времени остатки ирригационных каналов зафиксированы на памятниках бронзового века, исследованных в районе Персидского залива. Лучше всего документированные материалы можно найти в публикациях Французской археологической миссии результатов работ на памятнике Хили 8 в оазисе ал-Айн (ОАЭ)²¹. Здесь, рядом с руинами квадратной в плане сырцовой башни, относящейся к хафитскому периоду (ок. 3000–2700 гг. до н.э.), были расчищены остатки крупного (Т1) и двух небольших (Т2 и Т3) каналов. Предназначались ли они изначально для ирригации,

²¹ Cleuziou S. Excavations at Hili-8: a Preliminary Report on the 4th to 7th Campaigns // *Archaeology in the United Arab Emirates*. 1989. V. 5. P. 61–87. Pl. 11–14, 19.

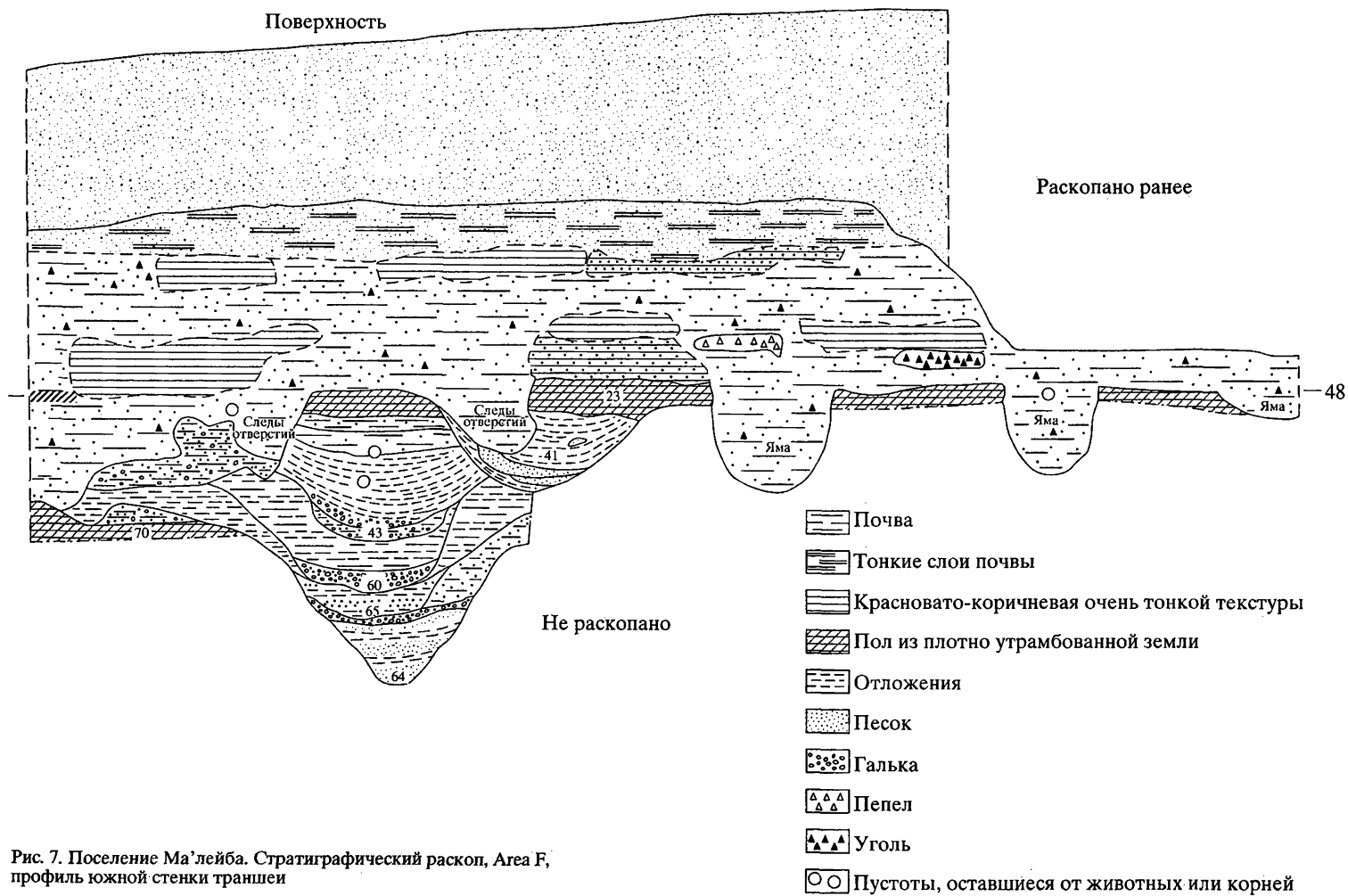

Рис. 7. Поселение Ма'лейба. Стратиграфический раскоп, Area F, профиль южной стенки траншеи

осталось неясным, однако в начале следующего, умм-аннарского периода (ок. 2700 г. до н.э.), крупный канал T1 был расширен, приобретя очертания глубокого рва, и соединен с еще одним небольшим каналом T4. С. Клезью, автор публикации, считает, что обнаруженная система каналов была безусловно предназначена для транспортировки воды и являлась частью ирригационной системы, функционировавшей вокруг поселения. Основываясь на этих находках, а также на данных палеоботанических исследований, он пришел к заключению о существовании в оазисе развитого поливного земледелия уже в самом начале IV тыс. до н.э.²²

МА'ЛЕЙБА И РАЗВИТИЕ «РАННИХ» ОРОСИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ НА ПРИБРЕЖНОЙ РАВНИНЕ

В юго-западной части Аравии в период среднего голоцена земледелие, основанное на дождевом орошении сельскохозяйственных угодий, зафиксировано уже в нескольких районах – на памятниках в вадии Йала²³ и вадии ал-Джоуф²⁴. Последние исследования показывают, что, благодаря более интенсивной циркуляции муссонных воздушных потоков, климат в этой части Аравии в период между VI и IV тыс. до н.э. был более влажным и растительность была более обильной. Именно это обстоятельство способствовало формированию палеопочв, типа обнаруженных нами в нижней части шурфа Ма'лейбы. Аналогичные палеопочвы выявлены и на Йеменском плато (так называемые *Jahran soils*)²⁵. По всей видимости, в это время Йеменское плато пересекали постоянные реки, и их потоки могли достигать пустынных зон, располагавшихся у подножия плато²⁶. На южной прибрежной равнине Йемена река, располагавшаяся на месте современной вадии Тубан, возможно, достигала береговой линии, которая скорее всего проходила существенно севернее современной²⁷. Насколько мы можем судить, в период упомянутой выше среднеголоценовой плювиальной фазы такие области Йеменского плато как Санская равнина были заселены небольшими земледельческими общинами²⁸, тогда как в прибрежной зоне Йемена пока известны только памятники (раковинные кучи), оставленные общинами, основу палеоэкономики которых составляли рыболовство и собирательство моллюсков.

Судя по исследованиям в районе Замара²⁹, существенные изменения в палеоэкологической ситуации на Йеменском плато фиксируются в самом начале III тыс. до н.э. С одной стороны, происходит аридизация климата, с другой – новые климатические условия заставляют организовывать более компактные поселения, значительно сильнее зависящие от изменившейся среды обитания. Обитатели поселений бронзового века, продолжающие практиковать земледелие, переходят к интенсивному обезлесиванию пригодных участков и устройству террасных полей³⁰. Комбинация климати-

²² Ibid. P. 68, 89–90.

²³ The Sabaeen Archaeological Complex in the Wadi Yala / Ed. by A. de Maigret. Rome, 1988. S. 48 ff.

²⁴ Cleuziou S., Inizan M.-L., Marcolongo B. Le peuplement Pré- et Protohistorique du système fluvial fossile du Jawf-Hadramawt au Yémen // *Paléorient*. 1992. 18/2. P. 8.

²⁵ Wilkinson T.J., Edens C., Gibson M. The Archaeology of the Yemen High Plains: A Preliminary Chronology // *AAE*. 1997. 8. P. 103; Edens C., Wilkinson T.J. Southwest Arabia during the Holocene: Recent Archaeological Developments // *Journal of World Prehistory*. 1998. 12. 1. P. 56–61.

²⁶ Inizan M.-L., Lézine A.-M., Marcolongo B., Saliège J.-F., Robert C., Werth F. Paléolacs et peuplements Holocènes du Yémen: Le Ramlat as-Sabatayn // *Paléorient* (в печати).

²⁷ Вероятность тектонических поднятий Аравийского плато в данном контексте не рассматривается ввиду отсутствия каких-либо данных.

²⁸ Kallweit H. Neolithische und bronzezeitliche Besiedlung im Wadi Dhahr, Republik Jemen. Eine Untersuchung auf der Basis von Geländebegehungen und Sondagen. Inaugural-Dissertation. Freiburg i. Br. 1996. S. 114 ff.

²⁹ Wilkinson, Edens, Gibson. Op. cit. P. 99–142.

³⁰ Ibid. P. 129.

ческих изменений и усилившегося антропогенного фактора привели к истончению травяного покрова, к уменьшению растительности, что в свою очередь привело к тому, что сезонные водные потоки стали короче по времени, но быстрее и сильнее по мощности; в конце концов, постоянные водные потоки (ghayl) превратились в сезонные паводки.

Изменение палеоэкологической ситуации на Йеменском плато, вызванное как природными, так и антропогенными факторами, спровоцировало изменения и на прибрежной равнине Йемена. Аллювиальные отложения, смыаемые с нагорья в низины, способствовали увеличению площади плодородных земель в прибрежной зоне. Однако интенсивные и мощные сезонные паводки, вероятно, трудно поддавались контролю. В Ма'лейбе, например, состав заполнения ирригационных каналов, особенно чередующиеся слои стерильного песка и гравия, свидетельствует о периодических неконтролируемых паводках, затапливавших эту часть поселения. Такие паводки разрушали части существовавших ирригационных каналов и заставляли постоянно их восстанавливать.

Разрушительные последствия неконтролируемых паводков, происходивших в вади Тубан в недалеком прошлом, могут быть проиллюстрированы на примере сулайхидского города ал-Ра'ара (в настоящее время – *телль* неподалеку от ал-Хоуты). По описаниям йеменского ученого Х в. ал-Хамдани, город располагался на краю вади³¹, однако современное русло вади Тубан проходит в нескольких километрах западнее руин города. По-видимому, подобные существенные, а часто, вероятно, и драматические изменения направления паводковых вод происходили неоднократно. Поселение бронзового века Ма'лейба, описанное выше, находится в настоящее время посреди пустынной равнины, вдали от основного и боковых русел вади, хотя данные нашего стратиграфического шурфа свидетельствуют, что в период функционирования поселения паводковые воды должны были течь неподалеку.

Безусловно, каналы Ма'лейбы являлись частью более разветвленной системы именно ирригации, а не служили, например, дренажными канавами для отвода дождевых вод с территории поселения. Размеры каналов свидетельствуют, что источником для орошения являлись именно наземные воды (постоянный небольшой по мощности водный поток, ghayl, во время сухого сезона, и/или значительно более мощный паводок, во время сезона дождей), но не грунтовые, поднимавшиеся на поверхность с помощью колодцев. Все открытые в Ма'лейбе каналы, за исключением одного из второстепенных, вырыты в одном направлении – с северо-запада на юго-восток. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что в период функционирования поселения основное русло вади, по которому с гор приносились паводковые воды, располагалось, вероятно, к северо-западу от поселения. Отметим, что паводковые воды служили не только основным источником для орошения древних полей, но также доставляли на прибрежную равнину с гор плодородные аллювиальные наносы.

Сопоставление имеющихся метеорологических наблюдений, свидетельств цитированных выше письменных источников и археологических данных делает весьма вероятным предположение, что поливное земледелие, практиковавшееся древними обитателями Ма'лейбы, базировалось на комбинированном использовании как постоянно текущих вод (ghayl), так и сезонных паводков, точно так же, как это имело, например, место в Лахдже до начала 50-х годов XX в. Для достижения оптимального результата при выращивании многолетних растений и злаков³² земледельческие общины, обитавшие на прибрежной равнине, должны были постоянно «переключаться» с использования постоянных водных потоков на сезонные паводки и обратно. Вероятно также, что сезонные паводки были более важны для земледелия не только благодаря большому количеству воды, пригодной для орошения, но и из-за

³¹ Muhayrez A.A. Al-'Aqaha. Aden, 1989.

³² Палеоботанические находки из Сабира изучаются в настоящее время лондонской исследовательницей Доминик Десмулин.

значительно более высокого содержания в селевых водах плодородных аллювиальных наносов.

Судя по всему, ирригация Ма'лейбы являлась периферийной частью значительно более обширной системы, существовавшей на прибрежной равнине в эпоху бронзы. Результаты раскопок демонстрируют определенное развитие в технике сооружения ирригационных каналов от относительно широких и глубоких (каналы в нижних слоях шурфа) к более узким и мелким (каналы в верхних слоях шурфа). Скорее всего это было связано с менявшимися экологическими условиями, с аридизацией климата, приведшей к уменьшению количества воды, доступной для орошения, и как следствие – к упрощению конструкции гидротехнических устройств для ее забора и доставки на поля. Прогрессировавшее уменьшение постоянного водотока (ghayl) в вадии Тубан, начавшееся в III тыс. до н.э., привело сначала к сокращению сети ирригационных каналов, а затем и к прекращению функционирования по крайней мере части всей системы. В этих изменившихся экологических условиях жители Ма'лейбы были вынуждены оставить свое поселение, как и окружающие его сельскохозяйственные угодья, и переместиться в более северные районы оазиса, где еще сохранялись постоянные водотоки и мощность сезонных паводков была достаточна для поддержания ирригационного земледелия. Данный вывод базируется на том факте, что все известные к настоящему времени земледельческие поселения бронзово-железной эпохи в южной части прибрежной равнины относительно более древние, нежели изученные в ее северной части. Похоже, что близкая экологическая ситуация сохраняется и в настоящее время: именно к северу от ал-Хоуты находятся наиболее плодородные земли, орошаемые как постоянным водотоком, так и сезонными паводками³³, тогда как орошение южных частей Лахджского оазиса осуществляется исключительно грунтовыми водами, доставляемыми на поверхность с помощью механических и электрических насосов.

Б. Фогт, В. Буффа, У. Брюннер

MA'LAYBA AND BRONZE AGE IRRIGATION SYSTEMS IN LAHJ

B. Vogt, V. Buffa, U. Brunner

Since late prehistoric times, the Yemen coast of the Gulf of Aden, along with the Tuban Plain, has witnessed intensive human occupation. The core of the area – the fertile Lahj oasis in the hinterland of Aden – is almost 100 square kilometers in size, with a maximum extension of about 30 kilometers. The present cultural landscape of Lahj reflects this long history of human intervention. This can be seen in the results of the Joint German-Russian Archaeological Expedition to the Province of Lahj, which not only add to our knowledge of ancient irrigation agriculture on the coastal plain, but establish its existence during the prehistoric period in particular.

The site of Ma'layba («place of the Ilb trees») was discovered in late 1996 during a short survey carried out in the neighborhood of Sabir. In the lower part of the stratigraphic trench, traces of irrigation canals were found. Assessing present meteorological data, earlier accounts, and archaeological observations, it seems likely that Ma'layba Bronze Age agriculture was in fact based on a combination of ghayl and sail irrigation. To maximize production while taking into account the different ripening periods of seasonal and long-term crops, the Ma'layba community had to alternate between perennial river irrigation and spate irrigation.

Considering Ma'layba's location on the plain and its relative proximity to the sea, the canals can be regarded as a peripheral part of the irrigation system. Excavation shows a general development from deep and wide canals (at the bottom) to those with narrow and low sections (further up). The gradual decrease of the ghayl in the Tuban River since the 3rd mill. BC initially necessitated a diminution of the existing canals, and eventually abandonment of the whole system. The Ma'layba community responded to the changing environmental conditions by moving their settlement and cultivation further inland, i.e., into more elevated areas, where both the ghayl and the sail remained sufficient for irrigation. At present, the archaeological sites near the coast appear older than those further north.

³³ Cp. Harris. Op. cit. P. 177.

ARCHAEOLOGY AND ENVIRONMENT IN THE YEMEN HIGHLANDS. THE ORIENTAL INSTITUTE DHAMAR PROJECT

INTRODUCTION

By virtue of its position in the southwestern corner of Arabia, the highlands of Yemen receive substantially higher rainfall than the rest of the peninsula. By providing conditions suitable for rainfed agriculture, this rainfall has enabled much of the region to support a remarkably dense population, which now can be traced back to the 3rd millennium BC. Here we summarize the results of an archaeological and environment project conducted by the Oriental Institute of the University of Chicago since spring 1994¹. Such work could not have been conducted without the full consent and encouragement of the officials of the General Organization of Antiquities and Museums, especially Dr. Yusuf Abdullah and his colleagues. Following four years of fieldwork in which 299 sites have been recorded it is now possible to make some broad generalizations about the distribution of sites in the Dhamar region through the last 5000 or so years. We emphasize that the periodization of sites is based upon very coarse chronological divisions – usually some 1000 years duration per period or even more. However, results of test excavation in key sites allow us to subdivide the cultural sequence into shorter periods than was previous possible.

ENVIRONMENTAL CHANGE

The rainfall in southwestern Arabia, which arrives in spring and summer as a result of the Indian Ocean monsoon, was even higher in the early to mid Holocene (between about 10,000 and 5500 bp) according to ocean cores. Such increased rainfall has now been recorded on land in the form of palaeosols in the arid lowlands of Wadi Beihan, in the region of Marib and more recently in the Yemen highlands. In the highlands there are two indicators of increased mid-Holocene rainfall: first the sediments of occasional lakes that developed in the high intermontane basins, and second, dark humus-rich palaeosols that are usually buried beneath the deposits of terraced fields or archeological sites². Ranging in thickness from 10 to 70 cm, these soils accumulated when slopes were relatively stable, and vegetation cover was considerable as a result of the relatively high rainfall at the time. Radiocarbon dates from charcoal contained within the soils suggests that they were developed during precisely the period that the ocean cores indicate that the monsoon was at its maximum strength. Interestingly, this period of verdant environment pre-dates the main increase of settlement that took place during the Bronze Age, and it now appears that settlement growth occurred during a period when climate was drying, and when food production systems would have been most stressed.

As a result of the combined effect of increasing population, climatic drying, and probably slope disturbance resulting from the construction of terraced fields, the palaeosol then became buried by thick accumulation of sandy loam deposits that can be up to 10 m in depth. The best examples of such deposits occur behind terrace walls, but in some places, such as near the major Himyarite dam of Sedd adh Dhra'ah, some 6 m of sediment accumulated prior to the construction of the dam.

THE DEVELOPMENT OF TERRACE AGRICULTURE

Terraced fields have enabled the large populations of highland Yemen productively to farm the steep narrow rocky valleys, but the origins of such fields' systems remains uncertain. Work

¹Gibson M., Wilkinson T.J. The Dhamar Plain, Yemen: a Preliminary Study of the Archaeological Landscape // PSAS. 1995. 25. L. P. 159–183; Wilkinson T.J., Edens C., Gibson M. The archaeology of the Yemen High Plains: a Preliminary Chronology // AAE 1997. 8. P. 99–142; Wilkinson T.J., Edens C. Survey and Excavation in the Central Highlands of Yemen: Results of the Dhamar Survey Project. 1996 and 1998 // AAE. 1999. 9.

²Wilkinson T.J. Holocene Environments of the High Plateau, Yemen. Recent geoarchaeological investigations // Geoarchaeology. 1997. 12(8). P. 833–864.

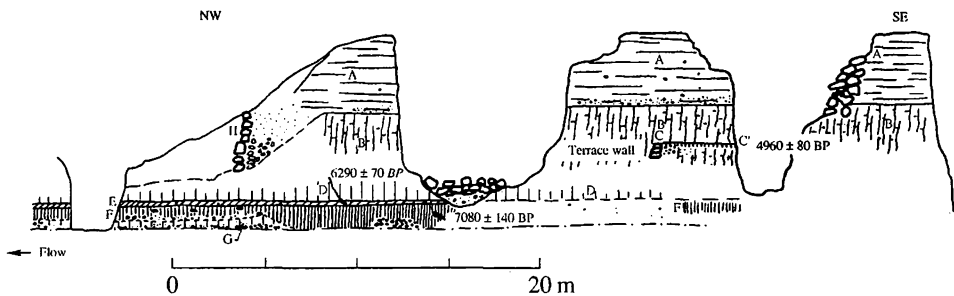

Fig. 1. Deep sounding sequence behind the dam of Sedd adh-Dhra'ah II showing the mid-Holocene soil and a small Neolithic period wall of a valley-floor terrace

by the Oriental Institute Dhamar Project has now demonstrated that heavily eroded lines of large stones parallel to the contour lines of slopes appear to be the terrace walls of relict fields that were once associated with adjacent Bronze Age settlements. These relict terraces are recorded on slopes that are not suitable for terraced agriculture today, either because rainfall is too low, or the soils are too thin (or nonexistent); later intensive terracing now obscures any terraces of a comparable age in wetter portions of the highlands. Usually these terraced fields consist only of a single line of heavily weathered and desert varnished stones, with no definite associated archaeological material except for the presence of Bronze Age sites nearby. However, because there are no signs of sites of any other period in the neighborhood, it seems likely that the fields were also of Bronze Age date, that is from around 2000 BC or a little earlier or later.

Even more compelling evidence of early terracing appears in a narrow valley, where a field terrace lies encased within a 10 m thick sequence of valley floor deposits and fill that accumulated behind a Himyarite dam (the dam dating roughly to the 1st centuries BC or AD). Buried beneath some 6 m of fine valley fill, the valley floor terrace appears to have been in use during the 4th millennium, i.e. even before the main period of Bronze Age settlement in the region, on the basis of a radiocarbon determination on charcoal from the soil associated with the terrace.

Terraced fields are not only important for the extension of the agricultural area; they also absorb much of the rainfall that falls during the monsoon season. Where such protective staircases are in use, the landscape is remarkably stable, and as a result the area can support very high populations, despite the low agricultural potential of the natural soils.

BRONZE AGE SETTLEMENT

Occupation before the Bronze Age has proven elusive in the Dhamar region. Several dense lithic scatters occur overlooking a dried lakebed in the Sanaban area, the industry including a number of stemmed bifacial points and debitage in obsidian. At several other places chipped stone is associated with the mid-Holocene palaeosol, but such localities have not yet produced evidence for structures of kind reported elsewhere in the Yemen highlands. The typological evidence places the bifacial industry in the 6–5th millennium BC range, at the late end in the range of dates for palaeosols (the mid-Holocene moist phase) across the region. Since the Bronze Age sites are currently dated no earlier than around 2800 BC, the 4th millennium habitation that existed in the region remains basically undocumented – the survey has not found occupation sites to accompany the above-mentioned valley floor terrace. The 4th millennium was a critical time, in which food production probably took hold in the highlands, pottery production started, and the formation of Bronze Age cultures took root³.

³ Edens C., Wilkinson T.J. Southwest Arabia during the Holocene: Recent Archaeological Developments // *Journal of World Prehistory*. 1998. 12(1). P. 55–119.

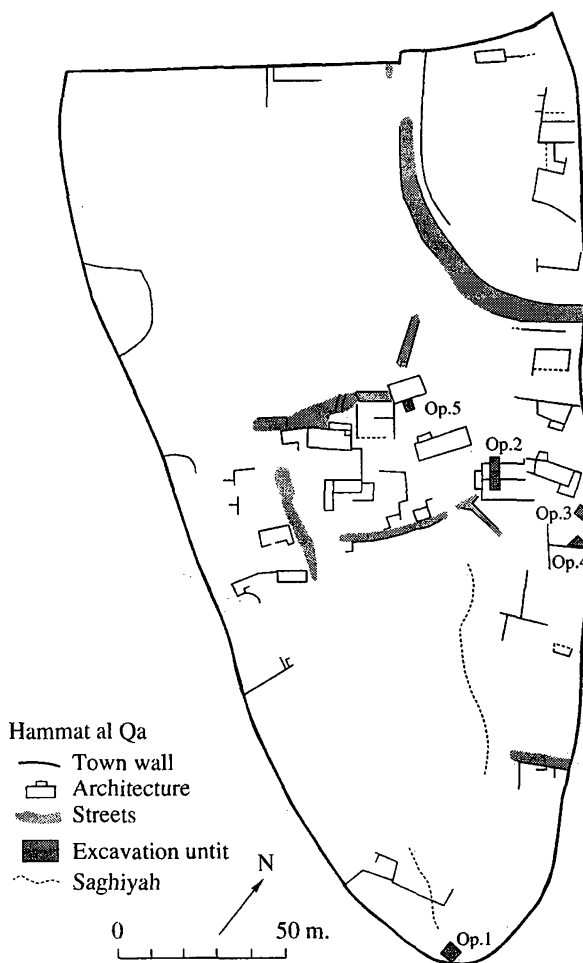

Fig. 2. Site plan of buildings within central part of Bronze Age site Hammat al-Qa (by C. Edens and J. Pearce). Note the areas to north and south of this area have not been mapped

The Bronze Age of the Dhamar area is now fairly well documented, making this area one of only two in the western highlands of Yemen where the Bronze Age is commonly reported. The Oriental Institute regional survey project has so far identified 51 Bronze Age settlements in Dhamar and made test excavations in three of these sites. These results are roughly comparable to those of Alessandro de Maigret, who first reported Yemen's Bronze Age in the 1980s. De Maigret's results for the Khawlan region (southeast of Sana'a and northeast of Dhamar) serves as an important baseline for assessing the Dhamar Bronze Age settlements⁴. The Khawlan sites are relatively small (the largest covers a hectare), and are normally composed of one or more circular compounds of curvilinear architecture arranged around a central space. The animal bones and seed impressions in pottery reflect a food producing economy that relied on domesticates like sheep/goat with some cattle and hunted animal, and wheat and barley, and possibly sorghum grown in fields. The radiocarbon evidence places this culture in the 3rd millennium BC⁵.

⁴ Maigret A. de. *The Bronze Age Culture of Hawlan al Tiyal and al-Hada*. Rome, 1990.

⁵ Fedele F. Radiocarbon Dates // A. de Maigret. *The Bronze Age Culture of Hawlan al Tiyal and al-Hada*. Rome, 1990. P. 205–212.

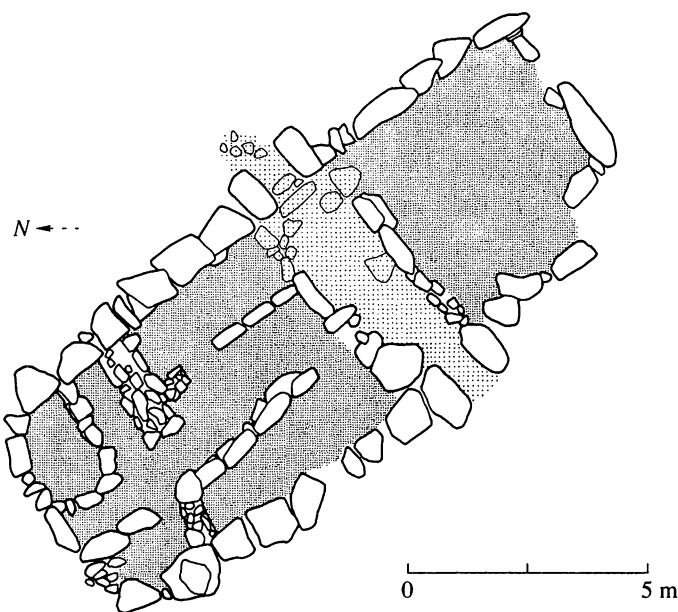

Fig. 3. Later Bronze Age house at Kharraib (DS 228) (by G. Barratt and E. Barbanes)

The Bronze Age sites of Dhamar share a basic ceramic tradition with Khawlan, but tempered with certain important differences. More striking, fundamental differences appear in settlement characteristics. Like the Khawlan sites, those of the Dhamar area are situated on low hills at the edges of intermontane plains or smaller valleys. Also like Khawlan, settlements in the Dhamar area are essentially surface sites, with architecture highly visible on the surface but possessing little depth (nevertheless, multi-period use and remodeling of buildings does occur). But some Dhamar sites are significantly larger than the largest reported Khawlan site – eight Dhamar sites cover at least 2 ha and several others exceed 1 ha in size, while most places fall within the size range normal for Khawlan. Walls with one or more gates surround some of the larger places. Residential structures inside the settlements usually are free-standing rectilinear buildings, up to 10–12 m long and 4–5 m wide, with one or several rooms. The stone walls of houses may be laid in irregular courses (especially for exterior walls) or may be flat slabs set on edge (especially for internal divisions). Floors are simple surfaces marked only by accumulation of ashy domestic debris. The entrances, often framed with large orthostats, may be placed at one end of the house (a long room house plan) or in one of the long walls (a broad room plan). In excavated examples, the houses are set as much as half a meter into the ground.

The test excavations conducted by M. Gibson, C.L. Schilmoeller and the authors at the sites of Sibal, Hammat al Qa', and Kharayb had the goal of finding ceramics and other materials in architectural contexts that could be radiocarbon dated. The results identify a Bronze Age sequence for the Dhamar area. Sibal, in the Qa' Shir'ah southeast of Dhamar, dates to ca. 2600–1900 BC, and is contemporaneous with the Khawlan sites. Hammat al Qa', at the edge of a small plain in the hills east of Mabar, falls in the ca. 2100–1500 BC range. And Kharayb, overlooking a narrow valley southeast of Dhamar, belongs to ca. 1300–1200 BC (all calibrated dates). The pottery that accompanies these sites presents many similarities with Khawlan ceramics, but the Dhamar assemblages also express regional differences and changes through time in many details. Like Khawlan, the Dhamar Bronze Age pottery assemblages includes numerous large platters and shallow bowls, hole-mouth jars and necked jars, the latter two forms sometimes bearing dentate impressed or incised curvilinear decoration and/or impressed or incised ribs, knobs, and handles. The Dhamar pottery commonly includes several forms that

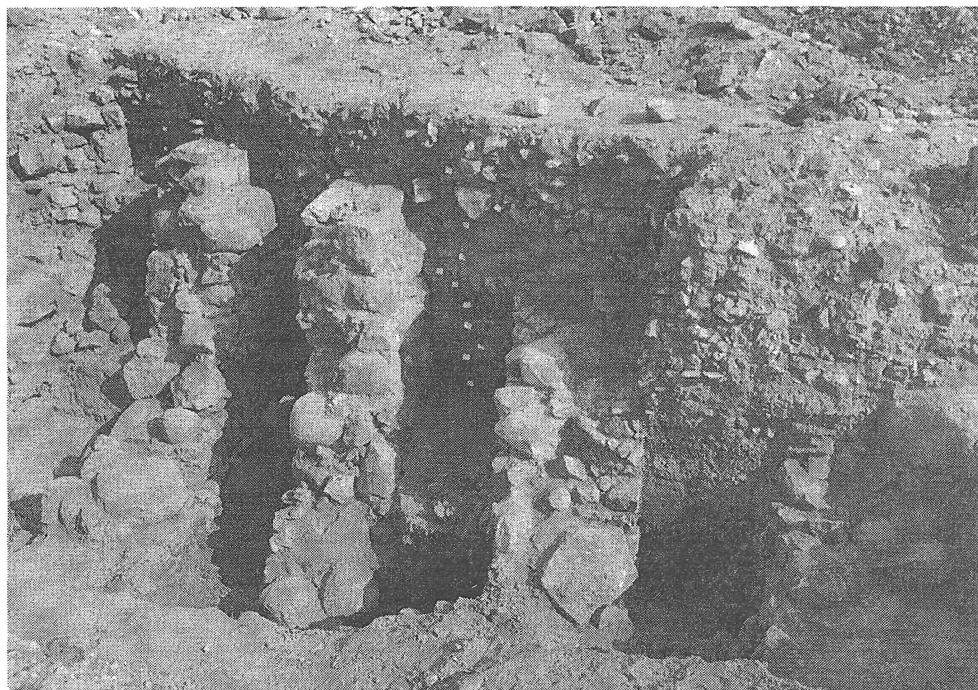

Fig. 4. Wall foundations of a major Himyarite building at Ribat 'Amran (DS 226) cutting through the mid-Holocene soil and associated Neolithic deposits

are rare or absent in Khawlan, such as hemispherical bowls, heavy storage jars, and jugs. Moreover, a significant proportion of the Dhamar hemispherical bowls and jars has a burnished black or dark gray slip, and a small number also bear a burnished red slip finish. These surface treatments do not appear among the Khawlan assemblages.

The radiocarbon-dated pottery assemblages from the three sites provide the outlines of a ceramic chronology for the Bronze Age of the Dhamar area. This chronology is still coarse-grained, since many of the most common forms (e.g. the platters and hole-mouth jars) appear throughout the Bronze Age sequence with very little change, and the more sensitive diagnostics involve relatively rare forms and surface treatment that weathering often removes from surface materials. Nevertheless the present ceramic chronology permit a preliminary ordering of the survey results.

Sites with Sibal-related pottery are rare, and a 3rd millennium settlement pattern remains elusive. Several small sites that probably belong to this period contain curvilinear architecture quite like the Khawlan sites. Sibal itself is a 1–2 ha walled town with fairly dense single room and multi-room buildings. These characteristics distinguish Sibal sharply from Khawlan patterns, suggesting a more nucleated and perhaps hierarchical settlement system, and probably also a somewhat more complex social organization, in the Dhamar area than in Khawlan during the 3rd millennium. Excavated fauna from Sibal includes a relatively high proportion of cattle (25%), another sharp contrast with Khawlan (where cattle make up 1–5% of faunal samples) that points to a greater investment in agriculture in Dhamar.

By the end of the 3rd millennium, settlements formed a marked two-tiered hierarchy of villages and walled towns distributed around intermontane plains and valleys. Hammat al Qa', one of the best preserved of the Dhamar Bronze Age towns, gives a clear picture of these 2nd millennium settlement systems. The town sits on a flat-topped hill, or mesa, at one end of a narrow plain. The town wall of massive stones runs around the edge of the mesa and then across

its center to enclose 4 ha. At least three gates give entrance through the wall to an irregular network of streets and houses. The houses, both single room (often with small annexes) and multi-room structures, lie in blocks framed by streets across two-thirds of the site, with fairly open spaces taking up the remaining area. About one quarter of the town interior has been mapped; extrapolating from this sample, Hammat al Qa' held around 60–75 houses. Several villages of the same ceramic period lie on hilltops within several kilometers of Hammat al Qa', these outlying places identifying the two-tiered settlement hierarchy. Relict agricultural terraces are still faintly visible on the slopes below Hammat al Qa' and on the slopes of adjacent hills. Excavation has not yet recovered botanical evidence for the crops that farmers grew on these terraces. The excavated animal bones are almost all sheep (goat is not definitely present) and cattle, the latter accounting for 10% of the total. If the plain was not heavily cultivated, the natural vegetation in the plain probably provided the main pasturelands for these animals.

The two-tiered settlement system of towns and villages continued through the 2nd millennium, with Kharayb representing a late 2nd millennium town of 3 ha. However, several features distinguish the late 2nd millennium from the earlier 2nd millennium period. Fewer sites can be placed in the later period than before. This drop in numbers partly reflects the coarse chronological framework and equivocal nature of most ceramic diagnostics. But important settlement shifts also seem to be underway. The site of Hawagir represents a significant departure from earlier towns in two respects: it covers an unprecedented 12–15 ha, and it sits in an intermontane plain rather than on a hill above. The surface pottery from Hawagir suggests that is slightly younger than Kharayb, at the very end of the 2nd millennium.

Bronze Age sites in the Dhamar area of the Yemen highlands trace the autonomous development of town life in this part of Arabia during the 3rd and 2nd millennium BC. Parallel developments in the Persian Gulf (the Barbar culture) and southeastern Arabia (the Umm an-Nar and Wadi Suq cultures) unfolded at the same time in the context of interregional exchange. In contrast, the western highlands seem to have been largely isolated from wider exchange networks beyond the region itself. The fieldwork accomplished so far in the Yemen highlands, Dhamar or Khawlan, has not yet produced enough information to understand the origin and dynamics of town life in southwestern Arabia. The most obvious gaps include the 4th millennium antecedents of Bronze Age town, a finer-grained chronological control, broad exposures in different architectural sectors of towns, and substantial subsistence and other economic data.

An additional glaring uncertainty is the relationship between Dhamar and Khawlan settlements during the 3rd millennium. The economic orientation of the Khawlan region probably involved a mix of pastoralism and opportunistic agriculture in the drier eastern margin of the highlands, while that of the moister Dhamar region was more intensively agricultural in character. The ceramic differences that distinguish Sibal from the Khawlan sites imply that each region contained a different group. But these differences do not preclude exchanges of complementary subsistence products (agricultural and pastoralist) that might amount to symbiotic sectors of a regional economy. Moreover, the abandonment of the Khawlan eastern highlands at the beginning of the 2nd millennium coincides with the significant increase of site numbers and town size in Dhamar, perhaps indicating transfers of population that accentuated the growth of towns and settlement hierarchy in Dhamar at this time. Both of these possibilities remain to be worked out and tested.

The current radiocarbon evidence leaves a four-century gap between Kharayb and the earliest dated Iron Age sites of the region. This gap will almost certainly narrow when additional radiocarbon dates are obtained from late Bronze Age and early Iron Age sites. The cultural transition across this gap pertains largely to pottery: a few formal elements continue across the transition, but the Iron Age pottery in general is quite distinct in fabrics and forms from its Bronze Age antecedents. Large, walled early Iron Age sites continue the previously established Bronze Age settlement patterns, although houses within the large sites now regularly possess multiple rooms. The social changes that accompanied this mix of continuity and change in material patterns remain uncertain.

By the late 2nd millennium BC, the Dhamar area appears to have been densely settled with numerous small, medium and large sites up to 10–15 ha. In the 1st millennium BC, although there is a significant change in the ceramic styles, the pattern of settlement continues to be quite dense. Settlements are located both on hills and on low valley side slopes, and it is during this phase that we see some of the highest significant sites yet recorded, either in Yemen or in the entire Arabian peninsula. The best examples of these sites are three related settlements recorded in 1998 to the east of the Himyarite capital of Zafar at an altitude of around 3000 m above sea level (al Qatan and related sites). Settlement sizes continue to fall in the same range as the Bronze Age sites. Sites on hilltops are often naturally defended, but formal defenses with rectangular bastions have been recorded at the sites of Khirbet al Hussayn and Madinet al Khasha'.

The Iron Age part of the cultural sequence was primarily established by the excavation of small soundings by Prof. McGuire Gibson within buildings on known Iron Age sites. These brief investigations not only provided further details on building styles and architecture, but also most importantly supplied enlarged assemblages of pottery together with sufficient charcoal to provide radiocarbon determinations.

In addition Iron Age levels are starting to appear within stratified sequences below modern villages that also feature the remains of Himyarite buildings. Thus it appears that there is some degree of settlement continuity between settlements of the Iron Age (contemporaneous with the Sabaeen state further north) and those of the Himyarite period.

Although terrace walls had probably been in use since the 3rd or 4th millennia BC, there is no evidence for large formally constructed dams until the Himyarite period (i.e. 1st century BC to 6th century AD), or perhaps slightly before. Large formally constructed dams appear to be approximately contemporaneous with the rise of the Himyarite state. Dams such as Sedd Ajmar and Sedd adh Dhra'ah were constructed in the distinctive well-dressed style of Himyarite masonry, but the best examples have been destroyed as a result of dam bursts resulting from major floods in antiquity. On the other hand many smaller dams remain as part of the landscape, especially in the region of the Himyarite capital of Zafar. Such dams presumably originally formed part of the Himyarite agricultural economy, but now simply remain incorporated within the modern day field pattern.

With the rise of the Himyarite state the area also witnesses the first clear appearance of monumental inscriptions. Most are dated by paleography, but occasional examples can be dated by reference to the Himyarite calendar. The northern part of the Dhamar survey area falls within the bounds of the Sabaeen state and it is within this area that occasional inscriptions would appear to be stylistically Sabaeen, some of which are probably pre-Himyarite in date.

Just as there appears to have been considerable continuity between Iron Age and Himyarite settlements, there is also continuity at the end of the Himyarite into the Islamic period. Unfortunately the rarity of good imported diagnostic Islamic ceramics has inhibited the detailed subdivision of this phase. Furthermore, because many modern villages have probably been occupied for many centuries we must assume that many settlements are buried below modern villages. Nevertheless, despite our inability to subdivide the Islamic record it is clear that Islamic settlement is very common so that by the Islamic period most of the area, with the exception of the drier parts of Hada to the northeast were densely occupied.

CONCLUSIONS

It is therefore now evident that the highlands of Yemen were quite densely occupied from the 3rd millennium BC, and that population continued to rise, although details remain hazy, through the 2nd and 1st millennia BC. Therefore by the time the Himyarite state came into being in the 1st century BC some degree of social complexity and a moderately dense network of settlements had been in existence for two or three millennia. Interestingly the growth of settlement in the 3rd millennium BC took place in the face of a significant trend of climatic drying which occurred as the Indian Ocean monsoon weakened in strength. Although the

decline of settlements in the Khawlan area to the north of Dhamar may have been influenced by the later stages of this phase of desiccation, a causal relationship has not yet been convincingly demonstrated. However the rise in population in the highlands, in the face of climatic drying must have exerted significant stresses on the local communities especially in the drier parts of the region.

Curiously, with the exception of a change in pottery style between the late 2nd millennium and the early 1st millennium BC, there is little evidence of the wealth generated by the incense trade, and according to present evidence it seems likely that the Dhamar highlands were effectively by-passed by such trade, and remained minimally integrated with broader patterns of world trade.

C. Edens, T.J. Wilkinson

АРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЯЯ ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА ЙЕМЕНСКОГО НАГОРЬЯ, ЗАМАРСКИЙ ПРОЕКТ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА ЧИКАГО

К. Эдэнс, Т. Уилкинсон

В статье суммированы результаты работ, проводившихся экспедицией чикагского Восточного института в Республике Йемен в течение четырех полевых сезонов. Всего было исследовано 299 памятников, относящихся к различным периодам от неолита до раннего средневековья, установлена их относительная и абсолютная хронология, выявлена динамика изменения основных параметров материальной культуры. Как показывают эти исследования, в древности Йеменское Нагорье, расположенное в юго-западной части Аравийского полуострова, отличалось, по-видимому, значительно более влажным климатом, чем в настоящее время. По крайней мере с III тыс. до н.э. его территория была интенсивно заселена небольшими общинами, основу экономики которых составляло богарное земледелие. В течение II и первой половины I тыс. до н.э. население Нагорья неуклонно росло. Однако, со второй половины I тыс. до н.э., т.е. в начале периода древнейшей «классической» цивилизации, и особенно в период возникновения Химйаритского царства, наблюдается сокращение поселений, что было связано, вероятно, с прогрессирующей аридизацией климата. Этот же процесс прослежен и для первой половины I тыс. н.э. Проведенные исследования показывают, что Йеменское Нагорье не являлось, как думалось ранее, областью, интенсивно вовлеченной в международную торговлю благовониями, существовавшую в регионе в указанное время.

© 2002 г.

ОБ ИСТОРИИ АНТИЧНЫХ И МЕОТО-САРМАТСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

История Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника насчитывает более ста лет. В настоящее время археологические фонды Краснодарского музея насчитывают 160000 единиц хранения. Первые предметы и коллекции поступили в конце XIX в. от основателя музея Е.Д. Фелицына. В течение длительного периода после создания музея целенаправленного комплектования коллекций не проводилось. Собрание пополнялось случайно найденными предметами, покупками у населения, а также дарами.

Большое количество вещей в основном античного времени было приобретено благодаря усилиям директоров Кубанского войскового музея К.Т. Живило и особенно И.Е. Гладкого. В архиве музея сохранилось много документов, свидетельствующих о напряженной работе И.Е. Гладкого по выяснению, сохранению и сбору памятников старины. Переписка, которую он вел с известными исследователями того времени, например В.В. Шкорпил, В.В. Соколовым, Н.И. Веселовским и многими другими, показывает массовый характер грабежей и разрушений древних могильников и поселений. Уникальные находки, сделанные грабителями курганов и склепов, среди которых были в основном местные жители, затем перепродавались и вывозились на антикварные рынки, прежде всего в Керчь.

Вот что писал из Тамани 2 декабря 1913 г. в письме на имя директора Кубанского войскового музея И.Е. Гладкого В.В. Соколов, известный в то время знаток древностей Тамани: «Один таманский казак обратился ко мне с предложением купить у него большую каменную плиту с надписью и просил два рубля. Плита действительно большая, с рельефным изображением трех фигур и тремя строками надписи, но, к сожалению, надпись настолько сбита, что памятник эпиграфического интереса не имеет, а может только служить как образчик древнегреческих надгробий. Если хотите, приобрету. Раскопки гробокопателей уже начались и идут полным ходом, но мне хороших вещей не приносят, все лучшее идет в Керчь и покупается евреями, если не успевает приехавший Вячеслав Вячеславович (Шкорпил. – Е.Х.). Жду, когда замерзнет море и прекратится сообщение с Керчью, тогда и нам что-нибудь перепадет»¹.

Масштабы торговли, судя по письмам, были велики. Так, в письме от 31 декабря 1913 г. В.В. Шкорпил сообщил И.Е. Гладкому: «Носятся слухи, что роскошные вещи, найденные на Таманском п-ове, были куплены торговцем Ермолаем Запорожским и проданы за границу за 19 600 руб. Вырученные деньги разделили между собой Запорожский и два других неизвестных мне лица – поровну. По крайней мере, Запорожский, недавно сильно нуждавшийся в деньгах, теперь, что называется, швыряет деньгами. Это убеждает меня, что найдено что-то замечательное и увезено, к сожалению, за границу. Из Тамани в последнее время казаки опять начали привозить древности; по типу их видно, что раскопки проводятся возле Тузлы и возле хутора Кротенко, где я копал в 1911 и в этом году»². В этом же письме автор сообщает о продаже в Керчи торговцем древностями Карабетовым, жителем Майкопа, 300 золотых и электровых монет Савромата II, Рескупорида II и Котиса III из клада, найденного в станице Ханской под

¹ Хачатурова Е.А. Античные коллекции Кубанского войскового музея // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994. С. 56.

² Она же. Письма В.В. Шкорпила – директора Керченского музея древностей в архиве Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Керчь, 1996. С. 98.

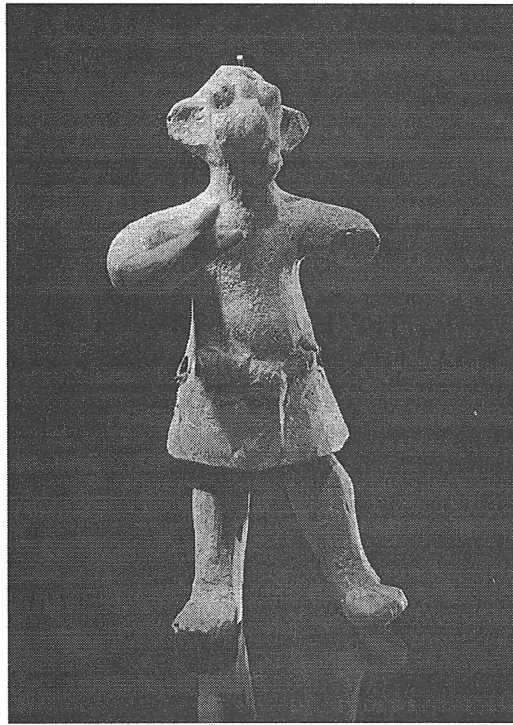

Рис. 1. Марионетка. Терракотовая статуэтка. I–III вв. н.э.

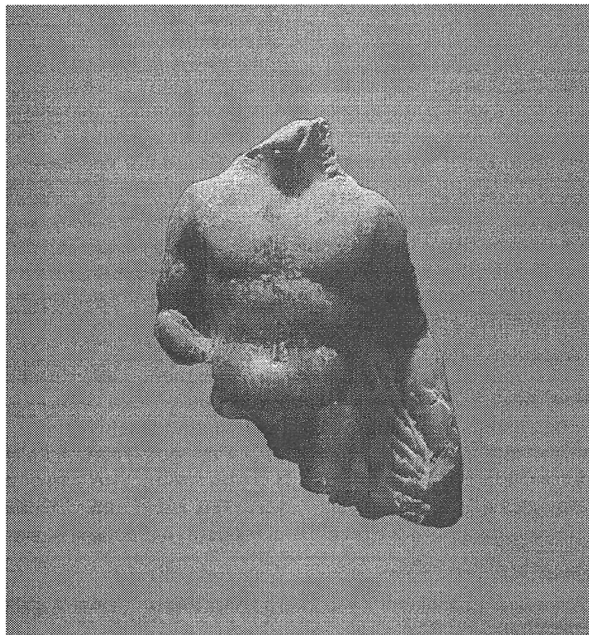

Рис. 2. Мужской торс. Терракотовая статуэтка. IV–III вв. до н.э.

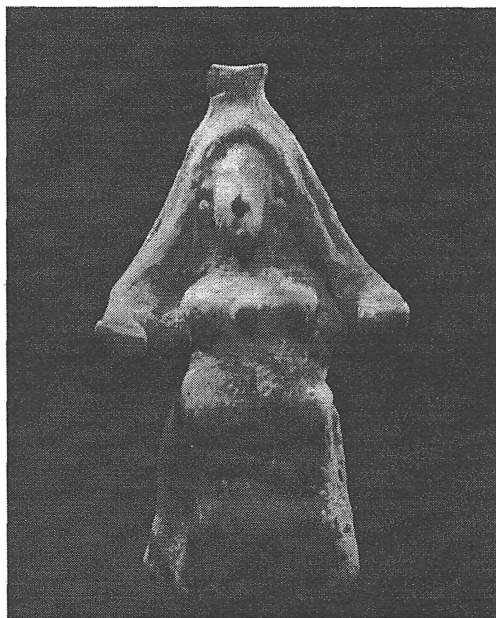

Рис. 3. Сидящая богиня. Терракотовая статуэтка. I–III вв. до н.э.

Майкопом. Не менее богатыми были находки, о которых В.В. Шкорпил сообщал в письме И.Е. Гладкому в 1912 г. В нем, в частности, говорится, что житель станицы Благовещенской Левтюхов нашел курган, а в нем – позолоченную серебряную чашу и много других вещей³. В 1913 г. В.В. Шкорпил писал, что таманские казаки Д. Дзюба, М. Кравченко и П. Печериченко подверглись в Керчи ограблению на 6 037 руб. После этого выяснилось, что они купили в Тамани у неизвестных казаков, прибывших из Стеблиевки, золотые древности, найденные в каком-то кургане, за 1 300 руб., а затем, приехав в Керчь, продали их какому-то человеку за 6 000 руб. «Так как эти вещи, – писал В.В. Шкорпил, – представляют собой весьма ценный вклад в археологическую науку, я имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие доложить об этом деле Его Превосходительству г-ну наказному атаману Кубанского войска и испросить у него разрешения на снаряжение строжайшего следствия по этому вопросу»⁴.

Описываемые случаи борьбы с грабителями курганов и могильников (их называли «счастливчиками») иногда напоминают детективные сюжеты. В одном из писем В.В. Соколова И.Е. Гладкому читаем: «Получили ли Вы протокол? По-моему, наши станичные власти удивительно неподвижны и не могут не только сами разузнать что-либо и задержать, но даже не могут удержать и того, что сам им в руки вложишь. Если Вы еще не получили, то скоро, вероятно, получите и второй протокол, составленный по моей просьбе и давший не весьма завидные результаты только благодаря слабости и вялости наших властей. Когда был раскопан известный уже Вам курган, то, естественно, я начал следить за своими гробокопателями, тем более что прошли слухи о находке золотой монеты и хорошей посуды. Золотые монеты находятся почти исключительно в курганах, и я удвоил свою энергию. Мои наблюдения увенчались успехом, и я заметил, как двое гробокопателей с мешком прошли на пароход для отправки в Керчь. Я сейчас же сообщил помощнику станичного атамана о своем подозрении и просил его лично распорядиться о задержании и обыске, а сам ушел домой. Но что-то мне подсказало, что если я сам не буду на пароходе, то из этого ничего не выйдет. И действительно, когда я возвращался на пароход, то помощника атамана там не было, а гробокопатели спрятались в трюм. При помощи полицейского я извлек их оттуда и отправил в станичное правление. Сначала они отказывались, а затем, видя, что обыск неизбежен, Буринский (один из задержанных) достал из кармана сверток, а в нем 20 штук серебряных монет. Оба признались, что дома у них есть ваза с рисунками и бокал, а при себе они больше ничего не имеют.

³ Слобченко О.Г. Давнее плодотворное сотрудничество // Там же. С. 96.

⁴ Там же.

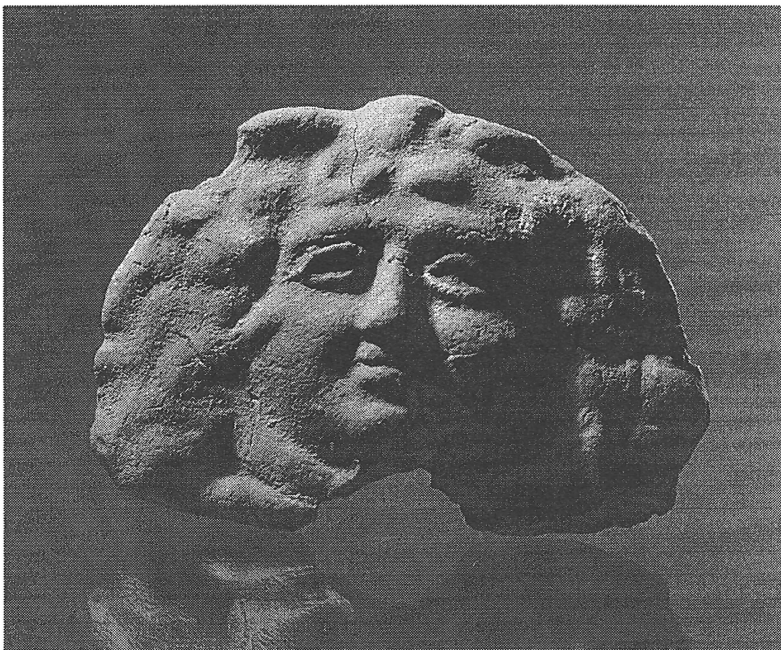

Рис. 4. Медуза Горгона. Терракотовый налест на саркофаге. I–III вв. н.э.

Но, зная, что только с серебряными монетами, вдвоем, счастливы в Керчь не поедут, я просил обыскать их. Тогда Буринский вырвался из рук полицейского и убежал из станичного правления. Странно, что полицейский не принял никаких мер к задержанию, да и вообще никто в станичном правлении не попытался остановить беглеца, очевидно, золотая монета была при нем. Обидно, очень обидно. Потом уже станичные власти делали у Буринского обыск, но не нашли ни его, ни указанных им вещей, а конфисковали какие-то черепки. Что будут делать с Буринским и найдут ли на него управу, не знаю» (письмо от 3 февраля 1915 г.).⁵

Эта переписка открывает нам и некоторые факты из истории поступления отдельных предметов в Кубанский войсковой музей. Так, в письме от 20 января 1915 г. В.В. Соколов пишет: «Прилагаю Вам рисунок леканы, которую выкопали на участке Тищенко и которую можно купить за 6 рублей. Я просил подождать с продажей, пока сношусь с Вами. Может быть, Вы пожелаете приобрести для музея? Она была разбита, но в настоящее время склеена, так что повреждения не заметны»⁶. Эта лекана была куплена для музея И.Е. Гладким.

По инициативе И.Е. Гладкого и В.В. Шкорпила администрация Кубанской области издавала приказы об охране памятников, инструкции и опросные листы; местные органы власти устраивали засады, облавы, обыски грабителей и конфисковывали найденные при обысках древние предметы, которые «счастливики» пытались перевезти на антикварные рынки Керчи или продавали на месте перекупщикам. Отобранные у грабителей или купленные предметы поступали в Кубанский войсковой музей, где в результате сложилась небольшая античная коллекция, включающая терракотовые статуэтки, гипсовые маски, керамику, украшения, предметы быта и туалетные принадлежности, памятники эпиграфики и надгробия (рис. 1–7).

Среди подобных находок – известняковая плита с надписью, опубликованная В.В. Латышевым в 1915 г.⁷ Эта плита была обнаружена и изъята атаманом станицы Вышестеблиевской Федором Дригой у казака Алексея Потаманова. Найдена же она была его сыном Павлом летом 1914 г. в стан. Запорожской, когда тот, как пишет писарь в протоколе, «находился при окарауливании телеграфных столбов». Найденную плиту Павел доставил на подводе в стан. Вышестеблиевскую и оставил во дворе иногородца Устима Гаркуши. Затем отец и сын

⁵ Хачатурова. Античные коллекции... С. 56–57.

⁶ Там же. С. 57.

⁷ Корпус боспорских надписей. М.–Л., 1965. С. 647.

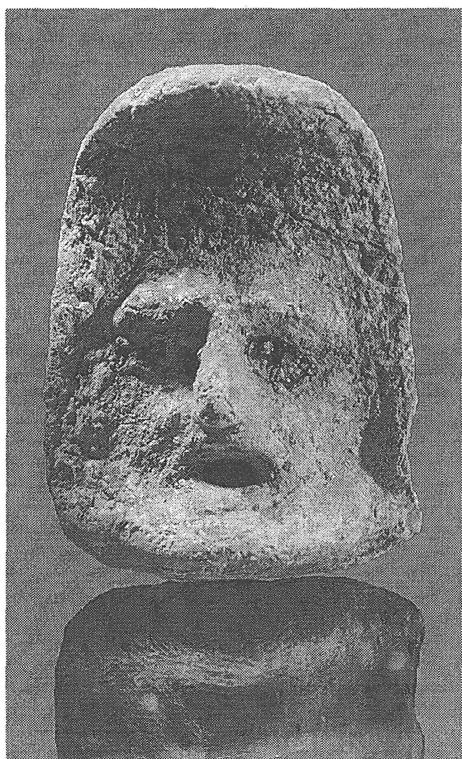

Рис. 5. Алебастровая маска. I–III вв. н.э.

намеревались ее продать за 12 руб. В результате усилий администрации Таманского отдела, а также В.В. Соколова, сотрудника Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического музея, и его директора И.Е. Гладкого плита была перевезена в музей Екатеринодара, где и находится по настоящее время. 29 декабря 1914 г. в письме И.Е. Гладкому В.В. Шкорпил предлагает комментарии и перевод этой надписи. Переводит ее он следующим образом: «С добрым счастьем. В 630 году и месяце лое при царе Рескупориде снова была воздвигнута эта крепость от основания попечением архитектора Евтиха. Надпись же была начертана рукою Баппа, сына Ульпиева. Победа да будет городу и радость!». Далее в письме В.В. Шкорпил продолжает: «В 630 г. боспорской эры (333 г. по Р.Х.) царствовал на Боспоре последний Рескупорид VI, со смертью которого в 341 г. окончился ряд боспорских царей. Надпись весьма интересна тем, что свидетельствует о том, что в это время Боспорскому царству приходилось отбиваться от врагов, которые надвигались на него с востока. Было бы весьма желательно и важно установить точно место, где плита была найдена, чтобы можно было приблизительно указать, где находится укрепление, о котором говорится в надписи. Я лично отношусь с недоверием к показаниям Павла Потаманова и уверен, что плита найдена в ближайших окрестностях станицы Вышестеблиевской, где-

нибудь на берегу Цукурского или Кизилташского лимана. Когда будете посылать копию надписи В.В. Латышеву, приложите хорошую фотографию и эстампаж, чтобы можно было с большей уверенностью высказать предположение о пропавших буквах, в особенности в последней строке, в правильном восстановлении которой я не вполне уверен»⁸.

Помимо известных историков и краеведов созданию античной коллекции музея способствовали и жители Кубани, любители старины, подарившие музею как отдельные предметы, так и целые коллекции. Особенно много вещей поступило с территории Таманского полуострова. Среди них можно назвать поступления 1911 г. – лекифы, солонки, светильники, чаши, найденные в Тузле и переданные в дар музею от урядников станицы Таманской Анисима и Ивана Черноморченко. В 1912 г. восемь сосудов и терракот, найденных на Таманском полуострове, были переданы в музей Федором Орченко, жителем Керчи. От атамана станицы Таманской Самойленко также поступило несколько сосудов. В 1913 г. есаулом В.С. Толсто-пятком, приставом станицы Таманской, были подарены музею две прекрасные чернофигурные вазы (рис. 8–9) и краснофигурная пелика, которые и поныне являются украшением музейной коллекции.

Среди дарителей отметим подъясаула В.В. Соколова, жителя станицы Таманской, отрывки из писем которого приводились выше. Увлекавшийся историей античной Тамани, выпустивший в свет книгу «Тамань в прошлом в настоящем», он подарил Екатеринодарскому музею более сотни античных сосудов, украшений, предметов вооружения. В музейной экспозиции была его именная витрина, он содействовал также поощрению кубанской администрацией наиболее щедрых дарителей по представлению музея.

Следующий этап формирования античных коллекций Краснодарского музея начинается с 1920-х годов. От сбора редких вещей и случайных поступлений музей переходит к целенаправленному комплектованию фондов, в том числе и античной коллекции. Здесь основное место принадлежит предметам и фрагментам из раскопок Семибратнего городища, начатых

⁸ Хачатурова. Письма В.В. Шкорпила... С. 99–100.

Рис. 6. Черноголаковая амфора с растительным орнаментом. III в. до н.э.

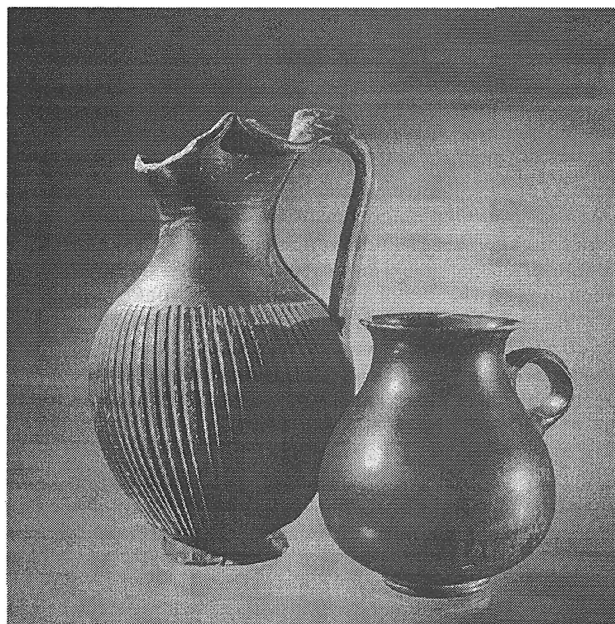

Рис. 7. Черноголаковые сосуды. IV–III вв. до н.э.

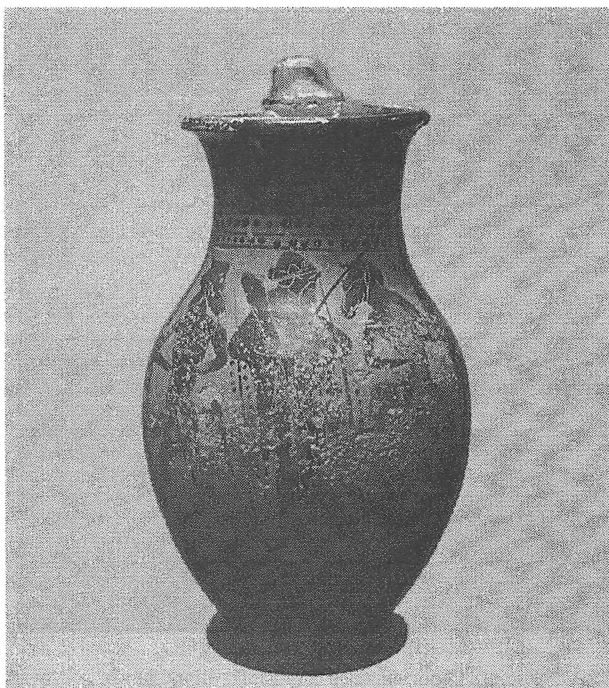

Рис. 8. Ойла с чернофигурной росписью. V в. до н.э.

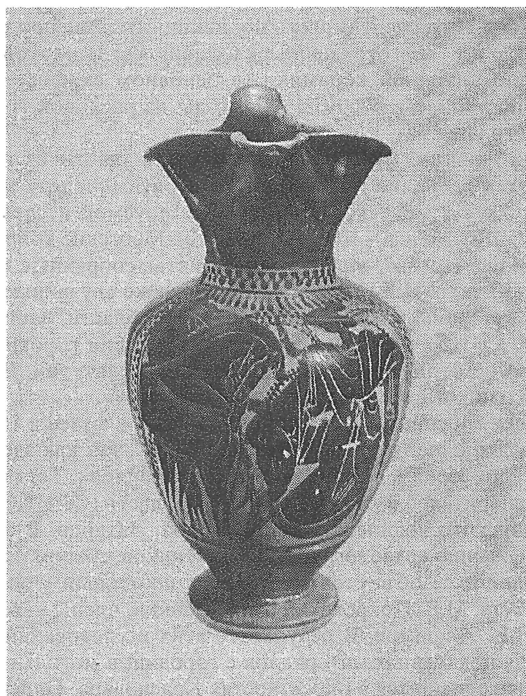

Рис. 9. Ойнохоя с чернофигурной росписью. V в. до н.э.

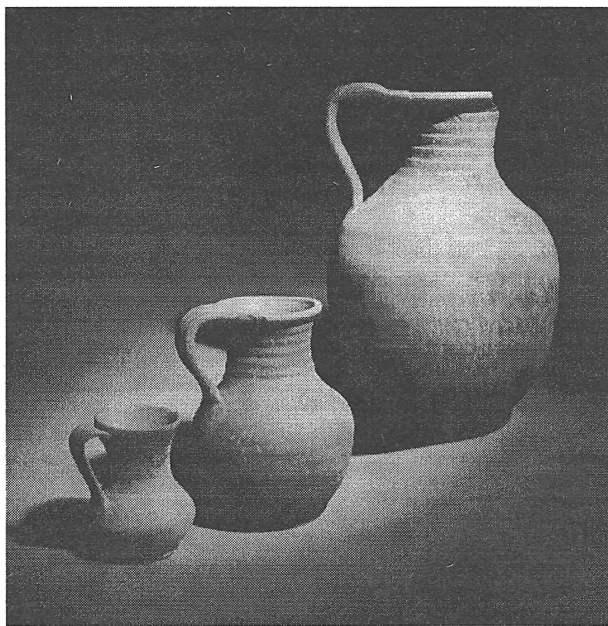

Рис. 10. Сероглиняные сосуды. IV–III вв. до н.э.

музейной экспедицией в 1938 г. В то время экспедицию возглавлял научный сотрудник Краснодарского музея Н.В. Анфимов. Последний раз раскопки на городище велись в 1955 г., в целом они продолжались в течение восьми сезонов. Материалы этого городища еще мало исследованы и почти не изданы. Интересную часть коллекции составляют фрагменты греческой расписной керамики V в. до н.э., подготовленные к изданию автором этой статьи.

Некоторое количество античной керамики (в основном скифосов, киликов, канфаров и предметов глиптики) поступило в 1960-е–1990-е годы из раскопок грунтовых могильников и курганов Краснодарского края.

В археологической коллекции Краснодарского музея одним из основных по яркости и значительности является собрание материалов (в первую очередь керамики) из городищ и могильников, относящихся к меотской культуре, датируемой исследователями (и прежде всего Н.В. Анфимовым) VIII в. до н.э. – III в. н.э. (рис. 10). Меотские коллекции стали поступать в музей с конца 1920-х годов. Правда, отдельные предметы, собранные Е.Д. Фелицыным и его последователями – К.Т. Живило, И.Е. Гладким и др., а также случайные находки, переданные в дар музею любителями старины и жителями Кубанской области, поступали в музей и в первые два десятилетия XX в. Найденные случайно на территории городищ и могильников, эти предметы первоначально не отождествлялись с меотской культурой. В каталогах музея они назывались «синдскими» или «относящимися к железному веку».

Первые систематически собранные коллекции появились в музее в 1927 г. в результате работы экспедиции на городище, получившем название КРЭС, так как здесь шло строительство электростанции, и эта территория в дальнейшем была затоплена. Тогда здесь собирали материалы члены Общества любителей истории Кубанской области (ОЛИКО), которым руководил преподаватель Краснодарского пединститута проф. Н.И. Захаров. В эти же годы активной деятельностью по обследованию археологических памятников, сбором подъемного материала и исследованием разрушающихся объектов занимались школьный учитель истории, а затем преподаватель пединститута, М.В. Покровский и его ученики, члены археологического кружка, среди которых был и Н.В. Анфимов. В результате этих исследований в фонды музея была сдана большая коллекция подъемных материалов с городищ и могильников Среднего Прикубанья, большей частью находившихся в окрестностях Краснодара. Описана она была в 1938 г., определением амфорных клейм из этой коллекции занимался Б.Н. Граков. Одной из ранних коллекций музея являются материалы Краснодарского могильника, раскопанного М.В. Покровским в 1929 г. на территории ул. Почтовой. В эти же годы начал свою работу по архео-

логическому изучению Прикубанья и Н.В. Анфимов, ставший сотрудником музея и проработавший в нем до 1955 г.

С 1970-х годов и по настоящее время в музей поступают коллекции материалов, полученных в результате раскопок сотрудников музея и преподавателей Кубанского государственного университета Е.А. Ярковой (Хачатуровой), А.М. Ждановским, Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко, И.Н. Анфимовым, А.З. Аптекаревым, А.В. Кондрашевым, В.А. Тарабановым, В.Н. Каминским, А.В. Пьянковым, А.А. Нехаевым, Н.Ф. Шевченко, а также научным сотрудником ИА РАН И.С. Каменецким. Благодаря их исследованиям в фонд поступили хорошо документированные коллекции материалов городищ и могильников с правобережной территории Краснодарского водохранилища. Географически памятники, представленные в этом собрании, охватывают Среднее и Нижнее Прикубанье, его правобережные и левобережные районы, районы близ малых рек Кубани. Среди наиболее известных и исследованных – материалы городищ Пашковского, Краснодарского, Елизаветинского, хут. Ленина, Старо-Корсунского, Воронежского № 3, Усть-Лабинского, Тахтамукай, хут. Кубанского, Кавказского, Темижбекского, Прочноокопского, Роговского, Новоджерелиевского, Ново-Лабинского, Тенгинского и многих других, а также могильников – грунтовых и курганных. Все эти коллекции исследовались в работах Н.В. Анфимова, В.Н. Каминского, И.И. Марченко, А.М. Ждановского, И.С. Каменецкого, но большая часть материалов еще мало изучена и не издавалась.

Е.А. Хачатурова

HISTORY OF ANTIQUE, MAEOTIAN AND SARMATIAN COLLECTIONS OF KRASNODAR MUSEUM

E.A. Khachaturova

The article deals with the history of the archaeological collection of Krasnodar museum. The origin of the collection dates back to the end of the 19-th century, when first artifacts came to the museum thanks to activities of its founder E.D. Felizin and first directors K.T. Zhivilo and I.E. Gladkij. The author uses mainly archival materials (correspondence, reports, etc.) as principal sources which help to uncover the early history of the collection counting about 160000 items.

© 2002 г.

Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I /
Отв. ред. Д.В. Журавлев. (Труды ГИМ. 102). М., 1998. 128 с., илл.

Сборник трудов состоит из предисловия и одиннадцати статей десяти авторов, изданных на русском языке, но снабженных резюме различного объема (от нескольких строк до половины страницы) на английском языке. Сборник открывают три наиболее развернутых статьи, в которых история изучения вопроса представлена в виде обзоров литературы: одна – о русских работах, посвященных «мегарским» чашам, две другие – об изучении краснолаковой керамики восточного производства соответственно в России и за рубежом. Затем следуют шесть сообщений об отдельных находках или частных вопросах, связанных с этими типами керамики. Завершают сборник две статьи, содержащие анализ чернолаковых и краснолаковых покрытий.

Среди вводных статей выделяется работа Д.В. Журавлева (с. 31–51), которую сам он скромно называет «кратким обзором отечественной литературы по проблеме краснолаковой керамики Северного Причерноморья римского времени». Действительно, в статье дается обзор литературы, но не только: в ней есть и нечто большее. Автор начинает с разбора исследований Т.Н. Книпович о краснолаковой керамике Ольвии из собрания Эрмитажа (1929) и о краснолаковой керамике из раскопок Мирмекия и Тиритаки (1952), где материал сильно фрагментирован и происходит по большей части не из закрытых комплексов. Первая из этих работ остается наиболее известной за пределами России, в то время как выводы другой (выполненной в той же манере с внесением некоторых исправлений) по сей день служат основой для последующих исследований краснолаковой керамики Северного Причерноморья, в том что касается хронологии и определения производственных центров. Порой положения Т.Н. Книпович принимаются некритически: например, критерием для датировки по-прежнему служит характер лакового покрытия (его хорошее качество и то, что оно покрывает весь сосуд полностью, будто бы говорят в пользу большей древности), несмотря на очевидные свидетельства обратного. Плодотворным направлением исследования стало изучение материала, рассматриваемого (к сожалению, нередко без достаточных оснований) как керамика местного производства. Таким образом, в результате работ Т.Н. Книпович и последующих исследований сложилась общая картина, которая предполагает присутствие в редких случаях итальяской, еще реже – галльской керамики, в более значительных объемах – импорта из Самоса, Пергама и малоазийских центров, не поддающихся более точному определению, а также керамики местного северопричерноморского производства. Схема эта устарела, и ушедшие далеко вперед исследования в других местах показали иное и более сложное распределение различных типов краснолаковой керамики.

Во второй части своей статьи Д.В. Журавлев предпринимает разбор имеющегося материала в соответствии со схемой, в большей степени отвечающей общепринятым международным правилам. При учете опубликованного и неопубликованного материала оказывается, что итальянская сигиллата встречается чаще, чем полагали прежде, тогда как количество засвидетельствованной галльской сигиллаты (из какой части Галлии, не уточняется), пожалуй, может в будущем несколько увеличиться, но вряд ли когда-нибудь станет значительным. Отмечается также присутствие изделий паннонских мастерских в Закарпатской Украине, где они оказываются за рамками рассматриваемой темы, поскольку наверняка свидетельствуют скорее о сообщении с дунайскими провинциями, нежели о черноморской торговле. Восточная сигиллата А поступала в северопричерноморские центры в ограниченных количествах. Напротив, восточная сигиллата В составляет здесь одну из самых значительных групп. Похоже, до сих пор существует неопределенность относительно того, какую именно керамику можно связывать с Пергамом, тогда как восточная сигиллата С (связываемая с мастерской Чандарли) во II–III вв. распространена в Северном Причерноморье повсеместно, – возможно, было бы лучше рас-

смаatrивать экспорт Пергама и его территории вместе. Книдские рельефные сосуды, попавшие сюда несомненно из-за покрывающего их красного лака, на археологических памятниках Северного Причерноморья не редкость, хотя зачастую не опубликованы. Обзор классов керамики Д.В. Журавлев завершает некоторыми соображениями по поводу понтийской сигиллаты: он констатирует, что в подавляющем большинстве случаев краснолаковая столовая посуда Северного Причерноморья не находит аналогий за пределами Понта, и отмечает основополагающее значение классификации, намеченной Дж. Хейсом, пусть даже типологический репертуар ею и не исчерпывается. Однако речь идет о неоднородной группе, которая в дальнейшем будет подразделяться на ряд других. Уже теперь можно выделить продукцию некоторых производственных центров в Мезии (Бутово, Павликены, Хотнице), которая встречается среди массы образцов сигиллаты, обнаруженной в Северном Причерноморье. Можно говорить и о боспорской и херсонесской группах краснолаковой керамики, имевших локальное распространение. 32 характерных анепиграфных клейма, по большей части *in planta pedis*, обнаруженных на тарелках понтийской сигиллаты из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму, изученного тем же Д.В. Журавлевым, приводятся в табл. 4.

В третьей части этой вводной статьи Д.В. Журавлев представляет основные археологические памятники или географические области, приводя данные о раскопках и основную библиографию находок краснолаковой керамики. При этом он двигается более или менее с запада на восток: от Ольвии, через низовья Днестра и Днепра, Херсонес и Крым – до Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. В конце упоминаются некоторые находки с Кавказа и из Молдавии. Таким образом, речь идет как о древнегреческих колониях, так и о местных сарматских и скифских памятниках. Среди иллюстративного материала к этой части стоит отметить чашу с рельефным декором из Тиритаки (табл. 6.1): она скорее всего коринфская или во всяком случае выполнена в данной традиции, при том что в рецензируемой работе эта группа не рассматривается. Завершается статья упоминанием нескольких исследований, посвященных отдельным темам (например, граффити), и рядом соображений о перспективах изучения сигиллаты в России и Украине. В числе высказанных desiderata – публикация краснолаковой керамики (особенно из закрытых комплексов), создание некоего свода основных типов керамики и каталога клейм и прежде всего выделение различных местных групп сигиллаты (в том числе и с помощью естественных наук).

Статья К. Домжалского (с. 17–30) об истории изучения сигиллаты восточного производства вне России содержит главным образом информацию уже известную или во всяком случае более доступную для западного читателя в другом месте. Тем не менее занимающий более четырех страниц список библиографии (на западноевропейских языках) вполне может пригодиться. Заканчивается статья замечаниями о том, как западные работы воспринимались российскими учеными. Исследования о керамике эпохи Ранней империи оказались неизвестны почти полностью, тогда как работы о продукции позднеримского времени, и прежде всего книга Дж. Хейса, использовались неправильно: так, русские исследователи со времен работы Т.Н. Книпович 1929 г. и почти до наших дней не обращали внимания на различие между определенными составами глины и характером лаковых покрытий, что приводило их к ошибочным отождествлениям (например, понтийских мисок с африканскими типа Hayes 62 B).

С.А. Коваленко строит свое сообщение об истории изучения позднеллинистической штампованной рельефной керамики в России (с. 9–16) в чисто хронологическом порядке. Начинается оно с первых заметок о соответствующих находках до 1917 г., содержащихся главным образом в сообщениях о раскопках. После второй мировой войны были определены параметры визуальной атрибуции групп керамики различного происхождения (параллельно с работами на эту тему, разворачивавшимися в Греции и Малой Азии): крупнейшими представителями этого этапа были Т.Н. Книпович и В.Д. Блаватский. Первые более специальные работы восходят к 1960–1970-м годам и связаны с именами сначала И.Г. Шургая, Е.И. Леви и Д.Б. Шелова, а затем М. Парович-Пешикан и О.Н. Усачевой. Опубликовав закрытые комплексы, они выработали основы хронологии и исследовали структуру импорта, подчеркнув особое значение группы керамики, традиционно относившейся к Делосу (предложенная М. Парович-Пешикан атрибуция части этой продукции местным мастерским отвергнута) и показав транзитную роль Фанагории и Пантикапея, через которые снабжались такие поселения, как Кепы и Танаис. Исследования конца 1970-х – начала 1980-х годов демонстрируют преобладание на скифских памятниках Центрального и Северо-Западного Крыма рельефной керамики так называемой делосской группы и наличие там пергамской продукции. В 1980-е годы работы В.А. Горончаковского поставили на более надежную основу изучение керамики этой последней группы и путей ее проникновения в северопонтийский регион. К сожалению, новые представления о географическом и хронологическом распределении рельефной керамики, выработанные

в 1970–1980-е годы учеными за рубежом России, в российских работах находят отражение с опозданием, и несмотря на то, что сам С.А. Коваленко в конце 1980-х годов использовал их и при публикации закрытых комплексов, и в статьях по общим вопросам, для работ 1990-х годов, увы, все так же характерно принятие традиционной, восходящей к 1960–1970-м годам точки зрения, согласно которой «мегарские» чаши, найденные в Северном Причерноморье, происходят из делосских мастерских и датируются II в. до н.э. С.А. Коваленко указывает, что имеется очень немного материала последней четверти III в. до н.э. из Аттики и других производственных центров, а огромное его большинство относится к периоду II и I вв. до н.э.

К числу наиболее интересных сюжетов археологии Северного Причерноморья принадлежит проникновение средиземноморской культуры в среду местного населения – этой теме посвящены два сообщения о позднеэллинистической керамике в комплексах скифских археологических памятников. С.Ю. Внуков и С.А. Коваленко рассматривают (с. 61–76) «мегарские» чаши с городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. В большинстве случаев эти чаши происходят из скифских слоев, предшествовавших захвату этого региона полководцем царя Митридата Диофантом в конце II в. до н.э. Из 50 образцов (фрагментов и целых форм), отобранных как наиболее показательные в ряду почти 200 находок, большая часть, как и на других скифских памятниках, относится к ионийской группе. Представлены и некоторые другие производственные центры, например Пергам и Смирна, а также, возможно, Херсонес с группой керамики локального распространения. На основании общей характеристики комплекса авторы сообщения приходят к выводу о поставках керамики оптовыми партиями через единый транзитный торговый пункт, которым сначала могли быть Ольвия или Керкинитида, а впоследствии, вероятно, Херсонес. Ю.П. Зайцев представляет (с. 52–60) каталог чернолаковой керамики интересного комплекса из слоя пожара Южного дворца Неаполя Скифского, причем слой этот хорошо датируется на основании родосских амфорных клейм серединой третьей четверти II в. до н.э. Этот материал заслуживает дальнейшего исследования: следует постараться определить центры производства и привести иллюстрации лучшего качества.

Сообщение В.А. Хршановского озаглавлено «Погребения I–II в. н.э. с краснолаковой керамикой из некрополя Илурата» (с. 77–87) и посвящено в основном вопросам изучения самого этого некрополя: древнее ли северный участок, чем южный, более удаленный от города? – похоже, так оно и есть; и принадлежат ли оба эти участка разным этнокультурным группам? – вопрос, на который ответить гораздо труднее, хотя различия и можно констатировать: на юге – погребальные сооружения, вырубленные в скале, на севере – грунтовые погребения; на юге встречаются черепа со следами прижизненной деформации, а в составе погребального инвентаря много оружия и сарматских зеркал, на севере эти элементы, за единственным исключением, отсутствуют. Все 16 представленных в сообщении могил, содержащих целые краснолаковые сосуды (всего 23 экземпляра), расположены на северном участке. Даже для тех, кто далек от проблематики Илурата, будет весьма полезно проследить сочетания этих сосудов с прочими находками. Речь везде идет о понтийской сигиллате, по определению Дж. Хейса (ссылка на его работу по этому поводу имеется, хотя типология его далее не используется). Описываемая краснолаковая керамика представлена по большей части чашками и мисками, но также и кувшинами (иногда типа ойнохов).

С.В. Дьячков приводит 13 клейм на краснолаковой керамике из недавних раскопок так называемой херсонесской «казармы» (с. 88–93), входящих в состав исключительно (с точки зрения этого памятника) богатого комплекса. Любопытно отметить, что в русском тексте и в английском резюме атрибуция фрагментов разнится. Согласно последнему, 4 эпиграфных клейм стоят на фрагментах восточной сигиллаты В, а 9 анэпиграфных – на фрагментах понтийской сигиллаты. В русском тексте из четырех эпиграфных двустрочных клейм первое (Diodotas) и третье (Doron) относятся к восточной сигиллате В, тогда как второе (Nou... din?) принадлежит сосуду неизвестного центра производства (возможно, малоазийского), а для четвертого (Sokleida), оттиснутого на фрагменте сероглиняного сосуда, покрытого черным лаком, автор не рискует предлагать никакой атрибуции. Из анэпиграфных клейм (все in planta pedis) в русском тексте возможную атрибуцию получает первое (восточная сигиллата В), указывается, что второе и третье оттиснуты на сосудах, традиционно называемых «пергамскими» (что скорее всего означает восточную сигиллату А), в то время как о происхождении остальных не говорится ничего (кроме того, что клейма №№ 4–8 могут принадлежать продукции одного центра). Девятое клеймо сохранилось на фрагменте сероглиняной тарелки, покрытой черным лаком.

В двух статьях, написанных одна – совместно Д.В. Журавлевым и М.Г. Безруковым (с. 107–109), другая – М.Г. Безруковым (с. 120–126), представлены первые результаты программы инструментального исследования и химического анализа лаковых покрытий серии из 52 образцов чернолаковой и краснолаковой керамики. Чернолаковые покрытия достаточно

стандартизированы, в отличие от краснолаковых. Представляется, что при этом могло бы оказаться полезным более точное археологическое определение образцов: некоторые фрагменты обозначены, например, как понтийская сигиллата, арретинская, ESB, но для многих указано лишь: *tetta sigillata*. Тем не менее представляет интерес подразделение краснолаковых покрытий на три технологических типа: 1) красные лаки, генетически связанные с черными, подобные черным лакам по структуре (с количеством стеклофазы свыше 50%), но отличающиеся красным цветом с бурыми и черными оттенками; 2) «классические» красные лаки различных оттенков, с количеством стеклофазы от 30 до 50%; 3) светло-красные ангобы пестрой микрорельефной структуры, с количеством стеклофазы менее 20%.

Наконец, в сборнике помещены две статьи, связанные скорее с проблемами иконографии, чем с собственно керамикой. Н.П. Сорокина (с. 94–97) рассматривает граффити на краснолаковом блюде из Кеп (изготовленном, видимо, на Боспоре и датированном II–I в. до н.э.) и находит в изображениях лошадей, всадника и собаки свидетельство присутствия негреческого элемента в составе населения города (возможно, подразделения тяжеловооруженной конницы). П.Д. Диатроптов исследует христианскую символику в штампованном декоре позднеримской краснолаковой керамики Боспора и Херсонеса (с. 98–106). Речь идет главным образом о сосудах типа *Late Roman C* (фокейская сигиллата), а также о нескольких экземплярах африканской сигиллаты. Во вступлении говорится, что большая часть штампов попадает на мисках формы *Naues 3*, а меньшая – на *Naues 10*, но в каждом отдельном случае соответствующие указания не приводятся. Для 30 крестов на фокейской сигиллате П.Д. Диатроптов предлагает новую типологию из 12 типов, многие из которых Дж. Хейсом не отмечены. И в то же время он ограничивается описанием изображенных на той же керамике животных, из которых Хейсу неизвестны (как мотивы для штампов) орел, лев и агнец.

Как нередко бывает со сборниками работ нескольких авторов, качество статей разнится. Редактор мог бы позаботиться о большем единообразии: например, не все рисунки хорошего качества и воспроизведены в читаемом масштабе. Тем не менее работа в целом показывает ту кипучую деятельность, которая царит в настоящее время во многих разделах археологии Северного Причерноморья – от более точного определения найденного материала до исследования морской торговли и взаимодействия местного населения со средиземноморской традицией. Остается поздравить исследователей и пожелать им продолжения этой счастливой поры. Ясно, что данный сборник трудов обращен в первую очередь к российскому и украинскому читателю – это видно и по тому, что решили публиковать его на русском языке, и по содержанию некоторых статей, и по таким деталям, как отсутствие географической карты для локализации археологических памятников, известных на Западе не так хорошо, как в родной стране. Не посоветовать ли (может быть, самому редактору данного тома) подготовить работу обобщающего характера, с тем чтобы познакомить зарубежную публику со столь богатой областью исследований?*

Арчер Мартин

© 2002 г.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АЛАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ**

(По поводу книги: Т.А. Габеев. Ранняя история алан по данным письменных источников. Владикавказ: Иростон, 1999. 148 с.)

Перед нами книга археолога, который немало (и, полагаю, с пользой для общего дела) потрудились на ниве аланской археологии, а в последние годы переключился на темы аланской истории, сменив вещественные источники на письменные. Расширение тематики исследований само по себе никогда не бывает излишним. Но выбирая новый предмет занятий, обычно знакомятся с его спецификой, чего в данном случае не произошло. Нынешняя монография, как и ряд предыдущих статей того же автора, свидетельствует о его непонимании задач и сути исторического исследования.

* Перевод Н.А. Селунской при участии Е.В. Ляпустиной.

** Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 01-01-41001а/Ю.

«Ранняя история алан по данным письменных источников». Уже своим названием рецензируемая книга вводит читателя в заблуждение. «Источниковой базой для написания данной работы, – утверждает Т.А. Габуев, – послужили труды античных (греко-римских), армянских, грузинских и китайских авторов» (с. 5). На деле в качестве источников используются не труды древних авторов, а их отрывочные русские переводы. Игнорирование этой принципиальной разницы обрекло на конечную неудачу всю последующую работу.

Что считать источниками наших знаний о прошлом? Беру наугад определение из стародавнего школьного учебника: «Остатки прошлого, которые служат для его изучения, называются историческими источниками»¹. «Остатки прошлого» – современный (или недавний) перевод не может по определению считаться историческим источником для изучения аланского прошлого двухтысячелетней давности. Таковым является *оригинал* перевода, с ним-то и должен работать историк.

Почему так важно провести грань между оригиналом (реальным первоисточником) и его переводом? Все разнообразные свидетельства прошлого, относимые к категории потенциальных исторических источников, имеют свой способ кодировки информации. Код письменных свидетельств – язык, а точнее текст, записанный на определенном языке. Закодированную в нем историческую информацию нужно еще извлечь из текста путем анализа («допроса», «пытки») под тем углом зрения, который задан конкретной проблемой. Только после этой процедуры текст становится историческим источником. «Допрашивать» перевод (тем более перевод изъятый из контекста фрагмента) бесполезно, поскольку переводчик уже закончил свою работу, следуя собственным целям и задачам, отличным от тех, что ставит историк. Перевод омертвляет источник, делает его статичным, неприспособленным к диалогу с читателем, нацеленным на изучение скрытой в тексте действительности. Сам процесс перевода есть не что иное, как перемена кода информации с одной (древней) языковой системы на другую (современную). Перевод тем самым приближает прошлое к нам за счет потери той части информации, которая принципиально непереводаема, и неизбежной модернизации оставшейся. Задача же историка на уровне исследования прямо противоположная: ему нужно самому приблизиться к миру прошлого, «погрузиться», «вжиться» в него. И делать это надо без всяких посредников: самостоятельные исследования возможны только на основе оригинальных источников, хранящих свидетельства далеких веков. Интерпретация (а каждый перевод – интерпретация) этих свидетельств несет на себе печать уже другого времени – того, в котором живет и творит переводчик или историк; для изучения их трактовок проводят специальное историографическое исследование, необходимое хотя бы для того, чтобы не открывать заново америк.

Словом, проблема источников – это еще и проблема метода, «пути познания». Особенность творческого метода Т.А. Габуева заключается в том, что, минуя два предварительных и обязательных этапа исследования – источниковедческий и историографический, он сразу переходит к изложению собственной точки зрения. Что из этого вышло?

Книга состоит из введения, шести глав: «Античные авторы I–III вв. об аланах», «Походы алан в Закавказье», «Центральное Предкавказье и аланы» – единственная глава, написанная на основе археологического материала, «Клавдий Птолемей и Аммиан Марцеллин об аланах», «Древние китайские источники об аланах», «Этническое содержание термина “аланы”», заключения, приложения (список использованных китайских источников), библиографии, списка сокращений, карт и схем (5 рисунков). Работа охватывает период с I по IV в., от первого упоминания аланов у Сенеки и Лукана до начала гуннского нашествия. Главный вопрос, поставленный автором, – «поиск прародины алан», ответом на него является изложенная в книге «собственная» (с. 4) среднеазиатская «гипотеза происхождения алан» (я все-таки настаиваю на том, что «собственные» гипотезы строятся на оригинальных материалах, не на переводах). Дополнительная цель – «осветить в популярной форме весь период раннеаланской истории на основе данных письменных источников» (с. 5).

Письменные источники, использованные в книге, составляют три группы: 1) античные (греко-римские), 2) закавказские (армянские, грузинские) и 3) китайские. Только в отношении китайских источников автор, не владеющий древними языками, испытывал «некоторые трудности» (с. 6), преодоленные (как он считает – успешно) с помощью специалистов – Д.В. Деопика, В.Л. Сычева, А.В. Никитина, М.Ю. Ульянова. Что касается источников (переводных) на других языках, то здесь автор чувствует себя настолько уверенно, что решил

¹ Ковалев С.И. История древнего мира. Учебник для 5–6 классов средней школы. М., 1954. С. 4.

обойтись без всяких консультаций. Методика работы нигде специально не разъясняется, но лично мне очень напоминает метод Л.Н. Гумилева, который считал, что «отслоив факты от источника (курсив мой. – С.П.), этнолог может уловить связи событий, их внутреннюю логику и добиться результатов, интересных и ему самому и читателю»². То же в работе специалиста по этнической истории Т.А. Габуева: источники – отдельно, факты – отдельно, результат – «интересный ему и читателям», о научности речи не идет. Поскольку факты у Т.А. Габуева полностью «отслоены» от хранящих аромат времени источников, все они лишены индивидуальности, а следовательно, – сопротивляемости волюнтаризму автора, который вкладывает в покорную форму то содержание, какое ему нужно. И достоверное сообщение о нападении аланов на Каппадокию в наместничество Флавия Арриана, и по недоразумению (из-за неудачной конъектуры) попавшие в русский перевод «Древностей» Иосифа Флавия «скифы», и фольклорного происхождения история об Арташесе и Сатиник, и поздняя христианская легенда о Сукиасянцах – все эти разнородные свидетельства трактуются им как исторические факты одинаковой ценности, подобные кирпичам, сделанным из одинаковой глины, обожженным в одной печи именно для того здания, которое задумал архитектор.

В отличие от Т.А. Габуева, рассматривающего все источники по аланам как равноправные, я полагаю, что их следует дифференцировать по степени аутентичности и достоверности. Наиболее надежными и богатыми информацией являются синхронные изучаемому периоду античные (греческие и латинские) источники, из которых мы узнаем об основных фактах истории аланов, их социальном строе и культуре. Наука о древних аланах, поэтому, с учетом сегодневного ее состояния, должна быть антиковедческой дисциплиной *par excellence*. Армянские (не ранее V в.) и грузинские (еще более поздние) свидетельства об аланах I–IV вв. вторичны, поскольку основаны либо на той же античной традиции, либо на фольклорном материале. На этот счет есть авторитетные мнения специалистов. Относительно наиболее крупного в древнеармянской историографии труда Моисея Хоренского академик М. Абемян высказывался так: «Всю историю Армении, вплоть до конца IV века, следует писать сызнова. Все, что касается политических событий, должно быть написано на основе внешних источников, а "История" Хоренаци при этом может быть использована как второстепенный, третьестепенный источник»³. Аналогичную оценку грузинским летописям «Обращение Грузии», «История царей» Леонтия Мровели, «Жизнеописание Вахтанга Горгасала» Джуншера дает Н.Ю. Ломоур: «Именно принимая во внимание позднее время их создания, разнородность используемых ими источников, среди которых несомненно значительное место занимали явно легендарные сведения и устные предания, наше плохое знакомство со степенью достоверности этих источников, мы считаем, что опираться целиком и полностью на сведения этих летописей без контрольного материала будет методологически неверным»⁴. Контрольный материал, естественно, поставляют античные письменные источники.

Не в меньшей степени нужна осторожность при корреляции античных и китайских известий. Практически нет ни одной общей черты, на основании которой мы могли бы переносить характеристики племен и государств Западного края в китайских хрониках («Хоуханьшу» и др.) на аланов античных авторов; даже термин «Аланья» относится не к народу, а к области, явно не охватывающей всей территории обитания аланов. Образ любого народа в иноязычных текстах – это образ «чужого», преломленный сквозь культуру создателей письменной традиции на конкретном языке. «Разные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его»⁵. Т.А. Габуев, оговаривая «предположительность» процедуры, приводит таблицу соответствий (предложенных до него), которые использует в дальнейшем для «исторических реконструкций... гипотетического характера»: юечжи-тохары, усунь-асиасианы, сэ-саки-сакаравлы (с. 83). Если имеются в виду фонетические совпадения, это куда ни шло. Но какие у нас основания считать, что у китайцев и римлян существовали одинаковые или хотя бы схожие критерии выделения того или иного этноса, государства? До тех пор, пока не будет выработана особая, обусловленная спецификой объекта методика сопоставления сведений из источников разного культурного круга (а это большая проблема), лучше избегать неоправданных аналогий, способных завести неизвестно куда. Возможно ли, имея латинские и греческие документы, изучать государственный строй Римской империи по сообщениям

² Гумилев Л.Н. История народа хунну. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 283.

³ Абемян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 157.

⁴ Ломоури Н.Ю. К вопросу о методике использования некоторых античных и грузинских источников по истории Грузии // Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985. С. 56–57.

⁵ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 9.

о стране Дацинь, в столице которой «10 дворцов, в 10 ли один от другого», «цари возводятся на престол по избранию», а «высший совет состоит из 36 военачальников»⁶.

С учетом сказанного основное внимание хочется уделить работе автора с античными, главными для нас источниками. Первые упоминания об аланах содержатся в произведениях латинских поэтов I в. н.э. Т.А. Габуев приводит соответствующие тексты Сенеки (Фиест. 627–631), Лукана (Фарсалия. 8.215–225; 10.450–455), Валерия Флакка (Аргонавтика. 6.40–50, 609–656) в старых переводах СС В.В. Латышева, полностью игнорируя обильную зарубежную (да и отечественную) литературу по теме⁷. Так называемый «анализ» сводится к нескольким банальным замечаниям, сделанным настолько небрежно, что начинаешь сомневаться, а знает ли автор хотя бы сюжет разбираемых им произведений. Цитата Сенеки об «Истре, представляющем пути к бегству диких аланов» снабжена комментарием: «Из контекста вышеприведенного отрывка можно заключить, что аланы в своих набегах не только доходили до Истра-Дуная, но и переправлялись через него, беспокоя римские провинции на Балканах» (с. 7). Но «контекст отрывка» не исторический, а легендарный: о «диких аланах» говорит вестник во дворце микенского царя Атрея. Какие римские провинции? То же смешение эпох мы наблюдаем при разборе свидетельств Валерия Флакка об Анавсии, вожде прикавказских «аланов и генихов» (Argon. 6. 42). Т.А. Габуев, выступая против локализации аланов на Кавказе в середине I в. н.э., почему-то считает, что Флакк пишет о своем времени, только «в свободной, свойственной... поэту манере» (с. 10). Вовсе нет. Валерий Флакк помещает Анавсию, жениха колхидянки Медеи, во времена аргонавтов. Читай автор подлинник, он смог бы узнать, что Анавсий погиб в поединке с другим женихом Медеи, албанцем Стиром (Argon. 6.265–278, отрывок не переведен в СС). Воскрешать погибшего, переносить в римскую эпоху и рассуждать о том, мог ли он владеть территорией Страбоновых ахейцев и генихов, нет никакой необходимости. По той же причине, т.е. из-за незнания оригинала, Т.А. Габуев пропускает важный для его темы отрывок, где, как кажется, упомянуты аланы в качестве обитателей прибрежной полосы в устье Дуная (Argon. 8.219)⁸.

О других нарративных источниках. Historia Augusta без всякого объяснения датируется концом III – началом IV в., как будто и не было исследования Г. Дессау (1889 г.)⁹ о передатировке памятника концом IV в. и его вывода о едином авторстве (для Т.А. Габуева каждая биография имеет своего автора). Среди наиболее весомых аргументов за позднюю датировку НА – детали биографии императора Максимиана Фракийца, алана по матери (Maxim. 1.5). Проблема подробнейшим образом исследована в литературе¹⁰, совершенно неизвестной автору, заявляющему о необходимости «рассмотрения широкого исторического фона, благодаря изучению которого можно сравнить все известные на настоящий момент исторические свидетельства» (с. 5). Не известны Т.А. Габуеву и новые критические издания НА, что приводит к показательным фактическим ошибкам. Например, в книге (с. 21) со ссылкой на биографию «Марка Антонина Философа» (22), перечисляются племена, поднявшие в 167 г. оружие против Рима: «маркоманы, варисты, гермундуры и квады, свебы, сарматы, лакринги и буры, вандалы с виктуалами, осы, бессы, кочеты, роксоланы, бастерны, аланы, певкины и костобоки». А в латинском тексте мы читаем: Marcomanni, Varistae, Hermunduri et Quadi, Suevi, Sarmat(a)e,

⁶ «Хоуханьшу», гл. 118, цит. по кн.: Хенниг Р. Неведомые земли. Т. I. М., 1961. С. 434.

⁷ Из трех поэтов для темы аланов особенно важен Валерий Флакк, в VI книге «Аргонавтики» которого дается интересное описание скифо-сарматского мира, еще ждущее своего исследователя. В библиографии к новейшему изданию Флакка (*Valerius Flaccus. Argonautiques*. Т. I. Ch. I–IV. Texte établi et traduit par G. Liberman. P., 1997. P. CI–CXVIII) указаны 45 публикаций текста и 130 важнейших работ, причем замечу, что этот список далеко не полный. Ни одна работа неизвестна Т.А. Габуеву.

⁸ C. *Valerii Flacci Suetonii Balbi Argonauticon libri octo cum notis Petri Barmanni*. I. Altenburgi, 1781. Lib. VIII. 219: per saenos Hister descendit Alanos, с комментариями. Последующие издатели предпочитали вариант *alumnos*, но вопрос нельзя считать окончательно решенным.

⁹ Dessau H. Über die Zeit und Persönlichkeit der Scriptores Historiae Augustae // Hermes. 1889. 24. S. 337–392; *idem*. Über die Scriptorum Historiae Augustae // Hermes. 1892. 27. S. 561–605. См. оценку автора послесловия к русскому переводу: «Большинство ученых примкнули к поздней датировке, предложенной Дессау; меньшинство держится традиционной ранней датировки; отдельные ученые предполагают серединную дату, 360-е годы» (Гаспаров М.Л. Послесловие // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992. С. 328).

¹⁰ См., например: Lippold A. Kommentar zur Vita Maximini Duo der Historia Augusta. Bonn, 1991. Книга вышла в многотомной серии: Bonner Historia-Augusta-Colloquium (Bonn, 1964–1991), продолжение: Historiae Augustae Colloquium, nova series (Macerata – Bari, 1991 –).

Lacringes et Burei hi aliiqum cum Virtualis, Sosibes, Sicobotes, Basternae, Halani, Peucini, Costoboci¹¹, т.е. нет вандалов, осов, бессов, коботов, роксоланов, зато есть «как эти, так и другие (племена)», а также созибы и сикоботы. Столь же приблизительны знания автора о «Географии» Клавдия Птолемея. Т.А. Габуев не принимает в расчет того, что «алано-скифы» (Geogr. 3. 5. 10; 6. 14. 9) и «Аланские горы» (Geogr. 3. 5. 5; 6. 14. 3) – результат конъектуры, хотя и приемлемой, но все-таки не до такой степени безусловной, чтобы избежать дискуссионного вопроса о рукописном чтении с корнем «алавн-» (Αλαῖνο Σκύθαι, Ἀλαῖνον ὄρος). Кстати, «аланская» конъектура основана на сообщении Маркиана Гераклеяского (Per. 2.39) об «алано-сарматах», которому Т.А. Габуев как раз отказывает в доверии (с. 125). Автор приписывает текст (известный ему только по SC) «О разрушении города Иерусалима в пяти книгах» Амвросию Медиоланскому (IV в.) и делает из этого выводы относительно оригинальности содержащейся там информации (с. 32). Очередной курьез: в перечне книг прославленного отца церкви такой работы не значится¹², и говорить следует о латинском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия, автора которого принято называть Егесиппом¹³.

Таковы познания автора в области нарративных источников. Что с эпиграфическими? Т.А. Габуев кратко информирует о трех надписях, делая во всех стандартные ошибки. 1. Главного аланского переводчика Герака (Ирака), сына Понтика (КБН. № 1053), именует (на основании старого перевода В. Шкорпила) Гераком «Понтийским» (с. 19), превращая патронимик в прозвище. 2. Конь Адриана из стихотворной эпитафии (CIL. XII. 1122, автор цитирует текст в двойном переводе с английского книги Б. Бахраха) назван «Борисфен Аланский» (там же), а в оригинале – Borysthenes Alanus, т.е. «Борисфен Алан» (сравните: *савроматский* царь и царь *Савромат*, чтобы почувствовать разницу). 3. Надпись Картира на Каабе Зороастра, где упоминаются «Аланские ворота» (с. 65), приводится по книге В.Г. Лукониной¹⁴. Если бы Т.А. Габуев обратился к другим публикациям В.А. Лукониной, то на месте «Аланского» обнаружил бы «Албанский проход»¹⁵. Тогда он мог бы выйти на трудную проблему правильного чтения плохо сохранившегося текста, при восстановлении которого ученые прибегают к другим версиям надписи Картира (наиболее пространная – в комплексе Сар-и Мешхед). При решении такой проблемы никак не обойтись без ознакомления с оригиналом на среднеперсидском языке, но для Т.А. Габуева существуют одни переводы.

Три надписи, пусть из вторых рук и плохо понятые, все же известны автору. За пределами его исследования остались: 1) карьерная надпись Марка Гиррия Фронтоня Нерация Пансы (AE. 1968. 145), в которой, предположительно, содержится указание на экспедицию против аланов в 75/76 г.¹⁶; 2) работа Ф. Каррата Томеса, в которой предлагается конъектура (сама по себе небесспорная) с именем аланов в надписи времени Антонина Пия (CIL. VI. 1208): Germanos Maurosqe domas sub Marte et Alanos¹⁷; 3) надпись римского солдата из I легиона Минервы (CIL. XIII. 8213=ILS. 4795), бывшего «у реки Алуты при горе Кавказ» – ad Alutum flumen secus

¹¹ Scriptores Historiae Augustae / Ed. E. Hohl. Lipsiae, 1965. V. I. Adiec. Ch. Samberger et W. Seyfarth (IV. M. Ant. Phil. 22.1).

¹² См. хотя бы русское издание: *Амвросий Медиоланский*. Две книги о покаянии и другие творения / Пер. прот. Иоанна Харламова. М., 1997. Библиография. I. Сочинения св. Амвросия в алфавитном порядке (с. 37–38).

¹³ Латинский перевод «De Bello Judaico» был ошибочно включен в базельское (1527) собрание сочинений Амвросия, впервые исключен из издания бенедиктинцев (Paris, 1686–1690). См. Vogel F. De Hegesippo, qui dicitur, Iosephi interprete. Erlangae, 1881. P. 1–2.

¹⁴ Луконин В.Г. Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979. С. 19.

¹⁵ Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969. С. 87 (см. также «Указатель», где четырежды указаны «Албанские ворота» и ни разу – «Аланские»); он же. Древний и средневековый Иран. Очерки истории культуры. М., 1987. С. 220.

¹⁶ Torelli M. The Cursus Honorum of M. Hirrius Fronto Neratius Pansa // JRS. 1968. 58. P. 173: [– – – exercit]us qui in Armenia Maiorem missus est – – –] или qui in Alanos missus est – – –] etc. За аланскую версию: Dabrowa E. Le limes anatolien et la frontière caucasienne au temps des Flaviens // Klio. 1980. 62/2. P. 387; Halfmann H. Die Alanen und die römische Ostpolitik unter Vespasian // Epigraphica Anatolica. 1986. 8. S. 39–51. Против: Bosworth A.B. Vespasian's Reorganization of the North-East Frontier // Antichthon. 1970. 10. P. 75. Not. 83; Neil M. M. Hirrius Fronto Neratius Pansa, legatus exercitus Africae // Chiron. 1989. 19. S. 166–184; Wheeler E.L. A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // The Annual of the Society for the Study of Caucasia. 1994–1996. 6–7. P. 75. Not. 51.

¹⁷ Carrata Thomes F. Gli Alani nella politica orientale di Antonino Pio // Università di Torino. Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia. V. X. Fasc. 2. 1958. P. 37–38; Против конъектуры: Wheeler. Op. cit. P. 76. Not. 61.

Monte[m] Caucasi, где Алута, по мнению ряда ученых, не что иное, как Алонта (возможно, Алан-дон=«Аланская река») Птолемея (Geogr. 5. 8. 6; 9. 12), современный Терек¹⁸; 4) греческая надпись III в. из Жинвали, содержащая имя «Бакур алан» (Βακούρ 'Αλάνα)¹⁹; 5) трехязычная (на парфянском, среднеперсидском и греческом) надпись Шапура I на той же Каабе Зороастра из Накш-и Рустама, интересная для алановеда не только упоминанием «Аланских (либо Албанских) ворот» (параллель к надписи Картира), но и страны «Махелонии» (страна маскутов-массагетов?)²⁰; 6) недавно (1985 г.) открытая и еще неопубликованная надпись из Керчи времени Савромата I (93–123 гг.) с самым ранним упоминанием аланского имени²¹. Я говорю только о надписях, уже введенных так или иначе в научный оборот. Они должны быть известны специалисту, работающему в Москве; целенаправленное изучение всего корпуса греческих и латинских надписей (вот где простор для нового поколения алановедов!) несомненно значительно увеличит их число.

Теперь о том, как авторский подход к источникам отражается на освещении конкретных событий аланской истории. Для примера возьмем походы в Закавказье 35, 72 и 135 гг. (с. 29–46). Участие аланов в первом из них Т.А. Габуев ставит под сомнение, поскольку в использованном им переводе «Иудейских древностей» Иосифа Флавия (18.97) нападавшие названы туманно «скифами». Но в оригинале-то – «аланы» ('Αλανοί)²²!

Поход 72 года рассматривается в контексте затяжного территориального конфликта Иберии (Восточная Грузия) и Армении. Иберы нанимают на службу донских аланов, к ним присоединяются прикавказские «овсы», продолжающие борьбу и после возвращения аланов домой. Комбинируя сведения армянских и грузинских летописей при помощи формулы «если... то», автор создает собственную, вполне виртуальную версию событий, ценность которой сводит к нулю своей же репликой: «все могло быть, наверное, по-другому» (с. 37). Полагаю, что «по-другому». Наш главный источник, Иосиф Флавий (Bell. Jud. 7.244–251) сообщает, что аланы напали на Мидию и Армению поговору с царем Гиркании, страны, лежащей к югу от Каспийского моря. В царя Гиркании Габуев «склонен видеть, вслед за большинством исследователей, царя Иберии-Грузии» (с. 34). Такая точка зрения действительно существует, но есть и другая, о том, что Гиркания – и есть Гиркания²³. Почему бы не проверить эту гипотезу? Аланы, по Иосифу, застали Мидию врасплох, воспользовавшись предоставленным гирканцами проходом через «железные ворота» Александра Македонского. Это явно не Дарьял (как думает Т.А. Габуев), а Каспийские ворота близ Раг в Северном Иране, через которые проходил Александр (Agt. Anab. 3. 20. 4) и которые непосредственно граничили с Мидией (Strabo. II. 12. 4. P. 522). Маршрут набега – вначале Мидия, потом Армении – ясно говорит о том, что аланы двигались с востока, не с севера; донская локализация (возможно, не связанная с эпизодом) аланов вовсе не препятствует такой трактовке. Таким образом, искатели добычи аланы были вовлечены не в иберо-армянский, а в гиркано-парфянский конфликт, продолжавшийся с 58 г. н.э., когда Гиркания, восстав, освободилась из-под власти Парфии (Tas. Ann. 13. 37; 14. 25; 15. 1, 2). Вообще, в том, что касается парфянских дел, Иосиф – гораздо более авторитетный источник, чем доверчиво цитируемые Т.А. Габуевым армянские и грузинские хроники. В последних имеются значительные расхождения с рассказом Иосифа: не упоминается Мидия, успех сопутствует не аланам, а армянам, кроме того «по армянской версии все кончается миром, по грузинской – нашествием армян, разорением Грузии и продолжением войны» (с. 35). Тем не менее автор почему-то считает, что речь идет об одном и том же событии – походе 72 г.

¹⁸ Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century After Christ. Princeton, 1950. V. II. Notes. P. 1530; Chaumont M.-L. L'Arménie entre Rome et l'Iran // ANRW. II. 9. 1. P. 149. Not. 438; Braund D. Hadrian and Pharasmanes // Klio. 1991. 73. Ht 1. P. 218; idem. Georgia in Antiquity. Oxf., 1994. P. 234–235; Vinogradov Yu.G. The Goddess Ge Meter Olybris. A New Epigraphic Evidence from Armenia // East and West. 1992. 42. № 1. P. 19. Сомнение: Wheeler. Op. cit. 70–71.

¹⁹ Рамшвили Р.М., Джорбенадзе В.А. Археологические исследования в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976. С. 38; Braund. Georgia... P. 247. Pl. 20; Wheeler. Op. cit. P. 59.

²⁰ См. Еремян С.Т. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт // ВДИ. 1964. № 4. С. 47–59.

²¹ Vinogradov Yu.G. Greek Epigraphy on the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985–1990) // ACSS. 1994. V. 1. № 1. P. 73; Сапрыкин С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1. С. 202.

²² Перевалов С.М. О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г.: три довода в пользу аланов // ВДИ. 2000. № 1. С. 203–210.

²³ Bosworth A.B. Arrian and the Alani // HSCP. 1977. 81. P. 223; Halfmann. Op. cit. S. 42–44; Wheeler. Op. cit. P. 64–65.

Поход 135 г., основной источник – Кассий Дион (69. 15. 1). Поскольку Т.А. Габуев пользуется устаревшим переводом (ВДИ. 1948. № 2. С. 276–277), сделанным еще с издания 1865 г. (L. Dindorf), аланы у него нападают последовательно на Мидию, Армению, Каппадокию. Из списка захваченных нашествием стран исключена названная у Диона первой Албания (см. критическое издание У. Буассевэна)²⁴: поэтому причина набега – иберо-албанский конфликт – остается непроясненной. Упомянув еще две работы Арриана (наместника Каппадокии, отбившего аланское нападение) – «Диспозицию против алан» и «Тактику»²⁵, автор заключает: «Вот вроде бы и весь круг источников, который привлекают современные историки» (с. 38). Нет, не весь. Историки привлекают и сообщение Фемистия (Ог. 34. 8) о походе Арриана через Армению до Каспийских ворот (здесь, несомненно, Дарьял), и свидетельство Иоанна Лиды (De mag. 3. 53 = Arr. Parth., fr. 6) о пребывании Арриана у тех же Каспийских ворот²⁶, и известие сирийской «Арбельской хроники» Мешихазехи о нападении на Парфию каких-то северных варваров²⁷. Источники, хотя их не так много, есть, с ними можно и нужно работать. Вместо этого Т.А. Габуев начинает вновь доверительно пересказывать армянские легенды о первых христианских мучениках из аланов, где фигурируют Арташес, Сатиник, их сын Артавазд, другие герои того самого эпического цикла, о котором Ж. Дюмезиль писал: «Во всем этом нет ни грана истории, как таковой»²⁸. Не согласны с такой оценкой? Ну так вначале докажите ее неправоту, а затем уже выдвигайте собственную версию! К сожалению, доказательства – слабое место рецензируемой книги.

Ввиду беспомощности источниковой базы, этого фундамента любого исследования, трудно всерьез воспринимать концепцию аланского этногенеза, предложенную в книге. У меня два замечания по проблеме в целом. *Первое*. Идея восточного – от племен сако-массагетского круга – происхождения аланов не столь нова, как представляется автору, который возводит ее к работам Л.Г. Нечасовой 1950–60-х годов. Еще в XIX в. об этом писали с опорой на китайские источники Ф. Хирт, А. Гутшмид²⁹ и др. Поскольку историографический анализ в книге отсутствует, ее «новизна», мягко говоря, преувеличена. Что касается реконструкции предыстории алан на их центральноазиатской прародине, то сам Т.А. Габуев оценивает ее «не более чем гипотезу», основанную «на минимальном количестве фактов его (?) подтверждающих» (с. 98), другими словами (с учетом того, что понимает автор под историческими фактами) – на песке.

Второе. Признание восточных корней европейских (в нашем смысле слова) аланов не обязательно отрицает их принадлежность к сарматскому миру, на чем, хотя не всегда последовательно (см. оговорки на с. 121–122, 131), настаивает Т.А. Габуев. В конце концов каждый народ гетерогенен и вбирает в себя на том или ином этапе становления инородные элементы, которые также заслуживают рассмотрения в качестве необходимых составляющих нового этноса. Один из аргументов «от источника» против сарматской концепции Т.А. Габуеву видится в том, что «ни один автор античного времени не характеризует алан как народ сарматский» (с. 124) и «на страницах античных исторических произведений аланы соседствуют со всеми интересующими нас сарматскими племенами» (с. 121). Цена аргументу будет ясна из следующего (не единичного) примера. В «Historia Augusta» (Aurel. 33. 4) среди побежденных врагов империи перечислены «готы, аланы, роксоланы, сарматы, франки, свевы, вандалы, германцы». Как видим, не только аланы соседствуют с роксоланами и сарматами, но и готы, франки, свевы, вандалы – с германцами, однако отрицать на этом основании принадлежность готов к германским племенам вряд ли кто возьмется. Дело, понятно же, в том, что древние термины не совпадают с современными, выявить различия в их содержании (в том числе

²⁴ Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanorum Quae Supersunt / Ed. U.P. Boissevain. V. III. B., 1955. P. 235.

²⁵ С дежурной ошибкой относительно «дротиков» (вместо контосов, т.е. пик), якобы используемых в атаке «на аланский и савроматский манер» (Arr. Tact. 4.7). См. *Перевалов С.М.* Как создаются мифы (К ситуации в отечественном алановедении) // ИАА. 1998. Вып. 4. С. 97–98.

²⁶ Bosworth. Arrian and the Alani. P. 229–230; *idem*. Arrian at the Caspian Gate: A Study in Methodology // CQ. 1983. 33. № 1. P. 265–276; Braund. Hadrian... P. 218; Wheeler. Op. cit. P. 69.

²⁷ Sachau E. Die Chronik von Arbela // Abhandlungen der königl. Preussischen Akad. der Wiss. Jg 1915. Philos.-hist. Kl. № 6. B., 1915. S. 34, 47–48; Rostovtzeff M.I. The Sarmatae and Parthians // САН. XI. 1936. P. 120; Debevoise N.C. A Political History of Parthia. Chicago, 1938. P. 243; *Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М. – Л., 1956. С. 83, 85; Altheim F. Geschichte der Hunnen. Bd I. B., 1959. S. 12.

²⁸ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 52.

²⁹ Hirth F. China and the Roman Orient. Lpz, 1885. P. 139. Not. I; Gutschmid A. von. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zu Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888. S. 69–70.

у разных древних авторов) – первоочередная задача исследователя. Но задачу эту по известным причинам Т.А. Габуев выполнить не в состоянии, а потому неминуемо впадает в чистой воды модернизм, приписывая древним кочевникам стиль мышления, присущий некоторым нашим современникам. Соответственно появление нового этнонима *alapa* (производное от *ayapa* – «ариец») автор объясняет возникновением у кангюйцев (в его версии – предки аланов) особой «национальной идеи», «идеи общего арийского происхождения» (с. 129). В качестве аргумента предлагается абстрактный тезис, годный для всех времен и народов. «Как часто случалось в истории, люди в трудную минуту апеллируют к героическому прошлому своих предков» (там же). Вопрос: а могла ли в принципе подобная идея появиться две тысячи лет назад у кочевого народа, Т.А. Габуевым даже не ставится³⁰. Кстати, ссылка на В.И. Аббаева в вопросе о происхождении этнонима «алан» (*ayapa* > *alapa*), похоже, работает против «среднеазиатской» концепции: ведь по данным В.И. Аббаева переход *r* > *l* как раз не характерен для языков Восточного Туркестана и Средней Азии, и произошел у причерноморских скифов в результате контактов с их европейскими соседями³¹.

Итак, научного значения книга не имеет. Дело не в конкретных ошибках как таковых, дело в природе этих ошибок. Ошибаемся мы все, таково уж свойство человеческой природы. Нас поправят другие, если не наши современники, так будущие историки: «работа над ошибками» всегда была резервом поступательного развития науки. Но при этом совершенно необходимо держаться проверенного веками метода, который не дает нам окончательно сбиться с пути. «Научные исследования ведутся в соответствии с определенными правилами... Совокупность этих правил именуется "научным методом"... процедура, осуществляемая в соответствии с правилами, считается научной; процедура, нарушающая эти правила, считается ненаучной»³². Т.А. Габуев научными правилами пренебрег, и поэтому его книга не может считаться историческим исследованием.

Коли так, зачем понадобилось писать рецензию для научного журнала? Вот здесь мы выходим на проблему несравненно более серьезную, нежели неудача одной книги. Т.А. Габуев как выразитель определенной тенденции в отечественной науке об аланах (для периода древности – и сарматов) далеко не одинок. Критические замечания, по необходимости доставшиеся ему, можно адресовать большинству его коллег. Три поколения ученых – археологи, историки, этнографы, лингвисты – создавали исторические труды, не прикасаясь к живой струе оригинальных письменных источников. Практически целая отрасль (и не одна в постсоветской историографии) существует, не признавая законов научного творчества. Две группы историков: одна – добывающая факты из источников (антиковеды, востоковеды, византилисты, медиевисты), другая – только их потребляющая (алановеды, основные кадры которых состоят из археологов с их культом вещественных памятников), говорят на разных языках и, естественно, не понимают друг друга. Правильнее сказать, алановеды не понимают (и обречены на непонимание из-за отсутствия соответствующей подготовки) трудов своих коллег, работающих с письменными источниками.

Глубинные истоки нынешнего положения дел коренятся в недавнем прошлом, в феномене советской историографии с ее приматом идеологии над фактологией. Ведь чему учили советских историков? Как вспоминает известный востоковед (специальность немаловажная и для аланских исследований) К.А. Антонова, «никто из нас – историков Индии – не получил восточноведческого образования, не обучался ни одному восточному языку... Мы не должны были найти какой-то новый источник и кропотливо изучить его, наша задача состояла в том, чтобы по-новому интерпретировать уже известные исторические тексты и с помощью марксизма

³⁰ Пример из недавней истории Осетии. Аланская («алано-арийская») идея не занимала сколько-нибудь существенного места в традиционном осетинском сознании сто- или двухсотлетней давности. Ныне же она превратилась в весьма действенный фактор самоидентификации осетин, причем определяющее влияние оказала местная научная литература по аланской проблеме. В 1994 г. Северо-Осетинский парламент внес добавление в название республики, и теперь она – Республика Северная Осетия-Алания. Книжный рынок Осетии наводняется книгами с мистической трактовкой роли осетин в истории, названия которых говорят сами за себя: *Чочиев А.Р.* Нарты-арии и арийская идеология. М., 1996; *он же.* Нарты-арии и арийская идеология. М., 2000; *Козаев П.* Аланы-арии. Происхождение и древнейший период истории. Владикавказ, 1998, и др. В такой атмосфере действительно возможна «апелляция к героическому прошлому своих арийских предков». Предполагать нечто подобное у протоалан рубежа нашей эры, согласимся, рискованно.

³¹ *Аббаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада // Избранные труды. Т. II. Владикавказ, 1995. С. 327–332; *Вайнберг Б.И.* Этнография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М., 1999. С. 265.

³² *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 57–58.

вскрыть глубинные корни исторических событий, выработать марксистскую теорию истории избранной нами страны. Поэтому мы были истинно советскими востоковедами»³³. В некоторых разделах истории традиция изучения древних текстов все же сохранилась, но алановедение к ним не относится. Ныне время от времени (хотя гораздо реже, чем надо бы), историки поднимают вопрос о преодолении негативных сторон советского наследия. Но каких (вечная боязнь, как бы не выплеснуть с водой и ребенка)? В чем? С исчезновением монопольно правящей партии ее идеология, привнесенная в науку извне, сравнительно быстро ушла (надеюсь!) из работ историков. Задачей дня становится борьба с источниковедческим нигилизмом, борьба профессиональными средствами за профессиональное выживание истории как науки. Критерии давно и хорошо известны. «Борьба с документами» (известное выражение М. Блока) отличает историка-профессионала от любителя»³⁴. Этой формулы достаточно, чтобы отличить научную работу от подделки. Тем не менее дилетантские сочинения продолжают регулярно появляться даже на страницах академических журналов. Подобное попустительством даром не проходит. Платой становится деградация науки, девальвация ее ценностей, дальнейшее падение престижа профессии историка.

И последнее. Наука сильна атмосферой диспута. Перед лицом взыскующей критики, которая только и может спасти историю от фальсификаций, все равны, в том числе автор этих строк. «Что принимают все, то требует проверки. Что отвергают все, то требует проверки». Так, кажется, говорил учитель Конфуций.

С.М. Перевалов

© 2002 г.

В.П. БУДАНОВА. *Варварский мир эпохи Великого переселения народов.* М.: Наука, 2000. 541 с.

Монография В.П. Будановой является первым на русском языке обобщающим трудом об эпохе Великого переселения народов, комплексным исследованием варварского мира рубежа античности и средневековья. Уже в этом заключается ценность данного труда, так как он помогает создать целостную картину непростого периода в истории Европы. Но помимо этого рецензируемая книга имеет целый ряд несомненных достоинств.

Автор формулирует и убедительно обосновывает новую концепцию Великого переселения народов, выделяя его в качестве особой переходной исторической эпохи. В.П. Буданова видит начало этой эпохи в событиях II в. н.э., в отличие от традиционных представлений, относящих его ко времени появления гуннов в Северном Причерноморье (375–376 гг.). По мнению исследователя, «системное изучение Великого переселения народов позволяет определить его как особый период исторического развития, когда на значительном историческом пространстве (уже не античность, но еще не средневековье), ограниченном конкретными хронологическими рамками (II – VII вв.) и определенной территорией (Европа, Азия, Африка), взаимодействие варварства и цивилизации достигло своей наиболее интенсивной фазы. Результатом этого взаимодействия, как следствия взаимопроникновения и взаимоуничтожения римского и варварского миров, явилось зарождение нового типа цивилизации» (с. 7, курсив мой. – И.Е.).

Важным компонентом данной концепции является деление Великого переселения народов на три этапа (с. 7): «германский» (II – IV вв., который охватывает время от Маркоманнских войн до Адрианопольского сражения); «гуннский» (IV – V вв. – между Адрианопольским сражением и битвой на Каталаунских полях); «славянский» (VI – VII вв., связанный с передвижением в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе славянских племен). Это деление четко организует исторический материал и может оказать большую помощь особенно в преподавательской практике. Описанию этапов переселения посвящены первые три главы книги.

Центральную часть монографии составляет уникальное собрание этнонимов эпохи Великого переселения народов, в котором обобщены свидетельства более 300 греческих, римских и раннесредневековых авторов и анонимных источников I в. до н.э. – VIII в. н.э. (гл. V).

³³ Антонова К. Мы, востоковеды (Вместо эпилога) // Восток. 2000. № 4. С. 117.

³⁴ Савельева, Полетаев. Ук. соч. С. 59.

Анализ античной и средневековой этнической терминологии считается одним из наиболее трудных и сложных аспектов изучения этнической, политической и социокультурной истории. Довольно часто невозможно дать точную атрибуцию всех встречающихся в текстах разнообразных названий племен и народов, соотнести их между собой и сопоставить с археологическими данными. Облегчить решение подобных задач призваны разного рода справочники и лексиконы, обеспечивающие максимальную полноту указаний на употребление того или иного этнонима в источниках. Такие издания и за рубежом, и в отечественной науке, как правило, посвящены одному народу или группе племен.

Корпус этнонимов в монографии В.П. Будановой включает наименования скифских, алано-сарматских, синдо-меотских, германских, фракийских, кельтских, македонских, иллирийских, иберийских, финно-угорских, мидийских, итальянских, кавказских, лигурийских, армянских, рето-этрusco-ских, малоазийских, греческих, славянских, балтских, семито-хамитских, африканских, мифических племен, а также, помимо собственно этнонимов, филонимы, политонимы и полисонимы, классифицированные и сгруппированные согласно специально разработанной методике систематизации этнонимов. Они даются в русском варианте, латинских и греческих оригинальных формах с комментариями, содержащими этническую атрибуцию, основные исторические сведения о данном народе, хронологические и географические справки, указания на точное место в позднеантичных и раннесредневековых текстах, упоминающих данное название. Для тех, кто изучает различные проблемы истории эпохи Великого переселения народов, вся эта информация, собранная в одном месте, представляет неоценимое подспорье в работе.

По сравнению с первым изданием¹ количество наименований, вошедших в рецензируемую монографию, значительно увеличено, в организации статей словаря появилось новшество, которое существенно облегчает пользование ими: деление источников по хронологическим периодам.

Книга В.П. Будановой содержит приложение, состоящее из нескольких разделов, а также карты, которые дают возможность наглядно проследить передвижения варварских племен, и иллюстрации. В «Словаре античных и раннесредневековых авторов» удачно отобраны необходимые первичные сведения о 225 писателях и историках, правда, хотелось бы найти в нем не только известные имена, но и узнать, кто такие Agroetas, Uranius, Sulpitius Victor, Semus Delius и др. В «Библиографии» указаны все или почти все издания источников, что особенно важно для работы с раннесредневековыми текстами, которые иногда нелегко отыскать, и обширный список исследований на нескольких языках. «Указатель географических названий» желательно видеть более системным, по крайней мере снабженным системой отсылок от древних и средневековых названий к современным и наоборот. «Указатель этнических названий» при наличии великолепной главы по этнонимии представляется в какой-то степени излишним. В «Указатель имен», может быть, стоило ввести минимальные сведения об указанных персонажах.

Мелкие пожелания, высказанные по поводу служебных частей книги, ни в коей мере не умаляют значения рецензируемой монографии. Научная литература обогатилась серьезным и важным трудом по истории такого сложного и противоречивого периода как эпоха Великого переселения народов, дальнейшее исследование которого без учета материалов и выводов автора представляется невозможным.

И.Е. Ермолова

© 2002 г.

GNOLI. G. Zoroaster in History (Biennial Yarshater Lecture Series, № 2). Bibliotheca Persica Press. New York, 2000. Distributed by Eisenbrauns. Winona Lake, Indiana. XIV + 228 p.

Рецензируемая книга («Зороастр в истории») содержит публикацию лекций профессора Римского университета и иностранного члена РАН Герардо Ньюли, прочитанных в 1997 г. в Калифорнийском университете. Лекции эти читаются известными иранистами раз в два года в честь выдающегося ираниста Эхсана Яршатера.

Книга состоит из введения, четырех лекций, библиографии и указателей. В основном она посвящена разбору многочисленных работ древних и современных историков относительно

¹ Буданова В.П. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 1991.

времени жизни основателя дуалистической религии Зороастра. Обычно они относят его к середине II тыс. или VI в. до н.э., не говоря о совершенно фантастических датах или даже полном отрицании историчности этого лица.

В первой лекции автор мотивирует отказ от своего (высказанного в более ранних работах) мнения о том, что Зороастр жил в конце II или начале I тыс. до н.э., и выдвигает идею, что его деятельность следует относить ко времени между двумя последними десятилетиями VII в. и серединой VI в. до н.э. Среди античных авторов было распространено мнение, что Зороастр жил за 5000 лет до падения Трои или за 6000 лет до похода Ксеркса на Грецию в 480 г. до н.э. Авестийские же и мусульманские источники сохранили традицию, датирующую жизнь Зороастра VII или VI в. до н.э. Составители манихейских сочинений также принимали эту дату, как полагает Г. Ньоли – под влиянием иудейско-христианской традиции. В первой половине прошлого столетия многие ученые отождествляли упоминаемого в Авесте правителя Виштаспу, ставшего покровителем Зороастра, с носившим то же имя отцом персидского царя Дария I, жившим в VI в. до н.э. Однако в течение последующих десятилетий большинство ученых стали отодвигать деятельность Зороастра к середине или второй половине II тыс. до н.э., полагая, что традиционная дата не имеет никакой исторической ценности. Основанием для такого мнения в частности являлось то, что в Авесте не упоминаются ни Мидия, ни ахеменидская Персия и социальные и политические порядки авестийского общества (в той мере, в какой мы в состоянии реконструировать их) совершенно отличались от древнеперсидских.

Полемизируя с этим мнением (которое он сам раньше отстаивал), Ньоли отмечает, что Западный Иран (Мидия и Персия) оставался неизвестным также и Младшей Авесте (даже в тех ее частях, которые мы уверенно относим к ахеменидскому или послеахеменидскому времени) и поэтому различия между авестийскими и ахеменидскими реалиями невозможно объяснить большим хронологическим разрывом между авестийской общиной и древнеперсидским государством. По мнению Г. Ньоли, привлекавшие до сих пор археологические исследования, в том числе и недавние важные открытия В.И. Сараниди, не помогают решить проблему времени жизни и родины Зороастра (с. 37, прим. 34).

Во второй лекции дан анализ античных источников, которые относили Зороастра ко времени шеститысячелетней давности. По мнению автора книги, это предание было основано на ошибочном восприятии греками иранской доктрины, согласно которой мировая история должна была продолжаться в течение 12000 лет. Эта доктрина была принята зороастрийскими жрецами-магами и вообще всей зороастрийской традицией. Греки могли узнать об этом учении в частности через эллинизированного лидийца Ксанфа, деятельность которого относится к середине V в. до н.э. Как полагают некоторые исследователи, этот лидиец написал сочинение об учении магов (μαγικά), хотя другие склонны отрицать его авторство этого произведения. Судя по немногим сохранившимся фрагментам, в нем содержалась достоверная информация о зороастризме, которую автор мог получить непосредственно от персов. В другом сочинении, посвященном истории Лидии, Ксанф писал, что Зороастр жил за 6000 лет до похода Ксеркса на Грецию. По мнению Ньоли, в этой части своего труда Ксанф неверно переосмыслил авестийскую доктрину, согласно которой душа (fravaši, духовное его) Зороастра была сотворена еще за 6000 лет до его материального рождения. Как полагает автор книги, маги, жившие в V в. до н.э., были убеждены в том, что оно было тысячелетием, которое ознаменовалось рождением пророка, душа которого появилась еще за 6000 лет *до этого*. Эта доктрина создала идею двойного рождения Зороастра и его существования на двух уровнях, которые были тесно связаны друг с другом (с. 73–79).

В третьей лекции рассматриваются предания о синхронности Зороастра со знаменитым Пифагором и иудейским пророком Иезекиилом. Согласно Диодору, Зороастр утверждал, что «добрый дух» (ἀγαθὸς δαίμων) дал ему законы. Г. Ньоли считает это сообщение источником исключительной важности, независимым от других свидетельств, которые были известны грекам. При этом «добрый дух» Диодора отражает авестийскую идею «благой мысли», т.е. божества Воху Мана, и в сообщении Диодора имеются в виду законы, данные в откровении Ахура-Мазды Зороастру (с. 100). Попутно можно отметить, что греки могли ознакомиться с зороастрийской доктриной о борьбе между добром и злом от магов, чье присутствие в Академии в Афинах засвидетельствовано к концу жизни Платона некоторыми поздними источниками (см. ссылки на них на с. 57).

Историк I в. до н.э. Александр Полигистор писал, что Пифагор был выдающимся учеником персидского мага Зороастра. Исходя из этого и ряда других сообщений, Ньоли полагает, что различные греческие датировки времени жизни Зороастра отражают принятую у магов и персов ахеменидского периода традицию, согласно которой она приходилась на VI в. По Ньоли,

такого же иранского происхождения является и иудейская традиция, считавшая Иезекиила современником Зороастра. Источник этих сопоставлений следует искать в Иране или в иудейской диаспоре в Вавилонии ахеменидского или эллинистического времени (с. 115).

В последней лекции рассмотрена дата жизни Зороастра, сохранившаяся в иранских источниках. Согласно раннесредневековому пехлевийскому религиозному сборнику Бундахишну, этот пророк жил за 258 лет до гибели Дария III в 330 г. до н.э. Этот год был взят зороастрийскими магами за точку отсчета для увековечения важных событий. Однако другие источники утверждают, что от провозглашения новой религии до Александра Македонского, нанесшего полное поражение Дарию III, прошло 300 лет. Но обе эти даты – между рождением Зороастра и концом Ахеменидской державы – несовместимы между собой и, как полагает Ньоли, своим происхождением обязаны различным хронологическим счислениям или скорее даже традициям. Как отметил выдающийся иранист В.Б. Хеннинг, если брать 258-й год как точку счисления по зороастрийской хронологической традиции, могут получиться три *различные* даты в зависимости от понимания его смысла: 258 лет с момента, когда пророку исполнилось 30 лет и он получил свое первое откровение; когда ему стало 40 лет и он достиг своего первого успеха или, наконец, когда ему исполнилось 42 года и он убедил правителя Вишпашпу принять новую веру. Это соответственно следующие даты: 630–553, 628–551 и 618–541 гг. до н.э. Сам Хеннинг считал, что Зороастр несомненно жил между концом VII в. и серединой VI в., и наиболее вероятными датами его жизни являются 618–541 годы, учитывая, что, согласно традиции, он прожил 77 лет. Эти даты принимает и Ньоли, считая, что ни одно свидетельство не противоречит им и что они не могут быть результатом какой-либо более поздней подделки, поскольку в зороастрийской общине в течение столетий вели тщательный учет важных событий, имевших отношение к религии (с. 165). Естественно, такое заключение остается лишь предположением, хотя и очень вероятным. Надо полагать, что не все историки зороастризма согласятся с этим, но тем не менее при настоящем состоянии источников вряд ли можно привести сколько-нибудь веские возражения против такого вывода.

Собственно религиозной идеологии в рецензируемой книге уделено мало места, тем не менее кратко остановимся на нескольких высказываниях автора. Следуя Хеннингу, он полагает, что зороастрийский дуализм мог возникнуть только в качестве протеста против предшествовавшего ему чистого монотеизма, согласно которому единственным творцом всего сущего был один всемогущий и благостный бог. Поэтому возникал вопрос, почему в таком случае мир был так далек от совершенства? На этот вопрос Зороастр дает следующий ответ: мир создан добрым духом, однако равный ему по силе злой дух портит его, и поэтому человек по своему добровольному выбору должен занять активную позицию в борьбе обоих противостоящих друг другу духовных сил, следуя авестийской триаде – добрая мысль, доброе слово и доброе дело (с. 1–2). С точки зрения логики такое мнение можно считать безупречным, но тем не менее оно представляется маловероятным, поскольку окружавшему Зороастра индоиранскому миру, насколько он известен нам, единобожие было чуждо.

По мнению Г. Ньоли, в Персидской державе времени Кира II благожелательно относились к отделению религии от государства и поощряли стремление к универсальной внутренней религиозности, и это увеличивало расстояние между семейными и официальными государственными культами (с. 3). Но вместо этого, как нам представляется, правильнее было бы сказать, что власть не вмешивалась в религиозную жизнь подданных и не интересовалась, каким богам и как именно они поклонялись, однако отнюдь не проводила сознательную политику отделения религии от государства.

В заключение необходимо отметить, что рецензируемая книга исчерпывающим образом обобщает многовековую и разноязычную научную литературу о времени жизни Зороастра, отставая при этом его наиболее вероятную дату. Можно быть уверенным в том, что эта книга станет настольным пособием для всех читателей, интересующихся идеологией древнего мира.

М.А. Дандамаев

© 2002 г.

GENIO LOCI

К 80-летию АЛЕКСАНДРЫ ИВАНОВНЫ ПАВЛОВСКОЙ и 50-летию ее работы в АН СССР и РАН

Центр сравнительного изучения древних цивилизаций и сектор античной истории ИВИ РАН, редакционный совет, редколлегия и редакция журнала «Вестник древней истории» от всей души поздравляют Александру Ивановну Павловскую со славным двойным юбилеем.

Александра Ивановна родилась 11 ноября 1921 г. в деревне Арефино Лежневского района Ивановской области в крестьянской семье. После окончания средней школы в г. Гороховце Ивановской области в 1938 г. она поступила на Исторический факультет МГУ. Когда война заставила прервать учебу, Александра Ивановна уехала к родителям в Шую, где работала сначала швеей, потом научным сотрудником в музее М.В. Фрунзе, а затем бухгалтером на номерном заводе. В Московский университет она вернулась в 1944 г., окончила его с отличием в 1947 г. и затем прошла обучение в аспирантуре на кафедре истории древнего мира. Результатом стала успешная защита в 1951 г. кандидатской диссертации на тему «Государственное хозяйство птолемеевского Египта в середине III в. до н.э.».

В 1950–1952 гг. А.И. Павловская работала преподавателем заочного отделения ВПШ при ЦК ВКП(б) на кафедре всеобщей истории, а в июне 1952 г. началась ее работа в Академии наук СССР, в секторе древней истории Института истории. С тех пор и институт, и сектор пережили не одну реорганизацию, АН СССР превратилась в РАН, но место работы Александры Ивановны по существу не изменилось. И сама она, пройдя путь от младшего научного сотрудника до ведущего научного сотрудника-консультанта, по-прежнему остается добросовестным и преданным тружеником науки.

А.И. Павловская известна прежде всего как специалист по истории греко-римского Египта. Ее кандидатская диссертация, написанная под руководством К.К. Зельина, была посвящена «Податному уставу» Птолемея II. Впоследствии Александра Ивановна не раз обращалась к теме социально-экономических отношений в птолемеевском Египте. Особо следует отметить ее главу о рабстве в эллинистическом Египте, написанную на основе знаменитых папирусов Зенона. Опубликованная в давно ставшей классической книге о рабстве в эллинистическом мире, эта глава – по-прежнему одно из лучших исследований по данной проблеме в отечественной историографии¹. Со временем в круг научных интересов А.И. Павловской попала и социально-экономическая история римского Египта, более полно представленная материалом документальных папирусов. С начала 70-х годов в центре внимания ученого – аграрные отношения и рабство в римском Египте, экономическое положение египетской деревни, проблема сельской общины в позднеримскую эпоху. Итогом многолетних исследований по этим вопросам стали ряд статей, раздел «Рабство в римском Египте» в соответствующем томе так называемой «рабской серии»² и книга «Египетская хора в IV в.» (М., 1979), защищенная в качестве докторской диссертации в 1980 г. Перу А.И. Павловской принадлежат большие разделы по истории греко-римского Египта и – шире – эпохе эллинизма в таких солидных коллективных трудах, как «Всемирная история» (т. II. М., 1956), «История Европы» (т. I. М., 1988), «Древние цивилизации» (М., 1989), «Эллинизм: восток и запад» (М., 1992) и др. В последние годы Александра Ивановна все больше внимания уделяет истории египетского христианства. Ее недавняя статья об александрийском епископе Афанасии (ВДИ. 2001. № 1. С. 60–87), демонстрирует великолепное умение автора писать, как всегда, убедительно, точно и ясно, *sine ira et studio*, умение, без которого немислимо мастерство настоящего историка.

Серьезный интерес А.И. Павловской к теоретическим проблемам всеобщей истории привел ее к изучению проблем азиатского способа производства, античного рабства, типологии сельской общины и ряда других. Она активно участвовала в дискуссиях по этим вопросам (в том числе международных), и ей удалось внести свой оригинальный вклад в их разработку – достаточно упомянуть хотя бы опыт структурного анализа типов общины. Не меньше «высокой» теории исследовательницу привлекают и традиционно числящиеся по ведомству исторической антропологии вопросы стереотипов поведения и социальной психологии «массы безвестных людей», изучавшиеся ею на примере египетских крестьян³.

Особое место в академической деятельности Александры Ивановны занимает научное редактирование. В 1952–1955 гг. она осуществляла редактирование статей в отделе докладов и сообщений «Вестника древней истории», в 1954–1956 гг. – II тома «Всемирной истории», в последующие годы – ряда коллективных трудов, издававшихся сектором и институтом. В частности стоит отметить ее работу над монографией А.К. Бергера «Политическая мысль античной демократии» (М., 1966), которую автор не успел издать при жизни. В 1976–1988 гг. А.И. Павловская – ответственный секретарь, с 1976 г. – член редколлегии ВДИ и в настоящее время продолжает исполнять обязанности выпускающего редактора журнала.

Научное редактирование – специфический род научной деятельности. Он требует не только широчайших знаний, но и исключительного внимания, терпения и самоотверженности. «Вестник древней истории» читают антиковеды и востоковеды, историки и археологи, филологи и искусствоведы, студенты и профессора, специалисты и дилетанты. Однако возьмемся утверждать, что читателя более внимательного и прилежного, чем Александра Ивановна Павловская, у нашего журнала нет. Ведь уже долгие годы ни один номер ВДИ не выходит в свет без того, чтобы ее редакторский карандаш не прошелся по нему от первой и до последней страницы.

¹ Павловская А.И. Рабство в эллинистическом Египте // Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н.э. М., 1969. С. 200–309.

² Павловская А.И. Рабство в римском Египте // Маринович Л.П., Голубцова Е.С., Шифман И.Ш., Павловская А.И. Рабство в восточных провинциях Римской империи в I–III вв. М., 1977. С. 129–209.

³ Павловская А.И. Социально-психологический облик крестьянина позднеримской эпохи (по материалам египетских папирусов) // Культура древнего Рима. Т. 2. М., 1985. С. 356–386.

Многолетние авторы ВДИ, которым выпала удача иметь своим редактором Александру Ивановну, подтвердят, что их совместная работа неизменно проходила три последовательные стадии: бурный, ревнивый протест против ее вторжения в пределы их специальных интересов, затем неохотная, но вынужденная сдача своих позиций и в конце концов чувство глубокой признательности редактору за полученный результат. Для нескольких поколений сотрудников ВДИ общение с Александрой Ивановной стало школой научного редактирования, в которой они учились добросовестности, тщательности и главное – умению видеть перед собой читателя и думать о нем, добиваясь максимальной точности формулировок, исключающей двусмысленности и возможность ошибки.

Александра Ивановна – человек принципиальный, глубоко порядочный и честный. Она – человек открытой души, всегда внимательна и доброжелательна к людям. Свое почтительное отношение к учителям и старшим коллегам она умеет передавать молодым ученым, так что и те, кому не довелось знать К.К. Зельина, С.Л. Утченко, Я.А. Ленцмана, А.Б. Рановича и других патриархов отечественного антиковедения, хранят о них память благодаря статьям, докладам и просто рассказам Александры Ивановны.

Поздравляя нашу дорогую Александру Ивановну со славными юбилейными датами, мы желаем ей долго здравствовать и с удовольствием заниматься любимым делом. МЫ ВСЕ ВАС ЛЮБИМ!

Коллеги, друзья и ученики

© 2002 г.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ЙЕМЕНА (САБЕЙСКИЕ ВСТРЕЧИ, 6)»

(Берлин, 22–25 мая 2001 г.)

В конце мая 2001 г. Восточное отделение Германского археологического института (Orient-Abteilung, Deutsches Archäologisches Institut – DAI) организовало очередные, шестые по счету «Сабейские встречи» («Rencontres sabéennes, 6»), собравшие на свои заседания свыше сорока ученых из разных стран, занимающихся изучением цивилизации древней Южной Аравии. За четыре дня было заслушано и обсуждено 28 докладов, представленных на английском, немецком, французском и арабском языках.

Конференция открылась приветствием *Х. Кириаяйса*, президента Германского археологического института, отметившего, что изучение древнейшей цивилизации является важным направлением исследований Германского археологического института, открывшего свое отделение в Сане ровно 25 лет назад. С приветствием к участникам обратился также директор Восточного отделения института *Р. Айхманн*.

Б. Фогт (Бонн), возглавлявший до ноября 2000 г. Санское отделение Германского археологического института, в своем сообщении рассказал о втором сезоне работ, проводившихся осенью 2000 г. в рамках совместной Российско-германской экспедиции по проекту ИНТАС-97-20237 «Побережье Йемена в древности: окружающая среда, человеческая адаптация и жизнедеятельность, культурные контакты». Докладчик особо подчеркнул, что открытия на южном побережье Йемена таких памятников, как позднелихитическое (вторая половина VI – первая половина III тыс. до н.э.) местонахождение Гихейу (Хор Умейра), местонахождений Кахлюл (Хор Умейра) и ан-Набва (Малый Аден), датирующихся периодом ранней бронзы (вторая половина III – первая половина II тыс. до н.э.), позволяют по-новому взглянуть на генезис культуры Сабир, относящейся к периоду поздней бронзы (вторая половина II – начало I тыс. до н.э.), на ее взаимосвязи как с синхронными культурами на африканском побережье Красного моря, так и с культурами бронзового века, открытыми на Йеменском нагорье.

Э. Килл (Торонто) в докладе «Хронология поселения ал-Мидамман» представил новый материал, полученный в ходе работ в Тихаме, неподалеку от г. Забид (красноморское побережье Йемена), экспедицией Королевского музея провинции Онтарио (Канада). Большая группа зафиксированных в этом районе памятников (на скальные изображения и навесы, под которыми собраны коллекции каменных орудий) датирована неолитическим временем. На поселении ал-Мидамман – основном объекте работ экспедиции на протяжении нескольких сезонов – выделены два основных периода, относящихся к различным фазам строительной деятельности на поселении. Первый период, связанный с появлением здесь, вероятно, культовых сооружений из вертикально врытых крупных камней, датирован на основании анализа бронзовых предметов (кинжалы) и в соответствии с результатами радиоуглеродной датировки имеющихся образцов угля 2400–1600 гг. до н.э. Второй период, характеризующийся разрушением вышеупомянутых культовых сооружений и использованием каменных блоков в строительстве жилых зданий, датирован 1600–700 гг. до н.э. Именно с этим периодом автор связывает практически весь имеющийся керамический материал, находящий прямые аналогии в керамическом корпусе культуры Сабир. Причиной гибели поселения стал мощный пожар, оставивший свои следы в виде мощного слоя золы, перекрывавшего руины поселения.

В докладе *В. Буффа* (Рим) «Бронзовый век Йемена: библиографическое исследование хронологической терминологии» был сделан общий обзор исследований памятников бронзового века. Исследовательница попыталась суммировать все, что мы знаем о памятниках этого времени на Йеменском нагорье (Хаулан, Замарское плато), в прибрежном Йемене (Тихама), в Хадрамауте (Южное плато, район Шабвы). Как результат этих исследований ею предложена следующая периодизация бронзового века Йемена: «ранний

бронзовый век» (SWAEBA = South West Arabia Early Bronze Age) – конец III – начало II тыс. до н.э.; «средний бронзовый век» (SWAMBA = South West Arabia Middle Bronze Age) – начало – последняя треть II тыс. до н.э.; «поздний бронзовый век» (SWALBA = South West Arabia Late Bronze Age) – последняя треть II – начало I тыс. до н.э.

Сообщение К. Филлипса (Лондон) «Ранний железный век Тихамы» было посвящено результатам исследований Британской экспедиции на поселении ал-Хамид, расположенном в подгорной зоне красноморского побережья Йемена. Поселение однослойное, существовало относительно непродолжительное время. Выделяются две постройки, одну из которых автор определил как остатки погребального сооружения, сходного с постройками некрополя у храма Авам в Марибе, другую же интерпретировал как остатки храма. Именно с последней исследователь связал ранее обнаруженные здесь надписи с посвящениями Алмакаху, «федеральному» богу сабейцев. В нескольких десятках метров к северу от поселения ал-Хамид автором были зафиксированы и частично раскопаны остатки более ранних сооружений. Это каменные основания хижин из каких-то «легких» материалов типа тростника и круглые в плане каменные наземные погребальные сооружения (circular tombs). Оба типа сооружений предварительно датированы бронзовым веком.

С. Французов (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад «Хронологические рамки истории Райбуна (Внутренний Хадрамаут): лингвистические и палеографические критерии» анализу и интерпретации эпиграфического материала, добытого в ходе работ Российской археологической экспедиции в Республике Йемен в 1983–1991 гг. Начав с критики палеографических и хронологических схем, предложенных в свое время Ж. Пиренн и Г.М. Бауэром, он представил результаты собственных исследований нескольких сотен древнехадрамаутских надписей. По его мнению, палеографические и лингвистические критерии позволяют относить все райбуновские тексты к двум крупным хронологическим периодам, обозначенным исследователем как «древний период» («*période ancienne*» = An: VII–III вв. до н.э.) и «поздний период» («*période récente*» = R; III–I вв. до н.э.). Первый из них в свою очередь делится на три стадии (An 1 – An 3). Текстам каждого из периодов присущи особые лингвистические и орфографические особенности, а также различные стили монументального письма. Однако не все проанализированные надписи, список которых был представлен в докладе, подчиняются выработанным критериям, что позволило автору подтвердить предположение о нарочитой архаизации храмовых посвячительных надписей, выдвигавшееся еще Г.М. Бауэром в ходе предварительного анализа райбуновских текстов в процессе раскопок.

В докладе Ю. Виноградова (Санкт-Петербург) «Основные результаты археологических исследований в районе Здания 6 на городище Райбун I (Западный Хадрамаут)» был продемонстрирован материал из раскопок автора в 1986–1987 гг. Раскопки выявили четкую стратиграфию памятника, позволившую определить и предварительно датировать сооружения, относящиеся к трем последовательным периодам. Самый верхний из них соотносится со строительством и функционированием двух смежных многоэтажных зданий на каменных цоколях. Комплекс керамики, полученный из руин этих построек, уверенно датируется III–I вв. до н.э. Средний период связан с комплексом построек из сырцового кирпича, существовавшим на этом месте до возведения зданий на каменных цоколях. Этот период, который также дал выразительную коллекцию керамической посуды, может быть отнесен к V–IV вв. до н.э. В самой нижней части культурных напластований выделяется еще один период, постройки которого представлены полуземлянками, ямами для хранения припасов и открытыми очагами. Весь материал, полученный из слоев этого периода, может быть датирован VII–VI вв. до н.э.

П. Штайн (Йена) представил доклад «Лингвистические добавления к сабейской хронологии». В нем он проанализировал серии текстов, происходящих из центральной части Йеменского нагорья и из районов Мариба, Сирваха и ал-Джоуфа. Хронологически все они относятся к переходному периоду между раннесабейскими и среднесабейскими надписями, и им всем присущи определенные лингвистические особенности, являющиеся, по всей видимости, хронологическими критериями для всех сабейских текстов.

Сообщение В. Мюллера (Марбург) было посвящено небольшой бронзовой статуэтке из частной коллекции. Статуэтка изображает сидящего персонажа и, судя по надписи, покрывавшей ее почти целиком, являлась частным посвящением в храм. Докладчик привел целый ряд аналогий данному предмету среди известных южноаравийских древностей.

М. Абриш (Экс-ан-Прованс) в докладе «Катабанская историческая надпись IV в. до н.э. из Сайунского музея» рассказал о ставшей известной недавно монументальной надписи, повествующей о войне между Катабаном и Хадрамаутом, в которой последний потерпел поражение. В тексте надписи упоминаются названия некоторых хадрамаутских племен (садафан, гадам, сайбан, йухабир), ряд топонимов и названий древних городов, существовавших в вадии Хадрамаут (вади Лабат, города Шабва, Шибам, Шадав, Саубат, Харбат), а также правители (Йада'аб Гайлан и его сын Абийаса из Хадрамаута, Йада'аб Зубайин Йуханим и его сын Шахр, цари Катабана). Датировка надписи IV в. до н.э. аргументирована соображениями о графическом стиле букв и ссылками на результаты археологических датировок городищ Хадрамаута.

У. Брүннер (Цюрих) представил доклад «География и экономика родины сабейцев». Исходя из средне-душевого расчета потребления воды население Марибского оазиса в период расцвета, по мнению докладчика, не могло составлять более 100 тысяч человек. Основой экономики Сабы были поливное

земледелие и караванная торговля благовониями. Отсутствие морской торговли благовониями вплоть до I в. н.э. – результат сознательной политики южноаравийцев по защите их благосостояния от иноземцев. Все изменилось после похода Элия Гала в Южную Аравию, когда места произрастания благовоний стали известны античному миру и была организована их морская транспортировка на рынки Средиземноморья.

В докладе *В. Херберга* (Берлин) «Большая Марибская плотина: вопросы хронологии» была дана характеристика и предложена реконструкция всех известных ирригационных сооружений, регулировавших паводковые воды вادي Зана в древности (Bau A, Bau B, Bau C, южный и северный шлюзы Марибской плотины). Были приведены аргументы в пользу заключения о том, что сооружение наиболее ранних конструкций, регулировавших поступление паводковых вод на всей площади оазиса, не могло произойти ранее конца II – начала I тыс. до н.э. (1160 г. до н.э. – самая ранняя дата из возможных для Bau A и Bau B). Однако, судя по мощности ирригационных наносов, первые попытки орошения отдельных участков земель в оазисе, возможно, относятся к концу III – началу II тыс. до н.э.

Сообщение *И. Гайда* (Париж) «Некоторые замечания о хронологической терминологии в каталоге Йеменской выставки в Париже» было посвящено некоторым спорным вопросам периодизации древнейшей цивилизации. Так, по мнению исследовательницы, 110 г. до н.э. (начало Химйаритской эры) – слишком «точная» дата для начала среднесабейского периода, и более подходящими в данном случае она считает дефиниции типа «I век до н.э.» или «рубеж эр». Помимо методологических и терминологических замечаний в докладе была представлена новая надпись из Национального музея Саны (YM1950). Надпись относится к концу III в. н.э. и является, похоже, самой ранней известной монотеистической надписью из Южной Аравии.

В докладе *Ю.М. Абдаллы* (Сана) «Новые надписи из провинции Мариб» была представлена серия из 10 монументальных текстов на декорированных мраморных стелах, происходящая с городища Харибат Сауд, древний Кутал (оазис Рагван). Все надписи выполнены бустрафедоном, и все содержат частные посвящения Алмахаху, «федеральному» богу Саба'. В финальной инвокации помимо Алмахаха упоминаются боги и богини Астар, Зат Химйам, Зат Ба'дан и Сами'. Интересны две надписи, выполненные от имени персонажей с титулами кайн (*qyn*) Алмахаха и зу-Алим (*z-'lm*). Надписи на еще двух стелах обрамлены так называемыми «знаками сабейских *мукаррибов*», однако их автор – не верховный правитель Саба', а персонаж, имеющий титул кабир (*kbr*) Кутала (один из текстов повествует о строительстве храма Алмахаха). Судя по графическому стилю, все надписи могут датироваться достаточно ранним временем – VIII–VII вв. до н.э.

Еще об одной надписи с посвящением Алмахаху говорилось в сообщении *С. Отмана* (Сана/Мариб) «Надписи из Мариба». Стела, декорированная «символом храма Авам», расположенным в правом верхнем углу, содержит важную информацию, относящуюся к среднесабейскому периоду.

Весьма содержательный доклад *Б. Фогта* «Периодизация и датировка храмов Бар'ан» был посвящен обобщению результатов раскопок этого важнейшего памятника Марибского оазиса. В итоге многолетних исследований удалось выделить четыре периода, связанных с последовательными перепланировками и/или кардинальными перестройками храма, в котором отправлялся культ сабейского «федерального» божества Алмахаха. Керамика, соотносимая с наиболее ранней постройкой, позволяет датировать ее сооружение X–IX вв. до н.э., однако планировка этого раннего культового сооружения, так же как и двух последовавших, остается неясной. Во многом это связано с невозможностью разрушения более поздних построек для исследования более ранних, так как в настоящее время после масштабных реставрационных работ памятник получил статус национального заповедника. Наиболее значительные изменения, включая переименование, храм претерпел в конце I в. до н.э., когда после разрушения предшествующей постройки он приобрел дошедший до нас облик. По мнению автора, эти изменения стали результатом известного похода римлян в Южную Аравию под предводительством Элия Гала, префекта Египта (26/25 гг. до н.э.). Храм был заброшен в IV в. н.э., когда в Южной Аравии начали интенсивно распространяться монотеистические культы и религии. Позднее через его территорию был проведен оросительный канал, функционировавший вплоть до VI в. н.э.

Н. Рёринг (Берлин) в докладе «Фасад монументальных гробниц и храмов в сравнении» продемонстрировала удивительную близость архитектурных решений для таких, казалось бы, далеких друг от друга типов монументальной сабейской архитектуры. Фасады обоих типов зданий были оформлены в виде многоколонных портиков, к которым поднимались по одно- или двухпролетным лестницам. Докладчиком специально отмечена приверженность сабейских архитекторов и строителей к симметрии.

Доклад *С. Янн* (Берлин) «Марибская керамика – вопросы датировки и хронологии» был посвящен анализу наиболее массового материала, находимого при раскопках. Были продемонстрированы результаты раскопок сезона 2001 г. в некрополе близ храма Авам, где на уровне материка была найдена коллекция археологически целых сосудов, не имеющих аналогий в материалах раннего железного века из Южной Аравии. Есть все основания рассматривать эту керамику как раннесабейскую и предварительно датировать ее концом II – началом I тыс. до н.э. Анализ керамического материала подтверждает в целом заключения о прекращении функционирования некрополя у храма Авам в IV в. до н.э.

Исследованиям в древней столице химйаритов был посвящен доклад *П. Йула* (Гейдельберг) «К реконструкции древнего Зафара». После краткого обзора предшествующих исследований докладчик представил свои изыскания по реконструкции оборонительной системы древнего города, попытавшись проследить направления сохранившихся и реконструируемых городских стен, определить места расположения ворот. Особое внимание в исследованиях было уделено вопросам корреляции письменных источников о столице химйаритов и данных археолого-топографических исследований, что позволило, по мнению автора, достаточно надежно установить местонахождение царского дворца Райдан (руины на склоне горы, до сих пор носящие название Хусн Райдан), цитадели и некрополя. Расчистка нескольких скальных гробниц предоставила в распоряжение исследователей первый материал по погребальным сооружениям Химйара. Из находок в некрополе наиболее выразительна агатовая (?) печать с южноаравийской надписью и изображением в римском стиле, а также обломок известняковой стелы с остатками греческой надписи (хранится в музее Зафара).

И. Герлах (Берлин/Сана) в докладе «Что есть "сабейское искусство"? Проблемы идентификации в искусстве Южной Аравии (на примере Саба' и Катабана)» дала характеристику катабанской (на примере некрополя Хейд Бин Акил) и сабейской (на примере некрополя у храма Авам) погребальной скульптуры, показав их поразительное сходство с художественной точки зрения. По ее мнению, основное различие между катабанской и сабейской антропоморфной погребальной скульптурой в том, что в Саба' изображения умерших монтировались в верхней части погребальной стелы, открывая для обозрения лишь лицо, тогда как в Катабане бюсты и головы ставились на постамент с вырезанным на нем именем умершего (круглая скульптура). Кроме того, катабанский материал дает значительно большее разнообразие типов скульптуры, нежели сабейский. В целом же исследовательница пришла к заключению, что на данном уровне наших знаний невозможно сколько-нибудь надежное разграничение по стилю между погребальной скульптурой двух соседних южноаравийских государств, причем особенно это касается предметов из недокументированных раскопок, попадающих на аукционы или подпольный рынок древностей в Сана.

В сообщении *А. Аванцини* (Флоренция) и *Дж. Маццини* (Пиза) «Корпус катабанских надписей: первые предложения по периодизации» были представлены результаты работ по составлению компьютерной базы данных всех известных эпиграфических памятников Катабана, проводившихся в Пизанском университете с 1993 г. Было рассказано об основных принципах организации корпуса, продемонстрированы конкретные примеры возможностей работы с надписями: классификация надписей по содержанию (строительные, владельческие, царские декреты, частные посвящения), именам авторов, по типу посвящения, принадлежности к той или иной хронологической группе (А, В и С). Предполагается, что база данных будет доступна через Интернет; для специалистов, кроме того, имеется и возможность ее бесплатного получения на компакт-диске.

В сообщении «Некоторые хронологические наблюдения в ходе раскопок Тимна'» *А. де Мезре* (Неаполь) рассказал о результатах второго сезона раскопок Итало-французской археологической миссии, исследующей древнюю столицу Катабана. Раскопки проводились в двух секторах: секторе А, где были исследованы руины храма, в котором поклонялись богине Асират, и секторе В, расположенном в районе главной торговой площади Тимна', в центре которой возвышалась стела с текстом «торгового кодекса» Катабана. Храм Асират был сооружен не ранее II в. до н.э., причем в районе города, не занятом жилыми или культовыми постройками предшествующего периода (единственное исключение – располагавшийся здесь колодец или фонтан, разрушенный при строительстве храма). Однако шурф, заложенный ниже основания цоколя храма, открыл остатки монументальной стены, – вероятно, первоначальной городской стены Тимна'. На возможность подобной интерпретации указывает весьма ранняя дата керамического материала из нижних слоев шурфа – VIII–VII вв. до н.э. Докладчик обратил внимание на отсутствие в Тимна' выраженного материала, датирующегося V–IV вв. до н.э., что, по его мнению, может свидетельствовать об определенном запустении столицы Катабана в этот период.

Как всегда нетрадиционным было сообщение *Я. Ретсё* (Гётеборг) «Арабы в древних южноаравийских надписях: оценка свидетельств», в котором он проанализировал все упоминания этнонима *al-'arab*, встречающегося в надписях из Йемена. По его мнению, данные источников позволяют четко различать две группы племен, так или иначе вступавших в контакты с населением южноаравийских царств. Первая группа – это союзные племена, жившие на границах земледельческих оазисов, либо на границах древних царств. Они, вероятно, находились в той или иной форме зависимости от южноаравийских правителей, служа стражниками, телохранителями, проводниками. Другая группа племен – враги государств древнего Йемена, обитавшие далеко за их пределами. Именно с этими племенами в первые века нашей эры и велись постоянные войны.

Доклад *А.В. Седова* (Москва) «Южноаравийские монеты и датировка слоев археологических памятников» был посвящен проблеме использования южноаравийского нумизматического материала для датировки археологических комплексов (на примере Хадрамаута). В первой части доклада была представлена типология хадрамаутских выпусков, их относительная и абсолютная датировка, соотнесение с именами тех

или иных правителей, известных по надписям. Затем на примере раскопок в Хор Рори (древний Сумхурам) была продемонстрирована возможность более точной датировки археологических слоев памятника исходя из находок в них монет тех или иных хадрамаутских правителей.

Н. Небес (Йена) в докладе «Хронология надписей из храма Бар'ан» представил первую хронологическую классификацию надписей из этого важнейшего сабейского памятника. Всего в храме были найдены 42 монументальные надписи. Из этого числа 1 надпись датируется временем до 600 г. до н.э., 35 надписей – временем до 400 г. до н.э., 3 надписи – временем до 100 г. до н.э., и 27 надписей относятся ко II–III вв. н.э. Так же как и Б. Фогт, автор упомянул об изменении названия храма и согласился с предположением о связи этого события с одной из последних по времени крупных реконструкций культовой постройки.

В сообщении *А. Шамсана* (Сана) «Раскопки на позднекатабанском поселении Джабал Хаджадж» рассказывалось о результатах первого сезона работ на памятнике. Поселение на вершине современной горы Джабал Хаджадж, расположенное на Йеменском нагорье неподалеку от химйаритской столицы Зафара, не привлекало до сих пор внимания исследователей. Экспедиции йеменских археологов удалось частично раскопать монументальное здание, возведенное из мощных каменных блоков и обильно украшенное разнообразными облицовочными плитками со вставками из цветного камня. К сожалению, характер находок пока не позволяет с уверенностью говорить о назначении раскопанной постройки. Рядом с поселением были начаты также исследования могильника, содержащего индивидуальные и коллективные усыпальницы, вырубленные в скальном основании.

Попытка широких историко-культурных обобщений была предпринята в докладе *Х. Хитгена* (Сана) «Эпоха сражающихся царств» (I в. до н.э. – III в. н.э.) в Южной Аравии – аспекты материальной культуры периода трансформации». Подвергнув критике американских исследователей (Т. Уилкинсона, Кр. Эденса) за внедрение в южноаравийскую археологическую номенклатуру термина «железный век» («Iron Age») для обозначения периода, относящегося к началу – последней трети I тыс. до н.э., автор в дальнейшем перешел к обобщенной характеристике некоторых аспектов южноаравийской материальной и духовной культуры химйаритского времени, пытаясь проследить общие тенденции ее развития. Так, по мнению немецкого исследователя, мы можем говорить о едином типе храмовых и дворцовых зданий, повсеместно распространенным в это время. Существенные изменения, выразившиеся в переходе от коллективных погребений к индивидуальным, происходят и в погребальном обряде. К сожалению, не удается проследить изменения в такой важной области материальной культуры, как гончарство, – репертуар керамических форм и традиции изготовления керамики остаются прежними. Однако весьма важные изменения прослеживаются в искусстве, где также начинают преобладать индивидуалистические черты (появление погребальных стел со сценами из жизни умершего). Все эти изменения Х. Хитген связывает с большей открытостью южноаравийского общества, происшедшей в результате вовлечения с I в. до н.э. государств Южной Аравии в интенсивный торговый и культурный обмен со странами Средиземноморья.

Доклад *Кр. Робена* (Экс-ан-Прованс/Париж) «"Дети бога" в Саба' и Пальмире: вариации одного культа» был посвящен серии надписей на каменных статуэтках и алтарях для возжигания благовоний, происходящих из Катабана (Тимна' и вадии Байхан), Саба' и Хадрамаута (городище Суна). На всех этих предметах вырезаны надписи, содержащие одну и ту же формулу посвящения «детям бога» (*bnty 'l*) от некоего частного лица (в надписях из Катабана это всегда замужняя женщина). В качестве аналогии автор привел текст с идентичной формулой посвящения из Пальмиры.

А. Сима (Гейдельберг) в сообщении «Каким образом ономастика позднесабейских надписей отражает лингвистические и социальные изменения данной эпохи?» представил корпус позднесабейских надписей, расположив их в хронологической последовательности (в соответствии с датами и правителями, в них упоминающимися). Важно, что из 89 представленных надписей, составленных в период между 380 и 554 гг. н.э., только одна может быть уверенно интерпретирована как политеистическая (MAFY/Bani Zubayr 2; надпись 397 г. н.э.), тогда как остальные известные надписи – монотеистические, иудейские и христианские.

М.А. ал-Кубати (Сана/Лахедж) в коротком сообщении «Ал-Ра'ар', столица государства ал-Зурейя» рассказал о своих раскопках на поселении, идентифицируемом со столицей этого небольшого государства, существовавшего на крайнем юге Аравийского полуострова в 1078–1174 гг. н.э. Материал, полученный при раскопках (керамика, стеклянные сосуды, украшения, монеты), дает более широкие хронологические рамки существования поселения – в пределах VIII–XV вв. н.э.

Симпозиум завершился весьма плодотворной общей дискуссией по проблемам, затронутым в большинстве докладов. Очередные, седьмые «Сабейские встречи» предполагается провести в мае 2002 г. в Стамбуле.

А.В. Седов

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ»
В КАЗАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

(14–16 ноября 2001 г.)

14–16 ноября 2001 г. в Казанском государственном университете проходила Всероссийская конференция «Античность в современном измерении», посвященная 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Этот научный семинар был основан в 1966 г. заведующим кафедрой всеобщей истории КГУ профессором Аркадием Семеновичем Шофманом (1913–1993). Участниками кружка являются студенты, аспиранты, соискатели, преподаватели кафедры истории древнего мира и средних веков КГУ, других вузов Казани, широкий круг людей, интересующихся историей античности. Основные и традиционные направления работы семинара – историография античности, политическая история греко-римского мира, наследие античности в культуре последующих эпох. За 35 лет работы «Античного понедельника» шесть его участников стали докторами наук, более сорока защитили кандидатские диссертации.

Эта конференция была пятой из мероприятий такого рода (предыдущие проходили в 1976, 1981, 1986 и 1991 годах) и наиболее представительной из них: в ее работе приняли участие, выступив с докладами, 55 исследователей из 15 городов России, работающих в тридцати вузах и других научных центрах страны. Значительная часть их являются воспитанниками «Античного понедельника», учениками А.С. Шофмана и его учеников. Конференция была проведена при финансовой поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) и приурочена к 88-й годовщине со дня рождения А.С. Шофмана. К ее началу был выпущен сборник тезисов представленных докладов.

На открытии конференции, проходившем в актовом зале КГУ, воссозданном в облике второй половины XIX в., с приветственным словом выступили и.о. ректора КГУ проф. *Н.К. Замов*, декан исторического факультета проф. *Р.К. Валеев*. Пленарное заседание открыл заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков проф. *В.Д. Жигунин*, рассказавший об истории «Античного понедельника», основных вехах жизни и творчества его основателя и первого руководителя А.С. Шофмана. *Г.П. Мягков* (Казань) рассказал об истории становления науки всеобщей истории в Казанском университете и антиковедения как ее составной части, остановившись на творчестве видных казанских историков – Н.А. Осокина, М.М. Хвостова, В.К. Пискорского. В качестве особого рубежа, завершившего процесс институционализации кафедры всеобщей истории, докладчик выделил деятельность А.С. Шофмана. *А.А. Елагина* (Омск) в своем выступлении отметила, что антиковеды г. Омска, выпускники КГУ и его аспирантуры, члены редколлегии издания «Античный вестник» Омского отделения Российской ассоциации антиковедов, прошли школу «Античного понедельника» и А.С. Шофмана. Ныне они поддерживают традиции казанской школы антиковедения и вносят свой вклад в развитие изучения древности в Сибири. Начало выступлений «ветеранов» семинара было положено *Л.Е. Семеновым* (Тверь), одним из первых участников «Античного понедельника», поделившегося своими воспоминаниями о Казанском университете 60-х – 70-х годов, о работе кружка в то время. После него выступили и другие ученики А.С. Шофмана.

Работа конференции велась в восьми секциях. Секция «Российская историография античности: прошлое, настоящее, будущее» была наиболее обширной: на ее заседании было представлено восемь докладов. *М.В. Салимгиреев* (Казань) в докладе «Проблемы стоицизма в России во второй половине XIX – начала XX в.» отметил, что кризисное состояние всех сфер общественной жизни на рубеже столетий, вызванное глубокой экономической и социально-политической трансформацией российской действительности, оказалось определяющим в стремлении интеллектуальной элиты изучить и осмыслить философское наследие Стои. Обращение к стоицизму отечественных мыслителей и исследователей демонстрирует тот глубокий и выстраданный интерес к этой нравственной философии, лежащей в основе многих христианских идей, которыми было проникнуто русское общество. «Н.И. Кареев о преподавании древней истории» – тема доклада *В.А. Филимонова* (Сыктывкар). Автор рассмотрел взгляды известного русского историка Н.И. Кареева на преподавание древней истории и выявил обстоятельства, вызвавшие его особый интерес к преподаванию именно этой части всеобщей истории. Состояние преподавания данной дисциплины, настоятельная потребность избавиться от рутины и внести истинно научный дух приводят Н.И. Кареева к мысли о внедрении особой системы, состоящей из двух концентров: элементарного изучения истории древнего мира в младшем звене и систематического – в старшем. Доклад *А.Г. Канева* (Сыктывкар) «История Спарты в интерпретации П.И. Аландского» был посвящен одному из частных аспектов антико-

ведного наследия П.И. Аландского (1844–1883). На основе сравнительного анализа отечественной и западноевропейской историографии второй половины XIX в. был рассмотрен новый для своего времени подход русского антиковеда к решению теоретико-методологических проблем исторической науки и оригинальное освещение П.И. Аландским вопросов социально-политической истории древней Спарты. *Н.С. Алаизова* (Казань) в докладе «"Золотой век" римской литературы в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX в.» проследила некоторые общие и особенные черты исследований данной темы в российской науке об античности, уделив пристальное внимание работам Н.М. Благовещенского и В.И. Модестова, в которых затрагивался вопрос о проявлении кризисных элементов в литературе века Августа. В докладе «Методологическая проблема "историк и время" в творчестве И.В. Цветаева» *Е.Н. Мурзанаева* (Сочи) сосредоточила свое внимание на том, как И.В. Цветаеву на практике удавалось реализовать связь античности с современностью и вечностью. *И.А. Дружинина* (Казань) в докладе «Революционный перелом октября 1917 года в творческих судьбах антиковедов Казани» показала, как тяжело революционные события 1917 г. и гражданская война сказались на творческих и личных судьбах казанских историков-антиковедов М.М. Хвостова и В.Ф. Смолина, приверженцев идеи «чистой», беспартийной науки. *Ю.А. Окунь* (Челябинск) в докладе «М.И. Ростовцев: познавательный образ и социально-культурная действительность русской историографии античности», исследуя перемены в социально-культурном осмыслении и общественном значении занятий античностью, проследил в отечественной историографии творчества М.И. Ростовцева три познавательных образа историка – классический, советский и современный. Классический образ представлен преломлением и составной частью основанной на возрождении античности русской культуры в серебряном веке ее развития. В советском образе выявлено преобладание историко-материалистических по названию и догматических по существу представлений об античной действительности и творчестве Ростовцева. Современный образ показан как признак рождения заново, в новых условиях и обстоятельствах, интеллектуальных и социально-культурных ценностей, которые являлись основанием русской культуры 1890-х – 1920-х годов и были присущи отечественному антиковедению. Завершил работу секции доклад *С.Г. Карнюка* (Москва) «Греческий полис в российской и советской историографии», в котором была показана преемственность в трактовке одного из ключевых понятий античности в дореволюционной, советской и современной российской науке и был сделан вывод о том, что для советских историков понятие полиса имело важное значение в качестве профессионального термина, позволяя «обходить» идеологические догмы.

На секции, посвященной проблемам социально-политического развития древней Греции были заслушаны следующие доклады. *О.В. Кулишова* (Йошкар-Ола) посвятила свой доклад «Святыни Аполлона в Дельфах и начальные этапы истории Пилейско-дельфийской амфикинии» наиболее дискуссионным проблемам ранней истории Дельфийской амфикинии: времени возникновения, первоначальному составу, целям создания союза амфикионов и др. Особое внимание автор уделила первоначальному характеру союза и усилению роли амфикинии в политической жизни Эллады в связи с вхождением в этот союз Дельфийского святилища. В докладе *И.Р. Харазова* (Казань) была поставлена проблема о герое и героизме как социальном и семиотическом феномене в истории архаической Греции. По его мнению, именно данная эпоха является наиболее показательной для выявления специфики понятий этого круга, однако весьма полезным для их анализа оказывается привлечение параллелей из средневекового эпоса. *А.В. Зийков* (Екатеринбург) в докладе «Эпименид Критский в Спарте» отметил, что создание «спартанского космоса», строительство эвномии предполагало обращение в широких масштабах к иррациональным механизмам. Именно в таком ключе следует объяснять уверенно фиксируемый «лаконский след», оставленный деятелем такого ярко выраженного шаманского типа, Эпименид Критский. *Э.В. Рунг* (Казань) в докладе «Проблемы датировки посольства Каллия в Персию (к интерпретации Herod. VII. 151)» рассмотрел существующие в современной историографии трактовки сообщения Геродота о посольстве афинянина Каллия в Персию. На основе детального изучения других пассажей греческого историка в контексте греко-персидских отношений V в. до н.э. докладчик пришел к выводу, что наиболее обоснованной представляется датировка этих событий 449 годом до н.э. (как считали еще У. Хау, Дж. Уэллс и Г. Уэйд-Гери). *М.С. Горюнова* (Ижевск) в докладе «Обвинения в религиозных преступлениях как фактор политической борьбы в Афинах V–IV вв. до н.э.», анализируя в основном знаменитое дело гермокопидов 415 г. до н.э., подчеркнула необходимость критического отношения к данным Андокида, который лично был заинтересован в исходе процесса. В докладе «Гостеприимство в дипломатии классической Спарты» *М.Э. Курилов* (Астрахань) отметил, что влияние институтов гостеприимства на спартанскую дипломатическую практику не вызывает серьезных сомнений. Реконструированный список гостеприимцев предоставляет дополнительные возможности для принципиальных обобщений. Значительный географический диапазон сети ксении-ских и проксенических связей, их частичное совпадение не могло не влиять на формирование достаточно устойчивых контактов «общины равных» с греческим миром.

14 ноября на секции по социально-политической истории Рима было прочитано шесть докладов. *А.В. Короленков* (Москва) в докладе «Помпей Страбон и его армия» рассмотрел взаимоотношения римского политического деятеля Помпея Страбона и его армии, которая, по-видимому, являла собой один

из первых примеров «частных» армий, характерных для периода гражданских войн I в. до н.э. По мнению автора, Помпей сумел воспитать в своих войсках личную преданность себе, но армия без поддержки в политических кругах оказалась недостаточной для достижения господства. В докладе *Е.В. Смыкова* (Саратов) «Парфянские планы Цезаря» была предпринята попытка отделить сведения традиции о замыслах Цезаря вести войну против парфян, несущие на себе явный след тенденциозной пропагандистской обработки, от более взвешенных сообщений, согласно которым диктатор намеревался первоначально воевать с гетами. В этом случае парфянские планы Цезаря следует расценивать как составную часть обширного плана мероприятий по укреплению безопасности границ Римской державы. В докладе *И.В. Хуснутдиновой* (Казань) «Некоторые вопросы дипломатических взаимоотношений Барбарикума с Римской империей на рубеже нашей эры» рассматривались особенности дипломатических взаимоотношений римлян с варварами на рубеже новой эры и было отмечено, что дипломатическая активность германских племен зависела в первую очередь от узко военных, а не политических целей германцев. Отсюда – близкое родство дипломатии и военной хитрости, использование посольств в качестве «отвлекающего маневра», частое нарушение заключенных с римлянами договоров. *Р.У. Ибатуллин* (Уфа) в докладе «"Падение" Римской империи и современность: смена подходов в историографии» познакомил аудиторию с новыми концепциями западных ученых. В них по сути дела отвергаются тезисы о социальном кризисе и экономическом упадке поздней Римской империи, отрицается «переломность» уничтожения императорской власти на Западе для имперских государственно-политических институтов, акцентируется внимание на преемственности между поздней античностью и ранним средневековьем. Причины этого, по мнению докладчика, не только в обстоятельствах чисто научного плана, но и в изменении интеллектуального климата в Европе и Северной Америке после второй мировой войны. Социальная проблематика применительно к римской истории была рассмотрена в двух докладах. *Д.И. Улбутов* (Казань) в докладе «Эпиграфические источники по истории римского вольноотпущеничества и современное источниковедение» предложил собственный взгляд на методику использования эпиграфических памятников по истории римского вольноотпущеничества. По мнению автора, данная категория источников является ведущей при обращении к проблематике, связанной с бытом, социальной ролью, мировоззрением этой прослойки римского общества и поэтому их язык, структура, смысловое содержание заслуживают самого тщательного анализа. *Н.Ю. Бикеева* (Казань) посвятила свой доклад «Образ женщины в христианском храме в период перехода от поздней античности к раннему средневековию» особенности правового положения рабынь и их роли в экономике Рима II в. до н.э. – II в. н.э., при этом считая неправомерным выделять рабынь как особую категорию населения с точки зрения права.

15 ноября в секции «Старые и новые пути зарубежного антиковедения» было заслушано пять докладов. *М.А. Бухарцева* (Набережные Челны) в докладе «Социально-экономические реалии древности в трудах Эдуарда Мейера» рассмотрела проблемы типологизации социально-экономического развития древности в творчестве выдающегося немецкого ученого Эдуарда Мейера. По ее мнению, циклический подход к процессу экономического развития и модернизаторские тенденции порождены представлениями ученого о доминирующей роли обмена в экономике древнего мира. В близком по тематике докладе *А.В. Залани* (Челябинск) «Немецкая историография античности рубежа XIX–XX веков: к проблеме объема модернизации» было отмечено, что модернизаторство было присуще германской науке о древности, но каждый ученый определял для себя его «пределы». Если Эд. Мейер зачастую переносил в древность как современную ему терминологию, так и сущностные характеристики социально-экономических отношений без должной опоры на источники, то Р. Пельман пользовался модернизаторской методикой в целях более точного объяснения сущности социальных конфликтов в античных обществах, а К.Ю. Белох ограничивался использованием современной терминологии при изложении событийной истории, стремясь сделать ее более понятной и доступной читателю. *Л.Р. Ротермель* (Омск) представила доклад «М. Хенгель о процессах эллинизации в Палестине». По ее мнению, вывод немецкого исследователя о том, что тезис относительно обособленности палестинского иудаизма в отношении иудаизма «эллинистического», носителем которого была грекоязычная диаспора, является спорным. Другой его вывод – о противоречивости влияния эллинизма на эволюцию иудаизма: с одной стороны, из последнего вырастает предхристианство, с другой – в основном завершается его формирование как замкнутой в себе религиозной системы. В докладе *Ю.В. Лукьянова* (Уфа) «Итальянское антиковедение на рубеже XIX–XX вв.: становление современной парадигмы знания» была затронута проблема перелома в истории итальянского антиковедения, связанного с поисками места филологии и философии в так называемой «новой историографии античности», испытавшей влияние крохчанства. *Н.Ю. Старкова* (Ижевск) в докладе «Пелопоннесский союз в оценке современной историографии» уделила особое внимание зарубежной историографии и взглядам западных ученых на эволюцию союза и особенности его положения после окончания войны 431–404 гг. до н.э.

Заседание секции «Политика, экономика, идеология в эллинистическом мире» открыл историографический доклад *И.Н. Матвеевой* (Казань) «Проблема эллинизма в трудах М.М. Хвостова», в котором анализировалась эллинистическая тематика в трудах видного российского ученого М.М. Хвостова, чья научная деятельность была тесно связана с Казанью. *О.Л. Габелко* (Казань) в докладе «Царская власть

в раннеэллинистической Малой Азии: истоки, сущность, правовое обоснование» подчеркнул отличия монархии в государствах этого региона (Вифиния, Пергам, Понт, Каппадокия, а также типологически и географически близкие им Армения и Коммагена) от аналогичного института великих эллинистических держав. Автором было предложено понятие «анатолийское этнополитическое койне», в рамках которого, по его мнению, в конце IV – начале III в. до н.э. происходит оформление новых систем государственности – отчасти как результат более или менее скоординированного противостояния малоазийских династий державным амбициям македонских завоевателей. Тема доклада *И.А. Ладынина* (Москва) – «Сведения о возвращении из Азии египетских культовых предметов правителями династии Птолемеев». Эти сведения содержатся в ряде текстов, принадлежащих по преимуществу к египетской традиции, и обычно признаются историчными. По-видимому, имеющиеся в виду культовые предметы (статуи богов, храмовая утварь, священные тексты) были вывезены из Египта в основном при Ксерксе I и Артаксерксе III и возвращены в ходе войн Птолемеев в Азию, в том числе согласно завершающим эти войны договорам. Данный сюжет, чуждый египетской традиции, в эллинистическое время закрепился в ней под влиянием рассмотренных автором источников. *И.Н. Авраменко* (Саратов) в докладе «Гермий и Антиох III в освещении Полибия» вслед за В. Отто, Ф. Уолбенком, Х. Шмиттом причиной ярко выраженного негативного отношения греческого историка к Гермию, «первому министру» в начале правления Антиоха III, считает позицию использованного Полибием источника, близкого к окружению Антиоха, и в силу ряда обстоятельств воспринятого Полибием некритично. Цель автора, труд которого использовал Полибий, – обелить убийц Гермия, скрыть истинные причины высокой степени влияния «канцлера» на молодого царя. В основе такого положения Гермия в государстве Селевкидов были услуги, оказанные им Антиоху III при вступлении последнего на престол. *К.Л. Гуленков* (Москва) в докладе «Стратеги Митридата Евпатора», отметил явно недостаточную разработанность в историографии вопросов об армии Митридата VI Евпатора, дал общую характеристику корпуса его стратегов, известных по данным источников. Докладчик попытался выстроить их иерархию, определить должностные полномочия и этническую принадлежность каждого из них, выяснить причины «коллегиального» командования в понтийской армии.

Доклады, связанные с историей римского права, были заслушаны в секции «*Rex Romani*: становление и эволюция правовых институтов». Эволюция представлений о понятии *municipium* в зарубежной историографии XIX–XX веков стала темой выступления *Н.К. Спиченко* (Москва). На примере работ Т. Моммзена, А.Н. Шервин-Уайта, Э. Манни было показано, что природа муниципия как учреждения долгое время трактовалась не как римская, а как латинская. В работе М. Эмбера, которая, по мнению автора, на сегодняшний день является последним фундаментальным исследованием в этой области, опровергается данная точка зрения и утверждается, что сам институт муниципия был порождением римской политики в области насаждения своей власти и своего гражданства на завоеванной территории. *Е.В. Лапустина* (Москва) в докладе «Власть и право в Римской империи: централизация и самоуправление» отметила, что Римская империя дает один из немногих в мировой истории пример сбалансированных и юридически четко оформленных отношений между центром и периферией, а также подчеркнула необходимость более детального выяснения особенностей проявления имперского контроля над провинциями и автономными городскими общинами в каждом конкретном случае. *И.Е. Ермолова* (Москва) в докладе «Варвары в кодексах Феодосия и Юстиниана» проанализировала конституции кодексов Феодосия и Юстиниана, содержащие термин «варвар» и относящиеся к концу IV – началу V в. Их изучение, с одной стороны, подтверждает важность варварской проблемы (появление понятия «*barbaricum*» именно в правовых документах), а с другой – свидетельствует о сохранении пренебрежительного отношения к варварам. В докладе *Е.А. Османовой* (Челябинск) «*Res incorporalis* в английской романистике» было высказано предположение, что английское право почерпнуло понятие бестелесных вещей из права римского, прослежена эволюция этого понятия: от феодальных повинностей к сервитутам и до объектов авторского и патентного права. Был также сделан вывод, что, искажая букву римского права, английские юристы сохраняют присущий римскому праву дух хорошо подготовленных импровизаций. *Т.А. Сидорова* (Сочи) в докладе «Феодальное право в национальной медиэвистике критического направления рубежа XIX–XX вв.: в поисках истоков» рассмотрела источники формирования средневекового права Англии в научном наследии Ф.У. Мейтленда, который выделял в структуре английского права кельтский, германский и римский элементы, среди них сформировавшимся был признан германский – англо-саксонское обычное право, испытывавшее на себе опосредованное влияние римской правовой системы.

В последний день работы конференции, 16 ноября секцию «История и археология античного Причерноморья» открыл доклад *Д.В. Григорьева* (Красноярск) «Еще раз о монетном кризисе III в. до н.э. на Боспоре». Автор обратил внимание на то, что в научной литературе обычно выделяют общие причины кризиса для всего почти столетнего периода в целом. Между тем, этот кризис четко разделяется на этапы, каждый из которых имел собственные причины, часто лежащие в политической сфере. Начало кризиса связано с деятельностью Евмела в конце IV в. н.э.; следующий этап, хорошо прослеживаемый по археологическим памятникам Европейского Боспора, – рубеж первой – второй четверти III в. до н.э., а заключительный период (третья четверть этого столетия), возможно, связан с военными действиями

Левкона. А.С. *Балахванцев* (Москва) в сообщении «Царь Флавий Дад» поставил под сомнение попытку английского исследователя Д. Браунда отнести этого иберийского царя ко второй половине III или даже к IV в. до н.э. Палеографический анализ надписи Флавия Дада на серебряном блюде из Мцхета позволяет считать его современником императора Домициана. Два доклада было представлено *Д.В. Журавлевым* (Москва). В первом из них – «*Tege sigillata* в Северном Причерноморье: регионализм и интеграция» – анализировалась одна из категорий находок, краснолаковая керамика, в контексте римской экономики: соотношение привозной и местной керамики, конкурентная борьба между производителями разных центров, динамика импорта и т.п., что позволило сделать вывод об интегрированности Северного Причерноморья в мировую экономику того времени. Второй доклад был посвящен изучению античных светильников, хранящихся в фондах Национального музея Татарстана. Несмотря на то что коллекция невелика, в ней присутствует ряд интересных экземпляров: боспорская лампа в виде Силена, эллинистический александрийский светильник, серия причерноморских светильников римского времени с различными сюжетами на щитках и др. *Н.А. Бугрова* (Казань) в докладе «Античная терракота в собрании Национального музея Республики Татарстан» познакомила слушателей с коллекцией античной терракоты из собрания Национального музея Татарстана, насчитывающей 64 предмета, датированных в широком временном интервале от V в. до н.э. до IV в. н.э. Большая часть этих терракотовых изделий происходит из Темирюка и Керчи. Они весьма разнообразны по сюжетам, технике исполнения и, несомненно, заслуживают углубленного изучения. В докладе *С.И. Валиулиной* (Казань) «Античное стекло в собрании Археологического музея Казанского университета» была дана характеристика античных стеклянных изделий из этого собрания. В основном это фрагменты сосудов из прозрачного бесцветного, синего или голубого стекла, изготовленные, судя по имеющимся аналогиям, в I–IV вв. н.э. в Восточном Средиземноморье или в Италии.

В прениях, завершивших заседание секции, была отмечена необходимость скорейшего введения в активный научный оборот связанных с античностью археологических материалов из музеев Казани и других провинциальных городов и привлечения специалистов из ведущих научных центров.

Весьма разнообразным по тематике было содержание секции «"Из жизни идей": духовное наследие античного мира и его рецепция». *Ю.С. Обидина* (Йошкар-Ола) в сообщении «Идея воздаяния в греческой традиции» отметила, что данная идея нехарактерна для ранних этапов развития религиозных воззрений греков, хотя зачатки представлений о наградах и наказаниях после смерти присутствуют уже у Гомера. Довольно отчетливо идея воздаяния проявляется у Платона в диалогах «Горгий», «Федон», «Федр» и трактате «Государство». Элементы его воззрений на посмертное воздаяние складываются в целостную и стройную картину, во многом сходную с орфической концепцией Пиндара, изложенной им во II Олимпийской оде. Темой доклада *А.А. Синицына* (Саратов) была проблема личных взаимоотношений двух великих современников, драматурга Софокла и историка Геродота, в контексте духовной и политической жизни Афин V в. до н.э. По его мнению, широко распространенная точка зрения, согласно которой Софокл и Геродот были знакомы и даже чуть ли не являлись друзьями, выглядит спорной. Автор представил развернутую критику аргументов, приводимых сторонниками данного мнения. «Трактат Плутарха "Об умирании оракулов"» – тема доклада *Е.В. Клециновой* (Москва). Предметом ее изучения стали основные идеи Плутарха. Особое внимание было уделено определению преемственности натурфилософских взглядов Плутарха. *М.Г. Юнусова* (Казань) в докладе «Прометей и Марс: семантика мифологической генеалогии греков и римлян» обратилась к вопросу о «космологизме» музыкального этоса греков, о мере воздействия эллинской музыкальной традиции на римскую и об особенностях музыкальной культуры римлян в эпоху империи. *Ю.А. Ерохина* (Казань) в докладе «Августин о странах древнего Востока» отметила, что отбор материала Августином подчинен задаче проследить взаимодействие двух градов, Божьего и Земного. В целом же обращение Августина к истории древневосточных государств (Ассирии и Вавилона, Египта) не систематично, но носит концептуальный характер и важно для выстраиваемой им картины мировой истории. *О.Б. Мязина* (Тверь) в докладе «Аврелий Пруденций Клемент и формирование образа идеального правителя в христианской мысли» проанализировала представления Аврелия Пруденция Клемента о царской власти, содержащиеся в его поэме «Против Симмаха». При этом было проведено сопоставление идей поэта с разработками образа идеального правителя в трудах предшествующих христианских авторов, и были выдвинуты предположения относительно возможных истоков формирования его особой политической концепции. Доклад *А.И. Любжина* (Москва) «Техника эпического каталога в "Россиаде" Хераскова» был посвящен проблемам использования литературных приемов, разработанных античной эпической традицией, в новоевропейском эпосе на одном из наиболее сложных для современного восприятия примеров. Сравнение перечня российских отрядов в VI песни «Россиады» показывает, что М.М. Херасков, творчески используя приемы Гомера, Вергилия, Овидия, Лукана, Тассо, создает нечто самостоятельное и его перечень становится одним из наиболее «патетических» отрывков эпоса.

Заключительное пленарное заседание 16 ноября открыл *Е.А. Чиглинец* (Казань) докладом «О рецепции античного культурного наследия в XX в.». Им были раскрыты особенности восприятия и последующей трансформации античных идей и образов в двух видах искусства: элитарном – балете

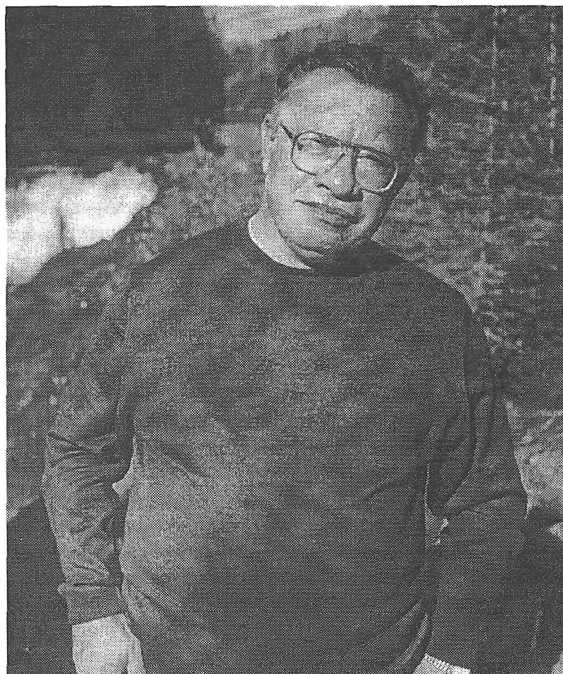
(на примере творчества И. Стравинского, А. Дункан, А. Хачатуряна) и массовом – кино (по материалам знаменитых фильмов «Клеопатра», «Спартак» и «Одиссея»). В.И. Кащеев (Саратов) в докладе «Ф. Ницше и антиковедение: к дискуссии о предмете и методе классической филологии» рассмотрел появление книги «Рождение трагедии» в контексте развития представлений о сущности классической филологии в германской науке об античности XIX в. Первая книга Ницше не только вызвала острую дискуссию, но и обозначила трудности и проблемы, возникшие в классической дисциплине несколько десятилетий спустя. Опыт отношения Ницше к предмету и методу филологии продолжает побуждать исследователей по-новому обращаться к духовному и научному наследию прежних эпох. Ю.А. Литвиненко (Москва) в докладе «Об изображении нилометра на серебряном ковше из Эрмитажа» обратился к анализу изобразительной сцены на серебряном ковше из Государственного Эрмитажа. По его мнению, прототипом изображения нилометра в представленной на ковше сцене могло послужить одно из изображений знаменитого Александрийского маяка, популярного в искусстве Средиземноморья римской и ранневизантийской эпохи. Н.А. Селунская (Москва) в докладе «Гуманитарные академические проекты баз данных по истории антиковедения» постарались определить общую роль историка-исследователя в процессе развития баз данных и конкретных аспектов исторических исследований, в которых представляется весьма актуальным применение разработок исторической информатики. Она познакомила аудиторию с двумя тесно связанными проектами в области антиковедения: «Bibliotheca Academica Translationum: Translations of Classical Scholarship» и «Антиковедение в России и Европе: база данных». Эти проекты имеют мультидисциплинарный характер и сочетают эвристическую направленность с аналитической, их составной частью является сбор информации в столичных и провинциальных библиотеках страны, а также приобщение к банкам данных, сформированных в Европе по литературе, посвященной античному миру.

Представители секций в отчетах о проделанной работе единодушно отметили высокий уровень докладов, оживленность и конструктивность дискуссий в прениях.

Участникам конференции была предложена культурная программа: концерт учащихся средней специальной музыкальной школы-лицея при Казанской государственной консерватории им. Н. Жиганова, в котором участвовали и студенты консерватории. экскурсии в Казанский Кремль, Музей истории КГУ, Исторический музей и Музей изобразительного искусства, Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки КГУ. «Ветераны» «Античного понедельника» 15 ноября, в день рождения А.С. Шофмана, совершили поездку к его могиле.

Завершение конференции было омрачено безвременной скоропостижной кончиной в ночь с 16 на 17 ноября заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков КГУ профессора Владимира Даниловича Жигунина. Участники конференции, только что вернувшиеся из Казани домой, откликнулись на это трагическое известие, прислав соболезнования и выразив скорбь и соболезнования его родным, близким и коллегам.

О.Л. Габелко

© 2002 г.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ДАНИЛОВИЧА ЖИГУНИНА

17 ноября 2001 г. скоропостижно скончался видный историк, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации Владимир Данилович Жигунин. Он ушел так неожиданно и рано, в расцвете сил – на следующий день после окончания Всероссийской научной конференции «Античность в современном измерении», на организацию и проведение которой потратил столько времени и энергии. Владимир Данилович считал, что эта конференция станет заметным рубежом в развитии антиковедения в Казани и в России, важным шагом в осмыслении и постижении столь любимого им прошлого. Но идти по этому пути нам суждено уже без него...

В.Д. Жигунин родился 16 ноября 1943 г. в рабочем поселке Тимашево Кинель-Черкасского района Самарской (тогда Куйбышевской) области. Его отец Даниил Игнатович пропал без вести во время Великой Отечественной войны. Володю воспитывала мать Александра Владимировна Непряева, работница местной швейной фабрики. После окончания школы в 1962 г. В.Д. Жигунин работал библиотекарем в поселковой библиотеке. С 1963 по 1967 г. он учился на историческом факультете КГУ.

Своей специальностью он без колебания избрал историю древнего мира. На определение сферы его научных интересов повлиял заведующий кафедрой всеобщей истории проф. Аркадий Семенович Шофман, крупный специалист по истории античной Македонии, эллинизма и истории древности, под руководством которого сложилась казанская историографическая школа. Центром притяжения студентов и аспирантов сделался созданный в 1966 г. научный семинар «Античный понедельник». Продолжателем исследований А.С. Шофмана в области изучения эллинизма и традиций казанского антиковедения, восходящих к творчеству Ф.Г. Мищенко и М.М. Хвостова, стал В.Д. Жигунин. Он досрочно завершил обучение в аспирантуре

защитой в 1970 г. диссертации «Международное положение Македонии в период развития эллинизма (70–20-е годы III в. до н.э.)», которая получила высокую оценку известных антиковедов – С.Л. Утченко и Н.Н. Пикуса. В этой работе, как и в дальнейших исследованиях молодого ученого, в полной мере проявились такие его черты, как scrupulousность в анализе данных источников, умение увидеть новое в хорошо, казалось бы, известных событиях, оригинальность и нестандартность мышления.

Углубленное изучение внешней политики и международных отношений эллинистических государств было им продолжено и завершилось монографией «Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э.» (Казань, 1980) и докторской диссертацией «Международная политика эллинистических государств (280–220 гг. до н.э.)», защищенной в МГУ в 1989 г. Впервые в отечественной историографии В.Д. Жигунин в полном объеме исследовал становление международной системы эллинистических государств, предпосылки для их завоевания Римом. Им были заново проанализированы многочисленные свидетельства, относящиеся к эллинистической дипломатии, международному праву, уточнена характеристика хода событий крупнейших, но малоисследованных международных конфликтов – Хремонидовой войны, морского соперничества Македонии и Египта, Сирийских войн, выявлена роль в этих событиях таких крупных исторических личностей, как Пирр, Арсиноя II, Птолемей Андромак, Антигон Гонат и другие. Автору удалось проследить, как перемещались центры международных противоречий в Восточном Средиземноморье, исследовать внешнеполитические акции Рима до начала его экспансии на эллинистическом Востоке в конце III в. до н.э. Впоследствии Владимир Данилович неоднократно обращался к детальной разработке отдельных сюжетов межгосударственных отношений эллинистической эпохи, что отнюдь не было повторением сделанного им ранее: каждая его работа в данном направлении способствовала расширению наших знаний по истории этого чрезвычайно сложного и интересного периода.

Приступив в январе 1970 г. к преподавательской работе на историческом факультете КГУ, В.Д. Жигунин прошел путь от ассистента до профессора. Владимир Данилович находился в постоянном творческом труде: его перу принадлежит более 100 печатных работ.

Об универсальности знаний и исследовательских подходов Владимира Даниловича, редкой для нашего времени широте круга его научных, педагогических и общественных интересов свидетельствуют тематика его трудов и эволюция научных взглядов. Кроме истории эллинизма В.Д. Жигунин всегда интересовали теоретические проблемы исторической науки, которым он посвятил ряд крупных публикаций. Обобщая и систематизируя результаты собственных исследований, он обратился к кардинально важным проблемам, связанным с природой исторического процесса как такового. Первые его опыты разработки философско-исторических схем были связаны с подготовкой в середине 80-х годов коллективного труда «Периодизация всемирной истории» (Казань, 1984), в которой ученый обратился к осмыслению понятий «историческое пространство», «историческое время», «культура», «цивилизация» и др. Анализ данной проблематики он вел путем непрерывного диалога с коллегами-преподавателями, студентами, аспирантами, через структуры учебного процесса и «Античного понедельника». Итогом стала разработка спецкурса «Древность и современность», части которого впервые были опубликованы в Самаре в виде книг «Древность и ее место в историческом процессе» (1996), «Философия истории: формирование и эволюция основных идей» (1997). Работу подытожила книга «Древность и современность: человечество на пути к синтезу» (Казань, 2000), где предпринята попытка синтезировать формационный и цивилизационный подходы к истории в рамках более общих понятий и на этой основе представить примерную модель всемирной истории. Исходя из тезиса, что синтез в истории – не эклектика, а создание нового качества на основе историографической критики, В.Д. Жигунин сделал попытку переосмыслить функции и роль историографии, которая, по его мнению, должна стать своеобразным мостом к универсально-историческому синтезу. Эта монография сразу же стала «бестселлером» как среди историков, так и у представителей других специальностей – философов, политологов, социологов.

В последние годы В.Д. Жигунина привлекали различные аспекты формирования исторического сознания в древности и раннем средневековье. Этой проблеме он посвятил ряд спецкурсов, материалы которых легли в основу его новой книги. Большую часть монографии ему удалось подготовить к публикации, однако завершить ее целиком он не успел.

Многогранна была и педагогическая деятельность: он читал базовые курсы по истории первобытного общества, древней Греции и Рима, средневекового Востока, специальные курсы, вел спецсеминары, руководил многочисленными дипломниками и аспирантами. Им подготовлены семь кандидатов и два доктора наук.

В.Д. Жигунин поддерживал научные связи с учеными многих городов и вузов России, Белоруссии, Казахстана, был членом Российской Ассоциации антиковедов, Российского Общества интеллектуальной истории, постоянно участвовал в проводимых ими конференциях, часто выступал оппонентом на защитах диссертаций. Много сил он отдал пропаганде исторических знаний. Блестящий лектор и методист, он был любим в любой аудитории, пользовался высочайшим авторитетом среди коллег, преподавателей и студентов.

Природа наделила В.Д. Жигунина талантом руководителя. Он многие годы был заместителем декана исторического факультета, с марта 1986 г. заведовал кафедрой всеобщей истории КГУ, а с февраля 1991 г. – кафедрой истории древнего мира и средних веков. Дарование Владимира Даниловича как руководителя особенно ярко проявилось в условиях, когда кафедра выиграла в 1999 г. грант по программе поддержки кафедр Института «Открытое общество». Реализуя его, ученые кафедры издали более 10 монографий, сборников статей, учебных пособий, провели Всероссийскую конференцию, посвященную 35-летию «Античного понедельника». В.Д. Жигунин представлял собой тот, пожалуй, близкий к оптимальному тип руководителя, которого «не видно», но под спокойным и уверенным руководством которого дела идут именно так, как нужно.

Несмотря на весомость научных достижений и заслуг, Владимир Данилович оставался удивительно скромным человеком, следуя не букве, но духу максимы Эпикура – «живи незаметно». Кажется, далеко не случайным был и его интерес к стоической философии – столь невозмутимо он принимал житейские трудности и невзгоды, так мало обращал внимания на себя. Будучи истинно университетским профессором не по званию, а по складу души Владимир Данилович отличался какой-то трогательной, немного детской застенчивостью. Многие черты его характера оставались скрытыми для окружающих. Мало кто знал, каким он был романтиком. Одна деталь: дома у него был маленький телескоп, в который он любил смотреть на звездное небо...

Дар педагога и организатора у В.Д. Жигунина органично сочетался с его душевной широтой, доброжелательностью, неизменной толерантностью, готовностью всегда помочь другим, что постоянно ощущали все его коллеги, друзья и родные. Владимира Даниловича многое объединяло с его учителем А.С. Шофманом. Оба были настоящими учеными-подвижниками, ставившими превыше всего интересы не карьеры, а дела и профессиональной чести, оба вписали яркие страницы в историю отечественного антиковедения. Даже родились они с разницей в один день и тридцать лет. Кафедра осиротела во второй раз. Теперь всех, кто знал и любил Владимира Даниловича, тех, кому выпало счастье учиться у него и работать вместе с ним, не оставит чувство горькой утраты, потери, которую никогда не удастся восполнить. Остается одно – помнить его и продолжать то дело, которому он посвятил большую часть своей жизни.

*Кафедра истории древнего мира и средних веков
исторического факультета КГУ*

Сектор античной истории ИВИ РАН

*Редколлегия и редакция журнала
«Вестник древней истории»*

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2002 г.

Dictys Cretensis

ΕΡΗΜΕΡΙΣ ΒΕΛΛΙ ΤΡΟΙΑΝΙ

Диктис Критский

ДНЕВНИК ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Перевод с латинского и комментарии

В.Н. Ярхо

Книга вторая*

1. После того как ветры пригнали весь флот к области мизийцев, корабли поспешно по данному сигналу пристают к берегу¹. Однако стража препятствует им при желании высадиться, так как Телеф, который тогда был правителем Мизии, выставил стражу на берегу, чтобы она защищала всю землю от набега врагов с моря. Поэтому, так как грекам мешают сойти с кораблей и не позволяют прикоснуться к земле, прежде чем известят царя, кто они такие, наши сначала пытаются пренебречь запретом и поодиночке высаживаться с кораблей. Стража, однако, ничуть этому не попустительствует, а начинает из всех сил сопротивляться и мешать. Тогда все вожди, решив отомстить за обиду боем, схватив оружие, устремляются с кораблей и, охваченные гневом, начинают разить стражу, не щадя даже тех, кто обратился в бегство, так что если кого-нибудь из бегущих настигали, то убивали.

2. Между тем к Телефу приходят те, которые первыми спаслись бегством от греков; сообщают, что на них обрушились многие тысячи врагов и, перебив стражу, захватили берег; к этому некоторые со страху добавляют еще много прочего. Узнав о случившемся, Телеф со своей свитой и остальными, которых смог собрать вместе в такой спешке, немедленно выступает навстречу грекам, и тотчас, со сплоченными с обеих сторон рядами, завязывается ожесточенная схватка. Если кто одолевает, убивает противника, в то время как с обеих сторон ожесточенно наступают, случайно убивая и там и здесь кого-нибудь из своих. В этом сражении, сойдясь с Телефом и сраженный им, погибает Фессандр (как мы упоминали, сын Полиника), успев до

* Начало см. ВДИ. 2002. № 1. С. 239–251.

¹ Краткое упоминание о событиях в Мизии было уже в «Киприях», несколько подробнее – у Аполлодора (Эпит. III. 17), но без всех прикрас, внесенных Диктисом.

этого перебить много врагов и среди них – упорно сражавшегося соратника Телефа, которого царь по его физической и умственной силе считал среди своих вождей. Возносясь понемногу душой вследствие благоприятного хода войны и напав поэтому на превосходящего силами противника, Фессандр погибает. Его окровавленное тело вздымает на плечи Диомед, так как между ними существовали постоянные узы гостеприимства, завязанные еще их родителями².

Он похоронил его по отцовскому обычаю, предав огню то, что оставалось от тела.

3. Когда Ахилл и Аякс Теламонов увидели, что исход битвы оборачивается большим ущербом для прибывших, они делят войско на две части. И подбодрив своих сообразно с обстоятельствами, как бы с возродившимися силами еще настойчивее устремляются на врагов, причем вожди сражаются в первых рядах и то преследуют бегущих, то, со своей стороны, словно стена, противостоят нападающим. Таким образом, воюя первыми или среди первых, уже тогда они снискали себе великую славу своей доблестью и среди врагов и среди своих. Между тем, Тевфраний, сын Тевфранта и Авги, единокровный брат Телефа³, заметив, что Аякс с такой славой бьется с мизийцами, поспешно обращается против него и, сражаясь, падает под ударом его копья. Немало потрясенный этим случаем, Телеф, стремясь отомстить за смерть брата, ожесточенно нападает на вражеский строй и, обратив в бегство тех, кто выступал против него, упорно преследует Улисса в винограднике, который находился вблизи места сражения. Здесь он, запутавшись в виноградных лозах, падает. Как только Ахилл издала это заметил, он, метнув копье, пронзает Телефу левое бедро. Но Телеф, бодро поднявшись, извлекает наконечник из тела и под защитой сбежавших своих избавляется от неминуемой гибели.

4. Между тем, завершилась уже большая часть дня, когда шедшая с обеих сторон с величайшим напряжением битва, без всякого отдыха в непрерывных сражениях и в схватках вождей друг с другом, стала затихать. Наших, несколько утомленных многодневным плаванием, особенно лишало мужества присутствие Телефа, ибо он, будучи сыном Геркулеса, прекрасный физически и в расцвете сил, приравнял свою собственную славу к божественной отцовской доблести. Итак, с наступлением ночи по общему согласию наступил перерыв в войне. Мизийцы уходят к себе домой, наши – к кораблям. Впрочем, в этом сражении в обоих войсках было много убитых, но и огромное количество раненых, так как не было почти никого, кто бы не принимал участия в этой убийственной войне, разве только очень немногие. На следующий день посылают с обеих сторон послов договориться о погребении павших в битве и, установив перемирие, собирают трупы и хоронят их, предав огню.

5. Между тем, Глеподем и Филипп с братом Антифом (выше мы указывали⁴, что, происходя от Фессала, они были внуками Геркулеса), узнав, что в этих местах правит Телеф и будучи уверенны в своем родстве, приходят к нему и объявляют, что они такие и вместе с кем плывут. Обменявшись длинными речами, наши под конец жестоко его обвиняют, что он так враждебно относится к своим: ведь войско это собрали Пелопиды Агамемнон и Менелай, не чужие его роду⁵. Затем послы рассказывают о том, что натворил в отношении дома Менелая Александр, похитив Елену. Телефу-де следует как из-за родства, так особенно из-за преступного оскорбления общего для греков закона гостеприимства оказать им со своей стороны помощь, потому что в их высоком положении продолжают жить по всей Греции многочисленные воспоминания о подвигах самого Геркулеса. Телеф, хоть его и безмерно мучила рана, на это благосклонно отвечал, что беда произошла, скорее, по их собственной вине, поскольку он не знал, что к его царству прибило ближайших друзей, связанных с ним узами родства; им следовало сначала выслать людей, от которых он бы узнал об их прибытии и вышел, как должно, с приветом навстречу; он принял бы их гостеприимно и по-дружески и, одарив подарками, отпустил, когда им было бы угодно. В остальном – он отказывается принимать участие в походе против Приама, так как женат на его дочери Астиохе⁶ и рожденный ею сын Еврипил мешает этому как вернейший залог родства. Здесь он велит возвестить народу, чтобы отказаться от начатой войны, и дает нашим полную возможность вернуться к кораблям. Глеподем

² *Узы гостеприимства, завязанные их родителями.* – Смелое утверждение, так как Полиник и Тидей, отец Диомеды, встретились впервые в доме Адраста, где они затеяли драку (*Еврип.* Финник. 415–422), и о дальнейших их взаимоотношениях известно только, что оба погибли под стенами Фив. Иное дело, что Диомед участвовал вместе с Фессандром в походе эпигонов, завершившемся взятием Фив.

³ *Телеф* был сыном Авги от Геркулеса; попав в Мизию, Авга стала женой местного царя Тевфранта. Ср. *Страбон.* XIII. 1. 69. С. 615; *Гиз.* 99, 100.

⁴ *Выше мы указывали:* I. 14.

⁵ *Не чужие его роду* – разве только в том отношении, что Пелоп и Телеф приходились внуками Юпитеру, но от разных отцов.

⁶ *Астиоха* обычно считается сестрой Приама, а не дочерью (см. *Аполлод.* III. 12. 3).

и сопровождавшие его вверяются Еврипилу и, совершив, что хотели, достигают кораблей, где сообщают Агамемнону и остальным царям о мире и согласии с Телефом.

6. Услышав это, цари с радостью прекращают приготовления к войне. Затем по решению совета Ахилл с Аяксом пришли к Телефу, утешали его, угнетаемого тяжкими страданиями, и настойчиво просили мужественно переносить несчастье. Телеф же, когда иногда наступало отдохновение от мучений, обвиняет греков, что не предварили свое прибытие каким-нибудь известием. Затем расспрашивает, кто именно и сколько Пелопидов участвуют в этом походе, и, узнав, усиленно просит, чтобы все пришли к нему. Тогда наши, пообещав сделать, что он хочет, извещают о желании царя остальных. Итак, все Пелопиды, кроме Агамемнона и Менелая, собравшись вместе, приходят к Телефу и своим присутствием доставляют царю много искренней радости; он радушно их принимает и щедро одаривает подношениями. К тому же из тех воинов, кто оставался у кораблей, никого не минула царская щедрость, ибо по числу кораблей было доставлено достаточно зерна и прочего, что необходимо. В остальном, когда царь заметил отсутствие Агамемнона и его брата, многократно усиленно просит Улисса, чтобы он добился их прихода. Итак, они приходят к Телефу и, по обычаю царей, вручив и получив дары, велят сыновьям Эскулапа Махаону и Подалирию пойти к царю и исцелить рану; те, заботливо осмотрев ее, тотчас налагают подходящие лекарства от боли⁷.

7. Когда по прошествии нескольких дней время, подходящее для отплытия, откладывается и море, послушное неблагоприятным ветрам, начинает со дня на день все больше свирепствовать, греки приходят к Телефу и спрашивают у него совета относительно времени, подходящего для отплытия; узнав от него, что время, удобное для плавания из этих мест под Трою – начало весны, а остальное неблагоприятно, по общему желанию возвращаются в Беотию и, вытащив на сушу корабли, расходятся все зимовать в свои царства. Этого свободного времени было достаточно, чтобы из-за преданной смерти Ифигении разгорелась распря между Агамемноном и его братом Менелаем⁸, так как его считали виновником и как бы главной причиной этого печального события.

8. В это же время в Трое узнали о союзных действиях всей Греции, причем известие это принесли варвары-скифы, которые ради торговли шныряют взад и вперед по всему Геллеспонту и привыкли обмениваться новостями с местными жителями. В Трое на всех напали страх и ужас, тем более чем некоторые люди, которым с самого начала не понравился дурной поступок Александра, совершенный против Греции, уверяли, что из-за порочности немногих город обречен на всеобщую гибель. В обстановке такого страшного волнения Александр и другие его плохие советчики рассылают многих послов, отобранных из всех сословий, для привлечения помощи из соседних областей, и им поручается возвращаться, выполнив задание как можно скорее. Особенно торопят в этом отношении Приамиды, чтобы, спешно собрав войско, предупредить во времени выступление греков и перенести всю готовящуюся войну в области Греции⁹.

9. Пока это происходит в Трое, Диомед, извещенный об их намерении, очень спешно объезжает всю Грецию, посещает всех вождей и, открывая им замысел троянцев, побуждает и внушает, чтобы торопились к отплытию, как можно скорее подготовив все необходимое для войны. Немного погодя все они, узнав, в чем дело, собираются в Аргосе. Здесь Ахилл негодует на царя, что он из-за дочери откладывает выступление, но Улиссу удается склонить его¹⁰ к снисхождению, так как он долго объясняет печальному и объятому скорбью Агамемнону, что произошло с его дочерью¹¹, и восстанавливает душевное спокойствие царя. Итак, хоть никто из всех собравшихся не пренебрегал воинскими делами, величайшую заботу и попечение о начале войны взяли на себя главным образом Аякс Теламонов и Ахилл с Диомедом; они решили приготовить кроме собранного флота корабли для набегов на вражескую местность. Итак, за несколько дней строят флот из пятидесяти кораблей, оснащенный по всем правилам. В остальном, по прошествии восьми лет от начала этого похода, начинается год девятый.

10. Когда флот был целиком оснащен, спокойное море содействовало плаванию и не было больше никаких препятствий, вожди выбрали за плату проводниками в этом отплытии скифов, которые как раз причалили сюда¹² ради торговли. В то же самое время в Аргос приплывает

⁷ *Налагают лекарства.* – Как видно из гл. 10, недостаточные для исцеления.

⁸ *Распря между Агамемноном и Менелаем* – мотив, заимствованный у Еврипида (Иф. А. 303–414).

⁹ О намерении троянцев начать превентивную войну и об усилиях Диомеда по ее предотвращению (см. следующую главу) из других источников ничего не известно.

¹⁰ *Склонить его* – т.е. Ахилла.

¹¹ См. I. 22.

¹² *Причалили сюда.* – См. прим. 14.¹

Телеф, долго мучившийся болью от той раны, которую получил в сражении против греков, и не мог исцелиться никаким средством; наконец, он получил указание от оракула Аполлона обратиться к Ахиллу и сыновьям Эскулапа. Всем собравшимся вождям, удивленным его появлением, он объясняет, что причиной является оракул, и просит, чтобы друзья не отказали ему в предписанном лекарстве. Узнав об этом, Ахилл вместе с Махаоном и Подалирием, проявив заботу о ране, вскоре подтверждают справедливость оракула¹³. Затем греки, совершив многочисленные жертвоприношения и призывая богов в помощники их предприятию, прибывают в Авлиду вместе с названными выше кораблями¹⁴ и оттуда поспешно отплывают, причем проводником им поначалу служит Телеф¹⁵ в благодарность за услугу. Так, погрузившись на корабли, при попутных ветрах, они прибыли под Трою.

11. В это же время ликиец Сарпедон, сын Ксанфа¹⁶ и Лаодамии, побужденный частыми вестниками от Приама, подходил с большим войском к Трою. Когда он видит издали, что к берегу приближается огромный флот, он, приняв решение по ходу дела, спешно строит своих и нападает на греков, начавших высаживаться. Немного позже, узнав о случившемся и схватившись за оружие, прибегают сыновья Приама; а между тем греки, окруженные врагами, наступавшими со всех сторон, не могут ни сойти с кораблей без больших для себя потерь, ни взяться как следует за оружие, так как все сбились в одну кучу и поэтому во всем мешали друг другу. Однако в конце концов те, кто в этой спешке смог вооружиться, подбадривая друг друга, решительно нападают на врагов. И в этой битве в числе первых погибает Протесилай, чей корабль первым из всех пристал к берегу; сражаясь, он в конце концов был убит копьем Энея¹⁷. Пали также два сына Приама, не миновала смерть и остальных с той и другой стороны.

12. Между тем Ахилл и Аякс, сын Теламона, чья подлость всегда поддерживала греков, сражались с великой славой, врагам внушили страх, своим же придали уверенности. И враги уже не могли сопротивляться им, так что противник, понемногу отступая, в конце концов обратился в бегство. Так, получив передышку от битвы, греки, вытащив на сушу корабли, располагают их в полном порядке. Затем они избирают командирами¹⁸ Ахилла и Аякса Теламонова, чьей доблести они доверили в наибольшей степени, и вручают им попечение о флоте и войске, распределив между ними фланги. Когда все было расположено по порядку, уходит домой, сопровождаемый большой благодарностью войска, Телеф, под чьим руководством плыли под Трою. Несколько позже, когда наши были заняты похоронами Протесилая и не ожидали в это время никакой опасности со стороны врагов, Кикн, чье царство находилось недалеко от Трои, узнав о нашем прибытии, неожиданно и из засады напал на греков и вынудил их, перепуганных неожиданной бедой, к бегству без всякого порядка и воинской дисциплины. Тогда остальные, которым не было поручено это погребение, поняв что происходит, и поспешно вооружившись, вышли против Кикна. Среди них Ахилл, сойдясь с царем, убил его, а также множество врагов, освободив таким образом от преследования наших, обратившихся ранее в бегство.

13. И вот, когда вожди были обеспокоены и вследствие убийства многих воинов боялись внезапных нападений врагов, было решено прежде всего двинуться с частью войска на соседние с Троей города и всячески подвергнуть их опустошению. Прежде всего они нападают на страну Кикна и все кругом опустошают. Но когда они вторглись безо всякого сопротивления в город неандрийцев¹⁹, который как столица царства считался кормилицей сыновей Кикна²⁰, и начали

¹³ Диктис не говорит здесь о том, что, согласно традиции, лекарством для Телефа должна была явиться ржавчина, накопившаяся на копье Ахилла, которым он был ранен (*Аполлод.* Эпит. III. 20; *Гиг.* 101). Без этого остается непонятным, почему предыдущее лечение (см. гл. 6), осуществленное теми же врачами, оказалось недостаточным.

¹⁴ *Вместе с кораблями.* – По-видимому, Диктис плохо представлял себе, что Аргос лежит примерно в 10 км от моря и ближайшая от него гавань – Навплий. Иначе надо предположить, что все 50 кораблей волокли от Аргоса до Навплия волоком. Точно так же Телеф должен был приплыть в Навплий, а оттуда добираться до Аргоса по суше.

¹⁵ *Проводником служит Телеф.* – Зачем нужны были упомянутые выше скифы?

¹⁶ *Сарпедона* чаще считали сыном Зевса: *Ил.* VI. 198 сл.

¹⁷ По традиционной версии, *Протесилай* погиб от руки Гектора: *Ил.* II. 698–702; *Аполлод.* Эпит. III. 30; *Гиг.* 103.

¹⁸ *Избирают командирами.* – См. I. 16 и прим. Диктис везде представляет себе греческую армию как войско, сражающееся по всему фронту под начальством командиров.

¹⁹ *Неандр* – город в Троаде. Однако никто, кроме Диктиса, не сообщает о нападении на него греков. Неясно и местонахождение самой страны Кикна. О его единоборстве с Ахиллом см. *Пинд.* Ол. II. 87–91; *Истм.* V. 39.

²⁰ *Кормилица царских сыновей* во главе города – ситуация, возможная только в изложении Диктиса.

его поджигать, жители стали со слезами и просьбами умолять их, чтобы они отказались от своего намерения, заклиная всеми богами и людьми и припадая к их коленам, чтобы они не позволили за вину преступнейшего вождя испытать бедствия невинному городу, который немного спустя будет им верным. Так, вызвав к себе сострадание, этот город спасся. Впрочем, по требованию греков неандрийцы выдали царевичей Кобиса и Кориана и сестру их Главку; ее они отдали Аяксу за его храбрые деяния кроме другой причитающейся ему добычи. Немного погодя неандрийцы приходят к грекам с мольбами и с предложением мира и своей дружбы и давая слово, что исполнят все, что им прикажут. Сделав это, греки напали на Киллу и завоевали ее. Однако отстоявшую недалеко Карену не тронули из расположения к неандрийцам, которые даже оставались верны вождю этого города, а к этому времени были нашими друзьями.

14. В это же время до греков доходит Пифийский оракул: все должны уступить Паламеду совершение жертвоприношения Зминфийскому²¹ Аполлону. Это указание многим понравилось вследствие усердия этого мужа и любви к нему, выдававшемуся среди всего войска; никому из вождей он не досаждал. В остальном жертвоприношение ста голов скота, как и было предписано, совершалось от имени всего войска под руководством Хриса, жреца этой местности. Между тем, узнав об этом, Александр, собрав вооруженный отряд, явился, чтобы помешать церемонии. Прежде чем он приблизился к храму, два Аякса обратили его в бегство, перебив многих из отряда. Но Хрис (как мы выше сказали, жрец Аполлона Зминфийского), боясь нападения со стороны обоих войск, делал вид, что он союзник тех, кто к нему приходил от той или от другой стороны. Между тем во время этого жертвоприношения Филоктета, стоявшего недалеко от алтаря, ужалила змея. Когда все, кто это увидел, подняли крик, прибежавший Улисс убивает змею; и немногим позже Филоктета вместе с немногими сопровождающими посылают для исцеления на остров Лемнос, так как местные жители говорили, что здесь в святилище бога Вулкана находятся жрецы, умеющие лечить от такого рода ядов²².

15. В то же время Диомед и Улисс, по свойству человеческой души, принимают решение убить Паламеда, так как человек нехороший по отношению к обидчивости и полный зависти, не может допустить, чтобы впереди него был, пусть даже лучший, человек²³. И вот, притворившись, будто хотят разделить с ним найденный в глубокой яме клад, удалив всех посторонних, они убеждают, что лучше всего, если он спустится в яму; не боясь никакого коварства, придерживаясь за веревку, он туда спускается; тогда они его туда сбрасывают и, схватив камни, которых много лежало кругом, они заваливают его ими сверху. Так недостойно погиб лучший муж, любимый в войске, чьи совет или доблесть никогда не пропадали даром. Но были люди, говорившие, что Агамемнон плохо прислушивался к советам Паламеда, зная о любви его к войску, и тайно утверждавшие, что поэтому большая часть охотно согласилась бы передать власть от царя Паламеду. Итак, все греки устроили ему сожжение на огне как бы в виде публичных похорон, и прах его был погребен в золотой урне.

16. Между тем, Ахилл, считая, что соседние с Троей города являются помощниками и как бы рассадниками войны, нападает с несколькими кораблями на Лесбос, захватывает его без всякого труда и убивает царя Форбанта, замышлявшего много против греков, а дочь его Диомедею уводит с большой добычей²⁴. Затем, уступая требованию всех своих, нападает большими силами на города Скир и Гиераполь, наполненные всякими богатствами, и в несколько дней разоряет их без всякого затруднения. На том пути, которым он продолжил идти, поля, богатые ввиду постоянного мира, были разграблены и подвергнуты всяческим мучениям и ничего, что казалось дружественным троянцам, не было оставлено неразрушенным или неопустошенным. Увидев это, соседние народы добровольно обращаются к Ахиллу с предло-

²¹ Зминфийскому – правильное: Сминфейскому.

²² Весь эпизод, составляющий содержание этой главы, – изобретение Диктиса. При жертвоприношении Аполлону Хрис ни в чьей помощи не нуждался, а Филоктет был укушен змеей еще до высадки греков на троянской земле (см. "Киприи" и трагедию Софокла "Филоктет").

²³ О зависти Одиссея к Паламеду писал еще Ксенофонт (Воспом. о Сократе. IV. 2, 33). Одиссей возненавидел Паламеда, когда тот разоблачил его попытку уклониться от участия в Троянской войне, и построил его осуждение на смерть, о чем сообщалось уже в «Киприях» и в посвященных Паламеду трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида. Диомед к этому эпизоду никакого отношения не имел. По сообщению Павсания (X. 31. 2), была в «Киприях» и другая версия о гибели Паламеда: его утопили Одиссей и Диомед, когда он шел удить рыбу. Возможно, реминисценцией этого мотива и было изложение Диктиса, в остальном малоправдоподобное: если Паламед был завален камнями в глубокой яме, как узнали об этом в войске?

²⁴ О нападении Ахилла на окрестные города сообщалось уже в "Киприях" и неоднократно – в «Илиаде»: II. 691–694; VI. 414–427; XIX. 60, 291–296; XX. 92, 191–194. Детали принадлежат Диктису.

жением мира и, условившись отдавать ему половину урожая, чтобы он не разорял их полей, дают заверения в мире и получают от него такие же. По совершении этого Ахилл возвращается к войску с великой славой и добычей. В то же самое время скифский царь, узнав о прибытии наших, явился со многими дарами.

17. Впрочем, Ахилл, неудовлетворенный своими подвигами, нападает на киликийцев, и здесь он после нескольких дней битвы взял город Лирнес. Убив затем Эетиона, который правил в этих местах, Ахилл наполняет корабли большой добычей и увозит дочь Хриса Астиному, которая в то время была замужем за царем²⁵. Вскоре он начал осаждать город лелегов Педас. Их царь Брис, видя, как наши свирепствуют при осаде, и поняв, что не может никакой силой помешать врагам или быть достаточной защитой своим, потеряв надежду на бегство и спасение, вернувшись домой, кончил жизнь, повесившись, в то время как остальные напрягали силы в борьбе с врагом. Вскоре после этого город был взят, много народу перебито, и царская дочь Гипподамия уведена в плен²⁶.

18. В это же время Аякс, сын Теламона, всячески нападал на Херсонес Фракийский, и когда их царь Полиместор увидел славную доблесть этого мужа, он, не надеясь на свои силы, сдался. Тогда же в качестве платы за мир им был выдан Полидор, младший сын Приама, которого царь тайно от всех отослал к Полиместору на воспитание²⁷. Для умиротворения врагов было дано также достаточно золота и других такого же рода приношений. Затем, пообещав зерна для всего войска на целый год, Полиместор наполняет им грузовые суда, которые Аякс держал при себе для этой цели. После того как Полиместор многократно поклялся в отказе от союза с Приамом против греков, ему были дарованы мир и доверие. По свершении этого Аякс обращается против фригийцев и, вторгшись в их область, убивает в поединке их царя Тевфранта²⁸; спаливши после нескольких дней осады город, Аякс берет большую добычу и увозит царскую дочь Текмессу.

19. Итак, оба вождя, разорив и завоевав много областей, сами славные в своем великолепии громким именем, возвращаются к войску из разных мест, как будто нарочно, в одно и то же время. Затем, собрав через глашатаев всех вождей и воинов и выйдя на середину, выложили каждый на всеобщее обозрение доказательства своих трудов и стараний. Увидев это, греки одарили их величайшей благодарностью и славой и, как они стояли посередине, так и увенчали их оливковыми ветвями. Затем, начав совет по разделу добычи, наиболее влиятельным считают мнение Нестора и Идомея. Итак, по общему согласию из всей добычи, которую привез Ахилл, кроме жены Эетиона Астиномы (как мы выше указали, она была дочерью Хриса), предоставили выбор, из почтения к царю, Агамемнону. Сам же Ахилл удержал при себе, кроме дочери Бриса Гипподамии, Диомедею, так как были они ровесниками и одинаково воспитаны; оторвать их одну от другой без больших страданий было невозможно, и поэтому еще ранее, обнимая колени Ахилла, они с величайшими мольбами просили не разлучать их. Остальная добыча была распределена по людям в соответствии с заслугами каждого. Затем по просьбе Аякса Улисс и Диомед вынесли на середину привезенную им добычу. Из нее царю Агамемнону дают золота и серебра, сколько казалось достаточным; Аяксу за его выдающиеся деяния присуждают Текмессу, дочь Тевфранта. Что оставалось сверх того, делят по людям и распределяют по войску зерно.

20. По завершении этого, в соответствии с договором, заключенным с Полиместором, грекам доставляется выданный Полидор; все решают, чтобы Улисс с Диомедом, отправившись к Приаму, заполучили Елену со всем похищенным и за это передали царю Полидора. И вот, когда они готовились это выполнить, наравне с ними берет на себя обязанность послать Менелай, ради которого затевалось все это дело²⁹. Итак, удерживая у себя Полидора, послы

²⁵ Насчет того, что дочь Хриса была замужем за царем Лирнеса, источники ничего не сообщают, но в схолиях к «Илиаде» встречаются указания, что она была захвачена в плен в гипоплакийских Фивах, либо будучи соотечественницей Андромахи, либо укрывшись там после разорения о-ва Хрисы, либо придя к сестре Эетиона и совершая жертвоприношение Артемиде.

²⁶ По своему обычаю Диктис и здесь выворачивает всю традицию наизнанку: в Лирнесе в плен была взята Брисеида.

²⁷ Об убийстве (а не о выдаче) *Полидора*, и притом в конце войны, и вовсе не греками, а Полиместором, см. *Еврп.* Гек. 1–58, 679–720, 1133–1139; *Верг.* Эн. III. 40–57; *Овид.* Метам. XIII. 429–438. Как участие в этой истории Аякса, так и все остальное (гл. 20, 22, 27) присочинено Диктисом.

²⁸ *Тевфрант* ранее (гл. 3) был назван царем мизийцев; Диктис спутал его, видимо, с фригийским царем Телевтом, чьей дочерью считалась Текмесса. Если же принять версию Диктиса, то Текмессу придется считать сводной сестрой Телефа, на что в традиции нет ни малейшего намека.

²⁹ Второму посольству греков в Трои так же нет аналогии в традиции, как и захвату Полидора.

являются к троянцам. Но когда народ заметил, что приближаются выдающиеся и славные именем мужи, тотчас собираются все старейшины, которым положено было держать совет, при том, что Приама сыновья удерживают дома. Итак, в присутствии остальных греков Менелай произносит речь: во второй-де раз он пришел по одному и тому же делу. Хотя и много совершено всего прочего против него и его дома, особенно он жалуется с протяжными вздохами на сиротство дочери из-за отсутствия матери – все это произошло от действий его прежнего друга и гостеприимца и вовсе не заслужено со стороны Менелая. Слыша эту безутешную жалобу, сопровождаемую слезами, старейшины соглашаются со всем сказанным, как если бы они были соучастниками этого оскорбления.

21. После него Улисс, став посередине, произнес такого рода речь: «Я думаю, вы, троянские старейшины, достаточно хорошо знаете, что греки обычно на начинают ничего безрассудно, ничего – без предварительного обсуждения, и всегда их предки делали все так предусмотрительно и старательно, что их действиям сопутствовала скорее слава, чем обвинение. Но опущу то, что было хорошо обдумано в прошлом, достаточно напомнить о настоящем. Греция, незадолго ранее оскорбленная обидой и поруганием со стороны Александра, не прибегла к силе оружия, что является обычно прибежищем гнева. Ведь, как вы помните, мы с Менелаем по решению совета вождей пришли послами, чтобы получить обратно Елену. Нам же, кроме угроз словом и тайной засады, ничего не досталось от Приама и его царевичей. Коль скоро мы не достигли цели, то следовало, как я полагаю, взяться за оружие и силой отнять то, чего никак нельзя было добиться по-дружески. Итак, снарядив войско и собрав столько выдающихся и славных вождей, мы все же не замыслили против вас войны, но, соблюдая наш обычный умеренный нрав, пришли к вам снова с просьбой по одному и тому же делу. Пусть дальнейшее зависит от вас, троянцы, и вам не будет стыдно уступить нам³⁰, если вы находитесь в здравом уме, и исправить принятое раньше дурное решение, заменив его благим.

22. Ради бессмертных богов, взвесьте в уме, какая бойня и как бы зараза охватит весь мир на основании этого примера! Ибо что после этого в деле, требующем мужества, вспомнив поступок Александра, не будет вынужден бояться козней со стороны друга и подозревать его во всем? Какой брат предоставит брату доступ в свой дом? Кто не станет остерегаться гостя или родственника, как врага? Наконец, если вы, чего я вовсе не ожидаю, это одобрите, то у греков и у варваров лишатся благочестия все договорные права. Поэтому, троянские старейшины, хорошо и полезно было бы грекам, получив обратно все, что отторгнуто силой, по-дружески и как подобает вернуться домой и не дожидаться, пока два, самых дружественных между собой царства скрестят оружие. Когда я об этом думаю, то, клянусь Геркулесом, считаю плачевной вашу долю – тех, кто, будучи совершенно непричастен к этой вине, вскоре должен будет понести наказание за чужое преступление, порожденное похотью немногих. Или вы одни не знаете, как повержены соседние и дружественные вам города и что со дня на день готовится остальным? Вам известно³¹, что Полидор взят в плен и находится в руках у греков. Если Елена со всем похищенным будет возвращена, то Полидор может быть отдан нетронутым Приаму; в другом случае войны не избежать, и конца ей не будет, пока либо все греческие вожди, из которых каждый в состоянии разорить ваш город, примут смерть, либо, на что я больше надеюсь в будущем, Илион будет захвачен и сожжен, оставив потомкам пример вашего бесчестия. Поэтому, пока дело целиком в ваших руках, подумайте не один раз».

23. По окончании речи Одиссея среди всех воцарилось долгое молчание, как обычно бывает в таких случаях, когда каждый считает себя менее влиятельным советчиком и все ожидает, пока выскажет свое мнение другой. Затем Панф говорит громким голосом: «Перед теми, Улисс, держишь речь, у которых, кроме желанья, нет никакой возможности исправить дело». Потом после него Антенор: «Все, что вы упомянули, мы воспринимаем со знанием и пониманием, и нет у нас недостатка в желании обсуждать дело, если бы была дана возможность. Но, как видите, высшей властью владеют другие, для которых любовная страсть важнее пользы». Сказав так, он приказывает тотчас ввести по порядку всех вождей, которые привели войска на помощь Приаму из дружбы с ним или побужденные вознаграждением. Когда они вошли, Улисс произнес вторую речь, называя злейшими врагами и достойными Александра тех, кто, изменивши добру и чести, поддерживают виновника отвратительного преступления. И ведь каждый понимает, что если такая жестокая несправедливость будет поощрена, то дурной пример распространится среди людей, и те, кто находится совсем недалеко, сами последуют ему, совершая нечто подобное или еще более тяжкое. Все молча взвешивают про себя в уме эти

³⁰ Переведено по чтению: *vos...nobis*, содержащемуся в трех рукописях XI в. и дающему более удовлетворительный смысл, чем *pos...vobis* – в других.

³¹ *Вам известно.* – Судя по тексту (II. 20), посольство взяло с собой Полидора.

жесткие слова; с отвращением думая о такого рода примере и взволнованные недостойными деяниями. Затем, после опроса в обычном порядке мнения старейшин, с общего согласия решают, что Менелай недостойно потерпел оскорбление; только один из всех, Антимак высказывается против всех в защиту Александра. Тотчас из числа старейшин были избраны двое, чтобы послать их с извещением обо всем к Приаму; в том числе им было поручено уведомить его о Полидоре.

24. Когда Приам узнал об этом, он, совершенно потрясенный известием о сыне, на глазах у всех рухнул наземь. Затем, приведенный в сознание окружающими, понемногу поднимается, хочет идти в совет, но царевичи его не пускают. Сами они, оставив отца дома, врываются в совет, в то время как Антимак, наговорив много дерзких слов, оскорбительных для греков, предлагал отпустить Менелая домой, если вернут Полидора; в крайнем случае предусмотреть для обоих послов тот же гибельный исход. Этому при всеобщем молчании возражает Антенор и отчаянно сопротивляется, чтобы не решили чего-нибудь подобного. После того как потратили много слов «за» и «против» и спор перешел в рукопашную, все присутствующие выкинули из курии Антимаха, объявив его беспокойным смутьяном.

25. Когда же вошли Приамиды, Панф начал с мольбой побуждать Гектора (ибо он считался среди царевичей наиболее доблестным и разумным), чтобы Елену в знак дружбы как можно скорее вернули грекам, поскольку они пришли просителями по этому поводу; и незачем вступать в переговоры с Александром об удовлетворении той любви, которую он, возможно, испытывает к Елене. Пусть всем взорам предстанут присутствующие здесь греческие цари, их храбрые деяния и недавно завоеванная слава при разорении самых дружественных Трое городов. По этой причине и Полиместор совершил отвратительный поступок, выдав грекам Полидора. Значит, надо опасаться, как бы эти упомянутые области, ничего не разведав и ничему не доверяя, не возымели губительных замыслов против Трои, которая окажется в осаде перед лицом противостоящего ей коварства. Если все взвесят в уме, как обстоит дело, и не потерпят, чтобы послы были отосланы обратно, а Елена будет милостиво отпущена, между двумя царствами возрастет еще более тесная порука в дружбе. Выслушав это, Гектор опешил, вспоминая преступление брата, и, заливаясь в горе слезами, все же не помышлял о выдаче Елены, так как она принята в дом как молящая и получила в этом соответствующие заверения³². Если же речь идет о том, что похищено вместе с нею, все должно быть возвращено. Вместо Елены замуж за Менелая может быть выдана со славными дарами Кассандра или Поликсена, – как будет угодно послам.

26. На это Менелай с гневом и резко ответил: «Клянусь Геркулесом, чудесно со мной обходится, если я, лишенный собственной жены, должен по произволу моих врагов менять ее на другую». На это ответил Эней: «Даже и на это не согласимся мы. И я, и остальные близкие и друзья Александра, принимающие участие в его деле, будем возражать и противиться этому. Есть и всегда будут люди, которые охраняют дом и царство Приама, и, потеряв Полидора, Приам не останется бездетным при столь славных сыновьях. Неужели только тем, кто родом из Греции, позволялось подобного рода похищение? Неужели только для Крита было дозволено похитить Европу из Сидона, а Ганимеда – из этих пределов и этого царства³³? А Медея? Или вы не знаете, что она из страны Колхов была увезена в пределы Иолка? И чтобы мне не пропустить первого начала похищений, разве Ио, похищенная из царства сидонян, не была привезена в Аргос? Достаточно мы вели с вами разговоры: если вы тотчас не уберетесь со всем флотом из этих мест, вот тогда уж вы узнаете доблесть троянцев: в изобилии у нас и дома молодежи, опытной в военном деле, и со дня на день растет число вспомогательного войска». Когда Эней кончил говорить, Улисс отвечает спокойной речью: «Клянусь Геркулесом, едва ли для вас целесообразно раздувать и дальше вражду. Стало быть, дайте знак к началу войны, чтобы вы были зачинщиками, как нанося обиды, так и начиная сражение. Если вы нападете, мы последуем вашему примеру». Обменявшись такими речами, послы уходят с совета. А как только в народе рассеялся слух о том, что говорил послам Эней, рождается возмущение: из-за него-де будет разрушен дом Приама из ненависти к его царству и в качестве страшнейшего наказания за несговорчивость.

27. Итак, послы, возвратившись к войску, излагают перед всеми вождями, что было сказано и сделано троянцами по отношению к ним. Поэтому принимают решение казнить Полидора на виду у всех перед самыми стенами, и исполнение не откладывается надолго. Выводят

³² См. выше, I. 9.

³³ *Похитить Европу или Ганимеда*. – Похитителем в обоих случаях был Зевс (Юпитер), так что претензии в этой связи к грекам лишены основания.

Полидора, при том что со стен наблюдает множество врагов, и он под градом камней искупает нечестивость брата. Вскоре посылают одного из глашатаев к троянцам, чтобы они позаботились о погребении Полидора. Посланный для этого из Трои Идей с царскими рабами относят разорванное и изуродованное камнями тело Полидора его матери Гекубе.

Между тем Аякс, чтобы не давать покоя соседним с Троей и дружелюбным ей областям, захватывает Питию и Зелею³⁴, города, славные богатством, напад на них, как на врагов, и, не удовлетворившись ими, с невероятной быстротой разоряет Гаргар, Арисбу, Гергифу, Скеписис, Лариссу. Затем, извещенный жителями, что на горе Иде содержится множество всякого рода скота, он по требованию всех, кто его сопровождал, напад с ходу на гору и перебив находившихся при стадах сторожей, угоняет огромное количество скота. Затем, не встречая никакого сопротивления и обратив в бегство всех, кто пытался ему противостоять, Аякс в удобное для него время возвращается с большой добычей к своим.

28. В это же время Хрис (как мы выше упоминали, жрец Зминфийского Аполлона), узнав, что его дочь Астинома находится у Агамемнона, приходит к кораблям, рассчитывая на уважение к такому божеству, неся перед собой лик бога и кое-что из украшений его храма, чтобы тем легче напоминанием о присутствии божества внушить царям почтение к себе. Затем, предложив много даров в золоте и серебре, молит о выкупе дочери, заклиная, чтобы греки прославили присутствие бога, который пришел вместе с ним просить их за своего жреца. Кроме того напоминает, что со стороны Александра и его родственников со дня на день готовятся против него враждебные действия из-за совершенного им несколько раньше жертвоприношения³⁵. Когда вожди услышали это, все решили, что дочь надо вернуть жрецу и не принимать за это награды, так как, будучи нашим верным другом и особенно из почтения к Аполлону, он не заслуживает ничего другого, кроме уважения. Ведь цари на основании многих свидетельств и мнения жителей установили, что Хрис во всем следует воле этого божества.

29. Узнав об этом, Агамемнон идет против всеобщего мнения. С жестоким выражением лица, пригрозив жрецу гибелью, если он не уйдет, Агамемнон изгоняет из войска перепуганного старика, ничего не добившегося и боящегося худшего. Таким образом, собрание царей было распушено, и они поодиночке приходят к Агамемнону и осыпают его упреками, так как он из-за любви к пленнице выказал презрение к ним и, что представляется совершенно недостойным, к столь влиятельному богу. Из-за этого все вскоре с проклятиями покидают его, вспоминая Паламеда, которого-де не без ведома Агамемнона, завлекши обманом, погубили Диомед и Одиссей, хоть и был он очень любим и угоден войску. Впрочем, Ахилл поносил Агамемнона ругательствами при всем народе³⁶.

30. Итак, Хрис, потерпев оскорбление со стороны Агамемнона, ушел домой, и минуло не много дней, как на войско обрушивается ужаснейшая болезнь, вызванная, как всем кажется, гневом Аполлона или по другой причине. Начав свое нашествие со скота, она понемногу все больше и больше усиливается и распространяется на людей. Множество воинов, истощенных губительной болезнью, под конец умирало в невыразимых мучениях. Но никто из царей не умер и даже не был затронут этой бедой. После того как не оказалось никакого средства против болезни и со дня на день погибало все больше народу, все вожди, подавив в себе некий страх, собираются вместе и требуют от Калханта, знающего, как мы упоминали, будущее³⁷, чтобы он назвал причину такой беды. Он, однако, сказал, что знает происхождение этой болезни, но не свободен открыть его кому-либо, из чего получалось, что он может вызвать неприязнь самого могущественного царя. После этого Ахилл добивается от всех царей, чтобы они взаимной священной клятвой подтвердили готовность не считать себя задетыми. Таким образом Калхант, снискав всеобщее благоволение, объявляет о гневе Аполлона: это он, настроенный враждебно к грекам из-за оскорбления его жреца, требует от войска искупления. На вопрос Ахилла о средстве от беды Калхант называет возвращение девы³⁸.

31. Тогда Агамемнон, понимая, что может скоро случиться, покинув молча совет, приказывает своим сопровождающим вооружиться. Когда это замечает Ахилл, то, возмущенный недостойным делом и опасаясь за войско, ослабленное моровой язвой, он велит собрать

³⁴ *Пития*, *Зелея* и упоминаемые далее пункты называются в «Илиаде», кроме *Гергифы* и *Скеписиса* (при том, что *Гаргар* – не город, а мыс на южном склоне горы Иды с храмом Зевса), но без всякой связи с походами Аякса, которые также вымышлены Диктисом.

³⁵ См. выше, гл. 14.

³⁶ *Ахил поносил ругательствами*. – Реминисценция из «Илиады». I. 223–244. Дальнейшие события (гл. 31) подтверждения в традиции не находят.

³⁷ См. I. 15.

³⁸ Если Астинома была супругой царя Этиона (II. 19), то едва ли можно считать ее *девой*.

отовсюду в одно место тела людей, умерших жалким образом, и выставить их на всеобщее обозрение на сходке. Это зрелище так взволновало вождей и весь народ, что все продолжают выступать, под руководством и предводительством Ахилла, против Агамемнона и грозят ему гибелью, если он будет упорствовать. Извещенный об этом царь, то ли из упрямства, то ли из любви к пленнице, готов пойти на крайние меры, лишь бы не отказаться от принятого решения.

32. Когда троянцы узнали о происшедшем и в то же время увидели со стен, как непрерывно сжигают трупы и устраивают похороны, и понимая также, что оставшиеся в живых ослаблены этим вредоносным бедствием, они, побуждая друг друга, вооружаются и, тотчас высыпав из ворот вместе со вспомогательным войском, устремляются на врагов. Затем войско делится в поле на две части, и троянцев возглавляет Гектор, вспомогательное войско – Сарпедон. Тут наши, увидев перед собой вооруженного и выстроившегося для схватки противника, располагают воинов в один ряд, поделив фланги между вождями: правый заняли Ахилл с Антилохом, на левом хлопотали Аякс Теламонов с Диомедом, середину взяли себе другой Аякс и наш вождь Идомей. Построенные таким образом войска устремляются навстречу друг другу, а как дело дошло до рукопашной, оба строя сражаются с ожесточением, и стоящие рядом ободряют друг друга. Битва продолжается некоторое время, причем погибает много народа с обеих сторон; особенно же отличаются у варваров Гектор и Сарпедон, у греков – Диомед с Менелеем. Наконец, ночь прервала сражение, дав обоим отдых обоим сторонам. Итак, отведя войско, наши погребают своих, предав тела их огню.

33. По свершении этого греки между собой решают поручить ведение всех дел Ахиллу, который при враждебных для них обстоятельствах выказывал особую обеспокоенность. Но Агамемнон, боясь потери своего царского достоинства, произносит в совете следующую речь: он особенно близко принимает к сердцу беду войска и больше не отказывается от возвращения отцу Астиномы, особенно, если благодаря этому греки избегнут наступившей гибели, и не надо больше ни о чем его просить, если только взамен он получит как дар, возмещающий утерянный почет, Гипподамию, находящуюся при Ахилле. Хотя это требование показалось всем жестоким и недостойным, однако оно было удовлетворено с согласия Ахилла, кому Гипподамия была наградой за многие выдающиеся деяния. Такая любовь к войску и забота о нем владели душой выдающегося юноши³⁹. Итак, вопреки всеобщему желанию, хотя никто и не выказывал его открыто, Агамемнон приказывает ликторам забрать у Ахилла Гипподамию, как если бы все были с этим согласны. Между тем Диомед с Улиссом по поручению греков отвели Астиному с большим количеством жертвенных животных к алтарю Аполлона, и, по совершении жертвоприношения, болезнь, как видно, стала понемногу успокаиваться: здоровых она не трогала, а те, кто был ею поражен, стали как бы по воле божества выздоравливать, надеясь на облегчение. Так вскоре во всем войске восстановились обычные силы и здоровье. Также и Филоклету посылают на Лемнос долю добычи, привезенной Аяксом и Ахиллом и распределенной по людям.

34. Впрочем, Ахилл, помня о вышеназванной обиде, решил отказаться от участия во всенародных собраниях главным образом из ненависти к Агамемнону и потери той любви, которой пользовался у греков, – имеется в виду, что из-за их попустительства несправедливо отобрали у него Гипподамию, которую отдали ему в качестве награды за труды после стольких ратных побед и храбрых деяний. И он не допускает до себя пришедших вождей и не прощает никому из друзей, что они покинули его, хотя можно было защитить от поношения со стороны Агамемнона. Итак, оставаясь в палатке, Ахилл удерживал при себе Патрокла, Феника и возницу своего Автомедонта; первого – как послушного долгу дружбы, второго – из уважения к наставнику.

35. В это же время в Трое стало назревать возмущение в войске союзников и среди предводителей вспомогательных отрядов, приведенных за плату; то ли они тяготились, что напрасно тратят столько времени, то ли вспоминали своих, оставшихся дома. Заметив это, Гектор по необходимости приказывает воинам вооружиться и быть готовыми следовать за ним по данному сигналу. Когда время показалось подходящим и ему сообщили, что все вооружились, приказывает выступить; сам он идет как вождь и полководец.

Как видно, требуется назвать царей – тех, кто поддерживал царство Приама как союзники и друзья, а также предводителей наемников, завербованных за плату как вспомогательное войско в различных областях⁴⁰. Первым вырвался за ворота Пандар, сын Ликаона, из Ликии,

³⁹ Юноши. – В оригинале *adulescens*, понятие, предполагавшее возраст от 15 до 30 лет.

⁴⁰ Следующий затем перечень союзников в целом соответствует каталогу их у Гомера (Ил. II. 816–877), за исключением фратрийки Пира и Асия, брата Гекубы, которого Гомер считает троянцем. Ср. также: *Аполлод.* Эпит. III. 34–35.

затем Гиппофой, + сын Пилея + из пеластической Лариссы, Акамант+ ... +, Пир из Фракии, за ними – трезенец Евфем⁴¹, командуя киконами, пафлагонец Пилемен, славный отцом Мелием, Одой и Эпистоф, сыновья Минуя, цари олизонов, Сарпедон, сын Ксанфа, правитель ликийцев из Солема, Наст и Амфимах, сыновья Номиона, из Кари, Антиф и Месфл, сыновья Талемена, меонийцы; Главк ликийец, сын Гипполоха, которого Сарпедон взял себе в союзники в войне, так как среди всех в его стране он больше всего ценился советом и мужеством; Форкис и Асканий, фригийцы, Хромий и Энном, мигдоны из Мизии, Пирехм, пеониец, сын Аксия, Амфий и Адраст, сыновья Меропа из Адрестии, Асий, сын Гиртака, из Сеста, затем другой Асий, сын Диманта и брат Гекубы, из Фригии. Из всех, кого мы упомянули, сопровождали многие воины с разными нравами, различные по языку, привыкшие вступать в сражение без всякого порядка.

36. Когда наши это⁴² заметили, то, выступив по военному обычаю в поле, строят войско под началом и руководством афинянина Менесфея, распределяют же его по народам и отдельным областям, при отсутствии мирмидонского войска во главе с Ахиллом. Ибо он, хотя и не смягчился душой из-за обиды, нанесенной ему Агамемноном и лишения Гипподамии, очень негодовал, что остальных вождей пригласили на пир, а его одного пропустили, вызвав тем самым презрение к нему. Между тем, войско было расположено в порядке, но тогда впервые, хоть все отряды стояли против построившегося противника, ни одна сторона не отваживалась завязать сражение; после того как воины, как бы намеренно, немного простояли на месте, с обеих сторон дают сигнал к отступлению.

37. Уже греки, вернувшись к кораблям, начали разоружаться и все, на своих обычных местах, готовиться к еде, как Ахилл, желая отомстить за обиду, пытается тайно напасть на наших, не подозревающих о его замысле и поэтому беспечных⁴³. Улисс, узнав от стражи, которая предчувствовала нападение, срочно обегает вождей, громким голосом предупреждает их и призывает, взявшись за оружие, оберегать своих; затем открывает каждому, что задумал Ахилл. Когда об этом становится известно, поднимается страшный крик, все торопятся вооружиться, и каждый оценивает происходящее по-своему. Поскольку известие о намерении Ахилла предварило его исполнение и он видит, что все вооружены и попытка его обречена на неудачу, он, не достигнув цели, возвращается в палатку. Вскоре наши вожди, сообразив, что троянцев мог взволновать донесшийся от нас шум и они снова что-нибудь предпримут, посылают для усиления стражи обоих Аяксов, Диомеда и Улисса. Они распределяют между собой направления, на которых врагам был открыт доступ, и мера эта была не напрасной: в Трое Гектор, желая разузнать причину нашего смятения, посылает сына Евмеда Долона, соблазненного в конце концов многими обещанными наградами, на разведку происходящего у греков, и тот, усиленно стремясь выведать неизвестное недалеко от кораблей и удостовериться в выполнении взятой на себя задачи, попадает в руки Диомеда, который охранял это место вместе с Одиссеем. Схваченный ими, Долон во всем признается и принимает смерть.

38. Затем несколько дней проходит в бездействии, и оба войска готовятся к продолжению боев. Поделить между собой поле, которое лежит посередине между Троей и кораблями, тщательно вооруженные войска, когда сошли время подходящим для сражения, выступают с обеих сторон. Затем, по данному сигналу, сходятся строем на строй плотно сомкнутыми рядами; греки – слаженно и следуя каждый отдельно данным приказам вождей, варвары же обрушиваются на них без всякого подобия порядка. В остальном, в этой битве было много убитых с обеих сторон, так как никто не отступал перед нападавшими и каждый стремился, по примеру стоящего рядом с ним, сравняться с ним славою. Между тем, вынуждены были покинуть поле битвы тяжелораненые из числа вождей со стороны варваров – Эней, Сарпедон, Главк, Гелен, Евфорб, Полидамант, из наших – Улисс, Мерион, Евмел.

39. Затем Менелай, случайно узрев Александра, обрушился на него всей силой; тот, не в состоянии выдержать натиск, избегает его и пускается в бегство. Как только это заметил Гектор, он подбегает к Александру вместе с Деифобом, и они, стыдя брата и понося его бранью и жестокими проклятиями, в конце концов вынуждают вернуться в гущу битвы и вызвать того же Менелая на поединок без всякого участия остальных⁴⁴. Итак, возвращенный в битву

⁴¹ Командир живших на фракийском побережье киконов Евфем никак не мог быть трезенцем; у Аполлодора он назван сыном Трезена, что гораздо вероятнее.

⁴² Это. – Разумеется, не перечисления вождей, а их выход на поле боя.

⁴³ Тайно напасть на наших. – Намерения Ахилла здесь, как и подозрение его в предательстве впоследствии (IV. 10), не имеют никакой поддержки в традиции.

⁴⁴ Вызвать Менелая на поединок. – Ср. Ил. III. 15–75.

Александр выступает перед строем, что представляется признаком вызова. Менелай, как только завидел его издали, полагая, что именно теперь представился самый удобный случай напасть на своего злейшего врага, и уверенный, что он вот-вот смоеет его кровью оскорбление, всеми силами устремляется против него. Но тут он видит, что друг против друга направляется вооруженное войско, с обеих сторон готовое к сражению; по данному сигналу все отступают⁴⁵.

40. И вот оба, наступая быстрым шагом, сходятся на расстояние броска копья, когда Александр, желая опередить противника и рассчитывая найти место, куда удобно нанести рану копьем, мечет его и слегка задевает щит Менелая; тогда тот с огромной силой бросает копье примерно с таким же результатом: противник уже приготовился остеречься удара и наклонился, и копье вонзается в землю. Вооружившись новыми копьями, противники продолжают сражение. Наконец Александр падает, раненный в бедро, и сражение позорнейшим образом прерывается, чтобы не дать врагу возможности для отмщения с величайшей славой. А именно, когда Менелай, обнажив меч, бросился, чтобы убить врага, он был ранен из потайного места стрелой Пандара⁴⁶ и отступил в самый момент нападения. Соответственно с нашей стороны поднимается страшный крик: все негодуют, что поединок неожиданно был позорнейшим образом прерван троянцами, в то время как друг против друга выступили те двое, из-за которых разгорелась война. Со своей стороны, толпа варваров, прорвавшись, уносит Александра.

41. Между тем, пока наши в замешательстве колеблются, Пандар, стоя вдали, поражает много греков стрелами, и конец этому был положен не раньше, чем Диомед, возмущенный жестоким поступком и выйдя вперед, уложил врага наповал ударом копья. Таким образом, Пандар, нарушив условия единоборства и перебив поэтому много народу, наконец искупил вину своего преступнейшего воинского поведения. Тело его, вырученное из ряда сражающихся, Приамиды предают огню, а останки его товарищи отнесли в родную землю Ликии. Между тем, оба войска по данному сигналу вступают в рукопашную и, сражаясь с величайшим напряжением и переменным успехом, продолжают битву до захода солнца. С наступлением ночи с обеих сторон, отведя войско на небольшое расстояние, выставили надежную стражу. Так, выжидая несколько дней подходящее время для военных действий, они часто напрасно держали войско вооруженным. Ибо с приближением зимы, когда частые ливни стали заливать поля, варвары ушли за стены. А наши, так как никакой враг не подступал к кораблям, распределяют обязанности на зиму: разделив надвое ту часть поля, которая не использовалась для сражения, начинают пахоту в обеих половинах, а также заготовку зерна и всего другого, что позволяло время года. Между тем Аякс Теламонов, собрав приведенных с собой воинов и добавив также некоторых из войска Ахилла, напав на области Фригии, многие из них, как враждебные, опустошает, захватывает города и, немного дней спустя, возвращается к войску как победитель, нагруженный добычей.

42. Примерно в те же дни варвары приготовились к вылазке, так как наши из-за зимних условий сохраняли спокойствие и не подозревали ничего со стороны врага; вождем троянцев, вдохновлявшим в них отвагу, стал Гектор. На рассвете он одновременно выводит все вооруженное войско из ворот и велит тотчас на полном бегу достичь кораблей и напасть на врагов. Греки находились тогда не в полном числе и не заботились о том, чтобы вооружаться; они были застигнуты врасплох, и те, на которых первыми напал противник, обратились в бегство. Тем не менее они схватились за оружие, пытаясь противостоять врагам, и много народу погибло. Гектор, прорвав центр наших, подступил к кораблям, стал метать на них огонь и свирепствовать, поджигая их, причем никто из наших не осмеливался ему сопротивляться. Испуганные и изнуренные неожиданным смятением, они обнимали колени Ахилла, хоть он и отклонял их мольбы⁴⁷. Так неожиданно изменилось состояние духа у наших и у врагов.

43. Между тем, вернувшийся Аякс, узнав, что Гектор в великолепном вооружении воюет у кораблей, явился туда же и, тесня врага громадой своего тела, в конце концов с величайшим усилием отбил его от кораблей за пределы вала. Здесь он, ожесточенно надвигаясь на отступающих, повергает на землю ударом огромного щита смело ему противостоящего Гектора. Сбежавшиеся отовсюду во множестве троянцы прикрывают его и выносят из боя, вырывая из рук Аякса. Они уносят его, полуживого, внутрь стен, и, таким образом, вылазка его против врагов оказалась малоуспешной. В остальном Аякс, еще больше рассвирепев, что из рук его вырвали славу, преследует испуганных и рассеянных врагов, присоединив к себе Диомеда

⁴⁵ *Все отступают.* – Т.е. освобождают место для единоборства.

⁴⁶ *Выстрел Пандара у Гомера имеет целью не спасение Париса, а нарушение перемирия:* Ил. IV. 86–126.

⁴⁷ *Отклонял их мольбы.* – Диктис соединяет в обратном порядке два эпизода из «Илиады»: наступление троянцев на корабли (XIII. 1–75) и посольство к Ахиллу (IX. 182–429).

с Идоменеом и другим Аяксом, и теперь издает сражает копьем бегущих, либо убивает, захватив их, так что в этой части битвы никто не уцелел. В такой панической обстановке Главк, сын Гипполоха, Сарпедон и Астеропей, отважившись сопротивляться врагу, чтобы хоть немного задержать его, скоро покинули поле боя, будучи ранены. При их отступлении варвары, рассеянные и бродившие безо всякого порядка, поняв, что без предводителей не осталось никакой надежды на спасение, помчались к воротам, и вследствие того, что множество спешивших укрыться затрудняло вход в них, люди падали один на другого, как при обвале, да еще сзади настигал их Аякс с упомянутыми выше вождями. В панической свалке тогда погибло, убивая друг друга, множество варваров, и среди них из сыновей Приама Антиф и Полит, Паммон и Местор, а также трезенец Евфем⁴⁸, выдающийся вождь киконцов.

44. Так троянцам, бывшим победителями, с приходом Аякса изменило военное счастье, и отступлением вождей они искупили вину безрассудной войны. После того как с наступлением вечера нашим был дан сигнал к отступлению, радостных победителей, вернувшихся к кораблям, приглашают к Агамемнону на пир. Здесь царь славит Аякса и чествует его замечательными дарами. И остальные вожди не обходят молчанием подвиги и деяния этого мужа, превознося его доблесть и вспоминая свидетельства его храбрости: он разорил столько фригийских городов, привез добычу и, наконец, вступив в славную битву с Гектором у самых кораблей, спас флот от пожара. Ни для кого не было сомнения, что в это время, при стольких и столь выдающихся и прекрасных его подвигах, все надежды и силы похода держатся на этом муже. Между тем кормы двух кораблей, которые брошенный на них огонь повредил только частично, Эпей в скором времени поправил. Тогда греки, полагая, что троянцы после той несчастной для них битвы больше уже не осмелятся ничего предпринять, спокойно и без страха проводили время.

45. В это же время Рес, сын Эиона⁴⁹, тесно связанный дружбой с Приамом, за условленную плату подошел с большим войском фракийцев. Он пришел уже вечером, немного замедлив у полуострова, который расположен перед городом, соединяясь с его материком⁵⁰, и, вступив на Троянскую равнину примерно во вторую ночную стражу⁵¹, остановился и разбил палатки. Когда это издали заметили Диомед с Улиссом, несшие сторожевую службу с этой стороны, они решили, что это – троянцы, посланные Приамом на разведку, и, вооружившись, ступая бесшумно, осматривая все внимательно, они направляются к этому месту. Здесь они убивают утомленных походом и объятых крепким сном стражей и, проникнув вглубь (лагеря), они убивают в палатке самого царя. Затем они уводят к кораблям его колесницу и коней с замечательными украшениями, решив, что не следует дерзать на большее⁵². Итак, остаток ночи они проводят, отдыхая, каждый в своей палатке. На рассвете они собирают остальных вождей, показывая им плод смело выполненного дела. И вскоре, полагая, что варвары, воспламененные убийством царя, пойдут в наступление, вожди приказывают, чтобы все тщательно вооружались и ожидали врага.

46. Когда немного позже фракийцы, пробудившись ото сна, увидели, что царь убит и позорное дело совершено в палатке, а следы от увезенной колесницы очевидны, они тотчас в полном беспорядке, сбившись, как попало, в кучи, кидаются к кораблям. Увидев их издали, наши, сплотив ряды и подчиняясь приказу, идут навстречу. А два Аякса, выйдя немного вперед, первыми нападают на фракийцев и теснят их. Затем остальные вожди, каждый на своем месте, убивают врагов поодиночке, а там, где они стояли, сплотившись, собравшись по двое и больше стали рассеивать их своим наступлением и быстро рассеявшихся и блуждающих (без порядка) избивать, так что никого не осталось в живых. И тотчас греки, истребив шедших против них, по данному сигналу устремляются к их палатке. Оставшаяся у лагеря стража, увидев против себя врага и жалким образом перетрусив со страха, бросив все, убегает под защиту стен. Тогда наши, ворвавшись со всех сторон, расхищают оружие, лошадей, царское имущество, – словом, что каждому удалось.

47. Таким образом, греки, уничтожив фракийцев вместе с их полководцем, отягощенные добычей, со славой уходят к кораблям, между тем как троянцы, наблюдая за этим со стен,

⁴⁸ *Трезенец Евфем*. – См. гл. 35 и прим.

⁴⁹ *Сын Эиона*. – Правильнее: Эионей.

⁵⁰ Не вполне понятное место. Полуостров на пути из Фракии в Трою – южная оконечность Херсонеса Фракийского, отделенного от Трои Геллеспонтом. Таким образом, «соединяться с ее материком» он никак не может. Мог ли не знать этого автор греческого оригинала?

⁵¹ *Во вторую стражу*. – Т.е. между девятью часами вечера и полночью.

⁵² Рассказ об убийстве Реса восходит к Ил. X. 470–531 и приписываемой Еврипиду трагедии «Рес». См. также *Аполлод.* Эпит. 4. Контр наступление фракийцев добавлено Диктисом.

не осмеливаются предпринять что-нибудь ради союзников, а только в страхе пребывают внутри города. Итак, варвары, сломленные столькими неблагоприятными обстоятельствами, посылают к грекам послов с просьбой о перемирии, и скоро наши, одобрив их условия и совершив жертвоприношение, подтверждают верность миру. Почти в то же время в войско приходит Хрис, которого мы выше упоминали как жреца Зминфийского Аполлона, с благодарностью за то, что наши благосклонно обошлись с возвращенной ему дочерью, и за такое почетное отношение он вручает ее, приведя с собой, Агамемнону, поскольку узнал, что с ней обращались, как со свободной. Немного погодя Филоктет вместе с теми, которые отвезли ему часть добычи, возвращается с Лемноса, хоть и слабый и с недостаточно твердой походкой.

48. Между тем, во время совещания, происходящего у греков, Аякс Теламонов, выйдя на середину, заявляет, что надо отправить к Ахиллу послов, дабы они от имени вождей и войска попросили его отказаться от гнева и вернуться к обычной дружбе со своими; ведь меньше всего следует выказывать пренебрежение такому мужу, и теперь особенно, когда греки, бывшие и раньше победителями, находятся в выгодном положении и просят его не ради пользы, но ради заслуженного им почета. В этой связи просят также Агамемнона, чтобы он приложил усилия и проявил охоту при исполнении этой задачи: ведь в такое время надо обдумывать все сообща, особенно вдали от дома, в чужих и враждебных местах, ибо иначе, как в согласии, они не будут чувствовать себя в безопасности перед лицом таких тяжелых сражений и среди враждебных им повсюду областей⁵³. Когда Аякс кончил свою речь, все вожди хвалят его совет и одновременно превозносят его с похвалой до небес, — разумеется, потому, что он превосходит всех как доблестью, так и разумом. После этого Агамемнон заявляет, что он и раньше неоднократно посылал людей к Ахиллу⁵⁴ с предложением о перемирии и теперь настроен не иначе. И вскоре просят Улисса и самого Аякса взять на себя это поручение и пойти к Ахиллу от имени всех: казалось вероятным, что он как близкий родственник⁵⁵ легче добьется снисхождения. Итак, оба они обещают свое содействие, и с ними по собственному желанию готов пойти и Диомед.

49. По завершении этого Агамемнон велит ликторам привести жертвенное животное, и вот двое по приказу держат его навесу над землей, а Агамемнон извлекает из ножен меч и, разрубив жертву пополам, кладет на виду у всех, как поделил. Затем, держа в руке окровавленный меч, становится посередине между двумя ее половинами. Между тем, Патрокл, узнав, что готовилось, пришел в совет, и царь, вошедший, как мы выше говорили, посередине жертвы, под конец клянется, что до сего дня не прикасался к Гипподамии; он зашел так далеко не из какого-нибудь влечения к ней или страсти, а из-за гнева — в этом состоянии совершается много плохого. К этому Агамемнон добавляет, что он, кроме того, хочет, если самому Ахиллу это угодно, выдать за него замуж ту из дочерей, которая придется ему по душе, и присоединяет к этому десятую часть всего царства и 500 талантов в качестве приданого. Когда члены совета это услышали, они стали восхищаться благородством царя и больше всех — Патрокл, обрадованный получением такого богатства и особенно утверждением, что Гипподамия осталась нетронутой. Он приходит к Ахиллу и передает ему все, что видел и слышал.

50. Пока Ахилл прикидывает в уме и размышляет наедине с собой об услышанном, является Аякс вместе с вышеназванными. Пришедших Ахилл благосклонно приветствует, просит всех садиться, Аякса же — рядом с собой. Тот, выждав подходящее время для разговора, по-семейному и поэтому более вольно начинает обвинять его и упрекать, что при столь серьезной опасности для своих он несколько не отрекся от гнева и смог допустить избиение войска, хотя многие друзья и свойственники молили, обняв его колени. После Аякса Улисс говорит, что прошедшее — дело богов, их же долг — изложить по порядку, что происходило в совете, что пообещал Агамемнон и в чем он поклялся; под конец Улисс просит, чтобы Ахилл не пренебрег ни всеобщей мольбой, ни предложенным браком; тут же он перечисляет все то, что было доставлено вместе с ним.

51. Тогда Ахилл, начав длинную речь, прежде всего напоминает о совершенных им подвигах, затем указывает, сколько он принял трудов ради всеобщей пользы, сколько захватил городов, напав на них, как с началом войны при всеобщем бездействии дни и ночи проводил в беспокойстве и напряжении и, не щадя ни своих воинов, ни себя самого, тем не менее отдавал обычно войску принесенную добычу. За все это выбрали его одного из всех, чтобы обесчестить столь

⁵³ Среди враждебных им областей. — Судя по ранее сказанному, большинство окрестных областей уже не было способно на какие-либо враждебные действия против греков. Ср. ниже, III. 1.

⁵⁴ Неоднократно посылал людей к Ахиллу. — В традиции нет подтверждения такой инициативы Агамемнона.

⁵⁵ Как близкий родственник. — Аякс и Ахилл — двоюродные братья, внуки Эака.

неслыханным оскорблением; к нему одному отнеслись с таким презрением, что позорно отняли Гипподамию, бывшую наградой за столько трудов; и виноват в этом не один Агамемнон, но особенно остальные греки, которые обошли молчанием это поношение Ахилла, позабыв о его благодеяниях. Когда он кончил говорить, Диомед сказал: «Нужно оставить говорить о том, что прошло, и для благоразумного человека не следует вспоминать о прошлом, раз уж его не вернешь, как бы ты ни хотел». Между тем, Феникс и вместе с ним Патрокл, обступив Ахилла, целуют его щеки, все лицо и руки, касаются колен, чтобы он вернул просящим свое расположение и отказался от гордости как из-за тех, которые пришли просить его, так особенно ради всего остального войска, так (всегда) хорошо относящегося к нему.

52. И вот, наконец, Ахилл, сломленный присутствием таких мужей, просьбами своих близких, состраданием к невинному войску, в конце концов ответил, что он поступит по их желанию. Затем, побужденный Аяксом, впервые после злого своего гнева, присоединившись к остальным грекам, он вступает в совет, где Агамемнон приветствует его по-царски. Кроме того, и другие вожди выказывают ему свое расположение, и все исполнено радости и веселья. Затем Агамемнон, взяв Ахилла за руку, приглашает его и остальных вождей на пир. Немного погодя, среди пира, когда все с радостью угощаются, Агамемнон просит Патрокла отвести Гипподамию с украшениями, которые он ей дал, в палатку Ахилла. Патрокл охотно выполняет это поручение. Между тем, за это время зимы греки и троянцы, отдельно и большими толпами, как доводилось, без всякого страха встречались друг с другом в роще Фимбрейского Аполлона⁵⁶.

(Продолжение следует)

⁵⁶ *Фимбрейского Аполлона*. – названного так по названию реки Фимбрия, при ее впадении в Скамандр, где находился храм Аполлона.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. Санкт-Петербург
 ВИ – Вопросы истории. Москва
 ЗВК – Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Ленинград
 ЗОАО – Записки Одесского археологического общества. Одесса
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
 ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир–Москва
 ИАК – Известия Археологической Комиссии. Санкт-Петербург
 КБН – Корпус боспорских надписей. Москва–Ленинград, 1965
 КСИА РАН – Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
 МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МНМ – Мифы народов мира. Т. 1–2. М., 1994
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва
 РА – Российская археология. Москва
 САИ – Свод археологических источников. Москва
 АА – *Archäologischer Anzeiger*. Berlin
 ААН – *Acta Archaeologica Hungarica*. Budapest
 АССS – *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Leiden
 АNRW – *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Berlin – New York, 1972–...
 Anc. Soc. – *Ancient Society*. Leuven
 АSАÉ – *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*. Le Caire
 BdÉ – *Bibliothèque d'études de l'Institut Français d'Archeologie Orientale*. Le Caire
 Berytus – Berytus. American University. Beyrouth
 BES – *Bulletin of the Egyptological Seminar*
 BIFAO – *Bulletin de l'Institut Français de l'Archéologie Orientale*. Le Caire
 САH² – *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Cambridge, 1962 –
 АSАÉ – *Cahiers des Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*. Le Caire
 Chiron – *Chiron*. München
 CHIr – *The Cambridge History of Iran*. Cambridge, 1969–
 CMCS – *Cambridge Medieval Celtic Studies*
 CQ – *Classical Quarterly*. Oxford
 DIL – *Dictionary of the Irish Language*. Dublin, 1990²
 EHR – *English Historical Review*
 EVO – *Egitto e Vicino Oriente*. Roma
 FGrH – *Die Fragmente der griechischer Historiker*. Hrsg. von F. Jacoby. B., 1923–1958
 Germania – *Germania*. Frankfurt am Main
 GG(SL) – *Gardiner A.H. Egyptian Grammar*. Oxford, 1927. Signlist. P. 432–531
 GRBS – *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Durham
 HSCP – *Harvard Studies in Classical Philology*. Cambridge, Mass.
 IOSPE – *Латышев В.В. Inscriptiones antiquae, graecae et latinae, orae septentrionalis Ponti Euxini. I–III. Petropolis, 1885–1901*
 JAOS – *Journal of the American Oriental Society*. New Haven
 JEA – *Journal of Egyptian Archaeology*. London
 JNES – *Journal of Near Eastern Studies*. Chicago
 JRS – *Journal of Roman Studies*. London
 LÄ – *Lexikon der Ägyptologie* / Hrsg. von W. Helck, E. Otto, W. Westendorf. I–VI. Wiesbaden, 1972–1986
 MÄS – *Münchner ägyptologische Studien*. München–Berlin
 MBPAR – *Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte*. München
 MGH – *Monumenta Germaniae historica*
 Michel – *Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques*. Bruxelles, 1900
 OGIS – *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae*. Ed. W. Dittenberger. Leipzig, 1903–1905
 OLA – *Orientalia Lovanensia Analecta*. Leuven
 OLZ – *Orientalische Literaturzeitung*. Berlin–Leipzig
 Orientalia – *Orientalia*. Pontificium Institutum Biblicum. Roma
 PL – *Patrologiae cursus completus. Series latina*. Accurante J.-P. Migne. P., 1841–...
 PLRE – *The Prosopography of the Later Roman Empire* / A.H.M. Jones, J.R. Martindale e.a. Cambridge, 1971–1980
 PSAS – *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. London

RA – Revue Archéologique. Paris
 RdÉ – Revue d'Égyptologie. Paris
 RE – Pauly's Real-Enzyklopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von *G. Wissowa*, hrsg. von *W. Kroll*. Stuttgart
 RT – Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. Paris
 SAK – Studien zur altägyptische Kultur. Hamburg
 SAOC – The Oriental Institut of the University of Chicago. Studies in the Ancient Oriental Civilisations. Chicago
 SC – *Латышев В.В.* Scythica et Caucasica. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I–II. СПб., 1893–1906
 Syria – Syria. Paris
 Tod II. – *Tod M.N.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol. 2. Oxford, 1968
 Trans. – Transeuphratène: Recherches pluridisciplinaires sur une province de l'empire Achéménide. Paris
 Urk. II. – *Sethe K.* Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Leipzig, 1904–1916
 Wb. – *Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd I–V. Leipzig–Berlin, 1926–1953
 ZÄS – Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Leipzig

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ладынин И.А. (Москва)</i> – Обозначение <i>Sn</i> в «Стеле сатрапа» (Urk. II. 13. 4): к восприятию мировой державы Аргеадов на Востоке	3
<i>Ренфрю К. (Кембридж)</i> – Индоевропейская проблема и освоение евразийских степей: вопросы хронологии	20
<i>Чехонадская Н.Ю. (Москва)</i> – Гильда об узурпации Магна Максима	33

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Лившиц В.А. (Санкт-Петербург)</i> – Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1	43
<i>Алексеев В.П. (Одесса)</i> – Памятники античной и скифской культур из Тиры и Никония	57

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный «круглый стол» «Проблемы истории и археологии Херсонеса Таврического»

<i>От редакции</i>	67
<i>Золотарев М.И. (Севастополь)</i> – Археологическая периодизация памятников Херсонеса Таврического	67
<i>Сапрыкин С.Ю. (Москва)</i> – Из музыкальной и общественной жизни Херсонеса Таврического в римскую эпоху (<i>К надписи IOSPE. I². 365</i>)	72
<i>Зубарь В.М. (Киев)</i> – По поводу интерпретации и датировки некоторых памятников, связанных с римским военным присутствием в Херсонесе Таврическом	85

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Корниенко Т.В. (Воронеж)</i> – «Храмы» Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита	92
<i>Кононенко Е.И. (Москва)</i> – Миксаморфные существа в шумерской глиптике: опыт семиотического исследования	114
<i>Циркин Ю.Б. (Санкт-Петербург)</i> – «Финикийская история» Санхунйатона	121
<i>Скржинская М.В. (Киев)</i> – Ольвиополиты и боспоряне в Афинах	133
<i>Токмаков В.Н. (Москва)</i> – Роль центуриатных комиций в развитии военной организации Рима Ранней республики	143

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Международный «круглый стол» «Древняя Южная Аравия. Новые открытия»

<i>Амирханов Х.А., Наумкин В.В. (Москва), Пиотровский М.Б. (Санкт-Петербург), Седов А.В. (Москва)</i> – Исследования на юге Аравии (<i>К 20-летию работ Российской комплексной экспедиции в Республике Йемен</i>)	159
<i>Фогт Б. (Бонн), Буффа В. (Рим), Брюннер У. (Цюрих)</i> – Малейба и системы ирригации эпохи бронзы в Лахдже	174
<i>Эденс К. (Сана), Уилкинсон Т. (Чикаго)</i> – Археология и древняя окружающая среда Йеменского нагорья. Замарский проект Восточного института Чикаго	187

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Хачатурова Е.А. (Краснодар)</i> – Об истории античных и меото-сарматских коллекций из фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника	195
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Мартин А.</i> (Рим) – Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I / Отв. ред. Д.В. Журавлев (Труды ГИМ. 102). М., 1998	204
<i>Перевалов С.М.</i> (Владикавказ) – Современное состояние аланских исследований в России (По поводу книги: Т.А. Габеев. Ранняя история алан по данным письменных источников. Владикавказ, 1999)	207
<i>Ермолова И.Е.</i> (Москва) – В.П. Б уд а н о в а. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000	215
<i>Дандамаев М.А.</i> (Санкт-Петербург) – G. G n o l i. Zoroaster in History (Biennial Yarshater Lecture Series, № 2). Bibliotheca Persica Press. New York, 2000	216

PERSONALIA

GENIO LOCI. К 80-летию со дня рождения Александры Ивановны Павловской и 50-летию ее работы в АН СССР и РАН	219
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Седов А.В.</i> (Москва) – Научная конференция «Периодизация и хронологическая терминология древнего Йемена (Сабейские встречи, 6)» (Берлин, 22–25 мая 2001 г.)	222
<i>Габелко О.Л.</i> (Казань) – Всероссийская научная конференция «Античность в современном измерении» в Казанском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (14–16 ноября 2001 г.)	227

Памяти Владимира Даниловича Жигунина	233
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Д и к т и с К р и т с к и й. Дневник Троянской войны. Книга II. Вступительная статья, перевод и комментарии В.Н. Ярхо (Бордо) (продолжение)	236
---	-----

CONTENTS

<i>I.A. Ladynin</i> (Moscow) – The Toponym <i>Stt</i> in the Satrap Stela (Urk. II. 13. 4): on the Perception of the Argeadai Empire in the Orient.....	3
<i>C. Renfrew</i> (Cambridge) – The Indo-European Problem and the Exploitation of the Eurasian Steppes: Questions of Time Depth	20
<i>N.Yu. Chekhonadskaya</i> (Moscow) – Gildas on Magnus Maximus' Usurpation.....	33

PUBLICATIONS

<i>V.A. Livshits</i> (St.-Petersburg) – Three Silver Bowls from the First Burial Ground of Isakovka.....	43
<i>V.P. Alekseev</i> (Odessa) – Monuments of Classical and Scythian Culture from Tyra and Nikonium...	57

DISCUSSIONS

International «Round Table» «The Problems of History and Archaeology of Tauric Chersonesus»

<i>M.I. Zolotarev</i> (Sevastopol) – Archaeological Periodization of Monuments for Tauric Chersonesus	67
<i>S.Yu. Saprykin</i> (Moscow) – Music and Public Life in Tauric Chersonesus in the Imperial Period: a New Look at Inscription IOSPE. I ² , 365	72
<i>V.M. Zubar</i> (Kiev) – On the Interpretation and Dating of Some Monuments, Connected to the Presence of Roman Military Forces in Chersonesus Taurica	85

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>T.V. Kornienko</i> (Voronezh) – «Temples» of Northern Mesopotamia in the Pre-Ceramic Neolithic Age.....	92
<i>E.I. Kononenko</i> (Moscow) – Mixamorphous Creatures in Sumerian Glyptics: an Experiment in Semiotic Research	114
<i>Yu.B. Tzirkin</i> (St.-Petersburg) – The «Phoenician History» of Sanchuniaton	121
<i>M.V. Skrzhinskaya</i> (Kiev) – Olbiopolitai and Bosporanians in Athens.....	133
<i>V.N. Tokmakov</i> (Moscow) – The Role of <i>comitia centuriata</i> in the Development of Military Organization in the Early Roman Republic.....	143

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

International «Round Table» «Ancient South Arabia. New Discoveries»

<i>H.A. Amirkhanov</i> , <i>V.V. Naumkin</i> (Moscow), <i>M.B. Piotrovsky</i> (St.-Petersburg), <i>A.V. Sedov</i> (Moscow) – Researches in South Arabia (20 Years of Work of the Russian Interdisciplinary Mission in the Republic of Yemen)	159
<i>B. Vogt</i> (Bonn), <i>V. Buffa</i> (Rome), <i>U. Brunner</i> (Zürich) – Ma'layba and Bronze Age Irrigation Systems in Lahj	174
<i>C. Edens</i> (Sana'), <i>T.J. Wilkinson</i> (Chicago) – Archaeology and Environment in the Yemen Highlands. The Oriental Institute Dhamar Project	187

IN WORLD MUSEUMS

<i>E.A. Khachaturova</i> (Krasnodar) – History of Antique, Maeotian and Sarmatian Collections of Krasnodar Museum	195
---	-----

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

<i>A. Martin</i> (Rome) – <i>Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomorie. I / Ed. D.V. Zhuravlev</i> (Trudy GIM. 102). Moskva, 1998.....	204
<i>S.M. Perevalov</i> (Vladikavkaz) – <i>Sovremennoe sostoyanie alanskikh issledovaniy v Rossii (Po povodu knigi: T.A. Gabuev. Rannaya istoriya alan po dannym pismennyykh istochnikov. Vladikavkaz, 1999)</i>	207

<i>I.Ye. Yermolova</i> (Moscow) – V.P. B u d a n o v a. Varvaskij mir epokhi Velikogo pereseleniya narodov. M., 2000	215
<i>M.A. Dandamayev</i> (St.-Petersburg) – G. G n o l i. Zoroaster in History (Briennial Yarshater Lecture Series, № 2). Bibliotheca Persica Press. New York, 2000	216

PERSONALIA

<i>GENIO LOCI</i> . The 80th Birthday of Alexandra Ivanovna Pavlovskaya and 50th Anniversary of Her Work at the Soviet and Russian Academy of Sciences	219
--	-----

SCIENTIFIC EVENTS

<i>A.V. Sedov</i> (Moscow) – Scientific Conference «Periodization and Chronological Terminology of Ancient Yemen (Sabeen Meetings, 6)» (Berlin, May 22–25, 2001)	222
<i>O.L. Gabelko</i> (Kazan) – All-Russian Scientific Conference «Antiquity in Contemporary Measurement» held in Kazan State University (November 14–16, 2001)	227

In Memory of Vladimir Danilovich Zhigunin	233
---	-----

SUPPLEMENT

<i>Dictys Cretensis</i> . Ephemeris belli Troiani. Book II. Introduction, Translation and Commentary by <i>V.N. Yarkho</i> (Bordeaux)	236
---	-----

Технический редактор *Н.Н. Беляева*

Сдано в набор 20.02.2002 Подписано к печати 05.04.2002 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Печать офсетная. Усл.печ.л. 20,8+2 вкл. Усл.кр.-отт. 23,3 тыс. Уч.изд.л. 25,7 Бум.л. 8,0
Тираж 1107 экз. Зак. 6015

Свидетельство о регистрации № 0110170 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации

Учредители: Российская академия наук, Отделение истории РАН, Институт всеобщей истории
РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А
Институт всеобщей истории РАН. Тел.: 938-56-28; 938-19-12
Отпечатано в ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6